ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

Бѣлевской публичной библіотеки
Учрежденъ
1858 г. въ памятъ поэта В. А.
Жуковскаго.

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.—КНИГА 10-я.

ОКТЯБРЬ, 1903.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1903.

Стр

I.—ФАМИЛЬНАЯ СТАРИНА.—**Ѳ. Ѳ. Воропонова** 449

II.—ШЕРБЕКСКІЕ ВЫБОРЫ.—Разсказъ изъ фламандскихъ нравовъ.—XII-XXVII. Окончаніе.—**Н. Сѣверова**. 496

III.—„МОТИВЪ РАЗЛУКИ".—Овидій—Шекспиръ—Пушкинъ.—I-VII. — **Ѳ. Зѣлинскаго** 542

IV.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Подходитъ вечеръ.—II. Тѣ ослѣпительные дни.—**А. М. Жемчужникова** 563

V.—ЗАМОКЪ СЧАСТЬЯ.—Романъ.—I-X.—**Валер. Свѣтлова**. 565

VI.—ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО ЗЕМЦА.—VI-IX.—**П. А. Т.** 619

VII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Пѣсня.—II. Вечерняя заря.—**Влад. Маркова**. . . . 679

VIII.—СЕМЕЙСТВО БУДДЕНБРОКОВЪ.—Эскизъ, по роману: „Buddenbrooks. Verfall einer Familie", Rom. v. Thom. Mann.—**З. В.** 682

IX.—ИЗЪ ФРАНСУА КОППЕ.—I. Постриженіе.—II. Покинутая комната.—Перев. **Н. Б. Хвостовъ** 728

X.—РЕЛИГІОЗНО-ПСИХИЧЕСКІЯ ЭПИДЕМІИ.—Изъ психіатрической экспертизы.—Д-ра **П. Якобія** 732

XI.—ХРОНИКА.—Послѣднее десятилѣтіе нашихъ финансовъ.—**В. В.** . . 759

XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—С. Ю. Витте, какъ государственный дѣятель.—Главные вопросы реформы мѣстнаго управленія: уѣздный начальникъ, губернское земство, губернаторская власть. — Еще о законѣ 2-го іюня: рабочіе, не подходящіе подъ его дѣйствіе;—временной его характеръ;—профессіональныя болѣзни; — размѣръ вознагражденія; — процессуальныя правила.—Похвала, слишкомъ похожая на панегирикъ 776

XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Посѣщеніе Государемъ Императоромъ австрійскаго императора въ Шенбруннѣ. — „Замѣтка" славянскаго благотворительнаго общества въ Болгаріи о македонскомъ вопросѣ. — Дипломатія великихъ державъ и правительственное сообщеніе.—Печальная роль кабинетовъ относительно Македоніи и Турціи.—Внутренній кризисъ въ Сербіи. —Австрійскія дѣла.—Правительственныя перемѣны въ Англіи 799

XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Къ 75-лѣтію гр. Л. Н. Толстого, П. Драганова. —**А. П.** — II. Гр. Л. Н. Толстой, его жизнь, семья и пр., въ портретахъ, гравюр. и т. д. — III. Сочиненія А. С. Пушкина, редакція П. Ефремова и П. Морозова.—IV. Очерки современной Англіи, Діонео.—V. Путешествіе по Греціи, Евг. Маркова. — VI. Этнографическіе очерки Зарафшанскихъ горъ, А. Семенова. — VII. Вѣщій Олегъ, Болгарія и Македонія. —VIII. Кавказское побережье Чернаго моря, С. Васюкова.—IX. Литературныя характеристики, А. Бороздина.— **Евг. Л.**— X. Законодательство о печати, К. К. Арсеньева. — XI. Г. Тумановъ, Разбои и реформа суда на Кавказѣ.—XII. Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1901 г.—XIII. Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества, томъ CXV.—**М. Г-анъ.**—Новыя книги и брошюры 815

XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Francesco Invrea, Il comune et la sua funzione sociale. — **М. З—ковъ**. — II. Paul Adam, La Ruse, roman. — **З. В.** 856

XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Слухи о централизаціи учебнаго дѣла. —Министерство финансовъ и школа.—Параллель между двумя министрами. —„Гражданинъ" и „Литературный фондъ". — Инцидентъ на ярославскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ.—Разъясненіе одного спорнаго понятія.—Гомельскіе безпорядки.—Юбилей „Русскихъ Вѣдомостей" 873

XVII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, книга 1-я, въ 3-хъ томахъ. — Иллюстрированная исторія русскаго театра, И. Н. Божерянова и Н. Н. Карпова, т. I, вып. 1. — Женщина-домашній врачъ, д-ра мед. Анны Фишеръ-Дюкельманъ. — Семья и ея задачи, съ норвежскаго перев. А. и П. Ганзенъ.

XVIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII стр.

Сокинъ Пр.

Сист. 05

ФАМИЛЬНАЯ СТАРИНА

ОЧЕРКИ.

49 г

22481

Бѣлевской публичной библіотеки. Учрежден. 1858 г. въ память В. А. Жуковскаго.

Инв. № 38

Доживъ до преклоннаго возраста и повидавъ на своемъ вѣку не мало не лишенныхъ общественнаго интереса явленій, поддаюсь теперь общей многимъ старикамъ склонности—разсказать видѣнное и слышанное въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ. Вращался я и въ провинціальной жизни, и въ столичномъ литературномъ мірѣ, и въ разныхъ областяхъ служебной дѣятельности, а къ тому же не мало сохранилось у меня и фамильныхъ преданій. Все это предположилъ я использовать въ формѣ ряда очерковъ, которымъ мои автобіографическія черты послужатъ связующею нитью.

Начать считаю лучшимъ—съ предковъ и тѣхъ сферъ, въ которыхъ они жили.

Я происхожу отъ предковъ изъ двухъ губерній: по мужской линіи изъ курской, а по женской—изъ херсонской. Поэтому и родовыя преданія мои относятся къ двумъ сферамъ давняго прошлаго. Прадѣдъ мой по мужской линіи былъ значительный курскій помѣщикъ, капитанъ артиллеріи Воропоновъ, участвовавшій еще въ семилѣтней войнѣ. Прадѣдъ же по женской линіи былъ крупный херсонскій помѣщикъ подполковникъ Звѣревъ, на дочери котораго женился мой курскій дѣдъ, послѣ чего и самъ переселился въ херсонскую губернію, куда перевелъ изъ курской и группу крестьянъ. Изъ курскаго наслѣдства ничего не дошло даже до моего отца, но изъ Звѣревскаго отцу досталось небольшое херсонское имѣніе (село Константиновка, елисаветградскаго уѣзда), гдѣ я родился и провелъ часть своего дѣтства. Переходъ дѣда изъ одной губерніи въ другую, впрочемъ, не разрывалъ отношеній его семейства съ его родиною. И самъ онъ, и мой

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

И

отецъ, поддерживали связи съ курскими родственниками, да и мнѣ впослѣдствіи много разъ приходилось бывать въ курской губерніи, вблизи отъ родовыхъ гнѣздъ, и слушать не мало о фамильной старинѣ.

Курскія родовыя преданія главнымъ образомъ касаются разныхъ бытовыхъ чертъ давняго помѣщичьяго общества, а херсонскія имѣютъ связь и съ исторіею заселенія и устройства новороссійскаго края, такъ какъ Звѣревъ былъ въ нѣкоторомъ свойствѣ съ однимъ изъ главныхъ заселителей этого края, исторически извѣстнымъ Хорватомъ (дочь Звѣрева, а моей бабки сестра была за племянникомъ жены Хорвата), служилъ въ штабѣ крупнаго военнаго мѣстнаго администратора генералъ-аншефа Текелли и зналъ не мало участниковъ заселенія, память о которомъ въ его время была еще очень свѣжа.

Главнымъ источникомъ дошедшихъ до меня преданій были разсказы отца—человѣка наблюдательнаго, очень интересовавшагося стариною, много слышавшаго о ней и удерживавшаго до старости массу преданій въ своей памяти, только ничего о нихъ не записывавшаго. Хотя его разсказы были живы, рельефны и характерны, но отецъ не думалъ пользоваться ими для печати,—что̀ въ его время рѣдко кому и въ голову приходило,—тѣмъ болѣе, что печатныхъ органовъ въ ту пору вообще было очень мало, и воспоминаніями старины интересовались они слабо. Иныя же черты старины доходили до меня и съ другихъ сторонъ. Кое-что изъ слышаннаго я записывалъ, а изъ остального матеріала за десятки лѣтъ не мало забылось, несмотря на то, что природа далеко не обидѣла меня памятью. Во всякомъ случаѣ уцѣлѣвшее передаю въ томъ видѣ, въ какомъ оно у меня сохранилось.

I.—Курскія преданія.

Фамилія наша—одна изъ давнихъ въ Россіи. Отдѣльные представители ея встрѣчаются и въ вологодской, и въ новгородской, и—какъ я слышалъ — въ саратовской губерніяхъ, но главная масса ихъ сосредоточилась въ курской. Вѣтвь же ея, попавшая въ херсонскую, тамъ не удержалась и съ моимъ выходомъ оттуда совсѣмъ тамъ исчезла, такъ какъ моя связь съ этою губерніею—только документальная. Дворянская грамота 1785 года застала нашу фамилію уже какъ давнюю, и при составленіи курской дворянской родословной книги прадѣду моему, Ѳедору Ѳедоровичу, въ мартѣ 1790 года выдана была о томъ грамота, за под-

писью губернскаго предводителя дворянства и девяти уѣздныхъ депутатовъ. Но преданія и письменные слѣды говорятъ и о болѣе раннихъ предкахъ.

По одному изъ преданій, родоначальникъ нашъ пришелъ на службу въ Московское государство въ XV вѣкѣ изъ Литвы, бѣжавъ отъ тирана литовскаго, князя Сигизмунда, брата Витовтова, убитаго своими подданными. Но это—туманное преданіе

Приблизительно около эпохи „смутнаго времени“ жилъ въ окрестностяхъ Рыльска Петръ Воропоновъ, имѣвшій сына Алексѣя, жалованнаго вотчинами и верстаннаго помѣстьемъ и денежнымъ окладомъ, и внука Матвѣя. Послѣдній, въ правленіе царевны Софіи, былъ написанъ въ спискѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, тоже съ помѣстьемъ и денежнымъ окладомъ. У него было два сына: Иванъ большòй, да Иванъ меньшòй, отъ которыхъ пошли двѣ вѣтви, утвердившіяся въ сѣверныхъ уѣздахъ курской губерніи. Вѣтвь Ивана меньшòго, къ которой принадлежу я, теперь по составу очень невелика; значительнѣе — вѣтвь Ивана большòго, но свѣдѣній о ней у меня гораздо меньше, и тѣ касаются только давнихъ временъ. Въ числѣ ея представителей былъ одинъ лейбъ-кампанецъ, т.-е. участникъ дворцоваго переворота, возведшаго на престолъ императрицу Елисавету. Это былъ Иванъ Воропоновъ, закончившій свою карьеру при расформированіи лейбъ-кампаніи, въ первые дни екатерининскаго царствованія, полученіемъ отставки съ чиномъ секундъ-маіора.

Объ этомъ лейбъ-кампанцѣ въ дошедшихъ до меня преданіяхъ сохранился только одинъ анекдотъ. Извѣстно, какъ императрица Елисавета баловала лейбъ-кампанцевъ, помня оказанную ими ей 25-го ноября 1741 года услугу. Она нерѣдко устроивала имъ угощенія, на которыхъ сама присутствовала, обходилась съ ними особенно ласково и позволяла имъ держать себя въ ея присутствіи довольно свободно; а такъ какъ они большею частью были люди грубые, неотесанные, то и давали себѣ волю въ словахъ и разныхъ выходкахъ. Вотъ однажды явились къ императрицѣ лейбъ-кампанцы поздравить ее съ праздникомъ Пасхи. Разговаривая съ ними, Елисавета, между прочимъ, показала имъ диковинку: поднесенные ей какимъ-то иностранцемъ часы, которые пѣли „Христосъ воскресе“. Послушали лейбъ-кампанцы, какъ пропищалъ нѣмецкій механизмъ, и вдругъ Иванъ Воропоновъ громко захохоталъ: „Вотъ нѣвидаль, великое чудо смастерилъ нѣмецъ, да я поискуснѣе его буду! Нѣмецкая-то машинка еле пищитъ, а у меня своей работы ребята какъ гаркнутъ Христосъ воскресе, такъ у всѣхъ въ ушахъ затрещитъ и

самъ нѣмецъ оглохнетъ!“ И шутка эта принята была съ благосклонною снисходительностью.

Изъ той же вѣтви былъ генералъ-адъютантъ Николай Ѳаддеевичъ Воропоновъ, который при императорѣ Николаѣ Павловичѣ командовалъ гвардейскимъ Финляндскимъ полкомъ, чѣмъ-то отличился въ день 14-го декабря 1825 года, получилъ за это въ генералъ-маіорскомъ чинѣ генералъ-адъютантское званіе и умеръ во время первой Николаевской турецкой войны, въ которую отличался подъ Варною. О немъ упоминалъ въ своихъ воспоминаніяхъ знавшій его С. Т. Аксаковъ. Отецъ мой зналъ его, будучи еще юнкеромъ дворянскаго кавалерійскаго эскадрона въ Петербургѣ, въ 1815 — 1817 годахъ, когда Николай Ѳаддеевичъ состоялъ, кажется, въ капитанскомъ чинѣ. Встрѣчались они по родственному, сердечно, несмотря на дальность родства, такъ какъ въ ту пору родственныя связи чувствовались гораздо сильнѣе, чѣмъ теперь. Николай Ѳаддеевичъ приходился четверороднымъ братомъ моему дѣду, а потому отецъ называлъ его дядюшкою. Разсказывая о немъ, какъ о человѣкѣ очень добромъ, отецъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, представлялъ его такимъ усерднымъ „службистомъ“, въ которомъ это увлеченіе нерѣдко доходило до комизма. Когда у нихъ заходила рѣчь о службѣ, то Николай Ѳаддеевичъ, поучая племянничка, доходилъ до того, что будучи въ своей квартирѣ въ халатѣ и туфляхъ, принимался въ этомъ видѣ маршировать по комнатѣ, заворачивая полы халата, чтобы явственнѣе показывать всѣ тонкости маршировальнаго искусства.

У того Ивана Матвѣевича (меньшóго), который былъ предкомъ нашей вѣтви, былъ сынъ Ѳедоръ Ивановичъ, служившій какимъ-то „фискаломъ“, но больше о немъ свѣдѣній до меня не дошло, а его сынъ былъ прадѣдъ мой Ѳедоръ Ѳедоровичъ, поселившійся, послѣ отставки въ 1763 году, въ наслѣдственномъ имѣніи своемъ с. Вѣтреномъ (нынѣ льговскаго уѣзда, курской губерніи). Отъ его времени фамильныя преданія мои становятся уже полнѣе и документальнѣе. Ѳедоръ Ѳедоровичъ зачисленъ былъ на службу почти мальчикомъ и былъ въ какомъ-то артиллеріи фузелерномъ батальонѣ. Участвовалъ въ семилѣтней войнѣ, причемъ, по словамъ его указа объ отставкѣ, „былъ въ походахъ съ 1758 г. при заграничной арміи и на баталіяхъ: 1759 іюля 12-го на Палцыхской (Пальцигъ) и августа 1-го числа на Франкфорской“ (Куннерсдорфъ). Въ послѣдней баталіи „при сраженіи съ непріятелемъ отъ раздавленія лошадьми патроннымъ ящикомъ повреждена у него грудь“. По окончаніи же войны, онъ, „всходствіе состоявшагося о вольности дворянства именного

указа, за показанными болѣзнями, отъ воинской и статской службы отставленъ вовсе съ награжденіемъ капитанскаго чина" и „отпущенъ въ домъ на его пропитаніе".

Мѣстность нынѣшней курской губерніи, гдѣ поселился прадѣдъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, была въ то время и долго послѣ того еще полудикою страною. Жестокими нравами, буйными склонностями отличался не только простой народъ, но и высшій классъ населенія. Еще не очень задолго до того была тамъ окраина Московскаго государства, гдѣ селились люди, не боявшіеся безпокойнаго сосѣдства, а напротивъ, сами умѣвшіе безпокоить кого угодно, привычные къ набѣгамъ, захватамъ и всякаго рода непріязненнымъ дѣйствіямъ. Для жизни тамъ годился только очень бойкій человѣкъ, которому ни почемъ все то, что̀ пугаетъ обыкновеннаго, мирнаго обывателя. Тамъ въ старину заведены были поселенія, обязанныя сторожить границу и, въ случаѣ надобности, сейчасъ брать въ руки оружіе. Отъ этой эпохи сторожевой службы остались названія нѣкоторыхъ деревень: Стрѣлецкія, Пушкарныя, Солдатскія, Казацкія и т. под. Шла въ нынѣшнюю курскую губернію и колонизація изъ Малороссіи, во время тамошняго смутнаго времени, причемъ тоже приходилъ преимущественно болѣе предпріимчивый народъ. Хохлы селились въ сосѣдствѣ съ великоруссами, такъ что деревни тѣхъ и другихъ нерѣдко располагались вперемежку, постепенно оказывая бытовыя вліянія другъ на друга, однако далеко не доводя до сліянія. Съ теченіемъ времени хохолъ отпускалъ бороду и усвоивалъ кое-какія великорусскія пѣсни и слова обыденнаго обихода, а великоруссъ научался бѣлить свою избу на хохлацкій манеръ и вводилъ нѣсколько бо̀льшую опрятность въ домашнюю жизнь; только хохолъ не отставалъ отъ привычки строить хату на курьихъ ножкахъ, а великоруссъ сохранялъ склонность строиться просторнѣе, солиднѣе, срубомъ, вѣнцами. Послѣдствія этого видны и теперь; живутъ тѣ и другіе хотя въ близкомъ сосѣдствѣ, но другъ отъ друга особнякомъ, рѣдко смѣшиваясь семейно.

Если нравы XVIII вѣка вездѣ были гораздо грубѣе нынѣшнихъ, то въ курской губерніи, подъ дѣйствіемъ тогда еще свѣжихъ пограничныхъ преданій и разныхъ мѣстныхъ особенностей, они были еще жесточе, чѣмъ въ другихъ областяхъ. Условія тревожной жизни, преемственность проявленій взаимной человѣческой вражды и обостренной борьбы, были добавочнымъ источникомъ огрубленія нравовъ и если, съ одной стороны, развивали самостоятельность, смѣлость и предпріимчивость, то съ другой—

пріучали къ необузданности и преступленіямъ, главными видами которыхъ являлись: разбой, грабежъ и конокрадство. Все это было въ курской губерніи дѣломъ обычнымъ, какимъ занимались люди всѣхъ классовъ населенія. Мѣста въ ту пору были тамъ еще малолюдныя, лѣсистыя, многоводныя. Гдѣ-нибудь въ лѣсной глуши, вдали отъ проѣзжихъ дорогъ, или на окруженномъ прудами и водными протоками полуостровѣ заводился хуторокъ въ одну-двѣ избы и становился притономъ для грабителей, разбойниковъ и воровъ, а также складомъ для преступной добычи, и такого притона часто не рѣшалось коснуться даже начальство, не столько изъ корысти, сколько изъ страха. Обирали и убивали проѣзжихъ, разбивали обозы, товары увозили и потомъ сбывали; кража лошадей практиковалась ежедневно. Организація перевозки, перегона скота, сбыта, воровскихъ агентуръ—вполнѣ процвѣтала. Теперь подобные пункты оголились отъ лѣсовъ и совершенно обсохли, многіе пруды убѣжали, рѣчки превратились въ ручейки, а изъ хуторовъ выросли значительныя деревни, но въ иныхъ изъ этихъ деревень еще не забылось грабительское происхожденіе первоначальнаго заселенія. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, и теперь отличающихся промысломъ конокрадства, случается слышать объясненіе, что этотъ промыселъ представляетъ своего рода форму вырожденія давняго разбоя, который долженъ былъ прекратиться вслѣдствіе бо́льшаго заселенія мѣстности, свода лѣсовъ, а затѣмъ и проведенія желѣзныхъ дорогъ. Долго въ широкихъ окрестностяхъ курской губерніи держалось повѣрье, что „курянинъ“—человѣкъ недобрый, опасный, который и за грошъ зарѣжетъ. Съ большими предосторожностями и опасеніями приходилось разъѣзжать по этой странѣ, особенно—совершая сколько-нибудь дальній путь и при необходимости остановокъ въ незнакомыхъ мѣстахъ. Вотъ, между прочимъ, разсказъ моего дѣда.—Пришлось ему разъ, во время такого пути, остановиться для ночлега на постояломъ дворѣ. При тѣснотѣ и крайней невзыскательности помѣщенія, онъ долженъ былъ улечься въ томъ же покоѣ, гдѣ и хозяйское семейство. И вотъ, среди ночи онъ слышитъ сквозь сонъ, какъ сползшій съ палатей мальчикъ, хозяйскій сынъ, въ полголоса говоритъ своему отцу: „Тятька, тятька, зарѣжь хохла!“—Ну тебя, угомонись, что̀ плетешь зря, померещилось тебѣ со сна, что-ли!—унимаетъ его отецъ, видимо опасающійся, что постоялецъ еще не заснулъ. Но глупый мальчикъ, не понимая, продолжаетъ приставать: — „Зарѣжь, тятька, зарѣжь! люблю я глядѣть, какъ зарѣзанный трепещется“!.. Конечно, сонъ у дѣда пропалъ, и онъ, подавая наружные признаки бодрствованія,

кое-какъ промаялся до разсвѣта и поспѣшилъ уѣхать; но случай этотъ внушительно показалъ, какъ обычны были на постояломъ дворѣ расправы съ проѣзжимъ хохломъ.

Славилась особымъ обиліемъ преступленій рыльская окру́га, отчего Рыльскъ долгое время пользовался крайне дурною репутаціею. Его прозывали даже „чортовой бабушки приданымъ“, и въ населеніи сложили про него злобную легенду. Когда Христосъ, послѣ крещенія, сорокъ дней постился въ пустынѣ и былъ искушаемъ отъ діавола, то послѣдній, обѣщая ему за поклоненіе всѣ царства земныя, счелъ однако нужнымъ сдѣлать исключеніе для Рыльска, выразившись при этомъ приблизительно въ такой риѳмованной формѣ:

„Всѣ отдамъ тебѣ царствія мірска,
Не отдамъ только вѣрнаго Рыльска,
Бабушки моей приданаго“...

Разбойничьи и воровскія шайки организовывались не только проходимцами, представителями какого-нибудь случайнаго сброда, но даже и нѣкоторыми помѣщиками, которые набирали ихъ изъ своихъ крестьянъ и всякихъ охотниковъ, такъ что въ этой мѣстности къ безчеловѣчію крѣпостного права присоединялся еще одинъ изъ самыхъ ужасныхъ видовъ развращенія, вводимый и поддерживаемый людьми, власть имѣющими. И не захудалые только потомки дворянскихъ фамилій попадали въ подобные организаторы, но и люди вполнѣ состоятельные, по тогдашнему образованные, т.-е. грамотные и знакомые съ законами. Другіе если не лично участвовали въ разбояхъ и хищеніяхъ, то явно мирволили конокрадству, поощряя къ нему своихъ крестьянъ. Очень своеобразны бывали типы подобныхъ людей. Иные изъ нихъ во внѣшней жизни проявляли набожность, благочестіе, а въ дѣлахъ давали широкую волю неистовымъ инстинктамъ стяжанія, показывая, что понятіе о религіи у нихъ шло ничуть не дальше обязательности обрядовъ. Стойтъ такой человѣкъ въ церкви, усердно кладетъ на себя большіе кресты, совершаетъ земные поклоны, дома на виду творитъ громкое молитвословіе, никогда не нарушитъ установленнаго поста, не оскоромится каплею молока ни въ среду, ни въ пятницу, но вся окру́га знаетъ и на себѣ чувствуетъ, чѣмъ онъ занимается. Были фамиліи, прославившіяся преступными подвигами. Не избѣгли участія въ такихъ подвигахъ и представители нашей фамиліи, только—не нашей вѣтви. Не лишнимъ будетъ остановиться на нѣкоторыхъ портретахъ подобнаго рода, какъ очертили ихъ давнія преданія.

Вотъ довольно значительный помѣщикъ, котораго имени въ точности не помню и назову Ипатомъ Семеновичемъ. Стоитъ онъ въ своей спальнѣ предъ иконою и громко молится, временами поглядывая на дворъ въ открытое окно. Слышится сопровождаемое воздыханіемъ: „Беззаконіе мое азъ знаю и грѣхъ мой предо мною есть выну“... Но вдругъ перерывъ:—Ванька, ты это что мерина запрегъ, а не сивую кобылку, вотъ я тебя!—Затѣмъ опять къ иконѣ; но какъ дошелъ до „согрѣшихъ паче числа песка морскаго, умножишася беззаконія моя...“—тутъ прерываетъ его вниманіе показавшаяся изъ кухни Грунька:—Ахъ ты, поганка, что̀ птицѣ столько зерна сыплешь! Вотъ, погоди, ужо̀ я до тебя доберусь!—И снова глубокое воздыханіе съ возгласомъ: „Виждь смиреніе мое и трудъ мой“...—пока не отвлечетъ вниманія провинившійся чѣмъ-то Сенька, которому уже обѣщается безотлагательная расправа.

Вёснами нерѣдко въ домѣ Ипата Семеновича повторялась одна и та же сцена. Является слуга и докладываетъ барину, что пришли съ слезною просьбою мужики. Ипатъ Семеновичъ велитъ впустить. Входятъ нѣсколько пожилыхъ: „Здравствуйте, батюшка, Ипатъ Семеновичъ!“—Здравствуйте, здравствуйте, дѣтки, радъ васъ видѣть,—милостиво встрѣчаетъ баринъ.—Ну, что̀, какъ живете-можете, съ чѣмъ пришли?—„Плохо, охъ, плохо, кормилецъ, ужъ коли ты, отецъ родной, не выручишь, не знаемъ какъ и быть“.—Что̀ такъ, какая такая бѣда стряслась?—„Да вотъ, батюшка баринъ, самъ видишь, Богъ весну далъ, а намъ и пахать-то нечѣмъ. У кого были лошаденки, то съ осени либо подохли, либо сами не знаемъ, какъ пропали, а кто и продалъ, чтобъ прокормиться зиму; самъ хорошо знаешь, какъ по хозяйству бываетъ. Ну, такое теперь несчастіе, что и ума не приложимъ, а время не ждетъ, самая пора для работы; помоги, кормилецъ, выручи!“—И всѣ падаютъ въ ноги.

— Эхъ вы, непутёвыя вы дѣтки, непутёвыя! Какъ можно дойти до такой бѣды? Что̀ мнѣ съ вами дѣлать? Ну, да жаль мнѣ васъ, надо чѣмъ-нибудь помочь, дайте только надумать!—„Надумай, отецъ родной, надумай!“—Ипатъ Семеновичъ сидитъ нѣсколько минутъ, приставя палецъ ко лбу, и наконецъ разрѣшается восклицаніемъ: — Развѣ вотъ что̀! Ванька, а, Ванька! Отпусти имъ по горсти пеньки на обро̀ти! — Мужики опять въ ноги: „Спасибо, баринъ, великое тебѣ спасибо за твою отеческую милость!“ Ванька, ключникъ, выдаетъ жалованную пеньку, и мужики уходятъ вполнѣ удовлетворенные. Выдача эта оказывалась имѣющею символическое, хорошо всѣми понимаемое зна-

ченіе: изъ пеньки сдѣлай себѣ обрòть, а на эту обрòть коня добудь, гдѣ самъ знаешь, только, смотри, не попадайся! Не много времени проходитъ, и мужики всѣ съ лошадками, земля благополучно обработывается и хозяйство до осени налажено.

Не разъ пробовали обкрадываемые ловить этихъ мужиковъ, да почти всегда безполезно. У опытныхъ воровъ вездѣ такъ искусно устроены караулы, да развѣдки, что обиженные все оставались въ дуракахъ. Краденыя лошади хитро припрятаны, слѣдовъ нѣтъ, а гдѣ понадобится — воры и силою отпоръ дадутъ. Многіе хорошо знали, кто воруетъ, а прямыхъ уликъ нѣтъ. Пожалуются Ипату Семеновичу на его мужиковъ, а у него всегда одинъ отвѣтъ: „Знаете поговорку—не пойманъ, не воръ! Поймайте, такъ виноватаго не помилую". — И точно не миловалъ. Хотя крали не въ близкомъ сосѣдствѣ, чтобъ отыскивать было мудренѣе, но чуть ворованая лошадь выслѣжена, Ипатъ Семеновичъ строгъ къ своему мужику: „А, попался,—скажетъ,—теперь и отвѣтъ держи; я ворамъ не потакаю"! Накажетъ виновнаго примѣрно, обдеретъ какъ липку, и истца удовлетворитъ. Значитъ, не ловись! Но если уликъ нѣтъ, такъ хоть волкомъ вой—удовлетворенія не будетъ.

Самъ онъ бывалъ остороженъ, однако случалось, что краденыя лошади попадали и къ нему. Былъ разъ такой случай. Ѣдетъ Ипатъ Семеновичъ изъ города домой на тройкѣ, вдругъ останавливаетъ его на дорогѣ какой-то мужикъ: „Батюшка, Ипатъ Семеновичъ!"—А что, голубчикъ?—„Да лошадь свою у васъ призналъ,—вотъ, пристяжная, рыжая".—Ипатъ Семеновичъ разспросилъ,—мужикъ говоритъ доказательно.

— Ишь ты, грѣхъ какой, и какъ это она взаправду ко мнѣ попала! Ну, да коли твоя, такъ нечего дѣлать, голубчикъ, бери! —отвѣчаетъ Ипатъ Семеновичъ. Мужикъ выпрягаетъ лошадь, и баринъ продолжаетъ путь уже на парѣ. Проѣхалъ онъ нѣсколько верстъ, опять встрѣчный предъявляетъ точно такую же претензію, и послѣ подобнаго же разговора слѣдуетъ такой же конецъ: —Что дѣлать, коли впрямь твоя лошадь, такъ бери!—Умудрился Ипатъ Семеновичъ поплестись уже на одной лошадкѣ, но не успѣлъ доѣхать до дому, какъ и ее опознали.—Ну, голубчикъ,—говоритъ онъ претенденту,—дай хоть до дому добраться, а тамъ пожалуй возьми себѣ, мнѣ чужого не надо!—И доѣхавъ до усадьбы, отдалъ безпрекословно. А мужикамъ не до преслѣдованія,—рады, что свое вернули.

Пытались усовѣщивать Ипата Семеновича и окрестные помѣщики, но тоже, кромѣ ссылки на поговорку: „не пойманъ—

не воръ", ничего добиться не успѣвали. Наконецъ, сговорились послать къ нему депутатомъ одного его родственника,—авось, дескать, родного человѣка постыдится. Пріѣзжаетъ родственникъ, здоровается.—Здравствуй, братѣчекъ, здравствуй!—ласково встрѣчаетъ его Ипатъ Семеновичъ.—Что давно не жаловалъ, я ужъ и соскучился по тебѣ. — Договорились до цѣли пріѣзда, и гость объясняетъ, что пріѣхалъ, дескать, посломъ, а посла ни сѣкутъ, ни рубятъ.—Такъ, братѣчекъ, такъ, это ты вѣрно сказалъ, только отъ кого же это ты теперь въ послахъ?—„Да, вотъ, прислали меня такіе-то поплакаться на твоихъ мужиковъ,—очень ужъ обижать стали, столько поворовали лошадей, что просто житья не стало". —Что ты напраслину наносишь, мои мужики смирные, никого не трогаютъ.—„Ну, какъ не трогаютъ; вотъ и тамъ-то, и тамъ поворовано, и все твои".—А что-жъ, развѣ накрыли кого изъ моихъ? Коли кто виноватъ, выслѣди, докажи, я вора не пожалѣю.—„Гдѣ имъ попадаться, ужъ больно изловчились, хорошо прячутъ, а всѣмъ извѣстно, кто воруетъ. Уйми ихъ ты, какъ самъ знаешь, помилосердуй, вѣдь это же грѣхъ, Ипатъ Семеновичъ, сосѣдей разорять".—А я тебѣ на это одно скажу: не поймалъ—не воръ, а пустымъ розсказнямъ не вѣрь. Поймаешь, будь увѣренъ, не помилую. Я не потатчикъ какой-нибудь, не буду въ томъ и попу каяться; самъ неповиненъ, и мужики мои тоже.—Принялся гость убѣждать разными нравственными разсужденіями, долго говорилъ, а Ипатъ Семеновичъ все слушаетъ да улыбается. Наконецъ гость заключаетъ такъ: „Самъ разсуди, отговариваться-то легко, а вѣдь надо и Бога помнить; подумай хоть о томъ: какъ обиженный-то взмолится Богу, да поставитъ на обидчика свѣчку, вѣдь обидчику-то тяжко придется!"—Экой ты, братѣчекъ,—разрѣшился, посмѣиваясь, Ипатъ Семеновичъ:—вотъ и видно, что еще молодъ, неразсудливъ: вѣдь обиженному-то и грошевую свѣчку поставить накладно, а обидчику и рублевая ни-почемъ! Ну, чтожъ...

Кохановская, передавая въ своей „Старинѣ" воспоминанія, относящіяся приблизительно къ той же мѣстности, и коснувшись господствовавшихъ тамъ разбоевъ, между прочимъ, упоминаетъ о шайкѣ дворянъ Воропоновыхъ, дѣйствовавшей въ окрестностяхъ рѣки Сейма, протекающей чрезъ нынѣшніе путивльскій, рыльскій и льговскій уѣзды. По ея словамъ, обширная шайка эта была наконецъ выслѣжена, захвачена, предана судебной отвѣтственности и понесла должную кару; а много спустя послѣ того, поплатился самоубійствомъ младшій сынъ главнаго организатора, бывшій во время подвиговъ своего отца еще малолѣт-

комъ. По дошедшимъ до меня преданіямъ дѣло происходило такъ.

Организаторомъ, руководителемъ и непосредственнымъ участникомъ шайки былъ отставной прокуроръ, по имени, кажется, Николай Семеновичъ. Состоя прежде на службѣ, онъ, изучивъ тогдашнее приказное дѣло въ совершенствѣ, воротилъ законами и судопроизводными порядками такъ искусно, какъ немногіе въ ту пору. Свода Законовъ тогда еще не было, и источникомъ законовѣдѣнія оставалась совокупность давнихъ постановленій, включительно съ до-Петровскими, и массы позднѣйшихъ разнорѣчивыхъ указовъ, что̀ давало возможность приказнымъ подыскивать для каждаго отдѣльнаго случая наиболѣе подходящій указъ съ умалчиваніемъ о другихъ. Николай Семеновичъ до того изощрился въ обращеніи съ этимъ матеріаломъ, что въ случаѣ надобности могъ цитировать многое на память съ полною буквальностью, и потому считался такимъ дѣльцомъ, борьба съ которымъ почти невозможна. И вотъ, обладая столь обширными познаніями, онъ, засѣвъ послѣ отставки въ деревню, рѣшилъ перемѣнить прежній недобросовѣстный образъ дѣйствій на новый, грабительскій и разбойный. Шайку онъ образовалъ главнымъ образомъ изъ своихъ крестьянъ, припуская, конечно, и болѣе подходящихъ сторонніхъ. Скоро онъ сдѣлался грозою широкой окру́ги и быстро умножалъ свое богатство. Грабили и убивали проѣзжихъ, подстерегали и разбивали обозы, товары увозили и сбывали черезъ различныя агентуры и т. п. Зарилось на Николая Семеновича начальство, пытались придираться мѣстные чиновники, ненавидѣли сосѣди, но подступиться было трудно, такъ какъ кромѣ того, что слѣды скрывались искусно и каждый долженъ былъ страшиться отпора силою, отставной прокуроръ ловко умѣлъ отписываться и запутывать самихъ преслѣдователей кляузами и протестами такъ, что они же большею частью оставались виноваты. Долго надъ мѣстностью тяготѣла гроза Николая Семеновича, но пришелъ и на него черный день. Разъ его шайка подстерегла гдѣ-то въ лѣсу большой обозъ товаровъ. Провожатыхъ перерѣзали, а товары повезли глухими путями къ деревнѣ; но какъ ни зорки были сподвижники Николая Семеновича—на этотъ разъ проглядѣли, что бывшій при обозѣ мальчикъ успѣлъ убѣжать и спрятаться въ чащу кустовъ. Съ своего наблюдательнаго пункта юркій мальчикъ видѣлъ всю расправу съ провожатыми и замѣтилъ направленіе, по какому двинулись разбойники. Какъ только они исчезли изъ виду и миновала опасность для него самого, мальчикъ быстро далъ знать мѣст-

нымъ властямъ, поднялъ тревогу, а власти на этотъ разъ тоже собрались такъ скоро и удачно, что настигли преступниковъ по самымъ горячимъ слѣдамъ, торжествуя, что удалось наконецъ изловить самого Николая Семеновича, на котораго такъ долго и безплодно точили зубы. Произвели тщательный обыскъ въ деревнѣ, нашли въ кладовыхъ и погребахъ груды товаровъ, нашли трупы и человѣческія кости, словомъ—застигнутая врасплохъ шайка предстала въ такомъ обличенномъ видѣ, что и запираться безполезно. Потащили всѣхъ въ острогъ, вмѣстѣ съ Николаемъ Семеновичемъ, и началось судебное дѣло. Всѣ участники должны были повиниться, разсказали новое и прежнее и скоро ушли въ Сибирь, но не такъ легко было справиться съ Николаемъ Семеновичемъ, въ которомъ выступилъ во всемъ блескѣ старый прокуроръ. Онъ упорно продолжалъ оправдываться, несмотря на всѣ улики и тюремное томленіе, твердя одно:—Знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю; неповиненъ яко агнецъ, ведомый на заколеніе, терплю муку за правду и чаю за то мзды многія на небесѣхъ!—И во время слѣдствія, и на судѣ онъ ни одного существеннаго преслѣдовательнаго шага не оставлялъ безъ возраженій. Что ни сдѣлаютъ судебные чины—на все готова жалоба и протестъ, съ указаніемъ, что тамъ-то нарушена такая-то формальность, здѣсь не соблюденъ такой-то указъ и т. п. Дадутъ ему очную ставку съ участниками разбоя—Николай Семеновичъ заявитъ, что противъ него показываютъ по злобѣ, разскажетъ небылицу о причинахъ этой злобы, да такъ все складно и гладко, что даже на правду похоже, а въ заключеніе прибавитъ, что при таковыхъ обстоятельствахъ показанію, всходствіе такого-то указа, вѣры давать не подлежитъ. Высшія инстанціи онъ тоже засыпалъ жалобами на судебное пристрастіе. Посылалъ даже прошенія государю, увѣряя въ своемъ неповинномъ страданіи и напоминая ему объ обязанности быть защитою невинныхъ и о судѣ Божіемъ. Послѣ многихъ подобныхъ жалобъ и воззваній дошло до того, что сдѣлано было распоряженіе не давать уже Николаю Семеновичу ни пера, ни бумаги, ни законовъ. Если онъ, въ концѣ концовъ, и не избѣгъ заслуженной кары, то все-таки достигъ того, что дѣло не разъ переслѣдовалось и пересматривалось, что измаялъ судей неутомимымъ запутываніемъ и затянулъ процессъ десятка на два лѣтъ, хотя все это время самъ томился въ заключеніи, дождавшись тамъ большой старости.

Находясь уже въ такомъ положеніи, онъ, предъ окончательнымъ своимъ осужденіемъ, еще разъ имѣлъ случай показать свой блестящій прокурорскій талантъ, о чемъ разсказывалъ моему

отцу, много спустя послѣ того, уже въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія, самъ выручennый Николаемъ Семеновичемъ изъ бѣды дальній его родственникъ, Степанъ Ѳедоровичъ.

Съ этимъ послѣднимъ тоже случилось скверное дѣло. Былъ въ губерніи помѣщикъ П.,—человѣкъ скромный, тихій, безвольный и—на бѣду его—природный художникъ. Хорошо рисовалъ, рѣзалъ на металлѣ и съ любовью предавался подобнымъ занятіямъ. Но жена у него была барыня бойкая, щеголиха, любившая блистать и веселиться, а потому очень требовательная по части денегъ, которыхъ мужъ не могъ доставлять ей столько, сколько она хотѣла. Пренебрегая тихимъ мужемъ, она обзавелась сторонними друзьями, и нѣкоторые изъ нихъ, въ свою очередь къ деньгамъ не равнодушные, присовѣтовали ей воспользоваться талантомъ мужа: что, молъ, пропадать напрасно природному дару, пусть примѣнитъ мужъ свое искусство къ дѣланію фальшивыхъ ассигнацій, а сбытчиковъ отыскать ужъ мы сами постараемся! Сказано—сдѣлано. Какъ ни отпрашивался скромный П. отъ скверная дѣла, а долженъ былъ при своемъ безволіи подчиниться настойчивымъ требованіямъ жены. Пріятели же дѣйствительно подыскали мастеровъ для сбыта. Эти послѣдніе разъѣзжали по ярмаркамъ, входили въ торговыя сдѣлки съ населеніемъ, покупали нужное и ненужное и продавали скупленное за полъ-цѣны, только уже за настоящія деньги, лишь бы пошире пускать въ оборотъ продукты фабрикаціи П. Въ числѣ друзей барыни былъ и упомянутый Степанъ Ѳедоровичъ, которому тоже приходилось передавать бумажки для сбыта какому-то мѣщанину Ольховику. Долго ли продолжалась такая операція и какую дала выручку—неизвѣстно, только пришло къ тому, что первымъ попался именно Ольховикъ. Покупалъ онъ партію скота на ярмаркѣ у какого-то помѣщика, а тотъ при разсчетѣ призналъ въ деньгахъ фальшь и поднялъ тревогу. Ольховика арестовали, засадили въ острогъ и началось большое дѣло. Степанъ Ѳедоровичъ, чувствуя за собою грѣшокъ, боялся показаній Ольховика и, чтобы задобрить его, посылалъ ему разными способами въ тюрьму пособія. Ольховикъ цѣнилъ это и, развязно указывая на другихъ сбытчиковъ и заказчиковъ, о Степанѣ Ѳедоровичѣ не обмолвливался ни словомъ. Такъ протянулось съ годъ, но наконецъ Степану Ѳедоровичу наскучило расходоваться, и онъ подачки прекратилъ. Тогда озлившійся Ольховикъ дополнилъ свои показанія, назвавъ участникомъ и его. Потребовали Степана Ѳедоровича въ Курскъ, и тутъ онъ совсѣмъ растерялся отъ страха.—Какъ быть? Грѣхъ-то вѣдь и вправду былъ, а я оправдываться и отписы-

ваться не умѣю, законовъ никакихъ не знаю—затаскаютъ, засудятъ проклятые приказные; да если и откупаться отъ нихъ, такъ изведутъ и нищимъ выпустятъ! Думалъ, думалъ Степанъ Ѳедоровичъ и, какъ утопающій хватается за соломинку, рѣшилъ броситься за совѣтомъ къ томящемуся въ тюрьмѣ роденькѣ, прокурору Николаю Семеновичу.

Добился пропуска въ тюрьму и явился съ какими-то дарами. Одряхлѣвшій Николай Семеновичъ не узналъ посѣтителя сразу, а когда объяснилось, кто̀ предъ нимъ, встрѣтилъ его категорическимъ запросомъ:—Ну, какая же это такая бѣда надъ тобой стряслась, что ты ко мнѣ заявился, говори! — Пробовалъ-было Степанъ Ѳедоровичъ подержаться сначала въ той позиціи, что пришелъ просто изъ участія къ дядюшкѣ, терпящему напрасную му́ку, но тотъ ни одному слову не вѣритъ:—Врешь, братъ, врешь, я уже сколько лѣтъ здѣсь сижу за правду, а ты ни разу про меня не вспомнилъ; значитъ, коли пришелъ теперь, то есть большая нужда. Нѣтъ, братъ, и не пробуй ты меня, стараго воробья, морочить, а говори прямо, въ чемъ дѣло!—Видитъ Степанъ Ѳедоровичъ, что старика словами не обойти, разсказалъ ему все, что̀ было, и повалился въ ноги: „Спасай, дядюшка, научи, на тебя только и надежда“!

Смягчился наконецъ суровый старикъ:—И радъ бы я,—говоритъ,—помочь въ такой бѣдѣ родному человѣку, да что̀ мнѣ сдѣлать? Теперь мнѣ такое утѣсненіе, что я уже лѣтъ пять и указовъ не видалъ, ни законовъ, ни бумаги въ руки не даютъ, гонятъ меня, неповиннаго, безъ совѣсти.—„Да хоть совѣтъ какой дай, поломай голову, тряхни стариной!—упрашиваетъ Степанъ Ѳедоровичъ.—Ты то̀ сообрази, что вѣдь я-то ужъ ровно ничего въ дѣлахъ не смыслю, какъ на что отвѣтить—не знаю, ротъ разинуть боюсь, чтобъ не запутаться; даже того не разберу, что̀ лучше: виниться или отпираться!“—Это правда,—говоритъ Николай Семеновичъ,—языкъ тутъ надо держать на привязи; ну, дай подумаю, авось набреду на что-нибудь подходящее.—Думалъ, думалъ, наконецъ спрашиваетъ:—Такъ Ольховикъ-то твой, говоришь, годъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и все молчалъ, а проговорился про тебя только теперь?—„Такъ, дядюшка, такъ“.—Ну, перекрестись же, твое счастіе, будь только уменъ, вывернешься!—„А какъ же это я, дядюшка, вывернусь?“—Слушай толкомъ, слова не проронн, какъ разъ для тебя подходящій законъ припомнился. Видишь ли, въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича есть 21-ая глава, а въ ней 33-ья статья, и тамъ, это я вѣрно помню, сказано такъ: „а которые воры, тати и разбойники учнутъ сидѣти въ тюрьмѣ

до полугода и учнутъ говорити какую татинную и розбойную молвь на иныхъ людей, а сперва въ роспросѣ про то на нихъ не говорили, и тѣмъ ихъ язычнымъ молвямъ не вѣрити, чтобъ неповиннымъ людямъ тягости не чинилось"! Вотъ такъ-то; а Ольховикъ твой, говоришь, не полгода, а цѣлый годъ сидѣлъ, значитъ—для тебя еще лучше; ты-то и выйдешь тотъ неповинный человѣкъ, которому Уложеніе не велитъ тягости чинить; только держи ухо востро! Станутъ это тебя допрашивать, учнутъ запутывать, запугивать—приказнымъ вѣдь надо изъ тебя что-нибудь вытянуть, чтобъ послѣ каждое лыко въ строку пустить,—а ты слова лишняго не молвь, знай, тверди одно: неповиненъ во всемъ, а 21 глава, 33 статья, говоритъ то-то. Будутъ разсказывать тебѣ чуда чудныя, дива дивныя, станутъ давать тебѣ и писать, а ты стой на одномъ и ни слова не прибавляй. Понимаешь, не ври и не пиши ничего, потому: станешь врать—проврешься, станешь писать—пропишешься. Вотъ такъ подержатъ тебя, подержатъ, да какъ увидятъ, что на крѣпкаго человѣка напали и ничего добиться нельзя—ну, и отпустятъ...

Позвали Степана Ѳедоровича къ допросу. Какъ проходилъ онъ чрезъ сѣни, видитъ, что и Ольховикъ приведенъ, стоитъ въ кандалахъ.—А, батюшка, Степанъ Ѳедоровичъ,—запривѣтствовалъ Ольховикъ,—добро пожаловать, давно ужъ мы васъ тутъ поджидаемъ, маленько будто и запоздали!—„Что ты, обознался, что-ли,—прикрикнулъ Степанъ Ѳедоровичъ,—я тебя и отродясь не видывалъ"! Въ судѣ пущена была на Степана Ѳедоровича настойчивая атака: и грозили за несознаніе, и мягкимъ манеромъ уламывали повиниться, соблазняя облегченіемъ кары, и законы показывали, и о всякихъ обстоятельствахъ подходящихъ и посторонникъ допытывали, и перерывами и затяжками изводили, и писать предлагали—все было, какъ предсказывалъ Николай Семеновичъ; но Степанъ Ѳедоровичъ твердо запамятовалъ наставленіе дядюшки и произносилъ только одно: „знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю, а по 21 главѣ, 33 статьѣ, оговорамъ послѣ полугода велѣно не вѣрити, стало быть меня и допрашивать незачѣмъ"! Диву дались допросчики, откуда это обыкновенный на видъ помѣщикъ такой прыти набрался, что такъ ловко отбивается. Таскали къ допросу много разъ, и очныя ставки давали, и съ разныхъ сторонъ заходили, но у Степана Ѳедоровича нашлось столько характера, что онъ ни на волосъ не вышелъ изъ границъ дядюшкиной инструкціи: „Неповиненъ", да „21 глава, 33 статья"—и только. Бились такъ съ нимъ

нѣсколько мѣсяцевъ, но, не добившись ничего, должны были отпустить.

Все это разсказывалъ, много лѣтъ спустя, въ близкомъ кругу и въ присутствіи моего отца самъ Степанъ Ѳедоровичъ, и подъ хмелькомъ даже бахвалился, что вотъ, молъ, какъ въ наше время умѣли люди изворачиваться, изъ какихъ дѣлъ сухими выходили,—куда до этого нынѣшнему жидкому поколѣнію! Кто-то изъ присутствовавшихъ выразилъ сомнѣніе, не преувеличиваетъ ли онъ, можетъ де быть, что на самомъ дѣлѣ фальшивыхъ бумажекъ у него и въ рукахъ не бывало, когда онъ изъ дѣла чистъ вышелъ. Степанъ Ѳедоровичъ, однако, горячо стоялъ на своемъ и, въ пылу спорнаго азарта, отперъ для доказательства какой-то секретный ящикъ и вынулъ оттуда глубоко запрятанную металлическую дощечку, на которой было вырѣзано: „Объявителю сей государственной ассигнаціи платитъ ассигнаціонный банкъ столько-то рублей ходячею монетою“...

— Что, братъ, видѣлъ? Такъ не спорь же о томъ, чего не разумѣешь!

Почему именно къ нему попала эта дощечка и зачѣмъ онъ ее берегъ—осталось тайною Степана Ѳедоровича.

Въ ту пору не мало было въ описываемой мѣстности людей богатыхъ, сильныхъ, на которыхъ не находилось никакой управы, почему самодурству и злоупотребленіямъ ихъ не видѣлось границъ. Для обузданія и отвѣтственности подобныхъ людей требовалось стеченіе какихъ-нибудь исключительныхъ обстоятельствъ. Плохи были власти, въ сферѣ которыхъ господствовали произволъ, взяточничество, попираніе всякаго права, но предъ сильными помѣщиками и власти стушевывались. Былъ тамъ, между прочимъ, отставной воевода, такъ притѣснявшій сосѣдей, что, измѣнивъ немного его фамилію, прозвали его Заѣдиновымъ—заѣстъ, молъ, всякаго. А о происхожденіи его имѣнія разсказывали такъ. Въ молодости, проживая въ Москвѣ, подбился онъ къ какому-то знатному богачу и, втершись въ его компанію, принималъ участіе въ ея кутежахъ. Разъ, среди подобнаго кутежа, богачу этому вдругъ захотѣлось особеннымъ манеромъ повеличаться, и обратился онъ къ Заѣдинову съ такими словами:—Садись въ мой экипажъ на козлы и провези меня кучеромъ по московскимъ улицамъ; хочу, чтобъ всѣ видѣли, что у меня на козлахъ дворянинъ сидитъ, а я тебя за это озолочу!—Поломался немножко Заѣдиновъ, у котораго тоже дворянская амбиція была, но когда богачъ честнымъ словомъ предъ всею компаніею завѣрилъ, что подаритъ за это большое курское имѣніе,—согла-

сился. Сѣлъ богачъ въ экипажъ бариномъ, а Заѣдиновъ въ видѣ кучера провезъ его по виднымъ улицамъ Москвы, послѣ чего тотъ, соблюдая святость даннаго слова, совершилъ ему въ вотчинной коллегіи надлежащій документъ на курскую вотчину. Такъ Заѣдиновъ и самъ сталъ богатымъ человѣкомъ; а побывавъ потомъ еще воеводою, вкусивъ начальствованія, развился въ полнаго самодура. Къ нему полиція и по нужнымъ дѣламъ являлась со страхомъ и трепетомъ, не зная, какъ приметъ. Иной разъ безъ церемоній расправится и съ исправникомъ, вытолкаетъ въ шею, прибьетъ или потравитъ собаками, а въ другой—неожиданно обойдется очень ласково, оставитъ обѣдать, угощаетъ и что-нибудь подаритъ. Словомъ, хочу—накажу, хочу—награжу. Гдѣ же тутъ было мѣстному начальству справляться съ злоупотребленіями сильныхъ людей, особенно имѣвшихъ связи вверху, когда и въ половинѣ XIX столѣтія на многихъ у насъ не было управы! Если случались и вопіющія дѣла—все такъ и замретъ, и развѣ только приказнымъ, крапивному сѣмени, перепадетъ благостыня за содѣйствіе покрытію слѣдовъ.

22481

О другомъ помѣщикѣ подобнаго же рода было такое преданіе. Женатъ онъ не былъ, но завелись у него въ деревнѣ двое сыновей. Пока они были малы, онъ не особенно задумывался объ ихъ участи, но какъ стали подростать—чаще и чаще одолѣвала его жалость, что и имени отцовскаго дѣти не получатъ, и мужиками будутъ, и имѣнія имъ передать нельзя. Кто-то подалъ ему мысль, что при помощи покровительства можно, подавъ прошеніе на Высочайшее имя, испросить въ путяхъ милости узаконеніе дѣтей. Такъ онъ и сдѣлалъ. Резолюція вышла милостивая, только подъ условіемъ, чтобы съ матерью дѣтей онъ обвѣнчался. Помѣщикъ вполнѣ былъ готовъ на это, но тутъ, словно на грѣхъ, мать эта возьми да и умри чуть не наканунѣ полученія резолюціи. Что дѣлать въ такой бѣдѣ? Думалъ помѣщикъ, думалъ, и напослѣдокъ послалъ за своимъ священникомъ: „Устрой, батька, такъ, чтобъ въ метрической книгѣ запись была о бракѣ моемъ съ покойницею заднимъ числомъ, примѣрно за мѣсяцъ или за два до ея смерти“! Сильно поломался попъ, боясь отвѣтственности, потому что тогдашнія духовныя власти были страшнѣе нынѣшнихъ консисторій. Долго пришлось уговаривать, однако кончилось тѣмъ, что за запись небывалаго вѣнчанья помѣщикъ далъ пятьсотъ рублей—деньги въ ту пору очень большія, соблазнительныя. Все казалось улаженнымъ, но, вотъ, спустя нѣкоторое время, встрѣтился гдѣ-то попъ съ родственникомъ помѣщика, который въ случаѣ формальной бездѣтности послѣд-

няго могъ бы разсчитывать на его наслѣдство. Тотъ и пугнулъ попа: „Погоди, батька, будетъ тебѣ; записалъ ты небывалое вѣнчанье, а я донесу, тогда напляшешься“! Можетъ быть, онъ и не думалъ доносить, а хотѣлъ только попугать, но попъ совсѣмъ потерялъ голову отъ страха. Прибѣжалъ къ помѣщику, — такъ и такъ, говоритъ, „возьмите назадъ ваши проклятыя деньги, а мнѣ теперь впору только себя спасать; этою же ночью поѣду въ епархію, упаду преосвященному въ ноги, во всемъ повинюсь, стану молить — и будь на мнѣ его воля“!.. Видитъ помѣщикъ, что попъ и впрямь со страха все дѣло испортитъ, началъ уговаривать, обѣщалъ прибавку, просилъ и сердился, но все напрасно. Когда попъ уже взялся за шапку, вышедшій изъ себя отъ злобы помѣщикъ велѣлъ вытолкать его въ шею и крикнулъ ему въ догонку: „Ступай же хоть къ самому чорту, а архіерея тебѣ не видать“! Попъ вернулся домой, запрягъ саночки, надѣлъ тулупъ да рукавицы и поѣхалъ въ одиночку, правя лошадью самъ. Ночь была морозная, ясная, мѣсяца нѣтъ, только звѣзды сверкаютъ. Какъ только съѣхалъ попъ на рѣку, на ледъ, тутъ подстерегавшія мощныя руки его подхватили, да — въ прорубь. Такъ и концы въ воду. Пошелъ слухъ по всей округѣ, да ничего изъ этого не вышло.

Поссорятся, бывало, между собою крупные помѣщики — и тутъ тоже не всегда дѣло обходилось одною враждою да личными непріязненными выходками, а временами доходило и до настоящей междоусобной войны, какъ у феодаловъ или удѣльныхъ князей. Кто позадорнѣе — соберетъ своихъ крестьянъ и учинитъ набѣгъ на имѣніе противника съ боемъ, разореніемъ или краснымъ пѣтухомъ. А иной разъ и въ полѣ дадутъ формальную баталію. Одинъ выставитъ человѣкъ сто или полтораста, другой столько же, кто съ ружьемъ, кто съ дубьемъ, кто съ ножемъ или косою. Тотъ или другой торжествуетъ побѣду, а въ общемъ результатѣ съ обѣихъ сторонъ лягутъ на мѣстѣ побоища десятки, да много вернется по домамъ искалѣченныхъ. И ничего, все сходило съ рукъ, давая развѣ поводъ къ безпокойствамъ отъ доносовъ.

Но среди такихъ жестокихъ нравовъ, встрѣчались въ той же помѣщичьей средѣ отдѣльныя лица, бывшія рѣзкими исключеніями. Они, словно рѣдкія свѣчки, мерцали среди безграничнаго и густого общественнаго мрака. То христіанское сѣмя, которое въ другихъ не принесло ничего, кромѣ подчиненія обрядности, здѣсь пало на благодарную почву и, вмѣстѣ съ искрен-

нею вѣрою, взростило строгую совѣстливость и живую потребность дѣйствительно благочестивой жизни. Усадьба такого помѣщика представлялась чѣмъ-то въ родѣ оазиса среди безотрадной пустыни.

Подобнымъ исключительнымъ человѣкомъ былъ, между прочимъ, упомянутый выше прадѣдъ мой, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, которому судьба послала и такую же добродѣтельную жену. Всѣ остававшіяся о нихъ преданія изображали ихъ настоящими праведниками. Отецъ мой встрѣчалъ еще не мало людей, лично ихъ знавшихъ, и эти всегда отзывались о нихъ съ благоговѣніемъ, передавая различныя черты ихъ жизни. Не только въ кругу своихъ родныхъ, гдѣ попадались всякіе люди, но и въ широкой окру́гѣ, исполненной жизненныхъ безобразій, прадѣдъ и прабабка успѣли пріобрѣсти большое уваженіе и такой нравственный авторитетъ, что предъ ними стыдились нехорошихъ дѣлъ. Съ тѣхъ поръ, какъ прадѣдъ вернулся послѣ семилѣтней войны, онъ прожилъ въ деревнѣ около тридцати лѣтъ, и все это время не слышно было, чтобы кто пожаловался на него въ какой-нибудь обидѣ. Съ людьми повыше положеніемъ онъ умѣлъ поддерживать свое достоинство, съ равными былъ вѣжливъ и доброжелателенъ, съ низшими ласковъ, а къ крестьянамъ милостивъ и участливъ. И въ отношеніи къ прислугѣ онъ, вопреки общему обычаю тогдашняго времени, старался избѣгать уничижительныхъ обращеній: „Ванька“, „Прошка“, замѣняя ихъ мягкими: „Ваня“, „Степа“ и т. под. Говорили, что и всѣ домашніе, и деревня его, подъ вліяніемъ барина, отличались лучшими противъ сосѣдей нравами, напоминая о пословицѣ: „каковъ попъ, таковъ и приходъ“. Конечно, живя въ деревнѣ, прадѣдъ долженъ былъ общиться съ окружными помѣщиками, ради поддержки необходимыхъ отношеній, но насколько было возможности—сторонился отъ дурной компаніи, избѣгалъ быть свидѣтелемъ кутежей и не входилъ ни въ какое сомнительное дѣло. Нравственный обликъ его отчасти отразился въ собственноручномъ его завѣщаніи дѣтямъ, которое хранится у меня подлинникомъ и приводится ниже. Хранился у моего отца еще прадѣдовскій старинный экземпляръ „Псалтыри слѣдованной“, кіевскаго изданія 1756 года, заключавшій обширный сборникъ разныхъ церковныхъ службъ, каноновъ, акаѳистовъ и т. под., и я помню, какими потемнѣвшими были въ этой книгѣ нижніе края листовъ, отъ частыхъ прадѣдовскихъ перелистываній; на листахъ оставались слѣды восковыхъ капель отъ молитвеннаго употребленія книги со свѣчкою, а на поляхъ, свободныхъ листкахъ и

пробѣлахъ записано было не мало размышленій прадѣда, въ свою очередь его обрисовывавшихъ, хотя преобладающимъ содержаніемъ записей оказывались видѣнные имъ и его женою вѣщіе сны.

Среди господствовавшей вокругъ распущенности, особенностью прадѣда была ненарушимая трезвость. Отъ вина уклонялся онъ еще съ ранней молодости. Когда послѣ отставки осѣлъ онъ въ деревнѣ, то, собирая у себя временами гостей, конечно, угощалъ ихъ и виномъ, и наливками, однако себѣ позволялъ только изрѣдка коснуться меду, хотя меды въ ту пору водились въ деревняхъ вкусные и довольно хмельные. Вышелъ, однако, случай, послѣ котораго прадѣдъ окончательно отказался и отъ меду.

Разъ, въ именины или другой какой-то торжественный день, давалъ онъ у себя обѣдъ, на который собралось не мало гостей, и между ними, разумѣется, были охотники выпить. Угощая другихъ, прадѣдъ и самъ отвѣдалъ меду настолько больше обыкновеннаго, что у него въ головѣ зашумѣло. Когда пиръ былъ уже „во полу-пирѣ“, нѣкоторые гости стали жаловаться, что веселье отчего-то не клеится: и пьемъ, молъ, и бесѣдуемъ, а настоящаго веселья нѣтъ; эхъ, кабы тутъ музыка какая, да гдѣ ее взять-то! Захотѣлъ прадѣдъ угодить гостямъ и вдругъ скомандовалъ:—Евланъ!—Этотъ Евланъ былъ ближайшій къ нему слуга, состоявшій при немъ еще съ дѣтства, странствовавшій съ нимъ въ прусскихъ походахъ и потому знавшій все касавшееся барина до мельчайшихъ подробностей.

Евланъ явился и получилъ приказъ:—Ступай сейчасъ на чердакъ, разыщи тамъ, въ такомъ-то углу, тотъ футляръ, который, знаешь, съ нами еще въ походѣ былъ, и принеси сюда!—Пошелъ Евланъ и скоро вернулся съ большимъ запыленнымъ футляромъ. Гдѣ-то отыскался ключъ къ футляру, и вдругъ глазамъ компаніи представилась скрипка, о существованіи которой въ домѣ, кромѣ Евлана и самого барина, даже не зналъ никто. Дѣло въ томъ, что въ ту пору музыку считали не-дворянскимъ занятіемъ, приличнымъ больше скоморохамъ, а не благородному сословію, и прадѣдъ, имѣя къ ней природную склонность и способность, въ молодости предавался ей только въ уединеніи, а вернувшись въ деревню, запряталъ скрипку далеко и никому не показывалъ своего искусства. Только случайный хмель открылъ его тайну. Настроилъ прадѣдъ скрипку и что-то мастерски сыгралъ. Однако компанія этимъ не вполнѣ удовлетворилась, и иные стали замѣчать, что веселья все-таки мало, и недурно бы

къ музыкѣ присоединить еще хоть какую-нибудь пляску. Увлекшись скрипкою, прадѣдъ обратился къ женѣ:

— Арюша, видишь, надо бы потѣшить гостей; музыка есть, а плясать некому; пропляши-ка намъ хоть ты что-нибудь!

Прабабка удивилась и, видя возбужденное настроеніе мужа, попробовала подѣйствовать на него убѣжденіемъ:

— Господинъ ты мой, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, воленъ ты мнѣ приказывать, должна я покоряться твоей волѣ, да самъ разсуди, хорошо ли это? Какая я плясунья и пристало ли мнѣ, твоей женѣ, забавлять людей своею пляскою?

— Пляши, говорятъ тебѣ, я такъ хочу!..—прикрикнулъ прадѣдъ.

Чуть не всплакнула прабабка отъ такой обиды, но, признавая власть супружескую, взялась въ бока и, какъ могла, покорно прошла какой-то танецъ.

День закончился, гости разъѣхались, прошелъ и хмель, а на слѣдующее утро прадѣдъ, обдумывая вчерашнее поведеніе, сильно устыдился своего поступка. Онъ глубоко уважалъ и любилъ жену, всегда между ними было полное согласіе, а тутъ вдругъ такая нелѣпая выходка. Со слезами, на колѣняхъ просилъ онъ у жены прощенія. Долго она успокоивала мужа тѣмъ, что съ кѣмъ, молъ, не случается грѣхъ, а тутъ вышла чуть не единственная въ ихъ жизни непріятность,—но прадѣдъ, пообѣщавъ, что впередъ ничего подобнаго не будетъ, успокоился только высказавъ торжественное рѣшеніе съ этого дня не брать въ ротъ даже меду, что̀ съ точностью исполнилъ въ теченіе всей послѣдующей жизни.

Но и кроткаго человѣка могли доводить до рѣзкихъ взрывовъ столкновенія съ тогдашними бытовыми условіями. Вотъ еще характерный эпизодъ. Скоро послѣ возвращенія прадѣда изъ прусскаго похода, однажды вошла въ его комнату жена, сильно испуганная. Пораженный ея волненіемъ, онъ спросилъ, не случилось ли въ домѣ какого-нибудь несчастія?

— Ахъ, батюшка Ѳедоръ Ѳедоровичъ, бѣда, великая бѣда, пропали наши головы, — отвѣтила она:—пріѣхалъ въ деревню воеводскій капралъ Вавиловъ недоимки собирать!

— Ну, коли только-то и бѣды, такъ это еще немного. Пріѣхалъ, сдѣлаетъ свое дѣло, да и уѣдетъ,—что жъ тутъ тревожиться? До тебя же это и совсѣмъ не касается; коли что̀ будетъ нужно, такъ я самъ съ нимъ разговаривать буду.

— Что̀ ты, батюшка, какъ не касается! Да онъ, какъ ты еще въ походахъ былъ, не разъ сюда наѣзжалъ, да такъ поло-

шилъ народъ, что не приведи Господи. Съ людьми ругается, дерется, грабитъ, притѣсняетъ, а самъ пьянствуетъ-пьянствуетъ, да безчинствуетъ такъ, что всю деревню вверхъ дномъ перевернетъ. Извѣстно, сколько помѣщиковъ изъ нашего околотка нѣсколько лѣтъ въ походѣ были, а дома-то оставались однѣ барыни,—что имъ противъ него сдѣлать,—полная ему воля. Какъ захочется ему въ „кружало“ (питейное заведеніе), такъ онъ въ сани бабъ запрягаетъ, отвезутъ онѣ его туда и ждутъ на морозѣ, пока онъ вдоволь напьется и велитъ назадъ себя везти. Просто такая гроза, что люди ждутъ, не дождутся, когда онъ соберетъ недоимки да уѣдетъ; даже барынь запрягалъ... И управы на него нѣтъ никакой.

— Не безпокойся, Арюша, — говоритъ прадѣдъ,—поди къ себѣ и въ это дѣло не входи; если и бывали такія безчинства, то будь увѣрена, что при мнѣ ихъ не будетъ; ужъ я-то съ нимъ справлюсь.

Едва прабабка ушла въ свою комнату, нѣсколько успокоенная, какъ дверь отворилась и вошелъ самъ воеводскій капралъ Вавиловъ. Не снимая шапки, видимо подъ хмелькомъ, съ нахальнымъ видомъ обратился онъ къ прадѣду:—Здравія желаемъ!

Подготовленный прадѣдъ строго взглянулъ на него.

— Ты это что жъ, въ кабакъ попалъ, что-ли? Вошелъ въ дворянскій домъ и въ шапкѣ стоишь, не видишь и того, что вотъ святыя иконы здѣсь! Ты что за человѣкъ такой, говори!

— Какъ что за человѣкъ! нѣшто ты меня не знаешь?— возразилъ зазнавшійся капралъ.

— Да кабы тебя хорошо зналъ, такъ не спрашивалъ бы. Вижу только, что образина какая-то въ шапкѣ стоитъ. Отвѣчай, что спрашиваю!

— Потише, баринъ, потише, не велика бѣда, что и въ шапкѣ. Я вѣдь воеводскій капралъ Вавиловъ и пріѣхалъ сюда не съ пустымъ дѣломъ, а недоимки съ вашего околотка взыскивать; вотъ и знай, коли хочешь, съ кѣмъ говоришь.

— Вотъ велика птица, воеводскій капралъ! залетѣла ворона въ высоки хоромы! Что же это ты, съ своимъ братомъ говоришь, что ли? Шапку долой!

Вавиловъ продолжалъ грубо ломаться, и прадѣдъ кликнулъ: —Миша, Степа, сбейте съ него шапку!—Прислуга съ усердіемъ кинулась къ давно ненавистному ей капралу, шапка полетѣла, но озлобленный Вавиловъ, протестуя, пробовалъ еще грубить и пугать:—Берегись, баринъ, за меня тебѣ больно достанется; видали мы и не такихъ, какъ ты, а которые почище будутъ!

— Нѣтъ, братъ, ужъ я тебѣ покажу, что такихъ, какъ я, ты еще не видывалъ! — воскликнулъ совсѣмъ выведенный изъ себя прадѣдъ. — Ребята, отведите-ка его на конюшню, да хорошенько всыпьте ему горячихъ, чтобъ долго помнилъ!

Упиравшагося капрала потащили подъ руки и на конюшнѣ отъ всей души такъ отстегали, что онъ безъ шапки, стремглавъ, бросился бѣжать изъ деревни, приказывая своей телѣгѣ спѣшить за нимъ вдогонку, и полетѣлъ съ жалобою къ воеводѣ. А на другой или третій день прадѣдъ самъ поѣхалъ къ воеводѣ, объяснилъ ему всю суть, и дѣло кончилось простымъ разговоромъ. Послѣ этого, Вавиловъ больше не показывался въ округѣ, и имя его, потерявъ грозное обаяніе, стало только предметомъ насмѣшекъ.

Рѣдкіе люди, подобные прадѣду, могли возбуждать вопросъ — откуда возникала въ нихъ такая противоположность господствовавшимъ нравамъ? Видно, и сквозь густой мракъ пробивалось исканіе правды и потребность большой нравственной работы надъ собою, опиравшейся на христіанство. Сколько позволяли судить сохранявшіяся преданія, источникомъ такихъ явленій была сознательная религіозность. Говорили, что не малую силу имѣло и семейное преданіе: въ хорошей-де семьѣ свойства отца въ той или другой мѣрѣ переходили хоть къ одному изъ дѣтей, и если иные портились окружающей средою, то все-же въ роду не переводились добрые люди.

Прадѣдъ, какъ сказано было выше, оставилъ собственноручное духовное завѣщаніе, въ которомъ отразился обликъ добраго помѣщика и семьянина средины XVIII вѣка. Имѣніе осталось послѣ него настолько значительное, что его хватило дѣтямъ на ихъ жизнь, но не о раздѣлѣ имѣнія говорилъ онъ въ завѣщаніи. Раздѣлъ прадѣдъ предоставилъ совѣсти самихъ дѣтей, уклонившись отъ подробныхъ указаній, но счелъ нужнымъ дать имъ рядъ нравственныхъ наставленій, особенно внушая о необходимости согласной, дружной жизни и добрыхъ дѣлъ. Вотъ это завѣщаніе:

„Написано въ селѣ Красномъ 1786 года марта 15 дня. Господи благослови. Во имя св. Троицы, Отца и Сына и св. Духа, аминь. Духовное завѣщаніе дѣтямъ моимъ. Старость, а паче печаль удручила меня смертію лишеніемъ вашей матери, а моей дражайшей и вселюбезнѣйшей жены, искренняго и вѣрнаго друга, въ цвѣтущихъ лѣтахъ, Ирины Васильевны. А и мнѣ часъ приближается, въ который предѣломъ воли Владычней, на всѣхъ смертныхъ наложенной, изнемогши отъ многой скорби и суетства

міра сего, а паче разлученна съ любезною мнѣ вашею матерью, въ надеждѣ милости Божіей съ простертыми руками иду къ сладкому его покою вѣчнаго царствія. Но прежде нежели замкну вѣчнымъ сномъ глаза, хощу вамъ дать отческія наставленія; надѣюся, что вы ихъ исполните въ самой точности. Первое и начальное, паче всего бойтеся Бога и любите его, яко Онъ—нашъ отецъ небесный и яко посылаетъ намъ всякое благо. Государю своему вѣрно служите и имѣйте къ нему рабское почтеніе и усердіе. Господа Бога прославляйте за чрезмѣрное его человѣколюбіе и несказанное милосердіе и за чюдное правосудіе его; не зачинайте вставши ничего, пока принесете Господу Богу молитвы во время благопотребно, положеннаго св. апостолы и всѣми святыми на вселенскихъ соборахъ утренняго правила всякому православному христіанину; и нижѐ ложись на одръ безъ призванія его святаго имени. Воскресные и праздничные дни ходите въ церковь Божію для принесенія Господу своему за оказанныя милосердія благодаренія и для испрошенія святой его помощи. Въ братствѣ — яко вы единоутробные — приказываю вамъ какъ отецъ и прошу какъ другъ—имѣйте истинную христіанскую любовь и мирное житіе, то да почіетъ на васъ миръ Христовъ и благословеніе Божіе водворится въ сердца ваша. Ибо ничто такъ добрѐ или краснѐ, какъ братіи быть въ единомышленіи, мирѣ и любви. Тогда почерпнете отъ источника благодати милость Божію въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ вѣчпая благая. Но вѣдайте и сіе, что непріятна молитва безъ добрыхъ дѣлъ, доброе же дѣло состоитъ въ любленіи Бога и ближняго, а паче искренняго. Для любленія Бога и искренняго всѣ пороки истребляются, то-есть любящій ближняго ненавидитъ зла. Надъ бѣднымъ и сирымъ имѣйте сожалѣніе, утѣсненнымъ и изгнаннымъ дайте руку помощи, покрывайте нищаго щедротою своею. Возьмите примѣръ и подобіе покойной вашей матери, о которой благодѣяніяхъ многіе гласятъ вы довольно, хотя не все помните. Сему послѣдуйте, а незапомнящимъ впечатлѣйте пересказаніемъ. Я вамъ примѣромъ доброй жизни ничѣмъ не послужилъ, окаянный и злый денми старецъ; невоздержанія и окаянства ради злыхъ дѣлъ моихъ я былъ не во исправленіе, но въ соблазнъ; простите меня Христа ради; подражайте же житію рождшей васъ матери и запечатлѣйте ея добродѣтели въ разумѣ и сердцахъ вашихъ. Чужого жъ и несправедливаго не токмо не стяжайте, но и не желайте и бойтесь яко огня, вся поядающаго. Къ рабомъ, вамъ вѣрно служащимъ, имѣйте любовь и милость, злыхъ исправляйте кроткимъ духомъ и умѣреннымъ наказаніемъ. Вотъ, любезныя

мои дѣти, все сіе внемлите мое многогрѣшное завѣщаніе и подражайте безпримѣрнымъ добродѣтелямъ и любви къ Богу и ближнему вашей матери. Скажу вамъ: сколько и я окаянный ея молитвами отъ смертельныхъ случаевъ болѣзней помилованъ былъ Господомъ Богомъ, безчисленный грѣшникъ, и изобиловалъ благими—описать перомъ не могу!—вѣрнѣйшею ея въ супружествѣ любовію и повиновеніемъ недостойнѣйшему мужу таковой жены, паче рещи драгоцѣннѣйшаго сокровища, которая мужествомъ своей добродѣтели возлагала на злую мою главу вѣнецъ драгій и хвальный. О имѣніи моемъ ничего вамъ не завѣщаю, а наставитъ васъ благодать Господня безобидно расположить. Смотрите, чтобы каждой былъ доволенъ своимъ оброкомъ, а прочая вся приложатся вамъ. Повторяю жъ отеческое мое завѣщаніе: имѣйте между собою мирное и любовное житіе, яко вы единоутробные; тогда будете яко градъ твердъ и вѣнецъ благодати Божіей будетъ въ жизни вашей. Егда жъ тѣло мое многогрѣшное распряжется сего тлѣннаго соуза, погребите оное при костяхъ матери вашей безо всякой церковной церемоніи [1]), а по христіанскому долгу, и сотворите сорокоустіе безъ скупости во избавленіе моей грѣшной души. Вы свидѣтели, что я лишняго ничего не прожилъ, а все сохранилъ оставленное отъ моихъ и матери вашей родителей въ точной цѣлости. И за симъ реку паки: простите меня окаяннаго безчисленнаго грѣшника и попросите всѣхъ, да простятъ меня, Христа ради. А на васъ, мои любезные, да почіетъ благословеніе Божіе и мое грѣшное. Да не возмните сіе—всуе писанное, да не будете судимы, а сохраните яко ваше сокровище! А сіе писано и подписано отцемъ вашимъ тако: Ѳеодоръ Воропоновъ".

За добрыми стариками того времени водилось только одно нехорошее свойство: упорные взаимные счеты, при которыхъ одна сторона не уступала другой. Люди не предпринимаютъ другъ противъ друга враждебныхъ дѣйствій, не ссорятся на виду, но избѣгаютъ встрѣчъ, а причина застарѣлыхъ неладовъ остается темною. Установились такія отношенія у одного изъ моихъ родственниковъ XVIII вѣка съ другимъ старикомъ, свойственникомъ его по женѣ. Что-то между ними произошло въ древнія времена, о чемъ почти никто изъ сосѣдей не помнилъ, и развѣ кое у кого были сбивчивыя воспоминанія, да такъ все и осталось надолго. Оба противника слыли людьми кроткими, но сколько ихъ ни уговаривали—не поддавались примиренію. И

[1]) Т.-е. пышности.

о поводахъ къ неудовольствіямъ не говорятъ, а на совѣты отмалчиваются. Велась между ними и тяжба по имѣнію, тянувшаяся по старинному лѣтъ сорокъ и очень убыточная для обѣихъ сторонъ. Каждый чувствовалъ эти убытки, тяготился ими, но на соглашеніе не шелъ. Умеръ мой родственникъ, остались взрослые сыновья, стали разбираться въ дѣлахъ и видятъ, что продолжать тяжбу дальше нельзя, а на мировую надежда плоха. Они выросли съ тѣмъ понятіемъ, что противникъ — какой-то упрямый, недобрый старикъ, да и дѣло-то больше склонялось уже на его сторону. Однако, послѣ долгаго раздумья, пришли къ мысли, что все-таки попытка не пытка, и двое поѣхали къ старику попытать мира. Объяснили они ему свое положеніе, высказали, что надѣются на его родственное чувство, такъ какъ онъ близокъ имъ по матери, просили кончить на чемъ-нибудь тяжбу,—и что же? Старикъ расплакался, обнялъ ихъ, сталъ называть друзьями, цѣловать, и предъ иконою пообѣщался немедленно прекратить тяжбу и все уступить. Такъ все и сталось. Сорокалѣтняя тяжба вдругъ исчезла отъ короткаго объясненія, и старикъ до конца дней своихъ продолжалъ выражать бывшимъ противникамъ искреннее родственное дружелюбіе, высказывая только при случаѣ: „радъ любить всѣхъ васъ, а съ покойнымъ батюшкой вашимъ меня уже Богъ разсудитъ“!

Въ началѣ XIX вѣка, примѣрно около двадцатыхъ годовъ, когда отецъ мой въ послѣдній разъ навѣстилъ курскую губернію, нравы тамъ уже значительно измѣнились. Разбои затихли, хотя процвѣтаніе ихъ поминалось, какъ довольно еще свѣжее прошлое; конокрадство удержалось почти исключительно въ простомъ народѣ, но у многихъ помѣщиковъ наслѣдственные инстинкты сказывались въ широкомъ разгулѣ и затяжные кутежи нерѣдко принимали прямо невѣроятные для нынѣшняго времени размѣры. Иной человѣкъ — совершенно добродушный, пріятный въ обществѣ, острякъ, балагуръ, нерѣдко даже старикъ, но — что онъ могъ натворить во время кутежей! Сгруппируется дружеская компанія и по нѣсколько дней подъ рядъ предается гульбѣ то у одного, то у другого изъ своихъ членовъ. Натуры были удивительно крѣпкія, выносливыя и все сходило имъ благополучно.

Придутъ рождественскіе праздники и—сейчасъ загуляютъ, благо и время по хозяйству свободное; потомъ коротенькая передышка, далѣе компанія цѣликомъ перекочевываетъ гулять въ

другую усадьбу, снова маленькій отдыхъ, а тамъ новая перекочевка для кутежа—и такъ вплоть до конца масляницы, пока отпируютъ у каждаго поочередно. Но вотъ ударитъ вечеромъ въ масляничное воскресенье великопостный колоколъ—и все разомъ затихло. Въ домахъ тишина, покаянные вздохи, господство въ первые дни сухоядѣнья, ходятъ помѣщики въ церковь, слушаютъ канонъ св. Андрея Критскаго, кладутъ земные поклоны и всюду строгое постничество. Вчерашній кутила не возьметъ даже рыбы въ ротъ, за исключеніемъ праздника Благовѣщенія, выражаетъ сомнѣнія насчетъ елея, и рѣдкій позволитъ себѣ разговѣться рыбою еще разъ въ вербное воскресенье. Но дождутся святой недѣли—и опять все по старому. Не особенно страдало отъ этого даже хозяйство. Хорошій хозяинъ строго внушитъ приказчику: „Ты не опускай рукъ отъ того, что я гуляю; я свое отгуляю, а потомъ за все, про все съ тебя спрошу и повѣрю; такъ держи ухо востро, чтобъ въ отвѣтѣ не быть“!

Допивались до такихъ исторій, что нынѣшнему уму совсѣмъ непостижимо. Придетъ, напр., компанія въ восторженное состояніе и начнутъ придумывать, какъ бы ознаменовать взаимную дружбу чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ. Разъ одинъ предложилъ „ради дружбы“ поджечь свой домъ. Отправились всѣ со свѣчкою на чердакъ, что-то тамъ подожгли и вернулись догуливать, не задумываясь о послѣдствіяхъ. Конечно, домашніе слѣдили за ходомъ кутежа, зная обычаи компаніи, и предупредили пожаръ во-время, но жертва дружбѣ все-таки была принесена и всѣ довольны. Въ другой разъ одинъ изъ кутившихъ, ради той же дружбы, предложилъ повѣситься. Друзья отвели его въ какую-то каморку или сарай, преспокойно наложили ему петлю на шею, подвѣсили и ушли продолжать попойку, словно настоящее дѣло сдѣлали. Повѣшеннаго опять спасли, хотя онъ уже хрипѣлъ, но подвигъ его сильно подогрѣлъ чувство дружеской чести, и вернувшагося къ попойкѣ добровольнаго висѣльника встрѣтили съ распростертыми объятіями и выпивочными привѣтствіями. Преданіе говоритъ однако, что былъ и случай невыдержки характера. Одинъ обѣщалъ броситься изъ верхняго этажа внизъ, да какъ дошло до исполненія—сообразилъ высоту, струсилъ и замялся. Этого уже компанія не могла стерпѣть: чтобъ не срамилъ дружбы, взяли голубчика, да силою вытолкнули въ окно. Поврежденіе какое-то онъ получилъ, но живъ остался и былъ друзьями прощенъ, хотя временами его и подразнивали напоминаніями о слабости. Отецъ мой разсказывалъ, что ему разъ пришлось быть свидѣтелемъ такого случая. Заѣхалъ онъ къ родственнику, ста-

рику, который покутить былъ очень охочъ, да жена крѣпко держала его въ рукахъ и всемѣрно старалась не пускать въ разгульную компанію. Сидятъ они вмѣстѣ вечеромъ, пьютъ чай,— вдругъ прискакалъ изъ сосѣдней деревни верховой съ извѣщеніемъ, что тамъ собралась хорошая компанія и усердно проситъ старика присоединиться къ ней. Старикъ бы и радъ, но жена не позволяетъ и уже предусмотрительно приказала, чтобы лошадей закладывать не смѣли. Посланный отъѣхалъ съ отказомъ. Томится старикъ, а взбунтоваться не можетъ. Однако, компанія не удовлетворилась и рѣшила, что непремѣнно надо выручить товарища изъ домашняго плѣна. Отрядили двоихъ, въ видѣ депутаціи; тѣ пріѣхали верхомъ и принялись слезно упрашивать строгую хозяйку отпустить мужа, обѣщая, что сами будутъ соблюдать его отъ всякихъ излишествъ. Просили, просили, но все напрасно. Старуха и слышать не хочетъ объ отпускѣ мужа, спрятала его шапку и верхнее платье, но, видя, что гости пріѣхали верхомъ, безъ всякаго экипажа, не особенно безпокоится возможностью нарушенія запрета. Однако вышло не то. Гости распрощались, сѣтуя на неумолимость хозяйки, а старикъ хозяинъ вышелъ на крыльцо ихъ проводить. Прошло изрядное время—онъ въ домъ не возвращается. Пошли розыски, а его и слѣдъ простылъ. Что же оказалось на повѣрку? Одинъ изъ гостей, сѣвъ на лошадь, уступилъ одно стремя, другой уступилъ другое, а старикъ, ставъ ногами въ стремена разныхъ лошадей, безъ шапки, въ одномъ сюртукѣ, умчался вмѣстѣ съ ними, благополучно доѣхалъ и свое отпировалъ. Ахнули всѣ домашніе, но бѣгство такимъ способомъ было на лицо.

И не такіе примѣры бывали. Промчаться въ экипажѣ черезъ рвы, перелетѣть черезъ стадо отдыхающихъ на землѣ быковъ, и т. д., и т. д., было дѣломъ заурядным. Спросятъ, бывало, такого героя: „да какъ это вамъ все сходило благополучно“? А онъ, ухмыляясь, отвѣчаетъ: „извѣстно, пьянаго двадцать-четыре чорта берегутъ; ну, а трезвому это, разумѣется, не сойдетъ“.

Съ конца двадцатыхъ годовъ нить моихъ курскихъ преданій прервалась на продолжительное время, и потому я кончаю рѣчь о нихъ.

У прадѣда моего было пять сыновей и нѣсколько дочерей. Младшій сынъ еще холостымъ исчезъ безвѣстно въ походѣ, кажется въ Александровскую прусскую кампанію 1806 и 1807 годовъ; четвертый, Степанъ, былъ женатъ, но бездѣтенъ, третій—Иванъ—оставилъ только женское потомство, а мужское осталось только отъ двухъ старшихъ, Алексѣя и Ѳедосѣя, изъ которыхъ

второй былъ мой дѣдъ. Служа въ ямбургскомъ кирасирскомъ полку, онъ участвовалъ въ Екатерининскихъ польскихъ и шведской войнахъ, въ теченіе послѣдней былъ въ сраженіяхъ при Снобахъ, Меленѣ и Гекфорсѣ (1789), затѣмъ въ первый годъ Павловскаго царствованія, подобно многимъ дворянамъ, попросился въ отставку и за то „отставленъ отъ службы тѣмъ же чиномъ", а послѣ воцаренія Александра ему объявленъ былъ слѣдующій, маіорскій чинъ. Въ самомъ концѣ XVIII вѣка попалъ онъ въ новороссійскій край, женился тамъ на дочери значительнаго помѣщика, подполковника Звѣрева, и сталъ жить уже въ новой сферѣ.

Теперь надо перейти къ херсонскимъ преданіямъ.

II.—Херсонскія преданія.

Связь нашей фамиліи съ херсонскою губерніею, какъ объяснено уже, образовалась вслѣдствіе женитьбы попавшаго туда изъ курской губерніи дѣда моего, ротмистра Ѳедосѣя Воропонова, на дочери мѣстнаго помѣщика Звѣрева, который служилъ „дежуръ-маіоромъ" (старшимъ адъютантомъ) въ штабѣ генералъ-аншефа Текелли, начальствовавшаго надъ войсками въ новороссійскомъ краѣ. Случилось это въ самые послѣдніе годы XVIII столѣтія.

Въ ту пору нынѣшняя херсонская губернія была еще очень мало заселенною. Заключая въ себѣ огромныя пространства пустыхъ земель, дожидавшихъ хозяина и воздѣлывателя, эта страна отличалась и крайне безпокойными условіями жизни. Отъ начала сколько-нибудь систематическаго заселенія ея прошло только около полувѣка, и живы были еще многіе изъ видѣвшихъ первые шаги этого заселенія. Въ первой половинѣ XVIII вѣка здѣсь было проходное пространство для войскъ при русскихъ походахъ въ Турцію, гдѣ поселялись, подъ постояннымъ страхомъ разоренія, самые разнообразные элементы: заходившіе изъ Сѣчи запорожцы, бѣглые изъ сосѣднихъ польскихъ владѣній и разный захожій людъ. Селились больше хуторами, но какъ только возникали войны, смуты или случались набѣги крымцевъ—все это превращалось въ развалины и пустыри.

Хотя еще Петръ Великій въ свои послѣдніе годы задумывалъ колонизацію этой мѣстности, но прочное заселеніе тамъ могло начаться лишь послѣ Миниховскихъ турецкихъ походовъ, укрѣпившихъ здѣсь русскую власть. Сѣверъ нынѣшней херсонской губерніи вполнѣ находился въ фактическомъ владѣніи Россіи, но

югъ оставался еще за Турціею, которой принадлежали и Очаковъ, и мѣсто нынѣшней Одессы, и другіе пункты черноморскаго побережья. Новое русское владѣніе, такимъ образомъ, врѣзывалось клиномъ между Польшею,—которой принадлежали нынѣшнія кіевская и подольская губерніи,—и приморскою окраиною турецкаго владѣнія. Несовсѣмъ ясны были и границы. Польская еще обозначалась рѣками Высью и Синюхою, но отъ Турціи наши владѣнія отдѣлялись только широкими степями, и лишь послѣ кучукъ-кайнарджійскаго мира (1774 г.) границею здѣсь стало живое урочище—рѣка Бугъ. Пограничныя отношенія были настолько сбивчивы, что когда русскія власти начали строить крѣпость св. Елисаветы (нынѣшній Елисаветградъ), то это создало острый дипломатическій вопросъ, едва улаженный миролюбно, такъ какъ турецкое правительство сомнѣвалось въ нашемъ правѣ на такую постройку. Безпокойныя условія долго держались и послѣ первыхъ опытовъ правильнаго заселенія. Послѣдній набѣгъ крымскихъ татаръ былъ въ 1769 году, причемъ уведена была въ плѣнъ цѣлая деревня Лелековка, вблизи Елисаветграда. Запорожцы и послѣ разоренія Сѣчи долго шатались тутъ въ одиночку и кучками, производя нападенія на жителей. Самовольничали всякіе бѣглые, а правительственное вліяніе было очень слабо. Организація властей едва зачиналась, на практикѣ же господствовало кулачное право, захваты и личныя расправы. Однако образовывалось уже землевладѣніе, конечно тоже больше путемъ захвата земель.

Систематическая колонизація съ устройствомъ управленія и внутренняго распорядка возникла въ срединѣ Елисаветинскаго царствованія, когда съ цѣлью болѣе успѣшнаго заселенія и образованія мѣстной военной силы послѣдовалъ вызовъ изъ Австріи и Турціи православныхъ выходцевъ — сербовъ, черногорцевъ, болгаръ, молдаванъ и валаховъ. Далѣе пошли: отводъ разнымъ чинамъ „ранговыхъ“ земель, земельныя пожалованія, покупки, переводъ новыми владѣльцами крѣпостныхъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній, переселеніе старообрядцевъ, приманка льготами бѣглыхъ и всякихъ переселенцевъ безъ разбора и т. п. Количественное соотношеніе этихъ элементовъ заселенія настолько неясно, что служитъ предметомъ различія мнѣній и теперь, но оно едва ли и представляетъ большой интересъ въ настоящую пору, когда слѣды былого разнообразія жителей сильно сгладились и наличное населеніе, за немногими исключеніями, представляютъ малоруссы и великоруссы. Характерныя черты прежнихъ элементовъ любопытны только какъ картинка

давней старины, когда онѣ, при своей рельефности, давали особую окраску мѣстной жизни.

Здѣсь-то въ давнюю пору существовалъ древнѣйшій изъ сохранившихся въ памяти предковъ моихъ по женской линіи— нѣкій грекъ, Мануилъ Крита, жизнь котораго слѣдуетъ относить главнымъ образомъ къ Елисаветинскому царствованію. О немъ могу сказать только то, что онъ былъ несомнѣнный землевладѣлецъ. Слѣдъ его существованія ясно сохранился въ названіи основанной имъ и названной по его имени деревни Мануйловки, которою потомъ владѣлъ мой дядя, а кромѣ того отецъ мой помнилъ видѣнную имъ въ раннемъ дѣтствѣ глубочайшую старушку дочь Криты, а свою прабабку Екатерину Мануйловну. Послѣдняя была замужемъ за сербомъ Иваномъ Маргажичемъ, капитаномъ мѣстныхъ войскъ, отецъ котораго далъ свое имя основанной имъ на самой польской границѣ, при рѣкѣ Выси, около города Новомиргорода, деревнѣ Константиновкѣ, доставшейся впослѣдствіи моему отцу, и гдѣ я родился. Дочь же Маргажича и Екатерины Мануиловны была замужемъ за прадѣдомъ моимъ Звѣревымъ.

Переселеніе заграничныхъ выходцевъ въ описываемую мѣстность, какъ извѣстно, двинуто было полковникомъ австрійской службы Иваномъ Хорватомъ, который вызвался доставить ихъ столько, что изъ нихъ въ первое же время можно будетъ составить гусарскій полкъ въ тысячу человѣкъ и пандурскій (пѣхотный) въ двѣ тысячи, со многими офицерами, а впослѣдствіи и больше. Условіемъ же своего участія онъ поставилъ принятіе его самого на русскую службу съ чиномъ генералъ-маіора и предоставленіе ему начальствованія въ заселяемой мѣстности. Основнымъ мотивомъ Хорвата, конечно, былъ авантюризмъ, съ честолюбіемъ и властолюбіемъ, но семейное преданіе (племянникъ жены Хорвата и мой дѣдъ были женаты на дочеряхъ Звѣрева) прибавляетъ къ этому еще особую причину: у Хорвата произошло какое-то рѣзкое столкновеніе съ важнымъ придворнымъ императрицы Маріи-Терезіи, послѣ чего онъ ожидалъ для себя большихъ непріятностей, тогда какъ въ Россіи ему представились заманчивыя перспективы. Предложеніе Хорвата было принято, онъ получилъ все желаемое; и съ 1751 года началось фактическое движеніе переселенцевъ. Имъ предоставлена была сѣверная полоса нынѣшней Новороссіи, вдоль польской границы, причемъ странѣ этой дано названіе Новой Сербіи, съ учрежденіемъ центра управленія во вновь основанномъ въ 1752 году городѣ Новомиргородѣ (теперь заброшенный безуѣздный горо-

дишко). Образуемые полки велѣно было селить ротами, память о чемъ сохранилась въ народной рѣчи до настоящаго времени; такъ, селенія, имѣющія оффиціальныя названія, напр. Мартоношь, Панчевъ, Федваръ—по народному часто зовутся: „восьмая", „девятая", „тринадцатая" рота. Укрѣпленія же, называвшіяся шанцами, устроивались еще раньше прихода сербовъ.

Хорватъ, однако, былъ не единственнымъ колонизаторомъ новороссійскихъ мѣстностей. Вслѣдъ за нимъ сербы полковники Шевичъ и Прерадовичъ привели другихъ заграничныхъ славянъ, которые поселялись въ восточной части нынѣшней екатеринославской губерніи (Славяно-Сербія), а молдаванъ и валаховъ привели полковникъ Штеричъ и маіоръ Звѣревъ. Съ этимъ-то послѣднимъ и связаны мои херсонскія фамильныя преданія. Согласно послѣднимъ, Звѣревъ самъ былъ молдаванинъ (по документамъ,—„изъ волошскаго шляхетства") и первоначально прозывался Урсулъ; потомъ отчего-то его называли Лупулъ, а далѣе изъ этой сбивчивости возникло новое переименованіе. Кто-то изъ начальства, для устраненія путаницы, порѣшилъ: Урсулъ или Лупулъ, медвѣдь или волкъ, все равно—звѣрь; такъ будь же ты по-русски Звѣревъ. Такъ и пошла по документамъ эта послѣдняя фамилія.

Звѣревъ, по семейному преданію, прожилъ вѣкъ холостымъ, но когда уже пріобрѣлъ вѣское общественное и имущественное положеніе, то пожелалъ оставить по себѣ преемника. Тутъ вспомнилось ему, какъ, будучи еще ребенкомъ, остался онъ круглымъ сиротою, совершенно безпомощнымъ. Призрѣлъ его тогда бѣдный дьячокъ Песковскій, который его выкормилъ, обучилъ на свои жалкія средства и опредѣлилъ на службу, послѣ чего Звѣревъ потерялъ изъ виду своего воспитателя. Когда же Звѣревъ задумалъ о пріисканіи себѣ наслѣдника, то пришелъ къ мысли отблагодарить своего воспитателя хотя въ лицѣ кого-либо изъ его потомковъ. Послѣ розысковъ, нашелъ онъ въ черниговской губерніи одного изъ потомковъ Песковскаго, находившагося въ точно такомъ же бѣдственномъ положеніи, въ какомъ былъ въ дѣтствѣ онъ самъ, т.-е. малолѣтняго сироту. Звѣревъ принялъ этого ребенка, воспиталъ уже сообразно своимъ средствамъ, пристроилъ на службу, исходатайствовалъ передачу ему своего имени и сдѣлалъ наслѣдникомъ. Такъ, потомокъ Песковскаго тоже сталъ Звѣревъ, и это былъ мой прадѣдъ, Моисей Михайловичъ, владѣвшій потомъ пятью деревнями въ херсонской губерніи.

Сербское управленіе вновь заселенною мѣстностью было безпорядочное, деспотическое. Получивъ власть надъ Новою Сербіею

и расположенными въ ней полками, Хорватъ далъ полную волю своему властолюбію, притѣсняя подчиненныхъ и проявляя склонность ко всякимъ злоупотребленіямъ. Правительство онъ обманывалъ своими донесеніями, въ которыхъ увѣрялъ, будто заселеніе идетъ очень успѣшно, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно подвигалось до того плохо, что колонизаторы переманивали переселенцевъ другъ у друга. Отпускавшіяся казною средства Хорватъ тратилъ произвольно, недобросовѣстно, и это вызывало жалобы и доносы. Случалось, что онъ задерживалъ у себя даже назначенное войскамъ жалованье. Населеніе, въ свою очередь, вопіяло противъ притѣсненій. Но въ первые годы Хорватъ довольно ловко оправдывался, умѣя находить въ высшихъ сферахъ протекціи, а жалобы оставались безъ послѣдствій. По преданію, обычная поговорка у него была такая: „Богъ на небѣ, императрица въ Петербургѣ, а Хорватъ въ Новой Сербіи"! Этою поговоркою онъ отвѣчалъ на жалобы, протесты и волненія, считая совершенно достаточнымъ внушать всюду понятіе лишь о своемъ могуществѣ, способномъ пересилить всякое недовольство. Свой необузданный нравъ онъ хотѣлъ поставить для всѣхъ закономъ.

Разъ, по преданію, онъ долго не выдавалъ войскамъ жалованья. Ему напоминали, просили, наконецъ стали настойчиво требовать. Послѣ многихъ отговорокъ онъ, наконецъ, придумалъ такую эффектную выходку. Приказалъ недовольнымъ воинскимъ чинамъ собраться въ воскресенье на соборную площадь въ Новомиргородѣ и ожидать конца обѣдни, послѣ которой будетъ-де расплата. Когда же обѣдня отошла,—онъ выставилъ противъ собравшихся пушки и велѣлъ сдѣлать изъ нихъ холостые выстрѣлы, послѣ чего возгласилъ:—Вотъ вамъ жалованье! Знайте, что Богъ на небѣ, императрица въ Петербургѣ, а въ Новой Сербіи—Хорватъ!

Такое управленіе могло продолжаться только нѣсколько лѣтъ. Враговъ Хорватъ нажилъ много, выступили завистники, и паденіе его подготовлялось быстро. При умноженіи жалобъ, особенный вѣсъ получило донесеніе бригадира Муравьева, который указывалъ, что притѣсненія Хорвата даже у готовыхъ переселяться въ Новую Сербію отбиваютъ къ тому охоту. Обвиняли Хорвата также въ насильномъ переводѣ переселенцевъ изъ Польши и въ побужденіяхъ къ набѣгамъ на пограничныя мѣстности. Наконецъ, въ 1763 году онъ уже былъ лишенъ власти и самъ потребованъ къ отвѣту. Исторически извѣстно, что дѣло о его злоупотребленіяхъ и о новомъ преобразованіи управленія мѣстностью разсматривалось въ Петербургѣ двумя братьями графами

Паниными, но и тутъ сказывался упрямый, неуступчивый нравъ Хорвата. При своихъ объясненіяхъ, онъ держалъ себя такъ рѣзко, вызывающе, что раздражилъ противъ себя своихъ разслѣдователей. Предполагалось даже присудить его къ смертной казни, но приговоръ этотъ былъ смягченъ до лишенія чиновъ.

Таковы историческія свѣдѣнія. Но преданіе прибавляетъ къ нимъ еще другія черты. Скоро послѣ начатія обвинительнаго дѣла, Хорватъ удаленъ былъ на жительство въ Вологду, гдѣ, вслѣдствіе нравственныхъ потрясеній и безпрестаннаго уязвленія необузданнаго самолюбія, натура его не выдержала. Дѣло затянулось, и Хорватъ приписывалъ это мстительности своихъ противниковъ, будто бы желавшихъ нарочно его томить. Главнымъ врагомъ своимъ онъ считалъ одного изъ гр. Паниныхъ. Дошло до того, что подъ вліяніемъ угнетающаго представленія о гоненіи сильными людьми Хорватъ сошелъ съ ума. Жена его, Магдалина Ивановна, поплелась въ Петербургъ и со слезами пала къ ногамъ императрицы. Жалуясь на Панина и моля объ облегченіи положенія мужа, она не упустила при этомъ возможности выпрашивать и себѣ вспомоществованія, несмотря на то, что собственныя средства Хорватовъ были на самомъ дѣлѣ довольно значительны. Ей удалось разжалобить императрицу, получить помощь и нѣсколько подвинуть ходъ дѣла. По преданію, императрица, поколебленная въ довѣріи къ безпристрастію Панина, будто бы, даже велѣла ему выдавать изъ собственныхъ его средствъ пособія женѣ Хорвата во все продолженіе дѣла, и Панинъ платилъ, но все-таки замедлялъ развязку. Когда же дѣло было кончено и Хорватъ опять появился въ Петербургѣ, Магдалина Ивановна сочла нужнымъ еще исполнить церемонію выраженія благодарности самому Панину. Она повезла къ нему сумасшедшаго мужа, который, не сознавая, куда и зачѣмъ его везутъ, только пассивно повиновался. Но едва Хорватъ увидѣлъ вышедшаго къ нему Панина, какъ въ немъ вдругъ проснулось прошлое, и тутъ послѣдовалъ такой взрывъ накопившейся злобы, что Хорватъ стремительно бросился на своего врага съ ругательствами и угрозами, и Панинъ долженъ былъ поспѣшно ретироваться въ другую комнату. Послѣ того Хорватъ умеръ.

Между тѣмъ, масса приведенныхъ въ Новую Сербію заграничныхъ выходцевъ прикрѣплялась къ землѣ и связывалась интересами съ новымъ отечествомъ. Велика или невелика она была въ общей совокупности мѣстнаго населенія, но въ составѣ верхняго класса она, во всякомъ случаѣ, представляла настолько крупный элементъ, что могла давать свою оригинальную окраску

мѣстному офицерству и складывавшемуся помѣстному дворянству. Люди съ сербскими, черногорскими и молдо-валахскими фамиліями преобладали въ такъ-называемомъ „обществѣ“, что̀ оставило ясные слѣды до настоящаго времени, въ видѣ особенной распространенности подобныхъ фамилій среди херсонскаго дворянства. Стратиновичи, Младиновичи, Угречичи, Пищевичи, Буличи, Станковичи, Стратемировичи, Цвѣтиновичи, Булацели, Эрдели и т. под. встрѣчались всюду. Участь этого своеобразнаго элемента представляетъ особый интересъ.

Въ первое время, пришельцы очень рѣзко отличались отъ русскихъ. Инородчество ихъ бросалось въ глаза. Въ домашней и отчасти даже оффиціальной жизни они держались своего роднаго языка, отличались особыми нравами и привычками; буйныя склонности ихъ плохо мирились съ служебною дисциплиною и русскими общественными обычаями. Но при всемъ томъ были большіе задатки ассимиляціи съ русскимъ населеніемъ, и эта ассимиляція, можно сказать, совершалась съ самаго начала, хотя постепенно, но свободно. Такими задатками являлись: единство вѣры и взаимная близость народностей, такъ какъ не-славянами въ составѣ переселенцевъ были только молдаване и валахи, но и тѣ легко поддавались вліянію постояннаго общенія съ русскими и остальными русѣвшими выходцами. А ко всему этому присоединялось отсутствіе внѣшнихъ объединительныхъ давленій. Ни племенной подозрительности, ни узко-національныхъ вопросовъ относительно пришельцевъ тогда не возбуждали, и это безпристрастіе сдѣлало для взаимнаго сліянія гораздо больше, чѣмъ могли бы сдѣлать какія-либо преднамѣренныя, искусственныя мѣры, всегда способныя возбуждать инстинкты розни или оппозиціи. Сербы покровительствовались даже именно въ качествѣ сербовъ. Скоро пришельцы почувствовали себя какъ дома, привязались къ новому отечеству и служили ему, какъ умѣли. Словомъ, ассимиляція шла какъ бы незамѣтно для самихъ ассимилируемыхъ, такъ что нельзя было и приблизительно отмѣтить времени, когда именно сербское или молдавское семейство превращалось въ русское. Помню, какъ въ дѣтствѣ, уже въ половинѣ XIX вѣка, встрѣчалъ я между херсонскими помѣщиками многихъ потомковъ первыхъ поселенцевъ и всѣ они были совершенно русскіе, но въ ихъ семьяхъ обращались еще преданія о томъ, какъ ихъ дѣды говорили сербскимъ или молдавскимъ языкомъ, пѣли свои пѣсни, употребляли старыя свои поговорки, ѣли національныя блюда и вообще окружались бытовыми особенностями, занесенными съ прежней родины.

Первые поселенцы и ближайшіе ихъ преемники отличались, по преданіямъ, воинственностью, простотою нравовъ и образа жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ—грубостью и крайнею склонностью къ самоуправству и всякаго рода насиліямъ. Примѣровъ личной ихъ храбрости и увлеченія военными подвигами разсказывалось много, особенно—относившихся къ войнамъ съ турками, такъ какъ въ туркѣ и сербъ, и черногорецъ, видѣли не только злого иновѣрца, но и исконнаго врага своего племени, съ которымъ на смерть боролись цѣлые ряды ихъ предковъ. Въ войнѣ съ турками разомъ выступали и патріотическій, и религіозный мотивы, отчего борьба эта представлялась чѣмъ-то священнымъ. А въ Екатерининское время подобной борьбы было довольно. Разсказы, какъ такой-то разсѣкъ саблею турецкаго богатыря гдѣ-нибудь подъ Кагуломъ или Очаковомъ, какъ другой вышибъ изъ сѣдла турецкаго наѣздника, а третій срубилъ голову какому-нибудь пашѣ, были предметомъ любимѣйшихъ воспоминаній и похвальбы новосербскихъ офицеровъ до глубокой старости. Подобные люди для тогдашнихъ турецкихъ войнъ, конечно, были очень цѣнны, однако, по тѣмъ же преданіямъ, не одинаковую они встрѣчали оцѣнку: покровительствовала имъ императрица Екатерина, но очень не жаловалъ ихъ Потемкинъ.

Среди сербовъ очень распространено было убѣжденіе, что у царицы они всегда найдутъ управу на своихъ обидчиковъ. Чуть что̀ серьезное случится—сейчасъ заговаривали, что надо жаловаться царицѣ. Потемкинъ же относился къ нимъ явно пренебрежительно, и ему даже приписывали такую поговорку: „двухъ диковинъ не видалъ я въ своей жизни—зеленаго коня (такъ сербы называли бѣлаго) и умнаго серба“. На почвѣ такихъ отношеній возникало не мало анекдотовъ, въ которыхъ если и были грубыя преувеличенія, искаженія и прикрасы, то въ свою очередь показывавшія, какъ понимали сербы отношеніе къ нимъ правительства.

Разъ, по преданію, Потемкинъ, осматривая войско, разсердился на часть, находившуюся подъ начальствомъ какого-то Стратиновича, и приказалъ: отнять у него команду! Стратиновичъ вскипѣлъ до забвенія о всякой дисциплинѣ и, подскакавъ къ Потемкину, произнесъ нараспѣвъ: „Кукуреку, ваша свѣтлость, не ты мнѣ далъ, не ты и возьмеши-и! Поѣду жаловаться къ матушкѣ царицѣ“. Вслѣдъ затѣмъ онъ, дѣйствительно, отправился въ Петербургъ и возвратился съ распоряженіемъ—вернуть ему команду.

Другое столкновеніе съ Потемкинымъ приписывалось гене-

ралу Текелли. Потемкинъ вообще не щадилъ сербскихъ отрядовъ, посылалъ ихъ въ самыя опасныя мѣста, безжалостно отказывалъ имъ въ подкрѣпленіяхъ и даже иронизировалъ надъ трудностью ихъ положенія, отвѣчая на просьбы о помощи тѣмъ, что такіе молъ храбрецы, какъ сербы, сами должны умѣть справляться со всякими опасностями. И вотъ, разъ, очутился въ подобномъ положеніи отрядъ Текелли. Послѣдній послалъ къ Потемкину за помощью разъ и другой, приказавъ передать ему: „оставь свою политику и помни о нашемъ общемъ дѣлѣ“! Но и на это въ отвѣтъ получены были однѣ ироническія отговорки. Тогда Текелли, въ крайнемъ раздраженіи, будто бы самъ полетѣлъ къ Потемкину и, увидѣвъ его, грозно возгласилъ, потрясая саблею: „Потемкинъ, брате, политика политикою, а рубатися треба“! Столкновеніе вышло настолько горячее, что нужная помощь была, наконецъ, вырвана у Потемкина. Такъ ли было, но приведенное восклицаніе обратилось потомъ въ мѣстную поговорку.

Увѣренность сербовъ въ покровительствѣ царицы создавала почву для легендъ, которыя, распространяясь въ кругу людей попроще, принимали даже курьезныя формы. Вотъ, напримѣръ, одна изъ нихъ. Обиженъ былъ какимъ-то начальствомъ капитанъ Бука и рѣшилъ немедленно искать правды у царицы. Сѣлъ Бука на своего зеленаго коня и поѣхалъ прямо въ Петербургъ, а какъ подъѣхалъ ко дворцу, то увидѣлъ у воротъ три столба, изъ которыхъ у одного кольцо золотое, у другого серебряное, а у третьяго мѣдное. Не желая ни заноситься, ни понижать своего достоинства, Бука привязалъ коня къ серебряному и пошелъ прямо во дворецъ. Вошелъ въ одну роскошную комнату—нѣтъ никого; прошелъ въ слѣдующую—тоже пусто; а въ третьей на диванчикѣ передъ столикомъ сидитъ, поджавъ подъ себя ноги, сама царица и кушаетъ „кавьяръ“ (икру). Бука назвалъ себя; царица, разумѣется, уже знала о его заслугахъ и радостно его привѣтствовала: „А, Бука, Бука, старый слу́га, како се маишь“ (каково поживаешь)?—Худо,—отвѣчалъ Бука—и, ставъ на колѣни, сейчасъ разсказалъ про свою обиду. Царица выслушала, разспросила подробнѣе, и тутъ же рѣшила дѣло въ его пользу. Потомъ царица спросила: „А піешь ты, Бука, ракію (водку)?“ —Піемъ, — отвѣчалъ Бука. — „А какую ты піешь, горькую или сладкую?“ — Піемъ и горькую, піемъ и сладкую. — Тогда, по данному знаку, явилась прислуга и поднесла Букѣ подносъ съ двумя графинами. Бука налилъ рюмку горькой и выпилъ, а потомъ налилъ сладкой и тоже выпилъ. Далѣе послѣдовалъ со стороны царицы новый вопросъ:—„А пушешь ты, Бука, ду́ганъ

(куришь ли табакъ)"? — Пушимъ,—отвѣчалъ Бука и, получивъ разрѣшительный знакъ, досталъ свой кисетъ съ табакомъ, набилъ трубку и закурилъ. „Я бы и сама пушила, — поощрительно добавила царица:—да у меня глава болитъ". Аудіенція кончилась. Бука опять на колѣняхъ поблагодарилъ за милость, вышелъ изъ дворца, отвязалъ своего зеленаго коня отъ серебрянаго кольца и поскакалъ домой, довольный побѣдою надъ своими противниками.

Но тотъ же воинственный духъ новосербскихъ поселенцевъ, та же вѣра въ право сабли, которые были такъ полезны въ турецкихъ войнахъ, приносили другіе плоды въ мирное время, отражаясь въ сосѣдскихъ отношеніяхъ, особенно съ ближайшими польскими областями. Неугомонный воинъ, а на ряду съ нимъ и просто запальчивый или своекорыстный землевладѣлецъ плохо уживались и съ единоплеменными сосѣдями, а еще болѣе считали позволительнымъ безцеремонно направлять свою силу и энергію за границу государства. Нерѣдко съ русской стороны производились вторженія въ польскую область съ цѣлью разоренія, увода людей для поселенія на пустыя земли, а также ради всякихъ другихъ имущественныхъ добычъ. О прапрадѣдѣ моемъ Маргажичѣ (тестѣ Звѣрева) существовало преданіе, по которому онъ съ набраннымъ отрядомъ не разъ врывался въ южную часть нынѣшней кіевской губерніи, разорялъ имѣнія, жегъ и грабилъ костелы и наводилъ тамъ такой страхъ, что его даже въ костелахъ проклинали съ потомствомъ до четвертаго поколѣнія. И онъ не былъ исключеніемъ. Но зато случалось и такъ, что иные вторгавшіеся не возвращались домой, а пропадали безъ вѣсти. Бывали и своего рода регулярныя нападенія. Вотъ, напримѣръ, легенда объ одномъ.

Городъ Новомиргородъ былъ русскимъ пограничнымъ пунктомъ, а за рѣкою Высью, верстахъ въ двухъ, находилось существующее и теперь мѣстечко Злотополь, отъ котораго начинались уже польскія владѣнія. Разъ начальникъ новомиргородскаго укрѣпленія, съѣздивъ зачѣмъ-то въ Злотополь, встрѣтился тамъ съ мѣстнымъ польскимъ начальникомъ и у нихъ вышла крупная ссора. Полякъ оскорбилъ нашего рѣзкими выраженіями и угрозами. Нашъ, вернувшись подъ защиту своего шанца, задумалъ отомстить, но, опасаясь большой отвѣтственности, хотѣлъ только хорошенько пугнуть противника, ради удовлетворенія уязвленнаго самолюбія. Какъ только наступила ночь, онъ, собравъ свой отрядъ, двинулся на Злотополь въ полномъ вооруженіи, однако съ зарядами безъ пуль. Въ Злотополѣ поднялась тревога. Поль-

скій отрядъ, въ свою очередь, поспѣшилъ встрѣтить нашествіе, и хотя онъ состоялъ всего изъ тринадцати человѣкъ „народовой кавалеріи“, но они вооружились уже не шутя. Нѣкоторое время обѣ стороны маневрировали и вступали въ какіе-то переговоры; но когда поляки требуемой сатисфакціи не оказали,— нашъ начальникъ скомандовалъ палить и грянулъ залпъ. Никакого вреда отъ него, конечно, не произошло, а одинъ громъ холостыхъ выстрѣловъ ожиданнаго эффекта не произвелъ. Полякъ же, сочтя себя въ правѣ отвѣчать серьезно на враждебное нападеніе, тоже велѣлъ стрѣлять, и его огонь вышелъ уже дѣйствительнѣе: нѣсколько человѣкъ съ русской стороны было ранено, и самовольный начальникъ съ великою досадою долженъ былъ ретироваться въ городъ, провожаемый польскими насмѣшками. Ему за эту экспедицію хорошо досталось отъ старшей надъ нимъ власти, а польскій командиръ отправилъ своему начальству хвастливую реляцію объ успѣшномъ отраженіи гораздо сильнѣйшаго непріятеля отъ государственной границы, и удостоился отъ своего правительства награды, какъ за блистательный военный подвигъ.

Самоуправный, вспыльчивый характеръ новосербскихъ офицеровъ и помѣщиковъ рѣзко сказывался и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Не безопасно бывало участіе въ ихъ обществѣ, собравшемся даже для такихъ мирныхъ цѣлей, какъ взаимныя посѣщенія и угощенія. Соберется компанія, встрѣтятся люди, имѣющіе между собою давніе счеты, выйдетъ изъ-за чего-нибудь горячій споръ и—дѣло доходитъ до сабель. Не легко было справляться съ ними и властямъ. Явятся, напримѣръ, въ имѣніе такого владѣльца чиновники для исполненія какого-нибудь судебнаго рѣшенія,—раздраженный хозяинъ встрѣтитъ ихъ вооруженною рукою и разгромитъ такъ, что тѣ рады-рады, если удалось убраться по-здорову, безъ увѣчья или хоть съ легкимъ поврежденіемъ; а послѣ того—рапортуй, пиши сколько хочешь— долго не угомонятъ самоуправнаго владѣльца, въ глазахъ котораго судъ не много значитъ, когда есть сабля.

Зато и самимъ помѣщикамъ неспокойно жилось отъ такъ называемыхъ „гайдамаковъ“, именемъ которыхъ преданія объединяли и разсѣявшихся послѣ разоренія Сѣчи запорожцевъ, и остатки возставшихъ противъ польской власти крестьянъ сосѣднихъ селеній кіевской губерніи (Коліевщина), и разныхъ бродягъ, и всякихъ грабителей. Жившіе въ городѣ или военномъ селеніи еще могли не опасаться, но проживаніе въ деревнѣ, не имѣвшей подобной защиты, или даже поѣздка въ такую деревню

соединялись для помѣщика съ изряднымъ рискомъ. Гайдамаки еще ладили съ крестьянами, но помѣщиковъ очень не любили. Иной помѣщикъ попробуетъ навѣстить свою деревню безъ охраны, а тутъ его и подстерегутъ. Помѣщица же, посѣщая свое имѣніе, часто не рѣшалась даже останавливаться въ господскомъ домѣ, а помѣщалась на ночь въ хатѣ у какого-нибудь мужика, переряжалась въ мужичку и пачкала себѣ лицо и руки землею, чтобъ въ ней нельзя было сразу узнать барыню и не разглашался ея пріѣздъ, по слѣду котораго могли нагрянуть гайдамаки. Сколько-нибудь цѣнное имущество тоже надо было хорошо прятать. Однимъ изъ остатковъ такихъ тревожныхъ условій было образованіе массы преданій о зарытыхъ въ землю кладахъ. Помню, какъ много подобныхъ сказаній держалось въ этой мѣстности еще въ половинѣ минувшаго столѣтія, даже въ нашей деревнѣ: и подъ такимъ-то камнемъ, и въ такомъ-то углу все лежатъ большіе клады; тамъ зарылъ такой-то, а здѣсь—другой. И не безъ основанія все это передавалось, хотя очень рѣдко случались сколько-нибудь удачные поиски. Въ тревожную пору, зароетъ, бывало, кто-нибудь для охранности въ землю, а потомъ самъ отправится въ Польшу грабить или вербовать поселенцевъ, да и пропадетъ безъ вѣсти, не передавъ никому секрета, а зарытое осталось на мѣстѣ, никѣмъ невѣдомое или подозрѣваемое немногими, которые потомъ въ старости болтали о томъ по затемнившейся памяти, путая и перевирая примѣты.

Въ семейномъ быту новосерба господствовали жесткія формы патріархальности, доходившія до полнаго деспотизма. Хозяинъ былъ въ совершеннѣйшемъ смыслѣ глава дома. Жены большею частью находились въ полномъ повиновеніи у своихъ мужей. Иныя, сами отличавшіяся очень рѣшительнымъ характеромъ въ расправахъ съ домашними и даже при столкновеніяхъ съ сосѣдями, пикнуть не смѣли, когда мужъ почему-нибудь впадаетъ въ грозное настроеніе. Чуть жена осмѣлится противорѣчить, ей придется выслушать грозный окрикъ: „Маро, не люблю я, чтобъ курица смѣла пѣть пѣтухомъ“!—И Маро сейчасъ же стушуется. Такія забавы, какъ заставлять жену прыгать черезъ саблю, или, во время танцевъ, отстрѣливать у жены каблучки башмаковъ изъ пистолета—водились и у новосербовъ. Безропотно переносились самыя дикія супружескія выходки. Проживъ десятки лѣтъ съ подобнымъ мужемъ, жена, и овдовѣвъ, сохраняла изъ всѣхъ воспоминаній о былой супружеской жизни преимущественно память о страхѣ. Разъ въ домѣ прапрабабки моей, Екатерины Мануиловны, когда она была уже глубокою старухою, перебирали ка-

кой-то вещевой хламъ, и вдругъ откуда-то свалился заброшенный старый портретъ ея умершаго мужа, Маргажича. Увидѣвъ его, старуха, подъ первымъ безсознательнымъ впечатлѣніемъ, крикнула въ ужасѣ: „Боже мой, ты и теперь еще не оставишь меня въ покоѣ“! И не скоро пришла она въ себя, увѣрившись, что тутъ только портретъ. Такъ памятенъ былъ ей мужъ.—Та же патріархальная власть иногда безсрочно держалась и надъ взрослыми дѣтьми. Разъ старикъ-отецъ жестоко высѣкъ своего семейнаго сына за то, что тотъ, проходя мимо церкви, забылъ перекреститься.

БИБЛІОТЕКА

Если худшимъ образцомъ сербскихъ начальниковъ являлся Хорватъ, то лучшимъ преданія изображали генералъ-аншефа Текелли. Онъ былъ уроженецъ венгерскаго города Арада, „націи славяно-сербской“. Въ послѣдніе годы своей долгой службы, начальствуя надъ войсками въ Новороссіи, Текелли проживалъ въ городѣ Новомиргородѣ, гдѣ и умеръ въ 1792 году, и погребенъ въ тамошнемъ соборѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся донынѣ надъ его могилою надпись.

Всѣ воспоминанія о Текелли отличались какимъ-то благоговѣйнымъ характеромъ, изображая Петра Абрамовича человѣкомъ справедливымъ, хотя и строгимъ по службѣ, глубоко религіознымъ, добрымъ, благотворительнымъ, общительнымъ, сторонникомъ правды и вмѣстѣ—военнымъ героемъ. Большая часть окружавшихъ прямо восхищались имъ. Въ дѣтствѣ своемъ я встрѣчалъ еще людей, которые хотя не могли знать Текелли лично, но со словъ отцовъ своихъ передавали нѣкоторыя черты его личности, причемъ у одного помѣщика даже сохранялся древній портретъ Текелли. Вотъ нѣкоторыя черты его образа жизни въ послѣдніе годы, по словамъ преданій.

Текелли жилъ на краю города въ такъ донынѣ называемомъ архіерейскомъ саду, представляющемъ остатокъ давняго парка. Каждое воскресенье, какъ только въ соборѣ отойдетъ первый благовѣстъ къ обѣднѣ, около собора уже слышится скрипъ цѣпей и громыханье движущейся большой тяжести. Это значило, что отъ архіерейскаго сада, слишкомъ за версту, двинулся уже къ церкви стариннаго устройства многопудовый экипажъ Петра Абрамовича, съ цѣпями вмѣсто рессоръ. Подъѣхавъ къ паперти, Текелли, среди общихъ поклоновъ, входилъ въ церковь и становился впереди. Общее вниманіе привлекали къ себѣ его величественная наружность, высокій ростъ и большіе, проницательные глаза; въ немъ находили внѣшнее сходство съ Петромъ Великимъ. Уставивъ глаза на иконостасъ, Текелли всю обѣдню

не отводилъ ихъ въ сторону, сосредоточиваясь на молитвѣ. Когда церковный староста пойдетъ среди народа съ кружкою, Текелли неизмѣнно опускалъ въ нее золотой червонецъ, а при выходѣ изъ церкви обращался къ нищимъ и щедро одѣлялъ ихъ. По окончаніи же обѣдни, мѣстные начальники, городскіе и съѣхавшіеся изъ сосѣднихъ „ротъ", отправлялись къ Петру Абрамовичу въ домъ привѣтствовать его и приглашались имъ къ обѣду, въ которомъ главный элементъ составляли національныя блюда. Тутъ токайское лилось рѣкою, общество оживлялось до полной непринужденности, а къ концу обѣда угощенные гости уже переходили отъ словъ къ національнымъ пѣснямъ. Затянетъ кто нибудь:

„Ой семъ ѣхалъ я младецъ
На зе́леномъ (бѣломъ) коню"...

а тамъ подхватятъ другіе—и польются различныя воспѣванія воинскихъ подвиговъ въ борьбѣ съ турками, одна за другой слѣдуютъ старинныя народныя, преимущественно сербскія пѣсни и т. под. Далѣе выступаетъ неизмѣнный старый капитанъ Міушковичъ съ особымъ мусикійскимъ инструментомъ, носившимъ названіе „гусла", и монотонная музыка сливается съ общимъ пѣніемъ, которое подогрѣвается новыми пріемами токайскаго. Расшевеливаются старые національные мотивы, развязываются разныя славянскія нарѣчія, вспоминаются отцовскія и дѣдовскія сказанія, гости веселятся и вмѣстѣ плачутъ, растроганные пробужденіемъ памяти о дорогой старинѣ, и такъ продолжается до ночи, пока пріѣзжимъ пора наконецъ разъѣзжаться по своимъ ротамъ.

Не такъ пріятно, однако, проводили это время семейства пировавшихъ у Текелли, ожидая, въ какомъ настроеніи вернется съ пира домой глава семьи. Вотъ слышанный мною въ дѣтствѣ разсказъ внука одного изъ участниковъ Текелліевскаго пира, херсонскаго помѣщика Булацеля. Дѣдъ его командовалъ въ „восьмой ротѣ", въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Жена его, сидя дома, тоскливо и тревожно ждала вечера, а когда уже стемнѣетъ — отдавала по-молдавски обычный приказъ служителю: „Флора, гайда де мине"!—Это значило: ступай на гору и высматривай. Флора садился на коня, выѣзжалъ за селеніе, на „раскопанную могилу", и съ этого сторожевого поста пристально вглядывался на дорогу изъ города. Если экипажъ возвращавшагося командира ѣхалъ спокойнымъ, ровнымъ ходомъ,—Флора направлялся домой съ утѣшительнымъ извѣстіемъ, что все благо-

получно. Но если экипажъ летѣлъ вскачь, а кучеръ неистово хлопалъ бичемъ,—Флора стремглавъ спѣшилъ съ предупрежденіемъ: „Утекайте, барыня, великая бѣда будетъ!“—Всѣ домашніе разбѣгались, кто куда попало, а исполненный даровъ Вакха командиръ, войдя въ опустѣлый домъ, немедленно изливалъ свою ярость, опрокидывая мебель, швыряя посуду, разбивая окна, ломая все, что̀ попалось подъ руку, и т. д. Послѣ этого овладѣвалъ имъ продолжительный богатырскій сонъ, въ теченіе котораго домашніе потихоньку возвращались, и затѣмъ жизнь дома приходила къ обычному теченію—до слѣдующаго воскресенья.

Хотя Текелли былъ человѣкъ одинокій, но иногда онъ устроивалъ у себя и вечернія увеселенія семейнаго характера, въ родѣ баловъ, на которые подчиненные приглашались съ женами и дочерьми. Тутъ все уже нѣсколько примѣнялось къ тогдашнему свѣтскому тону и національные танцы шли въ перемежку съ принятыми въ русскомъ обществѣ. Попеченіе о дамскихъ удобствахъ возлагалось на сѣдоусаго капитана, который въ этомъ отношеніи отличался особенною заботливостью, хотя и съ оттѣнкомъ большой старинной простоты. Онъ распоряжался танцами, зорко слѣдилъ за угощеніями, а временами подходилъ то къ одной, то къ другой дамѣ, спрашивая въ полголоса по-сербски, не чувствуетъ ли она желанія пройти на нѣкоторое время... въ уборную. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, любезный капитанъ выводилъ даму изъ танцовальной комнаты подъ-руку и показывалъ ей путь.

Одного старика встрѣчалъ я даже лично видѣвшаго Текелли. Свою встрѣчу съ послѣднимъ онъ описывалъ такъ: будучи малымъ мальчикомъ, сидѣлъ онъ разъ на завалинкѣ домика своего отца, церковнаго старосты. Вдругъ по улицѣ проходитъ или проѣзжаетъ Текелли. Мальчикъ вскочилъ, снялъ шапку и поклонился. Текелли остановился, подозвалъ его къ себѣ, разспросилъ, чей онъ сынъ, сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ, погладилъ мальчика рукою по головѣ и подарилъ гривенникъ. Слышалъ я кое-что и о погребеніи Текелли: о немъ очень сожалѣли, многіе плакали, такъ какъ онъ пользовался общимъ уваженіемъ и любовью. Въ домѣ его нѣсколько дней кормились нищіе и всѣмъ просителямъ раздавались гривенники и злотые (15 коп. монета); но когда было замѣчено, что многіе этимъ злоупотребляли, являясь за полученіемъ по нѣскольку разъ, то придумана была не хитрая предупредительная мѣра: у получавшихъ стали намѣчать мѣломъ на спинѣ отличительный знакъ.

Прадѣдъ мой Звѣревъ вышелъ въ отставку за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Текелли, въ штабѣ котораго служилъ, и засѣлъ въ свои деревни, гдѣ прожилъ еще болѣе четверти вѣка, разсказывая, между прочимъ, своимъ внукамъ очень многое о былыхъ временахъ, знакомыхъ ему лицахъ, давнихъ нравахъ и т. под. Говоря о своей службѣ, онъ особенно дорожилъ своимъ владимірскимъ крестомъ, который собственноручно прикрѣпила ему къ груди сама императрица Екатерина, во время ея знаменитаго путешествія по югу Россіи, когда прадѣдъ верхомъ сопровождалъ ея экипажъ по какому-то административному району. У Звѣрева было два сына и двѣ дочери. Старшій сынъ убитъ въ 1812 году, а младшій, Михаилъ Моисеевичъ, очень успѣшно совершалъ служебную карьеру. Раненый въ первый день Бородина, онъ, по словамъ его формуляра, участвовалъ потомъ въ сраженіяхъ: при Люценѣ, Бауценѣ, Рейхенбахѣ, Дрезденѣ, „подъ деревнею Кульмою“, подъ Лейпцигомъ, при Бріенѣ, Баръ-сюръ-Обѣ, Лабрусели, Труа, Арсисѣ, Феръ-Шампенуазѣ, „подъ городомъ Парижемъ и при занятіи онаго, а съ 2 по 19 марта (1814) въ ежедневныхъ авангардныхъ дѣлахъ“. Обративъ на себя вниманіе высшаго начальства, онъ, между прочимъ, покровительствовался генераломъ Винценгероде и принцемъ Евгеніемъ Виртембергскимъ, но тѣ же служебные успѣхи его и погубили. Втянувшись въ общеніе съ военною знатью, онъ долженъ былъ жить не по средствамъ и запутался въ долги, а когда въ отвѣтъ на одну изъ отчаянныхъ просьбъ къ отцу о присылкѣ нѣсколькихъ тысячъ рублей для уплаты какого-то щекотливаго долга получилъ, вмѣсто денегъ, длинныя наставленія, то — застрѣлился. Такъ мужское потомство Звѣрева пресѣклось, а имѣнія его перешли къ дѣтямъ дочерей, Воропоновымъ и Цвѣтиновичамъ, причемъ на долю моего отца досталась та деревня Константиновка, елисаветградскаго уѣзда, гдѣ я родился и которую отецъ продалъ въ пятидесятыхъ годахъ.

Обрусѣніе потомства бывшихъ сербскихъ и молдавскихъ выходцевъ съ каждою смѣною поколѣній совершало значительный скачокъ впередъ, подъ вліяніемъ воспитанія въ Россіи, среди общихъ русскихъ условій. Люди съ свѣжими преданіями и привычками иноземства сознавали необходимость учить дѣтей вполнѣ по-русски, и какъ ни слабы были образовательныя средства мѣстности даже въ началѣ XIX вѣка, но эти средства во всякомъ случаѣ были уже совершенно русскія. Среднихъ учебныхъ заведеній было очень мало и для многихъ они были почти недоступны уже по дальности разстояній, но отцы старались поль-

зоваться воспитательными рессурсами, какіе только находились. Въ моихъ семейныхъ преданіяхъ сохранился одинъ изъ своеобразныхъ примѣровъ самопомощи этого рода.

Кружокъ помѣщиковъ нынѣшняго елисаветградскаго уѣзда, задумавшись надъ вопросомъ объ обученіи своихъ мальчиковъ, пришелъ къ мысли свести ихъ вмѣстѣ и устроить въ складчину свое собственное учебное заведеніе, пригласивъ учителей по всѣмъ необходимымъ предметамъ. Одинъ изъ помѣщиковъ, одинокій и владѣвшій просторною усадьбою, предложилъ ее для помѣщенія задуманнаго заведенія, и дѣло скоро наладилось,— благо въ ту пору не требовалось особыхъ разрѣшеній, инспекцій, и вопросъ о самовольномъ обученіи практически еще не существовалъ. Такъ, въ первые годы XIX столѣтія, въ деревнѣ Оситной возникло новое учебное заведеніе, куда, между прочимъ, попалъ и мой отецъ. Преподавателей пригласили съ разныхъ сторонъ. Всего меньше затрудненій представило, разумѣется, законоучительство. Для французскаго языка отыскали эмигранта Броссара, который въ Парижѣ, во время господства Робеспьера, приговоренъ былъ уже къ гильотинѣ, но, благодаря перевороту 9-го термидора, освободился изъ тюрьмы наканунѣ дня, назначеннаго для казни, и послѣ того полетѣлъ изъ Франціи въ Россію, гдѣ пристроился къ учительству. Математика, географія и даже фортификація выпали на долю другого учителя съ своеобразною біографіею: это былъ архипелажскій грекъ, въ раннемъ юношествѣ захваченный на какомъ-то суднѣ русскимъ кораблемъ изъ эскадры гр. Орлова Чесменскаго и потомъ доставленный, вмѣстѣ съ другими греческими мальчиками, въ Россію, гдѣ всѣхъ ихъ помѣстили въ какое-то учебное заведеніе и потомъ выпустили въ офицеры; такъ бывшій Дмитраки Пердикари обратился въ русскаго капитана Дмитрія Егорова и послѣ отставки преподавалъ въ деревнѣ Оситной. Я зналъ его въ дѣтствѣ своемъ, уже болѣе чѣмъ девяностолѣтнимъ старикомъ, но помню, какъ онъ и глубокимъ старцемъ корпѣлъ надъ книгами и математическими выкладками, ради неугасавшаго собственнаго интереса, и разсказывалъ много любопытнаго, а послѣ смерти оставилъ мнѣ въ наслѣдство нѣсколько книгъ и древній чертежный инструментъ. Грамматика и исторія имѣли своихъ преподавателей, а танцамъ училъ итальянецъ. Какъ ни пестръ былъ этотъ составъ, но онъ походилъ на учительскій персоналъ, обучавшій и въ другихъ русскихъ мѣстностяхъ, и ничто тутъ не подогрѣвало тѣхъ національныхъ элементовъ, какіе еще держались въ отцахъ. Заведеніе просуществовало нѣсколько лѣтъ и

закрылось за упраздненіемъ надобности, а ученіе по отзывамъ шло не дурно, дало мальчикамъ не мало знаній и вообще оставило по себѣ хорошую память. Вопросомъ представляется—зачѣмъ помѣщичьихъ 12—13-лѣтнихъ дѣтей учили фортификаціи, но учили ей солидно. Заставляли не только чертить и составлять планы, но даже возводить укрѣпленія на деревенскомъ выгонѣ, при помощи рабочихъ изъ крестьянскихъ мальчиковъ. Мнѣ случалось видѣть у бывшихъ воспитанниковъ этого заведенія въ преклонномъ ихъ возрастѣ сохраненные чертежи и планы ихъ работы, причемъ они объясняли разныя техническія подробности, что показывало, какъ хорошо запечатлѣлись въ ихъ памяти старые уроки оситнянской деревенской академіи. Показывали на планахъ брустверы, какіе-то равелины, гласисы, волчьи ямы, и т. д. Впрочемъ, кажется, въ ту пору вообще фортификація занимала видное мѣсто въ раннемъ обученіи. Иные воспитанники завершили этою академіею свое образованіе; другіе пошли дальше; всѣ потомъ поступили въ военную службу, нѣкоторые дошли до немалыхъ чиновъ, а большинство обратилось въ отставныхъ поручиковъ и засѣло въ деревняхъ за крѣпостное хозяйство. Но это поколѣніе стало уже совсѣмъ русское, такъ что между потомками коренныхъ русскихъ и недавнихъ выходцевъ сгладилось всякое различіе.

Простой же массѣ потомковъ выходцевъ скоро выпала новая участь. Около 1820 года она попала въ составъ аракчеевскаго „военнаго поселенія“, просуществовавшаго до конца пятидесятыхъ годовъ и оставившаго по себѣ ужасныя воспоминанія. Такъ, въ недавно заселенной странѣ стало господствовать въ однихъ селеніяхъ крѣпостное право, а въ другихъ—военное поселеніе. Изъ бывшихъ „ротъ“ воинственныхъ иноземныхъ выходцевъ, сербовъ, молдаванъ и другихъ, когда-то искавшихъ въ Россіи лучшей доли, составили поселенныя волости, изъ которыхъ образовывались округа, съ такими командирами, которые, оставивъ строевую службу, предпочли всякой карьерѣ теплыя мѣста. Гнетъ военныхъ поселеній едва ли былъ слабѣе крѣпостного, а иногда пожалуй хуже, такъ какъ у помѣщиковъ все-же былъ хоть какой-нибудь разсчетъ не разорять своихъ крестьянъ, а командиръ, зная временность своего положенія, выжималъ что только можно, нисколько не думая о будущности поселянъ. Я помню военное поселеніе еще въ его расцвѣтѣ и въ это время постоянно говорили о злоупотребленіяхъ, какъ о дѣлѣ вполнѣ обычномъ, котораго и скрывать не старались. Эти красные воротники и красные околыши были вывѣскою хищничества. Во-

лостные и окружные командиры угнетали, казнокрадствовали, практиковали жестокость, наживались и періодически попадали подъ судъ, въ одиночку и группами, но сохраняя туго набитые карманы.

Затянулась надъ мѣстностью тусклая, долгая, сѣрая и однообразная жизнь Николаевской эпохи. Подъ ея томительною внѣшностью довершалось начавшееся дѣло ассимиляціи. Помню, какъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ встрѣтишь, бывало, поселянина съ сербскою фамиліею, какого-нибудь Милошевича или Придаевича, и спросишь—сознаетъ ли онъ свое сербское происхожденіе? А онъ отвѣчаетъ по-малорусски: „Були колись сербы, а теперь вси такъ пересербились, что совсѣмъ какъ тутейшіи люди“. Стойче удерживали свое отличіе молдаване, особенно тамъ, гдѣ они представляли большинство или полный составъ селенія; чуждость ихъ природнаго языка славянскимъ нарѣчіямъ видимо оказывала свое вліяніе, поддерживая сравнительную замкнутость этого элемента. Но и изъ нихъ многіе подверглись сглаженію своей старой народности. При производствѣ въ восьмидесятыхъ годахъ земскихъ статистическихъ работъ, въ одномъ селеніи елисаветградскаго уѣзда, населенномъ преимущественно молдаванами, весь сходъ и каждый хозяинъ объявляли себя малоруссами, говоря, что хотя дѣды ихъ и были молдаванами, но они уже „попереводились на хохливъ“. Молдавскій элементъ преобладалъ только въ двадцати деревняхъ. По итогамъ же этой статистики сельское населеніе уѣзда распредѣлилось такъ: малоруссовъ 72 процента, великоруссовъ — $8^1/_2{}^0/_0$, молдаванъ— $11^1/_3{}^0/_0$, евреевъ—$6^1/_{10}{}^0/_0$, болгаръ—$^9/_{10}{}^0/_0$; остальное—нѣмцы, поляки и разная смѣсь. А сербовъ статистикѣ даже не пришлось опредѣлять особою группою—такъ они слились съ русскимъ населеніемъ. Недавно заселенная смѣшанными элементами страна совсѣмъ уподобилась большинству русскихъ губерній, и бывшій степной характеръ ея быстро изглаживается.

Ѳ. Воропоновъ.

ШЕРБЕКСКІЕ ВЫБОРЫ

РАЗСКАЗЪ

ИЗЪ ФЛАМАНДСКИХЪ НРАВОВЪ.

Окончаніе.

XII *).

Печальный домъ вдовы Бертранъ преобразился.

Снаружи весна опушила и укрыла его яркою молодою зеленью; внутри—оживилъ пріѣздъ сына. Отворилась зала и кабинетъ, снялись чахлы съ мебели въ гостиной, поднялись шторы въ окнахъ. Алиса Бертранъ, несмотря на свои годы, суетилась съ утра до вечера и приводила въ совершенное отчаяніе еще болѣе пожилую давнюю слугу свою, Розу, перебивая у нея всякое дѣло. Она самолично убирала комнату сына, спускалась въ подвалъ—сдѣлать выборъ винъ, хлопотала на кухнѣ, изобрѣтая самыя внушительныя изъ фламандскихъ блюдъ,—такъ какъ профессоръ Бертранъ хотя и пользовался вполнѣ добрымъ здоровьемъ, но былъ худощавъ, „отъ лекцій и книгъ“...

Однажды, послѣ обѣда, Бертранъ сказалъ:

— Мать, у меня сегодня вечеромъ будутъ гости...

— Гости?—встрепенулась старушка.—Сколько человѣкъ?

— Человѣкъ пятнадцать, двадцать...

— Іезусъ-Марія!—уронила она руки.—Двадцать человѣкъ! А у меня и посуда не вынута... Что же ты раньше не сказалъ?

*) См. выше: сентябрь, стр. 5.

— Я самъ только часъ тому назадъ узналъ отъ m-r Ипкара... Да ты не безпокойся: никакихъ особенныхъ хлопотъ не надо!

— Ахъ, полно! — возразила m-me Бертранъ, обыкновенно соглашавшаяся во всемъ съ сыномъ.—Какъ не надо хлопотать, когда гости въ домѣ? Это въ Гентѣ у васъ, быть можетъ, дѣлается такъ, по модѣ?.. Теперь всѣ ухватились за разсчетъ, за скупость... стаканомъ чаю не обезпокоятся для гостя... Я не могу такъ...

— Увѣряю тебя, что ничего не надо: они по дѣлу придутъ, насчетъ выборовъ...

Это не только не успокоило, но еще подлило масла въ огонь.

— Да что ты, Эмиль!—воскликнула старушка, растерявшись совсѣмъ.—Люди придутъ насчетъ выборовъ, а ты такъ говоришь! Покойнаго отца твоего всю жизнь выбирали на разныя мѣста, и развѣ такъ принимали мы гостей!.. У насъ плита не остывала, со стола угощеніе не сходило!.. Какъ же ты хочешь, чтобъ теперь, при твоихъ выборахъ, я допустила?.. За кого сочтутъ насъ?

— Все это *было*, мать!—отвѣтилъ Бертранъ, поцѣловавъ у нея руку. — Теперь не то! Не много прошло времени, а измѣнилось очень, очень многое!.. Если я—профессоръ, соціалистъ—буду давать банкеты изобрѣтателямъ, то уроню только этимъ себя въ ихъ мнѣніи...

— Чѣмъ же можно тутъ уронить себя!—изумленно развела руками m-me Бертранъ.

— Тѣмъ, что дѣло, ради котораго хочу я быть избраннымъ, совсѣмъ не вяжется ни съ пирами, ни съ банкетами... Дѣло это — борьба съ ростущими повсюду нуждой и невѣжествомъ, облегченіе участи тружениковъ... Всякая банкетная трата при этомъ можетъ найти себѣ другое, болѣе полезное мѣсто... Да и угощать избирателей не значитъ ли — какъ будто задабривать ихъ, стараться овладѣть насильственно совѣстью?.. Ты понимаешь меня, мать?

Старушка вздохнула, поцѣловала сына и промолвила:

— Дѣлай какъ знаешь, Эмиль...

Ожидавшимися гостями были: Эдмондъ Вестъ съ нѣсколькими изъ его соціалистическаго союза, разросшагося и переименовавшагося въ шербекскую группу рабочей партіи, и нѣкоторые изъ фермеровъ-хозяевъ. Они желали познакомиться съ своимъ кандидатомъ и услышать отъ него сущность программы. Зная патріархальную приверженность матери къ культу гостепріимства,

Бертранъ воспользовался случаемъ высказать ей свой взглядъ на этотъ предметъ. Онъ былъ радъ, что дѣло устроилось, что мать избавлена отъ безпокойствъ, но, занимаясь потомъ въ кабинетѣ, невольно прислушивался къ начавшему раздаваться въ домѣ странному шуму.

Онъ вышелъ узнать, въ чемъ дѣло.

Въ залѣ стоялъ, что называется, „дымъ коромысломъ“. Мебель была сдвинута на середину; m-me Бертранъ, съ полотенцемъ на плечѣ и съ замшей въ рукѣ, наводила лоскъ на зеркала; Роза, вооруженная круглою щеткой на длинной палкѣ, разыскивала по угламъ подъ потолкомъ воображаемую паутину...

— Неужели это ради гостей?—изумился Бертранъ.

— А то какъ же?—отвѣтила наставительно Роза.

— Къ Пасхѣ хотѣли прибрать залу, да не удалось какъ-то... Ну, а теперь кстати...—объяснила m-me Бертранъ.

— Я въ кабинетѣ приму гостей...

— Въ кабинетѣ всего шесть стульевъ!

— Остальные изъ залы возьмемъ!

— Ахъ, Эмиль! Развѣ это кабинетные стулья?—пристыдила его m-me Бертранъ.

Онъ хотѣлъ сказать, что это рѣшительно все равно, что стулъ—вездѣ стулъ, но только усмѣхнулся и предоставилъ все судьбѣ.

Зала оказалась приготовленною по всѣмъ правиламъ: середину занималъ длинный раздвижной столъ съ шеренгами стульевъ по бокамъ и съ предсѣдательскимъ кресломъ въ концѣ; на стѣнахъ сіяли отчищенныя, оправленныя лампы, на подзеркальникахъ—серебряные подсвѣчники съ цѣльными свѣчами.

Съ этимъ можно было помириться. Бертранъ подумалъ даже не безъ удовольствія, что принять гостей въ залѣ будетъ много удобнѣе.

Старушка прочла это на лицѣ сына и вся расцвѣла отъ радости.

XIII.

Къ назначенному часу калитка была отворена, въ начинавшейся за нею галерейкѣ зажегся фонарь. Гости прибыли всѣ разомъ и стали проходить въ залу, подъ слышный мѣрный стукъ своихъ башмаковъ, подбитыхъ гвоздями.

Когда всѣ собрались, Бертранъ занялъ свое предсѣдательское мѣсто и пригласилъ гостей садиться. Они оглядѣли жи-

денькіе точеные стульчики и стали усаживаться не спѣша, соблюдая между собою какой-то порядокъ размѣщенія...

— Граждане!—раздался голосъ Бертрана.—Благодарю васъ за довѣріе, которое вы оказываете мнѣ, принимая мою кандидатуру, и радуюсь случаю побесѣдовать съ вами!.. Занимаясь теоретическою стороной рабочаго вопроса и не имѣя точнаго представленія о многомъ въ практической постановкѣ его, я надѣюсь почерпнуть въ вашемъ живомъ словѣ...

Въ это время дверь залы скрипнула, и на порогѣ появилась Роза въ своемъ парадномъ черномъ платьѣ и бѣломъ тюлевомъ чепцѣ. Въ рукахъ у нея былъ серебряный подносъ, а на немъ сверкали рюмки завѣтной, многолѣтней гассельтъ...

— Что это?—строго взглянулъ на нее профессоръ.

— M-me Бертранъ приказали просить! — чинно отвѣтила Роза, приступая къ обходу и начиная съ хозяина.

Въ довершеніе недоумѣнія, гости, какъ одинъ, поднялись съ своихъ мѣстъ, оказывая почетъ вошедшей.

— Поставьте тутъ, Роза, и... не безпокойтесь больше...— сказалъ Бертранъ, бросивъ на нее выразительный взглядъ.

Докончивъ наскоро рѣчь, онъ чокнулся рюмкой съ гостями и предоставилъ слово Эдмонду.

— Мы желали бы услышать отъ васъ... вашу программу... — проговорилъ тотъ...

— Мнѣ передавалъ объ этомъ m-r Пикаръ, — отвѣтилъ Бертранъ. — Но... моя программа, въ главныхъ чертахъ ея— программа бельгійской рабочей партіи. Она знакома группѣ?

— Да!—Мы читали!—Какъ же!—послышались голоса.

— Тогда излишне передавать ее. Затѣмъ, собственно моя программа—реформы... Ее я постараюсь развить на митингѣ и очерчу потомъ въ моей рѣчи къ избирателямъ... Слѣдовательно, вы будете имѣть случай ознакомиться... Теперь скажу только, что проектируемыя реформы имѣютъ въ виду бытъ рабочихъ, какъ фабричныхъ, такъ сельскихъ и городскихъ...

— И подвижный кантрактъ?—раздался голосъ.

— Что? — переспросилъ Бертранъ, наклоняясь въ сторону сказавшаго и приставивъ козырькомъ ладонь къ уху.

— И подвижный контрактъ на земли?

Бертранъ задумался. Въ университетѣ онъ читалъ политическую экономію, и былъ вообще недурной экономистъ, но *подвижный* контрактъ оказывался загадкой для него.

— Я не уясняю себѣ подобной формы контракта... Въ чемъ собственно она?.. Пересядьте поближе!—пригласилъ онъ.

Въ концѣ стола поднялся среднихъ лѣтъ фермеръ въ дешевенькомъ праздничномъ костюмѣ и занялъ мѣсто сидѣвшаго о бокъ съ Бертраномъ.

Бертранъ пожалъ ему руку, знакомясь, и спросилъ объ имени.

— Женаръ... — отвѣтилъ фермеръ, кашлянувъ и сиплымъ голосомъ.—Луи Женаръ... Мой отецъ заарендовалъ участокъ у графа... А теперь—я, какъ наслѣдникъ...

— Что жъ это такое подвижный контрактъ, m-r Женаръ?

— Да видите ли... теперь въ контрактѣ аренда ставится разъ на весь срокъ... „неподвижная", какъ говорится у насъ...— началъ Женаръ, сперва положивъ руки на столъ, а потомъ снявъ ихъ.—Пусть приключается что угодно: неурожай, градобитіе, цѣна низкая на хлѣбъ—арендаторъ отдай собственнику за землю—сколько въ контрактѣ поставлено... Ну, а мы хотимъ, чтобъ аренда эта была „подвижная".

— То-есть?

— Чтобъ она разсчитывалась по цѣнѣ на хлѣбъ: стоитъ въ какой-нибудь годъ цѣна высокая—пусть и аренда повысится; упадетъ цѣна—пусть сбавятъ аренду... Вотъ мы и хотимъ, чтобъ объ этомъ былъ въ парламентѣ законъ постановленъ... Тогда фермеру возможно будетъ больше унаваживать землю, стараться о ней, а собственникъ положеніемъ фермера заинтересуется... не будетъ только тѣснить его да ронять цѣну на хлѣбъ...

— Какъ же онъ можетъ ронять цѣну? для чего?

Женаръ устремилъ взглядъ въ уголъ, потомъ на потолокъ, точно совѣтуясь тамъ съ кѣмъ.

— Одинъ клерикалъ землю сдаетъ... другой—хлѣбъ скупаетъ... за сколько хочетъ...—послышался затѣмъ его сиплый голосъ.

Промолвивъ это, онъ взглянулъ еще разъ на потолокъ и поникъ задумчиво.

Задумался и Бертранъ. Неожиданный лучъ обнаруживалъ предъ нимъ еще одну изъ пружинъ усовершенствованной клерикальной системы, освѣщалъ еще одну тяготу тѣхъ, за интересы которыхъ собирался онъ ратовать...

— Трудно сказать, насколько возможенъ законъ именно въ такой формѣ... — заговорилъ онъ, смущая совсѣмъ Женара новымъ пожатіемъ руки.—Но во всякомъ случаѣ это—идея, и я благодарю васъ за нее! Думаю, что одинаковый результатъ можетъ быть достигнутъ и другимъ закономъ... подобнымъ ирландскому, напримѣръ... Въ Ирландіи—гдѣ, кстати сказать, наемная

цѣна земли несравненно ниже, чѣмъ въ Бельгіи—для установленія размѣра арендной платы существуетъ институтъ экспертовъ... Насколько мѣра эта полезна и дѣйствительна, можно судить потому, что примѣненіе ея понизило существовавшій размѣръ аренды на 30—40 процентовъ...

Бертранъ увлекся и прочелъ гостямъ чуть не цѣлую лекцію объ ирландскихъ аграрныхъ порядкахъ. Гости оживились и, наведенные на мысли, стали приводить сравненія родныхъ аграрныхъ порядковъ съ ирландскими.

Это заинтересовало Бертрана. Видя, что бесѣда должна затянуться, онъ, къ великому удовольствію матери и особенно Розы, спросилъ чаю. Выказанная имъ слабость усилила ревность хозяекъ: къ чаю появился полный подносъ тартинокъ—съ сыромъ, съ рыбою, съ яйцами, съ поджареннымъ свинымъ саломъ...

XIV.

Мартынъ Ширакъ рѣшилъ доткать полоску, гдѣ кончалась дюжина платковъ.

Въ комнатѣ было почти темно. Ширакъ присматривался и, казалось ему, различалъ ясно, какъ кладется нитка, но въ сущности работалъ по навыку, наугадъ. Закончивъ каемку послѣдняго платка полосками вперемежку съ толстыми нитками, онъ всталъ изъ-за станка и старательно, по самыя берда, прикрылъ сотканное кускомъ мягкой чистой дерюги.

— Будетъ тебѣ!—обратился онъ къ Матильдѣ, прявшей у окна и тоже присматривавшейся наудачу къ ниткѣ.

— Мать не пришла...

— Что тебѣ до нея?

— Рано еще, значитъ.

— Восемь ужъ пробило: я считалъ.

Матильда встала, прибрала прялку въ уголъ и накрыла ее своею старенькою шалью.

— Гдѣ жъ это мать?—проговорила она, потягиваясь и расправляя уставшую спину.

— Заговорилась съ кѣмъ-нибудь.

— И сестры не идутъ...

— Онѣ ужинаютъ тамъ, у монашенокъ.

По случаю шумныхъ выборовъ шербекская коммерція оживилась; торопились повсюду со спѣшною работой. Ширакъ вос-

пользовался этимъ и пристроилъ своихъ двухъ дѣвочекъ—Пду и Жизель—временно къ монашенкамъ-кружевницамъ.

Матильда зѣвнула нервно, достала медлительно жестяную лампочку съ полки и зажгла ее. Набравшіеся за день въ комнату мотыльки, бабочки, комары—все, чѣмъ было такъ богато сосѣднее болото—закружились надъ огнемъ...

Пришла старуха Ширакъ. Она принесла на ужинъ зеленаго луку, молодого картофелю и стала готовить торопливо на керосиновой кухнѣ похлебку съ свинымъ саломъ.

— Что это m-r Пикара давно не видать?—обратилась Матильда къ отцу, который курилъ трубку, сгорбившись на табуретѣ.

— Ты это покаковски считаешь?—спросилъ тотъ, сплюнувъ и глядя пристально на дочь.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Третьяго дня собраніе было у насъ. Развѣ это давно?

— Ахъ, да!.. Я не то... я хотѣла сказать, отчего онъ не зайдетъ никогда такъ... посидѣть?—поправилась Матильда.

— М-r Пикаръ бываетъ въ Шербекѣ, чтобъ дѣло дѣлать, а не сидѣть,—отвѣтилъ Ширакъ.—У него минута каждая разсчитана. А теперь и подавно: выборы на носу!

— Онъ въ такихъ попыхахъ въ эстаминэ, что едва узналъ меня!—отозвалась старуха Ширакъ, мѣшая бурлившую похлебку и жмурясь отъ поднимавшагося пара.

— Ты какъ попала туда?—взглянулъ на нее Ширакъ.

— Зашла съ нашими работницами „капельку“ выпить и спросить у Анны, гдѣ ситцу купить на платья дѣвочкамъ... Ничего вѣдь не знаешь: одна заря загонитъ на фабрику, другая—выгонитъ... Ну и m-r Пикаръ тамъ, хлопочетъ залу очистить, скамьи и столики вынести... А какъ ихъ вынести, когда они наглухо къ полу придѣланы?..—„Сочтите, во что это обойдется!“—смѣется Арну.

— Для чего же залу очищать?

— Митингъ будетъ...

— Перевираешь ты что-нибудь!—усомнился Ширакъ.—Какая у Арну зала для митинга! Десять человѣкъ помѣстишь въ ней! Развѣ въ Шербекѣ мало кафѣ съ залами?

— Не глухая же я! При мнѣ разговоръ шелъ.

Ширакъ умолкъ.

Послѣ ужина онъ одѣлся и сказалъ, что идетъ въ эстаминэ.

Сидѣвшая задумчиво за столомъ Матильда вскинула голову.

— Подожди меня, отецъ!—сказала она.

— Ты тоже?

— Пива хочется выпить... Пойдемъ, мать!

Старуха Ширакъ полудремала на стулѣ, закрывая и открывая глаза. Ей не хотѣлось спать и физической усталости не чувствовала она. Но дурная ѣда на нездоровый желудокъ и какое-то отупѣніе, апатія послѣ двѣнадцатичасового автоматическаго „подаванія“ катушекъ въ машину на фабрикѣ разслабляли ее, томили...

— Пойдешь ты?—повторила Матильда.

— Тебѣ хорошо... въ твои годы! Я тоже такая была...— заговорила старуха точно въ бреду и не поднимая головы.— А доживи-ка вотъ до моихъ лѣтъ да потопчись день-деньской на фабрикѣ...

Матильда встала и скрылась за перегородку. Она появилась вскорѣ, не перемѣнивъ, изъ бережливости, своей рабочей поношенной юбки („все равно не видать, когда сидишь за столикомъ“,—соображала она въ такихъ случаяхъ) и только надѣвъ праздничную черную кофточку со стеклярусомъ да чистый воротничокъ.

Старуха Ширакъ потомилась еще нѣсколько времени на стулѣ, потомъ взяла лампочку и отправилась за перегородку, въ женскую спальню-закуту у стѣны. У противоположной стѣны такая же закута была спальней Ширака, а также кабинетомъ его и кладовой для получавшагося отъ хозяевъ ткацкаго матеріала.

Кроткая, работящая, одаренная исключительнымъ чадолюбіемъ, патентованная кружевница, Луиза Ширакъ жаждала когда-то радостей жизни и питала надежду на нихъ... Но водворившійся синдикатъ фабрикантовъ столкнулъ мужа съ дороги. Скопленное ушло на покупку собственности, на устройство. Прибавившаяся семья потребовала заботъ, хлопотъ; руки отъ черной работы въ домѣ и огородѣ огрубѣли, перестали справляться съ коклюшками, съ иглой. Горе и нужда росли, жизнь дорожала, а рабочая плата падала. Пришлось закабалиться на фабрику. Потянулись мучительные, однообразные годы. Справляя, вмѣсто обѣденнаго отдыха, надобное по дому, ухаживая за дѣтьми, просиживая ночи у постели заболѣвшихъ, томясь неопредѣленностью, наживая хроническую боязнь за завтрашній день, Луиза Ширакъ одеревенѣла, превратилась въ выносливаго автомата. Безвременныя морщины избороздили ея лицо; обязанность работать согнувшись создала какъ бы органическій недостатокъ. Въ выпадавшія счастливыя воскресенья, когда представлялась возможность истратить кое-что на удовольствія, она надѣвала вѣчно измятое отъ лёжки праздничное платье, шляпу съ колен-

коровыми цвѣтами и скиталась съ мужемъ и дѣтьми по кафѣ и эстаминэ, выпивая гдѣ пива, гдѣ „капельку“. Но, перерожденная уже до послѣдняго мускула, она напрасно старалась „отдыхать“, испытывать веселость: мысли не вырывались изъ обыденной колеи, незнакомое окружающее казалось страннымъ, непривычная праздность утомляла...

XV.

Въ эстаминэ Ширакъ дѣйствительно нашелъ все по словамъ жены: дѣло касалось митинга; Арну и Пикаръ препирались.

— Что̀ случилось?—спросилъ онъ.

— Я говорилъ товарищу, что съ клерикалами надо ухо востро̀ держать, а онъ не вѣрилъ!..—началъ Арну.

— Не могъ вѣрить! — перебилъ Пикаръ. — Вѣрять въ то, что̀ хотя мало-мальски представляется вѣроятнымъ, а не въ абсурды очевидные!.. Какой-то мыслитель сказалъ, что встрѣчаются задачи, для успѣшнаго разрѣшенія которыхъ необходимо быть нѣсколько сумасшедшимъ... Такъ и тутъ: надобно было съ ума сойти, чтобы предположить...

— Да въ чемъ дѣло-то?—остановилъ его Ширакъ.

— Въ самомъ невѣроятномъ: на завтра митингъ назначилъ профессоръ Бертранъ, а въ Шербекѣ ни одной залы свободной не оказывается!

— Кто-жъ ихъ занялъ?

— Клерикалы! Кого угрозой, кого деньгами—всѣхъ прибрали къ рукамъ, и вездѣ отказъ!

— А въ компанейской пивной, у Дроза?

— Помилуйте, противникъ! И говорить не стали...

— Въ кафѣ Рубенса были?

— Занято! Вздоръ, разумѣется!.. Только и остается, что здѣсь вотъ... Но какая же это зала?

Ширакъ только головою покачалъ.

— Вотъ, при васъ, m-r Ширакъ, и при васъ, mademoiselle Матильда, объявляю!—воскликнулъ Арну, разставивъ предъ компаніей пѣнившіеся стаканы пива и опорожнивъ залпомъ свой.— Что до клерикаловъ, то пусть товарищъ слушается меня! И насчетъ митинга я предлагаю исходъ!..

— Хорошъ исходъ!—буркнулъ Пикаръ.

— Другого нѣтъ! Я предлагаю: чѣмъ жаться здѣсь или еще

въ какомъ углу, устроить митингъ на площади... на лугу, вонъ... Гдѣ угодно: погода прекрасная!

— По моему—тоже!—сказалъ Ширакъ.

— Но вы представьте только!—отозвался чуть не со слезами Пикаръ.—Профессоръ, кандидатъ—предъ толпою на лугу... на площади! Что за картина! Какія легкія надо имѣть оратору!

— Подъ картиной мы подпишемъ: „*Шербекскіе выборы*“, и она всѣмъ станетъ понятна!—захохоталъ Ширакъ.—А относительно легкихъ не безпокойтесь: ближайшимъ будетъ слышно, и они передадутъ остальнымъ... Въ залѣ вѣдь тоже не всѣ услышатъ!

— Par Artevelde [1])! — воскликнулъ отчаянно Пикаръ, чокаясь съ нимъ стаканомъ.

— Что это значитъ: „par Artevelde“?—обратилась къ Пикару Матильда.—Я часто слышу и сама говорю, а не знаю...

— Вы не знаете, кто былъ Артевельдъ?—взглянулъ на нее Пикаръ.

— Чего захотѣли!—отвѣтилъ за дочь вслушавшійся Ширакъ.—Она въ клерикальной школѣ училась! Изъ исторіи только и знаетъ—какой архіепископъ какимъ чудомъ спасъ тотъ или другой городъ, осчастливилъ народъ! Ха-ха-ха!

— Наша сестра Полина и совсѣмъ не идетъ дальше исторіи монастырей!—вставилъ Арну.—А въ учебникахъ такъ прямо и стоитъ: „Относитесь съ уваженіемъ къ классу трактирщиковъ: изъ него происходилъ св. Теодоръ“...

— У нея оффиціальная школа?—спросилъ Ширакъ.

— По всѣмъ правиламъ!

— Я не зналъ!

Они углубились въ бесѣду. А Пикаръ и Матильда задвинулись въ уголокъ и повели свою: онъ разсказывалъ ей, какъ въ Гентѣ, въ 1336 г., пивоваръ Яковъ Артевельдъ сталъ во главѣ народа, возмутившагося противъ графа фландрскаго, побѣдилъ противника и сдѣлался правителемъ города...

XVI.

Пущенная въ ходъ выборная машина продолжала свое дѣйствіе.

Шербекъ сталъ наполняться шумомъ и движеніемъ. Все—еще

[1]) Любимое восклицаніе простонародья.

такъ недавно вѣрившее въ незыблемость клерикальныхъ столповъ и своихъ интересовъ—забезпокоилось. Въ пику народному обѣду графа Ниссена, кандидатъ Дрозъ задалъ чудовищный банкетъ—въ саду и съ такимъ фейерверкомъ, что стало буквально „небу жарко“. Состоялись клерикальные митинги и собранія съ обычнымъ пропускомъ посѣтителей лишь по билетамъ. Въ Эйндеке впервые образовался отдѣльный выборный комитетъ.

На стѣнахъ крѣпла партійная перестрѣлка афишами.

Въ воскресенье, когда все кругомъ было покрыто еще туманомъ, и первые лучи солнца силились одолѣть на востокѣ сѣрую мглу, викарій Филиберъ шелъ отправлять раннюю обѣдню. Въ центрѣ попался на встрѣчу неустанно трудившійся дядя Пьеръ, съ кипою только-что отпечатанныхъ афишъ на рукѣ. Филиберъ остановилъ его и просмотрѣлъ афишу соціалистовъ.

— Въ фермерской слободѣ достаточно расклеили вы ихъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ... да... То-есть, толку не выходитъ!

— Какого толку?

— Подручный одинъ мой отбился и вслѣдъ за мною всѣ афиши соціалистовъ клерикальными заклеиваетъ...

— Это незаконно!—сказалъ строго Филиберъ.—Всѣ партіи пользуются равными правами... Отнеситесь къ бургомистру!

Дядя Пьеръ вскинулъ на него круглые очки, бормоча мысленно:—„Что это за несообразности говоритъ нашъ викарій!“—и пошелъ дальше съ своею буковою лѣсенкой и ведеркомъ съ клейстеромъ.

Въ церкви былъ уже народъ. Заглядывая въ узенькое расписное окно, лучъ солнца кидалъ радужныя пятна на чугунныя плиты пола, на лоснившіяся темныя скамьи, озарялъ уголокъ сѣрой мраморной доски, изъ золотой надписи на которой явствовало, что въ 1369 г. зашедшія въ церковь двѣ ткачихи видѣли чудо—сіяніе надъ статуей Богородицы.

Отправляя обѣдню и машинально оглядывая знакомыя, примелькавшіяся лица — старика Веста съ семьею, работниковъ и работницъ съ фабрикъ, монахинь и записныхъ богомолокъ изъ простонародья,—Филиберъ замѣтилъ новую женскую фигуру въ бѣломъ накрахмаленномъ чепцѣ и съ большимъ кружевнымъ бантомъ подъ подбородкомъ. Вглядѣвшись, онъ узналъ mère Жозефину, никогда не бывавшую у ранней обѣдни — быть можетъ, изъ подражанія аристократамъ, а пожалуй и по неимѣнію времени въ этотъ часъ.

Когда кончилась обѣдня, Жозефина приблизилась съ поклономъ къ викарію и сказала:

— Графъ проситъ васъ сегодня къ нему, отобѣдать.

Это было такъ неожиданно и такъ не сообразовалось съ обстоятельствами, что Филиберъ счелъ себя ослышавшимся.

— Это относится къ о. Гіацинту?—сказалъ онъ.

— Нѣтъ. Васъ приглашаетъ графъ... въ шесть часовъ. Я собственно за этимъ и пришла.

Сомнѣнія не оставалось.

Филиберъ поблагодарилъ и сказалъ, что будетъ.

Дома онъ попытался обдумать случившееся. Но все это стояло такимъ особнякомъ, что подступить къ нему съ какимъ-либо соображеніемъ не нашлось возможности. Изъ всѣхъ догадокъ казалась вѣроятнѣе одна—что графъ желаетъ видѣть викарія по какому-нибудь приходскому дѣлу и снисходитъ до приглашенія къ обѣду. Инстинктъ связалъ-было съ этимъ приглашеніемъ визитъ о. Дюбуа, но при мотивахъ только спутались мысли...

Сверхъ обыкновенія, Филиберу казалось, что время тянется какъ-то совсѣмъ медленно. Онъ сталъ собираться, когда пробило только пять часовъ, надѣлъ новенькую сутану и долго шмыгалъ щеткой по совсѣмъ не запыленной шляпѣ. Выйдя и уставивъ глаза на раскрытый молитвенникъ, онъ старался подавить въ себѣ какое-то, несовсѣмъ понятное, поднимавшееся чувство—быть можетъ, робость, обыкновенно овладѣвающую въ послѣднія минуты...

За слободою открылся видъ на разстилавшійся просторъ луговъ и полей. Солнце близилось уже къ вершинамъ лѣсовъ; равнина млѣла, переходя вдали въ туманную неясность... У живой изгороди, окружавшей замковую усадьбу, Филиберъ опустилъ молитвенникъ въ карманъ и повернулъ въ тихую, пустынную аллею, наполненную крѣпкимъ смолистымъ запахомъ...

У подъѣзда замка пришлось растеряться, очутившись предъ нѣсколькими дверьми, но показавшійся изъ среднихъ Алексисъ, очевидно, получившій уже приказанія, вступилъ въ роль чичероне. Широкимъ, прохладнымъ корридоромъ съ лоснившимся мозаичнымъ поломъ онъ провелъ Филибера вглубь замка и отворилъ половинку высокой дубовой двери.

Филиберъ очутился въ маленькой гостиной, выходившей окнами въ паркъ. Въ слѣдующую комнату, направо, дверь была открыта, и тамъ шелъ высокій душеспасительный разговоръ.

— ... Но развѣ папа свободенъ? Я беру сферу дѣйствій,

въ которыхъ признается онъ непогрѣшимымъ... Касательно догматовъ, напримѣръ?—произнесъ одинъ голосъ.

— Несомнѣнно!—отвѣтилъ другой голосъ, по которому Филиберъ узналъ о. Дюбуа.—Но Богъ вдохновляетъ его и открываетъ ему истину!

— Слѣдовательно, дѣйствія его зависятъ отъ указанія свыше... Какимъ же образомъ свободенъ онъ?

— Разумѣется, свободенъ! Быть свободнымъ не значитъ—быть предоставленнымъ собственному произволу и ошибкамъ...

Филиберъ, неувѣренно ступая по скользкому узорному паркету своими большими грубыми башмаками шербекскаго издѣлія, продвинулся къ двери и кашлянулъ.

— А вотъ и нашъ дорогой викарій!—воскликнулъ первый голосъ.

На встрѣчу Филиберу показался представительный господинъ съ сѣдою длинною бородой и проговорилъ, подавая руку:

— Давно желалъ познакомиться съ вами!

Филиберъ заключилъ, что передъ нимъ—самъ графъ Ниссенъ, и отвѣтилъ съ поклономъ, что необыкновенно радуется случаю выразить свое почтеніе.

О. Дюбуа пожалъ своими холодными руками обѣ руки Филиберу и участливо освѣдомился о его здоровьѣ.

Послѣ обмѣна обычными при началѣ знакомства фразами, графъ взглянулъ на часы и сказалъ, обращаясь къ о. Дюбуа:

— Мнѣ время одѣваться къ обѣду. Поручаю вамъ нашего общаго гостя!

Онъ вышелъ, а о. Дюбуа, точно ждавшій этого порученія, взялъ мягко Филибера подъ руку и предложилъ пройтись по парку.

Вѣковой безконечный паркъ былъ тѣнистъ и прохладенъ. Умиленіе, отрадный покой, чувствовались въ его тихихъ темныхъ аллеяхъ съ сплетавшимися въ вышинѣ верхушками липъ, каштановъ, тополей; вѣяло мягкою грустью, мечтательностью... Сквозь обширныя прогалины съ рѣзкими контрастами свѣта и тѣней виднѣлись огромные газоны, клумбы съ прихотливыми узорами цвѣтовъ... Игривое, колоритное искусство сливалось всюду въ гармонію съ спокойнымъ величіемъ природы...

Неустанно занимавшій гостя, о. Дюбуа не касался ни словомъ политики. Онъ говорилъ о погодѣ, о цвѣтахъ, о красотахъ природы... Но при этомъ само собою, по сцѣпленію мыслей, слѣдовало, что думавшій отдохнуть графъ Ниссенъ совершенно разстроенъ, даже и паркомъ не наслаждается, „благодаря ослож-

нившимся шербекскимъ выборамъ, поселяющимъ смуту и раздоръ"; ... что онъ, разумѣется, занимался бы цвѣтами, которые такъ любитъ, если бы это невинное удовольствіе не отравлялось „разочарованіемъ въ личностяхъ, всегда пользовавшихся его добротою, внимательностью, всѣмъ обязанныхъ ему, а теперь ставшихъ ренегатами"; ... что рдѣющій надъ паркомъ чудный величественный закатъ непремѣнно пролилъ бы успокоеніе въ незлобивую душу графа, заставилъ бы его забыть все, „если бы дѣло не касалось интересовъ церкви, государства".

Филиберъ слушалъ, сохраняя серьезную мину на лицѣ, и бросалъ въ то же время украдкою взглядъ на превосходную шолковую сутану о. Дюбуа, отливавшую чарующимъ блескомъ подъ скользившими по ней сквозь листву узорами свѣта... Его собственная, казавшаяся всегда тоже превосходною, превращалась при сравненіи въ тряпку, а въ мысляхъ гнѣздилось и росло убійственное сознаніе, что подсунутая портнымъ „чистѣйшая шерсть" есть самое дрянное произведеніе фландрскаго городка Вервье—центра мануфактурныхъ поддѣлокъ...

— Вы принимаете участіе въ выборахъ?—сказалъ онъ, поддерживая разговоръ.

— О, нѣтъ!—отвѣтилъ съ презрительностью въ голосѣ о. Дюбуа.—Я принимаю участіе въ графѣ!

Но и тутъ, по сцѣпленію мыслей, было высказано, что „нельзя не принимать участія въ человѣкѣ, когда онъ жертвуетъ всѣмъ своимъ личнымъ благомъ, чтобы спасти страну отъ грозящей гибели" ...

— Отъ какой гибели?—искренно изумился Филиберъ.

— Теперешніе выборы принесутъ огромное зло, если восторжествуютъ низменные элементы!—отвѣтилъ о. Дюбуа.—Политика въ рукахъ соціалистовъ—орудіе безпорядка, распущенности, безчинствъ!

— Соціалистическая партія—исключительно *экономическая,* и въ ея разсчеты, кажется, не входитъ поприще *исключительно* политическое...—возразилъ сдержанно Филиберъ.

— Это—поверхностное предположеніе!—произнесъ печально о. Дюбуа.—Соціалисты мечтаютъ объ упрощеніи всеобщихъ выборовъ, объ уничтоженіи фискальнаго протекціонизма, о радикальныхъ измѣненіяхъ въ военной системѣ, объ упорядоченіи рабочаго вопроса и о многомъ подобномъ... Имъ неизбѣжно имѣть своихъ представителей въ законодательныхъ и другихъ собраніяхъ, гдѣ всѣ эти вопросы дебатируются и рѣшаются...

— Насколько могу я судить, парламентъ для нихъ—лишь

трибуна нѣсколько выше другихъ, съ которой ихъ голосъ можетъ быть слышнѣе...—рискнулъ вступиться Филиберъ.

— Въ этомъ нельзя имъ вѣрить!—рѣшительно махнулъ рукою о. Дюбуа.

XVII.

Когда они вернулись въ замокъ, тамъ уже были гости: нотаріусъ Демоль въ бѣломъ, плохо выглаженномъ жилетѣ и поблекшемъ старомодномъ фрачкѣ съ короткими фалдами; неизвѣстный Филиберу пожилой аббатъ изъ Нельдека и трое окрестныхъ шербекскихъ дворянъ. Графъ былъ въ черномъ сюртукѣ и орденской бутоньеркѣ—полу-церемонной обѣденной формѣ.

Въ дверяхъ показался Алексисъ и остановился, выжидая паузу въ разговорѣ. Встрѣтивъ вопросительный взглядъ графа, онъ провозгласилъ:

— Кушать подано!

Графъ кивнулъ головой, какъ бы говоря: „То-то же! Иначе зачѣмъ бы ты явился“?

Въ столовой — съ мебелью изъ темнаго дуба, со стѣнами, обтянутыми старинною фландрскою матеріей, и съ рыцарскими золотыми кубками на выступахъ пилястровъ — сверкалъ хрусталемъ и фарфоромъ небольшой длинный столъ, накрытый chef-d'oevre'омъ ткацкаго искусства, держащагося отчасти и теперь въ славящемся этимъ фландрскомъ мѣстечкѣ Куртрэ.

Посаженный между однимъ изъ дворянъ и о. Дюбуа, Филиберъ краснѣлъ отъ волненія. Къ бѣлѣйшей, тончавшей салфеткѣ съ блестѣвшимъ, точно серебрянымъ узоромъ, онъ едва смѣлъ прикоснуться; разложенные у прибора непонятные ножички, вилочки, ложечки и еще что-то смущали его точно орудія пытки...

Обѣдъ начался, какъ водится, молчаливо. Но отмѣнное бордо и выдержанный душистый рейнвейнъ не замедлили развязать языки... Первые начали дворяне, пустившись въ охотничьи разсказы, причемъ — по поводу дерзости браконьеровъ, „могущей усилиться отъ безвластія“—выступили на сцену и выборы...

Одинъ изъ дворянъ—полный и бородатый—сталъ утверждать, отвѣчая другому—жиденькому и съ усами,—что, „пожалуй, можно еще закрыть глаза, если фермеръ читаетъ непозволительныя газеты, водится съ соціалистами, но обязанность уважать владѣльца, посѣщать церковь, не мѣшаться въ политику должна быть даже отпечатана въ контрактѣ“... Аббатъ, обмахивая салфеткой, какъ вѣеромъ, свое круглое, разрумянившееся лицо, про-

велъ кудревато параллель между миссіей церкви и обязанностями владѣльца, „поставленнаго, подобно церкви, пещись о подвѣдомыхъ неразумныхъ и наставлять ихъ“...

О. Дюбуа, кушавшій исправно и не забывавшій то подкладывать, то подливать Филиберу, возобновилъ съ нимъ разговоръ о соціализмѣ.

— Въ прошлые выборы соціалисты потерпѣли пораженіе даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ прежде одерживали побѣды!—сталъ говорить онъ своимъ рѣзкимъ, звучнымъ голосомъ.—По какой же причинѣ? По очень простой: рабочіе убѣдились, что интересы ихъ соблюдаются клерикалами лучше, нежели соціалистами!

— Могла быть и другая причина... — замѣтилъ Филиберъ.

— Какая?

— Клерикалы вообще располагаютъ лучшими и... болѣе дѣйствительными средствами борьбы...

О. Дюбуа взглянулъ искоса на викарія и положилъ вилку и ножикъ. На тонкихъ губахъ его зазмѣилась чуть примѣтная ядовитая улыбочка.

— Допустимъ...—согласился онъ.—Но какъ могутъ худшія средства борьбы служить лучшимъ способомъ привлеченія *сторонниковъ*?...

Филиберъ вспыхнулъ и опустилъ глаза на тарелку.

Разговоръ сдѣлался общимъ. Стали взвѣшиваться выборные шансы соціалистовъ, приводиться слухи, мнѣнія за и противъ... Какъ бы кладя свое veto, графъ заговорилъ, возвысивъ голосъ:

— Соціалисты слишкомъ увѣрены въ непреложности своихъ убѣжденій и въ неотразимости своего вліянія на массу! Ослѣпленные своимъ величіемъ, они не замѣчаютъ, какъ падаетъ постепенно ихъ престижъ и какъ ростутъ неудачи! Либералы пали жертвой своей маніи величія; то же должно случиться и съ соціалистами!..

Кофе былъ сервированъ на террасѣ.

Тихія, задумчивыя сумерки уже надвигались; день угасалъ, холодѣя непримѣтно. Далекій, огнистый отблескъ заката золотилъ верхушки деревьевъ въ паркѣ. Изъ-за низенькихъ перилъ террасы поднимался своеобразный пріятный запахъ травы и дикихъ цвѣтовъ, смѣшиваясь съ тонкимъ ароматомъ гаванскихъ сигаръ.

О. Дюбуа тихо бесѣдовалъ за столикомъ съ аббатомъ. Филиберъ стоялъ уединенно у перилъ, отхлебывая кофе изъ казавшейся странною ему крошечной чашки и вглядываясь задумчиво въ темную глубь парка. Черезъ столикъ наслаждался

графскою сигарой нотаріусъ Демоль, оттопыривая губы и выпуская медленно дымокъ.

Подошедшій графъ заговорилъ съ Филибером о благолѣпіи церкви и замѣтилъ, что она, видимо, давно не ремонтировалась внутри. Филиберъ поспѣшно допилъ кофе и приготовился слушать, заключая мысленно, что это и есть то дѣло, ради котораго пригласили его. Но графъ тутъ же перешелъ на другое, спросилъ, усердно ли посѣщаетъ церковь простонародье, удобное ли у Филибера помѣщеніе въ пресбитеріи?..

— Я не живу въ пресбитеріи, — отвѣтилъ Филиберъ, недоумѣвая.

— Гдѣ же живете вы?

— Я... въ слободѣ...

— Вотъ тутъ, за аллеями?.. въ охотничьемъ домикѣ моемъ?

Въ круглыхъ глазахъ Филибера выразилось удивленіе. Лачужка была отведена ему по распоряженію графа, о чемъ знали всѣ.

— Нѣтъ, на томъ концѣ слободы...—пояснилъ онъ.

Графъ нахмурился.

— М-г Демоль!—окликнулъ онъ нотаріуса, который и очутился мгновенно предъ повелителемъ, какъ листъ передъ травой. —Дорогой викарій нашъ оказывается помѣщеннымъ гдѣ-то тамъ... въ слободѣ?..

— Въ одной изъ фермерскихъ построекъ...

— Но охотничій домикъ пустуетъ!

— Я не подумалъ...

— Вы думаете только о моихъ интересахъ... Найдите время и забыть ихъ нѣсколько!

Нотаріусъ принялъ этотъ ласковый выговоръ, согнувшись почтительно и скрывъ сигару въ рукавъ фрака.

Затѣмъ онъ выхватилъ изъ кармана неразлучную записную книжку и внесъ въ нее выслушанное распоряженіе.

Охотничій домикъ, выстроенный еще графомъ Гуго въ погонѣ его за прихотями французскихъ сеньоровъ, занималъ площадку, составлявшую уголъ между центромъ и фермерскою слободой. Красивый и уютный, окруженный деревьями, онъ не разъ будилъ въ викаріѣ тщеславныя, несбыточныя мечты...

Уже завечерѣло, когда Филиберъ вышелъ изъ замка.

Поднимавшаяся тусклая луна, казалось, только сгущала сумракъ вокругъ. Съ равнины тянуло чувствительною свѣжестью,

но Филиберу было жарко. Отъ вкусныхъ блюдъ и дорогого, достаточно выпитаго, вина онъ кипѣлъ, съ непривычки, возбужденіемъ, переливавшимся въ его могучемъ тѣлѣ точно огненный потокъ. Способствовало этому и волненіе отъ разгадки неожиданности... Весь разговоръ о. Дюбуа, видимо, приноровленный систематически къ цѣли, убѣждалъ, что визитъ и приглашеніе къ обѣду—неразрывны... Не было сомнѣнія, что неразрывна съ этимъ и комедія насчетъ домика... Мысль, что комедію эту разыгрывалъ самъ гордый, неприступный графъ Ниссенъ передъ нимъ, ничтожнымъ шербекскимъ викаріемъ, приводила Филибера въ злобный восторгъ, заставляла задыхаться отъ волненія...

Онъ шелъ быстро, не давая себѣ отчета въ этомъ, и тяжело ступалъ грубыми башмаками по мягкой пыльной землѣ и выдававшимся искривленнымъ корнямъ сосенъ. Въ концѣ аллеи онъ пріостановился и перевелъ духъ. Темный силуэтъ замка сіялъ изъ-за деревьевъ большими освѣщенными окнами и точно провожалъ гостя взглядомъ...

Въ слободѣ раздавалось приближавшееся стройное пѣніе хора, исполнявшаго соціалистическую пѣсню: „Brisons nos chaînes“; мелькалъ въ воздухѣ, точно метеоръ, красный фонарь...

Филиберъ сообразилъ, что это совершаетъ свое шествіе организованный Пикаромъ выборный кортежъ. Онъ подумалъ и повернулъ на пролегавшую лугами обходную дорожку...

XVIII.

Профессоръ Бертранъ занимался вечеромъ въ кабинетѣ, когда, въ десятомъ часу, раздался звонокъ, еще такъ недавно совсѣмъ немыслимый въ домѣ въ такую пору.

Но полная случайностями выборная горячка, присылка корректуръ изъ типографіи, пріучили уже Розу вскакивать спокойно во всякое время ночи. Теперь, только-что улегшаяся, она поспѣшно накинула на себя капотъ и впустила Пикара, явившагося прямо изъ эстаминэ съ вѣстью о неудачѣ насчетъ залы.

Неожиданная клерикальная выходка сперва разсмѣшила Бертрана, а потомъ заставила задуматься, и онъ долго ходилъ изъ угла въ уголъ по кабинету, захвативъ въ кулакъ свою русую, уже сѣдѣвшую бородку.

Въ отвѣтъ на опасенія Пикара за должный успѣхъ рѣчи на открытомъ воздухѣ, онъ заговорилъ:

— При подобныхъ обстоятельствахъ нечего уже гнаться за

многимъ: à la guerre comme à la guerre!.. Да зала, въ сущности, не особенно и надобна... Толпа, даже и высоко-интеллигентная, всегда толпа, случайная совокупность особей... Для нея важны не слова, а духъ, идея... и это она улавливаетъ всегда, во всемъ—не ухомъ, а какимъ-то особеннымъ своимъ аппаратомъ... Обыкновенно думаютъ, что толпу можно покорять хорошими словами, но это едва ли вѣрно! Она не *убѣждается*, подобно отдѣльной личности, а только *чувствуетъ*, и потому условная ораторская цѣльность сказаннаго—дѣло второстепенное для нея... Притомъ, и сказанное понимается въ ней каждымъ по-своему, а общимъ является только выводъ, суть... Тайна это, m-r Пикаръ, одинаково неразлучная съ толпою, какъ въ Шербекѣ, такъ и гдѣ-нибудь въ Лондонѣ, въ Каирѣ,—и одинаково непостижимая! Будемъ ораторствовать въ полѣ, по-евангельски... Гдѣ соберется аудиторія?

— Я думаю назначить за Эйндеке, около кладбища.

— Что же, мѣсто просторное, уединенное.

— Бѣда, что собираться приходится днемъ—рабочее время терять!—почесалъ затылокъ Пикаръ.—Еслибы вы могли утромъ пораньше... чтобы народъ успѣлъ хоть къ двумъ часамъ на фабрики явиться...

— Такъ и сдѣлаемъ!—успокоилъ его Бертранъ.

Очутившись, уже за полночь, на темной, безлюдной улицѣ и сообразивъ обстоятельства, Пикаръ рѣшилъ отправиться прямо въ Нельдекъ, чтобы успѣть на зарѣ предупредить тамъ шербекскихъ рабочихъ о перемѣнѣ, согласиться о назначеніи дня, побывать самому на фабрикѣ. Онъ зналъ, что имъ дорожатъ, какъ способнымъ контр-метромъ, и на дѣловыя отлучки его смотрятъ какъ на должное, но, самъ мастеровой, онъ понималъ мастерового и потому урывалъ всякую минуту, чтобы бросить взглядъ на дѣло.

Шербекъ кипѣлъ уже своимъ исключительнымъ лихорадочнымъ движеніемъ, когда Пикаръ показался на его улицахъ. Всюду виднѣлась отборная наѣхавшая публика, мелькали щегольскіе шарабаны, каретки, коляски.., проѣхалъ съ какимъ-то упитаннымъ, модно-одѣтымъ клерикаломъ о. Дюбуа... Ихъ обогнала элегантная каретка графа Ниссена, сверкая лакированными спицами колесъ... прошли два кюрэ съ трехцвѣтными лентами, обвитыми вокругъ толстыхъ шнуровъ ихъ шляпъ—отличка казарменныхъ духовниковъ—очевидно, выписанные изъ сосѣдняго штаба войскъ для моральнаго воздѣйствія на гарнизонъ Шербека... Городовые, всегда заспанные и хронически-унылые отъ праздности,

были въ новенькихъ мундирахъ, при отчищенныхъ тесакахъ и со свѣже-выбритыми щеками; они смотрѣли героями, не уступая никому дороги на тротуарахъ.

Около Эйндеке Пикару попался на встрѣчу хромоногій и красноносый франтъ съ напомаженными рыжими вихрами, въ голубомъ пиджакѣ съ чужого плеча и съ мягкимъ клеенчатымъ портфелемъ въ рукѣ, какой носятъ конторщики и судейскіе писцы. Онъ такъ уморительно вывертывалъ хромою ногой, такъ важно поводилъ мутными зелеными глазками, принимая осанку особы, что Пикаръ невольно обратилъ на него вниманіе и чуть не расхохотался.

Это былъ пріодѣвшійся, спѣшившій по дѣламъ клеркъ нотаріуса Демоля—Жакъ. Онъ разносилъ, „по примѣру прежнихъ лѣтъ“, предвыборныя грозныя повѣстки избирателямъ, зависѣвшимъ такъ или иначе отъ Демоля. Въ Эйндеке Жаку пришлось навѣстить не мало собственниковъ, погрязшихъ въ ипотекѣ и тянувшихъ свое существованіе лишь благодаря милостивымъ отсрочкамъ. Теперь надо было обойти обитателей центра—купившихъ въ разсрочку мебель, мелкихъ торговцевъ — кредитовавшихся у оптовщиковъ, и прочій подобный людъ—дышавшій перепискою векселей.

Полдень засталъ Жака въ фермерской слободѣ.

Населивъ хижины тревогой, охами и вздохами и какъ бы сваливъ этимъ бремя у себя съ души, Жакъ направился медленными, важными шагами въ эстаминэ, помѣщавшееся въ спеціально приспособленномъ, чистомъ и обширномъ домикѣ. Уволенный изъ конторы на весь день и снабженный столовыми отъ нотаріуса, набравшій въ подачку не мало центовъ съ перепуганныхъ должниковъ, Жакъ чувствовалъ себя на верху блаженства и хотѣлъ задать себѣ праздникъ.

Хозяинъ эстаминэ, вышколенный слуга клерикаловъ, встрѣтилъ Жака низкими поклонами. За однимъ изъ столиковъ бесѣдовала кучка фермерской молодежи, въ томъ числѣ и Эдмондъ. Жакъ уставился на нихъ, ожидая также поклоновъ, но бесѣдовавшіе только оглядѣли его голубой нескладный пиджакъ и обмѣнялись какими-то замѣчаніями—по всей вѣроятности, „критическими“.

Это обидѣло Жака.

Подковылявъ къ стойкѣ, онъ хмуро обвелъ глазами ряды бутылокъ и принялся, въ добавленіе къ выпитому за утро, требовать рюмку за рюмкой отборные сорта, выкрикивая преднамѣренно-громко названія. За столикомъ онъ окружилъ себя блю-

домъ кислой капусты съ парою сосисокъ, цѣлымъ короваемъ хлѣба, самымъ большимъ стаканомъ пива и сталъ насыщаться, чавкая и расправляя рыжіе щетинистые усы.

— Хозяинъ, еще стаканъ пива!—важно скомандовалъ онъ, бросивъ презрительный взглядъ на враговъ, бережливо отпивавшихъ изъ своихъ маленькихъ стаканчиковъ.

Поѣвъ, Жакъ вынулъ изъ-за уха неразлучную папироску, но подумалъ и крикнулъ:

— Хозяинъ, сигару... антверпенскую!

— Всѣ вышли антверпенскія, m-r Жакъ...—пропѣлъ изъ-за стойки хозяинъ, никогда и не видѣвшій ихъ. —Но вотъ льежскія... чудеснѣйшія!

— Пусть ихъ голь ваша всякая курить!—отвѣтилъ презрительно Жакъ.

За столикомъ молодежи раздалось хихиканье.

Жакъ покосился раздражительно и крикнулъ:

— Хозяинъ, рюмку ликеру!

Это былъ ударъ врагамъ. Молодежь сразу притихла; можно было разслышать лишь едва внятный шопотъ. Жакъ побѣдоносно и съ облегченнымъ сердцемъ задымилъ папиросой, попивая ликеръ. Но тигръ прилегъ лишь затѣмъ, чтобы сдѣлать смертоносный прыжокъ...

За столикомъ раздалось:

— Эдмондъ, угости меня ликеромъ!

— А меня—ликеромъ и сигарой!

— Стану я всякую голь угощать!—отвѣтилъ напыщенно Эдмондъ.

— Скажи лучше, что у тебя видъ только важный, а въ карманѣ свиститъ!

— А гдѣ же ему взять?—вступился примирительно кто-то.—Онъ только и знаетъ, что день-деньской веревки сучить! Работай онъ перомъ—будь подьячій, клеркъ...

— Что жъ было бы тогда?

— Тогда?..—говорившій свистнулъ и продолжалъ:—Тогда онъ одному каверзу подвелъ бы, другого—опуталъ, съ третьяго—взятку взялъ... А потомъ забрался бы въ эстаминэ да и началъ съ пьяныхъ глазъ такія колѣна выдѣлывать, что хоть самому майёру [1]) впору!..

Чаша терпѣнія переполнилась.

Красный, угристый носъ Жака сперва покрылся всѣми цвѣ-

[1]) Старшина въ общинѣ.

тами радуги, а потомъ заигралъ ярко-пунцовымъ цвѣтомъ,—какъ дельфинъ передъ смертью. Онъ поднялся не безъ труда со стула, приблизился нетвердыми шагами къ врагамъ и сказалъ, уставивъ въ свою манишку крючковатый указательный палецъ съ грязнымъ ногтемъ:

— Я—клеркъ!

— Слышишь? Онъ—клеркъ!—обратился одинъ изъ юношей къ Эдмонду.

— Возможно ли?!—удивился тотъ въ отвѣтъ.—По виду, онъ совсѣмъ бургомистръ!

— Какъ вы смѣете оскорблять меня... клерка!—подступилъ Жакъ.

— Помилуйте, кто рѣшится на такой смертный грѣхъ!—отвѣтилъ приниженно Эдмондъ, сжавшись на стулѣ.

Жакъ кинулся съ ругательствомъ на Эдмонда, но встрѣтилъ, въ самую средину жилета, его дюжую ногу и покатился по полу, разставшись со шляпой...

Услужливый хозяинъ бросился поднимать почетнаго гостя. Когда это, не безъ труда, удалось ему, онъ приставилъ Жака къ стѣнкѣ, накрылъ рыжіе вихры его поднятою шляпой и заговорилъ, выказывая далеко не дюжинныя способности дипломата:

— Не трогайте ихъ, m-r Жакъ!.. Не связывайтесь съ ними!.. Они и безъ васъ будутъ наказаны... закономъ!

Жакъ кричалъ, уставивъ палецъ на Эдмонда:

— Ты заплатишь мнѣ!.. за все заплатишь!.. Я взыщу!..

Вечеромъ, съ фабрики, Эдмондъ отправился къ Пикару—толковать объ устройствѣ митинга на открытомъ воздухѣ. Домой вернулся онъ уже позднею ночью. Старикъ Вестъ, сверхъ обыкновенія, не спалъ, покуривая трубку у дверей.

— Что ты это надѣлалъ?!—обратился онъ сокрушенно къ сыну.

— Что такое?

— Ты клерка Жака побилъ!

— Великая важность!

— Ты или глупъ, или поклялся вредить мнѣ!—вскипѣлъ старикъ.—Завтра утромъ иди къ нотаріусу и извинись!

— Нѣтъ, отецъ, этого я не сдѣлаю,—отвѣтилъ Эдмондъ.—Въ эстаминэ я проучилъ только *Жака*, и онъ можетъ искать съ меня, если хочетъ... Извиниться же передъ нотаріусомъ—значитъ признать, что я проучилъ *клерка*... Понимаешь ты разницу?

Вестъ понялъ и задумался. Что проученъ клеркъ Жакъ—этотъ „sale type“, какъ онъ самъ всегда величалъ его мысленно, оборвышъ, спеціально закаленный конторою съ дѣтства въ самой грязной кляузѣ и безсердечіи,—старикъ только радовался. Непріятно было одно,—что вмѣшанъ тутъ сынъ.

— Хоть въ Конго бѣги!—проворчалъ онъ, скрываясь въ домикъ.

XIX.

Пространство за слободою Эйндеке, долженствовавшее обратиться въ залу для митинга, представляло собою довольно возвышенную ровную долинку, на глинистой почвѣ которой не росло даже годной травы. Изъ слободы вела къ ней узенькая, извилистая дорожка, проложенная собственно на кладбище.

Раннимъ утромъ въ долинкѣ появился „комитетъ митинга“, составленный изъ Эдмонда и фермерской молодежи. Подъ митингъ выбрали средину долинки, откуда открывался не лишенный пріятности видъ на безконечное зеленѣвшее пространство болота. Для оратора соорудили „эстраду“, скомбинированную изъ пустыхъ ящиковъ и старыхъ досокъ, добытыхъ Эдмондомъ съ его канатной фабрики, бывшей по ту сторону кладбища. Декоративнымъ матеріаломъ послужили вѣтки ольхи и произраставшая вокругъ въ изобиліи дикая гвоздика.

Когда явился Пикаръ—бросить инспекторскій взглядъ, все было уже готово, а по дорожкѣ тянулись вереничками подходившіе изъ Нельдека рабочіе.

Оставалось извѣстить Бертрана, и Пикаръ отправился къ нему.

Въ концѣ слободы, у дощатой изгороди, окружавшей начатую постройку, возился дядя-Пьеръ, макая въ ведерко съ клейстеромъ кисть и дѣйствуя ею по доскамъ, точно цирюльникъ по щекѣ...

Пикаръ, которому даже во снѣ только и грезилось, что выборныя афиши да контр-афиши, повернулъ поспѣшно къ нему.

— Что это вы расклеиваете, дядя-Пьеръ?—освѣдомился онъ.

— А, m-r Пикаръ!—поднялъ тотъ на него свои круглые очки.—Афишу расклеиваю... Мы все расклеиваемъ: и хорошее, и дурное,—что хотите! Такая должность наша!.. Вотъ, полюбуйтесь!

Онъ выдернулъ изъ пачки, придавленной на землѣ камеш-

комъ,—чтобы не разносилъ вѣтеръ,—небольшую длинненькую афишку и подалъ ее Пикару.

У Пикара въ глазахъ потемнѣло...

Афиша извѣщала, что, по распоряженію бургомистра, запрещаются всякіе скопы, собранія, митинги *подъ открытымъ небомъ*...

— Я возьму эту афишу!—проговорилъ Пикаръ и пустился чуть не бѣгомъ къ Бертрану.

Дядя-Пьеръ поглядѣлъ ему вслѣдъ, покрутилъ головой, насколько позволяла это толстая, коротенькая шея, и принялся за свое дѣло.

Бертранъ, уже совсѣмъ готовый, въ черномъ сюртукѣ и при бѣломъ галстухѣ, не сразу взялъ въ толкъ торопливыя слова взволнованнаго Пикара, и, только пробѣжавъ афишку, понялъ, въ чемъ дѣло.

— Сюрпризъ!—произнесъ онъ, хмурясь и покручивая усы.

— Есть законъ на это?

— Не знаю... едва ли... Но вѣдь законы, особенно до административныхъ властей относящіеся, изготовляются вообще на манеръ дышла, такъ сказать,—чтобы ихъ можно было туда и сюда поворачивать!.. Предоставлено бургомистру „принимать мѣры къ охраненію порядка и спокойствія“,—ну, онъ и парѝтъ въ этой туманной безпредѣльности!

Бертранъ засмѣялся, но видно было по всему, что онъ разсерженъ, возмущенъ.

— Я опротестую это распоряженіе у бургомистра и телеграфирую рабочей партіи въ Брюссель!—сказалъ Пикаръ.

— Дѣйствуйте!—отвѣтилъ Бертранъ.—Что до меня, то я готовъ говорить подъ землей, подъ водой даже, если нельзя на открытомъ воздухѣ!

Онъ крѣпко сжалъ обѣими руками руку Пикара, и тотъ почувствовалъ, что руки эти холодны и дрожатъ.

Пикаръ побрелъ въ слободу. Несмотря на всю свою привычку къ агитаціоннымъ треволненіямъ и на физическую выносливость рабочаго, онъ чувствовалъ, что у него и силъ не хватаетъ, и духъ начинаетъ падать... Въ эстаминэ была только Анна—Арну не возвращался еще изъ склада, куда отправился сводить счеты. Пикаръ выпилъ для подкрѣпленія силъ „капельку“ и побрелъ къ Ширяку.

Того тоже дома не оказалось.

— Къ m-r Вандергусу пошелъ онъ, насчетъ постройки пекарни...—сказала Матильда, оставляя прялку.—Я сейчасъ сбѣгаю за нимъ!

— Да нѣтъ, не безпокойтесь... я зайду потомъ...—хотѣлъ остановить ее Пикаръ.

— Это близко!—крикнула она, скрываясь за дверь.

Пикаръ присѣлъ на стулъ, точно въ себя приходя и не представляя ясно, зачѣмъ собственно явился онъ.—„Надо къ кладбищу идти... Эдмонду сказать... отпустить рабочихъ въ Нельдекъ...“—вертѣлось у него въ головѣ.

Ширакъ явился скоро.

— Это возмутительно! Это ни на что не похоже!—заговорилъ онъ, пораженный новостью. — Комедія какая-то... фарсъ неприличный, а не выборы! Остается ругательства писать на бюллетеняхъ!..

— Можете вы принять на себя хлопоты?—спросилъ Пикаръ.

— Какія?

— Шербекская группа рабочей партіи организована теперь по всѣмъ правиламъ. Мы составимъ сейчасъ протестъ противъ распоряженія бургомистра, а вы соберете подписи отъ тѣхъ, кто въ слободѣ...

— Пишите! — сказалъ Ширакъ и закружился по комнатѣ, такъ какъ собственно для ходьбы не было мѣста.—На митингъ и изъ Нельдека пришли рабочіе?—спросилъ онъ, спустя минуту, хмурясь и раздумывая.

— Сто человѣкъ! — съ отчаяніемъ воскликнулъ Пикаръ.— Полдня потеряно! Собираться снова—еще время терять! Клерикалы знаютъ, что дѣлаютъ!..

— Не горячитесь... вопросъ вотъ въ чемъ...—степенно остановилъ его Ширакъ.—У меня мысль... Рабочіе въ сборѣ, дѣлать имъ нечего... Лѣсъ для пекарни запасенъ, мѣсто куплено... Если сейчасъ начать, то къ вечеру можетъ у насъ собственная зала поспѣть, хоть на тысячу персонъ...

Пикаръ вскочилъ и закружился въ свою очередь по комнатѣ.

— М-г Ширакъ! Вы спаситель, благодѣтель! — заговорилъ онъ, сіяя весь и чуть не подпрыгивая.—Я пойду, приведу всѣхъ рабочихъ!... Мало, такъ Эдмондъ изъ здѣшнихъ наберетъ охотниковъ!

— Чего тамъ мало! — отвѣтилъ Ширакъ. — Это не зданіе возводить! Надо только перенести доски на мѣсто да сколотить баракъ! Съ боковъ, пожалуй, ничего и не надо: главное—клерикальный законъ соблюсти, отъ неба защититься! Ха-ха-ха!

БИБЛІОТЕКИ

XX.

Тихій, теплый вечеръ уже спускался на Эйндеке. Фабричныя работы кончились. Для всѣхъ наступилъ часъ отдыха, покоя, короткій часъ мирнаго довольства у домашняго очага. Но слобода, сверхъ обыкновенія, не успокоивалась, продолжала гудѣть и копошиться, какъ растревоженныя пчелы въ ульѣ... Всѣ были на улицѣ, толковали оживленными кучками, тянулись въ одинъ изъ переулковъ—къ обширному пустырю, обнесенному полусгнившею деревянною изгородью. На пустырѣ, занимая средину, высилось новенькое тесовое зданіе—круглое, въ родѣ цирка,—мерцавшее полосками свѣта сквозь щели и съ развѣвавшимся краснымъ флагомъ на верхушкѣ пологой крыши.

Это и былъ сооруженный для митинга баракъ. Выросшій подъ напоромъ дружной народной силы буквально какъ грибъ, онъ составлялъ въ слободѣ новость и „злобу" вечера, собирая публику вокругъ изгороди. Постройка отличалась самою первобытною простотой: къ врытымъ въ землю столбамъ были „пришиты" гвоздями тѣсины во всю ихъ длину; упертыя въ столбы жерди, соединенныя концами вверху, служили стропилами. Внутри геній толпы успѣлъ уже украсить постройку художествомъ: на стѣнѣ, въ вычерченной углемъ фигурной рамѣ, красовался разительно-схожій портретъ бургомистра съ чудовищно-вытянутымъ носомъ... дальше виднѣлась клерикальная выборная процессія съ подгулявшимъ Странгеромъ во главѣ, „опирающимся" на величественнаго графа Ниссена... Вбитые въ землю колья, накрытые досками, изображали столъ; на немъ ярко свѣтили двѣ новенькія жестяныя лампочки.

Бертранъ былъ уже въ баракѣ. Нельдекскіе рабочіе, разсыпавшіеся на время ужина по слободѣ и уничтожившіе весь хлѣбъ во всѣхъ лавочкахъ и эстаминэ, находились въ сборѣ. Поджидали только шербекскихъ рабочихъ, оповѣстить которыхъ долженъ былъ „комитетъ митинга". Пикару, высчитавшему минута въ минуту все время, потребное на ужинъ и путь до слободы, замедленіе это было непонятно. Отсутствіе Эдмонда совсѣмъ удивляло его.

— Куда они запропастились!—проговорилъ онъ, обращаясь къ Арну, смотрѣвшему совсѣмъ гоголемъ въ своей праздничной сольфериновой парѣ.

— Опять что-нибудь... Чуетъ мое сердце, товарищъ!—отвѣтилъ тотъ.

— Ну, не каркайте!—отмахнулся Пикаръ.

Изъ переминавшейся у входа кучки нельдекскихъ рабочихъ одинъ приблизился и сказалъ полу-шопотомъ Пикару, что его спрашиваетъ кто-то за баракомъ.

— Пусть войдетъ!

— Звали... не хочетъ!

— Что-нибудь опять!—вставилъ Арну.

Пикаръ вышелъ.

За баракомъ онъ увидѣлъ привалившуюся къ старой, дуплистой ивѣ какую-то фигуру и узналъ, приглядѣвшись, Эдмонда.

— Что̀ вы скрываетесь? Идемте! — сказалъ онъ радостно.

— Въ этомъ-то?—трепанулъ себя за рукавъ Эдмондъ.

Онъ былъ въ синей дырявой холщевой курткѣ,—какъ работалъ на канатной фабрикѣ.

— Почему же вы не одѣлись?

— Да у насъ въ слободѣ такой переполохъ, что и сказать нельзя! Кто пойдетъ на митингъ, тотъ—врагъ церкви и не фермеръ больше!.. Товарищей моихъ родители подъ присмотръ взяли, у меня отецъ платье отобралъ...

— Рабочихъ тоже нѣтъ никого...

— Потому я и пришелъ сказать вамъ... Свои митинги клерикалы устроили сегодня на фабрикахъ... Рабочіе тамъ и ужинаютъ, а кто отлучился, тотъ и не приходи завтра... На ситцевой фабрикѣ—я прямо оттуда—викарій поученіе говоритъ, на соціалистовъ всѣ громы небесные призываетъ... потомъ на другую фабрику отправится...

— Какой викарій?

— Да нашъ, о. Филиберъ!—выкрикнулъ со злостью Эдмондъ.

У Пикара руки опустились...

Публики все-таки оказалось достаточно и митингъ вышелъ очень оживленный. Сжатая, заготовленная рѣчь Бертрана скоро перешла въ свободную импровизацію. — „Il faut ne faire qu'un pas à la fois. Mais il en faut faire un tous les jours!“ —закончилъ онъ совѣтомъ изъ Бланки.

Ширакъ, башмачникъ-Вольдеръ съ товарищами, огородникъ-Матисъ, а отъ лица интеллигенціи объединитель кустарнаго дѣла m-r Жоржъ—всѣ спѣшили пожать руку кандидату. Матисъ, чествуя „своего брата“, оратора, прохрипѣлъ даже привѣтствіе. Эдмондъ хотя и рѣшился протиснуться въ баракъ, но таился въ самомъ темномъ углу и невозможность предстать въ дырявой курткѣ предъ лицо профессора переживалъ какъ великое несчастіе...

— Суть въ томъ, m-r Пикаръ, что митингъ оказывается какъ бы безцѣльнымъ...—заговорилъ Бертранъ, когда схлынула публика.—Въ виду имѣлись главнымъ образомъ шербекскіе рабочіе, а ихъ-то мы и не видѣли... Я вотъ что предлагаю: сдѣлать экстрактъ рѣчи, отпечатать его за ночь, а завтра расклеить... Какъ вы думаете?

— Мнѣ остается только просить васъ...

— Я готовъ!

Онъ присѣлъ къ столику и быстро набросалъ экстрактъ.

— Расходы будутъ мои, конечно...—пояснилъ онъ, вручая рукопись.

Пикару предстояла не легкая задача выяснить рабочимъ заинтересовавшіе ихъ вопросы, и онъ рѣшилъ сдѣлать это по пути съ ними въ Нельдекъ. Типографскія хлопоты принялъ на себя Арну.

Въ Нельдекѣ Пикаръ — измученный, охрипшій — едва дотащился до своей комнаты и повалился какъ убитый на постель. Спать, однако, пришлось не долго... Томимый мучительнымъ, безсвязнымъ кошмаромъ, Пикаръ вдругъ очнулся и вскинулъ голову: въ жиденькую деревянную стѣнку стучалъ сосѣдъ-рабочій.

— Чего вы?—откликнулся Пикаръ.

— Зовутъ васъ!

Изъ узенькаго переулка доносился въ окно собачій лай. Кто-то кричалъ:—„М-г Пикаръ!.. Товарищъ!..“—Пикаръ вскочилъ, недоумѣвая, спутывая въ умѣ Нельдекъ съ Шербекомъ, и отворилъ окно: луна озаряла длинную фигуру въ соломенной шляпѣ и тройку собакъ... Угадывая остальное, Пикаръ бросилъ товарищу ключъ отъ входной двери и сталъ торопливо одѣваться.

— Рѣчь не расклеимъ ни завтра, ни послѣ!—сообщилъ вошедшій Арну.

— Какъ такъ?

— Типографщикъ корректуры не прислалъ и рукопись не отдаетъ: я, говоритъ, принялъ заказъ, а исполню, когда время будетъ!

— Попались...—промычалъ Пикаръ, сося хмуро папироску.

— Что жъ теперь дѣлать?

— Спать ложиться...

— Да ну васъ!

— Другого не придумаешь... Будь рукопись, мы здѣсь отпечатали бы...

— Такъ составьте! Вѣдь вы все слышали, знаете!

Пикаръ подумалъ, повелъ плечами, почесываясь, потомъ при-

мостился къ столику и принялся царапать неслушавшеюся рукой, связывая вертѣвшіяся въ головѣ мысли, фразы... Экстрактъ получился сносный, и Арну отправился съ запиской товарища въ типографію, гдѣ печаталась нельдекская рабочая газетка.

Относясь къ случившемуся уже какъ задерганная лошадь къ удиламъ, Пикаръ снова улегся на постель. Но вмѣсто сна потянулось какое-то разслабляющее забытье, населенное призраками—Странгера, бургомистра, Филибера, кружившимися въ фантастическомъ пространствѣ неугомонной клерикальной системы...

XXI.

Наканунѣ выборовъ, въ субботу, кандидаты произносили съ балкона ратуши свои рѣчи къ народу.

Балконъ убранъ былъ зеленью и цвѣтами.

Первымъ сталъ говорить либералъ Дрозъ—полный и рыхлый, точно налитый пивомъ, и съ огромнымъ розаномъ въ петлицѣ фрака. Онъ говорилъ неумѣло, съ горячностью; рука въ бѣлой перчаткѣ судорожно стискивала верхушку перилъ, точно выжимая изъ нея фразы... Какъ и въ афишѣ, онъ не скупился на эпитеты клерикаламъ, плакалъ о Шербекѣ, обреченномъ на „клерикальный адъ", и обѣщалъ ему „либеральный рай"... Мѣстами раздавались аплодисменты, но сплоченное изъ клерикаловъ ядро толпы покрывало ихъ свистками.

Вторымъ появился Бертранъ, встрѣченный криками соціалистовъ, тѣснившихся въ заднихъ рядахъ. Онъ произнесъ рѣчь какъ съ каѳедры—съ привычнымъ спокойствіемъ и выработаннымъ умѣньемъ. Очертивъ свою программу реформъ, выставивъ необходимость уступить требованіямъ времени и назрѣвшимъ потребностямъ, онъ сказалъ:—„Что хорошо и что дурно въ переживаемомъ народами—оцѣниваетъ исторія. Но то, что отжило и проторило путь новому—должны замѣчать они сами, чтобъ не оставаться безжизненными, не создавать опасности задержкою теченія"!

Странгеръ встрѣченъ былъ шумными рукоплесканіями ядра толпы. Пожилой, съ полнымъ и краснымъ гладко выбритымъ лицомъ, со щеткою сѣдыхъ волосъ на круглой головѣ, онъ приблизился къ периламъ увѣреннымъ и торопливымъ шагомъ и неторопливо заговорилъ звучнымъ голосомъ, выпуская фразу за фразой, точно птица изъ клѣтки... Онъ благодарилъ избирателей за многолѣтнее довѣріе къ нему, не сомнѣвался, что призна-

тельность за услуги рѣдко выпадаетъ на долю старавшихся, но, зная высокія нравственныя качества шербекскихъ избирателей, не терялъ надежды получить ее. — „Нѣтъ ничего опаснѣе новаторовъ!—продолжалъ онъ.—Руководимые легкокрылою фантазіей, они щедро разсыпаютъ обѣщанія, не давая себѣ труда подумать о возможности исполненія ихъ! Да и возможности этой не существуетъ: кто бы ни былъ избранъ теперь—либералъ или соціалистъ, — правительство по прежнему останется клерикальное, и отъ этого правительства будутъ по прежнему зависѣть избравшіе“...

Дружные свистки либераловъ и соціалистовъ прервали его. — „Это не парламентскій пріемъ! — Это подкупъ, угроза!—Возьмите назадъ слова!“—раздавались голоса.

На минуту все смѣшалось. Протестовавшіе очутились впереди... чьи-то свернутыя въ комокъ перчатки взвились на балконъ... Полицейскіе соединились въ цѣпь, оттѣсняя толпу...

Когда порядокъ возстановился, Странгера уже не оказалось на балконѣ. Вмѣсто него говорилъ бургомистръ—лысый, съ сѣдою бородой и съ трехцвѣтнымъ шарфомъ вокругъ толстаго живота. Онъ читалъ избирателямъ обычный урокъ относительно выборныхъ дѣйствій, рекомендовалъ „поступать во всемъ по правиламъ законности, соблюдать порядокъ и тишину“, надѣялся, что не придется принимать никакихъ чрезвычайныхъ мѣръ.—„Но если надобность укажетъ, то мѣры эти будутъ приняты неукоснительно!“—замѣтилъ онъ вслѣдъ за тѣмъ.

Послѣ рѣчей начались въ выборныхъ комитетахъ клерикаловъ и либераловъ банкеты въ честь депутатовъ. Комитетъ Эйндеке отправилъ къ Бертрану привѣтственный соціалистическій кортежъ.

XXII.

Въ воскресенье, къ полудню, Шербекъ расцвѣлъ, какъ піонъ.

Дома украсились трехцвѣтными флагами на шестахъ съ копьеобразными золочеными верхушками, щитами съ бельгійскимъ золотымъ львомъ, гирляндами зелени. На балконахъ и въ растворенныхъ окнахъ сіяли туалетами дамы, щеголялъ праздничными жакетками побрившійся, подстригшійся мужской полъ. По улицамъ, кипѣвшимъ нарядною публикой, совершали шествіе съ музыкой и знаменами кортежи обществъ, раздавая каждый свои листки съ именемъ поддерживаемаго кандидата. Все лико-

вало. Ликовало и яркое, горячее солнце, точно застрявшее въ зенитѣ, чтобы продлить время.

Супруги Дестрэ, за неимѣніемъ балкона, помѣщались у раскрытаго окна и наслаждались, помимо зрѣлища, еще пивомъ ламбикъ-гёзъ—этимъ бельгійскимъ шампанскимъ. Откупоренная ради торжественнаго дня бутылка находилась предъ ними, на столикѣ, полулежа, по правиламъ, въ спеціальной плетеной корзинкѣ, а часть темно-желтаго содержимаго ея пѣнилась въ тонкихъ, узенькихъ стаканчикахъ.

— У „Ундины“ знамя лучше всѣхъ...—замѣтилъ директоръ, проводивъ глазами кортежъ общества, носившаго это названіе.

— Не понимаю, причемъ можетъ быть ундина тамъ, гдѣ даже рѣчки нѣтъ никакой!—возразила m-me Дестрэ, отличавшаяся вообще склонностью къ критикѣ и противорѣчію.

— Просто кличка...—отвѣтилъ Дестрэ, спрашивая себя въ то же время мысленно:—„А въ самомъ дѣлѣ, что за связь между Шербекомъ и ундиной“?

Углубиться въ вопросъ не позволило показавшееся общество „Христіанской молодежи“, распѣвавшей божественное и разсыпавшей щедро листки съ именемъ Странгера. За нимъ прошли „Друзья мира“ съ нѣсколько страннымъ для такой миссіи знаменемъ, на которомъ вооруженный съ ногъ до головы архангелъ неистово посѣкалъ Беллону, какъ бы пользуясь тѣмъ, что она уронила свой щитъ и сломала копье... Супруги ждали, что вотъ-вотъ пройдетъ знаменитое шербекское музыкальное общество „Лира“, дававшее даже концерты на площади предъ ратушей. Но его зычная труба, ревѣвшая гдѣ-то по близости—какъ будто около реставрированной башни,—видимо удалялась.

— Непремѣнно пройдутъ сперва тамъ, вѣрхомъ, а потомъ ужъ сюда спустятся!—промолвила язвительно m-me Дестрэ, точно чувствуя тяжкую личную обиду.

— Не думаю,—усомнился, не зная самъ почему, Дестрэ.—Вонъ, слышишь?

Музыкальный гулъ дѣйствительно раздался въ улицѣ, но тутъ же превратился во что-то невообразимое, мусикійское...

Дестрэ выглянулъ изъ окна и покатился со смѣху: по улицѣ, подражая старшимъ, шествовалъ кортежъ школьниковъ; всѣ они были въ бумажныхъ каскахъ и съ наведенными сажей усами; музыканты колотили въ сковороды и тазы, бумажные рожки дудѣли „Марсельезу“, а впереди выступалъ знаменщикъ, Георгъ Арну, съ отцовскимъ краснымъ платкомъ на палкѣ...

— Ахъ, какой ужасъ!—взвизгнула m-me Дестрэ, отскочивъ отъ окна.

— Да-съ! это не „Лира“! Ужъ не взыщите!—отвѣтилъ хохотавшій Дестрэ, связывая негодованіе супруги съ областью музыкальной эстетики.—Со-ціа-листы!—проговорилъ онъ, схватившись за животъ.

— Чему ты смѣешься?—подступила гнѣвно супруга.—Мальчишки демонстраціи устроиваютъ, съ краснымъ флагомъ по улицамъ расхаживаютъ, а ты, начальникъ, смѣешься!..

— Ну, пошла!—махнулъ рукою Дестрэ.—Дурачатся дѣти, вотъ и все!

— А съ тебя взыщутъ!

— За что?

— За это!

Раздавшійся оглушительный звонокъ заставилъ супруговъ умолкнуть.

M-me Дестрэ, остававшаяся пока съ распущенной шнуровкой, скрылась въ сосѣднюю комнату. Поспѣшившій на звонокъ директоръ очутился лицомъ къ лицу съ клеркомъ изъ ратуши.

— Г-нъ бургомистръ прислалъ меня передать вамъ, что ученики государственной школы совершаютъ безпорядокъ...—напыщенно и съ сознаніемъ важности дѣла началъ клеркъ.

Дестрэ, натянувшій на носъ пенснэ и оглядывавшій клерка, перебилъ:

— Для какой собственно цѣли счелъ надобнымъ г. бургомистръ передать мнѣ объ этомъ?

— Какъ... директору училища...—пробормоталъ клеркъ, не ожидавшій такой непредвидѣнности.

Дестрэ пріосанился и продолжалъ:

— Г-ну бургомистру должно быть извѣстно, что мои отношенія къ ученикамъ ограничиваются стѣнами школы и что власть прекращать всякіе безпорядки на улицѣ принадлежитъ исключительно ему!

— Я такъ и передамъ!—буркнулъ озлившійся клеркъ, направляясь стремительно въ переднюю.

— Что? Не говорила я тебѣ? не говорила?!—напустилась супруга, таившаяся за дверью и не проронившая ни одного слова изъ разговора.—Боже мой! Дожилъ до такихъ лѣтъ и ума не нажилъ!

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ!—вскипѣлъ Дестрэ.—Какой я отвѣтчикъ за школьниковъ? А если школьникъ зарѣжетъ кого-нибудь, то меня въ острогъ посадятъ?.. По вашему такъ?

Видя, что супруга заломила уже руки, вступая въ первый фазисъ истерики, и что торжественный день можетъ превратиться въ печальный, онъ заговорилъ, перемѣнивъ тонъ:

— Который часъ однако?.. Второй уже! На площадь пора— идите, прихорашивайтесь, не ударьте въ грязь лицомъ!

М-me Дестрэ молча и порывисто исчезла.

XXIII.

На площади между тѣмъ картина развертывалась во всю ширь...

Предъ тонувшимъ во флагахъ зданіемъ ратуши строился, сверкая на солнцѣ клеенчатыми шляпами, гарнизонъ, занимавшій свои позиціи; растягивались въ шеренги городовые. Подъ обступавшими площадь, позолоченными солнцемъ вѣковыми липами суетились у столиковъ торговки сластями, напитками, съѣстными припасами. Вокругъ располагались линіями кареты, коляски, двигалась стройными рядами говорливая большая и малая публика... Неподалеку копошился на мостовой цѣлый цыганскій таборъ... Мужчины, женщины, дѣти размѣщались вповалку; кто пѣлъ пѣсни, кто закусывалъ, кто отдыхалъ, уткнувъ лицо въ траву и отдавъ спину во власть жарившаго солнца... Это были избиратели-собственники, превратившіеся въ странствующихъ рабочихъ. Они владѣли закрѣпощенными въ ипотекѣ клочками земли, хижинами, платили пріобщающій къ лику избирателей maximum налоговъ, но нужда гнала ихъ изъ деревень на поиски работы, заставляла скитаться безъ пристанища, вести кочевую жизнь...

Отворившіяся двери ратуши всколыхнули ждавшую этого толпу. Избиратели потянулись въ залу къ урнамъ. У всѣхъ бѣлѣлись листки бюллетеней въ рукахъ. Бившіе напрямикъ имѣли ихъ уже готовыми—съ отмѣченнымъ именемъ кандидата; лицемѣрившіе дѣлали видъ, что не надумались еще, и поигрывали карандашами. Старикъ Вестъ чинно продвигался въ кучкѣ своихъ товарищей, стиснувъ корявыми пальцами назначенный Странгеру бюллетень, не заботясь ни о чемъ, думая только скорѣе отдѣлаться. М-г Жоржъ знаменательно подмигнулъ на свой, проходя мимо Пикара...

Толпа тянулась медленно и непрерывно; убывавшихъ на площади замѣняли прибывавшіе. Уже начало темнѣть, когда двери ратуши закрылись за послѣднимъ избирателемъ. Аристократія,

исполнивъ свое дѣло, исчезала. Plebs—напротивъ—скапливался на площади, открывая гулянье, шумно толковалъ въ ожиданіи результата. Въ ратушѣ начинался подсчетъ голосовъ; въ освѣтившихся окнахъ мелькали суетливо тѣни...

— Запрещено собираться!—крикнулъ полицейскій, подходя къ обособившейся, росшей кучкѣ соціалистовъ.

— Мы на выборахъ!—отвѣтилъ Эдмондъ.

— Все кончилось! Расходитесь!

— Тогда очищайте всю площадь!

Въ толпѣ раздались свистки, остроты.

— Именемъ закона! — крикнулъ полицейскій и схватилъ Эдмонда за руку.

— Вы съ ума сошли!—отвѣтилъ тотъ и дернулъ руку.

Полицейскій мотнулся на сильной, мускулистой рукѣ Эдмонда какъ мячикъ, но не отцѣпился, доставая свободною рукой наручники изъ кармана. Толпа загудѣла, заволновалась... подоспѣвшіе полицейскіе принялись осаживать... Наручники уже звякнули въ воздухѣ сухимъ, характернымъ звукомъ... Полицейскій, пыхтя и напрягая всѣ силы, притянулъ къ себѣ Эдмонда... Но въ эту минуту взявшаяся откуда-то Марія кинулась къ мужу и впилась зубами въ руку полицейскаго... Тотъ вскрикнулъ не своимъ голосомъ и замахалъ въ воздухѣ окровавленною рукой, а Эдмондъ, подхвативъ жену, исчезъ въ толпѣ... Спустя мгновенье—предъ оттиснутыми полицейскими стояла стѣна рабочихъ...

Загудѣли полицейскіе свистки... раздалась команда... Гарнизонъ, съ ружьями наперевѣсъ, окружилъ рабочихъ... Но за угломъ ратуши барабанъ глухо прогремѣлъ *отбой*... Это показывало, что выборы благополучны, что администрація желаетъ быть снисходительной...

Спустя нѣсколько минутъ, явилось и подтвержденіе: на балконѣ ратуши освѣтился длинный фонарь, съ выведенною черною краской надписью на стеклѣ: „*Избранъ: К. Странгеръ*“.

XXIV.

Пикаръ, когда фонарь освѣтилъ неудачу соціалистовъ, побрелъ уныло съ площади. „Начало вездѣ трудно...—думалъ онъ.—Въ Гентѣ то же было на первыхъ порахъ... А теперь брюссельскіе соціалисты ѣздятъ въ Гентъ освѣжаться духомъ, какъ на воды—больные“...

Улицы были запружены народомъ, провожавшимъ знамена-

тельный день тревогъ и хлопотъ... Все, до послѣдняго эстаминэ, было набито публикой; публика шумѣла и на тротуарахъ—за столиками, на освѣщенныхъ балконахъ... Въ кафѣ „Рубенса“ пировали побѣдившіе клерикалы... Въ сіявшей электрическими огнями компанейской пивной утѣшались потерпѣвшіе либералы, дымя отчаянно трубками, опустошая кружки, стуча шарами на билліардахъ...

Въ Центральной улицѣ шелъ настоящій карнавалъ, публика запружала всю мостовую. Въ ярко-освѣщенномъ большомъ кафѣ игралъ оркестръ „Лиры“, заглушая своею зычною трубой визжавшіе тамъ и сямъ любительскія скрипки и аккордеоны... Издалека доносилось пѣніе хора, исполнявшаго мелодію изъ соціалистическаго „Recueil de chants démocratiques“. Пикаръ сталъ пробираться туда. Но хоръ смолкъ скоро. Его смѣнила „Брабансонна“... Чудное, звонкое сопрано заливалось, дрожа и замирая во влажномъ вечернемъ воздухѣ... Пикаръ торопливо втиснулся въ толпу: пѣла Матильда Ширакъ, окруженная слободскою молодежью. Ея неизмѣнная праздничная кофточка со стеклярусомъ искрилась радужными огоньками при трепетномъ блескѣ луны, рука отбивала тактъ въ воздухѣ...

„La mitraille a brisé l'orange
Sur l'arbre de la liberté!“

—закончила Матильда.

— У васъ прекрасный, удивительный голосъ!—сказалъ, подошедши, Пикаръ.

Она пожала ему руку и остановилась рядомъ.

Возбужденіе мѣшало ей говорить. Роскошная золотистая коса ея, прихваченная двумя-тремя шпильками, почти распустилась; черная соломенная шляпка съ коленкоровыми цвѣтами сдвинулась на затылокъ. Что-то необычайное, геройское, переполняло ее всю, свѣтилось въ большихъ темныхъ глазахъ, трепетало въ каждой жилкѣ...

Пикаръ залюбовался ею.

Закинувъ руки за голову и проворно дѣйствуя дрожавшими пальчиками, Матильда привела въ порядокъ прическу, поправила шляпку.

Они пошли рядомъ.

— Вы домой?—спросилъ Пикаръ, думая проводить ее.

— Нѣтъ... У меня тутъ подруги, надо ихъ найти...

Пикаръ пожелалъ ей всего хорошаго, сказавъ, что отправляется утромъ въ Нельдекъ.

— Да?—подняла она голову. — Но вы опять будете въ Шербекѣ?

— Не знаю... Выборы кончились.

Матильда задумалась.

— Я тоже уѣду изъ Шербека...—проговорила она потомъ.

— Уѣдете?—вымолвилъ Пикаръ, чувствуя, какъ стукнуло у него сердце.—Куда?

— Куда-нибудь... Въ семьѣ я совсѣмъ лишняя. Все, что я зарабатываю пряжей, уходитъ на меня же, а другого дѣла трудно найти въ Шербекѣ... Когда сестры были маленькія, то хозяйка въ домѣ требовалась, а теперь...

Она умолкла, опустивъ задумчиво голову.

— Вы въ Брюссель отправитесь?

— Въ Брюссель, или въ Гентъ...

Встрѣтившаяся веселая компанія мужчинъ и дѣвицъ прервала ихъ разговоръ. Тутъ были подруги Матильды, и она присоединилась къ нимъ.

Пикаръ побывалъ въ нѣсколькихъ эстаминэ, выпивая стаканчики пива, толкуя съ встрѣчавшимися знакомцами-соціалистами, потомъ отправился въ Эйндеке. Но какая-то щемящая неловкость не покидала его... Что-то непріятное, похожее на ревность, трогало за сердце при мысли, что Матильда веселится теперь съ молодыми людьми...

Старуха Ширакъ, умаявшаяся за день на гуляньи, покоилась сладкимъ сномъ. Въ просонкахъ она чувствовала, какъ улеглась рядомъ вернувшаяся дочь. Ей хотѣлось поговорить, обмѣняться новостями, но сонъ преодолѣвалъ, да и Матильда—какъ улеглась, такъ и замерла безъ движенья. — „Набѣгалась, спитъ уже!“—сообразила въ полузабытьи старуха.

Но Матильда не спала. Она вся пылала, глаза не хотѣли сомкнуться, а въ головѣ тянулись вереницею мысли... Тягота нерадостной жизни точно свѣтомъ озарялась предъ ней, а впереди виднѣлась только неразлучная съ бѣдностью и съ давно проникшими даже въ Шербекъ фабричными нравами гибель, постигавшая одну за другою сверстницъ, подругъ... Домосѣдное ремесло пряхи, таившійся въ душѣ природный зачатокъ нравственной брезгливости, помогали ей спасаться отъ гибели, но отеческій кровъ былъ уже тѣсенъ, а предстоявшій путь жизни пугалъ и не сулилъ добраго... Встрѣча съ Пикаромъ вызвала къ жизни глохшія дѣвическія мечты... Разсудокъ твердилъ, что обез-

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

доленная поденщица, не увѣренная и въ десяти франкахъ въ недѣлю,—не пара контрметру, получающему „опредѣленное жалованье“, но что-то безотчетное ласкало несмѣлыя мечты... Теперь всему надо сказать: „прости“!.. и нѣтъ силъ сказать это...

— Матильда... что̀ съ тобою?—проговорила, вскакивая, мать.

— Ничего...

— Ты плачешь?

Матильда не отвѣтила и уткнула лицо въ подушку.

XXV.

Давно уже разсвѣло. Запавшій въ окно домика Ансельма Веста ласковый лучъ солнца игралъ на шероховатой выбѣленной стѣнѣ, отражался ломаною линіей въ тускломъ дешевомъ зеркальцѣ... Вестъ, съ помутившимся взглядомъ, съ осунувшимся лицомъ, сидѣлъ у стола, держа въ зубахъ трубку, и усиленно сосалъ ее, не замѣчая, что она давно стала холодною... Рядомъ на стулѣ тихо плакала Гертруда, морщась и утирая слезы рукавомъ кофты...

Они переживали эхо выборовъ... Вчера, у нотаріуса, Весту объявили, что арендный контрактъ его не будетъ возобновленъ и что онъ обязывается очистить ферму. Вестъ едва могъ вымолвить слипавшимися губами:—„По какой причинѣ?“—На него устремились толстыя стекла золотыхъ очковъ, и онъ услышалъ: —„Я только исполняю приказаніе графа. Могу сказать, что *лично вы* не являетесь причиной“.—Вестъ не былъ силенъ въ дипломатіи, но все-же сообразилъ, что причиною является сынъ, Эдмондъ. Онъ находилъ также въ порядкѣ вещей, что нотаріусу можетъ быть извѣстенъ кондуитъ всего Шербека... Но чтобы самъ графъ Ниссенъ занялся фермеромъ Вестомъ—это не укладывалось въ его пониманіи... Запоздалый разсказъ Гертруды о бесѣдѣ у сестры Альбертины, въ улицѣ Св. Духа, бросилъ свѣтъ на дѣло... Вестъ обдумалъ все и увѣрился, что причина бѣды—монашенки, а чрезъ нихъ—надувшая въ уши графу mère Phine...

— Пойду къ ней!—сказалъ Вестъ, бросивъ трубку на столъ и вставая.

Онъ выбрился, стоя передъ зеркальцемъ и съ трескомъ снимая тупою бритвой упрямую щетину на морщинистыхъ щекахъ, надѣлъ высокіе коленкоровые воротнички, праздничное платье и отправился.

Въ замкѣ пришлось подождать: суетившаяся во дворѣ прачка

—она же и прислуга во флигелѣ — объявила, что m-me Жозефина выйдетъ, какъ только отопьетъ кофе. Вестъ смиренно сталъ въ тѣни, сбоку крыльца, держа шляпу въ рукахъ и обмахиваясь ею безъ всякой нужды. Въ душѣ презиравшій Жозефину, но поставленный въ необходимость принизиться, онъ предпочиталъ оставаться безъ шляпы, чтобы не снимать ее предъ „барскою барыней".

Показавшаяся Жозефина, услышавъ, въ чемъ дѣло, изобразила на своемъ самодовольномъ, расплывшемся лицѣ видъ соболѣзнованія и сказала:

— За этимъ надо вамъ къ графу обратиться.

— Но вѣдь отъ васъ все зависитъ... — промолвилъ Вестъ, думая польстить.

— Какъ отъ меня? Что вы хотите сказать?—закипятилась Жозефина.—Всѣ дѣла у нотаріуса! Моя обязанность—за замкомъ смотрѣть!

— Но если вы пожелаете...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я въ постороннія дѣла не мѣшаюсь! Я знаю только свои, и всегда совѣтую всѣмъ поступать такъ!.. Кто не мѣшается во что не слѣдуетъ, тотъ можетъ быть болѣе спокоенъ за себя!...

Это былъ больше чѣмъ прозрачный намекъ. Каждое слово въ немъ жгло Веста какъ раскаленный уголь. Злость — характерная, воспитанная всесторонними лишеніями злость бельгійца, заставляющая пускать въ ходъ ножъ при самомъ пустомъ спорѣ въ эстаминэ,—свѣтилась въ щурившихся, позеленѣвшихъ глазахъ Веста. Жозефина видѣла эту злость и понимала ее, кипѣла злостью сама и не хотѣла упустить случая поторжествовать надъ безсильнымъ.

— Не знаю, справедливо ли вамъ отказано, но все постигающее надо сносить со смиреніемъ! — сказала она, поднявъ благочестиво взглядъ къ навѣсу крыльца.—Перстъ божій неисповѣдимъ, а по людскому высокомѣрію всякій, даже самый злѣйшій преступникъ считаетъ себя правымъ и ропщетъ... Этого не должно быть!

Вестъ постоялъ, прислушиваясь, какъ скрипятъ ступеньки лѣстницы подъ грузнымъ корпусомъ поднимавшейся къ себѣ m-me Phine.—„Пойду къ графу!"—вспыхнула въ немъ рѣшимость.

Въ подъѣздѣ замка встрѣтилъ его одѣтый въ полную ливрейную форму Алексисъ и какъ будто выросъ вдругъ на добрый аршинъ. Выслушавъ просителя, онъ растолковалъ покровительственно, что графа нельзя видѣть, когда вздумается, что со

всѣми дѣлами слѣдуетъ обращаться къ нотаріусу, а насчетъ „аудіенціи“—приходить не раньше двухъ часовъ.

Мрачный, какъ туча, вернулся Вестъ домой. Возившаяся у плиты Гертруда только глянула на мужа однимъ глазомъ и даже не полюбопытствовала о результатѣ, угадывая его. Вестъ тоже молча снялъ праздничную жакетку и не уложилъ ее, по обыкновенію, бережно въ ящикъ комода, а бросилъ на спинку стула, молча присѣлъ къ столу и молча задымилъ трубкой... Въ скучной тяжелой тишинѣ раздавалось только ворчанье картофеля на сковородѣ, жарившагося на свиномъ салѣ, да чирикали ласточки, носившіяся мимо растворенной двери...

Послышался лай собакъ; это возвращалась Марія, кончившая развозить молоко.

Явился Эдмондъ съ фабрики и прошелъ не къ себѣ, а въ домикъ.

— Что тебѣ?—проворчалъ Вестъ, не глядя на сына.

Эдмондъ, разстроенный и усталый, опустился на стулъ.

— Отецъ!—заговорилъ онъ, поднявъ на старика свои добродушные голубые глаза.—Со вчерашняго дня ты не говоришь со мною, смотришь на меня какъ на врага... Такое положеніе невыносимо для меня... оно не можетъ продолжаться!

— Какимъ же ему быть?—съ насильственнымъ, нехорошимъ смѣхомъ отозвался Вестъ.

— Я—причина непріятности... отъ аренды отказано мнѣ, а не тебѣ,—продолжалъ Эдмондъ.—Удалится причина, удалятся и слѣдствія... Мы передумали съ Маріей обо всемъ... Я покину тебя, покину Шербекъ...

Вестъ не пошевельнулся. Только трубка судорожно подпрыгнула, стиснутая зубами... Гертруда пошатнулась у плиты и привалилась къ стѣнѣ, закрывъ лицо фартукомъ...

— Мать!—заговорилъ, подойдя и поцѣловавъ ее, Эдмондъ.—О чемъ ты? Есть ли во Фландріи хоть одна семья, изъ которой нужда... обстоятельства—не гнали бы дѣтей на улицу чуть не съ колыбели!.. Что же удивительнаго, если я—работникъ, самъ отецъ семьи, покидаю васъ?.. Я устроюсь... скоро устроюсь..., такъ надѣюсь я... буду писать о себѣ, буду пріѣзжать...

Гертруда только припала молча къ плечу сына, продолжая всхлипывать.

— Ты... куда же?—раздался дрогнувшій голосъ Веста.

— Пока мы съ Маріей думаемъ у рыбаковъ на Шельдѣ работы поискать—весной имъ всегда надобенъ народъ... А потомъ... на одну ферму помѣститься разсчитываю я...

Это была невинная ложь. Онъ, правда, отправлялся на тотъ берегъ Шельды, но на работу у рыбаковъ мало разсчитывалъ. Ферма была лишь смутною надеждой заарендовать какой-нибудь, покидаемый собственникомъ, устроенный участокъ. Опредѣленно и безповоротно рѣшалось только одно: не быть никогда ничьимъ фермеромъ, окончить жизнь поденщикомъ, если судьба не позволитъ имѣть собственный клочокъ...

Когда онъ вошелъ къ себѣ, Марія, приступившая уже къ сборамъ, сидѣла предъ раскрытымъ сундукомъ и горько плакала. Разставанье съ Шербекомъ, съ домомъ свекра, гдѣ знала она только лишенія да трудъ не по силамъ, не могло огорчать. Ее пугала неизвѣстность, волновалъ самъ по себѣ переѣздъ, рисовавшійся въ ея мистически-настроенномъ воображеніи какою-то погибелью... Блѣдная, изможденная, съ распустившеюся косой, она имѣла необыкновенно жалкій, сиротливый видъ. У Эдмонда сердце перевернулось при взглядѣ на нее, и онъ только въ эту минуту почувствовалъ, какъ дорога ему она, какъ онъ любитъ ее.

— Милая! — воскликнулъ онъ, приподнявъ ее со стула и прижимая къ своей широкой груди.—Не печалься! Все, все будетъ у насъ: и домъ, и хозяйство! И работать не будешь ты черезъ силу, какъ теперь!

XXVI.

Гертруда поставила на столъ сковороду съ жаренымъ картофелемъ и принялась разыскивать ножи, вилки, тарелки, тыкаясь по шкафчикамъ, забывая, гдѣ что̀ лежитъ... Она не плакала, но слезы сами текли по ея старымъ, пергаментнымъ щекамъ. Вестъ тупо смотрѣлъ на эти сборы, а когда все было готово, отодвинулся и сталъ глядѣть въ окно, посасывая трубку...

— Ѣшь же!—проговорила Гертруда.

Вестъ отрицательно потрясъ головой.

Гертруда тоже не стала ѣсть.

Вчера и утромъ Эдмондъ съ женой не показывались за столомъ, и Гертруда носила имъ ѣду. Она и теперь отложила на блюдо картофелю, вареной бараньей печенки и вышла.

Вестъ продолжалъ сосать трубку и безцѣльно оглядывать виднѣвшійся за домиками выгонъ, гдѣ пасся поправлявшійся послѣ зимы фермерскій скотъ...—„...Смотришь какъ на врага!“ —вспоминались слова сына. И тяжко, и больно было ему отъ этихъ словъ... О чемъ же старается онъ, заботится, болѣетъ, какъ не о томъ, чтобы свить гнѣздо семьѣ, сыну... который

уходитъ!..—„Во всей Фландріи нужда гонитъ дѣтей на улицу!“—Это такъ, но каково родителямъ?.. Сердце обливалось кровью у Веста при мысли о дочери—давно, чтобы избавить семью отъ лишняго рта, ушедшей въ Брюссель и пропавшей тамъ безслѣдно... А что дѣлать?.. Среди безпощадной суровости жизни, подъ гнетомъ безъисходной нужды, не до выраженія чувствъ, какъ бы теплы ни были они, какъ ни рвались бы наружу... И вотъ теперь:—дать волю чувствамъ или сообразить, расчесть?.. Есть обзаведеніе, собаки... скоплено кое-что про запасъ... Но за коровъ не выплачено еще, и ростовщикъ не выпуститъ ихъ изъ Шербека, а заплатить—не останется и сотни франковъ... Куда приткнешься съ этимъ?.. И какъ найти ферму? Клерикалы спрашиваютъ: гдѣ жилъ? почему уходишь?—и потомъ справки наводятъ... Плакать Вестъ разучился давно. Слезъ и теперь не было у него на глазахъ, только лицо помертвѣло и сдѣлалось неподвижнымъ, какъ каменное...

Рѣшиться, однако, надо было на что-нибудь, и Вестъ рѣшился... Онъ поднялся со стула, досталъ изъ сундучка подъ кроватью истрепанный кожаный бумажникъ, холщевой мѣшокъ съ монетами и сталъ раскладывать на столѣ старенькія, некрасивыя двадцати-пяти-франковыя бельгійскія бумажки, разставлять столбики франковъ, никкелевыхъ монетокъ, отсчитывая, за полгода впередъ, арендный взносъ по контракту...

Когда пробило два часа, Вестъ надѣлъ свою праздничную жакетку и отправился въ контору нотаріуса.

— Я прогналъ сына!—сказалъ онъ тамъ, извлекая изъ своего горя неизбѣжную по обстоятельствамъ пользу.

Золотые очки не устремились на него, какъ всегда, а вскинулись совсѣмъ вверхъ и уже потомъ, опускаясь какъ бы съ недоумѣніемъ, остановились на немъ.

— Вы сказали?—послышался голосъ Демоля.

— Я прогналъ Эдмонда!—повторилъ Вестъ.

Несмотря на безчисленныя, всевозможныя жертвы, приносившіяся въ конторѣ ради всякихъ бумагъ вообще и арендныхъ контрактовъ въ частности, жертва сыномъ оказывалась изъ непрактиковавшихся еще... Демоль отвелъ очки отъ Веста и устремилъ ихъ на кончики своихъ башмаковъ, запустивъ руки въ карманы панталонъ. Желая удостовѣриться со всею положенною для „актовъ“ точностью, онъ произнесъ:

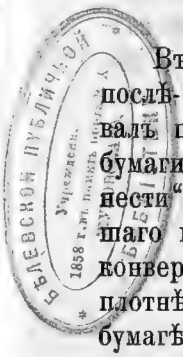
— Слѣдуетъ понимать заявленіе ваше въ томъ смыслѣ, что сынъ вашъ, Эдмондъ Вестъ, не будетъ находиться при васъ во все время арендnаго срока?

— Онъ изъ Шербека уѣзжаетъ.

— Въ такомъ случаѣ... я передамъ графу... Да, почти вѣроятно, что контрактъ возобновится...

— Я деньги принесъ,—сказалъ Вестъ, вѣрившій изъ всѣхъ нескончаемыхъ конторскихъ формальностей лишь въ принятіе платежа, и положилъ завернутыя въ газетную бумагу деньги на столикѣ у рѣшетки.

— Преждевременно... А впрочемъ...—проговорилъ Демоль, тоже вѣрившій изъ всей бумажной канители лишь въ полученіе суммъ,— и приказалъ Жаку изготовить квитанцію.



Въ то же время, начавшій въ своемъ школьномъ кабинетѣ послѣ-обѣденные труды директоръ Камиллъ Дестрэ распечатывалъ поступившіе конверты и „клалъ резолюціи“ на „входящія бумаги“, обдумывая одновременно съ этимъ—что бы такое „поднести“ викарію Филиберу, совсѣмъ зазнавшемуся послѣ удивившаго всѣхъ переѣзда его въ прекрасный графскій домъ?.. Одинъ конвертъ, доставленный изъ ратуши, заставилъ Дестрэ надвинуть плотнѣе на носъ упрямое пенснэ и вчитаться въ бумагу... Въ бумагѣ значилось, что въ исполненіе королевскаго указа, отъ такого-то года, мѣсяца и числа, директоръ шербекской государственной школы Камиллъ Дестрэ увольняется отъ должности... Дестрэ вспыхнулъ, а потомъ мертвенно поблѣднѣлъ, какъ ведомый на казнь... Онъ былъ ошеломленъ, пораженъ, уничтоженъ... Тѣмъ не менѣе, вѣрный методѣ ученаго - изслѣдовать фактъ всесторонне,—Дестрэ констатировалъ изумительную скорость, съ которою успѣла совершиться процедура на разстояніи между Шербекомъ и мѣстомъ весенняго отдохновенія короля на югѣ Франціи... Не укрылось и еще одно обстоятельство... Но обстоятельство это было такъ важно, что Дестрэ схватилъ шляпу и кинулся въ ратушу, къ бургомистру...

— Что же васъ удивляетъ? Почему вы считаете себя уволеннымъ какимъ-то „заднимъ числомъ“?—спросилъ бургомистръ, прерывая пылкій, краснорѣчивый протестъ бывшаго директора.

— Помилуйте! Четыре года... съ прошедшихъ выборовъ... именной королевскій указъ не приводился въ исполненіе!— воскликнулъ Дестрэ, поднявъ вверхъ указательный палецъ.

— Поправьте бѣду: считайте себя уволеннымъ четыре года тому назадъ и возвратите казнѣ перебранное за это время жалованье!—отвѣтилъ бургомистръ.

XXVII.

Пикаръ не отправился въ Нельдекъ.

На утро, несмотря на всю свою несвѣтскость и на нетребовательность упрощеннаго слободского этикета, онъ сдѣлалъ прощальный визитъ Шираку и не отказался потомъ отъ приглашенія провести съ семьею вечеръ.

Приглашены были и супруги Арну.

Угощеніе состояло только изъ кувшина пива. Но всѣ чувствовали себя уютно, хорошо, были веселы. Къ этому еще случилось, что въ то время, какъ отработавшіяся у монахинь дѣвочки, Ида и Жизель, возились въ радостныхъ попыхахъ съ полотнищами розоваго ситца, изготовляя себѣ весеннія запоздавшія обновки, Анна и хозяйка судачили, а Ширакъ толковалъ съ Арну,—Пикаръ и Матильда разговорились совсѣмъ по-дружески и не замѣтили, какъ промелькнуло время...

Возвращаясь и идя рядомъ съ Пикаромъ, Анна говорила про хозяевъ:

— Теперь они куда лучше прежняго живутъ, бѣдности такой не испытываютъ! Дѣвочки подросли—работаютъ, и Матильда имѣетъ время своимъ дѣломъ заняться. А прежде только кормить всѣхъ надо было... И если бы не Матильда—съ такимъ разумомъ и характеромъ дѣвушка,—то и не справиться бы!.. Отецъ за станкомъ, мать на фабрикѣ... Все хозяйство Матильда вела, сама еще ребенокъ тогда... Всѣхъ дѣтей обмыть, обшить—а ихъ пятеро было, трое померли,—за всѣмъ присмотрѣть, на какой-нибудь франкъ съумѣть обѣдъ приготовить—гдѣ такая другая сыщется?..

На слѣдующій день, въ отплату за угощеніе, Пикаръ счелъ обязанностью съ своей стороны устроить вечернюю прогулку на луга, при чемъ собаки Арну совсѣмъ высунули свои красные языки, трудясь доставить телѣжку, нагруженную потребными припасами...

Случилась и еще задержка.

Арну, впавшій послѣ выборной неудачи въ совсѣмъ несвойственныя ему суровость и молчаливость, заговорилъ, поднявшись утромъ въ комнату товарища:

— Клерикалы побѣду празднуютъ! Пусть!.. Но меня скушать не удастся имъ! Н-нѣтъ! Если только поспособствуете вы мнѣ, товарищъ...

Пикаръ сказалъ, что онъ охотно поспособствуетъ. Арну продолжалъ:

— Видите ли что̀... Отъ нужды, отъ горя и въ омутѣ ищутъ покоя люди, не то что въ эстаминэ! А покрываться плѣсенью тутъ до̀-смерти—не сто̀итъ! Во всей Бельгіи всякій сидѣлецъ, даже лавочникъ, магазинщикъ мелкій—всѣ въ кабалѣ у клерикаловъ! Сто лѣтъ трудись—ста сантимовъ не наживешь! Все подгоняется такъ, чтобы польза хозяину, синдикату шла, а трудящійся человѣкъ жилъ бы впроголодь, изо дня въ день, да слушался!.. Система требуетъ, чтобы клерикалъ былъ всюду опекуномъ, нянькою! Безъ этого онъ и квартиры въ домѣ не отдастъ! Слѣдовательно, что̀ же? Чѣмъ такъ колотиться, я лучше на себя работать буду, надежду имѣть... У меня три сына, тройка собакъ!..

Онъ прошелся по комнаткѣ, пыхая трубкой и оставляя за собою, точно пароходная труба, клубы дыма, ткнулъ пальцемъ въ окно, изъ котораго виднѣлась крыша барака съ развѣвавшимся краснымъ флагомъ, и продолжалъ:

— Разъ уже это существуетъ, организовано, то я буду служить рабочей партіи, кооперації... и въ контрактѣ у меня не будетъ написано, какъ теперь, что хозяинъ воленъ выгнать меня во всякій часъ дня и ночи! Ха-ха-ха! Обдумалъ я, товарищъ! Все обдумалъ! Поговорите Шираку и Вандергусу, чтобъ они устроили при пекарнѣ кіоскъ газетный, и рекомендуйте меня рабочей партіи, какъ коммиссіонера по изданіямъ... Кіоскъ Анна на себя возьметъ, сыновьямъ—разноска! А на собакахъ я буду хлѣбъ изъ пекарни развозить! Одобряете, товарищъ?!

Пикаръ не только одобрилъ и принялся немедленно за хлопоты, но и осложнилъ еще мысль товарища предложеніемъ кооперації присоединить къ хлѣбопекарнѣ—хотя бы на планѣ только, впредь до возможности—помѣщеніе для библіотеки и читальни, по образцу прочихъ кооперацій при рабочихъ группахъ. Это потрѣбовало обсужденія, и Пикаръ сталъ проводить у Ширака вечера.

Зашелъ Эдмондъ.

— На удачу толкнулся!.. Не думалъ, что вы еще въ Шербекѣ!..—сталъ говорить онъ, пока Пикаръ освобождалъ отъ платья и газетъ стулъ для гостя.—Хотѣлось пожать вамъ руку, прежде чѣмъ покинуть Шербекъ...

— Вы уѣзжаете?

Эдмондъ передалъ о случившемся.

Пикаръ поникъ задумчиво, чувствуя какъ бы камень на сердцѣ...

— Вы простите меня?—сказалъ онъ, сжимая крѣпко руку Эдмонду.

— Въ чемъ?—глянулъ тотъ удивленно.

— Мнѣ сдается, что виновникъ бѣды вашей... всей этой мстительности клерикальной—я...

Эдмондъ расхохотался, не давъ ему договорить.

— Да, m-r Пикаръ, вы—виновникъ... виновникъ многаго случившагося и... не случившагося!..—согласился онъ.—Но за это я и товарищи мои можемъ только благодарить васъ! Не меньше должны быть благодарны вамъ и клерикалы...

— Клерикалы?!

— Да, и они... даже преимущественно они! Безъ васъ выборы не прошли бы такъ спокойно и клерикалы не остались бы безъ чувствительнаго урока... Вы—говоря по нашему, по-фермерски—прорыли канавку, позволившую водѣ схлынуть правильно... спасли Шербекъ отъ опасности „задержаннаго теченія“, о которомъ не даромъ говорилъ въ своей рѣчи къ народу кандидатъ Бертранъ... И задержанной воды этой было достаточно, а наши клерикалы сдѣлали все, чтобъ она хлынула на нихъ... Припомните наше первое засѣданіе!.. Все недовольное въ Шербекѣ было только слѣпою силой, знающей свои здоровые кулаки... а вы открыли этой силѣ глаза, дали въ руки законное оружіе... Нѣтъ, нѣтъ!—остановилъ онъ готовившагося возразить Пикара.—Я не въ похвалы пускаюсь, а правду говорю! Прежде, если недовольнымъ случалось прочесть въ газетахъ, что соціалисты спокойно перенесли гдѣ-нибудь неудачу въ борьбѣ съ клерикалами, было только удивленіе: почему рабочіе „не постоятъ за себя“!.. Теперь шербекскіе недовольные сами переносятъ спокойно неудачу и чувствуютъ себя еще бодрѣе... Прежде, прислушиваясь къ клерикальному набату противъ „пропагандистовъ“, полагали, въ слѣпотѣ своей, что пропаганда дѣйствительно должна пугать клерикаловъ... Теперь, столкнувшись лицомъ къ лицу съ пропагандой, удивляются слѣпотѣ клерикаловъ, предпочитающихъ имѣть противъ себя темную, неорганизованную массу... Правда, клерикалы стремятся загородить отъ нея всячески свѣтъ, держать ее въ повиновеніи,—но развѣ это возможно? Она всегда будетъ порохомъ и вспыхнетъ отъ первой случайной искры... За себя, за всѣхъ товарищей моихъ еще разъ благодарю васъ, m-r Пикаръ! Одно грустно: что клерикальная побѣда дѣлаетъ пока безполезными для рабочей партіи меня и кружокъ, но такіе люди, какъ Ширакъ, Арну, Вандергусъ, m-r Жоржъ,—стоютъ насъ, фермеровъ!..

Спустя нѣсколько дней, хлопоты были кончены, а Пикаръ продолжалъ только навѣдываться въ Нельдекъ. Съ Анною завелись у него какія-то тихія, таинственныя бесѣды...

— Охъ, товарищъ! Попомните нашъ разговоръ: впишите въ контрактъ пунктикъ насчетъ *бабы*... — сказалъ ему однажды Арну, прищуривъ плутовски одинъ глазъ.

— Все вписано! все сдѣлано!—отвѣтилъ Пикаръ.—Только иначе нѣсколько: куда я въ политикѣ, туда и баба...

— Вотъ это, пожалуй, что такъ!

И Арну разразился совсѣмъ обычнымъ, благодушнымъ хохотомъ.

Разсвѣтъ только-что брезжилъ, а эстаминэ было уже отворено. У стойки распивали прощальную „капельку“ Ширакъ съ женою и дочерью, Пикаръ и хозяева. Въ глазахъ Ширака свѣтилась тихая ласковая печаль. Старуха горько и торопливо плакала,—томимая боязнью опоздать на фабрику и желаніемъ побыть съ дочерью. Матильда утѣшала мать, обѣщая пріѣхать послѣ свадьбы.

Пикаръ отправлялся съ невѣстою въ Нельдекъ. Онъ не хотѣлъ вѣнчаться въ Шербекѣ, избѣгая встрѣчи съ викаріемъ Филибером, котораго хотя и не величалъ, подобно экспансивному Арну, „monsieur le traitre“ (вмѣсто prêtre), но все же не считалъ особенно корректнымъ... Да надобенъ былъ и предлогъ избавить тестя отъ непосильныхъ свадебныхъ расходовъ...

Раздавшійся лай собакъ, непослушныхъ громкимъ окрикамъ Георга, положилъ конецъ прощанью. Арну уставилъ въ телѣжку длинненькій сундучокъ Матильды и приладилъ его какъ сидѣнье. Георгъ, гордый отвѣтственною ролью возницы, крикнулъ на собакъ; онѣ кинулись съ лаемъ впередъ, выбѣжали на шоссе, тянувшееся бѣлою лентой чрезъ зеленѣвшую равнину, повитую мѣстами бѣлесоватымъ туманомъ... На востокѣ вставшее солнце пронизывало зубцы лѣсовъ огнистыми узорами.. Телѣжка подскочила на выбоинкѣ. Пикаръ обнялъ за талію и крѣпко придержалъ невѣсту—полный счастья, надеждъ, благословляя шербекскіе выборы...

Н. Сѣверовъ.

„МОТИВЪ РАЗЛУКИ“

Овидій—Шекспиръ—Пушкинъ.

I.

Подъ „мотивомъ разлуки“ мы будемъ разумѣть поэтическую обработку той развязки любовной драмы, когда по почину—добровольному или вынужденному, все равно—одного изъ участвующихъ въ ней лицъ союзъ расторгается и счастью другого наносится рѣшительный ударъ. Конечно, понятый такъ, нашъ мотивъ допускаетъ много варіацій; однимъ изъ главныхъ критеріевъ дальнѣйшаго дробленія будетъ вопросъ, имѣлъ ли союзъ между любящими своимъ основаніемъ полное обладаніе, или же дѣло ограничивалось тою любовью, которой присвоено нелѣпое наименованіе „платонической“. Мы позволимъ себѣ этотъ послѣдній случай, какъ болѣе поздній и, такъ сказать, производный, оставить въ сторонѣ и вездѣ предполагать тотъ максимумъ любовнаго увлеченія, который одинъ только во всѣ времена считался достаточною мотивировкой трагической катастрофы. А затѣмъ, само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ починъ разрыва можетъ исходить только отъ мужчины; со стороны женщины онъ былъ бы самъ по себѣ,—то-есть, безъ воздѣйствія совершенно исключительныхъ, постороннихъ обстоятельствъ—неестественъ, въ силу той коренной особенности женской натуры, которую имѣетъ въ виду Гёте въ своихъ прекрасныхъ стихахъ:

„Wir tragen die Kinder unter dem Herzen,
Und so tragen die Treue wir auch“ [1]).

При такой постановкѣ ясно, что „мотивъ разлуки“ не могъ принадлежать къ исконнымъ мотивамъ поэзіи: такъ какъ его героемъ является обязательно женщина, то и интересъ къ нему могъ проснуться лишь тогда, когда женщина вообще стала равноправнымъ, то-есть, преимущественнымъ объектомъ поэзіи. И дѣйствительно,—чтобы сосредоточиться на *нашей* поэзіи—мы въ ея древнѣйшемъ памятникѣ, въ гомеровскомъ эпосѣ, мотива разлуки не встрѣчаемъ. Въ Иліадѣ Ахиллъ передаетъ свою плѣнницу Бризеиду посланцамъ царя Агамемнона и этимъ разрываетъ свой союзъ съ нею, хотя онъ и называлъ ее раньше, передъ тѣмъ же царемъ, своею женой; и что же: „Неохотно послѣдовала за нимъ женщина“—вотъ все, что пѣвецъ сообщаетъ намъ о чувствахъ покинутой. „Она любила мужа“,—поясняетъ намъ древній толкователь,—„и считаетъ эту разлуку какъ бы вторымъ плѣномъ для себя; такъ-то поэтъ посредствомъ одного этого слова даетъ намъ понять всю натуру дѣйствующаго лица“. Дѣйствительно, это очень многозначительное слово; въ немъ мы должны признать зародышъ всего мотива разлуки. Одиссея ничего не даетъ; разлуки въ ней встрѣчаются, но покинутыя—Цирцея, Калипсо—легко мирятся со своею участью: на то онѣ богини. Затѣмъ слѣдуетъ огромное поле, покрытое развалинами,—это послѣ-гомеровскій эпосъ и лирика, сохранившіеся представители которыхъ ничего насъ здѣсь интересующаго не содержатъ; съ Эсхила начинается аттическая драма. Но и отъ Эсхила намъ ожидать нечего: „никто не можетъ сказать, чтобы я изобразилъ когда-либо влюбленную женщину“,—говоритъ онъ у Аристофана, — а безъ влюбленной женщины и мотивъ разлуки невозможенъ. Впрочемъ, намъ нѣтъ надобности теряться въ догадкахъ: первая подробная разработка мотива разлуки намъ сохранена, это—„Медея“ Эврипида (431 г.). Что поэтъ тутъ дѣйствительно ввелъ нѣчто новое въ поэзію, это онъ намъ говоритъ самъ устами своего хора, въ той глубокомысленной пѣснѣ, которая знаменательно начинается словами: „вверхъ потекли волны священныхъ рѣкъ...“ „Наступила пора чести для женскаго племени; перестали мы быть достояніемъ оскорбительной молвы. Замолкнетъ пѣснь древнихъ пѣвцовъ, поносившая нашу невѣрность; что-жъ, вдохновитель Фебъ не внушилъ нашему уму вѣщаго звука лиры, а то мы бы спѣли другую пѣснь въ отвѣтъ на пѣсни мужчинъ“. Конечно,

[1]) „Мы носимъ подъ сердцемъ дѣтей—и также носимъ мы вѣрность“.

мрачная ревнивица Медея была не единственной носительницей новой идеи; въ ней много спеціальнаго—наличность соперницы, неблагодарность Язона, спасеннаго нѣкогда Медеей, и др.; были возможны и другія разновидности, которыя, вмѣстѣ взятыя,—разъ рѣчь идетъ о трагедіи—даютъ намъ мотивъ разлуки на подкладкѣ *героическаго* характера.

Наслѣдницей Эврипида, хотя и не по прямой линіи, была аттическая комедія IV-го и III-го вѣка; она заимствуетъ у него, между прочимъ, и мотивъ разлуки, но переноситъ его изъ героической въ человѣческую обстановку. Дѣло въ томъ, что излюбленной сферой, изъ которой эта комедія брала свои сюжеты, была аѳинская „жизнь богемы“, а при такихъ обстоятельствахъ и мотивъ разлуки, какъ почти неминуемой развязки этой жизни, встрѣчался нерѣдко. Тогда-то и былъ выработанъ тотъ эротизмъ, который съ тѣхъ поръ считается преобладающимъ элементомъ поэзіи, а съ нимъ и его необходимая форма, языкъ любви. Наслѣдницей комедіи была александрійская элегія: она опять вернулась къ богамъ и героямъ, но для того, чтобы низвести ихъ въ человѣческую среду; обѣ эти отрасли греческой поэзіи дали намъ, такимъ образомъ, нашъ мотивъ на подкладкѣ уже не героическаго, а просто-*женскаго* характера.

Конечно, за потерей почти всѣхъ относящихся сюда трагедій Эврипида и всѣхъ безусловно памятниковъ ново-аттической комедіи и александрійской элегіи, мы на греческой почвѣ сравненія произвести не можемъ; зато римская поэзія эпохи Августа представляетъ намъ для этого всѣ необходимые матеріалы. Тогда классическое направленіе боролось съ александрійскимъ. Виргилій былъ представителемъ перваго, Овидій—второго. Виргилій въ своемъ знаменитомъ эпосѣ отвелъ нашему мотиву разлуки очень почетное мѣсто: вся IV пѣснь Энеиды посвящена страданіямъ Дидоны, покидаемой и покинутой Энеемъ. Овидій сочинилъ цѣлый сборникъ „посланій героинь“ (epistulae s. heroides), изъ коихъ большинство вызвано боязнью или увѣренностью писавшихъ, что онѣ покинуты; среди нихъ находится одно, написанное отъ имени Дидоны (ep. 7). Такимъ образомъ, мы на одномъ и томъ же сюжетѣ можемъ прослѣдить стиль и характеръ обоихъ направленій, тѣмъ болѣе, что Виргилій былъ единственнымъ источникомъ своего младшаго современника, и всѣ уклоненія послѣдняго, поэтому, нужно будетъ объяснить кореннымъ различіемъ во взглядахъ на поэзію и ея задачи.

II.

Оба поэта имѣли огромное вліяніе на поэзію новыхъ временъ; но такъ какъ источникомъ Шекспира былъ—какъ я это постараюсь доказать—разсказъ о Дидонѣ въ обработкѣ именно Овидія, то мы на немъ только остановимся подробнѣе, Виргилія же привлечемъ только для сравненія и оттѣненія особенностей его соперника. Извѣстными предполагаются слѣдующія черты преданія, общія для обоихъ поэтовъ. Дидона, или, какъ она первоначально называлась Элисса (имя финикійское; сравн. еврейское Елиса-вета), была дочерью тирскаго царя и супругою тирскаго же вельможи Сихея; когда этотъ послѣдній палъ жертвою алчности ея брата, она со своею сестрой Анной, отборной дружиной и казной бѣжала въ сѣверную Африку, гдѣ и основала городъ Карѳагенъ. Приблизительно въ то же время была разрушена Троя; спасся, между прочимъ, троянскій князь Эней, сынъ Анхиса и Венеры, вмѣстѣ съ отцомъ и малолѣтнимъ сыномъ Іуломъ, между тѣмъ какъ его супруга Креуса погибла въ пламени; онъ же вынесъ изъ пылающаго города его главную святыню, загадочныхъ „троянскихъ боговъ“, залогъ возрожденія Трои, и, собравъ вокругъ себя спасенныхъ товарищей, отправился странствовать, отыскивая обѣщанную ему рокомъ землю для основанія новой Трои—Италію. На седьмомъ году онъ заѣхалъ и въ Карѳагенъ, и сталъ тамъ гостемъ и возлюбленнымъ царицы Дидоны; но послѣ кратковременнаго счастливаго сожительства съ нею боги послали ему вѣщій сонъ, чтобы заставить его исполнить поставленную ему рокомъ задачу. Видя, что ей предстоитъ вѣчная разлука, Дидона пишетъ ему, по Овидію, слѣдующее посланіе [1]):

Такъ у Меандровыхъ волнъ, умирая въ травѣ обагренной,
Передъ кончиной своей бѣлая лебедь поетъ.
Ужъ не надѣюсь я болѣ мольбой тебя тронуть своею:
Знаю, жестокимъ богамъ рѣчь ненавистна моя;
Но, потерявъ и заслуги, и честь, и стыдливую душу,
Ужъ не считаю грѣхомъ нѣсколько словъ потерять.

Такъ-то ты ѣхать рѣшилъ и несчастную бросить Дидону?
Та же волна унесетъ судно—и вѣрность твою?

[1]) Считаю долгомъ замѣтить, что, переводя это посланіе, я его сократилъ на 50 ст., пропуская менѣе благодарныя детали преимущественно миѳологическаго характера.

Тотъ же топоръ разсѣчетъ и канатъ корабля—и союзъ нашъ?
Ѣдешь въ Италію ты, въ дальній, невѣдомый край?
Ни Карѳагенъ тебя новый, ни наши ростущія стѣны
Не веселятъ, ни народъ, власти врученный твоей?
Нѣтъ; отъ успѣха къ задачѣ рѣшилъ ты бѣжать, отъ готовой
Родины къ той, что во мглѣ кроетъ заморская даль!
Пусть ты отыщешь страну; но какъ она станетъ твоею?
Кто незнакомому въ даръ нивы родныя отдастъ?
Новая, видно, любовь тамъ и новая будетъ Дидона,
Вѣрности новый залогъ... новыхъ зародышъ измѣнъ!
Скоро-ль воздвигнешь ты городъ, красой Карѳагену подобный?
Скоро-ль на выступъ кремля выйдешь народъ свой смотрѣть?
Пусть ты успѣешь во всемъ и поборешь преграды; но гдѣ же,
Гдѣ та жена, что̀ тебя такъ же полюбитъ, какъ я?

Нѣтъ, я ошиблась въ тебѣ: не Венеры родился ты сыномъ;
Ласковый матери нравъ не воплотился въ тебѣ.
Скалы родили тебя, или дикія чащи лѣсныя,
Или безжалостный звѣрь, житель пустыни нѣмой,
Или пучина... подобная той, что вздымается нынѣ,
Той, что на встрѣчу вѣтрамъ манитъ къ побѣгу тебя!
Что ты спѣшишь? На дворѣ ураганъ! Пусть хоть онъ мнѣ поможетъ;
Слышишь, какъ бурѣ въ отвѣтъ валъ разъяренный реветъ?
Дай, чтобы, вмѣсто тебя, я хоть бурѣ сказала спасибо:
Вѣтеръ и волны—души все-жъ справедливѣй твоей.
Ненависть, вижу, свою сверхъ мѣры ты дорого цѣнишь:
Жизнью готовъ заплатить, лишь бы уйти отъ меня!

Скоро улягутся вѣтеръ и волны; по влажной лазури
Снова, какъ прежде, Тритонъ рѣзвыхъ погонитъ коней...
Ахъ, еслибъ съ вѣтромъ-волной и душа измѣнилась Энея!
Или ужъ тверже, Эней, жёсткаго дуба ты сталъ?
А вѣдь не разъ испыталъ ты бурливаго моря причуды;
Что-жъ тебя снова къ себѣ тянетъ обманчивый валъ?
Ясной, бываетъ, порою пловецъ свое судно отвяжетъ—
Все-жъ и ему океанъ лютой бѣдою грозитъ.
Да и опасно, съ грѣхомъ на душѣ, довѣрять себя морю:
Эта стихія всегда мститъ за предательство вамъ,
Болѣ-жъ всего—за измѣну въ любви; вѣдь и матерь Эротовъ
Близъ киѳерейскихъ береговъ моремъ была рождена.

Страшно мнѣ, какъ бы, погибши, тебя не вовлечь въ свою гибель,
Какъ бы морская тебя не поглотила волна!
Милый, живи; ужъ лучше пусть такъ я тебя потеряю,
Лучше пусть смерти моей будешь виновникомъ ты.
Что̀, если яростный шквалъ (да забудутъ слова мои боги!)
Судно настигнетъ твое; что̀ тебѣ скажетъ душа?
Тотчасъ припомнятся устъ вѣроломныхъ облыжныя клятвы,
И какъ Дидону лишилъ жизни фригійскій обманъ;

Будетъ витать предъ тобою покинутой призракъ супруги,
Грустный, съ кровавой струей на расплетенной косѣ;
Будешь молить: „пощади, я виновенъ!“ и каждаго грома,
Молніи каждой ударъ карой своею считать.

Нѣтъ, погоди; дай улечься жестокости волнъ—и Энея;
Краткой отсрочки цѣной путь безопасный купи.
Не за тебя я дрожу: малолѣтняго жаль мнѣ Іула;
Мало-ль того, что моимъ ты палачомъ прослывешь?
Чѣмъ провинился твой сынъ, чѣмъ боги троянской отчизны?
Иль ты ихъ спасъ отъ огня, чтобы въ волнахъ схоронить?
Впрочемъ... не спасъ ты ихъ вовсе. Не вѣрю твоей похвальбѣ я.
Ты-ль на смиренныхъ плечахъ вынесъ отца и боговъ?
Все ты солгалъ. Не на мнѣ же ты сталъ вѣроломству учиться;
Льстивыхъ обѣтовъ твоихъ жертва не первая я.
Если кто спроситъ тебя, гдѣ мать молодого Іула—
„Мужемъ забытая, смерть въ бурномъ огнѣ обрѣла“.
Такъ ты и мнѣ говорилъ; меня тронули жалкія рѣчи—
Что жъ, я виновна; вина кару смягчаетъ мою.

Да; но виновенъ и ты, и твои тебя боги караютъ:
Взадъ и впередъ по волнамъ гонитъ седьмая зима.
Море извергло тебя; я дала тебѣ тихую пристань,
Я, лишь ты имя назвалъ, царство вручила тебѣ.
Ахъ, еслибъ этимъ однимъ, господинъ мой, тебѣ я служила...
Горе! про тайный союзъ шепчетъ глухая молва.
Помнишь тотъ день, когда насъ подъ сѣнь одинокаго грота
Синею мглою своей ливень внезапный загналъ?
Чей-то я слышала голосъ. Я думала, нимфы рѣзвятся—
Нѣтъ; то про близкую смерть пѣли Эриніи мнѣ.
Требуй возмездья, забытая честь; о, призракъ Сихея!
Съ краской стыда на лицѣ скоро къ тебѣ низойду...

Въ мраморномъ капищѣ мною кумиръ былъ воздвигнутъ Сихея;
Зеленью свѣжей деревъ чтила всегда я его.
Голосъ оттуда знакомый коснулся ушей моихъ; трижды
Шопотомъ тихимъ кумиръ молвилъ: „Элисса, я жду!“
Ждать ужъ недолго, иду; ты покорную встрѣтишь супругу;
Только сознанье вины мой замедляетъ уходъ.
Я согрѣшила; прости. Я не низменной страстью пылала:
Тотъ, кто внушилъ мнѣ любовь, можетъ мой грѣхъ оправдать.
Матерь-богиня и старецъ-отецъ, своимъ сыномъ спасенный,
Все мнѣ сулило любви честный и вѣчный союзъ...

Прочь! Не касайся боговъ; ихъ десница твоя оскверняетъ.
Прочь! Нечестивой рукѣ грѣхъ небожителей чтить.
Если пожаръ пощадилъ ихъ, чтобъ ты ихъ жрецомъ назывался—
Вѣрь мнѣ, жалѣютъ они, что ихъ пожаръ пощадилъ.
Думалъ ли ты, что, быть можетъ, ты матерью бросишь Дидону,
Что твой младенецъ, злодѣй, въ тѣлѣ трепещетъ моемъ?

Жалкую матери долю несчастный малютка раздѣлитъ,
И нерожденной души будешь убійцею ты.
Вмѣстѣ со мной ты на казнь посылаешь Іулова брата;
Жизнь и мою, и его—кара похититъ одна.

„Богъ мнѣ уйти повелѣлъ“. Ужъ бы лучше прійти не дозволилъ,
Лучше-бъ Пунійской земли стопы не знали Троянъ!
„Богъ“, говоришь ты. Не тотъ ли, что̀ злой тебя бурею гонитъ,
Тотъ, что на дикихъ моряхъ жизнь истощаетъ твою?
Даже могучій Пергамъ, какимъ его Гекторъ прославилъ,—
Даже могучій Пергамъ столькихъ не стоилъ трудовъ.
Не Симоента родного, а Тибровы ждутъ тебя волны;
Пусть ты найдешь ихъ,—всегда будешь чужимъ ты для нихъ.

Сжалься надъ домомъ, молю, что̀ твоей поручилъ себя власти;
Самъ ты вѣдь знаешь: любовь—вотъ мой единственный грѣхъ.
Я не во Фтіи увидѣла свѣтъ, не въ великихъ Микенахъ;
Ни мой отецъ, ни мой мужъ, не воевали съ тобой.
Стыдно супруги тебѣ? Называй не женой, а подругой;
Имя любое мнѣ дай, лишь бы твоею мнѣ быть.

Слушай: за царство, за... все, чѣмъ еще я тебѣ угодила,
Я ужъ не брака, о, нѣтъ,—краткой отсрочки прошу,
Чтобъ успокоилось море... и сердце мое, чтобы время
Стойко съ разбитой душой жить научило меня.
Если же нѣтъ—я съумѣю съ постылою жизнью разстаться;
Долго жестокимъ ко мнѣ быть ты не можешь, повѣрь.
Ты бъ посмотрѣлъ, въ какомъ видѣ твоя тебѣ пишетъ Дидона;
Пишетъ она—а твой даръ, мечъ, на колѣняхъ у ней;
Слезы съ горящихъ ланитъ на булатъ обнаженный стекаютъ;
Скоро, взамѣнъ этихъ слезъ, кровью окрасится онъ.
Видишь, какъ къ долѣ моей твой удачно подобранъ подарокъ:
Онъ облегчаетъ мнѣ путь къ мрачной могилѣ моей.
Да и не первый ударъ онъ несчастному сердцу готовитъ:
Рана жестокой любви мучитъ давно ужъ его.

Анна, сестра моя Анна, вины соучастница нашей,
Скоро ты бѣдный мой прахъ даромъ послѣднимъ почтишь.
Все-жъ не пиши на плитѣ, что Элисса, вдова я Сихея;
Мраморъ надгробный мой пусть надпись такую хранитъ:
„Прахъ здѣсь Дидоны лежитъ—отъ своей она пала десницы—
Поводъ ко смерти и мечъ далъ ей троянецъ Эней“.

III.

Такова Дидона Овидія. Кто сравнитъ ея посланіе съ описаніемъ другого римскаго поэта, который былъ его источникомъ,

тому бросится въ глаза первымъ дѣломъ тѣсная и — какъ сказали бы нынѣ — рабская зависимость отъ него Овидія. Не только фабула вся у него заимствована—заимствованы и такіе мотивы, которые по нашимъ понятіямъ должны принадлежать къ оригинальному творчеству поэта—такъ угроза бурей и собственнымъ появленіемъ послѣ смерти, голоса нимфъ во время рокового свиданія въ гротѣ, шопотъ статуи Сихея и др. И тѣмъ не менѣе Овидій остался глубоко оригиналенъ: его Дидона—другая, чѣмъ Дидона его предшественника.

Та — героиня. Ея любовь къ Энею — любовь роковая, внушенная богами. Но вотъ она узнаетъ, что Эней ее покидаетъ; гордость царицы борется со страстью женщины; она снисходитъ до просьбъ — Эней отвѣчаетъ ласково, но твердо, не проливая ни единой слезы. Тогда женская слабость оставляетъ Дидону; сознаніе перенесенной обиды удвоиваетъ ея ярость. „Иди“,—говоритъ она Энею,—„ищи свое царство по волнамъ моря! Но когда волны выбросятъ тебя на голыя скалы,—а это будетъ, если только благочестіе имѣетъ какую-нибудь силу,—то ты часто въ своихъ мученіяхъ будешь призывать Дидону. Мое проклятье послѣдуетъ за тобою, и моя тѣнь возрадуется, узнавъ въ преисподней о твоей карѣ“. Съ этихъ поръ она уже не показывается Энею на глаза; онъ бѣжитъ ночью изъ опасенія, что она пошлетъ свою рать противъ него. Эта боязнь основательна; Дидона умираетъ, чтобы не пережить своего униженія, но она умираетъ со словами: „exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor“; ея послѣднія мысли—мысли о мести.—Стоитъ ли говорить, что Овидіева Дидона не имѣетъ и слѣда этой героической черты? Правда, и она грозитъ Энею своею тѣнью; но чтобы въ насъ не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія относительно смысла этой угрозы, она сама прибавляетъ: „да забудутъ слова мои боги!“ Она хочетъ только напугать Энея и этимъ побудить его остаться. У Виргилія Дидона въ послѣднюю минуту молитъ Эринній, чтобы Эней, ужъ если ему суждено достигнуть Италіи, былъ изгнанъ изъ своего царства, разлученъ съ сыномъ, и чтобы онъ палъ, не доживъ до старости; увѣренность, что такъ это и будетъ, наполняетъ ея сердце радостью. У Овидія, напротивъ, Дидона боится, какъ бы ея гибель не была причиной его гибели; „милый, живи! ужъ лучше пусть такъ я тебя потеряю, лучше, пусть смерти моей будешь виновникомъ ты“. Гордость царицы пропала; осталась простая, любящая puella.

Таково различіе между Дидонами обоихъ поэтовъ; согласно сказанному выше, оно стоитъ въ связи съ различіемъ между

обоими направленіями въ развитіи мотива разлуки—трагедіей съ одной, комедіей и элегіей—съ другой стороны. Дидона Виргилія —трагическая героиня, наслѣдіе Эврипида и трагедіи вообще; Дидона Овидія—послѣднее воплощеніе той нѣжной, мягкой дѣвушки, которую любила аттическая комедія и по ея примѣру научилась изображать александрійская элегія. Чтобы въ этомъ не оставалось никакого сомнѣнія, сопоставимъ еще по одному мотиву въ душевной драмѣ обѣихъ женщинъ; возьмемъ для этого мотивъ самый потрясающій, самый захватывающій—назовемъ его кратко „мотивомъ ребенка".

Мы нарочно взяли нашу тему во всей ея рѣзкости: разлука именно потому и разрушаетъ счастье женщины, что является развязкой любовной драмы, имѣвшей въ своемъ основаніи полное обладаніе. Обладаніе же при нормальныхъ условіяхъ создаетъ возможность роковыхъ послѣдствій; какъ же отнесется покидаемая къ этимъ роковымъ послѣдствіямъ? Вотъ тутъ-то различіе, о которомъ идетъ рѣчь и выступаетъ во всей своей яркости; говоря кратко,—женщинѣ-героинѣ мысль о нихъ облегчаетъ горе разлуки, между тѣмъ какъ женщинѣ обыкновенной разлука при такихъ условіяхъ кажется вдвойнѣ тяжелой, преступной, немыслимой. У Виргилія Дидона говоритъ Энею въ своей первой, сравнительно мягкой рѣчи:

„Еслибъ предъ бѣгствомъ своимъ ты хоть матерью сдѣлалъ Дидону,
Еслибъ малютка-Эней передъ теремомъ нашимъ рѣзвился,
Чтобы при видѣ его я тебя, о мой гость, вспоминала—
Все-жъ бы не такъ одинокой и жалкой себѣ я казалась!"

Дидонѣ Овидія, напротивъ, именно при мысли о немъ Эней кажется полнымъ нечестивцемъ, прикосновеніе котораго оскверняетъ спасенныхъ троянскихъ боговъ:

„Думалъ ли ты, что, быть можетъ, ты матерью бросишь Дидону,
Что твой младенецъ, злодѣй, въ тѣлѣ трепещетъ моемъ?"

Это—черта рѣшительная; въ ней сказывается весь характеръ изображаемаго лица.

Достаточно, однако, сказаннаго для сравненія и оттѣненія; сосредоточимся теперь на Дидонѣ Овидія, интересной для насъ во многихъ отношеніяхъ. Отъ читателя не ускользнула ея крайняя нервность, обнаруживающаяся въ ея рѣзкихъ переходахъ отъ одной мысли къ другой, но отъ всѣхъ—къ той, которая владѣетъ ею въ

эту минуту, къ мысли: „не уѣзжай! дай хоть морю успокоиться“. Такъ, думая о жестокости Энея, она находитъ невѣроятнымъ, чтобы его матерью могла быть ласковая Венера; нѣтъ, его родила безчувственная стихія, скалы или море... но произнесенное слово „море“ напоминаетъ ей о томъ морѣ, по которому корабли Энея улетятъ вскорѣ на сѣверъ, и она продолжаетъ:

„Или пучина,—подобная той, что вздымается нынѣ“.

Реальный міръ не существуетъ для нея; она видитъ не предметы, а призраки предметовъ, созидаемые ея взволнованной фантазіей. Она не вѣритъ, чтобы Венера была матерью Энея, но только на минуту,—дальше она уже забыла о своихъ сомнѣніяхъ. Она не вѣритъ, чтобы Эней спасъ боговъ изъ пламени Трои; немного далѣе—запрещаетъ ему касаться спасенныхъ имъ боговъ —и вслѣдъ за тѣмъ обвиняетъ этихъ самыхъ боговъ въ недоброжелательствѣ къ нему. Ея Эней—то образецъ благочестія, этимъ самымъ оправдывающій ея любовь и грѣхъ; то—богоненавистный нечестивецъ. Характерна также и ея рѣчь — не столько, впрочемъ, для нея самой, сколько для Овидія. Особенно бросается въ глаза неожиданное и эффектное соединеніе двухъ разнородныхъ понятій: „та же волна унесетъ судно—и вѣрность твою“; „тотъ же топоръ разсѣчетъ и канатъ корабля—и союзъ нашъ“; „дай улечься жестокости волнъ—и Энея“; „чтобъ успокоилось море—и сердце мое“. Сюда же относится и антитеза, которая въ подлинникѣ еще ярче и дѣйствительнѣе, вслѣдствіе неподражаемой краткости латинской рѣчи: „отъ успѣха къ задачѣ рѣшилъ ты бѣжать (facta fugis, facienda petis); „какъ бы, погибши, тебя не вовлечь въ свою гибель“ (perdita ne perdam timeo noceamve nocenti); „иль ты ихъ спасъ отъ огня, чтобы въ волнахъ схоронить“? Но въ анализъ частностей можно не пускаться: каждый съ перваго взгляда убѣдится, что наше посланіе написано тѣмъ блестящимъ, „пуантированнымъ“ стилемъ, который былъ любимымъ стилемъ „азіанскихъ“ учителей Овидія и его самого и опять сталъ таковымъ въ ту эпоху, когда писалъ Шекспиръ.

IV.

Изъ трагедій Шекспира одна представляла по своей фабулѣ и внѣшней обстановкѣ поразительное сходство съ преданіемъ о Дидонѣ—это его „Антоній и Клеопатра“. И здѣсь и тамъ героиня— самодержавная царица, могущая наградить своего избран-

ника не только любовью, но и царствомъ; и тутъ и тамъ этотъ избранникъ—пришелецъ, прибывшій къ героинѣ во главѣ своего войска; можно даже сказать, имѣя въ виду происхожденіе Дидоны и данное Энею обѣщаніе – въ обоихъ случаяхъ, это—римлянинъ, гостящій у восточной царицы. Въ обоихъ случаяхъ за чарами любви слѣдуетъ пробужденіе—у обоихъ героевъ есть задача, зовущая ихъ къ себѣ, задача великая и роковая; пребываніе у героини является помѣхой для выполненія этой задачи —все чаще, повелительнѣе слышится голосъ, зовущій героя на подвигъ и, слѣдовательно, отзывающій его отъ возлюбленной; наконецъ, герой повинуется—часъ разлуки насталъ.

У Шекспира этотъ голосъ воплощенъ въ гонцѣ, принесшемъ Антонію извѣстіе о смерти его римской супруги Фульвіи и о вызванныхъ ея послѣдними дѣйствіями затрудненіяхъ, требующихъ его личнаго вмѣшательства. Для Клеопатры это—вѣстникъ *отъ* Фульвіи; она думаетъ, что Фульвія зоветъ Антонія обратно, и боится, что эта разлука будетъ окончательною.

Дѣйствительно, основанія для этой боязни есть: никакія законныя узы не связываютъ съ нею Антонія; стоитъ политикѣ и Фульвіи втянуть его въ свои сѣти, его, человѣка уже немолодого,—и сомнительно, чтобы онъ когда-нибудь вернулся. Итакъ, мы имѣемъ здѣсь нашъ мотивъ разлуки во всей его чистотѣ. Какъ извѣстно, источникомъ Шекспира для нашей трагедіи былъ вообще Плутархъ; всѣ это признаютъ, но всѣ въ то же время полагаютъ, что сцена разлуки—его оригинальное твореніе. Ничуть не оспаривая этой оригинальности, я думаю въ то же время, что его образцомъ,—поскольку о таковомъ можетъ быть рѣчь по отношенію къ поэту съ творческой силой Шекспира—было сообщенное выше посланіе Овидія. Въ доказательство позволю себѣ привести въ точномъ прозаическомъ переводѣ сцену, о которой здѣсь идетъ рѣчь.

Клеопатра посылаетъ за Антоніемъ; пока это порученіе исполняется, ея наперсница Хармія (Charmion) читаетъ ей наставленія о томъ, какъ она должна съ нимъ обращаться:

„— Если ты любишь его отъ души, то ты не избрала правильнаго пути добиться съ его стороны взаимности.

Клеопатра. Что-же я упускаю изъ того, что я по твоему должна бы дѣлать?

Хармія. Ты должна бы во всемъ предоставлять ему свободу, ни въ чемъ ему не перечить.

Клеопатра. Ты учишь, какъ дурочка; это—именно путь, чтобы потерять его.

Хармія. Не слишкомъ сильно его испытывай; прошу тебя, перестань. Со временемъ мы ненавидимъ то, чего мы часто боимся“.

Толкователи Шекспира восхваляютъ тутъ его тонкое психологическое чутье; быть можетъ, они и правы, но самую мысль уже предвосхитилъ Овидій въ своей „Наукѣ любви“ (III, 579 и сл.):

„Легкій успѣхъ не надолго любовное пламя поддержитъ.
Должно отказомъ порой радости чувствъ приправлять...
Сладость намъ приторна; что-жъ, пусть полынный отваръ подкрѣпитъ насъ;
Вѣтеръ попутный не разъ утлую залилъ ладью“.

Но это мимоходомъ.—Является Антоній.

„Клеопатра. Помоги мнѣ уйти, дорогая Хармія, у меня ноги подкашиваются. Долго такъ дѣло идти не можетъ, природа не выдержитъ.

Антоній. Итакъ, дорогая царица моя—

Клеопатра. Прошу тебя, не приближайся!

Антоній. Что случилось?

Клеопатра. Вижу по этимъ твоимъ глазамъ, что ты приносишь хорошія вѣсти. Что говоритъ твоя законная супруга?—„Ты долженъ уйти“. О, если бы она никогда не дозволила тебѣ приходить! Пусть она не говоритъ, что это я задерживаю тебя здѣсь; у меня нѣтъ власти надъ тобою, ты—ея.

Антоній. Боги по истинѣ знаютъ—

Клеопатра. О, никогда еще царица не была такъ страшно обманута! Впрочемъ, съ самаго начала я должна была видѣть, какъ насаждалось предательство.

Антоній. Клеопатра—

Клеопатра. Какъ могла я думать, что ты будешь моимъ и вѣрнымъ, хотя бы ты своими клятвами потрясъ возсѣдающихъ на престолахъ боговъ,—когда ты уже измѣнилъ Фульвіи? Что за безуміе—дать себя обольстить этимъ клятвамъ, сочиненнымъ языкомъ, которыя сами себя нарушаютъ во время своего произнесенія!

Антоній. Моя сладкая царица—

Клеопатра. Нѣтъ, прошу тебя, не ищи прикрасъ для своего ухода—скажи „прощай“ и уйди. Когда ты умолялъ меня, чтобы тебѣ оставаться. тогда было время для словъ. Объ уходѣ и рѣчи не было—вѣчность была на нашихъ устахъ и во взорѣ, роскошь на нашихъ бровяхъ, и ни одна часть наша не была такъ бѣдна, чтобы не быть небеснаго происхожденія. Такъ дѣло обстоитъ и понынѣ—или ты, величайшій воитель въ мірѣ, превратился въ величайшаго лжеца!“

Антоній прерываетъ потокъ ея жалобъ и угрозъ; онъ описываетъ ей положеніе Италіи, сообщаетъ также извѣстіе о смерти Фульвіи, давая ей понять, что для нея это—извѣстіе радостное. Клеопатра не вѣритъ: „развѣ Фульвія можетъ умереть?“ Антоній представляетъ ей доказательства; тогда она мѣняетъ тонъ.

Клеопатра. О, лживая любовь! Гдѣ тѣ священные фіалы, которые ты долженъ былъ наполнять слезами скорби? Теперь я вижу, вижу по смерти Фульвіи, какъ ты примешь извѣстіе о моей.

Антоній. Не упрекай меня болѣе, будь готова услышать мои рѣшенія: они исполнятся или падутъ согласно твоему совѣту. Клянусь огнемъ, оживляющимъ илъ Нила: я ухожу отсюда твоимъ воиномъ, твоимъ слугой, творю войну и миръ по твоему желанію...

Клеопатра. Хармія, разстегни мнѣ поясъ... нѣтъ, оставь. Мнѣ то дурно, то опять хорошо—такъ и Антоній любитъ.

Антоній. Дорогая царица, перестань; прими вѣрное доказательство его любви: она выдержитъ всякое почетное испытаніе.

Клеопатра. Такъ мнѣ и Фульвія говорила. Прошу тебя, отойди въ сторону, пролей нѣсколько слезъ по ней; а затѣмъ простись со мною и скажи, что эти слезы—дань египетской царицѣ. Пожалуйста, разыграй сцену превосходнаго притворства, и пусть она покажется полнѣйшею честностью.

Антоній. Ты разгорячишь мою кровь; перестань!

Клеопатра. Ты умѣешь и лучше (играть); а впрочемъ, и это недурно.

Антоній. Клянусь моимъ мечомъ—

Клеопатра. И щитомъ—вотъ это ужъ лучше, но все еще не самое лучшее. Посмотри, прошу тебя, Хармія, какъ этотъ римскій Геркулесъ все быстрѣе и быстрѣе разгоняетъ свой гнѣвъ!

Антоній. Я оставляю тебя, сударыня.

Клеопатра. Постой, учтивый сударь, одно слово. Государь мой, мы должны разстаться... но это не то. Государь мой, мы любили другъ друга... но это не то. Это ты хорошо знаешь: что-то я хотѣла тебѣ сказать... о, мое забвенье—подлинный Антоній, и я совсѣмъ забыта.

Антоній. Если бы неразуміе не было подданнымъ твоего величества—я сказалъ бы, что ты—само неразуміе.

Клеопатра. Тяжелый трудъ носить такое неразуміе такъ близко къ сердцу, какъ Клеопатра—это.... Однако, государь мой, прости меня: вѣдь мое поведеніе убиваетъ меня, если оно тебѣ не нравится. Твоя честь зоветъ тебя отсюда—будь же глухъ къ моему неразумію, котораго никто не жалѣетъ, и да сопутствуютъ тебѣ всѣ боги! Пусть увѣнчанная лаврами Побѣда витаетъ надъ твоимъ мечомъ и пріятный успѣхъ покрываетъ твой путь.

Антоній. Идемъ. Наша разлука и длится и убѣгаетъ такъ, что ты, оставаясь здѣсь, все-же идешь со мною, а я, уходя отсюда, все-же остаюсь съ тобой. Идемъ!

V.

Опредѣленіе зависимости бываетъ особенно труднымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно касается не поэта-подражателя, а творца, въ самомъ себѣ переработывающаго воспринятое имъ и возсоздающаго его какъ плодъ собственнаго генія съ полной печатью

своей личности. Поэтому, прежде чѣмъ говорить о зависимости Шекспира отъ Овидія въ приведенной сценѣ, полезно будетъ установить фактъ, что онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ сходствѣ этой своей четы—т.-е. Антонія и Клеопатры—съ той, о которой говорится у римскаго поэта. Это признаніе мы находимъ въ 12 сценѣ IV дѣйствія, въ предсмертномъ монологѣ Антонія. „Я иду, моя царица",—говоритъ онъ, обращаясь къ Клеопатрѣ, которую считаетъ умершей,—„жди меня! Тамъ, гдѣ души покоятся на цвѣтахъ, мы будемъ шествовать рука объ руку, и наше радостное шествіе возбудитъ удивленіе духовъ; *Дидону и Энея покинетъ ихъ свита*, и всѣ поспѣшатъ къ намъ". А затѣмъ вернемся къ нашей сценѣ.

Клеопатра Шекспира—по характеру не тожественна съ Дидоной Овидія; та была просто любящей женщиной, болѣе всего боящейся потерять Энея,—у Клеопатры любовь къ Антонію приправлена доброй долей разсчетливости, въ силу которой она выступаетъ передъ нами ученицей того же Овидія, но уже его „науки любви". Мы знаемъ, что она нарочно выводитъ Антонія изъ себя, согласно своему уговору съ Харміей,—эту часть сцены придется поэтому оставить въ сторонѣ. Равнымъ образомъ и рѣчь Клеопатры и вообще шекспировскихъ героевъ и героинь, будучи въ сущности тѣмъ же „азіанизмомъ", имѣетъ однако одну своеобразную черту, которой у Овидія нѣтъ; это ея гиперболичность, сказывающаяся въ оборотахъ въ родѣ: „вѣчность была на нашихъ устахъ и во взорѣ, роскошь—на бровяхъ; ни одна наша часть не была такъ бѣдна, чтобы не быть небеснаго происхожденія"—такіе обороты, обязательно неуклюжіе въ переводѣ, тоже не въ духѣ Овидія. Оставимъ все это въ сторонѣ и сосредоточимся на прочемъ.

Обѣ упрекаютъ своихъ избранниковъ въ лживости, и притомъ обѣ безо всякаго права, но это само по себѣ вполнѣ естественно; посмотримъ, какъ эта мысль проводится въ частности. „По участи Креусы, которой ты измѣнилъ раньше, я должна была догадаться о томъ, что̀ будетъ со мною"—такъ приблизительно говоритъ Дидона; то же самое, если вмѣсто Креусы вставить Фульвію, говоритъ Клеопатра. „Такъ ты и мнѣ говорилъ", заключаетъ Дидона; „такъ и Фульвія мнѣ говорила", читаемъ мы у Шекспира. „И я повѣрила измышленнымъ клятвамъ", жалуется Клеопатра; „меня тронули жалкія рѣчи", упрекаетъ себя Дидона. Нервность, сказывающаяся въ внезапныхъ переходахъ къ господствующей мысли, у обѣихъ одинаковая. Вспомнимъ Овидіево... „или пучина, подобная той, что вздымается нынѣ"—въ

томъ же родѣ у Шекспира: „мнѣ то дурно, то опять хорошо—такъ и Антоній любитъ". Та же нервность проглядываетъ и въ томъ, какъ обѣ героини относятся къ реальному міру: обѣ обращаются съ нимъ одинаково прихотливо, обѣ видятъ не предметы, а призраки предметовъ. Выше я привелъ въ видѣ примѣра различныя мнѣнія Дидоны о спасенныхъ Энеемъ троянскихъ богахъ; прошу сравнить съ ними отклики Клеопатры на извѣстіе о смерти Фульвіи: 1) не вѣрю твоимъ словамъ; развѣ Фульвія можетъ умереть? 2) Да, она умерла, и ты къ ея смерти равнодушенъ; отсюда я вижу, какъ ты отнесешься и къ моей смерти! 3) Да, она умерла, и ея-то смерть и огорчаетъ тебя, а вовсе не разлука со мною, какъ ты хочешь меня увѣрить. Не стѣсняйся, плачь, а мнѣ скажи, что ты плачешь по мнѣ.—Ничего тутъ реальнаго нѣтъ, кромѣ чувства горечи, которое въ оправданіе себя создаетъ картину реальнаго міра, изображая его не такимъ, какимъ онъ есть, а какимъ онъ долженъ бы быть для того, чтобы это чувство горечи показалось основательнымъ; въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ проявленіе психической потребности „избавленія фикціей" (Erlösung durch den Schein), въ которой Ницше видитъ чудотворную силу, призвавшую къ жизни трагедію.

Но самое разительное—это буквальное воспроизведеніе одного, очень спеціальнаго мотива. Я уже сказалъ, что роль бога, отзывающаго Энея отъ Дидоны, играетъ у Шекспира вѣстникъ Фульвіи. Теперь прошу сравнить одно мѣсто изъ только-что приведенной сцены: „Что говоритъ твоя законная супруга?—„Ты долженъ уйти".—О, если бы она никогда не дозволила тебѣ придти"!

What says the married woman?—„You may go!"—
Would she had never given you leave to come!

—съ соотвѣтственными словами Дидоны у Овидія:

„Богъ мнѣ уйти повелѣлъ".—Ужъ бы лучше прійти не дозволилъ!
„Sed jubet ire deus".—Vellem vetuisset adire!

(Въ подлинникѣ совпаденіе еще точнѣе—лат. vellem, англійское—would). Тутъ несомнѣнно поэтъ-подражатель—и притомъ, думается мнѣ, вполнѣ сознательно—себя выдалъ. А при такихъ условіяхъ можно сказать, что другое мѣсто Шекспира, нѣсколько темнѣе, объясняется при помощи соотвѣтственнаго мѣста Овидія. Что хочетъ сказать Клеопатра словами: „долго такъ дѣло идти не можетъ—природа не выдержитъ"?—

„It cannot be thus long, the sides of nature
Will not sustain it“.

Скорѣе всего—то же, что̀ и Дидона, когда она говоритъ:

„Долго жестокимъ ко мнѣ быть ты не можешь, повѣрь“.

Угроза смертью—здѣсь и тамъ. Мимоходомъ замѣчу, что другое мѣсто нашего посланія было использовано Шекспиромъ, въ другой трагедіи, появившейся незадолго до нашей; патетическія слова Дидоны:

„Самъ ты вѣдь знаешь: любовь—вотъ мой единственный грѣхъ...
(Quod crimen dices praeter amasse meum?)“

—воспроизведены въ предсмертныхъ словахъ Дездемоны, тамъ, гдѣ она на приказаніе Отелло; „подумай о своихъ грѣхахъ!“—отвѣчаетъ: „это—моя любовь къ тебѣ!“

„Think on thy sins“.—„They are loves I bear to you“.

Но это не такъ важно; главное—*мотивъ ребенка*. Мы видѣли, какъ различно его провели Виргилій и Овидій, стоя одинъ—на героической, другой—на общеженской почвѣ; чего намъ ожидать отъ Шекспира—ясно, коли онъ, какъ мы тоже убѣдились, имѣлъ своимъ образцомъ Дидону Овидія. А впрочемъ, прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ, какъ воспользовался Шекспиръ этимъ мотивомъ, слѣдуетъ посмотрѣть, воспользовался ли онъ имъ вообще; дѣло въ томъ, что толкователи этого обстоятельства не примѣтили, и я, допуская его, ввожу нѣчто новое въ интерпретацію Шекспира.

VI.

Прежде всего замѣчу, что было бы довольно странно, еслибы онъ имъ не воспользовался. Союзъ Антонія и Клеопатры не остался безъ послѣдствій, и она уже въ его отсутствіе родила ему двоихъ дѣтей-близнецовъ, Александра-Солнце и Клеопатру-Луну. Шекспиръ знаетъ объ этихъ дѣтяхъ и говоритъ о нихъ въ III-мъ актѣ. Итакъ, Клеопатра носила подъ сердцемъ плодъ своей любви къ Антонію, когда прощалась съ нимъ, и Шекспиръ, очень заботливо отнесшійся къ хронологіи событій въ этой трагедіи, не могъ не принять этого въ соображеніе. Кстати: объ этой хронологической заботливости свидѣтельствуетъ одна мелкая, но интересная черта, которую я тоже позволю себѣ

объяснить, такъ какъ она, подобно всѣмъ, указаннымъ здѣсь, ускользнула отъ вниманія толкователей. Дѣло происходитъ въ самомъ началѣ трагедіи (д. I, сц. 2); шаловливая Хармія обращается къ прорицателю съ просьбой напророчить ей самую фантастическую судьбу: „дай, чтобы я въ одно и то же утро вышла замужъ за трехъ царей и осталась вдовой послѣ ихъ всѣхъ; дай, чтобы я въ пятьдесятъ лѣтъ родила младенца, къ которому Иродъ іудейскій пожелаетъ прійти на поклоненіе". Говоритъ это она въ 41 г. до Р. Х. Клеопатрѣ было тогда немногимъ болѣе 20 лѣтъ; естественно допустить, что Хармія, которую она сама называетъ „египетской куколкой", была на нѣсколько лѣтъ моложе ея; а если такъ, то она родилась немногимъ ранѣе 50 г. до Р. Х. Въ такомъ случаѣ ясно, кто тотъ младенецъ, котораго она собирается родить въ 50 лѣтъ—младенецъ, къ которому царь Иродъ іудейскій пожелаетъ прійти на поклоненіе. Это свое намѣреніе Иродъ высказалъ, хотя и притворно, троимъ волхвамъ: „егда же обрящете, возвѣстите ми, яко да и азъ, шедъ, поклонюся Ему" (Матѳ. 2, 8). Волхвы же называются на западѣ „святыми тремя царями"; отсюда ясно, что это за три царя, за которыхъ Хармія желаетъ выйти замужъ въ одно и то же утро, съ тѣмъ, чтобы похоронить ихъ всѣхъ. Итакъ, ея скромныя желанія сводятся къ тому, чтобы ей быть супругой всѣхъ трехъ царей волхвовъ и въ то же время богородицей, да кромѣ того, какъ видно изъ дальнѣйшаго, римской императрицей.

Это мѣсто я привелъ не ради одной только хронологіи: оно интересно и своей темнотой. Его толкованіе таково, что никто, разъ его вниманіе на него направлено, ужъ не можетъ отъ него отказаться; а между тѣмъ, фактъ тотъ, что никому изъ толкователей,—поскольку они по крайней мѣрѣ мнѣ стали извѣстны,—это толкованіе не пришло въ голову. Отчего Шекспиръ выражается такъ темно, догадаться нетрудно: фантазіи Харміи при болѣе ясной формулировкѣ легко могли бы показаться богохульственными.—Такого же рода соображенія могли на него подѣйствовать и здѣсь. Скажутъ: въ половой сферѣ Шекспиръ стѣсняться не привыкъ. Отвѣчу: и да, и нѣтъ. Нужно тутъ различать стили, высокій и „подлый", какъ его раньше у насъ называли,—не считая посредствующихъ. Въ „подломъ" стилѣ у него возможны самыя невозможныя вещи; въ высокомъ не то,—а наша сцена сплошь написана въ высокомъ стилѣ. Особенно стыдливо выражается онъ о томъ положеніи, о которомъ у насъ идетъ рѣчь здѣсь: тутъ онъ допускаетъ недомолвки и тропы, не

разъ смущавшія его толкователей и переводчиковъ, не исключая, какъ мы увидимъ тотчасъ, и русскихъ. Такъ, въ „Периклѣ“ (д. I, сц. 1), мысль: „когда ея мать была еще тяжела ею“, выражена такъ: „когда еще (надъ ней) властвовала Люцина“ (till Lucina reign'd). Надобно знать, что Люцина—богиня беременности и родовъ; не зналъ этого, очевидно, русскій переводчикъ, передавшій наше мѣсто такъ: „когда еще жива была Люцина“.

Итакъ, мы знаемъ, въ какомъ положеніи находилась Клеопатра, прощаясь съ Антоніемъ, и съ трудомъ, поэтому, повѣримъ, чтобы такой тонкій знатокъ человѣческой и спеціально женской природы, какъ Шекспиръ, не воспользовался этимъ мотивомъ именно теперь, когда Клеопатра напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы сохранить свою власть надъ своимъ возлюбленнымъ; но мы знаемъ также, что открытаго признанія мы ожидать не должны. А теперь вернемся къ нашей сценѣ. Клеопатра сама посылала за Антоніемъ; все-же, когда онъ является, она хочетъ уйти, ей дурно, она боится, что ея природа этого не выдержитъ. Она зоветъ наперсницу: „разстегни меня... впрочемъ нѣтъ, оставь. Мнѣ то дурно, то опять хорошо“. Она выводитъ Антонія изъ себя своими несправедливыми упреками и насмѣшками; когда онъ хочетъ уйти, она его останавливаетъ: „учтивый сударь, одно слово“. Теперь мы подготовлены—конечно, не непремѣнно къ тому, о чемъ я здѣсь говорю, но во всякомъ случаѣ къ чему-нибудь рѣшительному; въ чемъ же состоитъ то „одно слово“, изъ-за котораго Клеопатра остановила Антонія? Послушаемъ ее: „Государь мой, мы должны разстаться... но это не то; государь мой, мы любили другъ друга... но это не то; это ты хорошо знаешь; что-то я хотѣла тебѣ сказать... О, мое забвеніе—подлинный Антоній, и я совсѣмъ забыта“.

„Courteous lord, one word.
Sir, you and I must part,—but that's not it;
Sir, you and I have loved—but there's not it;
That you know well: something it is I would—
O, my oblivion is a very Antony,
And I am all forgotten“.

Что это значитъ? Переводчики, конечно, переводятъ эти слова такъ или иначе, благо отъ нихъ никто объясненій не требуетъ; но толкователи смущены. Особенно всѣхъ озадачила фраза: „о, мое забвенье—подлинный Антоній!“, какъ явно безсмысленная. Кто считаетъ слово „забвенье“ опиской вмѣсто „память“, —каковое слово и предлагается вставить въ текстъ; другіе

воздерживаются отъ измѣненій, но требуютъ, чтобы слово „забвенье“ понимали въ смыслѣ „память“ — „моя память такъ же неположительна, какъ и самъ Антоній, оттого-то я и забываю все [1]). Нечего и говорить, что это — натяжка; но что же мы отъ нея выигрываемъ? Въ чемъ же заключается то „одно слово“, которое Клеопатра намѣревалась сказать Антонію? „Да она его забыла“, — объясняютъ толкователи. Нѣтъ, воля ваша; дразнить слушателя или читателя тайной, которая такъ и остается до конца подъ покровомъ „молчанія“ — это продуктъ самой современной декадентщины; съ драматургической техникой Шекспира этотъ пріемъ несогласуемъ. Я полагаю, что если Клеопатра задержала Антонія для „одного слова“, то она ему это слово и сказала; а если толкователи его намъ указать не могутъ, то это значитъ, что они ея не поняли. Клеопатра, конечно, ничего не забыла, но она притворяется, что забыла; а то, что она будто бы забыла — это тотъ плодъ ея любви къ Антонію, тотъ маленькій Антоній, котораго она чувствуетъ подъ сердцемъ, — оттого-то она и говоритъ: „о, мое забвенье — подлинный Антоній“! Такъ вѣдь и Виргиліева Дидона говоритъ про свою надежду: „еслибъ малютка-Эней (parvus Aeneas) передъ теремомъ нашимъ рѣзвился!“ — А впрочемъ, намекъ былъ дѣйствительно мало вразумителенъ; Антоній самъ его не понялъ, слова подруги ему кажутся вздорными; онъ даетъ ей это понять изысканнымъ оборотомъ въ духѣ тогдашняго драгоцѣннаго стиля: „если бы неразуміе не было подданнымъ твоего величества (которымъ ты, стало быть, распоряжаешься по своему усмотрѣнію), я сказалъ бы, что ты — само неразуміе“.

„But that your royalty
Holds idleness your subject, I should take you
For idleness itself“.

Другими словами: „я счелъ бы тебя неразумной, если бы не зналъ навѣрное, что ты только притворяешься таковой“. — Клеопатра съ горечью подхватываетъ слово „неразуміе“ и отвѣчаетъ: „Тяжелый трудъ носить *такое* неразуміе *такъ близко къ сердцу*, какъ Клеопатра — *это*“.

---

[1]) Дѣйствительно, нѣкоторые толкователи, и въ томъ числѣ Деліусъ, полагаютъ, что „I am all forgotten“ имѣетъ здѣсь не страдательный, а дѣйствительный смыслъ (to be forgotten — vergessen haben). Для нашего вопроса этотъ споръ не имѣетъ значенія; все-же я считаю болѣе естественнымъ обычное объясненіе: „я, вотъ, забыла, да и сама забыта“. Это — антитеза въ родѣ вышеприведенныхъ Овидіевыхъ: perdita ne perdam, timeo, noceamve nocenti.

'Tis sweating labour
To bear such idleness so near the heart,
As Cleopatra this.

Этотъ намекъ уже ясенъ—все равно, подчеркнула ли его Клеопатра выразительнымъ движеніемъ, или нѣтъ. Антоній понялъ, что у Клеопатры что-то дремлетъ „такъ близко къ сердцу“, и Клеопатра видитъ, что онъ это понялъ. Теперь она мѣняетъ тонъ: она его смѣло отпускаетъ и благословляетъ на бой, зная, что никакія заботы уже не вырвутъ изъ его сердца того жала, которое она въ немъ оставила. И Антоній, прощаясь съ нею, даетъ ей понять, что онъ ее понялъ; поддѣлываясь подъ ея двусмысленную рѣчь, онъ говоритъ ей: „даже уходя отсюда, я (въ лицѣ того „подлиннаго Антонія“) все-же остаюсь съ тобой“—и затѣмъ уходитъ. Таково то „одно слово“, которое Клеопатра желала сказать Антонію.

VII.

Толкователь-филологъ, при объясненіи поэтическихъ произведеній, подвергается постоянной опасности, что его ученость, методъ и прочія орудія его интерпретаціи окажутся несоизмѣримыми величинами въ сравненіи съ той силой, которая создала означенныя произведенія — съ таинственной силой поэтическаго творчества. Съ этой опасностью долженъ былъ считаться и я, предлагая новое объясненіе Шекспировой сцены разлуки. Тѣмъ успокоительнѣе для меня сознаніе, что въ этомъ объясненіи я схожусь съ первостепеннымъ поэтомъ; дѣйствительно, чего не понялъ ни одинъ изъ толкователей Шекспира, то сразу уловилъ, руководясь однимъ своимъ поэтическимъ чутьемъ, нашъ Пушкинъ.

Конечно, не будучи спеціалистомъ въ касающихся Пушкина вопросахъ, я не могу сказать, когда и какъ онъ ознакомился съ „Антоніемъ и Клеопатрой“ Шекспира; быть можетъ, на это имѣются и опредѣленныя указанія; пусть ихъ приводятъ другіе,—для насъ довольно того несомнѣннаго факта, что авторъ „Египетскихъ ночей“ не могъ не знать Клеопатры того поэта, драматической техникѣ котораго онъ подражалъ въ своемъ „Борисѣ Годуновѣ“,—того поэта, драму котораго, сравнительно посредственную, онъ обработалъ въ своемъ „Анджело“. Принимая это знакомство за неподлежащій сомнѣнію фактъ, я прямо перехожу къ Пушкинской обработкѣ нашего мотива разлуки.

Эта обработка—первая сцена „Русалки“. Не стану напоминать ея содержанія и хода; перехожу прямо къ тому мѣсту,

въ которомъ Пушкинъ, какъ мнѣ думается, явно подражалъ Шекспиру. А для этого позволю себѣ еще разъ привести тѣ слова Шекспира, которыя были его образцомъ.

Антоній. Я оставляю тебя, сударыня.

Клеопатра. Учтивый сударь, одно слово. Государь мой, мы должны разстаться... но это не то. Государь мой, мы любили другъ друга... но это не то. Это ты хорошо знаешь: что-то я хотѣла тебѣ сказать... о, мое забвенье—подлинный Антоній!

Съ этими словами прошу сравнить слѣдующее мѣсто изъ „Русалки“:

Князь.

Прощай!

Она.

Постой, тебѣ сказать должна я—
Не помню что.

Князь.

Припомни.

Она.

Для тебя
Я все готова... Нѣтъ, не то... Постой...
Нельзя, чтобы навѣки, въ самомъ дѣлѣ,
Меня ты могъ покинуть... Все не то...
Да, вспомнила: сегодня у меня
Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся.

Прибавить къ этому я ничего не имѣю; дѣло такъ ясно, что всякія объясненія его бы только затемнили. А если мы правы, то возстановлена почти двадцативѣковая цѣпь, соединяющая Овидія съ Шекспиромъ и Шекспира съ Пушкинымъ въ обработкѣ одного и того же мотива—„мотива разлуки“, какъ мы его назвали. — Конечно, эти три примѣра далеко не единственны; мотивъ нашъ такъ благодаренъ, что всякая поэзія, особенно романтическая и сентиментальная, его такъ или иначе къ себѣ пріобщила. Но мы и не задавались цѣлью прослѣдить его на всемъ протяженіи его развитія; наша задача исполнена съ возстановленіемъ означенной идеальной цѣпи, соединяющей три великихъ имени всемірной литературы.

Ѳ. Зѣлинскій.

* *
*

Подходитъ вечеръ. Стынетъ зной.
Деревьямъ, шепчущимъ такъ нѣжно
Привѣтъ моей душѣ больной,
Я говорю: „въ тиши ночной
„И вы усните безмятежно!“

Грачамъ, въ вечернюю зарю,
Летя, кричащимъ что̀ есть мочи:
—Прощай! прощай!—я говорю:
„Я слышу васъ. Благодарю.
И вамъ, грачи, спокойной ночи!“

* *
*

Тѣ ослѣпительные дни,
При блёсткахъ въ воздухѣ горячемъ,—
Когда мы тщательно въ тѣни
Свой сельскій бытъ отъ зноя прячемъ,

И на безоблачный закатъ
Глядимъ съ мольбой въ усталомъ взорѣ:
Ужели насъ не освѣжатъ
Хотя бы утреннія зори!..

—Тѣ дни прошли; и мнѣ ихъ жаль.
Былое стало сердцу мило.
Темна мнѣ будущности даль...
Хоть ты бы, осень, не спѣшила!

Алексѣй Жемчужниковъ.

Августъ 1903.
Ильиновка.

ЗАМОКЪ СЧАСТЬЯ

РОМАНЪ.

I.

Ничего особеннаго не произошло въ этотъ день, но Ирина Львовна чувствовала на душѣ какой-то безпорядокъ.

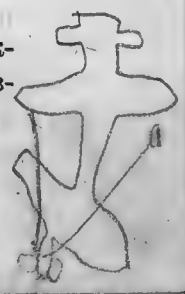
Что это было—она не давала себѣ отчета; но несомнѣнно нѣчто случилось въ ея жизни, что нарушало ея обычное равновѣсіе мыслей и душевный покой.

Стоялъ чудный зимній день съ небольшимъ морозомъ и яркимъ солнечнымъ свѣтомъ; встала она въ прекрасномъ расположеніи духа, завтракала вдвоемъ съ Володей, потому что мужъ ушелъ ранѣе обыкновеннаго на службу,—и это было для нихъ настоящимъ праздникомъ: по крайней мѣрѣ Володя держалъ, какъ хотѣлъ, вилку, а въ трудныя минуты помогалъ себѣ пальцами, и никто не дѣлалъ ему строгихъ глазъ и ворчливыхъ замѣчаній; и Ирина Львовна могла свободно балагурить съ Володей или думать о чемъ ей угодно, не отвѣчая на насмѣшливый вопросъ: „ты, конечно, задумалась о несовершенствахъ человѣческаго существованія“?

Послѣ завтрака она поѣхала съ Володей кататься.

Бѣлый снѣгъ, выпавшій наканунѣ, рѣзалъ глаза, блистая подъ лучами солнца, котораго не видно было уже въ теченіе трехъ недѣль; полозья саней скрипѣли о снѣгъ, и все казалось такъ нарядно и празднично на улицахъ Петербурга.

Но когда они пріѣхали домой, то застали Владиміра Викторовича, вернувшагося со службы, и Таису Николаевну, сидѣвшую съ нимъ въ гостиной.



Они о чемъ-то очень оживленно разговаривали и весело смѣялись.

И разговоръ и смѣхъ тотчасъ же прекратились, какъ только вошла Ирина Львовна съ Володей.

Володя оффиціально поздоровался съ отцомъ, весьма сухо съ Таисой Николаевной, и тотчасъ же юркнулъ въ свою комнату, гдѣ занялся склейкой „плантаторскаго дома", который окружилъ оловянными солдатиками.

Владиміръ Викторовичъ поздоровался съ женой весьма корректно, какъ всегда, потому что во всѣхъ мелочахъ жизни былъ удивительно корректенъ, и наградилъ ее „прохладнымъ" поцѣлуемъ въ лобъ.

Таиса Николаевна тоже поцѣловалась съ ней, а затѣмъ наступило неловкое молчаніе.

Вотъ съ этого момента Ирина Львовна и почувствовала на душѣ безпорядокъ.

Таиса Николаевна, со времени своего недавняго возвращенія въ Россію, послѣ продолжительнаго пребыванія за границей, стала часто бывать у нихъ въ домѣ.

Ирина Львовна ничего не имѣла противъ этого, потому что была ея давнишней подругой, еще со времени гимназіи, гдѣ онѣ вмѣстѣ кончили курсъ.

Очевидно, ничего не имѣлъ противъ этого и Владиміръ Викторовичъ, вообще не отличавшійся общительностью, но съ Таисой Николаевной взявшій сразу какой-то игривый, шуточный тонъ.

Владиміръ Викторовичъ ушелъ въ кабинетъ; онъ вообще не любилъ оставаться съ Таисой Николаевной въ присутствіи жены, которая, повидимому, его стѣсняла.

И двѣ подруги остались вдвоемъ, долго не находя, что̀ сказать другъ другу.

— Ѣздила кататься? — спросила, наконецъ, Таиса Николаевна.

— Да... съ Володей.

— Сегодня хорошо... Я отвыкла отъ морозовъ, но сегодня легко дышется...

— Да... отлично. Ты давно у насъ?

— Съ часъ. Владиміра Викторовича еще не было. Если ты ничего не будешь имѣть противъ, я останусь у васъ обѣдать и посижу вечеръ.

Что-то непріятное шевельнулось въ душѣ Ирины Львовны, что-то такое, чего она раньше не замѣчала; но она поспѣшила отвѣтить:

— Конечно, оставайся; мы будемъ очень рады, въ особенности Владиміръ.

Таиса Николаевна поморщилась, а Ирина Львовна поняла, что сказала безтактность; но это какъ-то такъ сорвалось съ ея языка, что она не успѣла удержаться.

— Почему: „въ особенности Владиміръ“?—заставивъ себя улыбнуться, спросила Таиса Николаевна.

Ирина Львовна попробовала поправить дѣло.

— Ни почему, такъ... Онъ скучаетъ со мной. Онъ вообще не переноситъ одиночества и, какъ мнѣ извѣстно, сегодня какъ разъ ему некуда дѣться.

— Ты странно выражаешься, Irène. Какое же одиночество, когда въ домѣ жена и ребенокъ?

Теперь Таиса Николаевна почувствовала, что сказала неловкость.

Что-то болѣзненно зазвенѣло на душѣ Ирины Львовны, и она отвѣтила нервнымъ голосомъ:

— „Жена и ребенокъ“! Жена для такихъ мужчинъ, какъ Владиміръ Викторовичъ—пустое мѣсто. Ребенокъ его мало интересуетъ. И когда мы втроемъ, то мужъ сидитъ въ кабинетѣ; Володя готовитъ уроки въ своей комнатѣ, а я работаю въ будуарѣ. Въ домѣ тишина какъ въ гробу и каждый изъ трехъ наслаждается или тяготится одиночествомъ—это зависитъ отъ личнаго вкуса. Прежде было не такъ, но съ недавняго времени—это такъ.

— Ты несчастна въ бракѣ?..

Ирина Львовна гордо вскинула голову и быстро отвѣтила:

— Ничуть. Кто тебѣ это сказалъ? Мы всѣ... привязаны другъ къ другу...

Она хотѣла сказать: „мы всѣ любимъ другъ друга“, но это какъ-то не вышло.

Обѣ чувствовали, что вступили на скользкую и неудобную почву разговора и замолчали.

Таиса Николаевна вздумала перемѣнить разговоръ.

— Я вполнѣ понимаю Владиміра Викторовича: я тоже не переношу одиночества. Сидѣть вечеромъ дома одной—это пытка. Я не знаю, что̀ съ собой дѣлать. Я не считаю одиночествомъ, когда въ домѣ трое, хотя бы и въ разныхъ комнатахъ; все-таки чувствуешь, что кругомъ живыя существа. Но совершенное одиночество—ужасно. Я не могу обѣдать одна. И потомъ—вечеръ. Что̀ дѣлать вечеромъ, когда некуда ѣхать?

— Я никогда не скучаю,—возразила Ирина Львовна.—У меня всегда находится дѣло.

— Напримѣръ?—съ насмѣшкой спросила Таиса Николаевна, и этотъ чуть замѣтный оттѣнокъ насмѣшки сейчасъ же отозвался обидой въ сердцѣ Ирины Львовны.

— Напримѣръ, я спрашиваю уроки Володю.

— У меня нѣтъ Володи, какъ тебѣ, вѣроятно, извѣстно.

— Ну, такъ я читаю. Очень много читаю.

— Это твое счастье, что ты любишь читать. И потомъ, нельзя же безконечно читать: меня отъ чтенія клонитъ ко сну и поднимается рѣзь въ глазахъ. Много спать и натруждать глаза вредно. А я очень дорожу сохраненіемъ здоровья и молодости. Что ты дѣлаешь еще?

— Занимаюсь хозяйствомъ, дѣлаю какую-нибудь работу.

— Вотъ видишь! У меня хозяйство такое маленькое, что имъ заниматься не стоитъ. А рукодѣлье... это, прости меня, занятіе подростковъ и старыхъ дѣвъ.

„Какъ разъ для тебя подходящее“,—вдругъ съ неожиданнымъ озлобленіемъ подумала Ирина Львовна:—„ты, вѣдь, совершенный подростокъ по уму и до сихъ поръ не замужемъ. А впрочемъ“...

— Для чего нужны всѣ эти антимакасары, салфеточки изъ кружочковъ и плато?—продолжала Таиса Николаевна.—Для собиранія пыли? А если нужно, такъ лучше купить въ гостиномъ дворѣ. И изящнѣе, и дешевле.

Ирина Львовна пожала плечами и ничего не отвѣтила.

Но потомъ она, все-таки, нашла нужнымъ сдѣлать поправку:

— Я не однимъ рукодѣльемъ занимаюсь,—сказала она,—я дѣлаю еще переводы для одного журнала.

Черные какъ маслины глаза Таисы Николаевны съ любопытствомъ остановились на лицѣ подруги, а ея тонкія, безкровныя губы вытянулись въ насмѣшливую улыбку.

— Ты занимаешься переводами?—вскрикнула она.—Но, милая, вѣдь это тоже рукодѣлье, только чернильное. И къ чему тебѣ это нужно? Ты молода, красива и обезпечена. Тебѣ это не къ лицу, и я думаю, что тебѣ не стоило бы отбивать хлѣбъ у разныхъ нищихъ курсистокъ.

Ирина Львовна вспыхнула.

— Я не знала, что у тебя такое доброе сердце! Но я не отнимаю хлѣбъ у курсистокъ, какъ ты выражаешься. Я коплю эти деньги, а потомъ отсылаю ихъ „бѣднымъ дѣтямъ“. Я думаю, что...

Но Таиса Николаевна разсмѣялась раздраженнымъ смѣхомъ и сказала:

— Ты, положительно, складъ всевозможныхъ добродѣтелей. Домосѣдка-жена, образцовая мать, прекрасная хозяйка и par-dessus le marché—благотворительница. Что я въ сравненіи съ тобой? Никому и ни для чего ненужное существо, даромъ коптящее небо...

И ея раздраженный, неестественный смѣхъ переходилъ постепенно въ нервный, въ взвинченный.

— Мнѣ тебя очень жаль, Таиса,—серьезно сказала Ирина Львовна, съ сочувствіемъ глядя на подругу,—но мнѣ кажется...

— Нѣтъ, ради Бога, только безъ жалостей и сочувствій!— понемногу овладѣвая собой, остановила ее Таиса Николаевна.— Все, что угодно: презрѣніе, неуваженіе, ненависть, но жалости не переношу. Это у васъ въ Россіи всѣ и всѣхъ жалѣютъ— національная черта! У насъ за границей, гдѣ я такъ долго прожила, никто никого не жалѣетъ. Chacun pour soi et Dieu pour tous. Это лучше. Да я вовсе и недостойна жалости, и, можетъ быть, ты когда-нибудь въ этомъ убѣдишься. Развѣ я такъ стара? Передо мной цѣлая жизнь, и неужели ты думаешь, что я не съумѣю устроиться?.. Я вполнѣ довольна даже тѣмъ, что у меня есть теперь. Вотъ только обѣдать одна не могу,—уже улыбаясь, закончила она.

— Ахъ, да!—спохватилась Ирина Львовна:—я пойду распоряжусь о приборѣ.

— Зачѣмъ? Развѣ ты не можешь позвонить?

— Нѣтъ, я сама пойду,—упрямо и настойчиво сказала Ирина Львовна, и тотчасъ же вышла изъ гостиной.

И какъ только вышла, сейчасъ же почувствовала облегченіе.

II.

— У васъ тутъ чрезвычайно весело, — сказалъ Владиміръ Викторовичъ, входя въ гостиную,—я слышалъ вашъ смѣхъ... Но гдѣ же... жена?

Онъ хотѣлъ сказать „Irène“, какъ всегда называлъ ее, но въ послѣднее время это имя какъ-то не шло съ его языка въ присутствіи Таисы Николаевны.

Таиса Николаевна двусмысленно улыбнулась своими тонкими губами.

— Да, чрезвычайно весело,—сказала она, и Владиміръ Вик-

торовичъ внимательно взглянулъ на нее, выучась угадывать ея интонацію.

— А развѣ не весело?—тревожно спросилъ онъ:—я ошибся?

— Нѣтъ, правда, очень весело. Ирина пошла хлопотать по хозяйству, такъ какъ я напросилась обѣдать. Хозяйство, или, по крайней мѣрѣ, хлопоты о немъ, повидимому ея конекъ.

Владиміръ Викторовичъ сдѣлалъ неопредѣленную гримасу: „что же вы хотите отъ нея больше"?

— Какъ вы выражаетесь, — сказалъ онъ: — „напросилась" обѣдать! Да я на седьмомъ небѣ, когда вы обѣдаете у насъ. Къ сожалѣнію, это случается не каждый день.

— Къ сожалѣнію — для кого?

— Какъ для кого? Для меня... для Irène, для насъ обоихъ...

— Вы въ этомъ увѣрены?

И опять, съ тревогой въ голосѣ, онъ спросилъ ее:

— Что значитъ этотъ вопросъ? Развѣ вы можете сомнѣваться въ расположеніи... жены — къ вамъ, своей подругѣ?

— О, нѣтъ, нисколько! — поспѣшила заявить Таиса Николаевна.—Знаете, ваша жена долгое время была убѣждена, что я васъ ненавижу...—засмѣялась она.

— А вы меня... *не* ненавидите?—радостно проговорилъ онъ.

— Конечно, нѣтъ.

— Значитъ...

— Значитъ—что?—задорно спросила она.

— Значитъ, любите, что-ли?

Она засмѣялась.

— Comme vous allez! — сказала она. — Не ненавидѣть не значитъ любить.

— А что же значитъ? — спросилъ онъ и пересѣлъ къ ней ближе.

— Ничего. Не ненавидѣть—значитъ относиться равнодушно.

На лицѣ его отразилось огорченіе.

— Въ такомъ случаѣ я бы страшно желалъ, чтобы вы меня возненавидѣли.

— Почему?—удивленно спросила она.

— Потому что отъ ненависти до любви—одинъ шагъ, какъ извѣстно, а можетъ быть и того меньше.

— Что съ вами?—протяжно проговорила она, и взглянула на него вкось своими выразительными черными глазами.—Развѣ вамъ мало любви Ирины?

Онъ опять болѣзненно поморщился.

— Ахъ, Боже мой!—сказалъ онъ:—что это у васъ черезъ два слова въ третье—Ирина на языкѣ?

— Это отвѣтъ уклончивый...

Такъ говорили они часто, при каждомъ свиданіи, и не чувствовали утомленія отъ этой безцвѣтной игры словами.

Но зато чувства и чувствованьица ихъ волновались.

Съ каждымъ разомъ они ощущали все бо́льшую и бо́льшую близость, и каждый разъ Таиса Николаевна, которой въ началѣ знакомства Владиміръ Викторовичъ вовсе не нравился, о чемъ она имѣла даже предусмотрительность заявить Иринѣ Львовнѣ, становился милѣе и симпатичнѣе.

Она уже перестала находить его скучнымъ, вялымъ и незанимательнымъ.

И Владиміръ Викторовичъ съ каждымъ разомъ открывалъ новыя прелести въ Таисѣ Николаевнѣ, которая въ первое свиданіе показалась ему некрасивой.

Но теперь ему нравились ея глаза; черные, небольшіе, узенькіе и длинные, съ разрѣзомъ нѣсколько вкось; ея безкровныя, тонкія губы, ея злое выраженіе лица и даже ея сѣроватый цвѣтъ кожи, который становился интересно-матовымъ при электрическомъ освѣщеніи.

Она была очень худа и малокровна, но въ послѣднее время и это стало ему нравиться, потому что онъ находилъ въ ея лицѣ и фигурѣ нѣчто „недоговоренное“ и самъ себѣ, въ оправданіе ея худобы, называлъ ее „декадентской фигуркой“.

Потомъ ему сталъ нравится запахъ ея духовъ, какая-то премудрая смѣсь Violette de Parme съ Jicky; ея туалеты, всегда незатѣйливые и простые, наконецъ она сама, когда приходила къ нимъ безъ корсета, въ какой-нибудь темненькой суконной кофточкѣ безъ всякой отдѣлки.

Сначала его удивляла эта смѣлость молодой женщины, это отсутствіе кокетства, потомъ это стало ему нравиться. Въ этомъ было какое-то задорное удальство: „смотрите, я знаю, что я некрасива, но пусть я вамъ понравлюсь такой, какая я есть: непричесанная по модѣ, не выряженная, au naturel. И когда я вамъ понравлюсь *такой*, вы непремѣнно кончите тѣмъ, что влюбитесь въ меня, когда я одѣнусь и причешусь со вкусомъ“.

Въ первое время Таиса Николаевна приходила и уходила, не вызывая ничего въ душѣ Владиміра Викторовича, кромѣ досады, когда онъ слышалъ ея голосъ, и облегченія, когда захлопывалась за ней дверь.

Потомъ онъ какъ бы съ спокойнымъ любопытствомъ сталъ ждать ея прихода, а по уходѣ уже не чувствовалъ облегченія.

Теперь онъ ждетъ ее уже съ нетерпѣніемъ, а провожаетъ съ сожалѣніемъ.

Въ самое же послѣднее время, онъ уже ждетъ и провожаетъ ее съ тоской, иногда видитъ ее во снѣ, мысленно ведетъ съ ней разговоры наединѣ, и страннымъ образомъ начинаютъ ему бросаться въ глаза недостатки жены, которыхъ прежде онъ не замѣчалъ.

Парикмахеру онъ приказалъ являться два раза въ недѣлю, вмѣсто одного; перемѣнилъ портного, который до сихъ поръ удовлетворялъ его, а теперь пересталъ удовлетворять, и сталъ душиться Jicky, но безъ примѣси Violette, чтобы не очень было замѣтно пристрастіе его къ духамъ „Таисы“, какъ онъ уже началъ называть ее, когда думалъ о ней.

А думалъ онъ о ней часто и ловилъ себя на этихъ думахъ постоянно.

Ему было сорокъ лѣтъ и даже съ небольшимъ хвостикомъ; у него было нѣсколько морщинъ на лбу и около глазъ и еще больше сѣдыхъ волосъ на головѣ; онъ находилъ, что легкій flirt или даже настоящій романъ его молодитъ. Всю жизнь онъ прожилъ скромно, по части похожденій, а когда женился, то исповѣдывалъ принципіально супружескую добродѣтель, что̀ становилось даже неловко въ нашъ нервный вѣкъ flirt'а и развода.

Нѣкоторые товарищи намекали ему даже на это: что̀ за „однолюбъ“ такой, въ самомъ дѣлѣ! Это даже непорядочно относительно товарищей и, въ особенности, относительно женатыхъ товарищей: во-первыхъ, всегда оскорбительно видѣть ходячую добродѣтель; во-вторыхъ, всѣ жены ставятъ его въ примѣръ и совѣтуютъ мужьямъ поучиться у Владиміра Загоровскаго.

Конечно, не эти обстоятельства съиграли роль въ начавшемся переломѣ его жизни, а можетъ быть, и эти, потому что, въ концѣ концовъ, онъ прямо-таки не зналъ, какъ, когда и почему такъ измѣнился.

Онъ не могъ указать на какой-нибудь опредѣленный моментъ, когда именно ему стала нравиться Таиса, ни припомнить какой-нибудь разговоръ, который бы повліялъ на него.

И ему все продолжало казаться, что онъ любитъ жену, между тѣмъ какъ онъ уже, кажется, любилъ Таису.

И по мѣрѣ того какъ время шло, онъ открывалъ въ женѣ все больше и больше недостатковъ, а въ Таисѣ—все больше и больше достоинствъ. И съ женой ему съ каждымъ днемъ ста-

новилось скучнѣе, а съ Таисой — не то, чтобы веселѣе, а какъ-то удобнѣе, отраднѣе, болѣе по себѣ.

Ирина Львовна, сдѣлавъ необходимыя распоряженія, прошла черезъ столовую въ будуаръ и увидѣла въ зеркалѣ отраженіе мужа и Таисы.

Они вели оживленный и повидимому таинственный разговоръ, и она очень этому обрадовалась, потому что это дало ей возможность не сидѣть съ ними, а пройти въ свой будуаръ и заняться до обѣда чтеніемъ.

Но какъ только она усѣлась въ удобной позѣ за книгу и принялась за чтеніе заинтересовавшаго ее романа, „Les parfums des Iles Borromées“, въ которомъ было столько настоящей поэзіи, какъ она ощутила въ душѣ своей то неудобство, которое ей не давало покоя цѣлый день.

„Вѣдь ничего же особеннаго не случилось“,—повторила она себѣ въ сотый разъ.

Что же въ самомъ дѣлѣ? Таиса? Вздоръ какой! Таиса ходитъ къ нимъ часто и хороша тѣмъ, что не стѣсняетъ ея, что умѣетъ занять Владиміра, который сталъ видимо скучать въ послѣднее время дома.

Ну, онъ слегка ухаживаетъ за ней; это правда; этого она, конечно, не можетъ скрыть отъ себя. Такъ что жъ такое? Гдѣ же виданъ мужъ, который бы не скучалъ дома и не имѣлъ бы какого-нибудь легкаго flirt'а? Это ужъ такъ положено отъ природы, должно быть, и, правда, Владиміръ былъ какимъ-то, если и не смѣшнымъ въ ея глазахъ, то, во всякомъ случаѣ, страннымъ исключеніемъ изъ общаго правила; и она даже конфузилась, когда ея знакомыя дамы поздравляли ее „avec un mari-modèle“.

Она конфузилась, конечно, за мужа, боясь, чтобы его не стали высмѣивать и чтобы онъ, дѣйствительно, не показался смѣшнымъ, но въ душѣ это ей, все-таки, льстило, и ее радовало, что ей, какъ ни какъ, а завидуютъ.

Она нисколько не ревновала мужа къ Таисѣ, когда обнаружился для нея съ достаточною ясностью его flirt съ нею.

Она даже поощряла его, наивно воображая доставить ему невинное и „разумное“ развлеченіе!

И она такъ привыкла видѣть ихъ въ послѣднее время вдвоемъ, въ полусвѣтѣ гостиной, въ полуинтимной бесѣдѣ, что не обращала даже на это никакого вниманія.

Она была увѣрена, что ни до чего серьезнаго у нихъ дойти не можетъ: во-первыхъ, Владиміръ же вовсе не Донъ-Жуанъ, а человѣкъ серьезный; во-вторыхъ, у нихъ семья уже сцементировалась—вѣдь они живутъ уже десять лѣтъ вмѣстѣ и у нихъ сынъ девяти лѣтъ. А въ-третьихъ—и это самое главное—хотя она помѣстила это обстоятельство въ третій пунктъ, вѣдь Таиса черезчуръ некрасива! По крайней мѣрѣ таково было ея убѣжденіе, и не слѣпа же она, чтобы грубо ошибаться...

Нѣтъ, Таиса некрасива. Это дѣло рѣшенное. Дурнушкой считалась она въ гимназіи, дурнушкой осталась и послѣ.

Да и вообще! Какія же основанія у Владиміра измѣнять ей? Она ему вѣрная и преданная жена; вышла она замужъ по любви, и онъ женился на ней такъ же: по крайней мѣрѣ, такъ это тогда казалось; затѣмъ она — мать его сына, а это даже для такого нечадолюбиваго мужчины, какъ онъ, все-таки что-нибудь да значитъ. Она если и не красавица, то, все-таки же, красивѣе Таисы: одни ея волосы, цвѣта матоваго золота, чего стоятъ! А большіе сѣрые глаза съ длинными рѣсницами, а крупный свѣжій ротъ, а прекрасный цвѣтъ лица? Миша Карелиновъ, другъ ея дѣтства, развѣ не говорилъ, когда она стала уже взрослой барышней, что она изумительно плачетъ, и что по тому, какъ женщина плачетъ, можно ее разгадать. Которая плачетъ жалостно — та женственна, капризно — съ темпераментомъ, вульгарно—мѣщанка. А Таиса еще въ гимназіи плакала какъ мѣщанка — съ завываньемъ и выкриками, и при этомъ ея тонкій носъ краснѣлъ и распухалъ. А она, Ирина, плакала всегда поэтично, какъ миѳологическая „фея ручья“.

Ну, такъ вотъ. Ей нечего опасаться соперничества съ кѣмъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе съ Таисой.

Правда, вначалѣ у нея съ мужемъ были сцены, и порой довольно крупныя, и всегда изъ-за пустяковъ; такой ужъ былъ у нея вздорный характеръ; но былъ виноватъ и онъ, потому что не умѣлъ прервать сцену съ самаго начала, а точно ему доставляло удовольствіе развивать ее до конца.

Но прошли года, прошли и сцены.

Во всякомъ случаѣ, она никогда не была злой и взбалмошной женщиной; а вотъ Таиса—злая несомнѣнно; злая уже потому, что некрасивая, а это всѣмъ извѣстно, что некрасивыя женщины—злы; злая и потому, что никогда не любила, никогда не могла ни съ кѣмъ ужиться и еще въ гимназіи была одна въ вѣчной ссорѣ со всѣмъ классомъ.

Такъ неужели же Владиміръ когда-нибудь промѣняетъ ее на Таису?

Какой вздоръ! И съ какой только стати эти нелѣпыя мысли лѣзутъ ей сегодня въ голову?

III.

Ирина Львовна спокойно принялась за чтеніе.

Борромейскіе острова, въ описаніи талантливаго автора, встали въ ея воображеніи какъ на яву, съ ихъ удушливымъ и густымъ запахомъ розъ и лилій.

И какъ разъ въ то время, какъ она только-что успѣла забыться на поэтическомъ описаніи любви дикарки-цвѣточницы, сухой смѣхъ Таисы, раздавшійся изъ гостиной, вырвалъ ее изъ этого очарованія.

Что-то тяжелымъ камнемъ легло ей на сердце.

Почему? Вѣдь рѣшительно ничего особеннаго не произошло въ этотъ день,—повторяла она себѣ это въ сотый разъ.

Все то же, что̀ и было.

Она знаетъ, что Владиміръ ухаживаетъ за Таисой, и она ничего не имѣетъ противъ этого.

Даже поощряетъ.

Такъ въ чемъ же, наконецъ, дѣло?

И мало-по-малу, она стала анализировать свои чувства.

Дѣло въ томъ, что скромная Таиса, въ послѣднее время, „обнаглѣла“. Да, да, другого слова она подыскать не можетъ; слово грубое, противное, но отлично рисующее отношенія Таисы къ ней; а когда женщина наглѣетъ въ глазахъ своей подруги, это значитъ, что она чувствуетъ свою силу, что она имѣетъ несомнѣнную власть надъ мужемъ подруги, что она опьянена своимъ успѣхомъ.

Ирина Львовна даже простила бы Таисѣ, еслибы та чувствовала себя виноватой передъ нею, выказывала бы ей покорность и уваженіе, сознавая свою вину передъ нею; но такого отношенія она простить не можетъ.

Именно это обстоятельство, какъ ей теперь стало ясно, и было причиной той душевной неловкости, которую она почувствовала.

Обѣдъ прошелъ вяло.

Японскіе глазки Таисы какъ-то особенно торжественно горѣли; Иринѣ Львовнѣ даже конфузно было смотрѣть на нее.

Лицо ея мужа было тоже возбуждено, и онъ почти не могъ скрыть своего восторга при взглядѣ на Таису съ ея землистымъ цвѣтомъ лица и тонкими, поджатыми губами.

На Ирину Львовну Владиміръ Викторовичъ не обращалъ никакого вниманія, и когда, случалось, взглядывалъ на нее, то словно бы на пустое мѣсто, и глазъ его не фиксировалъ предмета.

По привычкѣ, механически, онъ обращался иногда къ женѣ, предлагая что-нибудь, передавая соусникъ или вилку; поднялъ даже упавшую съ ея колѣнъ салфетку и вообще былъ вѣжливъ; но онъ походилъ на пароходное колесо, которое по инерціи бьетъ по воздуху, не касаясь воды, когда пароходъ сядетъ на перекаты.

Зато къ Таисѣ Владиміръ Викторовичъ былъ приторно нѣженъ.

Таисѣ показалось холодно, и онъ кинулся со всѣхъ ногъ въ переднюю, схватилъ съ вѣшалки мѣховую накидку жены и такъ тщательно окуталъ ею эфемерныя плечи Таисы, что Ирина почувствовала легкую тошноту, а ужъ когда онъ принялся безконечно долго возиться около Таисина остраго подбородка, яко бы застегивая крючокъ накидки, въ чемъ не было уже рѣшительно никакой необходимости, потому что не на площади же, въ самомъ дѣлѣ, они обѣдали, то Ирина почувствовала головокруженіе.

Продѣлавъ всѣ манипуляціи съ накидкой, Владиміръ Викторовичъ принялся накладывать Таисѣ на тарелку лучшіе куски и нарѣзывать ей птицу, точно ребенку.

Это уже было просто глупо и достаточно пошло.

Но еще глупѣе жеманилась Таиса, что рѣшительно не шло къ ней, потому что она вообще совершенно не умѣла кокетничать.

Володя сидѣлъ молча, съ видомъ наблюдателя.

Его чуткая дѣтская душа словно угадывала, что между его родителями и этой чужой тетей происходитъ нѣчто неладное, и онъ съ инстинктивнымъ укоромъ смотрѣлъ на непривычно суетившагося родителя и съ огорченіемъ — на свою подавленную и встревоженную мать.

„Дѣло зашло дальше, чѣмъ я думала“,—промелькнуло въ сознаніи Ирины Львовны.

„Какъ жаль, что она не поѣдетъ послѣ обѣда къ Екатеринѣ Васильевнѣ. Тетка такъ любитъ ее, а она перестала къ ней ѣздить“,—подумалъ Владиміръ Викторовичъ.

— Ты не поѣдешь къ тетѣ сегодня? — не удержавшись, спросилъ онъ жену.

— Нѣтъ,—рѣзко отвѣтила Ирина.

— Ты, кажется, давно не была у нея?—не замѣчая ея тона, продолжалъ онъ.

— А что, развѣ ты бы хотѣлъ къ ней поѣхать?— саркастически спросила она.

— Я? Съ чего ты взяла? Ты отлично знаешь, что она меня терпѣть не можетъ...

— Этого я не знаю. Она отдаетъ тебѣ должное.

— Мегсі,—криво усмѣхнувшись, сказалъ онъ.

— Да въ чемъ дѣло?—раздраженно спросила Ирина Львовна: —ты хочешь, чтобы я уѣхала изъ дому? Я удивляюсь твоей безтактности. Таиса только-что заявила передъ обѣдомъ, что собралась у насъ провести вечеръ...

— О, если все дѣло во мнѣ,—сказала Таиса Николаевна,— то ты напрасно обо мнѣ безпокоишься. Ты можешь ѣхать. Пожалуйста, поѣзжай, не стѣсняйся изъ-за меня. Я могу пріѣхать къ вамъ въ другой разъ или посидѣть вдвоемъ съ Владиміромъ Викторовичемъ, пока ты вернешься.

„Они оба съ ума сошли“,—подумала Ирина Львовна.

— Оставьте, пожалуйста, меня дома, — сказала она повышеннымъ тономъ, еле сдерживая себя.—Я никому не мѣшаю, никого не стѣсняю и не люблю, чтобы стѣсняли меня, распоряжаясь моимъ временемъ.

— Не уѣзжай, мама! — застоналъ жалобно Володя. — Мы пойдемъ къ тебѣ, и я тебѣ дочитаю норвежскую сказку.

— Отлично, милый. Я никуда не уѣду,—рѣшительно сказала она и взглянула исподлобья на мужа и Таису.

Владиміръ Викторовичъ вздернулъ плечами; Таиса Николаевна выпила залпомъ стаканъ шато-икема.

Водворилось неловкое молчаніе.

Обѣдъ кончился въ этомъ удручающемъ молчаніи, въ которомъ какъ будто назрѣвало ядро грядущихъ грозныхъ событій.

— Таиса, посиди съ Владиміромъ, если вамъ не будетъ вдвоемъ очень скучно, пока я займусь съ Володей и уложу его спать. Потомъ я приду къ вамъ, — быстро проговорила Ирина послѣ обѣда,—и нельзя было разобрать, говоритъ ли она искренно, или иронически.

Еще быстрѣе она ушла къ себѣ въ будуаръ.

Было много во всемъ этомъ страннаго и ненормальнаго; но когда дружная семья начинаетъ разлагаться, когда филоксера брака—посторонняя любовь—нападаетъ на супружескія лозы,

никто какъ бы не замѣчаетъ этой ненормальности, этой деформаціи отношеній.

Володя читалъ норвежскую сказку, а Ирина Львовна дѣлала видъ, что ее слушала, и даже изрѣдка поправляла неправильное произношеніе сына; но изъ будуара ей виднѣлся уголъ гостиной, именно тотъ, въ которомъ пріютилась Таиса съ ея мужемъ.

Владиміръ Викторовичъ опять заботливо укуталъ Таису въ мѣхъ и еще заботливѣе подставилъ подъ ея ноги скамеечку.

„Я думаю, онъ бы охотнѣе самъ легъ подъ ея башмакъ, вмѣсто скамеечки“,—съ озлобленіемъ подумала Ирина Львовна.

— Мама, ты не слушаешь!—огорченно проговорилъ Володя.

— Слушаю, милый, слушаю.

— А что я прочелъ?

— Ну, вотъ еще, экзаменовать вздумалъ!.. Читай дальше.

До ея слуха долетали отдѣльныя фразы, отрывки разговора. Говорили очень оживленно, очевидно забывъ о ней или, вѣрнѣе, радостно чувствуя ея отсутствіе; потомъ перешли въ другую комнату, и вскорѣ раздались звуки рояля.

Играла Таиса и—прескверно играла.

У нея не было ни слуха, ни музыкальнаго туше. Она не играла, а отбарабанивала, словно заученный урокъ, иногда фальшивя и не замѣчая этой фальши. Играла въ родѣ того, какъ читалъ Володя: монотонно, съ невѣрными удареніями и паузами.

Сама Ирина Львовна играла превосходно, будучи ученицей покойнаго Фанъ-Арка, и обладала музыкальнымъ слухомъ и музыкальнымъ вкусомъ. Она обожала музыку, но послѣдніе годы почти не играла, потому что Владиміръ Викторовичъ совершенно не любилъ музыки и запирался у себя, когда на нее находило музыкальное настроеніе.

— Я рѣшительно не понимаю этого искусства,—говорилъ онъ ей не разъ.—Въ картинѣ я вижу линіи и краски; въ романѣ я слышу опредѣленныя слова и мысли; въ скульптурѣ осязаю формы. Но что такое музыка? Неопредѣленное, смутное, непонятное...

Ее огорчали эти слова.

Она глубоко понимала и высоко цѣнила это таинственное эмоціональное искусство и считала его частью мірового духа, облеченнаго въ конкретныя формы, въ высшія формы для выраженія настроенія.

Но она не умѣла этого объяснить мужу, да и сама плохо понимала это, потому что обыкновенно плохо понимаешь разсудкомъ то, что любишь сердцемъ.

Но почему же тогда онъ такъ нетерпѣливо слушаетъ игру — безсмысленную и бездарную — этой немузыкальной Таисы, весь репертуаръ который ограничивается двумя пьесками — „Alpenklänge“, удивительной музыкальной банальщиной—и серенадой Шуберта, давно заигранной дилеттантами?

Володя читалъ норвежскую сказку уныло и монотонно.

Онъ всегда читалъ такъ, когда смутно чувствовалъ, что его не слушаютъ.

Таиса играла безъ конца серенаду Шуберта, безъ души, безъ выраженія.

И выходило нѣчто въ родѣ мелодекламаціи, отъ которой по тѣлу Ирины пробѣгали судороги.

И, страннымъ образомъ, эта мелодекламація норвежской сказки, подъ звуки Шубертовской серенады, вызывала въ воображеніи Ирины Львовны картину ея уже далекаго дѣтства.

Впрочемъ, музыкальные звуки всегда вызывали въ ея воображеніи образы и картины.

Представился ей господскій домъ въ усадьбѣ, гдѣ она жила дѣвочкой съ матерью-вдовой и теткой по отцу, Екатериной Васильевной.

Домъ былъ съ террасой и выходилъ въ старый, запущенный паркъ, въ которомъ стояли вѣковые дубы, были китайскіе павильоны, затянутый зелеными порослями прудъ, обшитый березовой корой мостикъ, и гдѣ по вечерамъ квакали и трещали лягушки.

Какіе были чудные вечера! Косые лучи заходящаго солнца, иногда нѣжно-розовые, иногда ярко-багровые, падали въ тотъ уголъ террасы, куда ее засаживали съ работой.

Изъ открытыхъ дверей, ведшихъ съ террасы въ домъ, раздавались звуки рояля—стараго рояля, не имѣвшаго нѣжнаго и полнаго тона нынѣшнихъ—и какіе, все-таки, звуки! Это играла ея мать, играла дивно хорошо, по внутреннему чутью, какъ истая музыкантша. И играла она все такія грустныя-грустныя вещи, отъ которыхъ больно сжималось сердце и хотѣлось плакать.

Ея мать не признавала другого репертуара.

Съ тѣхъ поръ какъ умеръ ея горячо любимый мужъ, отецъ Ирины,—котораго дѣвочка не помнила,—мать неустанно плакала и выплакала, казалось, всѣ слезы, отпущенныя на ея долю судьбой.

Но слезы не облегчили ея тяжелаго горя.

И когда душа ея стонала отъ боли, когда въ измученномъ сердцѣ ея зрѣлъ нарывъ, не находившій разрѣшенія, потому что

источникъ слезъ исчезъ, бѣдная женщина садилась за рояль, и звуки его замѣняли ей слезы.

И часто она говорила осиротѣвшей дѣвочкѣ, въ порывѣ безнадежнаго отчаянія:

— Ира, милая, бываетъ на свѣтѣ такое человѣческое горе, когда и самый глубокій вздохъ не въ силахъ облегчить омраченной души. Тогда есть одно средство—мелодія. Но если и музыка не облегчаетъ боли, тогда человѣку ничего не остается, какъ умереть.

И она умерла, оставивъ дочь на рукахъ у Екатерины Васильевны.

Ахъ, какъ дивно играла мать Ирины!

Развѣ это можно забыть, проживши даже долгую жизнь!

Дѣвочка сидѣла на террасѣ и слушала. Опускала на колѣни работу, и слезы падали сами собой, безъ всякой причины, на ея руки.

Иногда, вмѣстѣ съ нею, заслушивался музыкой и Миша Карелиновъ, который гостилъ, бывало, у нихъ студентомъ медико-хирургической академіи.

Онъ былъ сыномъ друга ея отца, и вся ея семья любила этого юношу, всегда бодраго, смѣлаго и сильнаго, оставшагося, послѣ разоренія отца, безъ куска хлѣба въ седьмомъ классѣ гимназіи и не растерявшагося, а съумѣвшаго уроками, переводными и корректурными работами просуществовать до полученія стипендіи въ академіи.

Вотъ на этой террасѣ и услыхала Ирина впервые серенаду Шуберта. И сколько было смысла, сколько выраженія, сколько чувства въ этой вещицѣ! Она сравнивала ее съ нѣжнымъ благоуханіемъ розъ, доносившихся съ клумбъ и куртинъ цвѣтника, окружавшаго ихъ домъ; съ нѣжнымъ мерцаніемъ серебряной луны на темномъ, почти черномъ фонѣ южнаго неба, усѣяннаго звѣздами; съ тихимъ журчаньемъ ручейка, черезъ который перекинутъ березовый мостикъ, да мало ли еще съ чѣмъ...

И вотъ, эту же серенаду барабанитъ Таиса, мерзко, оскорбительно барабанитъ, и сердце Ирины сжимается отъ обидной досады, отъ мучительной боли.

„Такъ должно сжиматься сердце, когда въ твоемъ присутствіи какой-нибудь пьяный негодяй наноситъ физическое оскорбленіе любимому существу, и ты сознаешь свое полное безсиліе помочь этому существу“.

Потомъ усадьбу и паркъ, и мостикъ, и прудъ и луну на темномъ звѣздномъ небѣ продали скупщику дворянскихъ помѣстій,

Горюнову, и этотъ скупщикъ устроилъ на мѣстѣ барскаго дома лѣсопильный заводъ. Лягушки убрались изъ зеленаго пруда, подкошенными пали великаны-дубы, сгнилъ и разрушился поэтическій березовый мостикъ; а вмѣсто нѣжныхъ, какъ ароматъ розъ, мелодій по бывшему парку раздавались окрики десятниковъ и приказчиковъ, да звуки топора, да визгъ пилы, да дикія ругательства новаго хозяина.

А такъ какъ усадьба была продана со всѣмъ инвентаремъ и мебелью, то и старое фортепіано, такъ дивно рыдавшее подъ тонкими пальцами вдовы-помѣщицы, попало, вѣроятно, въ семью скупщика, и его дочь,—если у него таковая есть,—можетъ быть до сихъ поръ играетъ на немъ „Ахъ, вы, сѣни, мои сѣни!“ или „Стрѣлочка“.

И зачѣмъ Екатерина Васильевна, ея опекунша, продала эту усадьбу?

Чтобы купить домъ въ губернскомъ городѣ?

Домъ и сейчасъ стоитъ заколоченный и, вѣроятно, запущенный, въ этомъ городѣ, потому что Ирина вышла замужъ за петербургскаго архитектора, а Екатерина Васильевна не пожелала жить въ такой дали отъ нея и тоже переселилась въ Петербургъ.

Володя вдругъ пересталъ читать.

Ирина Львовна очнулась отъ нахлынувшихъ на нее воспоминаній, такъ властно завладѣвшихъ ею.

IV.

А серенада Шуберта все продолжалась.

Ирина Львовна разбудила Володю и отправила его спать.

Когда она вернулась въ будуаръ, серенада смѣнилась уже вторымъ репертуарнымъ нумеромъ—„Alpenklänge“.

Ирина досадливо пожала плечами и иронически улыбнулась.

— Безконечное „Alpenklänge“ теперь!—проговорила она.—И какъ ей не надоѣстъ! И какъ Владиміру это не надоѣстъ, ему, который моей игры не могъ переносить!..

Она сѣла въ низенькое кресло и принялась за работу.

„Какая тоска! Она можетъ съ ума свести своей музыкой“.

Объ Иринѣ, очевидно, забыли.

Прошло больше часа, никто не позвалъ ее, никто не пришелъ къ ней, никто ее не окликнулъ.

Она теперь совершенно лишній элементъ въ этомъ домѣ; такъ, какой-то неизбѣжный придатокъ, назойливо торчащій и никому, въ сущности, ненужный.

Она опустила работу на колѣни.

Звуки рояля вдругъ прекратились.

Ирина догадалась, что пришелъ курьеръ изъ департамента, для котораго что-то строилъ мужъ, и принесъ какія-нибудь бумаги.

Курьеръ часто приходитъ въ этотъ часъ. Значитъ, Владиміръ пойдетъ въ кабинетъ—онъ никогда не задерживаетъ курьера,—а Таиса явится къ ней; во-первыхъ, потому, что „не переноситъ и минуты одиночества", а во-вторыхъ, изъ долга приличія.

Послышались легкіе шаги, и въ дверяхъ показалась тонкая фигурка Таисы.

— Ну что̀,—сказала она своимъ суховатымъ голосомъ,—наработалась?

— А ты—наигралась?

— До головокруженія. *Мы* нарочно не хотѣли мѣшать тебѣ во время исполненія тобою материнскихъ обязанностей. И ты, кажется, вообще ничего не имѣешь противъ одиночества?

— Рѣшительно ничего. А я не знала, что ты такая музыкантша.

Таиса внимательно посмотрѣла на подругу, стараясь угадать, не насмѣшка ли звучитъ въ ея словахъ.

— Я не люблю музыки,—наконецъ, сказала Таиса.—Она на меня не производитъ никакого впечатлѣнія, даже не разстроиваетъ нервы.

— Но, можетъ быть, настроиваетъ?

— Нѣтъ, ничего. Я рѣшительно ничего не чувствую, когда играю.

— Такъ зачѣмъ же ты играешь?

— Я играла для удовольствія Владиміра Викторовича.

Ирина Львовна съ удивленіемъ посмотрѣла на нее.

— Для удовольствія Владиміра? Но онъ терпѣть не можетъ музыки,—засмѣялась она.

— Онъ не любилъ ея, онъ мнѣ самъ сказалъ. Но теперь, по его словамъ, онъ начинаетъ понимать ее.

— А... неужели?

— Да. И онъ говоритъ, что моя игра ему очень нравится.

Ирина Львовна едва удержалась, чтобы не разсмѣяться.

— Что̀ же онъ находитъ въ твоей игрѣ? — серьезно спросила она.

— Онъ говоритъ, что моя музыка переноситъ его въ міръ грёзъ, въ то царство, которое ему было до сихъ поръ недоступно.

— Какъ онъ сталъ поэтично выражаться!—закусивъ губы, проговорила Ирина Львовна:—„и какъ ты глупа или нагла, а можетъ быть, то и другое вмѣстѣ, что повторяешь его глупости мнѣ въ лицо!“—закончила она мысленно.

Ирина Львовна встала, чтобы положить на мѣсто работу.

Она подошла къ окну.

Теперь на улицахъ было темно, туманно, сыро. Валилъ хлопьями густой снѣгъ, фонари тускло свѣтили въ тщетной борьбѣ побѣдить тьму зимней петербургской ночи.

Ни одной звѣзды на небѣ. Все смѣшалось въ какую-то темно-сѣрую мглу, а бѣлая занавѣсь мокраго снѣга безнадежно-медленно спускалась съ того мѣста, на которомъ предполагалось небо.

Недолго же простояли яркіе солнечные дни и ясныя морозныя ночи. Опять начнется сырость, распутица, пронизывающій вѣтеръ, оттепель, слякоть. Опять нужно будетъ сидѣть недѣлями дома и думать, думать безъ конца свои тяжелыя думы.

И ей вдругъ стало такъ горько, такъ обидно...

Зачѣмъ свѣтлый день смѣняется такой угрюмой ночью? Зачѣмъ идетъ мокрый снѣгъ? Зачѣмъ въ спокойную, ровную, тихую жизнь врывается вдругъ такое существо, какъ эта Таиса, и покрываетъ грязью все, что было хорошаго въ ея жизни? Таиса похожа на этотъ мокрый снѣгъ, являющійся неизвѣстно откуда, покрывающій собою крыши и улицы, немедленно превращающійся въ грязь и придающій такой безнадежно-унылый видъ городу.

Ирина отошла отъ окна, и тяжкій вздохъ вырвался изъ ея груди.

Теперь она уже несомнѣнно ощутила тотъ безпорядокъ на душѣ, который давалъ ей себя чувствовать съ утра.

И она поняла теперь, въ чемъ было дѣло.

— Что ты такъ нѣжно вздыхаешь?—спросила ее Таиса.

— Такъ... скучно,—нехотя отвѣтила Ирина.—Неужели тебѣ не скучно?

— Мнѣ—нисколько.

— Не скучно жить? Не скучно каждый день ложиться и вставать, одѣваться и раздѣваться, сидѣть дома и ѣздить въ гости, играть безъ конца „Alpenklänge“ и серенаду Шуберта, смотрѣть на эти отсырѣвшія улицы и дома?.. Что же ты мол-

чишь? Что ты на меня смотришь съ такимъ уничтожающимъ презрѣніемъ?

Таиса расхохоталась.

— Я? Съ уничтожающимъ презрѣніемъ? Ты бредишь, Ирина. Что съ тобой? У тебя разстроены нервы? Несмотря на мое долгое пребываніе за границей, мнѣ здѣсь очень нравится.

— Давно?

Таиса Николаевна въ недоумѣніи похлопала глазами.

— Какъ—давно? Я не понимаю вопроса.

— Давно тебѣ здѣсь стало нравиться? — рѣзко повторила Ирина Львовна, чувствуя, какъ нервы ея расходятся, и едва сдерживая себя, чтобы не закричать.

— Да, съ нѣкоторыхъ поръ... Сначала мнѣ Петербургъ показался дикимъ, некультурнымъ городомъ, потомъ я постепенно втянулась. Въ немъ есть свои прелести...

— Я думаю,—съ прежней рѣзкостью прервала ее Ирина Львовна,—что ты просто хочешь подладиться подъ мнѣніе моего супруга. Онъ тоже безъ ума отъ Петербурга. Прежде ты съ нимъ даже спорила по этому поводу, когда недолюбливала Владиміра...

Таиса Николаевна сдѣлала протестующій жестъ.

— Да, да, не отпирайся. Какъ это ни странно, но было время, когда ты его недолюбливала,—усмѣхнулась Ирина Львовна, пожавъ плечами.—Ну, что можетъ въ немъ нравиться? То-есть, въ Петербургѣ, конечно, а не въ Владимірѣ,—рѣзко засмѣялась она.—И въ особенности—тебѣ?

Таиса Николаевна вдругъ вспыхнула и на ея безкровномъ, сѣромъ лицѣ заигралъ румянецъ, который очень скрасилъ ее.

— Почему же, *въ особенности* мнѣ?—вызывающимъ тономъ спросила она.—Что ты хочешь этимъ сказать? Говори яснѣе; я не люблю загадокъ и не умѣю ихъ разгадывать.

Ирина Львовна чуть-чуть смутилась.

— Ахъ, Таиса, какая ты стала подозрительная!—проговорила она.—Я хотѣла сказать только то, что сказала. Тебѣ, заграничной жительницѣ, не можетъ нравиться такая сырая дыра, какъ эта большая деревня—Петербургъ.

— Отчего же нѣтъ? Послѣ Парижа здѣсь такъ тихо, такъ спокойно... Я бы хотѣла даже жить въ деревнѣ, гдѣ еще тише, еще спокойнѣе, гдѣ вѣчный покой.

— Вѣчный покой? Ты говоришь глупости, прости меня, Таиса. Вѣчный покой—это кладбище.

— И въ кладбищѣ есть своя поэзія.

Ирина Львовна насмѣшливо улыбнулась.

— Ты чему?—обидчивымъ голосомъ спросила ее Таиса Николаевна.

— Твоимъ словамъ.

— Что же въ нихъ смѣшного?

— Многое, Таиса. Все. И они тебѣ ужасно не идутъ. Не сердись на меня, но, прежде всего, въ нихъ нѣтъ искренности. Такъ говорятъ влюбленныя женщины въ поэтическую минуту свиданія съ предметомъ своей любви...

Ирина Львовна говорила отрывисто, зло, давая исходъ накипѣвшему, наболѣвшему чувству. Таиса Николаевна опять покраснѣла и черные глаза ея почти съ ненавистью уставились на подругу. Она хотѣла ей возразить, но Ирина Львовна не дала ей возможности сдѣлать это, и продолжала:

— Но здѣсь тебѣ не передъ кѣмъ обнаруживать поэзію твоей души... по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, потому что кромѣ меня никого здѣсь нѣтъ. И вѣдь ты еще сегодня говорила, что одиночество приводитъ тебя въ ужасъ, а теперь ты жаждешь покоя и даже вѣчнаго! Для чего все это? Пожалуй... —задумчиво прибавила она:—вѣчный покой вещь заманчивая для тѣхъ, кому надоѣла жизнь. Развѣ тебѣ надоѣла жизнь, Таиса?—снова переходя въ вызывающій тонъ, спросила она.

Таиса пребывала въ лирическомъ настроеніи.

При послѣднихъ словахъ Ирины, она какъ-то непроизвольно вздрогнула.

— Ты знаешь мою жизнь, Ирина,—искренно вырвалось у нея.—Къ чему дотрогиваться до наболѣвшихъ ранъ? Это—невеликодушно, и я не считала тебя такой злой.

Этотъ искренній тонъ, этотъ упавшій голосъ и убитое выраженіе лица сразу и внезапно подѣйствовали на порывистую и добрую душу Ирины Львовны.

Она подошла къ Таисѣ и обняла ее.

— Прости меня!—смущенно проговорила она.—Я не хотѣла сказать ничего обиднаго. Такъ, сорвалось съ языка. Не сердись. Не сердишься? Ну, скажи, не сердишься?

Таиса Николаевна настойчиво высвободилась изъ ея объятій.

— Если это тебѣ почему-нибудь важно,—сказала она,—нѣтъ, не сержусь. Мнѣ вѣдь не привыкать къ этому! Напротивъ, я тебѣ очень благодарна...

— За что?—съ удивленіемъ спросила Ирина Львовна.

— За все. За вниманіе, за то, что принимаешь меня, за то, что не погнушалась моимъ обществомъ.

Ирина Львовна горячо вскрикнула:

— Таиса!

— Ахъ, оставь, пожалуйста!—со злобой и ненавистью заговорила Таиса Николаевна.—Какъ будто я не знаю? Я вѣдь не такъ глупа, какъ всѣ вы, можетъ быть, думаете. Я все отлично вижу и понимаю; даже вижу больше, чѣмъ хотятъ показать. Когда я вернулась изъ-за границы, осенью, меня въ Петербургѣ никто не принялъ. Зарѣцкая, та самая Женя Зарѣцкая, которая у меня живала мѣсяцами, которую я кормила и поила и платья свои отдавала ей донашивать, и та выслала сказать, что ея дома нѣтъ. А я ее сама видѣла въ гостиной. Но она теперь, видишь ли, вышла замужъ за директора правленія какого-то акціонернаго общества или что-то въ этомъ родѣ, и изъ бѣдной сироты-безприданницы превратилась въ богатую барыню. И всѣ, и всѣ вы! То-есть всѣ, кромѣ развѣ тебя... Э! да не стоитъ, право, объ этомъ говорить. Взгляни на мои волосы, вотъ здѣсь, видишь? Какъ я рано посѣдѣла...

Ирина Львовна взглянула. Въ темныхъ волосахъ Таисы была прядь сѣдыхъ волосъ.

— Что-жъ такое!—спокойно сказала Ирина Львовна.—Ты брюнетка, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Брюнетки рано сѣдѣютъ. И хочешь знать правду? Тебѣ эта прядь даже идетъ. И ты это сама знаешь.

— Почему?

— Иначе бы ты выкрасила ее или какъ-нибудь скрыла волосами. Но я не понимаю, почему ты такъ близко приняла къ сердцу глупую выходку такой глупой бабенки, какъ наша Женя...

— Она совсѣмъ не такъ глупа, какъ ты говоришь.

V.

Иринѣ Львовнѣ захотѣлось успокоить, утѣшить обиженную подругу. Несмотря на то, что она сама, съ сегодняшняго дня, считала себя глубоко обиженною Таисой, ей захотѣлось разогнать ея дурное расположеніе духа.

— Съ этимъ позволь не согласиться,—возразила она на послѣднія слова Таисы Николаевны.—Ты представить себѣ не можешь, какъ она глупа. Она была у меня прошлой весной. Говоритъ по-французски. Une visite d'adieu. Они съ мужемъ уѣзжаютъ *къ себѣ* въ деревню—„кто же ѣздитъ лѣтомъ за границу“! За границу они поѣдутъ осенью—ея мужъ приглашенъ

на охоту чуть не самимъ президентомъ французской республики въ Рамбулье. Потомъ они поѣдутъ на какой-то конгрессъ анонимныхъ капиталистовъ въ Бельгію. Или что-то въ этомъ родѣ, какъ ты говоришь, можетъ быть и я путаю. Экипажъ—у нихъ собственныя лошади—они выписали изъ Вѣны. Я ей и говорю—вру, конечно,—а я изъ Парижа; вѣнскіе экипажи выходятъ изъ моды. Она даже поблѣднѣла. „Неужели?"—Въ самомъ дѣлѣ!—„Ну, я скажу мужу, чтобы выписалъ изъ Парижа. Платья-то я давно уже выписываю изъ Парижа,—знаете, отъ Лаферьера". А я ей говорю:—А я отъ Редферна. А мой Редфернъ живетъ на Владимірской и зовутъ его Марьей Ефимовной.

Таиса засмѣялась, а Ирина очень обрадовалась, что ей удалось развеселить подругу.

— А какъ ты думаешь провести лѣто?—спросила Ирину Таиса.

— Я рѣшила поѣхать на родину. У меня тамъ, въ нашемъ губернскомъ городѣ, есть домъ. Хочу посмотрѣть его и продать. Онъ, должно быть, въ запущеніи. Но домъ хорошій, почти за городомъ, и при немъ большой садъ.

— И Владиміръ Викторовичъ—съ тобой?—съ плохо скрытымъ жгучимъ любопытствомъ спросила Таиса Николаевна.

Ирина насмѣшливо взглянула на нее и снова вселившееся въ нее съ утра недоброе чувство овладѣло ею.

— Да, конечно,—сказала она.—Хотя онъ терпѣть не можетъ провинціи.

— И онъ послушается? Поѣдетъ?

Ирина, съ наивной гордостью, желая подзадорить подругу, сказала:

— Онъ меня всегда слушается.

И она увидѣла, какъ Таиса закусила губы.

— А?—проговорила Таиса, высоко поднявъ свои тонкія черныя брови.—Это трогательно. У васъ полное согласіе душъ, значитъ?

Ирина тяжело вздохнула.

— Да, полное,—уставшимъ голосомъ сказала она, потому что ей вдругъ стало трудно играть эту комедію.

Таиса недовѣрчиво улыбнулась.

— Почему же ты вздыхаешь? Разъ ты счастлива...

— Нѣтъ, Таиса,—серьезно сказала Ирина Львовна:—я не могу сказать, что я счастлива.

— Вотъ какъ!—живо проговорила Таиса Николаевна.—Ты сама себѣ противорѣчишь.

— Нисколько. Я говорю правду. До сихъ поръ у насъ было согласіе душъ, какъ ты выражаешься...

— А теперь?

— А теперь его нѣтъ. Впрочемъ, я сама не знаю, что̀ теперь есть и что̀ творится у насъ. Владиміръ—человѣкъ очень воспитанный, очень корректный, можетъ быть, даже сердечный... но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ появилось что-то, что̀ мнѣ не по душѣ.

— Что̀ это?

— Что̀ именно—я и сама не знаю. Онъ, кажется, все еще меня любитъ и даже балуетъ иногда... и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ холоденъ.

— Какъ бутылка замороженнаго шампанскаго?

— Ну, вотъ видишь! И ты это находишь... А ты его въ послѣднее время близко узнала.

Таиса Николаевна опять вспыхнула.

— Я? Что̀ это значитъ? Ты на что-то намекаешь?—взволнованно спросила она.

— Не волнуйся, пожалуйста. Отчего не сказать того, что̀ есть?..

Таиса Николаевна рѣзко, непріятно, дѣланно засмѣялась.

— Ты ревнуешь?

Ирина Львовна сразу встала, точно ударъ бича коснулся ея.

— Я ревную?—гордо, отчетливо повторила она.—Какая смѣшная идея!

— Почему же смѣшная?—раздраженнымъ тономъ спросила Таиса Николаевна.

— Потому смѣшная, что смѣшно ревновать человѣка, съ которымъ прожила десять лѣтъ,—горячо заговорила Ирина Львовна,—потому, что у насъ есть связь въ лицѣ сына, потому еще, что я не считаю себя ниже другихъ женщинъ, и потому, наконецъ, что я все допускаю—разрывъ, разводъ въ случаѣ необходимости, все, понимаешь—все: ненависть, охлажденіе, презрѣніе, но не допускаю одного—ревности. Все равно какъ ты—жалости.

— Почему?—спокойно-ледянымъ тономъ спросила опять Таиса Николаевна, но миніатюрная ножка ея, въ лакированной туфлѣ и ажурныхъ черныхъ чулкахъ, нервно забила по ковру.

— Ревность я допускаю между любовниками,—рѣзко отвѣтила Ирина Львовна,—но не между мужемъ и женой.

— Странный взглядъ!—съ сверкающими глазами сказала Таиса Николаевна.

— Ничуть!

— Какая же разница?

— Огромная. Любовники могутъ быть неувѣрены другъ въ другѣ, потому что оба гонятся за счастьемъ, за прочнымъ счастьемъ, которое у нихъ еще впереди, до котораго надо еще добѣжать, которое надо поймать, закрѣпить, завоевать. Тутъ малѣйшій шагъ важенъ, малѣйшая ошибка, увлеченіе въ сторону имѣетъ значеніе. Оба еще не знаютъ другъ друга, не увѣрены другъ въ другѣ, потому что страсть—не любовь.

— Ты говоришь какъ книга!—съ ироніей сказала Таиса Николаевна; но Ирину Львовну уже трудно было остановить.

— Ну, что-жъ! Ты, которая не любишь читать, хоть послушай. Супружеская любовь—уже завоеванное, исполненное, достигнутое. Супруги пережили страсть, и она уже превратилась въ любовь. А гдѣ есть любовь, тамъ есть и взаимное уваженіе, сила привычки, довѣріе другъ къ другу, множество годами образующихся связей и нитей, о которыхъ въ спокойныя минуты даже не подозрѣваешь. Тутъ нѣтъ мѣста ревности и не можетъ быть.

— Какой вздоръ, прости меня!

— Почему вздоръ?—съ горящими глазами и волнующейся грудью спросила Ирина Львовна.

— Удивительный вздоръ. Развѣ бракъ—вѣчное? Развѣ мы мало видимъ несчастныхъ браковъ? Развѣ мужья не измѣняютъ женамъ, а жены—мужьямъ?

— Бракъ—не вѣчное, это правда. И супруги измѣняютъ другъ другу—это тоже правда. Горькая, но правда. Но измѣнившаго мнѣ мужа, прожившаго со мной десять лѣтъ, отца моего ребенка—я ревновать не стану. Я буду его просто презирать, потому что буду смотрѣть на его увлеченіе какъ на распущенность. У такого человѣка нѣтъ силы воли, нѣтъ способности взять себя въ руки, и такого человѣка нельзя ревновать, но можно презирать. По моему, съ измѣнившимъ мужемъ не можетъ быть примиренія, а только разрывъ, совершенный, окончательный... А ты говоришь о ревности! Къ кому я его должна ревновать?—подходя къ Таисѣ Николаевнѣ и смотря ей прямо въ глаза, спросила она.—Къ тебѣ?

Таиса Николаевна выдержала ея взглядъ. Ея злобная душа волновалась и кипѣла.

Въ вопросѣ Ирины, сказанномъ такимъ простымъ, естественнымъ тономъ, было столько чувствовавшагося презрѣнія, столько неуваженія, что кровь ударила въ голову Таисѣ.

— Ко мнѣ? Отчего нѣтъ?—сказала она, и торжествующая улыбка легла на ея еще больше поблѣднѣвшее лицо. Кровь, прихлынувшая къ ея щекамъ, уже отлила, и теперь на ея безкровномъ лицѣ, какъ два угля, злобно сверкали глаза.—Отчего нѣтъ?—повторила она съ вызовомъ въ голосѣ, какъ бы желая все поставить на одну карту.—Я некрасива, ты хочешь сказать? Я не умна? Но развѣ мужчинѣ все это нужно? Развѣ мы не видимъ мужчинъ, бросающихъ красавицъ-женъ ради уродовъ, неизвѣстно чѣмъ привлекшихъ ихъ? Но, прости меня, Ирина, ты—не такая ужъ красавица, и я, право, не такой ужъ неестественный уродъ.

— Слѣдовательно?... — скрестивъ на груди руки, спросила Ирина Львовна.

— Слѣдовательно, ничего невѣроятнаго не было бы въ томъ, еслибы твой мужъ влюбился въ меня.

— И ты хочешь этимъ сказать?..

— Ахъ, да ничего я не хочу сказать! Оставимъ этотъ нелѣпый разговоръ, пожалуйста.

— Нѣтъ, нѣтъ, разговоръ очень интересный. Я его не оставлю. Итакъ, мой мужъ любитъ тебя?—вся дрожа внутренней дрожью, проговорила Ирина.

Таиса Николаевна поняла, что зашла слишкомъ далеко, и начала отступленіе.

— Да ничего подобнаго я не говорила!—возразила она съ гнѣвомъ.—Отстань отъ меня, ради Бога. Ты нездорова или разстроена. Что твой мужъ ухаживаетъ немного за мною, это вѣрно. Но отсюда до любви... Ахъ, да бросимъ, ради Бога, этотъ глупый и пошлый разговоръ! И вообще, успокойся: твой мужъ никого любить не можетъ! Ни меня, ни другую, ни даже... тебя.

— Что ты говоришь, Таиса? Это, право, черезчуръ!

— Я говорю не больше того, что ты мнѣ говоришь.

— Ты такъ увѣрена, что онъ меня не любитъ?

— Увѣрена.

— Потрудись объяснить.

— О, пожалуйста, безъ этого повелительнаго тона. Я въ этомъ невиновата и, вообще, никого не боюсь. И я вовсе не имѣю желанія съ тобой ссориться. Ты—моя старая подруга, и я очень цѣню дружескія отношенія. Если я это сказала, то такъ, просто, теоретически.

— Но у тебя были же какія-нибудь основанія?

— Само собой.

— Какія же? Скажи.

— Ты упряма какъ капризный ребенокъ.

— Пускай, а ты, все-таки, скажи.

Обѣ теперь уже успокоились и обѣ сѣли въ прежнихъ позахъ на свои мѣста.

Ирина Львовна была еще красная отъ пережитого волненія, Таиса Николаевна, какъ всегда—сѣро-блѣдная. Разгорѣвшіяся было на одну минуту страсти какъ-то разомъ упали.

Таиса Николаевна спокойно сказала:

— Вѣдь это только мое предположеніе. Ты знаешь, я не читаю ученыхъ трактатовъ и психологіей не занимаюсь. Я легко могу ошибиться.

— Хорошо, хорошо; но думаешь же ты почему-нибудь, что онъ меня не любитъ?

— Да потому, что вы не пара. Развѣ ты сама этого не знаешь?

— То-есть, почему—не пара? Я не знаю.

— Онъ — ледъ, ты — огонь. Ледъ и огонь — естественные враги. Ты — нервная, капризная, подвижная; онъ — здоровый, разсудительный, спокойный. Онъ на тебя смотритъ какъ на ребенка.

— Это послѣ десяти лѣтъ супружества?!

— Ну, смотрѣлъ. И, можетъ быть, въ первое время ему еще не надоѣло возиться съ тобой и потакать твоимъ фантазіямъ... А теперь онъ всему на свѣтѣ предпочитаетъ покой...

— Какъ ты хорошо знаешь моего мужа!—насмѣшливымъ голосомъ сказала Ирина Львовна. — Человѣкъ, который ищетъ покоя, не станетъ ухаживать за чужой женщиной,—а вѣдь ты сама призналась, что онъ ухаживаетъ за тобой.

— Что жъ такое! Покой—не схимничество. Потому и ухаживаетъ, что это покойно и удобно, тутъ же въ комнатѣ,—ему стоитъ только перейти изъ кабинета въ гостиную.

Она засмѣялась звонко, искусственно-весело, желая разсѣять послѣднее непріятное впечатлѣніе, которое могло остаться на душѣ Ирины и запереть ей двери ея квартиры.

— Нѣтъ, что̀ хочешь, а Владиміръ Викторовичъ не похожъ на героя романа!—проговорила она сквозь смѣхъ.—По крайней мѣрѣ, на героя *моего* романа.

„Скажите, какія несоразмѣрныя претензіи!“—подумала Ирина Львовна, словно обижаясь за своего мужа и удивляясь самомнѣнію Таисы.—Ты такъ себя высоко цѣнишь?—не удержалась Ирина Львовна.

— Во всякомъ случаѣ выше, чѣмъ ты меня...

VI.

Длинный и тоскливый зимній вечеръ.

Въ квартирѣ Загоровскихъ—тупое безмолвіе; Володя и прислуга спятъ; гдѣ-то за стѣной, въ сосѣдней квартирѣ, глухо раздаются звуки рояля, прекрасные звуки Шопеновскаго „Этюда“ въ темпѣ быстраго allegro; играетъ, очевидно, консерваторка, играетъ съ оттѣнками, съ чувствомъ.

Ирина Львовна сразу узнаетъ эту чудную вещь, потому что сама ее часто играла, когда мужъ любилъ ее и дѣлалъ видъ, что любитъ и музыку.

Потомъ за стѣной раздается унылая элегія Грига. Отъ нея вѣетъ холодомъ и грустью темной норвежской ночи. Звуки словно стынутъ въ морозномъ воздухѣ, стремясь вверхъ, къ звѣздамъ на ясномъ и прозрачномъ сѣверномъ небѣ.

И эту вещь когда-то играла Ирина Львовна, и играла не хуже этой консерваторки, и мужъ дѣлалъ видъ, что понимаетъ Григовскую музыку и восторгается ею, наравнѣ съ исполнительницей.

Давно это было!..

Тогда онъ любилъ все, что она любила; теперь онъ иронически относится ко всему, что она любитъ. Грустно это; грустно, что такъ нелѣпо складывается жизнь; что не люди руководятъ жизнью, а жизнь — людьми; грустно, что прошлое не возвращается, что надъ человѣкомъ царитъ трагизмъ безволія, не дающій ему возможности твердо вооружиться противъ соблазна; что соблазнъ является особенно интенсивнымъ въ русской культурной жизни, потому что въ этой жизни господствуетъ мертвящая душу тоска; потому что человѣкъ отрѣшенъ отъ дѣятельнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, а обреченъ копошиться въ своихъ служебныхъ, частныхъ и семейныхъ дѣлахъ; по неволѣ кругозоръ его съуживается, избытокъ силъ не находитъ примѣненія и расходуется непроизводительно.

Скука жизни внѣдряется въ существованіе мужчины; семейный очагъ не удовлетворяетъ его больше; монотонная служба претитъ ему, какъ всегда претитъ исполнительная, а не созидательная работа.

И человѣкъ начинаетъ искать отвлекающихъ средствъ... и находитъ ихъ въ лицѣ какой-нибудь бабенки, которая случайно приглянулась ему, въ извѣстный моментъ, больше жены.

Начинается романъ,—не романъ во французскомъ духѣ, игри-

вый, пустой и легкій, съ короткими свиданіями въ какомъ-нибудь garçonnière'ѣ, скоро возникающій и еще скорѣе кончающійся, а романъ въ русскомъ духѣ, гдѣ все серьезно, трагично и печально; романъ, въ которомъ играетъ бо̀льшую роль протестъ противъ шаблона жизни, вызовъ буржуазному общественному мнѣнію, романъ „на зло“ тѣмъ тискамъ, которые обычай установилъ въ формѣ неразрывнаго или, по крайней мѣрѣ, трудно разрываемаго брака.

Этотъ бракъ не удовлетворяетъ больше людей. Какъ все, что̀ налагаетъ тяжелыя цѣпи, онъ становится невыносимъ, не столько даже отъ самой тяжести цѣпей, сколько отъ тяжелаго сознанія, что ихъ носишь. Еслибы русскій мужчина имѣлъ возможность играть политическую и общественную роль въ своей странѣ, онъ былъ бы болѣе убѣжденнымъ семьяниномъ, потому что у него было бы больше настоящаго, живого дѣла и меньше времени, котораго некуда дѣвать, и силъ, которыя некуда расходовать.

Адюльтеръ въ русской жизни играетъ роль тяжелаго опьяненія, страстнаго порыва, дающаго возможность уйти отъ монотонной и скучной дѣйствительности жизни.

Такъ думала Ирина Львовна, прислушиваясь къ звукамъ за стѣной, которые одни нарушали тяжелое безмолвіе квартиры.

Гулко пробили въ это время часы въ столовой, медленнымъ, густымъ боемъ.

Она очнулась.

На улицѣ возилась метель и вьюга; въ трубѣ жалобно и уныло завывалъ вѣтеръ, какъ будто въ ней была заключена тоскующая по волѣ чья-то душа. Гдѣ-то заскреблась мышь. Фонари на улицѣ горѣли тускло, и пламя ихъ, колеблемое вѣтромъ, то разгоралось, то готово было погаснуть, и вздрагивало, словно отъ невыносимой боли. Тяжелыя тучи мчались по ясному небу на перегонки, догоняя другъ друга, наскакивая одна на другую, сбиваясь въ кучи, и мелкій, острый, морозный снѣгъ косо билъ въ окна, изъ которыхъ въ комнаты проникали, казалось, ледяныя струйки.

Жутко и неуютно было на улицѣ; тихо и скучно было въ комнатѣ; темно и безпорядочно—на душѣ.

Вотъ мужъ Ирины Львовны сидитъ угрюмый на диванѣ, заложивъ нога на ногу и обнявъ колѣни руками; это его всегдашняя поза, когда онъ чѣмъ-нибудь разстроенъ.

Думая о немъ, она не называетъ его теперь иначе какъ „мужемъ“; прежде она называла его въ своихъ думахъ Воло-

дей, Волей, Владиміромъ; но теперь ей кажутся эти имена неудобными; она избѣгаетъ даже мысленно произносить ихъ, а въ разговорѣ съ нимъ не употребляетъ ихъ вовсе, стараясь обойтись безличной формой.

Она искоса поглядываетъ на него.

Удивительно, какимъ чужимъ сталъ онъ ей теперь! Словно сидитъ въ ея будуарѣ не Володя, не мужъ, а посторонній мужчина, угрюмый и мрачный какъ преступникъ.

Теперь ему за сорокъ лѣтъ. Она смотритъ на его сѣдую почти голову, на его утомленные красивые глаза, на его ротъ, удивительно постарѣвшій за послѣднее время и утерявшій свѣжесть, на его закрученные кверху усы, взъерошенные на концахъ, на его остроконечную бородку, на его согнувшуюся фигуру и, наконецъ, на тотъ огонекъ счастья, который свѣтится, какъ сквозь туманную дымку, въ глубинѣ его утомленнаго взора.

На высокомъ лбу его легли новыя морщины, и мелкія морщинки окружаютъ его темные глаза. Да, онъ ужъ не молодъ; русскіе мужчины старѣютъ рано, старѣютъ физически и духовно. И онъ, мужъ ея, быстро постарѣлъ, какъ-то сразу, за одну эту зиму.

Да, несомнѣнно, онъ влюбленъ. Это какъ-то грустно и смѣшно въ его солидномъ возрастѣ; это какъ-то принижаетъ его — по крайней мѣрѣ въ ея глазахъ. Онъ дѣлается ей „жалкимъ“, и она чувствуетъ, какъ эта не жалость, а „жалкость“,—если есть такое слово,—ростетъ въ ея оскорбленной душѣ и вытѣсняетъ изъ нея чувство любви къ нему, которое таетъ и словно испаряется.

У него было большое прошлое. Она это знала, когда выходила за него замужъ. Екатерина Васильевна всегда была противъ этого брака и недолюбливала Владиміра за его прошлое, которое самъ Владиміръ всегда горячо отрицалъ.

Въ его прошломъ было много увлеченій, по словамъ тети. Иринѣ были извѣстны эти увлеченія, съ ея же словъ. За границей онъ имѣлъ романъ съ женой одного русскаго профессора; профессоръ развелся съ женой ради него, но онъ скоро разошелся съ этой любившей его женщиной и оставилъ ее съ ребенкомъ на рукахъ. Она была съ самостоятельными средствами, и потому отказалась отъ всякихъ пособій съ его стороны и вернулась разводкой, съ ребенкомъ, къ родителямъ въ провинціальный городъ, гдѣ не легко ей было, конечно, жить въ такомъ положеніи.

У него былъ и другой романъ, съ драматической артисткой, когда онъ служилъ въ провинціи. Когда онъ разошелся съ нею, она преслѣдовала его письмами, грубыми, оскорбительными, рѣзкими, потомъ отравлялась, но спаслась; потомъ оставила его, наконецъ, въ покоѣ, и ей неизвѣстно, куда она исчезла.

Были у него и еще романы—съ свѣтской барыней въ Петербургѣ, которая назначала ему свиданія въ маскарадахъ и ловила его; съ танцовщицей, которая сама бросила его.

Однимъ словомъ, богатое прошлое. Тетя Екатерина Васильевна, съ обычной своей рѣзкостью шестидесяти-пяти-лѣтней умной старухи, называла его Романистъ Ферлакуровичъ и постоянно говорила, что не довѣряетъ ему.

Но все это было давно. И было ли еще? И если было, то въ такихъ ли размѣрахъ, какъ разсказываетъ тетя? Тогда онъ былъ молодъ, и многое у мужчинъ принято извинять молодостью. Даже выработаны на этотъ счетъ удобныя, якобы объясняющія и все извиняющія словечки: „ошибки молодости“, „грѣхи молодости“ и даже не грѣхи, а „грѣшки“—понѣжнѣе. А то еще—„быль молодцу не укора“. Но еслибы такое богатое прошлое было у барышни, никто, даже самый „либеральный“, по своимъ убѣжденіямъ человѣкъ не извинилъ бы такую дѣвицу удобнымъ словечкомъ „грѣшки молодости“, а бросилъ бы въ нее камнемъ суроваго осужденія.

Теперь Владиміръ Викторовичъ—солидный архитекторъ на хорошей дорогѣ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ женился на Иринѣ Львовнѣ, онъ точно остепенился. Тетя Екатерина Васильевна не вѣрила въ это остепененіе. Она почему-то все назначала сроки.

— Вотъ, погоди, дай пройти три года,—говорила она.

— А посмотримъ, какъ-то онъ выдержитъ пять лѣтъ?

Но прошло три года, прошло и пять лѣтъ, прошло, наконецъ, и десять.

Ирина Львовна торжествовала; Екатерина Васильевна словно сердилась за неосуществленіе ея мрачныхъ предсказаній и все пророчествовала недоброе.

— Погоди радоваться-то,—говорила она племянницѣ.

— До какихъ же поръ ждать?—улыбаясь, спрашивала Ирина Львовна.

— А до перваго его кабріоля.

— Да когда же это будетъ?

— Этого, мать моя, не знаю. Я не Пиѳія на треножникѣ. А только подозрителенъ онъ мнѣ, твой муженекъ.

— Да чѣмъ же онъ подозрителенъ?

— А всѣмъ. Красивъ больно. До сорока съ хвостомъ прожилъ, а красивъ, это нечего сказать.

— Но въ этомъ-то онъ не виноватъ,—смѣялась Ирина.

— И въ этомъ виноватъ. Больно ухаживаетъ за собой да чепурится. Усы-то какъ взлохмачиваетъ, словно котъ на заборѣ. Галстухи покупаетъ ума-помраченіе. И сюртукъ-то у него не сюртукъ, а чудо искусства, и сапоги у него словно индѣйскія пирóги. И въ глазахъ—нѣчто. Ни одну женщину не пропуститъ на улицѣ, чтобы не обглядѣть съ ногъ до головы. Подозрителенъ онъ мнѣ, подозрителенъ.

— Ну, тетя Катя, вы всегда его подозрѣваете! Десять лѣтъ подозрѣваете.

— И двадцать буду!

— Ну, ему тогда будетъ за шестьдесятъ. Этакъ и васъ можно заподозрить.

Старушка сердилась.

— Меня нечего подозрѣвать!—кричала она.—Не смѣй говорить такихъ глупостей! Я — женщина праведной жизни. Не даромъ покойная сестра мнѣ тебя довѣрила. Я, какъ овдовѣла въ молодыхъ годахъ, ни на одного мужчину не взглянула. Довольно и одного было! Всѣ они изъ одного тѣста сдѣланы. Натерпѣлась и я отъ своего-то. А ежели что и говорятъ про Ермолина, такъ это вздоръ! А голыхъ женщинъ зачѣмъ онъ покупаетъ?—вдругъ озлобленно кричала она.

— Кто?—удивилась Ирина.

— Кто — извѣстно, твой-то. Тьфу! Срамъ въ кабинетъ его войти. И чернильница — голая женщина, и пепельница—голая женщина! И на стѣнахъ-то обнаженіе, и въ любую книгу загляни—обнаженіе, и книжный ножъ возьми—вакханка голоногая, и на пресспапье взгляни—сирена гологрудая. Тьфу!.. Не кабинетъ, а баня какая-то. И диви бы женщины во всемъ сложеніи, а то гады какіе-то, не то змѣи, не то чудища. У одной—волосы путаются до ногъ, другая — безбокая, какъ кишка пожарная; третья—такимъ кольцомъ изогнулась, что и акробатъ въ циркѣ такъ не согнется. И все рыжія да зеленыя, какихъ и на свѣтѣ-то нѣтъ. Тьфу! Одно слово—гадость! Баня не баня и звѣринецъ—не звѣринецъ, а такъ, какое-то извращеніе. Развѣ солидный мужчина, мужъ и отецъ, дозволитъ себѣ этакое... этакую вольность? Срамъ! Вѣдь ребенокъ можетъ войти въ кабинетъ и увидѣть этихъ фіолетовыхъ гадовъ. Да что! Булавку въ галстухѣ—и то какую-то сирену зеленую выдумалъ! Ну, гдѣ это видано, чтобы

носить на себѣ голую женщину, да еще зеленаго цвѣта, словно лягушку?

Ирина хохотала, слушая эти жалобы.

— Ну, тетечка! Это теперь такая мода. Art nouveau называется.

— Я и говорю—модный онъ очень человѣкъ-то. А и какъ бы ни назвать пакость—она все пакостью останется. Да и кто этотъ твой „art"-то выдумалъ?.. Мужчины же. А для чего? Все для униженія женщинъ. Ненависть у нихъ въ душѣ къ намъ. А ничего сдѣлать-то съ нами не могутъ. Да и безъ насъ имъ не прожить. Вотъ они и выдумали насъ сдѣлать фіолетовыми да зелеными, въ родѣ какъ бы насмѣшки. Гадость, одна гадость, и не говори мнѣ ты объ этомъ паскудствѣ! Развѣ мужъ, уважающій свою жену, повѣсилъ бы у себя зеленую женщину, да еще въ видѣ какого-то обруча?

Иногда отъ этихъ разговоровъ Ирина впадала въ тоску.

— Вотъ вы меня любите, тетя, а говорите мнѣ все самыя непріятныя вещи. И что вамъ за охота, право, меня разстроивать?

— Вотъ что выдумала!—ворчала старуха.—Фортепьяно ты старое, что-ли, чтобы тебѣ разстроиваться? Да и я не тапёръ, Богъ миловалъ. А говорю, тебя любя, и то, что думаю. Для твоей же пользы: имѣй глазъ да глазъ.

— Вы говорите такъ, потому что сами были несчастны въ бракѣ.

— И была. И всегда скажу, что была. Кутила, мотъ и пьяница былъ мужъ-то, даромъ что благородной крови. А только я никогда его не покрывала: такъ всѣмъ и говорила—пьяница-то мой сдѣлалъ то-то и то-то. Мотыга мой опять проигрался въ пухъ. А вы, нынѣшнія, все покрываете своихъ муженьковъ любезныхъ.

— Да что же мнѣ говорить, если мой мужъ не мотъ и не пьяница?

— А то и говори: мой-то ферлакуръ опять зеленую женщину безо всего купилъ да на столъ у себя и выставилъ. Вотъ и всѣ будутъ знать ему настоящую цѣну, и лишатъ своего уваженія.

— Ну, за это не лишаютъ людей уваженія, и развѣ это такъ важно, чтобы жена заботилась о лишеніи общественнаго уваженія своего мужа?

— Ну, съ тобой не сговоришь! Трудно мнѣ съ тобой говорить. Ты — молода, я — старуха. И понятія у насъ разныя, и языки разные. Сильная ты женщина, вижу. Десять лѣтъ съ та-

кимъ муженькомъ протрубила. Видно, и вправду въ тебѣ магнитъ такой есть, что до сихъ поръ не брыкнулся онъ. А впрочемъ, кто жъ его знаетъ, какъ онъ ведетъ себя?

— Я знаю,—гордо отвѣчала Ирина.

— Ну, и слава Богу, и дальше того же тебѣ желаю. А какъ закабріолитъ, ко мнѣ же придешь плакаться. Погубятъ его эти лиловыя сирены да вакханки: воображеніе онѣ развращаютъ, вотъ что...

VII.

И вотъ, настало время, напророченное Екатериной Васильевной.

Ирина Львовна сидѣла въ будуарѣ, противъ своего хмураго и насупившагося мужа.

Она припоминала слова тетки. Все такъ и вышло, какъ говорила Екатерина Васильевна. Не помогли ни десять лѣтъ совмѣстной жизни, ни ея привязанность къ мужу, ни фактъ наличности ребенка.

Словно и вправду погубили Владиміра Викторовича его выкрученныя въ разныхъ позахъ зеленыя женщины; словно одна изъ этихъ тонкихъ, какъ змѣя, безбокихъ сиренъ сошла съ пресспапье его письменнаго стола и воплотилась въ жизнь въ лицѣ этой Таисы...

И Таиса внѣдрилась въ ихъ жизнь, инкрустировалась въ ней, стала элементомъ, безъ котораго и жизнь казалась не жизнью Владиміру Викторовичу.

Какъ Ирина Львовна ни старалась закрывать глаза на то, что происходитъ передъ нею, какъ ни призывала на помощь всю свою гордость, какъ ни увѣряла себя, что ревновать—позорно и недостойно, она ревновала и ревновала несомнѣнно.

Таиса Николаевна бывала теперь у нихъ ежедневно, съ яснымъ челомъ, съ улыбающейся счастливой физіономіей, словно не замѣчая ледяной холодности Ирины, совершенно игнорируя ее какъ хозяйку дома, какъ жену Владиміра Викторовича. У нея былъ удивительный апломбъ, возмущавшій до глубины души Ирину Львовну, и нужна была вся ея воспитанность и сдержанность, чтобы не произвести некрасиваго, вульгарнаго и грубаго скандала.

И когда бывала у нихъ Таиса, Владиміръ Викторовичъ преображался. Онъ былъ веселъ, радостенъ, оживленъ; болталъ безъ умолку, хотя съ Таисой не о чемъ было болтать, потому что

она ничѣмъ не интересовалась, ничего не любила, ни въ чемъ не понимала толку.

Она умѣла говорить объ обстановкѣ квартиры, о платьяхъ, о прелестяхъ заграничной жизни, о погодѣ. Это былъ весь ея репертуаръ. Любила она еще говорить о знакомыхъ, но всегда въ озлобленномъ, раздраженномъ тонѣ, и Ирина Львовна ни разу не слыхала изъ ея тонкихъ устъ ни одной похвалы, ни одного благопріятнаго отзыва о комъ бы то ни было.

Но, страннымъ образомъ, Владиміръ Викторовичъ находилъ прелесть и интересъ въ ея болтовнѣ.

Въ ея присутствіи онъ даже становился милъ и любезенъ къ женѣ и оказывалъ ей вниманіе, какъ посторонній человѣкъ хорошо знакомой дамѣ, сидя съ ней въ чужой гостиной.

И это больше всего оскорбляло ее.

Положительно, они оба считали ее какимъ-то неизбѣжнымъ и ненужнымъ придаткомъ къ ихъ обществу.

О Володѣ Владиміръ Викторовичъ совершенно забылъ.

Мальчикъ видимо стѣснялъ его, и не разъ онъ грубовато выпроваживалъ его изъ комнаты:

— Ну, что ты ротъ разинулъ? Иди къ себѣ и подзубри уроки.

— Я ихъ уже знаю, папа.

— Ты всегда знаешь, а приносишь единицы.

— Это потому, что несправедливо...

— Ну, пожалуйста, помолчи и, сдѣлай милость, убирайся,— рѣзко говорилъ отецъ, и сконфуженный Володя медленно, какъ бы стараясь передъ чужой тетей сохранить попранное достоинство, выбирался изъ комнаты.

Онъ никогда не питалъ нѣжности къ отцу, который былъ съ нимъ всегда суховатъ. Но теперь въ нѣжное сердце ребенка, требующее ласки какъ пищи, закрадывалось недоброе чувство къ этому человѣку, который, по какому-то недоразумѣнію, носилъ званіе его отца и былъ для него гораздо болѣе чужимъ, чѣмъ самый чужой „дядя“.

Въ такія минуты сердце Ирины Львовны мучительно страдало. Оно больно сжималось, физически больно, и словно обливалось кровью.

Въ послѣднее время съ нею стали дѣлаться жестокіе сердечные припадки, требовавшіе экстреннаго призыва врача.

Продолжительными длинными вечерами сидѣла она теперь одна дома, покинутая, заброшенная, одинокая; уныло умащивалась она на кушеткѣ подъ электрической лампочкой и читала

до умопомраченія. И хорошо еще, когда читалось; но бывали вечера, когда строчки мучительно мелькали передъ ея наплаканными, вспухшими глазами и рѣшительно не проникали въ ея сознаніе.

Иногда, пользуясь отсутствіемъ мужа, она садилась за рояль и играла часами.

Звуки лились изъ-подъ ея тонкихъ, длинныхъ и блѣдныхъ пальцевъ и наполняли мольбой и жалобой комнату.

И горько-горько стонали подъ ея пальцами струны рояля, въ унисонъ со струнами ея больной души. И тяжелыя, крупныя, горячія слезы, словно минорныя ноты, падали изъ ея глазъ на клавиши.

Музыка—мать слезъ. А слезы всегда приносятъ успокоеніе взволнованной и омраченной душѣ. Еслибы не было мелодіи, слезъ и вздоховъ—человѣческое горе было бы невыносимо.

Часто, оборвавъ пьесу на серединѣ, Ирина никла своей бѣлокурой головой, бралась за нее обѣими руками и тихо-тихо, какъ отъ ноющей боли, страдала. Страстно обнимала она иногда Володю, въ порывѣ настоящаго отчаянія.

Она могла бы поѣхать къ теткѣ, которая ее горячо любила,—она знала это,—но жившая еще въ ея душѣ гордость мѣшала ей сдѣлать это. И она рѣшила страдать одиноко и гордо, пока хватитъ силъ, пока выдержитъ сердце.

Вдвоемъ съ мужемъ ей теперь никогда не удавалось оставаться. Если у нихъ не „торчала“ Таиса, то и мужа не было дома. Онъ всегда находилъ удобный предлогъ исчезать. Являлся онъ поздно, вѣчно взволнованный, или разстроенный, или не въ духѣ.

И когда являлся домой, то здоровался съ ней торопливо, ссылался на головную боль или усталость, избѣгалъ поцѣлуевъ, никогда не замѣчалъ ея покраснѣвшихъ отъ слезъ глазъ, ея убитаго вида, и подъ предлогомъ, что надо завтра рано вставать, уходилъ къ себѣ.

Только разъ, подъѣзжая къ дому, послѣ того какъ онъ проводилъ изъ театра Таису, Владиміръ Викторовичъ съ удивленіемъ увидѣлъ въ окнахъ будуара Ирины яркій свѣтъ.

Это его нѣсколько встревожило; Ирина въ этотъ часъ обыкновенно спала, и часъ-то былъ уже очень поздній.

Владиміръ Викторовичъ быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ и отворилъ дверь квартиры американскимъ ключомъ.

Онъ чувствовалъ что-то недоброе и, снявъ съ себя шубу,

бросился въ будуаръ, откуда слышались сдержанные голоса и какая-то возня.

VIII.

Владиміръ Викторовичъ засталъ картину, поразившую его.

На кушеткѣ, съ разстегнутымъ воротомъ, распущенными завязками юбокъ, лежала Ирина, блѣдная какъ полотно, съ синеватыми кругами подъ глазами, которые были закрыты. Блѣдныя руки ея безпомощно свѣсились съ кушетки и тонкіе пальцы ихъ почти касались ковра.

Въ комнатѣ пахло эѳиромъ или какимъ-то другимъ лекарствомъ; около жены его суетилась горничная Паша и еще какой-то господинъ, котораго онъ не узналъ сразу.

Это былъ Карелиновъ, другъ дѣтства Ирины, котораго Владиміръ Викторовичъ видѣлъ раза два у Екатерины Васильевны, лѣтъ десять тому назадъ, до выхода замужъ Ирины.

Тогда это былъ студентъ медицинской академіи, теперь врачъ въ томъ губернскомъ городѣ, гдѣ у Ирины былъ домъ.

И въ глазахъ Паши, высокой, стройной дѣвушки съ умнымъ лицомъ, и въ сѣрыхъ, строгихъ глазахъ Карелинова Владиміръ Викторовичъ прочелъ себѣ безмолвное и презрительное осужденіе.

— Что случилось?—взволнованнымъ голосомъ спросилъ онъ, ни къ кому не обращаясь и чувствуя себя смущеннымъ.—Паша, что такое?

Къ нему быстро подошелъ Карелиновъ.

— Пожалуйста тише. Ирина Львовна больна. Паша,—обратился онъ къ горничной шопотомъ,—пошлите сейчасъ же этотъ рецептъ въ аптеку; я написалъ на немъ: „statim“,—лекарство отпустятъ сейчасъ же.

Онъ говорилъ спокойно, не волнуясь, пониженнымъ голосомъ.

— Сами побудьте при барынѣ, пока она не проснется. А какъ проснется, дайте мнѣ знать.

И онъ, словно не обращая вниманія на Владиміра Викторовича, прошелъ въ гостиную.

— Вы меня врядъ ли помните,—сказалъ онъ, обращаясь къ хозяину дома, сухимъ и непріязненнымъ тономъ. Я—Карелиновъ, Михаилъ Ниловичъ, старый другъ дома вашей супруги, и гостилъ часто въ ихъ имѣньи...

— Да, да, какъ же! Она говорила, и мы съ вами встрѣчались у... Екатерины Васильевны. Но, ради Бога, что такое случилось съ Ири... съ женой?

— Случилось очень скверное,—все тѣмъ же сухимъ и холоднымъ тономъ серьезно проговорилъ Карелиновъ.—Грандіозный сердечный припадокъ.

— Это—опасно?

— Я думаю, что это опасно,—насмѣшливо отвѣтилъ врачъ.—Сейчасъ непосредственной опасности нѣтъ. Но если это будетъ повторяться... можетъ быть скверно.

— Но отчего?

— Что—отчего?

— Отчего же это случилось? Жена никогда не болѣла...

Карелиновъ развелъ руками.

— Вамъ, вѣроятно, лучше знать, отчего это случилось,—насмѣшливо сказалъ онъ.

— Мнѣ?

— Ну, да, да,—твердо и раздраженно проговорилъ онъ,—вамъ, кому же больше?

И онъ началъ разсказывать, что именно произошло, не давая времени Владиміру Викторовичу что-нибудь возразить:

— Я, два дня тому назадъ, пріѣхалъ сюда на врачебный съѣздъ. Естественно, что я вспомнилъ объ Иринѣ Львовнѣ и захотѣлъ ее провѣдать. Я пріѣхалъ къ вамъ послѣ засѣданія, довольно поздно вечеромъ, на правахъ старой дружбы съ Ириной Львовной; я засталъ ее у рояля горько плачущей, въ самой жалкой, безпомощной позѣ. Я былъ очень пораженъ. Она мнѣ обрадовалась какъ другу, вытерла слезы и старалась казаться веселой. Вы, должно быть, знаете ея гордое самолюбіе? Но она не выдержала, стала разсказывать о своей... простите меня, неудачной жизни, и съ ней сдѣлался этотъ припадокъ. Хотѣли послать за вами, потому что ей было очень плохо, и не будь меня здѣсь, я не знаю, чѣмъ бы это кончилось.

— Благодарю васъ.

— О, нѣтъ, не благодарите. Я сдѣлалъ, что долженъ былъ сдѣлать какъ врачъ и другъ. Дальнѣйшее зависитъ не отъ меня, а отъ васъ... За вами не послали, потому что неизвѣстно, гдѣ вы были. Теперь мнѣ удалось вызвать сонъ у Ирины Львовны, и это ее успокоитъ. Мы можемъ съ вами поговорить пока, если вы никуда не торопитесь въ этотъ часъ.

Владиміру Викторовичу не нравился рѣзкій тонъ Карелинова, потому что въ каждомъ словѣ его слышалось осужденіе.

— Куда же я могу торопиться во второмъ часу ночи?—грубовато спросилъ онъ.

— Тѣмъ лучше. Я тоже никуда не тороплюсь. А потому

позвольте вамъ сказать два слова: вамъ необходимо измѣнить образъ жизни.

— Мнѣ?!—съ удивленіемъ вскрикнулъ Владиміръ Викторовичъ.

— Пожалуйста, не кричите такъ!—рѣзко остановилъ его Карелиновъ.—Да, вамъ.

— Но, извините меня,—возразилъ Владиміръ Викторовичъ,—мнѣ кажется, дѣло идетъ о моей женѣ, а не обо мнѣ. Я не нуждаюсь въ медицинскихъ совѣтахъ,—иронически прибавилъ онъ,—и, благодарю васъ, я совсѣмъ здоровъ.

Но Карелинова трудно было смутить чѣмъ-нибудь.

— Имѣю поводъ въ этомъ сомнѣваться,—спокойно отвѣтилъ онъ,—но въ данномъ случаѣ я нисколько и не заинтересованъ состояніемъ вашего здоровья. Тѣмъ не менѣе я повторяю и обязанъ это повторить,—во-первыхъ, какъ врачъ у постели больной, во-вторыхъ, какъ давній другъ паціентки,—что вамъ необходимо перемѣнить образъ жизни или систему вашего поведенія, что-ли.

Владиміра Викторовича взорвали эти слова Карелинова или даже не столько слова, сколько тонъ ихъ.

— Я давно окончилъ свое воспитаніе,—надменно отвѣтилъ онъ,—и такъ же не нуждаюсь въ совѣтахъ воспитателя, какъ и въ совѣтахъ врача.

— Въ первомъ тоже сомнѣваюсь,—спокойно замѣтилъ Карелиновъ и вдругъ заговорилъ тономъ, не допускающимъ возраженія:

— Оставимъ эти двусмысленности, недомолвки и иносказанія,—дѣловито началъ онъ.—Я человѣкъ не свѣтскій, и терпѣть не могу говорить обиняками и намеками. Я всегда и всѣмъ говорю правду.

— Даже паціентамъ?

— Вамъ угодно продолжать въ прежнемъ тонѣ?.. Но мнѣ неугодно это, и я за вами не послѣдую. Я говорю правду всѣмъ здоровымъ людямъ и говорю ее въ глаза и за глаза. Вы меня спрашиваете какъ врача: что̀ нужно для здоровья вашей жены? Я вамъ отвѣчаю: въ настоящую минуту лекарство; въ дальнѣйшемъ—никакая фармакологія ей не поможетъ, если у нея разовьется тяжелый недугъ. Вы спрашиваете—отчего это съ нею произошло? Я *обязанъ* вамъ отвѣтить: изъ-за вашего поведенія. Затѣмъ я продолжаю. Она глубоко несчастна въ своей супружеской жизни. Она ужасно страдаетъ отъ вашего увлеченія другой женщиной. Она слишкомъ много остается одна и переживаетъ одиноко свое горе. Одно изъ двухъ: или вы должны

вернуться къ женѣ и бросить свои похожденія; или она должна порвать съ вами окончательно и уѣхать отсюда; или еще третье: она должна помириться съ своей злосчастной долей и тяжко заболѣть. Вотъ три выхода. Вотъ вамъ діагнозъ и терапія. Я совѣтовалъ ей уѣхать, отдохнуть. Не знаю, исполнитъ ли она это. Я думаю, это былъ бы самый лучшій выходъ для нея и для васъ. Она получитъ успокоеніе, вы—свободу, которая вамъ, вѣроятно, нужна въ эту минуту. Вотъ все, что я могъ и долженъ былъ сказать. Повторяю: припадокъ ея былъ серьезный, и счастье еще, что Володя спалъ. Я не знаю, какъ это отразилось бы на мальчикѣ, котораго нужно же пощадить въ самомъ дѣлѣ...

Онъ замолчалъ и закурилъ папиросу.

Владиміръ Викторовичъ не ожидалъ такой рѣчи, не подготовился къ ней, былъ растерянъ и чувствовалъ себя прескверно.

Въ его душѣ происходило нѣчто до такой степени странное, что онъ не могъ разобраться въ своихъ чувствахъ.

Въ его воображеніи живо стояла картина будуара, съ лежащей на кушеткѣ женой, блѣдной, измѣнившейся ужасно и худой, похожей на трупъ; мучительная жалость къ этому существу, съ которымъ онъ прожилъ такъ долго, сосала его сердце, щемила его до ясно ощутимой физической боли; что-то въ родѣ суроваго осужденія самому себѣ, что то въ родѣ глубокаго раскаянія заползало въ его сознаніе.

И вмѣстѣ съ тѣмъ, по какой-то странной ассоціаціи идей, въ его воображеніи всплывалъ другой образъ женщины, раздражающій и почему-то соблазнительный; въ его ушахъ стоялъ ея голосъ—сухой и деревянный, но получившій, въ послѣднее время, для него особую прелесть. И ему жалко было разстаться съ этимъ образомъ, и онъ любилъ въ эту минуту жену, но его неудержимо тянуло къ Таисѣ. И ему жаль было бы вычеркнуть изъ своей жизни столько прочитанныхъ уже страницъ романа, быть можетъ, послѣдняго романа его жизни, потому что ему уже шелъ пятый десятокъ; жаль было бросить этотъ романъ, не дочитавъ его до конца...

Онъ стоялъ на распутьи.

— Мнѣ странно, что Ирина, всегда такая сдержанная, нашла возможнымъ посвятить въ свои неудовольствія и жалобы совершенно посторонняго, чужого человѣка.

Владиміръ Викторовичъ сознавалъ, что сказалъ глупость. Онъ хотѣлъ не то сказать. Ему совсѣмъ не хотѣлось говорить съ этимъ врачомъ, который сразу показался ему антипатичнымъ.

Но это сказалось какъ-то само собой, потому что онъ чувствовалъ, что надо что-нибудь сказать.

Карелиновъ потушилъ папиросу, выпрямился и спокойно отвѣтилъ:

— Это все, что вамъ подсказало сердце? Я говорилъ съ вами о важномъ, о единственно существенномъ — вы возражаете мнѣ пустяками. Это — во-первыхъ; а во-вторыхъ, — я вовсе не чужой человѣкъ Иринѣ Львовнѣ. Далеко нѣтъ. Я ее зналъ раньше васъ, я ее знаю съ дѣтства. И я глубоко уважаю и люблю ее какъ человѣка. Права старой дружбы, быть можетъ, не меньше правъ мужа, въ особенности *такого* мужа, какимъ имѣете несчастье быть вы.

Въ это время прибѣжала взволнованная Паша.

— Господинъ докторъ, барыня проснулись.

Владиміръ Викторовичъ нервно задвигался на креслѣ. Его все продолжали безпокоить пустяки: рѣшительно никто не обращаетъ на него вниманія; какъ будто онъ ни для кого не существуетъ въ домѣ. Зачѣмъ эта глупая Паша обратилась къ „господину доктору“, а не къ нему?

„Когда вы ко мнѣ заѣдете?“ — вдругъ прозвучалъ въ его ушахъ голосъ Таисы, ея послѣдняя фраза. — „Вы, кажется, стыдитесь нашей связи и конфузитесь показываться со мною въ публичныхъ мѣстахъ?“ — Онъ хотѣлъ оправдаться, поцѣловать у нея на прощанье руку, но она рѣзко вырвала ее отъ него и скрылась въ подъѣздѣ.

Онъ уѣхалъ, очень обезпокоенный этой неожиданной размолвкой, и пріѣхалъ домой мрачный. А дома его ожидалъ такой сюрпризъ.

Дѣйствительно, въ послѣднее время, слухи о его романѣ стали распространяться между друзьями, сослуживцами и знакомыми. Въ пріятельскихъ домахъ, гдѣ бывала Ирина, его стали принимать неохотно и суховато, въ особенности почтенныя дамы; пріятели дѣлали намеки и, какъ мужчины, относились одобрительно къ его романическому похожденію. Сослуживцы, съ которыми онъ не былъ никогда особенно близокъ, смотрѣли на него съ любопытствомъ. Екатерина Васильевна, къ которой онъ заѣхалъ со службы въ день ея рожденія, просто не приняла его, хотя у нея былъ полонъ домъ гостей. Даже Паша какъ-то конфузливо глядѣла на него и старалась избѣгать говорить съ нимъ.

И ему сдѣлалось не по себѣ, неудобно, стѣснительно.

Онъ чувствовалъ себя не въ такомъ возрастѣ, когда рома-

ническое похожденіе доставляетъ удовольствіе и когда хочется раструбить urbi et orbi о своей побѣдѣ. Этотъ романъ доставлялъ ему личное удовлетвореніе, имѣлъ и внутреннюю психологическую цѣнность, какъ живое доказательство того, что онъ еще не старикъ, что онъ можетъ и увлечь, и увлечься женщиной. Но онъ ревниво хотѣлъ сохранить этотъ романъ для себя, какъ рѣдкую книгу, съ большимъ трудомъ разысканную имъ, и вовсе не хотѣлъ давать читать ее другимъ, позволять любопытнымъ заглядывать въ нее.

Но Таиса Николаевна въ этомъ отношеніи не сошлась съ нимъ во взглядахъ. Ей хотѣлось афишировать этотъ романъ. Злобная по натурѣ и озлобленная потому, что была некрасивой и не успѣвшей выйти замужъ, она хотѣла прежде всего досадить Иринѣ, съ которой въ послѣднее время перестала видѣться, несмотря на то, что съ удивительнымъ апломбомъ продолжала посѣщать ея домъ. Но Ирина всегда тщательно скрывалась отъ нея и демонстративно не выходила къ ней.

Нѣсколько крупныхъ размолвокъ окончательно разъединили подругъ. Существеннаго въ ихъ жизни онѣ все еще не касались основнымъ образомъ, но о чемъ бы онѣ ни заговорили, всегда ихъ разговоры кончались рѣзкой размолвкой.

Романъ съ Загоровскимъ позировалъ Таису Николаевну, какъ всегда позируетъ некрасивую женщину ухаживанье красиваго и женатаго человѣка. Послѣ своего заграничнаго похожденія и послѣ увлеченія Загоровскаго ею, она уже перестала считать себя некрасивой. Она стала изысканнѣе и внимательнѣе одѣваться, придумала себѣ очень шедшую къ ней прическу и даже осторожно прибѣгала, въ экстренныхъ случаяхъ, къ заячьей лапкѣ и румянамъ Dorin.

И дѣйствительно, въ такомъ видѣ, въ ней было что-то пикантное, что-то troublant, по французской терминологіи, примѣняемой къ некрасивымъ женщинамъ.

Загоровскій пустилъ ее въ моду или, какъ говорятъ тѣ же французы, „лансировалъ“ ее. Какъ всегда это бываетъ, достаточно, чтобы одинъ красивый и занимающій извѣстное общественное положеніе мужчина обратилъ вниманіе на некрасивую женщину, какъ уже она начинаетъ нравиться другимъ, которые открываютъ въ ней все новыя и новыя достоинства, и она становится très demondée въ извѣстномъ кружкѣ.

Но всего этого было мало Таисѣ Николаевнѣ.

Она желала кое-чего бо́льшаго. Она затѣяла крупную игру.

Ей хотѣлось „взять“ окончательно Владиміра Викторовича, такъ или иначе закрѣпить его за собою.

И когда она увидѣла, что онъ колеблется, смущается, раздумываетъ надъ этимъ серьезнымъ и окончательнымъ шагомъ, она начинала подогрѣвать его чувство холодностью, сценами, пренебреженіемъ.

Карелиновъ быстро поднялся съ кресла и пошелъ въ будуаръ.

Владиміръ Викторовичъ съ тревогой на душѣ послѣдовалъ за нимъ.

Ирина Львовна лежала на кушеткѣ уже въ другой позѣ. Она проснулась. Все еще блѣдная, разслабленная, обезсиленная, она взглянула своими лучистыми большими сѣрыми глазами на вошедшихъ.

При видѣ мужа, слабый румянецъ заигралъ на ея щекахъ.

Она улыбнулась смущенной улыбкой и протянула мужу лѣвую руку.

Онъ съ искреннимъ, сердечнымъ порывомъ поцѣловалъ эту блѣдную, дрожавшую руку.

— Ахъ, что со мной было, Владиміръ!—сказала она тихо:—я чуть не умерла! Хорошо, что Володя спалъ. Я такъ ждала тебя!.. Такъ боялась умереть одна...

Карелиновъ налилъ лекарства въ ложку и заставилъ ее выпить.

Она грустно покачала головой.

— Это не поможетъ, милый,—сказала она.

Карелиновъ вышелъ изъ комнаты.

И какъ бы обращаясь за помощью къ мужу, она взяла его снова за руку и проговорила:

— Володя,—въ первый разъ за послѣднее время назвала она его такъ, и сердце его дрогнуло отъ боли,—скажи, родной, ты еще любишь меня немножко?

Онъ не узналъ своей гордой Ирины. Ни разу, за все время ихъ брака, она не задавала ему такого вопроса. Ни разу она не снисходила до выпрашиванія любви.

И онъ понялъ, что душа ея скорбитъ ужасно, если *она* задала этотъ вопросъ.

— Ира, милая!..—прошепталъ онъ, склоняясь къ ея рукѣ.

— Ты видишь, какая я стала больная, хилая... Я увѣрена, что еслибы не Михаилъ Ниловичъ, я бы умерла.

— Полно, голубушка, ну что ты, право...

— Нѣтъ, нѣтъ, я въ этомъ увѣрена. Такъ ты любишь меня еще? Ну, хоть капельку?..

И она взглянула на него своимъ уставшимъ, истомленнымъ, больнымъ, но все-таки прекраснымъ взглядомъ.

Онъ не могъ выдержать этого взгляда и опустилъ, подъ его лучами, глаза, какъ уличенный преступникъ.

— Конечно, Ира... Что за вопросъ!..

И въ глубинѣ его сознанія, гдѣ-то далеко, закопошилась гнусная мысль: „Завтра надо будетъ помириться съ Таисой".

IX.

И вотъ, давно ли это было?

Прошло всего двѣ недѣли, и теперь они сидятъ другъ противъ друга, послѣ ужасной сцены, смертельными врагами.

Остатокъ чувства окончательно вытравленъ изъ души Ирины Львовны.

Послѣ случившагося съ нею припадка, она точно переродилась, окрѣпла, взяла себя въ руки и стала уже открыто преслѣдовать мужа.

И самолюбіе ея словно подкосилось, рухнуло. Она унизила себя до выслѣживанья, гдѣ онъ бываетъ, когда видится съ Таисой.

Однажды, когда онъ поѣхалъ якобы на службу, она быстро одѣлась, взяла извозчика и отправилась за нимъ.

Онъ подъѣхалъ къ дому, гдѣ жила Таиса; она вернулась домой.

Онъ пріѣхалъ поздно, какъ всегда расшатанный, кислый, уставшій.

Она ему сдѣлала сцену. Наговорила столько оскорбительныхъ вещей, что, казалось, разрывъ сдѣлался неизбѣжнымъ. Кричала до потери голоса, до истерики, вытолкала его изъ своей комнаты.

— Замолчите! — злобнымъ шопотомъ, схвативъ ее за руку и крѣпко стиснувъ ее, сказалъ Владиміръ Викторовичъ.—Услышитъ прислуга.

— Прислуга все знаетъ. Всѣ *все* знаютъ. Пусть слышатъ, мнѣ нечего терять, мнѣ некого стѣсняться.

— Но я вовсе не хочу вмѣшивать въ свои домашнія дѣла прислугу. Наконецъ, вы Володю разбудите.

— И Володя все знаетъ, все!—истерически закричала она.— Мальчикъ уже не маленькій, и онъ осуждаетъ тебя! Сегодня

еще онъ сказалъ: „какой папа сталъ злой, онъ не любитъ насъ больше“... Уходи, я не могу тебя видѣть. Карелиновъ любитъ меня, я теперь признаюсь тебѣ въ этомъ, и я уйду, уйду отъ тебя; я уѣду съ нимъ, я буду счастлива, я хочу быть счастливой, хочу, хочу... Я не хочу позволить промѣнять меня на эту жалкую авантюристку. Да она мизинца моего не стоитъ...

Она говорила еще много. Она имѣла жалкій видъ человѣка, захлебывающагося волной и цѣпляющагося судорожными движеніями за ненадежныя щепки и доски.

Гордые порывы оскорбленной души смѣнялись унизительными увѣреніями, что ею увлеченъ тотъ или другой мужчина. Хотѣла ли она этимъ возбудить ревность въ мужѣ, или себя подбодрить—она и сама не знала, а страдала она ужасно.

Но теперь страданія ея уже не возбуждали въ душѣ Владиміра Викторовича ничего, кромѣ тупого озлобленія. Семейная жизнь, при такихъ условіяхъ, становилась невозможной.

Онъ уходилъ къ себѣ и запирался на ключъ.

А черезъ день, черезъ два нарождалась новая сцена.

Вотъ и сегодня тяжелая сцена только-что окончилась.

Оба чувствовали себя разбитыми, обезсиленными. Говорить, думать—больше не хотѣлось.

Молчаніе неожиданно затянулось и стало переходить тѣ границы, въ которыхъ его еще возможно было переносить; далѣе оно уже дѣлалось тяжкимъ, невыносимымъ, больнымъ. Нужно было придумать выходъ, фразу, хотя одно слово, чтобы нарушить это безмолвіе комнаты.

И какъ нарочно ничего болѣе не приходило на умъ Владиміру Викторовичу, точно все замерло въ его мысляхъ и сердцѣ.

И вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ чувствовалъ, какъ на днѣ его взбаломученной души накипаетъ нѣчто грозное, какъ готовится тотъ физическій порывъ гнѣва, которому Владиміръ Викторовичъ не находитъ, къ своему ужасу, другого выхода, какъ необходимость разбить первый подвернувшійся подъ руку предметъ.

Ему неудержимо хочется схватить за руку жену, стиснуть эту руку такъ, чтобы Ирина вскрикнула.

Онъ знаетъ, что звонъ или трескъ разбитой вещи или звукъ голоса нарушитъ это тяжкое безмолвіе, и что послѣ этого наступитъ реакція и хотя далекая, но все-таки надежда на кратковременное умиротвореніе.

Зачѣмъ ему нужно это умиротвореніе?

Такъ, ради малодушнаго палліатива; вѣдь онъ знаетъ теперь, что все безповоротно кончено: что Ирина уже никогда не проститъ его увлеченія; что гордая, самолюбивая душа ея уязвлена глубоко; что этой язвы никогда не залечить; что то счастье, которое онъ строилъ камень за камнемъ, зданіе, которое онъ выводилъ въ теченіе десяти лѣтъ, рухнуло теперь до основанія.

Быть можетъ, еслибы онъ рѣшился твердо и навсегда порвать съ Таисой, еще возможно было бы возведеніе новаго зданія на старыхъ развалинахъ.

Но у него не хватало рѣшимости ни на то, ни на другое.

Таиса предъявляла все больше и больше правъ; она становилась властной, требовательной, почти тиранкой; если бы онъ имѣлъ мужество порвать съ нею разомъ, рѣзко, безповоротно, то все-таки ему пришлось бы долго выводить новый фундаментъ и новый фасадъ для новаго зданія.

Онъ не чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ для этого. Энергія и воля его упали, выродились, и ему вспомнились слова Ирины, которыя она ему какъ-то сказала, въ самомъ началѣ всей ихъ исторіи:

— Бѣдный мой, бѣдный! Ты тоже мало виноватъ въ этомъ. Тебя взяли. Твоя сила воли оказалась меньше той.

Да, онъ испытывалъ на себѣ теперь этотъ трагизмъ безволія, о которомъ такъ умно говорила иногда его Ирина, этотъ трагизмъ безволія, свойственный у насъ большинству мужчинъ, обреченныхъ съ дѣтства всѣмъ режимомъ жизни, всѣмъ укладомъ ея, сложившимся вѣками, только подчиняться и исполнять чужую волю, оставляя свою безъ практики, безъ приложенія, безъ исполненія.

Въ послѣднее время онъ чувствовалъ, какъ въ душѣ его образуется странный конгломератъ: злое равнодушіе къ Иринѣ плюсъ сильное охлажденіе къ Таисѣ.

Его не тянуло теперь ни къ той, ни къ другой. Онъ жаждалъ одного: душевнаго и физическаго покоя; уѣхать бы куда-нибудь, никого не видѣть, ничего не слышать, быть самимъ собою и спать, спать, спать безъ конца.

Но уже поздно. Прошлаго не вернуть. Настоящее невыносимо. Будущее печально и неизвѣстно. Привычка къ дому, къ женѣ, къ ребенку, къ которому онъ относился до сихъ поръ суховато и равнодушно, держитъ его въ своихъ цѣпкихъ объятіяхъ.

Привычка, но не любовь. Любви къ Иринѣ, кажется, больше нѣтъ въ его усталой душѣ.

Иногда, въ рѣдкія минуты, когда ему приходится оставаться одному, онъ вспоминаетъ всѣ слова, всѣ мысли, всѣ поступки Ирины, анализируетъ ихъ и строго критикуетъ. Въ сущности, она всегда, по всему своему внутреннему складу, была чужда ему.

Онъ осмѣивалъ въ эти минуты ея „добродѣтель“, ея „патріотизмъ“, ея любовь къ простымъ людямъ, къ „народу“, выражавшуюся въ какой-то особой снисходительности къ прислугѣ и въ фамильярности съ нею; она холодно относилась къ тому, что̀ интересовало его, чѣмъ онъ жилъ и увлекался: издѣвалась надъ его карьеризмомъ, удивлялась его ограниченности, которая выражалась, по ея мнѣнію, въ томъ, что онъ ничего не читалъ, ненавидѣла его душевную сухость къ ребенку, его педантизмъ, и слово „архитекторъ“ считала чуть-что не браннымъ. Она увлекалась музыкой—онъ ненавидѣлъ ее; она любила мечтать по ночамъ—онъ всегда бранилъ ее за это и наставительно замѣчалъ, что ночи созданы для сна. Она обожала петербургскія бѣлыя ночи—онъ становился отъ нихъ боленъ. Она терпѣть не могла Петербурга и всегда стремилась въ провинцію—онъ на провинцію смотрѣлъ какъ на злую яму и считалъ Петербургъ единственнымъ городомъ въ Россіи, въ которомъ еще можно жить.

Словомъ, ни въ чемъ, какъ въ крупномъ, такъ и въ мелкомъ, они не сходились; но вѣдь было же время, когда они любили другъ друга? Теперь этотъ связующій элементъ любви исчезъ изъ ихъ жизни; онъ самъ выкрошилъ этотъ цементъ, связывающій самые разнородные матеріалы.

X.

— Здравствуй, тетя Катя,—сказала Ирина Львовна, входя въ гостиную Екатерины Васильевны.

Екатерина Васильевна, въ круглыхъ очкахъ, читала какую-то книгу.

Она тотчасъ же сняла очки, закрыла книгу и своимъ все еще молодымъ, живымъ взглядомъ оглядѣла вошедшую.

Екатерина Васильевна была высокая и худощавая старуха съ черными большими глазами, съ бѣлыми волосами на головѣ, гладко, на обѣ стороны зачесанными подъ кружевной шолковой наколкой.

Ея лицо было пріятное; лицо умной старухи, много видѣвшей, много испытавшей въ своей жизни и давно переставшей

чему-нибудь удивляться. Оно было нѣсколько строговато и сохраняло это выраженіе до тѣхъ поръ, пока она окончательно не узнавала человѣка, съ которымъ ей пришлось столкнуться. Тогда оно дѣлалось пріятнымъ и добрымъ.

— Здравствуй, милая. Вѣкъ тебя не видала. Видно, стыдно было на глаза показаться? У, срамница!..

Ирина вошла въ ея квартиру бодро, почти весело, собравъ весь остатокъ силъ, чтобы не показаться теткѣ безпомощной, несчастной и оскорбленной, каковой она была на самомъ дѣлѣ.

Она уже мѣсяцъ не являлась къ Екатеринѣ Васильевнѣ, даже не была у нея въ день ея рожденья, котораго ни разу еще не пропускала до этого года.

Екатерина Васильевна никогда не бывала у нихъ, потому что ненавидѣла ея мужа. Она нѣсколько разъ писала Иринѣ, звала ее, но не настаивала особенно, зная, что та переживаетъ душевную драму. А ея правиломъ было никогда не дотрогиваться до больныхъ струнъ чужой души, какъ и до своей она никому не давала дотрогиваться.

— Чужая душа—потемки,—говорила она,—никто не имѣетъ права копаться въ ней и предлагать свое участіе. Душа сама переработаетъ въ себѣ омрачившее ее горе. Ну, а если своихъ силъ не хватитъ, такъ, когда станетъ не въ моготу, Ирочка и сама придетъ ко мнѣ. И тогда я уже буду въ правѣ врачевать ее.

И вотъ она сразу поняла, съ приходомъ Ирины, что той стало не въ моготу.

И какъ только Ирина увидѣла милый, родной образъ „тети Кати“, замѣнившей ей съ ранней юности мать, всѣ собранныя ею силы оставили ее; она быстро подбѣжала къ старинному креслу тети и какъ-то разомъ сѣла, словно рухнула, упавъ на колѣни и спрятавъ голову въ складкахъ темнаго платка, въ который была укутана Екатерина Васильевна.

— Тётечка, милая, родная, ахъ, если бы ты знала, какъ я несчастна!—проговорила она, вдругъ зарыдавъ.

Она уже давно не рыдала слезами сердечнаго горя, а плакала истерическими слезами, которыя не приносили ей облегченія, а усугубляли ея страданія.

— Я все знаю, Ирочка, все,—тихо проговорила тетка.—Но это ничего; поплачь. Слезы—великое утѣшеніе жизни. Это—шлюзы горя; если бы не было слезъ, горе затопило бы человѣческую душу. Это ничего, ты поплачь, вотъ такъ, моя дѣточка; вотъ такъ. А я поговорю. Я все знаю и ничего для меня въ

этомъ нѣтъ необыкновеннаго и неожиданнаго. Такъ должно было быть. Я всегда это думала. Романистъ Ферлакуровичъ обнаружился. Я знаю жизнь, ахъ, давно ее знаю! И давно ничему не удивляюсь. Смотрѣла я какъ-то „Уріеля Акосту“ въ Александринкѣ; такъ, вотъ, тамъ есть такой старикъ, который тоже знаетъ жизнь и все говоритъ: „это все было; всякое бывало“— и ничему не удивляется. Вотъ и я—такой же старикъ. Дрянью былъ, дрянью и остался твой муженекъ. Скажи, пожалуйста, влюбился старый дуралей! Да въ кого влюбился?! Въ эту зеленую Таису, въ эту запятую... Ну и совѣтъ да любовь! Ну вотъ... легче ли стало?

— Легче, тётечка.

— А я говорю, слезы—первое лекарство. Всѣ ваши бромы да валерьяны гроша не стоятъ передъ нимъ. Ну, поплачь еще...

— Слезъ нѣтъ больше, всѣ выплакала. Тётечка, откуда же вы знаете это все? Я ни одной душѣ не говорила.

— Миша заѣзжалъ ко мнѣ. Миша Карелиновъ. Онъ говорилъ. Славный онъ человѣкъ. Какимъ мальчикомъ его знала, такимъ и теперь остался. Славный, честный, открытая душа. И любитъ тебя по прежнему, вотъ какъ любитъ. Ну, ужъ откроюсь тебѣ: хотѣла, давно хотѣла, чтобы ты за него пошла, а вотъ ты предпочла своего, этого... Ну, гдѣ же мнѣ мѣшаться въ чужія дѣла сердечныя? Ну, хотѣла и пошла, а я только погрустила и поплакала. Такъ, вотъ, Миша говоритъ, что тебѣ надо этого господина бросить и уѣхать отсюда. Пусть онъ станетъ точкой къ своей запятой—отличная пара будетъ.

— Тетя, родная, да вѣдь насъ Володя связываетъ съ нимъ...

Екатерина Васильевна замахала руками.

— Вздоръ, вздоръ какой! Вотъ ты молодая, а говоришь какъ ханжа старая. Это старики говорятъ, что, молъ, изъ-за ребенка нельзя супругамъ расходиться. А я этому не вѣрю, никогда не повѣрю. Это говорятъ тѣ, кто дѣтей не любитъ, кто никогда въ дѣтскую душу не заглядывалъ. Какой такой профитъ для ребенка, чтобы его держать при родителяхъ, которые каждую минуту головы другъ другу готовы скусить? Чего онъ наслышится, чего навидится въ нѣжномъ возрастѣ? Отъ ребенка не скроешь ты семейнаго разлада—ребенокъ въ семьѣ какъ воздухъ: вездѣ онъ видимо и невидимо присутствуетъ. Или ты думаешь, что Володя ничего не видитъ, ни о чемъ не догадывается, ничего не понимаетъ, даромъ что ему десятый годочекъ пошелъ? Ну-ка, скажи?

— Ахъ, тетя, конечно понимаетъ.

— То-то. Одного званія-то отца куды мало! Есть отцы, отъ которыхъ держи дѣтей подальше. И есть не-отцы, которые лучше всякаго отца. Одинъ это вздоръ и лицемѣріе, будто дѣти страдаютъ отъ развода. Бываетъ, конечно, все бываетъ, а это— даже и часто. Но, роднушечка, это вѣдь не правило. И не вѣрь ты тѣмъ ханжамъ, что такъ вздыхаютъ о дѣтяхъ и готовы принудить ихъ жить въ каторгѣ, лишь бы не дать развестись родителямъ, возненавидѣвшимъ другъ друга.

— Такъ что... вы...

— Да вотъ такъ я тебѣ и совѣтую. Плюнь ты на своего Ирода поганаго; забери ты Володю, да уѣзжай въ свое родное гнѣздо. Скоро весна, не за горами ужъ. Отдохнешь душою и тѣломъ,—гляди-ко-сь, на что̀ стала похожа? Тѣнь тѣнью, все равно что та запятая, Таиса. Обживешься тамъ, въ своемъ дому-то, обглядишься, осмотришься, а тамъ требуй развода. Ты молода, хороша еще, жизнь у тебя впереди.

— Что̀ вы, тетя! Жизнь моя кончена, разбита...

— Вздоръ, вздоръ городишь! Найдешь человѣка, который тебя истинно полюбитъ... И годовъ тебѣ немного, тридцать-два, а туда же—жизнь кончена! Скажешь тоже! Вотъ я старуха, вдвое старше тебя, а и то гляжу впередъ и о смерти вовсе не думаю. Придетъ—ладно, а что о ней, подлой, зря думать, нервы свои разстроивать? И я къ вамъ, немного спустя, пріѣду. Да вотъ что̀: Миша у меня будетъ, онъ надняхъ уѣзжаетъ: велю-ка я ему домъ-то твой расколотить да все прибрать и пристроить къ твоему пріѣзду. Идетъ, что-ли?

— Онъ мнѣ развода не дастъ,—задумчиво и грустно проговорила Ирина.

— Что онъ подлецъ, это я знаю,—сурово отвѣтила Екатерина Васильевна.—А тогда онъ будетъ окончательнымъ подлецомъ. И такъ я ему это въ лицо и скажу, коли приведетъ съ нимъ несчастье свидѣться. Скажи, пожалуйста, нахалъ этакій, на рожденье ко мнѣ пріѣхалъ! Ему подъ самымъ носомъ дверь прихлопнули. Да ты что̀?—вдругъ вскрикнула она, взглянувъ на племянницу и удивляясь скорбному выраженію ея лица:— никакъ ты еще любишь этого молодчика?

Ирина Львовна ничего не отвѣтила, какъ бы сосредоточиваясь сама въ себѣ и допрашивая свою совѣсть и сердце.

— Нѣтъ, тетя,—убѣжденно и серьезно сказала она, наконецъ.—Нѣтъ, не люблю.

Она провела рукою по глазамъ, точно хотѣла окончательно очнуться отъ дурного сна.

— Слава-те, Господи!—проворчала тетка.

— Нѣтъ, не люблю. А только...

— Ну, что еще только?

— Жаль мнѣ его. Воли у него нѣтъ. Сдѣлаетъ она его несчастнымъ на всю жизнь. Жаль мнѣ его. Привыкла за десять лѣтъ.

— Ну, а мнѣ такъ его вовсе даже не жалко. Тряпичные вы все люди здѣсь, въ Петербургѣ; вотъ ты и не петербургская, а заразилась этой разслабленностью. Жаль! Кого? За что? Чего его жалѣть? Самъ вѣдь этого захотѣлъ... А вотъ что развода не дастъ—этому вѣрю.

— Вотъ видите.

— Ну да, вѣрю. И знаешь, почему? Потому бракъ съ тобою —для него якорь спасенья.

— Почему?

— Неужто же не вдомёкъ? Вѣдь ежели онъ освободится, микроба-то его зеленая быстро заставитъ на себѣ жениться. А онъ хоть и глупъ, сердешный, а это пойметъ, что тутъ ему— крышка. Таиска-то его—не ты. Не святая. Виды видывала и дѣла обдѣлывала. Не даромъ ее никто въ домъ не пускаетъ. Мнѣ Женя разсказывала.

— Ну... Женя...

— Чего—ну? Женя—бабенка ловкая и вовсе не глупая, что тамъ ни говорите. Таиса за границей связалась съ какимъ-то иностранцемъ, пёсъ его знаетъ, кто онъ такой былъ. Говорили, будто игрокъ въ Монте-Карло или шулеръ какой-то изъ прогорѣвшихъ аристократовъ. И будто выигралъ онъ сколько-то сотъ тысячъ въ эту самую вертушку, а потомъ сгинулъ, исчезъ. Всю полицію подняли на ноги, Таису таскали къ допросу, къ слѣдователю. Ну, ничего, отвалила кушъ, откупилась.

— Сплетни все это, тетя!—запротестовала Ирина Львовна.— Чтобы откупиться, нужны большія деньги, а у нея никогда ихъ не было. Не знаю, какъ она и за границу-то попала.

— А я знаю. Гувернанткой въ одной семьѣ поѣхала. А тамъ дѣтей побросала, да съ этимъ аферистомъ и спуталась. Аферистъ-то исчезъ, а деньги при ней остались. Ими и откупилась, да еще про запасъ оставила. Вонъ, живетъ въ Петербургѣ, обстановка, камни тамъ драгоцѣнные и все такое. Вотъ какой фруктъ хочетъ сорвать твой муженекъ. И прекрасно! Пущай себѣ срываетъ, а ты не мѣшай. Больно онъ себѣ руки исколетъ. А жалѣть можно ребенка, который зря на битое стекло черезъ заборъ лѣзетъ, а такого-то чего жалѣть? Не маленькій,

чай. Вотъ ты говоришь: сплетни. Ну, пусть сплетни. А часть правды все-жъ таки есть. Про тебя вѣдь не сплетутъ этакую хитрую исторію? Ну, скажутъ, что ты тоже съ любовникомъ убѣжала, ну, хотя бы съ этимъ самымъ Мишей. И пущай. А тебѣ что? Но вѣдь не скажутъ, что ты мѣняла на Садовой убила или Ротшильда обокрала? И про меня не скажутъ, что я... ну, даже и не придумаю что. А говорятъ всегда то, что подходитъ къ человѣку. Такъ-то, другъ мой! Наплюй ты на все, да и расходись, коли, дѣйствительно, его не любишь. Ну, а коли любишь—тогда ничего тебѣ не скажу. Страдай, коли въ этомъ радость находишь и пока не сведетъ тебя въ могилу эта радость. Любить тебя не перестану, а уважать ужъ не буду... не взыщи...

Въ это время раздался звонокъ.

— Да это Миша!—радостно вскрикнула Екатерина Васильевна.—Вотъ, поговори съ нимъ... Здравствуй, Миша!

Карелиновъ подошелъ къ старухѣ и съ чувствомъ поцѣловалъ ей руку.

— Здравствуйте, тетя!—сказалъ онъ.—Простите, что такъ, по старой памяти, называю.

— Здравствуй, здравствуй, голубчикъ. А вотъ твоя паціентка. Гляди, на что похожа! Тѣнь тѣнью. Доктора тоже! Диплома-то тебя лишить за такое леченье!

Карелиновъ молча и серьезно поцѣловалъ руку Иринѣ Львовнѣ.

— Не моя въ этомъ вина, тетя,—грустно улыбнувшись, сказалъ онъ.—Я говорилъ Иринѣ Львовнѣ... Такая жизнь не по ея силамъ и нервамъ. Еще годъ такой жизни—и я, право, ни за что не ручаюсь. За какую же вину лишать меня диплома? Доктора прописываютъ лекарства, но они не отвѣтственны за неисполненіе ихъ предписаній. Иринѣ Львовнѣ нужно измѣнить невозможный режимъ жизни, нужно перемѣнить климатъ, нуженъ полный—подчеркиваю это слово—отдыхъ. Душевное успокоеніе. Вотъ что ей нужно и вотъ мой рецептъ. Врачи иногда предписываютъ неимущимъ больнымъ поѣздку на заграничныя воды, и надъ ними смѣются за это. Почему? Врачъ убѣжденъ, что такія-то воды въ данномъ случаѣ являются спасительными. Онъ обязанъ это сказать. Но если у паціента нѣтъ средствъ или охоты уѣхать, развѣ врачъ виноватъ?

Онъ сѣлъ, закурилъ, съ разрѣшенія обѣихъ женщинъ, папиросу и молча, пытливо и внимательно взглянулъ на Ирину.

— И все ты это болтаешь напрасно,—ворчливо сказала

Екатерина Васильевна.—Ирочка рѣшила уѣхать. Вѣдь рѣшила ты, Ирочка?

Одно мгновенье Ирина Львовна заколебалась.

Сердце ея учащенно, тревожно забилось. Она закрыла глаза. Вся ея супружеская жизнь пронеслась передъ ея воображеніемъ во мгновеніе ока. И когда картины невозможныхъ, гнусныхъ, тяжелыхъ сценъ послѣднихъ дней стали передъ нею, она содрогнулась отъ отвращенія, открыла глаза и твердымъ голосомъ проговорила:

— Да, тётечка, рѣшилась безповоротно. Я не люблю его больше. Онъ производитъ на меня удручающее впечатлѣніе. Мнѣ жаль его по человѣчеству, какъ жаль было бы всякаго человѣка, съ которымъ я давно знакома. Но любви у меня нѣтъ. О, нѣтъ! Въ этомъ я твердо убѣждена. Ему будетъ тяжело, это я знаю. Отъ него отвернутся всѣ наши знакомые, какъ отвернулись отъ... Таисы Николаевны; онъ будетъ несчастенъ и одинокъ, какъ дерево, сраженное бурей. Но я уже не въ состояніи больше приносить себя и ребенка въ жертву ради его благополучія. Нѣтъ, тетя, я не люблю его больше. Смѣло говорю это, потому что еслибы еще любила, то способна была бы на жертвы. Но я уже не способна на нихъ.

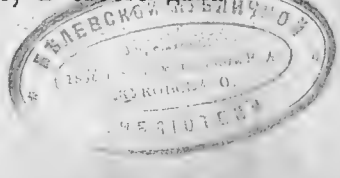
Карелиновъ съ глубокимъ вниманіемъ и душевнымъ волненіемъ слушалъ ее.

По мѣрѣ того какъ она говорила, какъ голосъ ея крѣпъ и пріобрѣталъ какую-то внутреннюю силу, и по мѣрѣ того какъ онъ чувствовалъ, сознавалъ, что она говоритъ не подъ вліяніемъ минуты, а говоритъ словами то, что̀ рождается въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ ея души, лицо его расцвѣтало и сердце его радостно билось.

— Павшее дерево рубятъ на дрова, да оно ни на что больше и не годится,—съ жестокостью сказала Екатерина Васильевна.—Ну, такъ вотъ что̀, государь мой,—обратилась она къ Карелинову.—Уѣзжай-ка ты, батюшка, откуда пріѣхалъ; дастъ тебѣ Ирочка довѣренность,—расколоти, да распакуй ея домишко, устрой тамъ все, что̀ надо, найми надежную прислугу, да и дай намъ сюда депешу. Снаряжу я ее тогда съ Володей въ путь, а тамъ и сама пріѣду.

Ирина запротестовала.

— Съ какой стати, тётечка, ты взваливаешь такую обузу на Миш... Михаила Ниловича? У него, я думаю, и своего дѣла по горло.



Карелиновъ хотѣлъ возражать, но Екатерина Васильевна ему помѣшала.

— Какъ это „съ какой стати“?! Да что онъ намъ чужой, что-ли?

— Вотъ за эти слова спасибо,—сказалъ Карелиновъ, цѣлуя ея руку.—Ирина Львовна... не лишайте меня радости оказать вамъ такую пустую услугу. Дай Богъ, чтобы когда-нибудь я могъ сдѣлать для васъ что-нибудь бо́льшее.

Ирина смущенно его поблагодарила.

Валер. Свѣтловъ.

ВОСПОМИНАНІЯ
СТАРАГО ЗЕМЦА

VI *).

Около этого времени институтъ мировыхъ посредниковъ былъ упраздненъ, и губернскому земскому собранію предстояло выбрать вновь учрежденныхъ непремѣнныхъ членовъ губернскаго и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Ко времени открытія губернскаго земскаго собранія, совпадавшаго въ этомъ году и съ дворянскимъ, я уже зналъ, что П. рѣшилъ не оставаться въ уѣздѣ, и что А. выходитъ въ отставку. Единогласнымъ уѣзднымъ приговоромъ мнѣ приходилось продолжать служить предводителемъ дворянства и послѣдующее трехлѣтіе, и, по уходѣ А., занять опять и его мѣсто. Выхода не было,—слѣдовательно, необходимо было заняться пріисканіемъ кандидата на новую должность непремѣннаго члена, такъ какъ предсѣдательство въ новомъ присутствіи было возложено на того же предводителя, и непремѣнный членъ являлся весьма важнымъ лицомъ въ дѣлѣ возможнаго упорядоченія волостныхъ учрежденій. Вопіющій недостатокъ въ людяхъ былъ все тотъ же. Гдѣ его взять, подходящаго человѣка? Бывшіе мировые посредники не годились до очевидности, да и двое изъ нихъ къ тому времени уже покинули уѣздъ. Послѣ долгихъ размышленій, пришлось остановиться на одномъ молодомъ человѣкѣ, сосѣдѣ, И. Это была величина въ то время весьма неопредѣленная. И. былъ

*) См. выше: сент., стр. 144.

человѣкъ со средствами, владѣлъ большимъ, хорошимъ имѣніемъ, лѣсными дачами, имѣлъ деньги, и считался порядочнымъ сельскимъ хозяиномъ. Извѣстно было, что курса онъ нигдѣ не окончилъ, несмотря на то, что отецъ извелъ уйму денегъ на приватные уроки, и даже посылалъ его учиться за границу, что въ то время было исключеніемъ. Затѣмъ, тотъ же отецъ, лично далеко не пользовавшійся въ уѣздѣ популярностью, женилъ его на дѣвушкѣ съ приданымъ и изъ считавшагося гораздо выше его по общественному положенію стариннаго родовитаго и богатаго семейства, и до самой смерти разсказывалъ вездѣ и всюду, какъ онъ „надулъ“ этимъ бракомъ тещу сына, барыню важную и съ значительнымъ престижемъ не только въ уѣздѣ, но и въ губерніи. Все это, понятно, тяготѣло надъ И., и къ нему относились съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ, тѣмъ болѣе, что самъ онъ былъ очень скроменъ и въ обществѣ предпочиталъ упорно молчать. Онъ никогда не служилъ нигдѣ, и его кандидатура была до извѣстной степени аналогична съ кандидатурой А. въ предсѣдатели управы, и могла оказаться также опасной. Тѣмъ не менѣе, выбора не было, и всѣ губернскіе гласные отъ нашего уѣзда, за исключеніемъ Л., рѣшили остановиться на И.

Губернское земское собраніе новаго состава значительно измѣнило свой персоналъ сравнительно съ предшествовавшимъ трехлѣтіемъ. Кромѣ Л. и меня, всѣ остальные гласные отъ нашего уѣзда были новые люди. Правая значительно потеряла, а лѣвая соотвѣтственно выиграла. Ихъ силы были приблизительно равны, и балансъ находился въ рукахъ нѣсколькихъ голосовъ, неопредѣленныхъ по своимъ убѣжденіямъ, и голосовавшихъ то съ тѣми, то съ другими, и безсознательно рѣшавшихъ дѣло. Всѣ собранія, вездѣ и всюду, содержатъ въ себѣ частицу членовъ такого сорта, составляющую какъ бы промежуточное звено, связь между опредѣленными противными сторонами. Старѣйшіе представители лѣвой передавали намъ, новичкамъ, какъ она росла постепенно со времени перваго губернскаго земскаго собранія, въ которомъ насчитывалось въ ней всего около дюжины членовъ,—тогда какъ теперь къ ней принадлежала цѣлая половина собранія. Изъ новыхъ гласныхъ особенно много говорили два присяжныхъ повѣренныхъ, одинъ изъ Петербурга и примкнувшій къ лѣвой, другой изъ Москвы, сразу занявшій положеніе передового оратора порѣдѣвшей правой. Между ними постоянно происходили и горячія, и комическія схватки, много способствовавшія поддержанію веселаго настроенія въ собраніи. Я

былъ выбранъ единственнымъ секретаремъ этого собранія, и оставался имъ безсмѣнно всѣ послѣдующіе годы, пока не оставилъ земской службы. Необходимо замѣтить, что за все то время, что я прослужилъ, и въ уѣздныхъ, и въ губернскихъ собраніяхъ,—какъ читатель узнаетъ ниже, по достиженіи земскаго совершеннолѣтія, мнѣ пришлось быть уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ и въ другой губерніи, гдѣ у меня тоже было имѣніе,—только первыя собранія трехлѣтія, на которыхъ производились выборы, и привлекали почти полный составъ членовъ, и то на дни выборовъ,—въ слѣдующіе два года присутствовало обыкновенно не больше половины;—и такъ какъ дѣйствительно работавшіе въ собраніяхъ люди были все одни и тѣ же, эти двадцать дней доставались имъ не легко. Въ уѣздныхъ собраніяхъ выбиралась только одна постоянная коммиссія, ревизіонная; въ губернскихъ же къ ней прибавляли и другую, редакціонную, въ которую и передавались всѣ сложные вопросы для предварительнаго разсмотрѣнія и надлежащаго оформленія. Эти 10—12 человѣкъ и несли на себѣ всю работу. Я отлично помню, какъ въ губернскомъ собраніи той другой губерніи, мнѣ, бывшему членомъ ревизіонной въ немъ коммиссіи, пришлось совершенно одному не только обревизовать все страховое дѣло губерніи за предшествовавшее трехлѣтіе, но и составить и написать цѣлый докладъ относительно его улучшенія, такъ какъ его положеніе оказалось значительно позади времени. Благодаря такому порядку, незначительное, сравнительно, меньшинство, сидѣло за работой съ утра до ночи, часто и по ночамъ, а большинство весело проводило время. Должно быть, на этомъ свѣтѣ всегда одни возятъ, а другіе ѣздятъ.

Крупнымъ вопросомъ, вызвавшимъ сильное волненіе и длинныя, оживленныя пренія, оказался совершенно неожиданно вопросъ объ увеличеніи содержанія предсѣдателю и членамъ губернской управы. Предсѣдатель получалъ 2.400 р., члены—по 1.800 р. въ годъ. Извѣстно было, что управа, въ особенности князь, давно недовольны этимъ содержаніемъ, что оно значительно ниже содержанія тѣхъ же земскихъ чиновъ во всѣхъ сосѣднихъ губерніяхъ, что жизнь въ Z. была сравнительно дорога, и что стоющимъ людямъ, которымъ приходилось бросать свои имѣнія и всѣ дѣла и переѣзжать въ губернскій городъ всего на три года—земская служба вообще, а въ губернской управѣ въ особенности, никогда не была и не можетъ быть прочною—едва ли былъ разсчетъ дѣлать это при такомъ скудномъ вознагражденіи. Служба мировыхъ посредниковъ и судей,

получавшихъ по 1.500 р. въ годъ и жившихъ въ своихъ имѣніяхъ, оплачивалась, конечно, сравнительно, гораздо лучше,—а она была и покойнѣе, и прочнѣе, и далеко не ставила такихъ требованій къ занимавшимъ эти мѣста лицамъ, какъ тѣ, которымъ необходимо долженъ былъ удовлетворять персоналъ губернской земской управы; возиться съ успѣхомъ съ губернскимъ земскимъ собраніемъ, конечно, несравненно труднѣе, чѣмъ съ какимъ бы то ни было уѣзднымъ учрежденіемъ. Все это теперь кажется мнѣ яснымъ какъ день, аксіомой, не требующей никакихъ доказательствъ. А въ то время и я, и Z—ское губернское земское собраніе—по крайней мѣрѣ значительное его большинство, заключавшее въ себѣ всю лѣвую цѣликомъ,—смотрѣли на вещи совершенно иначе. На первомъ планѣ были долгъ, обязанности, требовавшія отъ земцевъ самопожертвованія; Z—ское земство потому, молъ, и стояло такъ высоко, потому и считалось однимъ изъ передовыхъ въ Россіи, что во главѣ его всегда находились люди, для которыхъ денежный вопросъ всегда стоялъ на заднемъ планѣ, которымъ всегда недоплачивали за ихъ работу, и которымъ проистекающее отсюда самоуслажденіе было дороже всего на свѣтѣ. Земство же должно гордиться тѣмъ, что его служащіе довольствуются гораздо мѣньшимъ содержаніемъ, чѣмъ ихъ собратья во всѣхъ сосѣднихъ губерніяхъ; въ этомъ высокомъ самопожертвованіи — залогъ его преуспѣянія и надеждъ, которымъ слѣдуетъ дорожить какъ святыней. Какія горячія, восторженныя рѣчи были произнесены на эту тему! И какъ мнѣ теперь стыдно за ту, въ которой и я счелъ необходимымъ излить и мои возвышенныя чувства! И какъ все это было искусственно, приподнято, незрѣло, даже прямо нелѣпо! Фальшивое настроеніе завѣшивало намъ глаза, не позволяло видѣть вещи въ ихъ дѣйствительномъ свѣтѣ. Мы строили наше зданіе на пескѣ. Оттого, можетъ быть, и людей не было, да и быть ихъ не могло, что ихъ жизнь и трудъ при деревенскихъ условіяхъ того времени были недостаточно производительны; оттого они и бѣжали изъ деревни и земства, что работа была тяжела, не оплачивалась и не обезпечивала ихъ хоть сколько-нибудь. Это была ложная экономія, основанная на недоразумѣніи, на неправильномъ пониманіи долга;—никакіе расходы не тяжелы, разъ они производительны, и лучше и выгоднѣе бы было платить что слѣдовало двумъ дѣльнымъ людямъ, чѣмъ содержать впроголодь полдюжины дармоѣдовъ. Какъ ни драгоцѣнно самоуслажденіе, имъ счетовъ за квартиру и въ лавки не заплатишь, а это именно то, что въ данномъ случаѣ ожидалось отъ персонала Z—ской гу-

бернской земской управы и что ему приходилось дѣлать и прежде, и послѣ. И вопросъ объ увеличеніи ему содержанія провалился съ трескомъ и шумомъ, при ликованіи всѣхъ лучшихъ людей собранія. А въ результатѣ дѣйствительные работники, побившись трехлѣтіе, много два, бѣжали и бѣжали. Возможности питанія самоуслажденіемъ скоро неизбѣжно наступалъ конецъ. Всякое общественное дѣло должно быть основано на дѣловыхъ, неуклонныхъ базисахъ, а не на сантиментѣ и настроеніи,—они слишкомъ скоропреходящи и ненадежны.

Насколько я помню, въ этомъ же собраніи начались и пренія о всесословной волости. Толки объ этомъ вопросѣ продолжались въ губернскомъ земствѣ—да и въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ—въ теченіе всей моей службы; были выбраны особыя коммиссіи для его предварительной разработки, заслушивались ихъ доклады и возбуждались ходатайства передъ высшими государственными учрежденіями. Само собой разумѣется, что весь этотъ вопросъ стоялъ исключительно на теоретической почвѣ, такъ какъ, насколько мнѣ извѣстно, всесословная волость и до сихъ поръ неосуществлена. Настроеніе правительственныхъ и общественныхъ теченій того времени склонялось къ все бо́льшему уравненію правъ сословій. Судебная реформа пошла въ этомъ отношеніи дальше всѣхъ предъидущихъ,—ея персоналъ былъ сдѣланъ доступнымъ для всѣхъ сословій, и ограниченъ только образовательнымъ цензомъ. Извѣстно было, что и ожидаемая реформа воинской повинности уничтожала цѣликомъ и эти, однѣ изъ самыхъ существенныхъ, привилегіи отдѣльныхъ классовъ. А въ то же время, въ деревенской жизни, сословія все еще имѣли огромное значеніе, и самая организація всѣхъ почти уѣздныхъ учрежденій вносила въ людскія сношенія и отношенія повседневную рознь. Всѣ реформы—исключая, конечно, освободительную—или совсѣмъ не касались мужика, или касались его только весьма поверхностно. Въ своей повседневной жизни мужикъ былъ совершенно отдаленъ отъ нихъ, и ограниченъ волостнымъ правленіемъ и волостнымъ судомъ. Мировые судьи были не про него,—мужикъ соприкасался съ ними только какъ съ карающимъ элементомъ, или если противная сторона принадлежала къ другому сословію. Мировые посредники вѣдались только съ ихъ выборнымъ начальствомъ и входили въ ихъ дѣла только когда они жаловались на это начальство. Много было поломано копій и исписано бумаги по поводу обычнаго права и волостныхъ судовъ. Ихъ безусловное признаніе и та автономія, которая была имъ дарована теоретически Положеніемъ 19-го февраля

1861 г., были, конечно, одной изъ главныхъ побѣдъ предшественниковъ народниковъ семидесятыхъ годовъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ пятидесятыхъ. То, что на практикѣ они въ громадномъ большинствѣ случаевъ попали въ кабалу и сдѣлались самымъ надежнымъ орудіемъ въ рукахъ паскуднѣйшихъ волостныхъ дѣльцовъ—совсѣмъ нельзя ставить въ вину Положенію. Оно обставило дѣло вполнѣ удовлетворительно,—бѣда оказалась какъ въ исполненіи, такъ и, главное, въ неправильности другихъ его основъ,—въ томъ, что волость была сдѣлана исключительно крестьянской организаціей, и что наиболѣе интеллигентные въ ней элементы оказались устраненными отъ участія въ ея дѣлахъ. Радикально несправедливо было и то, что элементы эти, живя въ предѣлахъ волости и пользуясь ея органами для личныхъ своихъ потребностей, не несли ни малѣйшаго участія ни въ ея расходахъ, ни въ ея работѣ. Они пользовались существенными правами и не несли никакихъ обязанностей. Всесословная волость измѣнила бы всѣ эти несообразности, однѣ—совершенно, другія—весьма существенно. Таковы были, вкратцѣ, основы аргументаціи сторонниковъ всесословной волости. Отдавая должную справедливость всей этой аргументаціи, я лично придавалъ ей только второстепенное значеніе, думая, что, безъ широко организованной всесословной волости, никакой серьезный прогрессъ въ деревенской жизни невозможенъ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что я считалъ ее единственной и все разрѣшающей панацеей; я только полагалъ, что она должна была быть однимъ изъ средствъ, наличность которыхъ была необходима для того, чтобъ мужикъ, какъ нѣчто обособленное и ограниченное, могъ исчезнуть. Я всегда думалъ, что вся реформаторская ломка, которую въ то время уже второе десятилѣтіе переживала Россія, не шла дальше поверхности, не касалась сути. Положеніе 19-го февраля, освободивъ крѣпостныхъ, оставило ихъ *мужиками*. Учреждались крестьянскія учрежденія, нѣчто спеціальное для нихъ однихъ. Они и не были, и не могли быть гражданами, потому что были выдѣлены, потому что были прежде всего и только *мужики*. И волость была только мужицкая, и волостные суды были только для мужиковъ, и та же выдѣляющая идея была основой новыхъ крестьянскихъ учрежденій—губернскаго и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій,—долженыхъ замѣнить первоначальныя—институтъ мировыхъ посредниковъ. Всякій другой обыватель—и помѣщикъ, и мѣщанинъ, и купецъ, и духовенство—шелъ со *всѣми* своими дѣлами въ общія учрежденія, къ мировому судьѣ, къ нотаріусу, къ

исправнику, въ земскую управу;—мужикъ же былъ ограниченъ волостнымъ судомъ, сельскимъ сходомъ, общиной, волостнымъ правленіемъ; только не получивъ удовлетворенія въ этой первой инстанціи,—и то только въ извѣстныхъ случаяхъ, сравнительно важныхъ и потому рѣдкихъ,—могъ онъ обращаться выше, и то опять-таки въ спеціальныя, для него одного устроенныя учрежденія. Всякій обыватель могъ пользоваться услугами закона,—мужикъ долженъ былъ довольствоваться обычнымъ правомъ, чѣмъ-то, въ лучшемъ случаѣ, неопредѣленнымъ. Почему это обычное право было достаточно для мужика и непригодно для всѣхъ остальныхъ классовъ того же народа? Потому что онъ былъ и оставался *мужикомъ*. Самые крайніе защитники обычнаго права не могли не сознавать, что оно, представляя собою народную, то-есть мужицкую мудрость, было неизбѣжно тѣсно связано и съ мужицкимъ невѣжествомъ, примитивной жестокостью, очень часто съ дикими предразсудками. Если я и понималъ обычное право на окраинахъ, гдѣ *все* коренное населеніе состояло изъ иноплеменныхъ инородцевъ, я считалъ нелогичнымъ оставленіе его въ центральной Россіи, гдѣ его примѣненіе только къ мужику выдѣляло и обособляло его, и только укореняло, усугубляло и подчеркивало разницу между нимъ и всѣмъ остальнымъ русскимъ народомъ. Русское обычное право центральной части имперіи воспитывалось триста лѣтъ крѣпостнымъ правомъ, т.-е. абсолютнымъ мужицкимъ безправіемъ; если въ немъ и были и есть хорошія стороны, весь общій духъ его морали отнюдь не могъ способствовать развитію чувствъ законности, уваженія права какъ принципа, и всѣхъ тѣхъ сторонъ человѣческой мысли, безъ сознанія которыхъ и получаются „мужики“, а не граждане. Времена были темныя, нравы жестокіе, безправіе и право сильнаго служили основой, корнемъ всей мужицкой жизни; обычное право было дѣтищемъ, прямымъ, непосредственнымъ результатомъ всѣхъ этихъ условій, а мужикъ былъ оставленъ всецѣло подъ его руководствомъ и послѣ того, какъ его освободили и сдѣлали изъ раба человѣкомъ—какъ мнѣ казалось, только на бумагѣ. Уже одно простое сознаніе одного того факта, что для всѣхъ остальныхъ людей одни законы, а для него—другой, отдѣльный, особенный,—самымъ пагубнымъ образомъ вліяло на мужицкое самосознаніе, на его собственную оцѣнку самого себя и своего положенія. Съ открытіемъ мировыхъ судебныхъ учрежденій, у деревенскихъ мировыхъ судей отбою не было отъ крестьянскихъ прошеній, и потребовалось нѣсколько лѣтъ, чтобъ деревня поняла выраженіе—„неподсудно, потому что ты мужикъ“. Мнѣ

много разъ приходилось толковать съ крестьянами на эту тему, и я убѣжденъ, что многіе отлично понимали суть дѣла, и то, чего они были лишены своей обособленностью. Они значились на бумагѣ крестьянами, земледѣльческимъ сословіемъ, а въ дѣйствительности оставались мужиками, обособленными паріями. И для меня лично, во всѣхъ подобныхъ вопросахъ, уничтоженіе или даже уменьшеніе этой обособленности всегда казалось главнымъ и рѣшающимъ факторомъ. И такъ какъ, въ данномъ случаѣ, всесословная волость неизбѣжно должна была принести по меньшей мѣрѣ уменьшеніе этой обособленности, этого выдѣленія, то я и былъ безусловнымъ ея сторонникомъ, хотя и никогда не имѣлъ никакой надежды, чтобы что-либо, хоть мало-мальски отвѣчавшее дѣйствительнымъ потребностямъ, могло осуществиться не только скоро, но и въ теченіе жизни поколѣнія.

Разъ пришлось затронуть всесословную волость и обычное право, я не могу не сказать и нѣсколькихъ словъ и объ общинѣ, такъ какъ и она не переставала составлять предметъ толковъ разныхъ кружковъ въ губернскомъ земствѣ. Народническая аргументація въ пользу этого учрежденія всѣмъ извѣстна. И община была оставлена нетронутой Положеніемъ 19-го февраля. Я лично смотрѣлъ на общину во многихъ отношеніяхъ такъ же, какъ и на обычное право, что̀ подробно выяснено выше. Для мужика—общинное владѣніе землей и міръ, а для всѣхъ остальныхъ классовъ народа—частное землевладѣніе и индивидуализмъ. Историческія условія, создавшія общину и міръ, давно исчезли, а учрежденія эти остались, но только для мужика. Разъ считать крестьянина просто человѣкомъ, а не, кромѣ того, и мужикомъ, специфической особью,—логически согласовать такого дѣленія невозможно. Кромѣ того, изъ того опыта, который мнѣ давало мое знакомство съ дѣлопроизводствомъ волостныхъ учрежденій, у меня очень скоро зародились самыя сильныя сомнѣнія въ правильности главнаго положенія общаго взгляда народниковъ на общину, будто она обезпечиваетъ всѣхъ членовъ общины, и сильныхъ, и слабыхъ, отъ обезземеливанія и пролетаріата. Въ дѣйствительности же, это достигалось только въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда деревня пользовалась многоземельемъ; а въ N—скомъ уѣздѣ, у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, за недостаточностью надѣла, преобладало совершенно противное явленіе—малоземелье. Населеніе, какъ и во всякой чисто земледѣльческой странѣ, быстро возростало, и уже по истеченіи перваго десятилѣтія по введеніи Положенія 19-го февраля малоземелье это дѣлалось очевиднымъ все больше и больше. И вездѣ,

тдѣ проявлялось его вліяніе, община оказывалась безсильной, и деревенскій міръ—подъ воздѣйствіемъ тѣхъ же факторовъ, что и волостной судъ. Разъ земли было мало, слабый получалъ ее меньше, чѣмъ сильный, и его огражденіе посредствомъ общины не достигалось. Я лично изслѣдовалъ цѣлые десятки такихъ случаевъ, и такъ какъ знаю, что только самые вопіющіе доходили до властей, то и убѣжденъ, что это было общимъ явленіемъ. При передѣлахъ многосемейные и вліятельные обижали бѣдноту. По моему мнѣнію, добросовѣстное отношеніе общины къ своимъ членамъ въ старину вызывалось тѣмъ, что, за рѣдкостью населенія, всякій членъ былъ ей нуженъ; —чѣмъ многочисленнѣе она была, тѣмъ она была и сильнѣе, и безопаснѣе. Въ наше время этотъ факторъ исчезъ,—земли стало мало, и слабые члены съ ихъ недоимками и Дамокловымъ мечомъ круговой поруки за нихъ сдѣлались абсолютно нежелательными. Тогда какъ прежде всемогущій законъ самосохраненія требовалъ поддержки всякаго члена общины, теперь онъ же требовалъ искорененія слабыхъ. Они сдѣлались ярмомъ, безъ всякихъ смягчающихъ обстоятельствъ, и община естественно стала стремиться къ тому, чтобы отдѣлаться отъ нихъ. Измѣнившіяся жизненныя условія принесли и измѣненіе въ отношеніяхъ. Только слѣпая идеализація мужицкой натуры можетъ поддерживать мысль, что она, благодаря общинному духу, способна противостоять требованіямъ самосохраненія. На практикѣ только въ немногихъ деревняхъ передѣлъ общинной земли производился въ извѣстные, заранѣе опредѣленные сроки; въ громадномъ большинствѣ случаевъ они дѣлались произвольно, черезъ три, пять, шесть лѣтъ. Мнѣ извѣстны случаи, что производился передѣлъ, существенно измѣнявшій число душъ на дворъ, хотя семейное положеніе нисколько не измѣнялось, и я увѣренъ, что еслибъ было произведено основательное изслѣдованіе такихъ передѣловъ за болѣе или менѣе продолжительные сроки, лѣтъ за 20, за 30, получилась бы весьма рельефная картина очевидныхъ несообразностей и несправедливостей, тѣмъ бо́льшая, чѣмъ сильнѣе малоземелье,—картина, которая бы доказала, что теоретическое представленіе объ общинѣ далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и что въ цѣлой массѣ деревень община является такимъ же вреднымъ и опаснымъ орудіемъ въ рукахъ сельскихъ дѣльцовъ-кулаковъ, какимъ несомнѣнно является волостной судъ въ рукахъ волостныхъ. Хотя Положеніемъ 19-го февраля и установленъ былъ порядокъ обжалованія рѣшеній деревенскаго міра-общины, на практикѣ порядокъ этотъ былъ совершенно недоступенъ мужику. Его заѣдятъ и загонятъ еще хуже, еще без-

выходнѣе, еслибъ онъ дерзнулъ къ нему прибѣгнуть. Вся обстановка деревни такова, что на мірскія рѣшенія нѣтъ и не можетъ быть апелляціи.

Чѣмъ больше я знакомился на мѣстѣ, на опытѣ съ деревней, тѣмъ больше я убѣждался въ томъ, что наши писатели-народники вносили въ свои разсужденія о деревнѣ и въ ея описанія слишкомъ много субъективности. Они давали намъ не то, что̀ существовало въ дѣйствительности, а то, что̀ имъ было желательно видѣть, якобы подтверждавшее ихъ теоретическіе взгляды, выработанные заранѣе, безъ знанія деревни. Мужикъ почти всегда поддакиваетъ барину, какую бы околесную этотъ послѣдній ни несъ, и какъ бы различно отъ него онъ самъ въ дѣйствительности ни смотрѣлъ на вещи. Мужикъ—по необходимости лицемѣръ; вся его жизнь учитъ его непрестанно, что лицемѣріе съ бариномъ, кто бы онъ ни былъ—самая выгодная для него тактика. Онъ смотритъ на всякаго барина—какъ, вѣроятно, мышь смотритъ на кошку или мелкая пташка—на ястреба, и не считаетъ ни нужнымъ, ни полезнымъ для себя выводить барина изъ его заблужденій. Для того, чтобы добраться до сути разныхъ сторонъ мужицкой жизни, нужно было прежде всего знать извѣстные, безспорные факты, и только съ ними въ рукахъ, разматывая терпѣливо, внимательно и осторожно даваемую ими нить, и можно было установить правду. Только съ теченіемъ времени я понялъ это, и всегда обращался за такимъ фактами къ дѣлопроизводству волостныхъ правленій, волостныхъ судовъ, приговорамъ сельскихъ обществъ, книгамъ для явки документовъ и т. д. Если ограничиться теоретическими разговорами съ мужикомъ, въ результатѣ не можетъ получиться ничего другого, кромѣ подтвержденія вашихъ собственныхъ взглядовъ и предположеній, подтвержденія болѣе или менѣе интенсивнаго, соотвѣтственно проявляемымъ вами же темпераменту и настойчивости. Мужикъ начинаетъ говорить дѣло, перестаетъ безцѣльно калякать, только если вполнѣ убѣдится, что вы уже сами добрались до сути, безъ его помощи. Да и въ такомъ случаѣ вамъ придется вытаскивать изъ него все, что̀ вамъ нужно, клещами. Онъ не будетъ откровененъ и искренен съ бариномъ по своей охотѣ,—для этого нужно, чтобъ у него не оставалось другого выхода. Даже такіе мужики, какъ Николай Иванычъ, говорятъ безъ опаски только очень рѣдко.

Община и ея дѣйствительное значеніе въ мужицкой жизни интересовали меня, само собой разумѣется, можетъ быть, больше всего остального. Относительно нѣкоторыхъ ея сторонъ я такъ и не успѣлъ вывести опредѣленныхъ заключеній. Но къ двумъ

безспорнымъ въ моихъ глазахъ выводамъ я таки-пришелъ. Общинное пользованіе землей, конечно, больше всего другого не только задерживало, но и останавливало всякій прогрессъ въ крестьянскомъ сельскомъ хозяйствѣ вообще и земледѣліи въ особенности, и дѣлало невозможнымъ какое бы то ни было измѣненіе въ истощавшей почву трехпольной системѣ. Ни травосѣянія, ни разведенія корнеплодовъ, ни болѣе глубокаго паханія, ни нѣкоторыхъ другихъ улучшеній, обновившихъ земледѣліе западной Европы, при наличности общины ввести было нельзя. Консерватизмъ и предразсудки мужицкой массы стояли на пути какой-либо реформы и не давали болѣе предпріимчивымъ индивидуумамъ возможности даже испробовать что-либо новое. Затѣмъ, частые передѣлы, бывшіе у насъ общимъ правиломъ, вызывали все болѣе и болѣе небрежное отношеніе мужика къ своей полосѣ. Сегодня она моя,—разсуждалъ онъ,—завтра перейдетъ къ Ивану,—какая мнѣ польза удобрять ее, вырѣзать кочки на покосѣ, вырывать канаву для стока излишней воды? Въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ у мужиковъ была, кромѣ надѣльной, и своя собственная, купленная земля, они вывозили на нее весь свой навозъ, оставляя общественную безъ всякаго удобренія, улучшали ее, заботились о ней;—купленную мужицкую землю можно было почти всегда сразу отличить отъ надѣльной. Я зналъ десятки случаевъ, когда мужики побогаче и похозяйственнѣе, обзаведясь десяткомъ-другимъ десятинъ собственной земли, передавали свои общинные надѣлы въ міръ, иногда даже обязываясь уплачивать за нихъ часть повинностей, и, оставаясь жить въ деревенской усадебной осѣдлости, переносили всю свою энергію и дѣятельность на эту собственную землю, которую произвольный передѣлъ не могъ отобрать у нихъ по своему усмотрѣнію. Постепенное отощаніе крестьянскихъ надѣловъ, а съ нимъ и медленное, но несомнѣнное пониженіе народнаго благосостоянія, было и есть, въ моихъ глазахъ, во многихъ случаяхъ, прямымъ результатомъ исключительно этихъ двухъ причинъ—невозможности прогресса въ земледѣліи и произвольности и учащенности передѣловъ, вызывавшихъ небрежность мужика къ своей полосѣ.

Русскій деревенскій міръ-община представляетъ собою крайній предѣлъ коллективизма въ общественныхъ человѣческихъ отношеніяхъ. Индивидуализму въ немъ совсѣмъ нѣтъ мѣста, и самая возможность прогресса мужика ограничена соотвѣтственно. Міръ этотъ выдѣляетъ мужика и является самымъ надежнымъ оплотомъ для мужицкаго невѣжества, суевѣрія, предразсудковъ. Въ N-скомъ уѣздѣ преобладали самые жестокіе, самые прими-

тивные нравы. Въ церкви священникъ, по совершеніи брака, спрашивалъ новобрачныхъ: „Кто кому покоренъ?“—и жена должна была валиться въ ноги мужу. Мужикъ привязывалъ нагую бабу къ задку телѣги и всенародно, не на животъ, а на смерть, дралъ ее возжами и чѣмъ попало подъ руку, и никто не смѣлъ поднять голоса въ ея защиту. Во многихъ деревняхъ центральной и западной частей уѣзда, которыя стояли на рѣкахъ и рѣчкахъ, были общественныя деревенскія бани, и оба пола мылись въ нихъ, по субботамъ, вмѣстѣ, и послѣ мытья бѣжали нагіе въ эти рѣки остывать и окунаться. Это продѣлывалось даже зимой. Во время деревенскихъ праздниковъ однимъ изъ обычныхъ состязаній въ силѣ и выносливости было то, что соперники обнажали и выпучивали животы и колотили другъ друга по нимъ до тѣхъ поръ, пока одинъ не сдавался. Снохачество было настолько обычнымъ, признаннымъ и санкціонированнымъ явленіемъ, что волостные суды пороли безъ всякаго милосердія сына, который вздумалъ бы противорѣчить отцу въ этомъ отношеніи. Суевѣріямъ и предразсудкамъ — одинъ нелѣпѣе и безсмысленнѣе другого—не было конца. Я лично зналъ нѣсколькихъ знахарей и вѣдьмъ, которые искренно вѣрили въ силу своихъ заговоровъ и снадобій. Представленія о правѣ и законѣ были самыя примитивныя,—они ограничивались, напримѣръ, тѣмъ, что если приложена печать, значитъ все правильно и законно; я помню нѣкоторые случаи, когда безграмотные сельскіе старосты прикапчивали свои печати къ самымъ возмутительнымъ абсурдамъ, и никакая сила въ мірѣ не могла бы разубѣдить цѣлое сельское общество, что это все-таки былъ абсурдъ и беззаконіе. Мужикъ, конечно, подчинялся рѣшенію начальства, но не разубѣждался, и только усиливалъ путаницу въ своихъ понятіяхъ, только еще болѣе вѣровалъ въ то, что „баре“ скрадываютъ и утаиваютъ настоящій законъ. Какая-нибудь непутевая богомолка, какой-нибудь проходимецъ-странникъ могли безсознательно довести до бѣлаго кипѣнія цѣлую деревню, взбаломутить цѣлую волость самымъ вздорнымъ, самымъ пустымъ, безсмысленнымъ слухомъ.

И деревенскій міръ-община не только былъ цѣликомъ пропитанъ всѣмъ этимъ добромъ, наслѣдіемъ крѣпостного права, поголовной безграмотности и темноты, но и самымъ вѣрнымъ, самымъ усерднымъ его защитникомъ и охранителемъ. Онъ замыкалъ мужика, захватывалъ его собою. Если, благодаря счастливой случайности, мужикъ выходилъ изъ этого уровня, онъ уже не могъ довольствоваться деревней и уходилъ изъ нея совсѣмъ,

погибалъ для нея навсегда. Какъ семинаристъ, побывавшій въ университетѣ, переставалъ чувствовать себя дома въ родномъ селѣ, переставалъ понимать и быть понимаемъ даже своими ближайшими родными, такъ и мужикъ, даже и еще, конечно, въ бо́льшей степени, дѣлался чуждымъ своимъ однодеревенцамъ и не могъ выносить атмосферы міра-общины. Я зналъ нѣсколькихъ петербургскихъ подрядчиковъ, унтеръ-офицеровъ гвардейскихъ полковъ, приказчиковъ поволжскихъ лѣсныхъ торговцевъ, наконецъ, стипендіатовъ земства, кончившихъ курсъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, вышедшихъ изъ крестьянской среды N-скаго уѣзда. Всѣ они бросили его; ихъ индивидуализмъ не могъ ужиться ни съ деспотизмомъ міра-общины и его требованіями, ни съ деревенскими жизненными условіями. Они пропали для деревни, съ пріобрѣтенными ими запасами знанія, безслѣдно и безповоротно, и не поднимали ея своими личностями. Постепеннаго прогресса деревни не было,—разъ мужикъ выбивался какъ-нибудь, онъ переставалъ быть мужикомъ и уходилъ въ другую сферу. Деревня оставалась въ своемъ замкнутомъ, заколдованномъ кругу, лишенная воздѣйствія своихъ лучшихъ силъ, если онѣ въ ней и находились. Индивидуализмъ и личная энергія не могли уживаться съ деревней,—она была слишкомъ тяжела, слишкомъ подавляюща; нужно было быть мужикомъ въ полномъ смыслѣ этого слова,—иначе оставалось или повѣситься, или бѣжать, куда глаза глядятъ. Человѣку, не-мужику, въ ней не было и не могло быть мѣста. Она была сама по себѣ, остальной русскій народъ—самъ по себѣ; между ними стояла бездонная, непроходимая пропасть. Я думаю, что наиболѣе краткой и вѣрной характеристикой этой обособленности мужицкой деревни можетъ служить анекдотъ, ходившій по N-скому уѣзду, по поводу того, что когда, въ 1861 году, Л. пожелалъ приписаться къ сельскому обществу и взять въ немъ надѣлъ, ему дипломатично дали понять свыше, что онъ, вѣроятно, упустилъ изъ виду, что, съ полученіемъ такой привилегіи, онъ долженъ быть готовъ и къ тому, что въ одинъ прекрасный день его могутъ и высѣчь въ волости [1]).

---

[1]) Цѣлые томы разсужденій на тему обособленности и замкнутости мужика и его міровоззрѣнія не дадутъ такой яркой и рельефной картинки, какъ маленькій, но въ высшей степени характерный разсказъ Антона Чехова—„Злоумышленникъ“ (См. Разсказы, томъ III). Я отсылаю читателя къ этому удивительно талантливому и вѣрному дѣйствительности разсказу,—онъ сразу поставитъ его au courant всего того, что̀ мое бѣдное перо не въ состояніи, конечно, передать съ достодолжной убѣдительностью.

Тяготѣніе русскаго интеллигента къ абстракту и къ теоретическимъ препирательствамъ по принципіальнымъ вопросамъ предпочтительно передъ чисто практическими, въ родѣ вопросовъ объ оцѣнкѣ имуществъ и раскладкѣ налоговъ, проявлялось и въ отношеніи губернскаго земства къ дѣлу продовольственному, переданному Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ въ его вѣдѣніе вмѣстѣ съ капиталомъ бывшаго приказа общественнаго призрѣнія. Всесословная волость, обычное право, община, занимали вниманіе его лучшихъ людей гораздо больше, чѣмъ продовольственное дѣло губерніи, находившееся въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи въ томъ смыслѣ, что запасовъ никакихъ не было, громадное большинство населенія жило изо дня въ день, и въ случаѣ неурожая было совершенно необезпечено. Каждый годъ могъ принести съ собою не только нехватку въ хлѣбѣ, но и прямой голодъ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, вскорѣ по введеніи земскихъ учрежденій, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Z-ской губерніи, въ томъ числѣ сильнѣе другихъ въ N-скомъ, былъ сначала недородный, а затѣмъ и неурожайный годъ. Земская организація была еще очень нова и несовершенна, неурожай этотъ засталъ ее врасплохъ; пришлось обратиться сразу къ губернскому запасному капиталу, и къ тому времени, какъ я началъ свою земскую службу, капиталъ этотъ почти полностью состоялъ въ недоимкахъ; по N-скому уѣзду недоимка эта была особенно значительна, и губернская управа пыталась собрать ее, тѣмъ болѣе, что послѣдніе два-три года были въ немъ урожайными. Когда я разобрался въ бумажномъ дѣлопроизводствѣ по поводу этихъ ссудъ, я встрѣтилъ несоотвѣтствіе въ счетахъ губернскаго и уѣзднаго земства, цѣлую массу недоразумѣній, невѣрностей, даже, вѣроятно, фальшивыхъ вѣдомостей и донесеній волостныхъ правленій. Мужикъ не понималъ, что это была ссуда, принималъ ее за „способіе“, за даровую помощь, и въ спискахъ недоимщиковъ въ продовольственный капиталъ я нашелъ имена хорошо мнѣ извѣстныхъ богатыхъ крестьянъ, конечно, не имѣвшихъ нужды въ какой-либо ссудѣ. Тщательное мѣстное разслѣдованіе въ нѣсколькихъ волостяхъ убѣдило меня, что, во-первыхъ, распутать эти счеты и покончить съ недоимкой безъ прямого произвола будетъ невозможно; во-вторыхъ, что не только въ мужицкомъ мірѣ, но и у должностныхъ лицъ волостного управленія существовали по этому предмету самыя разнообразныя, нерѣдко очень дикія представленія. Только очень немногіе изъ послѣднихъ подозрѣвали, что это была ссуда, которую придется платить—какъ, откуда, почему—не зналъ никто. Тотъ па-

тернализмъ, который на Руси проявляется неизмѣнно, какъ нѣкій deus ex machina, и къ которому такъ привыкъ и приспособился русскій народъ вообще и мужикъ въ особенности, давалъ себя знать вездѣ и всюду; мужику говорили, что онъ можетъ получить такое-то число рублей или пудовъ хлѣба на дворъ или на душу; онъ не заботился, какъ и почему, а разсуждалъ, что даютъ деньги—бери, а тамъ—что̀ Господь дастъ. Все, чѣмъ онъ жилъ, даже освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, приходило къ нему свыше, неизвѣстно откуда, безъ его вѣдома или согласія;—ему давали волостныхъ старшинъ и волостные суды, мировыхъ посредниковъ, непремѣнныхъ членовъ, становыхъ, и онъ бралъ ихъ, какъ бралъ и ссуду изъ губернскаго продовольственнаго капитала, не имѣя о немъ ни малѣйшаго понятія. Еслибъ воспроизвести тѣ сцены и разговоры, которыхъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ и участникомъ по поводу этого разслѣдованія на мѣстѣ,—читатель бы, конечно, мнѣ не повѣрилъ, такъ какъ самая дикая фантазія не могла бы достичь многаго изъ того, что̀ гнѣздилось въ мужицкихъ головахъ по поводу этихъ ссудъ, какъ ни проста и удобопонятна была дѣйствительность. Мнѣ пришлось возиться съ ними все время моей службы, и нѣкоторыя изъ нихъ все-таки такъ и остались нераспутанными въ наслѣдство моему преемнику. Если какое бы то ни было земское дѣло, въ дѣлопроизводствѣ котораго волостныя правленія являются главнымъ факторомъ не поставлено сразу правильно и не провѣряется періодически на мѣстѣ самымъ тщательнымъ образомъ, оно неизбѣжно съ теченіемъ времени перейдетъ въ такой же хаосъ, въ которомъ въ N-скомъ уѣздѣ находились раскладки и сборы всяческихъ повинностей, о которыхъ я подробно говорилъ въ одной изъ предъидущихъ главъ, или ссуды изъ губернскаго продовольственнаго капитала. Я помню и еще такой же случай. Когда было введено обязательное страхованіе крестьянскихъ построекъ, за первое время, пока губернская земская управа не установила другіе, болѣе цѣлесообразные методы, страховые окладные листы составлялись на цѣлыя сельскія общества, а не на селенія или отдѣльныхъ лицъ. Время это совпало какъ разъ съ вышеупомянутыми неурожайными годами, когда всякіе сборы оставались преимущественно въ недоимкахъ. Сельскія общества были такія административныя единицы, которыя постоянно мѣняли свой составъ. Сначала они были сформированы изъ бывшихъ крестьянъ цѣлыхъ имѣній отдѣльныхъ помѣщиковъ, и были самаго разнообразнаго размѣра; затѣмъ, по мѣрѣ того какъ крестьяне выходили на выкупъ, и

этотъ факторъ сталъ утрачивать значеніе, стали все болѣе и болѣе приниматься въ соображеніе территоріальныя условія и удобства сообщенія, а также достиженіе болѣе однообразнаго и удобнаго размѣра, и размѣръ и составъ сельскихъ обществъ постоянно мѣнялись соотвѣтственно. Не разъ переформировались такимъ образомъ даже цѣлыя волости. Вначалѣ всѣ эти дѣленія были гораздо мельче и увеличивались съ теченіемъ времени. Когда мужикъ справился нѣсколько послѣ неурожаевъ и недоимки стали взыскиваться, оказалась невообразимая путаница во всемъ, что было основано на сельскихъ обществахъ, какъ единицѣ окладовъ, въ томъ числѣ и въ страховыхъ платежахъ за тѣ годы. Когда я принялъ управу, такихъ страховыхъ недоимокъ оказалось много тысячъ рублей, и на такихъ единицахъ обложенія, которыя перестали существовать. Благодаря ссорѣ Ивана Ильича съ губернской управой, все это дѣло лежало подъ сукномъ нѣсколько лѣтъ, и когда мнѣ пришлось его распутывать, на это потребовалась масса труда и времени. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ у крестьянъ имѣлись росписки, но деньги не поступили, куда слѣдуетъ, и исчезли неизвѣстно куда; въ другихъ — сельскіе старосты и сборщики того времени умерли; въ третьихъ — однѣ деревни уплатили, другія—нѣтъ; въ четвертыхъ—не оставалось никакихъ слѣдовъ ни отъ окладныхъ листовъ, ни отъ того, было ли что-либо своевременно по нимъ сдѣлано. Пришлось возстановлять бывшія общества, составлять спеціальныя раскладки, прибѣгать къ самому безобразному произволу, пока послѣдній рубль этой недоимки не былъ взысканъ.

Возвращусь теперь къ ходу губернскаго земскаго собранія. Выборы въ непремѣнные члены произвели весьма сильную принципіальную агитацію. По закону, слѣдовало выбрать двухъ кандидатовъ на каждую должность, изъ которыхъ губернаторъ и имѣлъ утвердить одного—предполагалось—получившаго бо́льшее число голосовъ. По мѣрѣ того, какъ собраніе подвигалось къ выборамъ, выяснилось, что правая и лѣвая имѣютъ каждая своихъ кандидатовъ и въ губерніи, и въ уѣздахъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ всѣ губернскіе гласные принадлежали или къ той, или къ другой партіи; въ другихъ они раскалывались: въ нашемъ, напримѣръ, Л. принадлежалъ къ правой, тогда какъ всѣ остальные—къ лѣвой. Мы выставили И.; Л., совершенно для насъ неожиданно, выставилъ кандидатуру одного изъ бывшихъ мировыхъ посредниковъ, именно моего дяди, о которомъ я говорилъ выше, человѣка совершенно непригоднаго для какой бы то ни было общественной службы. Выборы доказали, что обѣ партіи были

равносильны,—оба кандидата во всѣхъ уѣздахъ получили почти равное число голосовъ; разница была въ одномъ, много въ двухъ или трехъ шарахъ, смотря по личной извѣстности избираемыхъ. Въ нашемъ уѣздѣ, И., какъ человѣкъ совершенно новый и незнакомый губерніи, получилъ двумя голосами меньше кандидата Л., старика, лѣтъ сорокъ принимавшаго участіе въ дворянскихъ собраніяхъ. Я отправился немедленно къ губернатору, откровенно изложилъ ему положеніе дѣлъ въ уѣздѣ и значеніе этихъ кандидатуръ; къ счастію, онъ лично зналъ негодность кандидата Л., благодаря его предшествовавшей службѣ и столкновенію со мной же, и И. былъ утвержденъ. Этотъ фактъ окончательно уничтожилъ значеніе Л. въ N—скомъ уѣздѣ, доказавъ, что онъ утратилъ свое бывшее вліяніе въ губерніи и губернскихъ дѣлахъ. Уѣздная политика отлично умѣла опредѣлять относительный престижъ того или другого лица, и къ побѣжденному бывала обыкновенно совершенно безжалостна.

Выборы въ губернскую управу прошли совершенно мирно; ожидалось, что князь, когда собраніе отказалось увеличить содержаніе персонала управы, не согласится продолжать службу ея предсѣдателемъ; но онъ проявилъ свой обычный тактъ и зато былъ выбранъ почти единогласно. Зато двое изъ наиболѣе полезныхъ членовъ ушли, и на ихъ мѣсто были выбраны новые, молодые люди, въ томъ числѣ и П. изъ нашего уѣзда.

Я не помню ни одного губернскаго земскаго собранія изъ всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ мнѣ пришлось принимать участіе, такъ всецѣло проникнутаго такимъ неизмѣнно веселымъ и благодушнымъ настроеніемъ, какъ вышеописанное. Къ числу основныхъ, отличительныхъ чертъ русской интеллигенціи принадлежитъ, какъ извѣстно, и нерѣдко доходящій до болѣзненности пессимизмъ. Пессимистическое настроеніе обыкновенно господствовало и давало себѣ чувствовать такъ или иначе. Это собраніе было исключеніемъ. Я уже упоминалъ объ оживлявшихъ его петербургскомъ и московскомъ присяжныхъ повѣренныхъ. Послѣдній, въ одной изъ своихъ многихъ рѣчей, жестоко проврался въ попыткѣ приравнять кустарныя артели къ теоріямъ Лассаля; и про него говорили, что онъ предполагаетъ принимать участіе въ самомъ сенсаціонномъ процессѣ того времени, въ защитѣ извѣстной игуменьи Митрофаніи. Подъ конецъ сессіи весь городъ пѣлъ сочиненную на него его противникомъ пѣсенку, на мотивъ извѣстной аріи Зибеля въ „Фаустѣ“:

„Ахъ, скажите ему-у-у,
„Что онъ всѣмъ налоѣ-ѣ-ѣ-лъ,

„Попросите молча-а-а-ть,
„Про Лассаля не вра-а-а-ть;
„Пусть онъ ѣдетъ въ Москву-у-у,
„М-и-т-р-о-ф-анью спасать!“

Громадное большинство участниковъ этого „веселаго“ собранія уже сошло въ могилу—этому прошло почти тридцать лѣтъ,—и если кому-либо изъ немногихъ остающихся въ живыхъ, теперь уже сѣдыхъ стариковъ, попадутся на глаза эти строки, онъ, буду надѣяться, не иначе какъ съ удовольствіемъ вспомнитъ то хорошее, молодое время и то увлеченіе, съ которымъ, конечно, и онъ самъ распѣвалъ когда-то эту пѣсенку.

Послѣдовавшее за губернскимъ земскимъ губернское дворянское собраніе выбрало на слѣдующее трехлѣтіе въ губернскіе предводители того же князя, а N—скій уѣздъ—меня. Л. не принялъ участія въ собраніи уѣзда, и, дабы сдѣлать его дѣйствительнымъ, пришлось пригласить къ участію въ немъ нѣсколькихъ дворянъ, жившихъ въ другихъ уѣздахъ, но владѣвшихъ имѣніями и въ нашемъ.

VII.

Со времени введенія судебной реформы N—скій уѣздъ былъ раздѣленъ на четыре участка и содержалъ четырехъ участковыхъ мировыхъ судей. У судей этихъ, особенно деревенскихъ, работы было очень мало; въ уѣздѣ не переставали упорно говорить о томъ, что четвертый участокъ былъ выкроенъ не потому что онъ былъ нуженъ, а потому что нужно было дать такое мѣсто глупому барону, и „вопросъ“ о сокращеніи числа участковъ не ставился въ земскомъ собраніи только потому, что Л. не желалъ этого. Съ его пораженіемъ въ губерніи уѣздъ опять заговорилъ объ этомъ, и упорнѣе, чѣмъ когда-либо прежде,—главнымъ образомъ потому, что баронъ былъ дѣйствительно изъ рукъ вонъ плохъ и давно надоѣлъ населенію. Про его судейскую дѣятельность ходили по уѣзду самые невозможные анекдоты. А., между тѣмъ, окончательно запутался въ безднѣ земской премудрости, и вышелъ въ отставку, не дождавшись слѣдующаго очередного собранія, такъ что управа опять оставалась нѣсколько мѣсяцевъ „безголовой“. Л., узнавъ о рѣшеніи противниковъ сократить число мировыхъ участковъ, конечно, прежде всего оскорбился, и сталъ говорить открыто, что если это предположеніе пройдетъ въ собраніи, онъ и всѣ остальные судьи выйдутъ въ отставку;—выборы судей не совпадали съ земскимъ трехлѣтіемъ,

и должны были происходить на слѣдующемъ же очередномъ собраніи, которое имѣло выбрать и новаго предсѣдателя управы. Мы знали, что Л. сдержитъ свое слово и уведетъ за собой и остальныхъ судей. Если вопросъ о содержаніи и денежныя соображенія вообще и могли имѣть вліяніе на нихъ, самъ Л. былъ несомнѣнно выше какихъ бы то ни было корыстныхъ побужденій,—никто и никогда не могъ бы упрекнуть его въ этомъ. Онъ служилъ судьей и возился съ земствомъ не изъ-за денегъ, и изъза нихъ никогда не покривилъ бы душой. Это былъ баринъ, который служилъ нехотя, потому что некому было быть судьей въ его участкѣ, и который могъ служить только пока его безпрекословно слушалъ во всемъ весь уѣздъ, пока онъ могъ повелѣвать и пока праву его не препятствовали. Онъ не выносилъ не только противодѣйствія, но и противорѣчія, и, побѣжденный, не могъ продолжать служить. Онъ думалъ, что если всѣ судьи пригрозятъ сразу выйти въ отставку, ихъ положительно некѣмъ будетъ замѣнить, и разсчитывалъ на этотъ ультиматумъ, какъ на свою послѣднюю карту. Разсказывали, что для того, чтобы вынудить и другихъ судей присоединиться къ нему въ этомъ ультиматумѣ, онъ взялся, въ случаѣ неудачи, доставить двумъ изъ нихъ, офицеру и правовѣду, мѣста предсѣдателей съѣздовъ судей въ западномъ краѣ;—баронъ, конечно, былъ безнадеженъ, да и его именно участокъ и предполагалось упразднить.

Мы знали объ этой программѣ, и заблаговременно приняли необходимыя мѣры. Въ городскомъ и южномъ участкахъ не было положительно ни одного подходящаго человѣка, и пришлось обратиться къ единственному пути спасенія—къ варягамъ. Еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ одинъ изъ бѣднѣйшихъ семинаристовъ уѣзда поступилъ въ петербургскій университетъ, бѣдствовалъ неизобразимо нѣсколько лѣтъ, и, такъ и не успѣвши кончить курса, вынужденъ былъ поступить на постоянное мѣсто, чтобъ не умереть съ голоду. Онъ какъ-то случайно не утратилъ связи съ родиной, что обыкновенно бываетъ, и, съ теченіемъ времени, умудрившись скопить небольшой капиталъ, сталъ подыскивать себѣ имѣньице, и, за годъ до описываемаго мною времени, успѣлъ купить усадьбу разорившагося барина вблизи родного села. Хотя онъ уже больше двадцати лѣтъ проживалъ въ Петербургѣ и совсѣмъ отсталъ отъ деревни и ея порядковъ, намъ, однако, удалось уговорить его бросить службу и взяться за мировое судейство. Это былъ скромный и очень работящій человѣкъ, нетребовательный, непривычный къ „разносоламъ“, какъ

опредѣлялъ коренныхъ баръ N—скій уѣздъ, безусловно порядочный и стойкій, которому служба была необходима и какъ средство къ жизни, такъ какъ разоренная усадьба только и была способна что поглощать деньги. Наладившись и войдя въ курсъ мѣстной жизни, онъ сдѣлался превосходнымъ мировымъ судьей, заслужилъ всеобщее уваженіе и просудействовалъ въ городѣ N., насколько мнѣ извѣстно, очень долгое время. Для южнаго же участка пришлось остановиться на совсѣмъ постороннемъ уѣзду молодомъ человѣкѣ, для котораго былъ купленъ фиктивный имущественный цензъ. Я никогда не встрѣчалъ его лично до его пріѣзда къ намъ, да и потомъ не имѣлъ случая познакомиться поближе. Ему, какъ горожанину съ дѣтства, было гораздо труднѣе справиться съ мѣстными условіями; и сначала и про него ходили нѣкоторые смѣшные анекдоты;—но, тѣмъ не менѣе, это былъ человѣкъ безусловно честный и стремившійся всѣми силами души къ наивозможно добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей, и его скоро полюбили. Было, конечно, очень рискованно выписывать такихъ варяговъ: мировой судья—не докторъ; ему для правильнаго пониманія разрѣшаемыхъ имъ дѣлъ необходимо знать не только мѣстныя жизненныя условія, но и нравы, обычаи, своеобразную номенклатуру сельскаго хозяйства, разныхъ производствъ и ремеслъ. Напримѣръ, двухъ-дюймовыя доски у насъ называли байдакомъ, а одинъ изъ такихъ варяговъ, въ оффиціальной бумагѣ, опредѣлилъ такой байдакъ „особой мѣстной породой лѣса“. Такіе промахи, конечно, не проходили даромъ, когда попадали на зубъ мѣстнымъ острякамъ. Тѣмъ не менѣе, что же оставалось дѣлать? Кромѣ того, и съ коренными жителями, какъ кандидатами на различныя мѣста, приходилось рисковать точно также — вѣдь попалъ же какъ куръ во щи Л. съ А.; вѣдь и проводя въ непремѣнные члены И., мы не имѣли никакого понятія о томъ, какъ онъ справится съ дѣломъ. Кстати, этотъ выборъ оказался впослѣдствіи довольно удачнымъ, И. сдѣлался работящимъ, дѣльнымъ чиномъ, ревизовалъ волостныя правленія безъ устали и содержалъ ихъ въ страхѣ божіемъ;—на слѣдующее трехлѣтіе его уже выбрали безъ малѣйшихъ колебаній и почти единогласно. Въ западный мировой участокъ былъ приготовленъ кандидатомъ коренной помѣщикъ этой мѣстности. Это былъ богатый старикъ, жившій послѣдніе года въ деревнѣ только лѣтомъ;—нечего было и думать о томъ, что онъ станетъ служить и броситъ жизнь въ Петербургѣ зимой, но онъ былъ наша единственная надежда, и уговорить его согласиться принять должность мы могли только при

помощи его молоденькаго сына-студента, горячо интересовавшагося мѣстными земскими дѣлами.

И это очередное собраніе собралось почти цѣликомъ, въ полномъ составѣ; опять предполагалась возможность моего столкновенія съ Л., предстояла борьба по поводу сокращенія числа мировыхъ участковъ, выборы въ судьи, въ предсѣдатели управы. Если нѣкоторые и пріѣхали изъ любопытства къ скандалу, большинство несомнѣнно собралось, чтобы, въ случаѣ нужды, помочь мнѣ. Исторія съ А. переполнила чашу терпѣнія многихъ, и всѣ порядочные элементы собранія рѣшились не допустить возможности ея повторенія. Изъ того, что я постоянно жалуюсь въ этихъ воспоминаніяхъ на недостатокъ людей, не слѣдуетъ, что въ уѣздѣ ихъ совсѣмъ не было; напротивъ, нѣкоторые изъ гласныхъ собранія были очень почтенные, честные люди, искренно сочувствовавшіе всякому благому начинанію, всякому доброму дѣлу, но, по разнымъ причинамъ, они были совершенно непригодны къ занятію какихъ-либо общественныхъ должностей. Это были элементы пассивные, тогда какъ уѣздъ нуждался въ активныхъ, въ такихъ, которые хотѣли бы и умѣли бы работать. Одинъ былъ слишкомъ старъ и неподвиженъ; другой опустился и излѣнился; третій спился; четвертый боялся какъ огня всякой службы, всякой отвѣтственности. Деревенская распущенность и халатность быстро и прочно овладѣвали человѣкомъ до того, что онъ терялъ образъ и подобіе божіе, всякую амбицію, и только и желалъ, чтобы его не тревожили. Пріѣхать на собраніе разъ въ годъ они были готовы, но служить, принять на себя какія-либо обязанности—ни въ какомъ случаѣ. И такіе люди были сравнительно независимы, говорили не стѣсняясь правду-матку, и если были достаточно возмущены, помогали какъ умѣли и могли земскимъ работникамъ. Они-то, вмѣстѣ съ гласными отъ крестьянъ, отъ города, отъ казны и удѣла, и съѣхались на этотъ разъ на мою защиту. Собраніе, однако, прошло безъ всякихъ приключеній. Когда дѣло дошло до голосованія вопроса о сокращеніи участковъ, противъ него оказалось только четыре голоса—участковыхъ мировыхъ судей. Собранію, конечно, было извѣстно, что новые судьи готовы въ случаѣ надобности, и когда Л. и его коллеги дѣйствительно отказались отъ баллотировки, собраніе и выбрало этихъ новыхъ людей. Въ предсѣдатели управы былъ выбранъ я; и такимъ образомъ весь уѣздный персоналъ служащихъ оказался цѣликомъ новымъ,—даже я былъ уже ветераномъ, избраннымъ во второй разъ, и мнѣ опять пришлось дослуживать чужой срокъ.

Старые судьи вскорѣ затѣмъ совсѣмъ покинули уѣздъ; двое дѣйствительно уѣхали варягами въ западный край, такъ какъ Л. сдержалъ свое слово и добылъ имъ мѣста предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ тамъ; баронъ перебрался „для воспитанія дѣтей“ въ столицу, а самъ Л. залѣзъ, какъ медвѣдь въ берлогу, въ свое имѣніе, прекратилъ съ уѣздными властями всякія сношенія и утратилъ всякій интересъ къ земскому дѣлу вообще. Онъ могъ работать только при условіи первенства и абсолютизма.

А. не оставилъ по себѣ въ управѣ никакого слѣда; всѣмъ дѣломъ за истекшій годъ завѣдывалъ Николай Иванычъ, строго слѣдовавшій заведеннымъ мною порядкамъ и по всѣмъ, не вполнѣ доступнымъ его пониманію, вопросамъ всегда осторожно вывѣдывавшій предварительно мое мнѣніе; по должности предводителя дворянства я по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ пріѣзжалъ въ городъ. Благодаря этому, я не нашелъ ничего новаго и незнакомаго, и могъ сразу взяться за дѣло. На очереди стоялъ, прежде всего, въ моихъ глазахъ, продовольственный вопросъ, такъ какъ я зналъ о состояніи губернскаго продовольственнаго капитала и не сомнѣвался, что въ случаѣ неурожая—на какую-либо серьезную помощь отъ губернскаго земства разсчитывать нельзя. Да и деньги я считалъ плохой, невыгодной помощью. Въ случаѣ неурожая, мѣстныя цѣны на хлѣбъ сразу круто поднимались, какъ это было въ 1868 году, дороги были плохія, подвозъ издалека неосуществимъ,—и земство, и населеніе, оказывались въ рукахъ мѣстныхъ кулаковъ. Денежныя ссуды пришлось бы возвращать, покупая хлѣбъ по двойной и тройной цѣнѣ противъ нормальной, и, благодаря этому, удвоивать и утроивать бѣдствіе и закладывать мужика на нѣсколько лѣтъ впередъ. Дѣлопроизводство управы по ссудамъ изъ губернскаго земства, о которыхъ я подробно говорилъ выше, выяснило мнѣ, что закупка хлѣба земствомъ произошла по очень высокимъ цѣнамъ, что было не мало жалобъ на качество этого хлѣба, что расходы по покупкѣ и провозу были весьма значительны, и что всю операцію никакъ нельзя было назвать успѣшной. Я даже имѣлъ всяческія основанія предполагать, что самый фактъ закупки хлѣба земствомъ имѣлъ большое вліяніе на дальнѣйшее искусственное повышеніе цѣнъ; народъ не дѣлалъ различія между земствомъ и казной, а извѣстно, какое вліяніе имѣетъ всегда на рынокъ усиленная покупка какихъ-либо продуктовъ этой послѣдней. Словомъ, бѣдствіе, вызываемое неурожаемъ, усиливалось въ нѣсколько разъ, благодаря массѣ неблагопріятныхъ условій, и мнѣ казалось, что един-

ственной возможностью избѣжать всѣхъ этихъ послѣдствій неурожая—и естественныхъ, и, въ особенности, искусственныхъ—было имѣть въ самомъ уѣздѣ такіе запасы хлѣба, которые и обезпечивали бы населеніе до извѣстной степени отъ голода, и препятствовали бы искусственному повышенію цѣнъ. Положеніе о сельскихъ хлѣбозапасныхъ магазинахъ, находившееся въ полной силѣ, всего лучше соотвѣтствовало этой цѣли. Нѣсколько мѣстныхъ изслѣдованій доказали мнѣ, что оно было въ дѣйствительности въ полномъ забросѣ, и существовало только на бумагѣ. Въ „магазеяхъ", какъ ихъ называли мужики, не только установленнаго закономъ на душу количества хлѣба, но и—чаще всего—рѣшительно ничего не было. И волостныя, и сельскія власти, и „магазейные" смотрители въ большинствѣ случаевъ не имѣли ни малѣйшаго понятія о своихъ обязанностяхъ по этому предмету; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оказывалось на лицо нѣкоторое количество хлѣба, эти послѣдніе не знали, какое именно, не вели вѣдомостей, откуда онъ взялся и за кѣмъ состоитъ недоимка. Только въ двухъ волостяхъ, населенныхъ почти исключительно казенными крестьянами, нашелъ я нѣкоторые остатки подобія порядка, заведеннаго въ нихъ еще въ то время, когда онѣ завѣдывались спеціальными учрежденіями министерства государственныхъ имуществъ. Во многихъ же бывшихъ помѣщичьихъ деревняхъ никогда не было сдѣлано и попытки привести положеніе о сельскихъ хлѣбозапасныхъ магазинахъ въ исполненіе даже на бумагѣ. Когда дѣйствительное положеніе дѣла было приведено въ извѣстность, у меня не осталось никакихъ сомнѣній въ томъ, что безъ активной, энергичной помощи всѣхъ интеллигентныхъ классовъ населенія привести его въ порядокъ будетъ совершенно невозможно. Оно требовало, во-первыхъ, правильнаго начала, во-вторыхъ письменной отчетности, которая должна была вестись точно и провѣряться каждый годъ; выборные же отъ сельскихъ обществъ магазейные смотрители, гдѣ они и числились таковыми по бумагамъ волостныхъ правленій, были, конечно, безграмотные мужики, почти всегда изъ того класса, который въ деревенской жизни былъ извѣстенъ подъ именемъ „негодяевъ"; это были или двойники, или тройники по семейному положенію, за тѣлесными или другими недостатками отдѣлавшіеся отъ рекрутчины, или безсловесные, безнадежные недоимщики и крестьянскіе неудачники, изъ-за которыхъ сельскимъ обществамъ такъ или иначе приходилось страдать, или по круговой порукѣ, или по спеціальнымъ взысканіямъ. Это „негодяйство" было однимъ изъ самыхъ существенныхъ золъ деревенской жизни; въ должности, требо-

вавшія извѣстной работы и пониманія, попадали не люди, которые могли бы отвѣчать этимъ требованіямъ больше или меньше, и которыхъ и деревня могла бы дать, еслибы поискала, а совершенно негодные, случайные субъекты. Когда уѣздной полиціи было дано право штрафовать деньгами и сажать въ кутузку волостное и сельское начальство, „негодяйство“ усилилось до чрезвычайности; порядочные, дѣльные мужики прямо откупались отъ выбора даже въ волостные старшины, а низшія должности заполнялись сплошь „негодяями“. Уровень персонала волостного и сельскаго начальства, и такъ уже невысокій, сразу значительно понизился и все продолжалъ понижаться. Вмѣсто поднимающаго крестьянство элемента, какимъ несомнѣнно считалось составителями „Положенія 19 февраля 1871 года“ введеніе въ крестьянскую жизнь выборнаго начала и какимъ бы оно должно было быть, оно съ теченіемъ времени обратилось въ не что иное, какъ въ болѣе или менѣе тяжелую повинность; мужики отправляли ее въ томъ же духѣ и съ тѣмъ же отношеніемъ къ ней, какъ и рекрутчину. По порученіямъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, мнѣ пришлось присутствовать при многихъ выборахъ волостного и сельскаго начальства, и въ моей памяти остались многіе случаи, когда выборный сходъ обращался въ судилище, которое обрекало на общественную службу почему-либо считавшихся въ долгу у міра „негодяевъ“;—это были не выборы, а отбываніе выборной повинности, отъ которой деревня всячески отбояривалась и старалась сдѣлать по возможности легкою для себя. Она искала не наиболѣе пригоднаго матеріала, а такого, который, благодаря давленію міра, сталъ бы безропотно „отсиживать“ за мірскую недохватку въ чемъ бы то ни было. Тотъ фактъ, что мужикъ оставался мужикомъ, сказывался постоянно—и все то, что я разсказалъ выше по поводу моихъ личныхъ взглядовъ на вопросъ о всесословной волости, было основано именно на такихъ прямо-таки ужасныхъ по своему значенію явленіяхъ въ крестьянской жизни, какъ „негодяйство“. Это-то общія явленія, совершенно отъ насъ не зависѣвшія, и обращали часто въ ничто самыя лучшія стремленія мѣстныхъ дѣятелей, и заражали ихъ пессимизмомъ и даже безнадежностью. А если и мы не могли съ ними бороться,—въ какомъ же положеніи оказывалась крестьянская масса? И въ чемъ же и мы, и она, могли видѣть просвѣтъ?

Особымъ докладомъ, основаннымъ на добытыхъ этимъ изслѣдованіемъ фактахъ, я просилъ земское собраніе оказать помощь управѣ по упорядоченію продовольственнаго дѣла уѣзда. Оно

откликнулось крайне сочувственно;—въ каждой волости были назначены особыя лица, пользовавшіяся довѣріемъ мѣстнаго населенія, для того, чтобы привести въ исправность зданія хлѣбозапасныхъ магазиновъ, провѣрить наличность хлѣба, наблюсти за пополненіемъ ихъ, согласно требованіямъ закона, и установить надлежащую отчетность. Эта работа продолжалась цѣлый годъ, подъ неослабнымъ наблюденіемъ земской управы; урожай въ томъ году, на счастье, былъ хорошій, и уже слѣдующей осенью въ уѣздѣ былъ образованъ значительный хлѣбный запасъ, и не на бумагѣ, а въ дѣйствительности, такъ какъ положительно каждый магазинъ былъ провѣренъ на мѣстѣ компетентнымъ, надежнымъ лицомъ, и земская управа могла быть увѣрена, что бумажная отчетность соотвѣтствовала наличности. Запаса этого, по нашимъ вычисленіямъ, было вполнѣ достаточно даже въ случаѣ очень серьезнаго неурожая; еслибы уѣздъ обладалъ имъ въ предшествовавшую голодовку, ея бы не могло быть, и онъ обошелся бы безъ всякихъ денежныхъ ссудъ. Дѣло въ томъ, что N—скій уѣздъ въ этомъ отношеніи былъ счастливѣе степной или черноземной полосъ, которыя, какъ оказалось въ теченіе девяностыхъ годовъ, въ случаѣ продолжительныхъ засухъ могли лишиться *всего* урожая. Почвенныя и климатическія условія N—скаго уѣзда такъ разнообразны, что такой общей катастрофы въ немъ приключиться не могло; неурожай обыкновенно поражалъ только извѣстныя части, и бывалъ чаще всего послѣдствіемъ вымоканія или поѣданія червемъ озимей, раннихъ морозовъ, губившихъ яровыя, градобитій, и т. д. Затѣмъ, его крестьянское населеніе было далеко не на одномъ уровнѣ благосостоянія. Въ немъ были очень богатыя волости, очень богатыя деревни въ бѣдныхъ волостяхъ, которыя могли бы выдержать безъ всякой посторонней помощи самый полный неурожай. Благодаря этимъ фактамъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, только треть или, maximum, половина населенія могла нуждаться въ помощи; и я былъ увѣренъ, что хлѣбозапасные магазины всего уѣзда съ успѣхомъ справились бы съ такой нуждой.

Противъ системы сельскихъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ было не мало возраженій. Тогда какъ денежный запасъ не требуетъ никакихъ расходовъ, а, напротивъ, приноситъ проценты и ростетъ самъ собой, запасъ хлѣбомъ требуетъ помѣщеній, систематическаго обмѣна, довольно сложной отчетности, и можетъ страдать отъ мышеѣди, возможной подмочки и т. д. Устройство и ремонтъ магазиновъ, просушка и провѣтриваніе зерна и его обмѣнъ на свѣжее производились самимъ населеніемъ, въ сво-

бодное отъ всякихъ другихъ работъ время, и безъ затраты денегъ; при разумномъ наблюденіи и распредѣленіи этотъ расходъ былъ и невеликъ, и нечувствителенъ. Убытокъ зерну, конечно, могъ случиться, но и онъ при небольшомъ даже вниманіи могъ быть сокращенъ до самыхъ незначительныхъ размѣровъ. Зато они всегда на лицо, подлежатъ только мѣстному контролю, отвѣчаютъ на всякія неожиданности, въ родѣ градобитія, и одно ихъ присутствіе несомнѣнно регулируетъ цѣны въ самой высокой степени. Хотя они и обходятся дороже, зато лучше и шире соотвѣтствуютъ жизненнымъ условіямъ захолустныхъ мѣстностей, вдали отъ быстрыхъ и дешевыхъ путей сообщенія.

Достиженіе веденія правильной отчетности и наблюденіе за полностью запасовъ были въ моихъ глазахъ самыми важными задачами. Читатель уже знаетъ, въ какомъ безобразномъ положеніи находилось все денежное крестьянское дѣло;—то же грозило со временемъ и хлѣбозапасному, какъ бы правильно оно ни было поставлено и пущено въ ходъ. Это было чисто мужицкое дѣло, къ которому интеллигентные элементы не были причастны, и земскій дѣятель и въ этомъ направленіи встрѣчался съ независѣвшими отъ него общими фатальными преградами. Можно было обратиться къ этимъ интеллигентнымъ элементамъ съ просьбой помочь поставить такое дѣло на ноги и пустить его въ ходъ, но нельзя было разсчитывать, что они будутъ и слѣдить за нимъ съ тѣмъ неослабнымъ вниманіемъ, котораго оно требовало, чтобы постоянно находиться въ состояніи отвѣчать всѣмъ могшимъ быть къ нему предъявленнымъ требованіямъ, когда придетъ время. Могло пройти пять, десять, даже двадцать лѣтъ прежде, чѣмъ пришла бы кровная нужда въ такомъ хлѣбномъ запасѣ; и трудно было разсчитывать, чтобы интересъ и вниманіе къ дѣлу были сохранены такое неопредѣленное время, и чтобы русское „авось“ не проявило между тѣмъ своихъ правъ. Нигдѣ въ мірѣ, кажется, не утрачивается такъ быстро интересъ ко всему, что потеряло свѣжесть и прелесть новизны, какъ именно на матушкѣ Руси. Не могу не сознаться смиренно, что и я, истинный сынъ моей родины, настоящій россіянинъ съ немалой, вѣроятно, примѣсью татарской крови въ моихъ жилахъ, устроивъ въ N—скомъ уѣздѣ хлѣбозапасные магазины и доведя ихъ до возможнаго въ то время совершенства, благодушно сложилъ руки и въ послѣдующіе годы моей земской службы предоставилъ ихъ собственной судьбѣ. Урожаи были достаточные, немедленной, острой нужды въ нихъ не было, и интересъ къ нимъ былъ постепенно утраченъ. Не знаю, въ какомъ положеніи они находятся сегодня; но если

N—скій уѣздъ не состоитъ въ рукахъ такого же новаго скороспѣлаго реформатора, какимъ былъ во время оно вашъ покорный слуга, читатель,—имѣю всяческія основанія предполагать, что его хлѣбозапасное дѣло давно пришло въ свое нормальное положеніе, т.-е. заброшено и забыто.

Мнѣ уже не разъ приходилось говорить о низкомъ уровнѣ крестьянской массы и крайней неудовлетворительности волостныхъ и сельскихъ учрежденій всякаго рода. Само собой разумѣется, что главной причиной было глубокое невѣжество громаднаго большинства—невѣжество, доходившее до примитивности, до того состоянія, въ которомъ вѣроятно находилось человѣчество во времена каменнаго вѣка. Невѣжество это было главнымъ врагомъ какого бы то ни было прогресса. Чтобы хоть какъ-нибудь затронуть его, зацѣпить его хотя бы поверхностно, необходимо было свести мужика, сблизить его съ цивилизующими вліяніями и элементами. А весь его жизненный режимъ упорно отказывалъ ему въ этомъ. Какъ онъ стоялъ особнякомъ во времена крѣпостного права, когда русскій народъ дѣлился на „бѣлую“ и „черную“ кость, и когда извѣстная часть этой бѣлой кости пресерьезно разсуждала о томъ, что у мужика не душа, а паръ,—такъ онъ остался особнякомъ и по освобожденіи, не въ той же грубой формѣ, но въ томъ же смыслѣ. И если его выборное волостное и сельское начальство и было, въ общемъ, ниже всякой критики, какъ бы ни предрасположена она была въ его пользу, и если оно съ теченіемъ времени не только не совершенствовалось, но и несомнѣнно падало, то это, по моему крайнему разумѣнію, только и доказывало, что разъ мужикъ оставался мужикомъ, и сущность дѣла останется той же, какъ ни разсади музыкантовъ и въ какія ливреи ихъ ни одѣнь. Безъ самодѣятельности, безъ самостоятельной способности къ здоровой работѣ, никакое учрежденіе не можетъ жить и развиваться,—оно можетъ только прозябать, подчиняясь безусловно вліяніямъ среды,—и мужикъ, конечно, не могъ измѣнить этой аксіомы, а онъ стоялъ именно въ такихъ условіяхъ, которыя исключали все подобное. Съ одной стороны, онъ былъ отдѣленъ больше чѣмъ каменной стѣной отъ всего того, что могло ему помочь; съ другой, лишенъ возможности проявить что-либо, что и могло оказаться въ немъ самомъ. Я уже разсказалъ выше, что лучшіе мужики откупались отъ выбора въ какія бы то ни было должности, избѣгали всего, что было связано съ общественной работой, и все дѣло крестьянскаго самоуправленія было сведено на практикѣ къ тому, что его выборные представители съ одной стороны являлись слѣ-

пыми исполнителями предписаній и предложеній всевозможнаго начальства, а съ другой—утѣснителями и вымогателями съ того же мужика. Было бы односторонне и неправильно судить и выводить заключенія о человѣкѣ по мужику; прежде чѣмъ дѣлать это, нужно было дать возможность этому мужику показать, что̀ въ немъ есть, если поставить его въ человѣческія, а не въ мужицкія условія. Мужикъ же въ мужицкихъ условіяхъ такъ и долженъ былъ остаться тѣмъ же мужикомъ. Я не берусь предсказывать, что̀ произошло бы отъ такой перемѣны, и какъ скоро; но утверждаю, что всякіе выводы о способностяхъ крестьянскаго населенія были и будутъ преждевременны до тѣхъ поръ, пока такая перемѣна не будетъ испробована и мужику не данъ шансъ показать, что̀ онъ можетъ дать, если и его признаютъ, наконецъ, человѣкомъ и поставятъ въ человѣческія условія.

Я думаю, что активные народники того времени, не тѣ, которые занимались составленіемъ народническаго евангелія и воспроизведеніемъ или искорененіемъ всяческихъ въ немъ раскословъ, а тѣ, которые, увѣровавъ, шли въ народъ,—потому, главнымъ образомъ, и не могли достичь какихъ-либо результатовъ, что попадали не въ то, чего они ожидали и къ чему были приготовлены, а въ какое-то чужеземное, незнакомое имъ царство. Они шли съ человѣческими идеями къ человѣку, а попадали къ мужику, въ обособленную и рѣзко ограниченную сферу. Мужикъ оказывался или совсѣмъ неспособнымъ воспринимать идеи, или воспринималъ ихъ по своему, по-мужицки, а не такъ, какъ ихъ воспринимали люди, въ мужицкихъ глазахъ—„господа“. „Погосподски“ онъ думать не умѣлъ, а если и умѣлъ, то только по поводу господскихъ же дѣлъ и господскихъ къ нему отношеній; въ своей же жизни, и во всемъ, что̀ касалось его собственныхъ дѣлъ, думалъ по своему, по-мужицки, и руководствовался своимъ мужицкимъ міровоззрѣніемъ, если, говоря цивилизованнымъ языкомъ, можно такъ назвать отмежеванную ему область—невообразимую смѣсь патернализма, невѣжества, слѣпого подчиненія начальству и міру, суевѣрія, предразсудковъ, традиціи. И въ эту сферу народники, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, такъ и не успѣли проникнуть; а тѣ чрезвычайно рѣдкія исключенія, которыя и добились этого, увидали такую картину всяческихъ невозможностей, что могли только придти въ отчаяніе. Они встрѣтили двойной отпоръ, и въ результатѣ получился нуль. Тотъ запасъ самоотверженія, искренности и благихъ намѣреній, который они несли съ собою, заслуживалъ лучшей участи.

VIII.

Покончивъ съ хлѣбозапасными магазинами, я взялся вплотную за кадастръ. Читатель долженъ извинить меня, что я употребляю такое серьезное, научное слово въ приложеніи къ грубой попыткѣ N—скаго земства имѣть основаніе для своихъ оцѣнокъ,— но въ нашемъ лексиконѣ того времени не было другого. Передъ тѣмъ, какъ приступить къ дѣйствительной работѣ, я съ годъ или больше переписывался съ нѣсколькими губернскими и уѣздными земствами, пытаясь получить хоть какія-нибудь практическія указанія; но, насколько помню, одно рязанское губернское серьезно думало о томъ же, что̀ занимало меня, да и оно въ то время только вырабатывало программу для будущаго. Такимъ образомъ, единственными источниками оказывались нѣкоторыя соображенія нашего губернскаго земскаго статистика, книжки, большею частью плохія или трактовавшія о совершенно различныхъ условіяхъ, да—какъ топографическое основаніе—карта Менде съ геодезическимъ къ ней описаніемъ, составленная, впрочемъ, тридцать или даже сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ, слѣдовательно, крайне существенно устарѣвшая; даже такія капитальныя измѣненія въ землевладѣніи, какъ произведенныя освобожденіемъ крестьянъ и ихъ надѣломъ, на ней не были обозначены. Намъ нужно было, во-первыхъ, провѣрить площадь и найти ускользавшее отъ обложенія имущество; во-вторыхъ, раздѣлить землю на разряды согласно дѣйствительности; въ-третьихъ, оцѣнить эти земли и разряды. Изъ двадцати-четырехъ волостей уѣзда только три или четыре имѣли компактную, округленную территорію; остальныя были раскиданы, верстъ на двадцать, даже на тридцать, заключали въ себѣ массу поселеній и чрезвычайно раздробленное земельное владѣніе; къ тому времени крестьяне уже начали покупать землю, когда представлялся случай, и мнѣ извѣстны были только два-три случая изъ цѣлыхъ сотенъ, когда они оставляли такую купленную землю въ общинномъ владѣніи. Такой поземельный и оцѣночный розыскъ прежде всего долженъ былъ возбудить между крестьянами толки — какъ, что̀, зачѣмъ, почему? Вѣчно стоявшее между ними представленіе и ожиданіе земельнаго передѣла, объ отобраніи всей земли у помѣщиковъ и обращеніи ея въ ихъ пользованіе могло надѣлать кутерьмы, и необходимо было вести дѣло крайне осторожно. Съ другой стороны, еслибы возникли между ними подозрѣнія, что предполагаемая оцѣнка будетъ имѣть отношеніе къ ихъ общегосудар-

ственнымъ податямъ и повинностямъ, было бы невозможно добраться до правды. Особенности мужицкаго міра таковы, и отношеніе мужика къ власти и „господамъ“ такъ антагонистично, что успѣхъ всякихъ мѣстныхъ изслѣдованій всегда находится въ зависимости отъ того, какъ объяснятъ себѣ ихъ сущность мужики; разъ сдѣланъ въ этомъ направленіи промахъ, его послѣдствія поставятъ въ опасность всю предпринимаемую работу. Имѣя все это въ виду, я долго колебался, съ какой именно волости начать дѣло, и выбралъ наконецъ такую, гдѣ, казалось, всѣ условія были болѣе или менѣе благопріятны. Волостной старшина былъ умный, толковый, еще молодой мужикъ, состоявшій гласнымъ уѣзднаго собранія уже нѣсколько трехлѣтій и успѣвшій уже усвоить сущность и цѣли земскихъ учрежденій; въ волости жило нѣсколько интеллигентовъ, старожиловъ, серьезно сочувствовавшихъ всей идеѣ кадастра; волость была не очень велика, и землевладѣніе въ ней было средняго размѣра. Кромѣ того, она была пограничной съ другимъ уѣздомъ, такъ что можно было начать съ границы уѣзда и ея безспорнаго района, а опредѣленіе точныхъ волостныхъ границъ было одной изъ задачъ изслѣдованія, такъ какъ границы эти были въ то время почти всѣ безъ исключенія спорными; уѣздъ же дѣлился на разные участки, напр. мировыхъ судей, полицейскіе станы, по волостямъ, и потому изъ-за ихъ границъ нерѣдко возникали недоразумѣнія. Осенью, когда полевыя работы были покончены, я назначилъ въ волостномъ правленіи первый съѣздъ. Оповѣщены были всѣ частные владѣльцы, всѣ крестьянскія общества, казна, имѣвшая въ волости нѣсколько дачъ, сельское духовенство. Предложено было захватить съ собой всѣ документы на владѣніе, всѣ планы генеральнаго и спеціальнаго межеваній, и частные —съ тѣхъ поръ. Карта Менде должна была служить основой; предполагалось увеличить ея масштабъ и нанести на нее всѣ послѣдовавшія измѣненія въ землевладѣніи; при земской управѣ была небольшая литографія, и я намѣревался отпечатать впослѣдствіи полныя волостныя карты, съ обозначеніемъ поселеній и всѣхъ границъ настоящаго землевладѣнія. Забравъ съ собой Николая Ивановича, мою неизмѣнную ходячую крестьянскую энциклопедію, касавшіяся волости земельныя вѣдомости и окладныя книги, я поѣхалъ въ ея правленіе наканунѣ съѣзда, и открылъ его въ назначенный день рано утромъ. Изслѣдованіе продолжалось цѣлыхъ восемь сутокъ, начинаясь ежедневно съ шести часовъ утра и продолжаясь до восьми-девяти вечера, въ

сущности безъ перерывовъ, пока голосъ мой не отказывался служить и карандашъ не выпадалъ изъ руки отъ утомленія.

Впослѣдствіи я изслѣдовалъ такимъ же образомъ еще нѣсколько волостей, въ разныхъ мѣстностяхъ уѣзда. Слухи о томъ, что и какъ было сдѣлано въ первой, быстро проникли во всѣ углы, и населеніе—всѣ его классы—все сочувственнѣе и полнѣе отзывалось на все болѣе выяснявшіяся требованія дѣла. Интересы землевладѣнія были такъ перепутаны, такъ проникли и обнимали собой всю деревенскую жизнь, что ихъ подробное изслѣдованіе развертывало передъ наблюдательными глазами обширнѣйшую, полнѣйшую ея картину. Я не могу не сожалѣть, что не обладаю литературнымъ талантомъ,—такъ картина эта была грандіозна и достойна пера Гоголя или Глѣба Успенскаго. Мои слабыя силы не въ состояніи описать этой картины, и мнѣ остается только попытаться дать ея фактическій остовъ, эскизъ того, что она могла и должна бы дать.

Относительно дворянскаго землевладѣнія прежде всего выяснилось то, что фактическое владѣніе только иногда совпадало съ документальнымъ. Только не болѣе чѣмъ въ половинѣ случаевъ были у наличныхъ помѣщиковъ законные документы на владѣніе,—купчія крѣпости, дарственныя записи, раздѣльные акты; еще рѣже попадались формальные вводы во владѣніе по постановленіямъ надлежащихъ судовъ. Было не мало помѣщиковъ, у которыхъ не было рѣшительно никакихъ документовъ. Дворянскія имѣнія состояли въ родѣ сто, двѣсти лѣтъ, переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ отца къ сыну, дѣлились между нѣсколькими дѣтьми; изъ нихъ выдѣлялись части вдовамъ и сестрамъ, съ теченіемъ времени опять переходившія въ общій его составъ;—мнѣ пришлось возстановлять не мало родословныхъ деревъ за цѣлое столѣтіе или даже больше. Весьма часто эта переходимость не оформлялась законнымъ образомъ; ея основой часто служили самодѣльные проекты предполагавшихся документовъ, письма, нигдѣ не явленныя духовныя завѣщанія, иногда даже просто устное преданіе. По ближайшимъ законнымъ документамъ имѣніе цѣликомъ находилось во владѣніи какого-нибудь секундъ-маіора или капитанъ-поручика Екатерининскихъ временъ, давно, конечно, истлѣвшаго въ могилѣ, а въ дѣйствительности было раздѣлено на нѣсколько частей, и имъ владѣли уже правнуки подъ совершенно другими фамиліями. По картѣ Менде значилось какое-нибудь сельцо Нефедово съ нѣсколькими тысячами десятинъ земли въ одной окружной межѣ, а въ дѣйствительности на этой дачѣ стояло двѣ-три помѣщичьихъ усадьбы,

нѣсколько крестьянскихъ деревень, были вырѣзаны подъ отдѣльными названіями нѣсколько пустошей и отдѣльныхъ урочищъ. Планы генеральнаго и спеціальнаго межеваній были въ большинствѣ случаевъ утрачены владѣльцами; я помню не мало случаевъ, когда отъ нихъ оставалась половина или даже какой-нибудь уголокъ; часто они состояли изъ кусочковъ, образовавшихся по складкамъ, при чемъ часть этихъ кусочковъ была затеряна или пришла въ ветхость, дѣлавшую ихъ негодными къ употребленію. Въ такомъ же состояніи находилось и большинство старинныхъ документовъ на владѣніе—купчихъ, дарственныхъ и другихъ. Иногда самыя имена значившихся въ этихъ документахъ усадебъ, деревень и отдѣльныхъ пустошей были перемѣнены и съ теченіемъ времени забыты; только послѣ долгихъ разспросовъ находился какой-нибудь старожилъ, еще помнившій такую перемѣну и наводившій насъ наконецъ на путь истинный. Помню я двухъ-трехъ старушекъ-помѣщицъ, дѣвицъ изъ дворянъ, привезшихъ мнѣ въ платочкахъ цѣлыя связки древнихъ документовъ, писемъ, счетовъ,—самый послѣдній изъ которыхъ былъ помѣченъ полустолѣтіемъ или больше тому назадъ, и только путавшихъ наличное положеніе владѣнія. Пробившись два-три часа съ какимъ-нибудь обширнымъ отдѣльнымъ нумеромъ карты Менде и установивъ его настоящую дѣлимость, оказывалось, что не хватаетъ какого-нибудь участка по срединѣ, или въ какомъ-нибудь углу, а то и нѣсколькихъ; начнешь опять сначала, и найдешь въ концѣ концовъ какую-нибудь отдѣльную пустошь, принадлежащую уже лѣтъ двадцать какому-нибудь субъекту, проживающему или за три-девять земель, или неизвѣстно гдѣ, и совсѣмъ не значившуюся по земскимъ вѣдомостямъ. Такихъ Америкъ было открыто нѣсколько въ каждой волости;—были такіе случаи, когда сами владѣльцы не подозрѣвали объ ихъ существованіи, а ихъ угодьями пользовались втихомолку окрестные крестьяне. Помню я наконецъ и два-три такихъ земельныхъ участка, владѣльцевъ которыхъ такъ и не удалось разыскать даже и впослѣдствіи. Опредѣленіе количества десятинъ, нерѣдко даже приблизительно, было иногда абсолютно невозможно. Старики наши дѣлились не фактическимъ межеваніемъ земли, посредствомъ землемѣровъ и плановъ, а опредѣленіемъ новыхъ границъ живыми урочищами, ручьями, оврагами, дорогами, мѣстными названіями; на такія новыя межи, „углы“, „верхи“, „камни“, „концы“ сгоняли крѣпостныхъ деревенскихъ ребятъ, и пороли ихъ на нихъ вплотную, чтобы они ихъ помнили въ будущемъ. Открывъ, подобно Христофору Колумбу, такую невѣдомую до-

толѣ земскому обложенію „Голодаиху“ или „Волчій-Верхъ“, приходилось подобно ему же, глазомѣромъ на картѣ, опредѣлять и ихъ пространство; въ общей суммѣ дачи не хватаетъ столькихъ-то десятинъ, значитъ, приблизительно, опредѣлимъ открытіе въ эту недохватку. Безъ произвола, и иногда очень широкаго, конечно, нельзя было обойтись и тутъ.

Наткнулся я при этомъ и на многія тяжебныя дѣла, тянувшіяся въ нѣкоторыхъ случаяхъ цѣлые десятки лѣтъ. Главными ихъ основаніями были бездокументность, съ одной стороны, и самодурство—съ другой. Иначе „Голодаиха“ не стоила и никогда не будетъ стоить и десятой доли того, что было изведено на сутяжничество по ея поводу. Эти тяжбы также серьезно затрудняли правильность вѣдомостей землевладѣнія уѣзда и почти всегда несли съ собою значительныя земскія недоимки. Бо́льшая ихъ часть носила чисто комическій характеръ, но были и трагическіе случаи, ярко подчеркивавшіе поразительную безпорядочность и безправность всей нашей деревенской жизни.

Если въ томъ, что документальная сторона дворянскаго землевладѣнія была въ такомъ плачевномъ, часто прямо безнадежномъ положеніи, и была, конечно, прежде всего виновата помѣщичья безпечность и распущенность, тѣмъ не менѣе играло въ ней и самую существенную роль полное несоотвѣтствіе жизненныхъ деревенскихъ условій съ требованіями закона. Я засталъ и помню только самый хвостикъ старыхъ судебныхъ учрежденій, и не знаю, какъ относились они къ такимъ дѣламъ, какъ утвержденіе въ правахъ наслѣдства и вводы во владѣніе,—вѣроятно, при достаточной мздѣ, можно было устроить что́ угодно,—но новые окружные суды относились къ нимъ очень строго, и требовали отъ деревни абсолютнаго выполненія всѣхъ требованій закона. А это было всегда очень трудно, а часто и прямо невозможно. Такъ, напримѣръ, мнѣ достались по наслѣдству имѣнія въ двухъ губерніяхъ и нѣсколькихъ уѣздахъ послѣ отца, матери и нѣсколькихъ родственниковъ, въ томъ числѣ послѣ бабки, матери отца, и ея сестры, изъ дворянъ дѣвицы. Случилось такъ, что и отецъ и мать мои умерли раньше бабки и ея сестры, и я былъ подъ опекой; эта опека распространилась и на имѣнія послѣднихъ, по ихъ смерти, но ничего не сдѣлала по дѣлу объ утвержденіи меня въ правахъ наслѣдства, такъ что когда, по достиженіи совершеннолѣтія, я вынужденъ былъ взяться за него, прошло ужъ слишкомъ десять лѣтъ со времени ихъ смерти. Никакихъ документовъ не было. Хотя ихъ имѣнія и были когда-то выдѣлены изъ того же цѣлаго, изъ котораго произошло имѣ-

ніе отца, тѣмъ не менѣе утвержденіе въ правахъ наслѣдства послѣ отца, хотя и взяло лѣтъ пять, было легче, такъ какъ послѣ него остались его метрическое свидѣтельство и указъ объ отставкѣ,—послѣ бабокъ же ничего не было. Бумаги одной сгорѣли въ пожарѣ дома; относительно другой не было извѣстно, гдѣ она была рождена и крещена. Въ родословной дворянской книгѣ ихъ именъ не оказалось. Ровно десять лѣтъ провозился я съ этимъ дѣломъ, и оно такъ и осталось неоконченнымъ. Въ городѣ, гдѣ помѣщался окружной судъ, былъ всего одинъ присяжный повѣренный, очень лѣнивый и безпечный человѣкъ,—онъ бралъ съ меня аккуратно пять рублей за визитъ, „за разговоръ", но сдѣлать такъ-таки ничего и не сдѣлалъ. Мы писали, писали, писали; искали, искали, искали; но въ правахъ наслѣдства я не утвержденъ и до сихъ поръ. Хорошо еще, что на святой Руси можно владѣть невозбранно всякимъ имуществомъ и безъ какихъ бы то ни было документовъ,—никому до этого, повидимому, никакого дѣла нѣтъ. Если такой казусъ приключился со мной, ѣздившимъ постоянно и въ уѣздный, и въ губернскій городъ, и соприкасавшимся чуть ли не ежедневно со всѣми чинами, въ рукахъ которыхъ находилось это производство, то на что же могли разсчитывать сиднемъ сидѣвшіе въ своихъ имѣніяхъ мелкопомѣстные дворяне? Помѣщичьи дома горѣли, сельскія церкви съ метриками горѣли, браки и крестины происходили иногда гдѣ придется, въ особенности если отецъ былъ полковымъ офицеромъ—судьба большинства помѣщиковъ того времени; документы терялись, губернскіе города съ консисторіями и родословными книгами были далеко,—гдѣ тутъ было слѣдить за всѣми подобными тонкостями? А въ результатѣ получился совершенный документальный хаосъ, распутать который, вѣроятно, никогда не придется. Я лично знаю не мало случаевъ, когда старшій нотаріусъ мѣстнаго окружного суда, большой формалистъ, спасалъ помѣщика отъ неминуемой нищеты, отказываясь утверждать купчія крѣпости и закладныя; бездокументность являлась непреодолимой преградой и спасала прогорѣвшимъ, никуда въ жизненной битвѣ негоднымъ бѣднякамъ ихъ послѣднее пристанище.

Формальная сторона крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія была въ гораздо лучшемъ порядкѣ—у всѣхъ были на лицо ихъ уставныя грамоты и надѣльные планы. Зато въ исполненіи, на практикѣ, документы эти большею частью оказывались ниже всякой критики. Положеніе 19 февраля застало деревню безъ сколько-нибудь сносныхъ землемѣровъ, такъ какъ никто не по-

заботился своевременно о томъ, что они будутъ нужны и въ большомъ числѣ. Составъ ихъ въ Z-ской губерніи былъ просто ужасенъ. При N-скомъ съѣздѣ мировыхъ посредниковъ состоялъ землемѣромъ субъектъ, рѣшительно нигдѣ не учившійся, не имѣвшій даже астролябіи и работавшій простой карманной бусолью,— и я такъ-таки и не могъ найти лучшаго. Спросъ на нихъ былъ огромный,—вездѣ приходилось отводить крестьянскіе надѣлы, всѣ торопились, и работа эта, въ общемъ, была произведена отвратительно, положила начало массѣ судебныхъ тяжбъ и самыхъ серьезныхъ осложненій. Въ моихъ рукахъ перебывали сотни надѣльныхъ крестьянскихъ плановъ,—ничего небрежнѣе и безобразнѣе ихъ и представить себѣ было нельзя. Во многихъ случаяхъ площади были вычислены невѣрно, въ другихъ—линіи и углы были измѣрены или нанесены невѣрно, и, при правильномъ нанесеніи, замкнуть площадь было невозможно. Я знаю планы смежныхъ деревень, сдѣланные разными землемѣрами, на которыхъ смежныя границы были нанесены совершенно различно. Границы отрѣзной помѣщика не совпадали съ смежными имъ границами крестьянскаго надѣла,—начинались споры, пререканія, затѣмъ неизбѣжное самоуправство со стороны мужиковъ. Немало прошло черезъ нашъ съѣздъ мировыхъ посредниковъ такихъ дѣлъ, неизбѣжно переходившихъ въ высшія инстанціи; они стоили мужикамъ времени, хлопотъ, денегъ, даже усмиреній, а разрѣшить ихъ безъ произвола не могъ бы и самъ царь Соломонъ,—такъ они были спутаны небрежностью мировыхъ посредниковъ и абсолютной негодностью землемѣровъ. Мое изслѣдованіе вынесло на поверхность цѣлые десятки такихъ дѣлъ, такихъ несообразностей и абсурдовъ, и хотя мужикъ неизмѣнно видѣлъ въ нихъ „господскія“ козни и утверждалъ единогласно, что и посредники, и землемѣры были „закуплены“, для меня было ясно, что виной были не злые умыслы кого-либо, а безпечность и лѣность, неспособность и глупость исполнителей.

Купленныя крестьянскія земли составляли въ то время только очень незначительный процентъ всей площади уѣзда, который, однако, медленно, но неуклонно повышался съ каждымъ годомъ, и при ихъ распредѣленіи по владѣльцамъ онѣ представили собой неожиданныя трудности, особенно благодаря чрезмѣрной дробности владѣнія. Такіе случаи, чтобы купленная земля владѣлась цѣлой деревней-общиной, были крайне рѣдки; почти всегда, пріобрѣтая землю, мужикъ обращался къ частному владѣнію. Покупая у барина пустошь или отрѣзную, за извѣстную опредѣленную сумму, участники обыкновенно дѣлили ее не по

десятинамъ, а по деньгамъ; если она стоила, напримѣръ, пятьсотъ рублей, одинъ вносилъ двадцать, другой—двадцать-пять, третій—тридцать и т. д., смотря по средствамъ и надобностямъ, и земля, сообразно этимъ взносамъ, дѣлилась тѣми же землемѣрными способами, которыми мужикъ дѣлилъ свои надѣлы, но такъ, что участокъ всякаго былъ въ одномъ мѣстѣ, а не мелкими полосками, и, конечно, такіе участки уже не подлежали передѣламъ, а предназначались въ „вѣчное владѣніе". Такіе участки были иногда очень мелки,—на пустошь въ двадцать десятинъ было тридцать владѣльцевъ или больше, да и эти мелкіе участки дробились съ теченіемъ времени все больше и больше раздѣлами, перепродажей между собой и т. д. Первоначальный покупной документъ былъ, можетъ быть, и хорошъ, хотя мнѣ попадались купчія крѣпости, совершенныя у младшаго нотаріуса, но такъ и не утвержденныя старшимъ; но фактическое владѣніе все больше и больше отдалялось отъ него, такъ какъ эти семейные раздѣлы и перепродажи въ громадномъ большинствѣ случаевъ не оформлялись законнымъ образомъ, и въ крестьянскомъ частномъ владѣніи шелъ тотъ же процессъ, что и въ дворянскомъ, и я не сомнѣваюсь, что черезъ два-три поколѣнія оно будетъ представлять собою совершенно неисправимый хаосъ. Если сложность и требовательность законоположеній о земельной переходимости дѣлали ее недоступной и помѣщикамъ, если окружные суды и старшіе нотаріусы были такъ отдалены отъ деревни, что явка и утвержденіе купчей крѣпости на небольшіе клочки стоила, конечно, дороже самой земли, то къ чему же долженъ былъ привести такой порядокъ мужика? Было ли при такихъ условіяхъ достижимо упорядоченіе правовыхъ отношеній вообще и оформленіе переходимости недвижимой собственности въ особенности? Законы были, можетъ быть, и хороши, но они были недоступны деревнѣ—необходима была децентрализація ихъ органовъ, большая ихъ близость къ деревнѣ. Только гораздо болѣе мелкая земская единица, чѣмъ уѣздъ, и всесословная волость, и могли бы дать деревнѣ такіе органы, привлекши къ общественному дѣлу многихъ полезныхъ людей, которые были отрѣзаны отъ него существовавшимъ порядкомъ; только такіе органы и могли бы возбудить самодѣятельность, сблизить и уравнять населеніе, уничтожить мужицкую изолированность и вызвать наружу все то, что, конечно, скрывало въ себѣ крестьянство. Я не берусь рѣшать, что было хуже для мужика—недоступныя ли ему общія судебныя учрежденія, какъ они были организованы въ то время, или волостной судъ и обычное право;

но мнѣ всегда казалось что изъ обоихъ могла бы быть выкроена такая середина, которая бы, конечно, лучше соотвѣтствовала деревенскимъ жизненнымъ условіямъ всѣхъ классовъ, соединила бы ихъ, вызвала бы всѣ спавшіе элементы и могла бы положить начало конца хроническимъ безправію и неурядицѣ. Я всегда думалъ, что и уѣздное земство было слишкомъ далеко отъ населенія вообще и мужика въ особенности, что они поэтому относились къ нему какъ къ обычному начальству, и что возбудить ихъ интересъ и заручиться ихъ сердечной, активной поддержкой могли бы только гораздо ближе къ нимъ поставленныя учрежденія.

Быстро накоплявшаяся запутанность частнаго крестьянскаго землевладѣнія была такова, что, разобравъ и распутавъ два-три такихъ владѣнія, я еще при изслѣдованіи первой волости пришелъ къ тому заключенію, что земской управѣ слѣдить за этой дробностью и переходимостью владѣнія изъ года въ годъ будетъ совершенно невозможно; она не могла бы производить такія изслѣдованія на мѣстѣ каждый годъ, пришлось бы поручить ихъ волостнымъ правленіямъ, которыя не были бы нисколько заинтересованы въ ихъ точности, и получилась бы путаница; въ интересахъ обложенія было совершенно достаточно, чтобъ извѣстная пустошь или отрѣзная показывались цѣликомъ въ окладной книгѣ и листахъ, и я порѣшилъ заносить ихъ подъ именемъ одного участника съ товарищами; окладывалась, напр., пустошь Голодайха, въ двадцать десятинъ, раздѣленныхъ на разряды такимъ-то образомъ, окладъ три рубля, а участники раздѣлили эту сумму между собою сообразно фактическому владѣнію за извѣстный годъ. Что при такомъ порядкѣ современемъ должны были возникнуть споры, сутяжничество, произволъ—не могло быть никакого сомнѣнія; но что же оставалось дѣлать? Мужикъ и радъ бы былъ оформить свое владѣніе, но это было ему совершенно недоступно. Замѣчу кстати, что крестьяне всегда платили земскій окладъ на купленную землю если и неохотно—охотно они ничего не платили,—то безъ всякихъ разговоровъ и недоимокъ, и при первой же возможности. Никакихъ хлопотъ по поводу взысканія этой части земскихъ повинностей у управы никогда не было.

Однимъ изъ самыхъ главныхъ практическихъ показателей цѣнности земли въ данное время въ извѣстной мѣстности служитъ цѣна при сдѣлкахъ по куплѣ и продажѣ. Основать всю оцѣнку на этомъ показателѣ невозможно, а въ то время было и особенно трудно, такъ какъ переходимости такимъ способомъ

болѣе или менѣе значительныхъ цѣлыхъ имѣній не было; продать имѣніе за наличныя деньги, безъ существованія какихъ-нибудь особенныхъ условій, было нельзя. Единственными покупателями были крестьяне, но и тѣ покупали только клочки, отрѣзныя земли или небольшія пустоши, такъ какъ денегъ у нихъ не было. Я изслѣдовалъ цѣлые десятки такихъ сдѣлокъ, и громадное большинство ихъ дѣлалось съ разсрочкой въ годы, частью за работу, и т. д. Эти сдѣлки исполнялись крестьянами свято, и я не помню ни одного случая, чтобы они не выплатили или не исполнили своихъ обязательствъ въ срокъ. Для ознакомленія съ цѣнностью земли посредствомъ такихъ сдѣлокъ я сдѣлалъ изъ волостей нѣсколько поѣздокъ для осмотра проданныхъ участковъ на мѣстѣ и всегда поражался тѣми улучшеніями, которыя сразу дѣлались мужиками на купленной землѣ. Всегда можно было безошибочно указать всю межу между надѣльной землей и купленной. Надѣльная оставалась въ ея первоначальной примитивности, купленная сразу улучшалась. Въ N-скомъ уѣздѣ почти всѣ низины между полями, болѣе возвышенными, полны кочкарникомъ;—тутъ когда-то былъ лѣсъ, давно вырубленный, и скотъ, которому кочкарники эти служили главнымъ выгономъ, выминалъ тропки между гнившими на мѣстѣ пнями и быстро обращалъ низину въ негодную для обработки, чрезвычайно неровную поверхность. Купивъ такой кочкарникъ, мужики немедленно прокапывали канавы, выкорчевывали остававшіеся пни и корни, срѣзали кочки, гноили ихъ на мѣстѣ и затѣмъ раскидывали ровно по поверхности. Получался хорошій сѣнокосъ, дававшій много лѣтъ порядочные урожаи сѣна, и обработывать который было легко. Если принять въ соображеніе, что никакихъ рѣшительно вспомогательныхъ машинъ въ употребленіи не было, что всѣ подобныя работы дѣлались топоромъ, заступомъ и лошадинымъ трудомъ мужика,—ихъ трудность и громадность не могли не поражать наблюдателя. Купленную землю мужикъ холилъ и лелѣялъ, удобрялъ по возможности, не жалѣлъ на нее никакихъ трудовъ; цѣлыя семьи, старики, подростки, бабы и дѣвки копошились на ней осенью съ утра до ночи, и, какъ ни дологъ и тяжелъ былъ такой трудъ, быстро приводили ее въ превосходное состояніе, въ которомъ, при существовавшемъ малоземельи, должны бы были быть и могли бы быть приведены и всѣ подобные клочки и въ крестьянскихъ надѣлахъ. Производительность земли поднималась въ нѣсколько разъ; конечно, трудъ былъ великъ, но мужикъ не принималъ этого въ разсчетъ; осень все равно пропадала даромъ, полевыя

работы были всѣ закончены, когда онъ принимался за свой кочкарникъ, а уже на слѣдующее же лѣто онъ снималъ столько-то сѣна,—сѣна, которое въ нашихъ мѣстахъ было главнымъ двигателемъ всякаго хозяйства. Было ясно, что и мужикъ, и безъ всякой опеки, понималъ, что ему нужно; тѣмъ не менѣе, надѣльная земля такъ же продолжала пустовать, и на мои разспросы онъ неизмѣнно отвѣчалъ, что улучшать ее нѣтъ разсчета, такъ какъ первый же передѣлъ отнялъ бы у него расчищенную полосу. Посѣтилъ я во время этихъ разъѣздовъ и нѣсколькихъ „выползовыхъ“. Именемъ „выползова“ мужикъ крестилъ всякаго одиночку, выселившагося изъ деревни на собственную пустошь и отдѣлившагося отъ міра-общины. Такихъ „выползовыхъ“ и въ то время было уже нѣсколько въ каждой волости, и число ихъ росло съ каждымъ годомъ. Этимъ способомъ мужикъ съ почему-либо выдававшейся личностью протестовалъ противъ деспотизма міра и общиннаго землевладѣнія. „Выползовцы“ представляли собою отдѣльный, весьма опредѣленно очерченный типъ. Это были работящіе, толковые, но хмурые и себѣ-на-умѣ люди, предпочитавшіе отдѣльную, индивидуальную жизнь. Въ деревнѣ вся жизнь мужика проходитъ у всѣхъ на виду, и, хозяйничая на надѣльной землѣ, нельзя было быть самостоятельнымъ, необходимо дѣлать все, какъ дѣлаютъ остальные, въ одно время, одними и тѣми же способами. Нѣкоторыя деревни не позволяли держать свиней, ограничивали скотъ и лошадей на общественномъ выгонѣ и т. д. Міръ опредѣлялъ, напр., когда выпустить скотъ въ озимое поле, и я зналъ случаи, когда полосы травы оставались невыкошенными и хлѣба несжатыми или неубранными, потому что малосильные не могли управиться такъ же скоро съ своей работой, какъ многосемейные. „Выползовцы“ освобождались отъ всего этого и, въ экономическомъ смыслѣ, обыкновенно процвѣтали; ихъ земли, ихъ скотъ, все ихъ хозяйство стояли выше обыкновеннаго мужицкаго уровня, и сами они были болѣе бойкаго характера, независимѣе, самостоятельнѣе, сильнѣе средней мужицкой массы. Это были индивидуалисты, не вынесшіе гнета коллективизма и удалившіеся отъ него, такъ сказать, въ пустыню. Я не берусь рѣшать, что именно выдѣлило ихъ,—то ли, что они были сами по себѣ выдающіеся по своему характеру люди, или то, что они были свободны отъ давленій міра,—но несомнѣнно, что они были предпріимчивѣе, отзывчивѣе, любознательнѣе,—словомъ, живѣе средняго деревенскаго мужика.

Документальная часть землевладѣнія остальныхъ частныхъ владѣльцевъ—купцовъ, мѣщанъ, разночинцевъ—принадлежала уже

къ новѣйшимъ формаціямъ деревенской жизни и была въ гораздо лучшемъ порядкѣ, чѣмъ дворянскаго; но въ то время въ нашемъ уѣздѣ такихъ владѣльцевъ было еще, сравнительно, немного, и потому въ этомъ изслѣдованіи они играли только незначительную роль.

Одна казна и обладала превосходными планами и научно, систематически составленными описаніями всѣхъ своихъ дачъ. Работы эти были произведены ею въ нашемъ уѣздѣ незадолго до описываемаго мною земельнаго изслѣдованія. Но хотя планы и измѣренія площадей и нельзя было оспаривать, качество земли и въ особенности лѣсовъ, показываемое казною, вызывало обыкновенно самыя шумныя возраженія со стороны мѣстныхъ жителей—сосѣдей казенныхъ дачъ. Ученые лѣсничіе таксаторы принимали въ соображеніе такіе факторы, о которыхъ мужикъ, конечно, не имѣлъ никакого понятія.

— Вотъ, братцы, Карякинская лѣсная дача показана казной какъ дровяной лѣсъ. Земская же управа зачислила ее въ строевой. Кто знаетъ эту дачу, кто изъ васъ ближніе сосѣди?

— Это какая же Карякинская дача? Намъ этакая что-то не вдомёкъ будетъ. Которая это?

— Дача эта только по документамъ называется Карякинской, а въ просторѣчіи зовется „Медвѣжьимъ-Верхомъ“, — подсказываетъ сидящій рядомъ лѣсничій.

— „Медвѣжій-Верхъ“? Вотъ вы про что. Знаемъ „Медвѣжій-Верхъ“, какъ не знать. Мы сусѣди. Бѣдовый тамъ лѣсъ, страшенный. И-и какой! взглянешь на него—шапка валится. Гдѣ ты это тамъ дрова нашелъ? Строевой лѣсъ, батюшка, ваше высокоблагородіе, такъ и пиши.

Лѣсничій пускается въ пространное изложеніе причинъ, почему „Медвѣжій-Верхъ“ значится въ таксаторскомъ описаніи дровянымъ. Медленность наслоенія, низкая почва, недостаточность осушенія, подверженность бурелому — тысяча уважительныхъ причинъ.

Мужики внимательно слушаютъ, но ничего не понимаютъ, и только улавливаютъ попадающееся въ послѣдней части объясненія лѣсничаго слово „буреломъ“.

— Буреломъ? Знамо дѣло, буреломъ. Какъ въ этакой лѣсинѣ бурелому не быть? Вы, батюшка, ваше высокоблагородіе, допросите Кузьму, онъ завсе тамъ съ ружьемъ шляется.

Откуда-то вынырнулъ Кузьма, очевидно отставной солдатъ.

— Это, ваше благородіе, точно мужики говорятъ, лѣсище тамотка ужастенный, эвона какія сосны стоятъ...

И Кузьма растопыриваетъ руки, насколько это позволяетъ биткомъ набитая изба.

Лѣсничій опять объясняетъ, что дѣйствительно могутъ быть и строевые вихры въ Карякинской дачѣ, гдѣ повыше, но что въ общемъ дача признана дровяной въ виду такихъ-то и такихъ-то законовъ лѣсопроизрастенія, возраста и т. д.

Хотя передо мной и лежитъ таксаторское описаніе Карякинской дачи, щегольски-красиво составленное и написанное, уснащенное еще бо́льшимъ количествомъ научныхъ терминовъ, чѣмъ то, которымъ обладаетъ лѣсничій, уже лѣтъ тридцать прозябающій безвыѣздно въ N—скомъ уѣздѣ и соотвѣтственно позаржавѣвшій, тѣмъ не менѣе у меня не мало сомнѣній. Во-первыхъ, научное понятіе о строевомъ и дровяномъ лѣсѣ есть, вѣроятно, нѣчто неподходящее къ мѣстнымъ опредѣленіямъ этой волости, вызываемымъ крайнимъ безлѣсьемъ. Во-вторыхъ, я отношусь скептически къ точности работъ гг. казенныхъ таксаторовъ. Дѣло въ томъ, что рядомъ съ моимъ имѣніемъ есть тоже казенная дача, и въ ближайшей деревнѣ два лѣта проживала такая таксаторская партія для описанія этой дачи, состоявшая изъ трехъ офицеровъ и нѣсколькихъ кондукторовъ. Одинъ изъ гг. офицеровъ былъ все время безъ просыпу пьянъ; другой ѣздилъ по окрестнымъ помѣщикамъ, и, что́ было мнѣ достовѣрно извѣстно, ни разу не былъ въ лѣсу; третій привозилъ съ собой каждой весной по два сундука кумачей, ситцевъ, платковъ и бусъ, и постепенно освобождался къ осени отъ этого запаса въ вѣчной погонѣ за деревенскими сильфидами. Кондуктора якобы выходили по утрамъ на работу, но за околицей отпускали мужиковъ, получившихъ довольно значительную поденную плату, за нѣкоторую мзду, по домамъ, и отправлялись черезъ оврагъ къ веселой солдаткѣ, у которой и благодушествовали цѣлые дни. Пока вся эта картина возстановляется въ моей головѣ, лѣсничій безучастно сопитъ рядомъ, поглядывая на часы; я знаю, что его ждетъ у сосѣдняго помѣщика обѣдъ и партія преферанса, до котораго онъ страстный охотникъ, и что ему совершенно все равно, въ какомъ смыслѣ будетъ порѣшена судьба Карякинской дачи, „Медвѣжьяго-Верха“—тожъ. А Николай Ивановичъ неустанно шепчетъ мнѣ: „если съ казны не брать, такъ съ кого же“? Ему, мужицкому земскому „оку“, и въ голову не приходятъ мысли о безпристрастіи, о равноправности земскихъ плательщиковъ, о законности; на всѣ эти теоретическія тонкости, смущающія мою интеллигентную совѣсть, онъ смотритъ съ точки зрѣнія опыт-

наго практика, или, проще, онѣ для него не существуютъ. Что бы вы сдѣлали, читатель, на моемъ мѣстѣ?

Изслѣдованіе волости я считалъ оконченнымъ только тогда, когда послѣдній клочокъ земли въ ея районѣ былъ распутанъ и помѣщенъ въ окладную книгу. Составленная и отпечатанная потомъ волостная карта посылалась въ волостное правленіе и становилась основой для всѣхъ дальнѣйшихъ измѣненій и переходовъ поземельнаго имущества. Тысячи и десятки тысячъ десятинъ были привлечены къ обложенію; распредѣленіе по разрядамъ было основано на болѣе или менѣе точныхъ, провѣренныхъ данныхъ, и всякія „отписки“ по этому поводу, а съ ними и отнимавшая тамъ много времени переписка, почти совершенно прекращались. Распредѣленіе это дѣлалось публично, въ присутствіи всѣхъ сосѣдей, было часто оспариваемо на съѣздахъ владѣльцами, но почти во всѣхъ случаяхъ приводилось къ полюбовному соглашенію, исключавшему возможность споровъ въ будущемъ. Нисколько не стѣснявшіеся утаивать правду въ канцелярской перепискѣ, землевладѣльцы стѣснялись дѣлать то же самое въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей-сосѣдей. Правда неизмѣнно выходила наружу настолько, что удовлетворяла всегда развивавшееся на этихъ съѣздахъ и проявлявшееся болѣе или менѣе осязательно общественное чувство. Оба эти фактора неизмѣнно приводили къ усиленію земскихъ рессурсовъ, безъ отягощенія населенія, такъ какъ въ сущности былъ открытъ новый, дотолѣ ускользавшій источникъ обложенія, дававшій, по моимъ исчисленіямъ, отъ 30 до 40 процентовъ увеличенія.

Эти же изслѣдованія дали мнѣ возможность вглядѣться болѣе или менѣе пристально въ общее экономическое положеніе уѣзда. Помѣщичье хозяйство почти безъ всякихъ исключеній вездѣ находилось въ совершенномъ упадкѣ. Вѣроятно въ большинствѣ случаевъ, и навѣрное въ цѣлой ихъ половинѣ, активное хозяйство было въ нихъ къ тому времени уже закрыто; поля были или запущены, или отдавались—изъ извѣстной части урожая—окрестнымъ крестьянамъ, а сѣнокосы—въ аренду за деньги. Само собой разумѣется, что безъ удобренія поля быстро выпахивались, тощали окончательно и тоже запускались, сдѣлавшись неспособными къ обработкѣ на долгое время и въ будущемъ. Усадьбы не поддерживались и, покинутыя владѣльцами, быстро разрушались. Въ тѣхъ случаяхъ, когда хозяйство поддерживалось, только очень рѣдко земля обрабатывалась наемными рабочими и собственнымъ инвентаремъ; господствовала система обработки полей подесятинно: окрестные крестьяне обязывались обработы-

вать сполна одну десятину озимаго, одну ярового хлѣба и двѣ или три десятины покоса, за извѣстную, опредѣленную плату; система эта завелась вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, и держалась очень упорно, хотя и была, конечно, очень невыгодна обѣимъ сторонамъ по многимъ причинамъ. Плата была установлена весьма низкая, такъ что за рабочій конный день приходилось мужику копѣекъ тридцать, за пѣшій и женскій—и того, конечно, меньше. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе первыхъ десятилѣтій, бывшій крѣпостной мужикъ держался за эту систему весьма крѣпко, такъ какъ она была почти единственнымъ для него источникомъ добыть наличныя деньги, необходимыя на уплату повинностей. До освобожденія, наличныя деньги были большой рѣдкостью для средняго крѣпостного крестьянина, работавшаго извѣстную часть своего времени на барщинѣ. Подушныя за него платилъ баринъ; все, или почти все, что̀ ему было нужно для домашняго обихода, онъ производилъ самъ, и я лично помню сѣдыхъ стариковъ, для которыхъ рубль былъ огромнымъ капиталомъ, чуть ли не maximum'омъ того, что̀ проходило за одинъ разъ черезъ ихъ руки. Съ освобожденіемъ сразу понадобились деньги, и на подушныя, и на оброкъ барину, или выкупные платежи казнѣ, и на мірскіе сборы, и деньги для мужика очень значительныя,—рублей по десяти и больше съ души. Одинокому въ хозяйствѣ—а такихъ, конечно, было значительное большинство—нельзя было отлучиться отъ дома, а мѣстныхъ заработковъ, кромѣ какъ у тѣхъ же помѣщиковъ, никакихъ рѣшительно не было. Въ то же время у большинства помѣщиковъ, обработывавшихъ дотолѣ свои усадьбы барщиной, не было достаточнаго, а чаще и никакого рабочаго инвентаря; система „круговыхъ“ десятинъ и была результатомъ этого положенія, и спасла въ то время въ нашихъ мѣстахъ отъ полнаго внезапнаго банкротства и барина, и мужика. Но, получая очень низкую плату, мужикъ давалъ и еще болѣе низкое качество работы—пахалъ небрежно и мелко, кралъ сѣмена при сѣвѣ, неровно развозилъ и разбивалъ навозъ, жалъ и молотилъ нечисто, гноилъ сѣно на покосѣ, и всячески отлынивалъ отъ своевременной явки на работу. Дѣло было въ томъ, что своя полоса и работа поспѣвали у него одновременно съ барской, и не могъ же онъ видѣть свое сѣно гніющимъ и свое зерно осыпающимся изъ-за той нищенской платы, которую онъ получалъ за барскую десятину. Какое-либо улучшеніе въ методахъ хозяйства при этой системѣ было немыслимо,—напротивъ, поля и сѣнокосы замѣтно ухудшались и падали въ производительности; тѣмъ не менѣе, она была долгое время един-

ственнымъ выходомъ, такъ какъ обработка наемными рабочими требовала немедленной затраты значительнаго, сравнительно, капитала и на инвентарь, и на рабочихъ, а „десятинщики“ получали большую часть своей платы осенью, когда можно было запродать на этотъ предметъ хлѣбъ или получить деньги за лѣтнее молоко. Какого бы то ни было кредита не существовало, и наличныя деньги были дѣйствительно драгоцѣнностью. Даже состоятельные, сравнительно, помѣщики оборачивались съ большимъ трудомъ, а мелкопомѣстные вѣчно сидѣли безъ гроша и въ долгу у всей округи. Мужикъ же совсѣмъ не видѣлъ денегъ; получивъ ихъ осенью отъ помѣщика, онъ несъ ихъ цѣликомъ сельскому старостѣ или въ волостное правленіе. Когда подати стали „выбивать“ все больше и больше въ срокъ, волостное начальство стало прямо заарестовывать деньги въ рукахъ нанимателей, и само получало ихъ, для вѣрности, чтобы мужики не утаили части ихъ на собственную потребу.

Крестьянское благосостояніе, какъ я уже умѣлъ случай упомянуть выше, было очень неровно. До моего основательнаго знакомства съ деревней я думалъ, что нищета была главной, почти единственной причиной мужицкаго невѣжества. Къ сожалѣнію, и это мое предположеніе оказалось печальнымъ заблужденіемъ. Я нашелъ, что одно благосостояніе совсѣмъ не исключаетъ невѣжества; напротивъ, при извѣстныхъ условіяхъ оно только усугубляетъ его. Въ нашемъ уѣздѣ, какъ мнѣ уже не разъ приходилось упоминать выше, было двѣ—три волости бывшихъ государственныхъ крестьянъ; одна изъ нихъ была расположена верстахъ въ десяти—двадцати отъ моего имѣнія, и я зналъ ее очень близко. Почва въ ней была превосходная, и земельный надѣлъ на душу—почти вдвое больше надѣла бывшихъ крѣпостныхъ; кромѣ того, во владѣніи мужиковъ въ ея предѣлахъ было больше купленной ими земли, чѣмъ въ какой-либо другой волости уѣзда. Мужики въ ней были больше чѣмъ зажиточные—таковы были бѣднѣйшіе изъ нихъ; цѣлая половина была прямо богата, и богата не только землей, постройками, скотомъ, хлѣбомъ, но и деньгами. Ко мнѣ не разъ приходили втихомолку многіе изъ нихъ, съ запасами кредитокъ старыхъ образцовъ, съ золотомъ и серебромъ старинныхъ чеканокъ—справляться, какова ихъ цѣна теперь. Это были „тысячники“ въ широкомъ смыслѣ этого слова. У нѣкоторыхъ было по полусотнѣ, даже больше, десятинъ купленной земли, по 8—10 лошадей, по 20 дойныхъ коровъ;—жили они большими семьями, не дѣлились до дѣйствительной необходимости, и нравы въ ихъ средѣ, и общественные,

и, въ особенности, семейные, преобладали самые жестокіе, самые примитивные. Даже „Домострой“ показался бы раемъ въ сравненіи съ этими нравами. Таково же было и ихъ невѣжество; въ этомъ отношеніи они, конечно, стояли даже ниже окружавшихъ ихъ волость со всѣхъ сторонъ бывшихъ крѣпостныхъ, нищихъ сравнительно съ ними. Жадность и скаредность этихъ мужицкихъ крезовъ была ходячей поговоркой: „жаденъ какъ пушкарь“ — было самое общеупотребительное у ихъ сосѣдей сравненіе. Въ рабочую страду они работали день и ночь, безъ всякой передышки; много разъ, проѣзжая по этой волости ночью, видѣлъ я чуть ли не все населеніе на поляхъ. А жили они на квасѣ и хлѣбѣ; даже осенью, когда послѣдній крѣпостной мужикъ рѣзалъ теленка или ягненка къ празднику, пушкарь не сходилъ съ капусты и пустыхъ щей. Не было въ нихъ и обычнаго зимняго крестьянскаго щегольства;—тысячникъ ходилъ и зимой, и лѣтомъ въ заплатахъ, въ онучахъ и лаптяхъ; кожаные сапоги считались имъ роскошью даже въ престольный праздникъ. Когда введена была новая воинская повинность, и „записанные“ съ перваго же года принялись „чертить“ передъ пріемомъ по всему уѣзду, у однихъ пушкарей такая гульба была сразу настрого заказана, и они заставляли своихъ рекрутовъ работать попрежнему чуть ли не до дня пріема. Лихоимство при займахъ господствовало самое возмутительное—100% и даже больше за лѣто было самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, а вся окрестная гольтепа занимала у нихъ каждую весну до „нови“ и несла этой волости страшную, чисто-средневѣковую дань. Ничего несимпатичнѣе, ничего болѣе отталкивающаго не могло и быть. „Пушкарь не пожалѣетъ“,—говорилъ его должникъ, и дѣйствительно онъ не зналъ и знать не хотѣлъ, что такое совѣсть. Многоземелье требовало присутствія дома всѣхъ наличныхъ рабочихъ силъ; въ отхожихъ промыслахъ они не нуждались, и вели замкнутую, строго земледѣльческую жизнь; большинство никогда не бывало за предѣлами волости, заключавшей для нихъ въ себѣ рѣшительно все;—не только какіе-либо человѣческіе, но и уѣздные интересы для нихъ не существовали,—они были отдѣлены отъ остального міра какъ бы каменной стѣной. Помѣщичьихъ усадебъ въ предѣлахъ волости не было, негдѣ было селиться между ними и разночинцамъ, обыкновенно слѣдовавшимъ за разорившимися и уѣзжавшими дворянами,—и волость стояла внѣ всякихъ постороннихъ вліяній, въ совершенно примитивной, безпросвѣтной тьмѣ.

Деревенскіе „богачата“-кулаки встрѣчались почти во всякой деревнѣ, но и они обыкновенно нисколько не превосходили своихъ

односельчанъ общимъ развитіемъ, а только развѣ хищническими способностями. Богатство не принято было „оказывать“; мужикъ вообще трусливъ, и не любитъ, чтобы говорили объ его „достаткѣ“. Были, впрочемъ, и богачи „бахвалы“. Такіе строили „дома“, крыли ихъ тёсомъ, заводили наборную сбрую для праздника, хорошую одежду, самоваръ; но также жгли лучину по вечерамъ, носили лапти на работу и также пренебрегали всяческимъ „просвѣщеніемъ“. Мужицкое богатство не вызывало и не несло съ собой высшихъ потребностей, и ограничивалось чисто внѣшней, больше чѣмъ сомнительно-полезной мишурой. Вообще, на мой взглядъ, богатство, прежде всего, дѣлало мужика несимпатичнымъ, болѣе жестокимъ, болѣе требовательнымъ къ бѣднотѣ и болѣе трусливымъ и льстивымъ ко всякому начальству. Съ голяка нечего было взять, нечѣмъ было отъ него поживиться; богачъ же всегда трепеталъ болѣе или менѣе, изобрѣтая даже мнимыя для себя опасности, „ожесточался“ и „сатанѣлъ“, по мѣткому мужицкому выраженію. Тяжело доставалось мужику благосостояніе, но и оно, при тогдашнихъ мужицкихъ жизненныхъ условіяхъ, не избавляло его отъ невѣжества,—для этого, очевидно, не хватало многаго другого.

IX.

Въ теченіе этихъ же лѣтъ, мнѣ, какъ предводителю дворянства, пришлось привести въ дѣйствіе и новое Положеніе о воинской повинности.

Мнѣ пришлось застать только хвостикъ старой рекрутской системы; при мнѣ не было ни одного набора по старому порядку, а пришлось только принять въ солдаты нѣсколькихъ недоимочныхъ, перемѣнныхъ почему-либо или охотниковъ въ счетъ зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій. Поэтому о старой системѣ, какъ о цѣломъ, я ничего не могу сказать по собственному опыту; но дѣлопроизводство стараго рекрутскаго присутствія и съѣзда мировыхъ посредниковъ и вышеупомянутыхъ случаевъ было достаточно для того, чтобы придти къ опредѣленному заключенію въ томъ смыслѣ, что система эта была основана на насиліи, взяточничествѣ, фаворитизмѣ и цѣлой массѣ другихъ подобныхъ гадостей. Новое положеніе было истиннымъ благодѣяніемъ, прежде всего, потому что устраняло въ значительной степени произволъ всякаго начальства,—въ томъ числѣ и деспотизмъ сельскихъ обществъ. При прежнемъ порядкѣ произволъ былъ все, или, во

всякомъ случаѣ, почти все; жеребьевая система, если списки были составлены правильно и льготы распредѣлены соотвѣтственно закону, исключала даже возможность произвола. Къ сожалѣнію, положеніе было составлено, повидимому, слишкомъ спѣшно и не предусматривало цѣлой массы подробностей. При приведеніи его въ исполненіе многія воинскія присутствія, не отличавшіяся самостоятельностью и не желавшія брать на себя отвѣтственности, запрашивали объясненій чуть ли не по каждому пункту; объясненія эти давались спѣшно, не всегда послѣдовательно, и уже послѣ перваго же призыва не только существенно осложнили дѣло, но и стали давать лазейки тому же произволу. Не могу не обратить вниманія читателя на одну общую черту, съ которой мнѣ, въ теченіе всей деревенской общественной жизни, пришлось сталкиваться почти ежедневно при отправленіи служебныхъ обязанностей по всѣмъ отраслямъ дворянскаго и земскаго самоуправленія. Черта эта состояла въ томъ, что всѣ основныя, первоначальныя положенія о разныхъ учрежденіяхъ—„Положеніе о крестьянахъ 19 февраля 1861 г.“, о земствѣ, о судебной реформѣ [1]), о новыхъ по-крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ, о воинской повинности, о конской повинности, объ училищныхъ совѣтахъ—загромождались весьма быстро самыми разнообразными объясненіями высшихъ государственныхъ учрежденій, а всего больше циркулярами министровъ, добавочными, такъ сказать, распоряженіями, имѣвшими для насъ, исполнителей, всю силу новыхъ узаконеній. Законъ въ первоначальной формѣ, благодаря этому, постоянно расширялся и осложнялся, дѣлался все болѣе и болѣе недоступнымъ населенію и мало-по-малу переходилъ во что-то неопредѣленное, доступное манипуляціямъ и произволу исполнителей,—если не всегда въ дѣйствительности, то всегда въ глазахъ населенія. „Я тутъ совершенно ни при чемъ—это законъ“, говоришь, бывало, просителю. „Что, батюшка, законъ, — неизмѣнно отвѣчалъ онъ,—законъ знамо дѣло законъ, а только все дѣло въ вашихъ рукахъ—явите божескую милость“! Долгій жизненный опытъ училъ этого просителя, этого беззащитнаго и безправнаго обывателя, что нѣтъ незыблемыхъ законовъ, что они не про всѣхъ писаны, и что лазейки и исключенія составляютъ ихъ неотъемлемую принадлежность. Теорія государственнаго управленія, конечно, имѣла въ виду совершенно другое; а практика и исполненіе весьма

[1]) Мнѣ привелось короткое время быть и предсѣдателемъ N—скаго съѣзда мировыхъ судей.

быстро приводили всякую реформу именно въ такое положеніе, что вышеупомянутый жизненный опытъ обывателя оказывался въ сущности правъ. „Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ", „Уставъ о воинской повинности" представляли собой компактныя, небольшія, очень дешевыя въ продажѣ книжки, доступныя всякому обывателю; да и усвоеніе ихъ содержанія не требовало спеціальныхъ способностей или образованія—но онѣ, къ сожалѣнію, совершенно устарѣли, прежде чѣмъ дошли до населенія; такъ, послѣдующіе циркуляры и разъясненія измѣнили и даже извратили во многихъ случаяхъ ихъ первоначальную сущность. Мнѣ достовѣрно извѣстно, что многія статьи однихъ и тѣхъ же различныхъ Положеній толковались и приводились въ исполненіе различно не только въ смежныхъ губерніяхъ, а и въ смежныхъ уѣздахъ одной и той же губерніи. Представлялась какая-нибудь особенность, какой-нибудь непредусмотрѣнный новымъ уставомъ случай,—одно уѣздное присутствіе рѣшало его своимъ усмотрѣніемъ, другое представляло на разрѣшеніе губернскаго присутствія; это въ свою очередь или рѣшало его само, или представляло на усмотрѣніе свыше; иногда результатомъ такого представленія было рѣшеніе этого именно единичнаго случая, иногда—общій циркуляръ всѣмъ уѣзднымъ присутствіямъ губерніи или Россіи, смотря по тому, какъ и гдѣ заканчивалось дѣло,—циркуляръ не только къ свѣдѣнію, но и къ руководству. Уѣздное присутствіе или управа иной разъ руководствовались уже нѣсколько лѣтъ извѣстнымъ прецедентомъ въ извѣстномъ смыслѣ,—какъ вдругъ получался циркуляръ, измѣнявшій всю суть дѣла. Мнѣ всегда казалось, что разъясненіе и толкованіе законовъ такъ же важно, какъ и изданіе новыхъ,—что оба эти дѣла должны находиться въ непосредственной связи и подъ однимъ и тѣмъ же руководствомъ; а въ дѣйствительности это было до очевидности не такъ, и мы, уѣздныя учрежденія, входя за разъясненіями въ губернскія, никогда не знали, откуда они идутъ,—откуда-то сверху,—но отъ самого ли губернскаго присутствія, отъ министра ли, отъ государственнаго ли совѣта—было неизвѣстно, хотя всякое такое разъясненіе и было для насъ безусловно обязательно, какъ бы они ни противорѣчили одно другому или общему духу закона. Въ результатѣ очень быстро оказывалось, что законъ или основное положеніе сами по себѣ, а дополненія и разъясненія—сами по себѣ, и на этихъ-то послѣднихъ несомнѣнно и жилъ и развивался самый значительный процентъ уѣзднаго произвола.

Не имѣя никакого предварительнаго опыта въ обществен-

ныхъ дѣлахъ и не получивъ юридическаго образованія, я, будучи сразу поставленъ во главѣ всѣхъ уѣздныхъ учрежденій, долго не могъ примириться съ такой рутиной, и нѣсколько разъ входилъ съ представленіями по поводу обязательности того или другого разъясненія, казавшагося мнѣ несообразнымъ съ общимъ духомъ разныхъ уставовъ и положеній или несоотвѣтствующимъ дѣйствительнымъ потребностямъ дѣла. Само собой разумѣется, что всѣ подобныя представленія не только не достигали цѣли, но и клали на меня печать „безпокойнаго" человѣка. „Велѣно, приказано, предписано"—таковъ былъ единственный рычагъ всей нашей дѣятельности; отъ насъ требовалось только пассивное исполненіе,—не поощрялась сверху даже простая любознательность, на почву которой я перешелъ впослѣдствіи, когда уразумѣлъ, что „представленія" больше чѣмъ безполезны. Ниже я буду имѣть случай привести одинъ блестящій примѣръ послѣдствій этого порядка вещей.

Годъ приведенія въ дѣйствіе устава о воинской повинности былъ особенно тяжелъ для меня. Призывные списки составлялись волостными правленіями и были для нихъ совершенной новостью. Непривычка къ самостоятельной работѣ сбивала съ толку самыхъ лучшихъ волостныхъ писарей,—они просто не могли взять въ толкъ, что именно было нужно. Насколько помню, ни одно правленіе не составило призывные списки правильно сразу,—пришлось возвращать ихъ для исправленія по два, по три раза, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ посылать по правленіямъ канцелярскихъ чиновниковъ изъ города для помощи. Затѣмъ распредѣленіе льготъ вызвало нескончаемыя недоразумѣнія—постоянно разроставшіяся, благодаря сыпавшимся на присутствіе какъ дождь разъясненіямъ и циркулярамъ. Больше половины постановленій присутствія въ этомъ отношеніи было обжаловано. Населеніе не знало закона—и жаловалось не потому, чтобы были ошибки, а потому что оно привыкло жаловаться, въ надеждѣ, что законъ можетъ быть измѣненъ по усмотрѣнію начальства и исключеніе сдѣлано въ каждомъ данномъ случаѣ. Такія жалобы приносились во всевозможныя присутственныя мѣста; я помню случай, когда мужикъ подавалъ ихъ по полудюжинѣ за разъ—даже тогда, когда сыну давалась льгота перваго разряда. Первоначальное положеніе о льготахъ было, однако, такъ просто, и самое положеніе было такъ основательно изучено нашимъ присутствіемъ, что, насколько помню, ни одна изъ этихъ жалобъ не была уважена. Самый призывъ прошелъ чрезвычайно гладко, хотя на практикѣ и выяснились многія несообразности, какъ

общія, такъ и мѣстныя. Крупнѣйшей мѣстной ошибкой оказалось раздѣленіе уѣзда на пять призывныхъ участковъ. Законъ предоставлялъ такое раздѣленіе на участки усмотрѣнію уѣздныхъ земскихъ собраній; и наше собраніе, желая по возможности облегчить населенію отправленіе воинской повинности, и принимая въ соображеніе громадную территорію уѣзда, и раздѣлило его на пять частей, чтобы призывнымъ было ближе ѣхать къ мѣсту призыва. Доставляя, однако, это удобство, собраніе оказало серьезнѣйшую несправедливость въ томъ смыслѣ, что упустило изъ виду физическія особенности населенія въ разныхъ мѣстностяхъ уѣзда. Первый же призывъ указалъ на нихъ самымъ безошибочнымъ образомъ. Тогда какъ въ центральномъ, отчасти въ сѣверномъ и, въ особенности, въ южномъ участкахъ призывные оказались какъ на подборъ, молодецъ къ молодцу, почти безъ брака, въ двухъ западныхъ ихъ физика была гораздо ниже. Въ одной волости народъ былъ такъ малорослъ, что *всѣ* призывные оказались ниже минимальнаго роста,—помнится, два аршина два вершка. Въ результатѣ вышло, что тогда какъ въ трехъ первыхъ участкахъ осталось много безльготныхъ, въ остальныхъ они ушли всѣ, и въ одномъ пришлось даже захватить льготныхъ третьяго разряда. Уже на слѣдующій годъ число участковъ было сокращено,—и я былъ того мнѣнія, что, для болѣе правильнаго распредѣленія повинности и исполненія ея исключительно безльготными, слѣдовало бы весь уѣздъ обратить въ одинъ участокъ. Съ теченіемъ времени большинство уѣздовъ нашей губерніи пришло къ тому же заключенію.

Физическое состояніе призывныхъ служило превосходнымъ указателемъ экономическаго положенія разныхъ мѣстностей. Однѣ волости ставили чуть не сплошь гвардейцевъ, въ другихъ—приходилось браковать половину и больше. Я отлично помню, какое подавляющее впечатлѣніе производила на меня эта разница, и какъ, послѣ призыва, по цѣлымъ недѣлямъ мелькали у меня передъ глазами молодыя, но уже заморенныя и изнуренныя, жалкія нагія фигуры.

Солдатчина была всегда ужасомъ, кошмаромъ русскаго народа. Болѣе гуманное отношеніе къ солдату и болѣе короткіе сроки службы, введенные въ шестидесятыхъ годахъ, въ то время еще не успѣли измѣнить народное отношеніе къ рекрутчинѣ. Новобранца все еще провожали какъ бы въ могилу—и тѣхъ рекрутовъ, которыхъ мнѣ пришлось принять на службу въ старомъ рекрутскомъ присутствіи, привозили на сдачу обыкновенно въ колодкахъ и подъ сильнымъ карауломъ. И первый призывъ

по новому положенію мало отличался въ этомъ отношеніи отъ прежнихъ наборовъ. Хотя колодки, конечно, и исчезли,—призываемаго провожали на призывной пунктъ не только его семья, но и всѣ сродники и свойственники, иногда чуть не вся деревня, и бабій ревъ и причитанія не прекращались передъ окнами присутствія ни на минуту. Въ участкѣ принималось, въ среднемъ, около ста человѣкъ, а наѣзжало съ ними нѣсколько тысячъ народу. Во всей моей служебной дѣятельности я не помню другого такого случая проявленія мужиками искренняго изумленія, какъ когда послѣ призыва и пріема новобранцы были распущены по домамъ на извѣстный срокъ;—мужики прямо не вѣрили возможности такого факта,—они ожидали, что рекрутовъ сейчасъ же запрутъ и угонятъ.

Въ N—скомъ уѣздѣ „приписныхъ", т.-е. подлежавшихъ призыву лицъ, принадлежавшихъ къ другимъ сословіямъ кромѣ крестьянскаго и мѣщанскаго, было только очень мало, и въ общей цифрѣ призыва они играли только самую незначительную роль. Невѣжество при этомъ наше купечество проявило самое поразительное. Первому же призыву подлежалъ купчикъ изъ города, принадлежавшій къ одному изъ богатѣйшихъ семействъ. Онъ былъ безнадежный заика, абсолютно поэтому негодный, что, конечно, было извѣстно всѣмъ и каждому; кромѣ того, льготный перваго разряда по семейному положенію. Тѣмъ не менѣе, въ день призыва, когда я вошелъ въ залу присутствія, я нашелъ въ ней все его семейство, дѣдушекъ и бабушекъ, дядей и тетокъ, душъ пятнадцать мужчинъ, женщинъ и дѣтей, стоявшихъ на колѣняхъ у дверей,—и потребовалось четверть часа, чтобы удалить ихъ изъ присутствія. Они не хотѣли вставать съ колѣнъ, не хотѣли слушать никакихъ резоновъ, вопили, выли и голосили всей ордой самымъ жесточайшимъ образомъ, почище деревенскихъ бабъ, и скрылись только послѣ того, какъ я вышелъ изъ себя и приказалъ, наконецъ, удалить ихъ силой.

Какъ, конечно, извѣстно всѣмъ деревенскимъ старожиламъ, съ понятіемъ о рекрутчинѣ было въ то время неразрывно связано и представленіе о взяточничествѣ. Я уже намекнулъ однажды, что у меня были всяческія основанія предполагать, что оно практиковалось въ старомъ N—скомъ рекрутскомъ присутствіи, хотя прямыхъ доказательствъ этому я и не могъ добыть. Какъ ни медленно воздѣйствовали на населеніе реформы шестидесятыхъ годовъ, какъ ни глубоко оставалось невѣжество громаднаго большинства населенія, какъ ни сильны были растлѣвающія традиціи,—времена, тѣмъ не менѣе, существенно измѣнились:—въ

теченіе всей моей службы, мнѣ никто и никогда, ни прямо, ни косвенно, не предложилъ какой-либо взятки. Я отнюдь не приписываю этого факта своей личной уѣздной репутаціи,—напротивъ, думаю, что онъ былъ результатомъ общаго движенія впередъ общественной мысли, тѣмъ болѣе, что мнѣ было достовѣрно извѣстно, что не предлагали взятокъ даже врачамъ воинскаго присутствія. Ихъ, по закону, полагалось два,—и однимъ изъ нихъ состоялъ во всѣ призывы земскій врачъ М., о которомъ я подробно говорилъ въ одной изъ предъидущихъ главъ, и за котораго я могъ поручиться, какъ за самого себя. Я отлично помню, какъ радовалъ меня этотъ фактъ, и какимъ огромнымъ успѣхомъ общественнаго самосознанія я его всегда признавалъ. Если взяточничество, и иногда въ очень грубыхъ формахъ, все еще процвѣтало въ волостныхъ правленіяхъ и волостныхъ судахъ, я приписывалъ это исключительно обособленности крестьянскихъ учрежденій. Въ уѣздныхъ же учрежденіяхъ, въ мировыхъ судахъ, въ земствѣ, оно было почти безусловно искоренено. Сторожа, даже низшіе канцелярскіе писцы, можетъ быть, и ухитрялись иногда срывать посильную мзду, но втихомолку и, вѣроятно, не безъ трясенія въ поджилкахъ. Члены же учрежденій были несомнѣнно выше какихъ-либо подозрѣній. До меня никогда, ни разу, не доходили даже слухи о взяткѣ въ нашемъ уѣздѣ. Ходило не мало разсказовъ и анекдотовъ о лѣни, небрежности, распущенности, бездѣйствіяхъ и превышеніяхъ власти, и тому подобномъ, но никогда—о взяткѣ и взяточничествѣ. Они сдѣлались анахронизмомъ, невозможностью.

Изъ послѣдующихъ призывовъ навсегда остался въ моей памяти призывъ ополченія лѣтомъ 1877 года. Деревенская мысль неразрывно связываетъ понятіе объ ополченіи съ серьезнѣйшими государственными и военными кризисами—съ двѣнадцатымъ годомъ, съ финаломъ севастопольской кампаніи. То новое представленіе, которое было придано слову „ополченіе“ новымъ уставомъ о воинской повинности, еще не успѣло проникнуть въ народныя массы, еще не было усвоено ими. Для мужика ополченіе означало огромное, неминучее народное бѣдствіе;—къ рекрутчинѣ, къ обыкновенному набору, къ призыву онъ относился совершенно иначе. Я глубоко убѣжденъ, что цѣлая масса страданій, тяжелаго мужицкаго горя и слезъ, ненужныхъ и лишнихъ, были бы избѣгнуты, еслибъ лѣтомъ 1877 года объявленъ былъ обыкновенный призывъ, а не ополченіе. Такъ, по крайней мѣрѣ, отозвалось оно на N—скомъ уѣздѣ. Мужикъ сталъ тужить и волноваться еще когда услыхалъ о созывѣ губернскихъ зем-

скихъ собраній по поводу предполагавшагося ополченія. Z—ское губернское земское собраніе выбрало спеціальную военную коммиссію, въ которую попали предполагавшіеся начальники губернскаго ополченія и дружинъ, и поручило губернской управѣ немедленно заняться изысканіемъ способовъ къ обмундированію и снаряженію этихъ дружинъ. Я былъ членомъ этой коммиссіи, и мы должны были, между прочимъ, подыскать въ своихъ уѣздахъ подходящіе составы офицеровъ. Слухи о всѣхъ этихъ распоряженіяхъ быстро разнеслись по уѣздамъ, разростались сторицей, пока дошли до деревни, и, въ связи съ извѣстіями объ іюльскихъ плевненскихъ пораженіяхъ, навели на нее страшное уныніе. Ужасное это было лѣто, — къ сожалѣнію, и до сихъ поръ никѣмъ не описанное во всей своей чисто-трагической полнотѣ. Сначала созвали безсрочныхъ, а затѣмъ объявили призывъ ополченія, какъ разъ въ самый разгаръ рабочей страды, и призывъ этотъ сопровождался ужаснѣйшей путаницей. Чуть не до послѣдней минуты никто не зналъ навѣрное, какой именно призывъ предполагается собрать, и на какихъ основаніяхъ. Читая внимательно и сопоставляя Высочайшій манифестъ о созывѣ ополченія и уставъ о воинской повинности, я не видѣлъ ничего, что̀ бы требовало призыва льготныхъ перваго разряда. И духъ, и буква устава какъ бы выдѣляли этотъ разрядъ, заставляли предполагать, что онъ можетъ быть призванъ только при исключительныхъ условіяхъ, когда отечество находилось бы въ явной опасности; манифестъ не упоминалъ о немъ отдѣльно, и я держался того мнѣнія, что разрядъ этотъ долженъ быть исключенъ, и намѣренъ былъ произвести призывъ именно такимъ образомъ, когда, чуть ли не наканунѣ пріема, получилась телеграмма губернскаго присутствія—призвать и льготныхъ перваго разряда. Препираться, конечно, было и некогда, и безполезно. И мы приняли и перворазрядныхъ, сдали ихъ военному вѣдомству и двинули ихъ въ путь, когда получилось извѣстіе, что ихъ пріемъ былъ ошибкой, и предписывалось вернуть ихъ немедленно по домамъ. Они составляли цѣлую половину призыва; льготныхъ второго и третьяго разрядовъ вмѣстѣ было приблизительно столько же, сколько ихъ однихъ. Что̀ эта „ошибка“ стоила казнѣ и въ особенности населенію—и вычислить невозможно. Ко времени этого ополченскаго призыва я уже успѣлъ отбыть нѣсколько обыкновенныхъ, и приглядѣлся и притупился болѣе или менѣе къ мужицкому горю по поводу набора. Но въ обыкновенные призывы брали только безльготныхъ, многосемейныхъ, и они были готовы къ очереди;—а тутъ забрали единственныхъ сыно-

вей, единственныхъ кормильцевъ цѣлыхъ семей, да притомъ въ необычное время, въ ополченіе. Пришлось пережить ужаснѣйшія минуты, насмотрѣться до сыта на самыя тяжелыя сцены. Нервы были взвинчены до того, что я не разъ чувствовалъ, что, натянись струна крошечку туже, я тутъ же, въ присутствіи, разревусь какъ ребенокъ и самъ. Жуткое это было время для всѣхъ насъ, а каково же было мужику и „многострадальной матери все выносящаго русскаго племени“, какъ когда-то назвалъ бабу Некрасовъ? Что хотите, читатель, только не наборъ, только не ополченіе. Вернувшись съ этого призыва, я нѣсколько недѣль ходилъ какъ шальной и не могъ ни за что взяться. И когда, впослѣдствіи, я рѣшилъ выйти въ отставку, ничто не радовало меня такъ, какъ сознаніе, что не придется больше принимать участія въ призывахъ. Интеллигентъ можетъ взвинтить себя идеями долга, обязанностей къ отечеству, всякими другими возвышенными чувствами; средней же мужицкой массѣ всѣ эти тонкости недоступны, — она просто повинуется по инерціи этой самой тяжелой изъ всѣхъ ея безчисленныхъ повинностей, а потому она и дается ей во много разъ труднѣе и тяжелѣе.

Все вышеизложенное приводитъ мнѣ на память еще одну общую черту всѣхъ уѣздныхъ учрежденій того времени — черту очень характерную для всего русскаго народа. Черта эта — отсутствіе самодѣятельности. Уѣздныя учрежденія, не исключая и земства, не только избѣгали, они прямо боялись взять что-либо на свою отвѣтственность. Самыя ясныя, самыя простыя вещи возбуждали въ нихъ сомнѣнія, — они опасались напутать и того, что имъ „влетитъ“ за это сверху. Они привыкли ходить на помочахъ, нисколько и ни въ чемъ не полагались на самихъ себя. Самый самоувѣренный баринъ, изъ тѣхъ, которые нисколько не затруднились бы попытаться закидать шапками Европу, какъ только попадалъ на какую-нибудь должность, такъ немедленно утрачивалъ всякую самостоятельность и готовъ былъ заваливать начальство запросами о томъ, дѣйствительно ли и въ его отрасли дѣятельности дважды два обозначаетъ тѣ же четыре. — Конечно, четыре, — разсуждалъ онъ, — да, можетъ быть, требуется подчеркнуть или оттѣнить какъ-нибудь особенно? Иванъ Ильичъ, фрондируя съ губернаторомъ по поводу сиропитательнаго дома, въ то же время заваливалъ его запросами о такихъ предметахъ, которые, казалось, внѣ всякаго сомнѣнія, были безусловно предоставлены закономъ усмотрѣнію земства. Когда я вступилъ въ должность предсѣдателя управы, Николай Иванычъ часто ужасался моей воображаемой самостоятельности и независимости,

искренно трепеталъ и предсказывалъ, что мнѣ непремѣнно „влетитъ“, и влетитъ такъ, что я и своихъ не узнаю. „Достанется ужо вамъ,—говаривалъ онъ, бывало, истощивъ всю свою аргументацію, — такъ нагрѣетъ, что угорите, да и насъ съ собой утопите“. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ той почты, которая, по его соображеніямъ, должна была принести заслуженный нагоняй, волновался и страдалъ,—и очень изумлялся, когда все проходило благополучно, а онъ оказывался цѣлъ и невредимъ. Удивительнѣе всего было то, что самодурство превосходно уживалось съ этимъ безотчетнымъ, стихійнымъ страхомъ „губерніи“. Весь уѣздный служебный духъ былъ пропитанъ этимъ страхомъ, воспитанъ подъ Дамокловымъ мечомъ знаменитаго „третьяго пункта“, и даже Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ отозвалось на этомъ духѣ, воспитаніи и традиціяхъ только самымъ поверхностнымъ образомъ. „Запросить разъясненія ничего вѣдь не стоитъ“,—разсуждали наши уѣздные мудрецы. Бумага, дѣйствительно, все терпитъ, а своя шкура всего ближе къ тѣлу. Въ этомъ страхѣ лежало отчасти, во-первыхъ, объясненіе обширности канцелярской переписки и жалобы губернскихъ учрежденій на то, что они завалены дѣломъ; во-вторыхъ, обиліе циркуляровъ и разъясненій на новые уставы и положенія,—обиліе, на обязательность котораго я только-что подробно указывалъ выше. Находясь съ самаго начала своей службы, въ чемъ бы она ни заключалась, подъ строгой опекой, уѣздный чинъ не имѣлъ ни случая, ни нужды развить свою самодѣятельность;—все, что было въ немъ самостоятельнаго и независимаго, уходило или на самодурство, или на личныя потребности—стяжаніе, страсть къ собакамъ или лошадямъ, или картамъ, на шутовство—у тѣхъ, кто обладалъ природнымъ юморомъ, а на долю общественной службы оставалось только тупое, пассивное исполненіе да страхъ, что ему такъ или иначе „влетитъ“. Министерства и департаменты опекали губернію, а губернія опекала уѣздъ; чрезмѣрная централизація исключала возможность здоровой мѣстной жизни, самостоятельность и самодѣятельность уѣзда и деревни. Ихъ духовная пища была не только заказана и приготовлена, но и разжевывалась помимо какого бы то ни было ихъ участія.

Сообразно съ этимъ главнымъ рычагомъ уѣздной жизни слагались и частныя людскія отношенія и сношенія. Общественное дѣло играло въ нихъ только самую послѣднюю роль. Когда съѣзжались два или три „варяга“ или мѣстныхъ интеллигента той формаціи, къ которой принадлежалъ и я, разговоръ немедленно переходилъ въ ожесточенный споръ на теоретическія, чисто

абстрактныя темы. Съ пѣной у рта препирались мы до пѣтуховъ о тонкостяхъ парламентарнаго права, объ общинѣ, о МакъМагонѣ и будущности французской республики. Мѣстныя дѣла и дѣлишки казались такъ прозаичны, такъ мелки,—на нихъ не могла разыграться ни энергія, ни фантазія; самые ярые, самые зеленые изъ насъ были проникнуты пессимизмомъ, подавляющими, якобы, вліяніями фатальной постановки всего окружающаго. Когда же собиралось уѣздное чиновничество и помѣщики стараго закала, появлялись неизмѣнно карты, водка, разсказы о добромъ старомъ времени, объ удивительной стерляди, пойманной гдѣ-то въ сосѣднемъ уѣздѣ, о медвѣдѣ, убитомъ самымъ необыкновеннымъ образомъ пять лѣтъ тому назадъ тѣмъ-то и при такихъ-то обстоятельствахъ, о сѣромъ иноходцѣ городского головы, о собачьей сворѣ одного изъ послѣднихъ могиканъ-охотниковъ. Общественныхъ дѣлъ касались только въ предѣлахъ: „влетѣло“ и „досталось“, или „влетитъ“ и „достанется“,—сами по себѣ они были лишены всякаго интереса, были бременемъ, которое приходилось нести ради насущнаго хлѣба и возможности мечтать о пенсіи. Какъ бы неразвитъ и необразованъ человѣкъ ни былъ—а между этими господами были очень неглупые и очень благонамѣренные люди—онъ можетъ интересоваться своимъ дѣломъ только если его успѣхъ зависитъ—хотя бы въ извѣстной степени—отъ его собственныхъ усилій, отъ его энергіи и умѣнья; разъ онъ поставленъ въ положеніе слѣпого исполнителя чужихъ предначертаній, разъ его собственная изобрѣтательность не только не поощряется, а и считается порокомъ, онъ не можетъ не работать только спустя рукава, только съ мыслью: поскорѣй бы съ плечъ долой! „День да ночь—сутки прочь“—вотъ то душевное состояніе, вотъ тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ онъ живетъ и вращается. А въ данномъ случаѣ, чѣмъ онъ былъ пассивнѣе, чѣмъ глубже онъ запрятывалъ свою индивидуальность, чѣмъ безучастнѣе и инертнѣе онъ исполнялъ, тѣмъ безопаснѣе онъ себя чувствовалъ. Иниціатива была порокомъ, самодѣятельность—вреднымъ хламомъ. Эта житейская мудрость была заповѣдана ему его дѣдами и отцами, онъ на ней выросъ и воспитался, и новыя времена не принесли съ собой ничего настолько осязательнаго, чтобъ онъ могъ усомниться въ вѣрности этой философіи. Начальство все предусмотритъ, все предопредѣлитъ, все разъяснитъ,—мое дѣло только слѣпо повиноваться и исполнять. Не мудрствуй, не раздумывай—и живи весь свой вѣкъ какъ у Христа за пазухой. Слѣдуй

этому правилу—и съ теченіемъ времени придутъ и чины, и ордена, и пенсія; двадцатаго числа получишь жалованье, а тамъ—хоть трава не расти. Начальство обо всемъ позаботится, а мужики наносятъ денегъ въ казначейство,—живи смирнёхонько, тихохонько, и будешь счастливъ и благополученъ до конца.

Я вовсе не хочу сказать всѣмъ вышеизложеннымъ, чтобы „губернія“ умышленно давала этотъ тонъ уѣздной жизни или поддерживала его опредѣленными мѣрами. Если и было что-либо подобное въ моей земской дѣятельности, я не имѣлъ случая ощутить этого сколько-нибудь осязательно. Я уже охарактеризовалъ выше нашего губернатора. Къ дворянству и земству онъ былъ даже предупредителенъ, и только очень рѣдко и всегда тактично давалъ чувствовать свой авторитетъ при какихъ-нибудь исключительныхъ обстоятельствахъ. Николай Иванычъ оказывался неизмѣнно неправъ, когда стращалъ меня „губерніей“. Но это его непониманіе „духа времени“ нисколько его не исправляло, и онъ продолжалъ стращать меня до конца моей службы. Онъ вращался исключительно въ сферѣ городской чиновничьей жизни, которая была пропитана этимъ тономъ до мозга костей, по наслѣдству, такъ сказать. Я уже выяснилъ выше, какъ губернскій авторитетъ отзывался на дѣятельности такихъ учрежденій, какъ, напр., воинское присутствіе; а въ чисто казенныхъ учрежденіяхъ, каковы были полиція, казначейство, почтовое вѣдомство, акцизъ, вліянія „губерніи“, само собой разумѣется, были для меня лично совершенно нечувствительны. Какъ они проявлялись и дѣйствовали, я и не интересовался, и не зналъ; исправникъ, съ которымъ приходилось встрѣчаться всего чаще, благодаря его непремѣнному членству во всѣхъ рѣшительно уѣздныхъ присутствіяхъ, въ которыхъ я предсѣдательствовалъ, и прочіе уѣздные чины не любили распространяться о своихъ отношеніяхъ къ своему губернскому начальству и избѣгали всякихъ о нихъ разговоровъ. А учрежденія эти, по численности служащихъ и по ихъ вліянію на городскую общественную мысль, составляли, конечно, громадное большинство, въ которомъ немногочисленный персоналъ земской управы, еслибъ онъ и вздумалъ проводить самостоятельность, совершенно бы затерялся. Насколько я помню, ничего подобнаго онъ никогда не предпринималъ, да и не было и не могло въ немъ быть для этого никакихъ элементовъ; Николай Иванычъ всецѣло отражалъ собою и его обычное настроеніе. И теорія безусловнаго подчиненія и слѣпой исполнительности стояла въ воздухѣ упорно и неуклонно и вліяла са-

мымъ тлетворнымъ образомъ на всю нашу уѣздную жизнь, на всѣ наши служебныя и общественныя функціи. Говорятъ, что русскій человѣкъ вообще, по самой своей натурѣ, въ значительной степени фаталистъ. Ощущая во все время теченія моей общественной службы весь гнетъ этой теоріи ежедневно и ежечасно, я не могъ не придти къ тому заключенію, что онъ, при тогдашнихъ жизненныхъ условіяхъ, и не могъ быть чѣмъ-либо инымъ.

Формализмъ, канцелярщина и „отписыванье“ для того, чтобы отдалить рѣшеніе или совсѣмъ сбыть дѣло съ рукъ, были въ самой значительной степени прямыми и непосредственными послѣдствіями вышеочерченнаго отношенія къ своей службѣ громаднаго большинства уѣзднаго служебнаго персонала. „Дѣло—не медвѣдь, въ лѣсъ не убѣжитъ!“ и „какъ ни бейся, всего дѣла не передѣлаешь“—лежало въ основаніи ихъ работы. И они прежде всего не торопились и отлынивали отъ нея. Работа сама по себѣ не захватывала, не трогала этихъ уѣздныхъ чиновъ,—они относились къ ней формально, какъ къ неизбѣжному злу, и формализмъ заѣдалъ то немногое, что они дѣлали. Въ мою память особенно врѣзался одинъ очень характерный разговоръ, происшедшій между мною и двумя становыми приставами, съѣхавшимися со мной на земской станціи, гдѣ намъ пришлось прождать лошадей нѣсколько часовъ. Дѣло было лѣтомъ, въ развалъ сѣнокоса, когда предполагалось, что даже становые сидятъ по домамъ. Я, конечно, зналъ обоихъ и, разговорившись за чаемъ, полюбопытствовалъ узнать, что ихъ потревожило. „Да, вотъ, пожарныя депо по деревнямъ устроиваемъ. Предписаніе за предписаніемъ—самолично наблюсти, немедленно, безъ всякихъ послабленій. Конечно, пустяковина-съ. Только намъ безпокойство, да мужикамъ расходъ-съ. Ставимъ навѣсики-съ, да въ нихъ негодныя дрожонки съ кадкой. Форма соблюдена, предписаніе исполнено—и съ рукъ долой. Проклятая наша служба, полицейская-съ. Дѣла не дѣлай и отъ дѣла не бѣгай—такъ вотъ и бьемся круглый годъ“. Другой становой выразился еще энергичнѣе. Форма, исполненіе, а какъ, что и зачѣмъ—имъ было рѣшительно все равно. Имъ эти пожарныя депо представлялись такою же повинностью, какъ и мужику. Приказано—вотъ и все. Было бы донесено, что предписаніе исполнено и навѣсы находятся на лицо,—сущность дѣла ихъ нисколько не интересовала, и исполнили ли эти навѣсы свое назначеніе,—ихъ нисколько не касалось, была бы исполнена форма. И они нисколько этого не

скрывали,—это было самое обычное, чуть не ежедневное дѣло. Интересъ возбуждался только если къ дѣлу какимъ-либо образомъ примѣшивался личный элементъ, личныя интриги и препирательства, да и въ такомъ случаѣ самое дѣло только страдало, такъ какъ о немъ думали меньше всего—старались подставить ножку, „насолить“, напакостить, и на это уходилъ излишній запасъ энергіи, который некуда было истратить иначе. Что и земство не было чуждо всему этому—я имѣлъ много примѣровъ. Когда я принялъ управу послѣ Ивана Ильича, я нашелъ курьёзное дѣлопроизводство, разросшееся въ цѣлый томъ, по поводу того, что нѣкая барыня, постоянно проживавшая въ губернскомъ городѣ Z., но имѣвшая имѣніе въ N-скомъ уѣздѣ, желая избѣжать хлопотъ по пересылкѣ денегъ по почтѣ, внесла по окладному листу, помнится, тридцать съ чѣмъ-то рублей уѣзднаго земскаго сбора въ губернскую управу, а эта послѣдняя, увѣдомивъ объ этомъ уѣздную, зачислила эту сумму въ счетъ недоимки губернскаго сбора, числившейся за нашимъ уѣздомъ. Сдѣлка, казалось бы, самая невинная, удобная для всѣхъ заинтересованныхъ въ ней сторонъ, хотя формально и неправильная. Но Иванъ Ильичъ, состоявшій въ ссорѣ съ губернской управой, усмотрѣлъ въ ней чуть-ли не тяжкое уголовное преступленіе, и поднялъ цѣлую бурю. Онъ жаловался своему собранію, губернскому, губернатору, и объ этихъ несчастныхъ тридцати рубляхъ было исписано больше бумаги и изведено больше почтовыхъ расходовъ на эту переписку, чѣмъ они стоили. Уѣздное собраніе постановляло, губернское постановляло, губернаторъ, изъ вѣжливости, дознавалъ—чего-чего не было. Я и хохоталъ, и злился, когда дошелъ до конечной резолюціи—сдать дѣло въ архивъ,—да и эту резолюцію положилъ я же; иначе дѣло, вѣроятно, жило бы еще нѣсколько лѣтъ.

Благодаря моему положенію по службѣ, я такъ или иначе находился въ дѣловыхъ сношеніяхъ со всѣмъ уѣзднымъ чиновничьимъ персоналомъ почти постоянно. Всѣ уѣздныя учрежденія были болѣе или менѣе связаны между собою не тѣмъ, такъ другимъ. Между нами шла постоянная, непрекращавшаяся переписка. Все, что я сказалъ выше, есть не голословное обвиненіе, а выводы долгаго, горькаго опыта. Бороться съ этимъ индифферентизмомъ было безполезно, хотя сначала я и надрывался надъ этимъ. Не было на лицо главнаго одухотворяющаго начала всякой человѣческой работы—самодѣятельности. А ее не вызовутъ къ жизни ни отдѣльныя личности, ни цѣлые воза реформъ по-

средствомъ уставовъ и положеній. Она можетъ развиться только на мѣстѣ, изъ мѣстныхъ силъ и источниковъ; ни „варяги", ни бумаги не сдѣлаютъ этого. Секретъ въ томъ, что̀ именно нужно, чтобы такая самодѣятельность зародилась и развилась?

П. А. Т.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ПѢСНЯ.

Я, млада, у солнца краснаго
Попросила:—Обожди
И со сводовъ неба яснаго
Хоть часочекъ не сходи!

До зари мнѣ надо пòлосу
Золотистой ржи дожать:
Не годится даромъ колосу
Въ полѣ зёрна разсыпать.

Я у мѣсяца средь ноченьки
Попросила посвѣтить:
—Нѣтъ охоты, силъ и моченьки
Мнѣ отъ друга уходить;

Дай мнѣ съ милымъ понатѣшиться,
Лишній часъ съ нимъ скоротать,
Его ласками утѣшиться,
Его вволю приласкать.

Я просила у соловушки:
—Спой еще мнѣ, соловей,
И изъ дѣвичьей головушки
Думы черныя развѣй!

По сю пору недожатою
Полоса моя стоитъ;
За чужой, сосѣдней хатою
Милый другъ мой сторожитъ.

Я просила мать родимую:
—Сжалься, мама, отпусти!
Мнѣ тоску неодолимую
Силы нѣтъ перенести;

Сердце кровью обливается
Лишь отъ думы, что злодѣй
Надо мною издѣвается
Съ злой разлучницей моей!..

II.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ.

Замѣтно сумракъ наступаетъ;
Заря блѣднѣетъ, догораетъ,
И только на обрывкахъ тучъ
Едва трепещетъ
И слабо блещетъ
Багряный лучъ.

Съ какимъ восторгомъ и отрадой
Ты дышешь свѣжею прохладой.
Смолистый запахъ льетъ хвоя́,
Которымъ по́лны
Тумана во́лны
И грудь твоя.

Подъ дымкой ночи скрылись горы;
Въ лѣсу притихли птичекъ хоры;
Все тихо, тихо безъ конца,—
Но вдругъ слетѣли
И взвѝлись трели
Ночей пѣвца.

Той пѣсни чудной переливы
Все пробудили: рощи, нивы,
Дремавшій лѣсъ, въ поляхъ цвѣты,
Луга и воды,
И неба своды,
И-васъ, мечты.

Моя душа отъ сна проснулась,
Забилось сердце, встрепенулось;
Исчезъ подъ пѣсней соловья
Душевный холодъ;
Сталъ снова молодъ
И счастливъ я!

Опять твой образъ предо мною,
Опять горячею волною
Кипитъ во мнѣ безумно кровь,
И искру снова
Раздуть готова
Во мнѣ любовь!

Увы! все это сонъ прекрасный!..
Промчится ночь,—и снова ясный
Для всѣхъ придетъ желанный день
Съ своей улыбкой,
Лишь мнѣ ошибкой
Бросая тѣнь.

Владиміръ Марковъ.

СЕМЕЙСТВО БУДДЕНБРОКОВЪ

ЭСКИЗЪ.

По роману: „Buddenbrooks. Verfall einer Familie". Roman, v. Thomas Mann. Berlin, 1903.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

— Ну, отвѣчай же!..

— Отвѣчай, отвѣчай, чортъ возьми, ma très chère demoiselle!

Жена консула Будденброка сидѣла рядомъ со своей тещей на прямомъ диванѣ изъ бѣлаго лакированнаго дерева, обитомъ желтой шолковой матеріей. Она взглянула на мужа, сидѣвшаго на креслѣ около нея, и пришла на помощь своей маленькой дочкѣ, которую ея дѣдушка держалъ на колѣняхъ, сидя у окна.

— Тони!—сказала она, подсказывая ей требуемый отвѣтъ: „Я вѣрю, что меня Господь"...

Маленькая Антонія, худенькая восьмилѣтняя дѣвочка, одѣтая въ платьице изъ легкаго свѣтлаго шолка, отвернула свою хорошенькую головку отъ дѣдушки, задумалась, сосредоточенно глядя въ пространство голубовато-сѣрыми глазами, и повторила сначала медленно за матерью: „Я вѣрю, что меня Господь...", потомъ быстро прибавила: „создалъ на ряду со всѣми другими созданіями". Она сразу все вспомнила и съ просіявшимъ отъ радости лицомъ, безъ передышки повторила весь параграфъ дословно по новѣйшему, одобренному сенатомъ изданію катехизиса 1835 года: „а также платье и обувь, — торопливо заговорила она,—ѣду и

питье, домъ и дворъ, жену и дѣтей, поля и скотъ"... При этихъ словахъ старикъ Іоганъ Будденброкъ залился веселымъ смѣхомъ; онъ радъ былъ посмѣяться надъ катехизисомъ, и съ этой цѣлью, вѣроятно, и затѣялъ весь экзаменъ. Онъ сталъ освѣдомляться о поляхъ и скотѣ Тони, спросилъ, по скольку она продаетъ куль пшеницы, и предложилъ ей вести съ ней дѣла. Его круглое, розовое, добродушное лицо, которому онъ никакъ не могъ придать сердитое выраженіе, было окружено напудренными бѣлоснѣжными волосами, спускавшимися маленькой косичкой на широкій воротникъ его сѣраго камзола. Доживъ до семидесяти лѣтъ, онъ все еще держался моды своей молодости, носилъ короткіе панталоны и кружевныя жабо.

Всѣ засмѣялись вслѣдъ за нимъ—изъ почтенія къ главѣ семейства. Старуха Антонина Будденброкъ, урожденная Дюшанъ, представительная полная дама, съ сѣдыми локонами и вмѣстѣ съ изящными, очень бѣлыми руками, смѣялась отрывисто, совершенно такъ же, какъ ея мужъ; она становилась все болѣе и болѣе похожей на него съ теченіемъ лѣтъ; только разрѣзъ и живость ея черныхъ глазъ выдавали ея романское происхожденіе: она была родомъ изъ Гамбурга, но дѣдъ ея былъ уроженецъ французской Швейцаріи.

Ея невѣстка Елизавета, жена консула Будденброка, урожденная Крёгеръ, смѣялась свойственнымъ всѣмъ членамъ своей семьи нѣсколько презрительнымъ смѣхомъ, оттопыривая губы и упираясь подбородкомъ въ грудь. Какъ всѣ Крёгеры, она была очень представительна и изящна. Красавицей ее нельзя было назвать, но ея рыжеватые волосы, сложенные коронкой очень высоко на головѣ и спускавшіеся искусственными локонами на уши, также какъ и чрезвычайно нѣжный цвѣтъ лица, придавали большую изысканность ея лицу съ нѣсколько крупнымъ носомъ и маленькимъ ртомъ; самой характерной чертой въ ея лицѣ было отсутствіе углубленія между нижней губой и подбородкомъ. Изъ шолковаго корсажа выступала необыкновенно бѣлая, красивая шея, перехваченная черной атласной лентой, на которой сверкала бриллiантовая брошь.

Консулъ нервно подался впередъ, сидя на креслѣ. У него были такіе же глубоко сидящіе наблюдательные голубые глаза, какъ у отца, но во взглядѣ его было больше мечтательности; черты его лица были болѣе рѣзкія, сильно выдавался носъ съ горбинкой; щеки, обросшія до половины свѣтлой, курчавой бородой, были худощавѣе, чѣмъ у старика. На консулѣ безукоризненно сидѣлъ изящный костюмъ, сшитый по модѣ тридцатыхъ

годовъ; шею его стягивалъ высокій воротникъ съ широкимъ чернымъ шолковымъ галстухомъ.

Общество сидѣло въ „ландшафтной комнатѣ“, въ первомъ этажѣ большого дома на Mengstrasse, недавно пріобрѣтеннаго Іоганомъ Будденброкомъ, главой торговой фирмы. Комната была обита подобіемъ гобеленовъ, на которыхъ также, какъ и на коврѣ, изображены были въ блѣдныхъ тонахъ идиллическія сцены во вкусѣ XVIII вѣка: сборъ винограда, поселяне за работой, пастухи и пастушки. На всѣхъ картинахъ преобладало блѣдное предвечернее освѣщеніе, соотвѣтствовавшее желтой шолковой мебели и желтымъ портьерамъ. Изъ стеклянной двери противъ оконъ виднѣлся вестибюль съ колоннами, а широкая бѣлая дверь слѣва вела въ столовую. У другой стѣны стояла въ полукруглой нишѣ печь, и огонь весело трещалъ за сквозной чугунной дверцей.

Холода наступили въ этомъ году очень рано. Несмотря на то, что была только половина октября, листья маленькихъ липъ, окружавшихъ Маріинское кладбище, совсѣмъ пожелтѣли, и вокругъ угловъ внушительной готической церкви свистѣлъ рѣзкій вѣтеръ; весь день шелъ мелкій, пронизывающій дождь. По желанію madame Будденброкъ старшей, вставлены уже были двойныя рамы.

Вся семья была въ сборѣ въ этотъ день по случаю семейнаго обѣда, происходившаго всегда разъ въ двѣ недѣли, по четвергамъ. Кромѣ членовъ семьи, на этотъ разъ приглашены были также нѣкоторые друзья дома, такъ какъ предполагалось отпраздновать новоселье. Въ ожиданіи гостей, всѣ сидѣли, около четырехъ часовъ дня, въ ландшафтной комнатѣ.

Маленькая Тони, ничуть не смущенная смѣхомъ дѣдушки, продолжала выкладывать свои познанія. Отбарабанивъ параграфъ изъ катехизиса и закончивъ его словомъ „аминь“, она сказала:

— Я еще что-то знаю, дѣдушка!

— Tiens, она что-то знаетъ!—воскликнулъ старикъ Будденброкъ, притворяясь страшно заинтересованнымъ.—Ты слышишь, мама? Она что-то знаетъ! Какъ бы и мнѣ узнать, что собственно...

— Когда ударяетъ горячимъ ударомъ,—сказалъ Тони, кивая головой при каждомъ словѣ,—то это молнія, а когда холоднымъ, то громъ!

Сказавъ эти слова, она скрестила руки и улыбнулась, увѣренная въ своемъ успѣхѣ. Но старикъ Будденброкъ разсердился и спросилъ, кто наполняетъ голову ребенка такой ерундой. Когда оказалось, что дѣвочка заимствовала свою мудрость отъ Иды

Юнгманъ, новой бонны, привезенной изъ Маріенвердера, онъ сталъ призывать громы и молніи на голову „пруссачки".

Онъ былъ противъ нея съ первой минуты ея появленія въ домѣ. Старикъ Будденброкъ не былъ ограниченъ въ своихъ воззрѣніяхъ. Онъ много видѣлъ на своемъ вѣку, много путешествовалъ, ѣздилъ въ 1813 г. на четверкѣ лошадей въ южную Германію за покупкой провіанта, въ качествѣ поставщика для прусской арміи, побывалъ также въ Амстердамѣ и Парижѣ, и вовсе не считалъ достойнымъ порицанія все, что находилось за воротами его родного города. Но онъ не любилъ, чтобы въ его домашнюю жизнь вторгались чуждые элементы. Поэтому, когда его дѣти, вернувшись домой послѣ поѣздки въ западную Пруссію, привезли съ собой эту молодую дѣвушку—ей было всего двадцать лѣтъ, а она осталась круглой сиротой послѣ смерти своего отца, содержателя постоялаго двора,—консулу пришлось выдержать крупную сцену съ отцомъ, причемъ старикъ въ пылу гнѣва говорилъ только по-французски или на мѣстномъ plattdeutsch... Ида Юнгманъ оказалась, однако, очень умѣлой и расторопной работницей, отлично справлялась съ хозяйствомъ и дѣтьми, и вполнѣ подходила своими прусскими понятіями о классовыхъ различіяхъ къ своему положенію въ домѣ Будденброковъ. У нея были очень аристократическія воззрѣнія, и она дѣлала тонкія различія между высшими и средними кругами, между высшимъ, среднимъ классомъ и низшимъ, и гордилась тѣмъ, что она—преданная служанка людей изъ высшей буржуазіи; она была недовольна, когда Тони дружила въ школѣ съ дѣвочками, принадлежащими только къ низшему среднему классу.

Въ эту минуту въ комнату вошла черезъ стеклянную дверь сама Ида, высокая дѣвушка, нѣсколько худощавая, въ аккуратномъ черномъ платьѣ, съ гладко-причесанными волосами и честнымъ лицомъ. Она вела за руку маленькую Клотильду, необыкновенно тощую дѣвочку съ покорнымъ лицомъ старой дѣвы; это была дочь племянника старика Будденброка,—человѣка безъ всякихъ средствъ, занимавшаго мѣсто управляющаго въ одномъ имѣніи вблизи Ростока; Будденброки взяли дѣвочку на воспитаніе, какъ подругу для Тони, а также и потому что она была очень послушнымъ и кроткимъ ребенкомъ.

— Обѣдъ готовъ,—сказала Ида.—Тильда отлично намъ помогала въ кухнѣ. Тринѣ почти совсѣмъ ничего не оставалось дѣлать.

Консулъ потрепалъ свою маленькую племянницу по щекѣ и сказалъ:

— Ты славная дѣвочка, Тильда. Молись и работай, какъ сказано въ Писаніи. Нашей Тони слѣдовало бы брать примѣръ съ тебя. Она слишкомъ склонна къ лѣни и высокомѣрію...

Тони опустила голову и поглядѣла исподлобья на дѣдушку, зная, что онъ, какъ всегда, заступится за нее.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ онъ.—Держи голову высоко, Тони, courage! Не для всѣхъ годится одно и то же. Каждому свое. Тильда очень благонравна, но и мы тоже своего стоимъ...

Тони не дослушала словъ дѣдушки. Она соскочила съ колѣнъ старика, увидавъ въ окно братьевъ, возвращавшихся изъ школы.

— Вотъ идутъ Томъ и Христіанъ!—крикнула она:—и господинъ Гофстедъ... и дядя докторъ.

На башенныхъ часахъ пробило четыре, и почти одновременно съ послѣднимъ ударомъ раздался звонокъ у входныхъ дверей; черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошли сыновья консула, Томъ и Христіанъ, вмѣстѣ съ первыми гостями, поэтомъ Жанъ-Жакомъ Гофстедомъ и домашнимъ врачомъ, докторомъ Грабовомъ.

II.

Жанъ-Жакъ Гофстедъ, славившійся въ городѣ своими стихами, былъ немногимъ моложе старика Будденброка и одѣвался приблизительно въ томъ же вкусѣ, только носилъ камзолъ зеленаго цвѣта. Но онъ былъ тоньше и подвижнѣе своего друга, имѣлъ маленькіе быстрые зеленоватые глаза и длинный, острый носъ.

— Приношу мою благодарность,—сказалъ онъ, пожавъ руки мужчинамъ и отвѣсивъ изящный, церемонный поклонъ дамамъ,—за любезное приглашеніе, почтеннѣйшіе господа. Этихъ двухъ юношей—онъ указалъ на Тома и Христіана, стоявшихъ около него въ синихъ блузахъ съ кожаными кушаками,—мы встрѣтили на Königsstrasse, когда они выходили изъ школы. Молодцы они у васъ. Томъ—серьезный и разумный мальчикъ; онъ будетъ торговымъ человѣкомъ, это несомнѣнно. Ну, а Христіанъ какъ будто фантазёръ... но я долженъ сознаться, что мнѣ это нравится. Мнѣ кажется, что онъ сдѣлаетъ университетскую карьеру: онъ очень остроуменъ и обладаетъ блестящими способностями.

Будденброкъ старшій понюхалъ табаку изъ золотой табакерки.

— Онъ—настоящая обезьяна, вотъ онъ что̀ такое, — сказалъ онъ.—Уже не стать ли ему поэтомъ, Гофстедъ?

Какъ бы въ подтвержденіе словъ дѣдушки, Христіанъ сталъ тотчасъ же разсказывать о происшествіяхъ въ школѣ, представляя все въ лицахъ и передразнивая учителей съ необыкновеннымъ мастерствомъ. Мальчику было около семи лѣтъ, но уже теперь онъ былъ до смѣшного похожъ на своего отца. У него были тѣ же маленькіе, круглые и глубоко лежащіе глаза, такой же крупный носъ съ горбинкой, и нѣсколько линій, обрисовывавшихся ниже скулъ, указывали на то, что лицо его не сохранитъ навсегда дѣтскую округленность.

— Мы сегодня ужасно хохотали!—началъ онъ оживленно разсказывать, быстро оглядывая всѣхъ присутствующихъ.—Посмотрите, я вамъ покажу, какъ учитель Штенгель говорилъ съ Зигмундомъ Кестерманномъ. — Христіанъ наклонился впередъ, покачалъ головой и заговорилъ внушительнымъ голосомъ: „Внѣшнимъ образомъ, милое дитя, ты гладокъ и прилизанъ, это вѣрно, но внутренно, милое дитя, ты вѣдь черенъ...“ Онъ произнесъ эти слова, проглатывая букву „р“ и изображая на лицѣ отвращеніе передъ этой внѣшней „прилизанностью“ съ такимъ комизмомъ, что всѣ расхохотались.

— Ну, развѣ онъ не обезьяна!—сказалъ со смѣхомъ старикъ Будденброкъ. Гофстедъ былъ внѣ себя отъ восторга.

— Charmant!—воскликнулъ онъ. —Безподобно! Нужно знать Маркелла Штенгеля. Онъ совсѣмъ, совсѣмъ такой. Удивительно!

Томъ, который не обладалъ даромъ подражанія, стоялъ около своего младшаго брата и смѣялся отъ всего сердца, безъ тѣни зависти, показывая некрасивые, мелкіе и желтоватые зубы. У него былъ тонкій профиль, и по разрѣзу глазъ и чертамъ лица онъ былъ очень похожъ на дѣда.

Общество размѣстилось на стульяхъ и на диванѣ; въ ожиданіи обѣда, говорили о погодѣ, о слишкомъ раннемъ наступленіи зимы, болтали съ дѣтьми, говорили о новомъ домѣ Будденброковъ. Докторъ Грабовъ, ровесникъ консула, разглядывалъ съ своей добродушной улыбкой выставленные на большомъ столѣ на показъ безчисленные сладкіе пироги и торты. Это были подношенія родныхъ и знакомыхъ—„хлѣбъ-соль“, присланная по случаю новоселья. Большинство пироговъ изображало каравai хлѣба съ поставленными на нихъ золотыми солонками, чтобы видно было, что подарки присланы людьми зажиточными.

— Вижу я, что у меня будетъ скоро много работы!—ска-

залъ докторъ, указывая на сладости и шутливо грозя дѣтямъ пальцемъ. Затѣмъ онъ взялъ въ руки солидный золотой приборъ для соли, перца и горчицы и покачалъ головой съ почтительнымъ видомъ.

— Это отъ Лебрехта Крёгера,—сказалъ, ухмыляясь, старикъ Будденброкъ.—Онъ очень щедръ, мой милый родственникъ. Я ему такихъ подарковъ не дѣлалъ, когда онъ переѣхалъ на свою загородную виллу. Но это его всегдашняя манера... онъ настоящій кавалеръ à la mode...

Нѣсколько разъ раздавались звонки у входныхъ дверей. Явился пасторъ Вундерлихъ, приземистый старый господинъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ, съ напудренными волосами и съ бѣлымъ веселымъ лицомъ. Вмѣстѣ съ нимъ пришелъ высокій и худой биржевой маклеръ Гретьенсъ, который слылъ знатокомъ искусства и постоянно приставлялъ къ одному глазу сложенную въ видѣ подзорной трубки костлявую руку, какъ бы готовясь разсмотрѣть и оцѣнить какую-нибудь картину.

Явились также сенаторъ докторъ Ланггальсъ съ женой, долголѣтніе друзья дома, затѣмъ виноторговецъ Кеппенъ, съ большимъ багровымъ лицомъ, а также его очень тучная супруга. Было уже около половины пятаго, когда прибыли, наконецъ, старики Крёгеры и съ ними ихъ дѣти, консулъ Крёгеръ съ женой и сыновьями, Яковомъ и Юргеномъ, ровесниками Тома и Христіана. Почти одновременно съ ними явились и родители консульши Крёгеръ, лѣсопромышленникъ Овердикъ съ женой.

— Важные господа всегда поздно приходятъ,—сказалъ консулъ Будденброкъ, цѣлуя руку тещи.

Лебрехтъ Крёгеръ, кавалеръ à la mode, какъ его звали въ городѣ, былъ очень изященъ; онъ носилъ еще слегка напудренные волосы, но одѣвался по послѣдней модѣ. На его бархатномъ жилетѣ сверкали два ряда бриллiантовыхъ пуговицъ. Юстъ, его сынъ, носившій маленькія бакенбарды и остро закрученные кверху усы, былъ очень похожъ фигурой и изящными манерами на отца.

Пришедшихъ послѣдними гостей уже не просили сѣсть, такъ какъ пора было идти къ столу. Іоганъ Будденброкъ старшій предложилъ руку madame Кеппенъ и сказалъ, обращаясь ко всѣмъ:

— Ну, что-жъ, если у насъ всѣхъ есть достаточно аппетита, mesdames et messieurs...

Ида Юнгманъ и горничная раскрыли настежь двери, и общество медленно направилось въ столовую въ пріятномъ на-

строеніи духа: всѣ были заранѣе увѣрены, что ихъ ожидаетъ отличная, обильная ѣда.

1853 г. БИБЛІОТ-А

III.

Младшій хозяинъ дома не послѣдовалъ за гостями въ столовую. Пропустивъ всѣхъ мимо себя, онъ подошелъ къ матери, замыкавшей шествіе въ парѣ съ пасторомъ, и остановилъ ее.

— Простите, дорогой пасторъ... мнѣ нужно сказать нѣсколько словъ матери.

Пасторъ весело кивнулъ головой и прошелъ одинъ въ столовую, а консулъ подвелъ мать къ окну ландшафтной комнаты. Любезная улыбка, съ которой онъ разговаривалъ съ гостями, сошла съ его лица, имѣвшаго теперь напряженное и озабоченное выраженіе. Онъ нервнымъ жестомъ вынулъ изъ бокового кармана большой запечатанный конвертъ, показалъ его матери и сказалъ тихо и торопливо:

— Опять письмо отъ Готгольда—я узналъ по почерку. Это уже третье, а отецъ отвѣтилъ только на первое... Что мнѣ дѣлать? Оно пришло въ два часа, но я не вручилъ его отцу, чтобы не испортить ему настроенія духа... Какъ вы посовѣтуете? Я могу вѣдь его еще вызвать сюда и отдать письмо до обѣда.

— Нѣтъ, Жанъ, лучше подожди,—сказала madame Будденброкъ.—Богъ знаетъ, что въ этомъ письмѣ можетъ быть!—прибавила она озабоченнымъ тономъ.—Онъ все не можетъ угомониться,—навѣрное, опять требуетъ выплаты своей части въ домѣ... Ты лучше покажи отцу письмо вечеромъ, когда всѣ разойдутся.

— Не знаю, какъ мнѣ быть!—повторилъ консулъ, опустивъ голову.—Я не хочу, чтобы казалось, что я интригую противъ Готгольда, что я стараюсь возбудить отца противъ его сына отъ перваго брака,—но вѣдь я все-таки компаньонъ отца, и не могу допустить, чтобы Готгольду выплатили его часть въ домѣ деньгами изъ оборотнаго капитала. Я плачу отцу за первый этажъ очень приличную квартирную плату, а съ мужемъ моей сестры во Франкфуртѣ заключены условія, вполнѣ выгодныя для нашей фирмы. Что касается Готгольда...

— Все несчастіе въ томъ, что Готгольдъ мнѣ не довѣряетъ. Онъ видитъ во мнѣ злую мачиху, которая хочетъ поссорить его съ отцомъ.

— Но вѣдь отецъ разошелся съ нимъ по его собственной винѣ!—сказалъ консулъ почти громко и понизилъ затѣмъ го-

лось, поглядѣвъ въ сторону столовой.—Зачѣмъ онъ женился на какой-то дѣвицѣ Стювингъ, зачѣмъ открылъ лавку? Со стороны отца это, конечно, слабость, что онъ слышать не хотѣлъ о лавкѣ, но нужно было считаться съ его самолюбіемъ... И затѣмъ, повторяю, я, какъ компаньонъ, не могу совѣтовать отцу выплатить наличными Готтольду его часть,—вѣдь это болѣе тридцати тысячъ. Нельзя брать такія суммы изъ оборотнаго капитала. Я не могу этого допустить. Мнѣ только непріятна сцена, которая непремѣнно выйдетъ съ отцомъ.

— Ты ему не передавай письма до вечера, Жанъ. А теперь пойдемъ, насъ ждутъ.

Консулъ положилъ письмо въ карманъ, подалъ руку матери, и они вошли вмѣстѣ въ ярко освѣщенную столовую, гдѣ общество только-что успѣло размѣститься за длиннымъ столомъ.

На голубомъ фонѣ обоевъ пластично выступали промежъ стройныхъ колоннъ бѣлыя статуи греческихъ боговъ. Тяжелыя красныя занавѣси на окнахъ были плотно сдвинуты, и въ каждомъ изъ угловъ комнаты горѣло по восьми свѣчей въ высокихъ позолоченыхъ канделябрахъ, и кромѣ того на обѣденномъ столѣ горѣло множество свѣчей въ серебряныхъ канделябрахъ. Надъ массивнымъ буфетомъ висѣла большая картина, изображавшая Неаполитанскій заливъ. У стѣнъ стояли внушительныхъ размѣровъ диваны съ прямыми спинками, обитые краснымъ шолкомъ.

Всякій слѣдъ тревоги и заботы исчезъ съ лица madame Будденброкъ, когда она сѣла между старикомъ Крёгеромъ, сидѣвшимъ во главѣ стола, и пасторомъ Вундерлихомъ.

— Bon appetit! — сказала она, радушно кивая головой и оглядѣвъ быстрымъ взглядомъ весь длинный столъ до нижняго конца, гдѣ были размѣщены дѣти.

IV.

Обѣдъ затянулся очень долго, благодаря и обилію вкусно приготовленныхъ домашнихъ блюдъ, и безконечному количеству застольныхъ рѣчей. Вина, подававшіяся за каждымъ блюдомъ, развязали всѣмъ языки, и каждый старался перещеголять другого остроумными тостами и рѣчами, прославляющими хозяевъ, пожеланіями процвѣтанія торговому дому и семьѣ Будденброковъ. Особенный восторгъ вызвали стихи Гофстеда, воспѣвавшіе энергію главы фирмы и его сына и красоту жены консула, златокудрой Елизаветы Будденброкъ, которую поэтъ, въ порывѣ вдохновенія, назвалъ Венерой Андіоменой.

Послѣ рѣчей, когда гости стали приходить въ болѣе и болѣе благодушное настроеніе подъ вліяніемъ обильной трапезы, наступила очередь анекдотовъ и личныхъ воспоминаній—главнымъ образомъ изъ времени Наполеоновскихъ войнъ, происходившихъ на памяти старшаго поколѣнія. Старикъ Будденброкъ и поэтъ Гофстедъ видѣли даже лично Наполеона и стали передавать свои впечатлѣнія. Послѣ дессерта дамы перешли въ гостиную, а мужчины остались еще за столомъ, допивая вино; анекдоты приняли тогда болѣе рискованный характеръ, и Гофстедъ опять отличился, декламируя шуточныя стихотворенія „во французскомъ вкусѣ“. Потомъ часть гостей направилась еще въ билліардную, продолжая шутить и бесѣдовать, а другіе присоединились къ дамамъ въ гостиной.

Было уже около одиннадцати часовъ, когда все общество снова собралось въ ландшафтной комнатѣ, и гости начали собираться уходить.

Попрощавшись со всѣми, консульша сейчасъ же отправилась въ свои комнаты; консулъ же проводилъ гостей внизъ и вышелъ съ ними на улицу. Старики Крёгеры, закутавшись въ плотныя шубы, поспѣшно сѣли въ свой внушительный экипажъ, спасаясь отъ дождя и вѣтра. Лебрехтъ Крёгеръ пожалъ руку консулу, стоявшему подлѣ экипажа.

— Мегсі, Жанъ,—сказалъ онъ.—Мы провели у тебя прелестный вечеръ.—Онъ сѣлъ въ коляску, дверца захлопнулась и лошади быстро помчались.

Пасторъ Вундерлихъ и Гретьенсъ тоже пошли своей дорогой, поблагодаривъ хозяина за гостепріимство, а вслѣдъ за ними отправились и остальные гости.

Консулъ Будденброкъ простоялъ нѣсколько минутъ на улицѣ, засунувъ руки въ карманы и прислушиваясь къ удаляющимся шагамъ гостей. Ему стало холодно, такъ какъ онъ вышелъ безъ пальто, и онъ повернулъ обратно къ дому; поднявъ глаза вверхъ, онъ задумался, глядя на надпись, красовавшуюся надъ входной дверью: „Dominus providebit“. Онъ опустилъ голову, вошелъ въ домъ, тщательно заперъ за собой тяжелую входную дверь и сталъ подниматься по лѣстницѣ. На встрѣчу ему шла, спускаясь съ лѣстницы, кухарка съ подносомъ, уставленнымъ стаканами.

— Гдѣ баринъ, Трина?—спросилъ онъ.

— Въ столовой, господинъ консулъ.—Лицо ея стало такимъ же краснымъ, какъ и ея руки; она еще недавно пріѣхала изъ деревни, и все ее приводило въ смущеніе.

Консулъ поднялся на верхъ и, проходя черезъ темную га-

лерею съ колоннами, ощупалъ въ карманѣ письмо. Потомъ онъ вошелъ въ столовую, гдѣ въ одномъ углу еще догорали свѣчи въ канделябрахъ, освѣщая прибранный уже столъ. Въ воздухѣ еще чувствовался кислый запахъ соусовъ.

У оконъ спокойно ходилъ взадъ и впередъ Іоганъ Будденброкъ, заложивъ руки за спину.

V.

— Ну, что скажешь, сынъ мой Іоганъ?

Старикъ остановился и протянулъ сыну руку—бѣлую, нѣсколько короткую, но изящную руку Будденброковъ. Его мощная фигура слабо обрисовывалась на темно-красномъ фонѣ портьеръ.

— Ты еще не утомленъ? Я тутъ хожу и прислушиваюсь къ вѣтру... дьявольская погода! А капитанъ Клотъ теперь на пути изъ Риги съ грузомъ...

— Ничего, отецъ. Дастъ Богъ, все благополучно обойдется.

— Могу я на это положиться? Положимъ, что ты съ Богомъ стоишь на пріятельской ногѣ...

Консулъ обрадовался хорошему расположенію духа отца.

— Говоря по правдѣ,—сказалъ онъ,—я пришелъ не только съ тѣмъ, чтобы пожелать вамъ спокойной ночи, отецъ, а... не сердитесь на меня, ради Бога... у меня есть письмо для васъ. Оно пришло еще днемъ, но я не хотѣлъ испортить имъ такой пріятный день... и потому...

— Отъ monsieur Готгольда—voilà!—Старикъ старался сохранить спокойствіе при видѣ голубого запечатаннаго конверта: —„Господину Іогану Будденброку sen., въ собственныя руки“. Какая невоспитанность, однако! Я ему не отвѣтилъ на второе письмо, а онъ пишетъ третье!

Розовое лицо старика все болѣе омрачалось, въ то время какъ онъ быстрымъ движеніемъ пальцевъ сломалъ печать и поднесъ къ свѣту тоненькій листъ бумаги, исписанный не обычнымъ мелкимъ, но четкимъ и ровнымъ почеркомъ Будденброковъ, а неровными, прямыми буквами, съ частыми нажимами пера въ отдѣльныхъ словахъ; уже этотъ почеркъ казался старику проявленіемъ упорства и раздражалъ его.

Консулъ отошелъ къ стѣнѣ, гдѣ стояли стулья, но, изъ почтенія къ продолжавшему стоять отцу, не сѣлъ, а только прислонился къ высокой спинкѣ стула, наблюдая за старикомъ, ко-

торый наклонилъ голову на бокъ, сдвинулъ брови и сталъ читать вслухъ письмо:..

„Отецъ! Я вѣроятно напрасно надѣюсь на то, что вы поймете, какъ я возмущенъ отсутствіемъ отвѣта на мое второе, столь настоятельное и важное письмо. Я долженъ вамъ сказать, что ваше упрямство, все болѣе углубляющее бездну между нами — большой грѣхъ, за который вамъ придется отвѣчать передъ престоломъ Всевышняго. Достаточно печально уже то, что вы такъ жестоко отвернулись отъ меня, когда я, противъ вашего желанія, женился на моей теперешной женѣ и оскорбилъ вашу безмѣрную гордость тѣмъ, что открылъ лавку; но ваше теперешнее обращеніе со мной еще болѣе возмутительно, и вы глубоко ошибаетесь, если думаете, что я спокойно все снесу. Вашъ новый домъ въ Mengstrasse купленъ за 100.000 марокъ, и мнѣ далѣе извѣстно, что вашъ сынъ отъ второго брака и вашъ компаньонъ, Іоганъ, живетъ у васъ въ качествѣ жильца, и что послѣ вашей смерти онъ перейметъ ваше дѣло и получитъ домъ въ единоличное владѣніе. Съ вашей дочерью и ея мужемъ вы вошли въ соглашенія, которыя меня не касаются. Но что касается меня, вашего старшаго сына, то вы заходите такъ далеко въ своемъ безбожномъ гнѣвѣ, что отказываетесь выплатить мнѣ сумму, соотвѣтствующую моей части въ домѣ. Я не протестовалъ, когда вы выдали мнѣ 100.000 марокъ при моей женитьбѣ и отписали мнѣ въ завѣщаніи всего 100.000 марокъ. Я тогда не былъ достаточно освѣдомленъ относительно вашего состоянія. Теперь я яснѣе вижу положеніе дѣлъ, и такъ какъ я въ принципѣ не лишенъ наслѣдства, то требую, чтобы вы выплатили слѣдуемую мнѣ третью часть покупной цѣны за домъ, т.-е. 33.335 марокъ. Я не желаю дѣлать никакихъ предположеній относительно того, подъ чьимъ вліяніемъ вы такъ возмутительно обращаетесь со мной, но я протестую противъ вашего поведенія, какъ христіанинъ и какъ дѣловой человѣкъ, и завѣряю васъ въ послѣдній разъ, что если вы не исполните моихъ законныхъ требованій, я перестану уважать въ васъ христіанина, отца и честнаго человѣка.

„Готгольдъ Будденброкъ“.

— Eh bien, что ты на это скажешь? — спросилъ старикъ, кончивъ чтеніе.

— Право, не знаю, что и сказать, — отвѣтилъ консулъ. — Онъ говоритъ о нашемъ вліяніи на васъ, называетъ наше поведеніе нехристіанскимъ! Вы не можете себѣ представить, до чего мнѣ это тяжело!

— Неужели на тебя производитъ впечатлѣніе эта безсмысленная болтовня?—сердито крикнулъ старикъ.—Онъ смѣетъ говорить о христіанскихъ чувствахъ—а самъ думаетъ только о деньгахъ! Хорошъ идеалистъ! На языкѣ—возвышенныя слова о христіанствѣ, а на дѣлѣ готовъ скорѣе обругать старика отца послѣдними словами, чѣмъ потерять нѣсколько тысячъ талеровъ! Онъ отказываетъ мнѣ въ уваженіи, этотъ негодяй! Вѣдь я совершенно точно выяснилъ ему положеніе дѣлъ: ты желаешь сдѣлать mésalliance, жениться на дѣвицѣ Стювингъ, несмотря на мой запретъ. Отлично, mon cher fils, женись и открывай лавку. Я не лишаю тебя наслѣдства, я не поднимаю скандала, но между нами все кончено. Вотъ тебѣ 100.000 приданаго, въ завѣщаніи тебѣ отказано еще 100.000—и дѣло съ концомъ; больше ты не получишь ни гроша. Тогда онъ не протестовалъ. Какое же ему дѣло теперь до того, что у насъ дѣла хорошо идутъ, что ты и твоя сестра больше получатъ, чѣмъ онъ? Если изъ наслѣдства, которое принадлежитъ вамъ, теперь купленъ домъ, то это его не касается.

— Понимаете ли вы, отецъ, въ какомъ я теперь затруднительномъ положеніи! Я всей душой желаю, чтобы въ нашей семьѣ царило согласіе... Вотъ мы сегодня отпраздновали такой торжественный день, мы можемъ гордиться тѣмъ, что достигли кое-чего, что наша семья пользуется общимъ почетомъ... А эти враждебныя отношенія съ моимъ братомъ, съ твоимъ старшимъ сыномъ... Нужно остерегаться трещинъ въ зданіи, воздвигнутомъ нами съ помощью Божіей... Семья должна жить въ согласіи, иначе бѣда постучится въ двери.

— Глупости, Жанъ! Строптивый мальчишка...

Наступила пауза. Догорающія свѣчи едва-едва освѣщали комнату.

— Что ты дѣлаешь, Жанъ?—спросилъ Іоганъ Будденброкъ.—Я тебя почти совсѣмъ не вижу.

— Я дѣлаю разсчетъ,—сухо отвѣтилъ консулъ. Одна свѣча вспыхнула, догорая, и озарила холодное, сосредоточенное лицо консула.—Вы можете поступить двоякимъ образомъ,—продолжалъ онъ.—Или вы выдадите 33.335 марокъ Готтольду и 15.000 сестрѣ,—это составитъ 48.335 марокъ. Или же вы дадите только 25.000 сестрѣ,—и это означаетъ для нашей фирмы выигрышъ въ 25.000 марокъ. Но это еще не все. Если вы выплатите деньгами Готтольду его часть въ домѣ, то этимъ нарушается принципъ; это будетъ значить, что вы не вполнѣ покончили съ нимъ, и онъ можетъ послѣ вашей смерти потребовать такую же

часть наслѣдства, какую получимъ я и сестра. Тогда наша фирма потерпитъ потери въ цѣлыя сотни тысячъ,—и я, какъ будущій собственникъ нашего торговаго дома, не могу на это согласиться... Нѣтъ, отецъ,—заключилъ онъ, выпрямившись и дѣлая энергичный жестъ рукой, — вы не должны уступать Готтгольду,—мой долгъ отсовѣтовать вамъ это.

— Ну, и отлично. На этомъ и покончимъ. N'en parlons plus! En avant! Пора спать.

Послѣдняя свѣча потухла, и отецъ съ сыномъ прошли въ полной темнотѣ черезъ галерею; у лѣстницы, ведущей во второй этажъ, они попрощались, крѣпко пожавъ другъ другу руки.

— Спокойной ночи, Жанъ! —сказалъ старикъ.—Du courage! Все это пустяки...

Консулъ поднялся въ свою квартиру, а старикъ спустился, держась за перила, къ себѣ внизъ. Огромный старый домъ погрузился въ мракъ и тишину. Гордость, надежды и опасенія смолкли на время, а на тихихъ улицахъ струился мелкій дождь, и осенній вѣтеръ завывалъ вокругъ крышъ и угловъ зданій.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Два съ половиной года спустя, въ серединѣ апрѣля, произошло радостное событіе въ семьѣ Будденброковъ.

Консулъ Будденброкъ сидѣлъ въ воскресенье, въ девять часовъ утра, въ комнатѣ, гдѣ всѣ собирались къ утреннему кофе, у маленькаго бюро подлѣ окна. Передъ нимъ лежала толстая тетрадь съ золотымъ обрѣзомъ, и онъ усердно вписывалъ что-то въ нее своимъ тонкимъ и мелкимъ почеркомъ.

Оба окна были раскрыты настежь, и изъ сада, гдѣ уже стали показываться первыя почки на деревьяхъ, доносились звонкіе голоса птицъ и вливался въ комнату нѣжный весенній воздухъ. Яркіе солнечные лучи ослѣпительно сверкали на скатерти стола и играли на позолотѣ изящныхъ чашекъ.

Дверь въ спальню была открыта, и оттуда раздавался голосъ Іогана Будденброка, напѣвавшаго веселую пѣсенку. Онъ сидѣлъ у маленькой колыбельки съ зелеными шолковыми занавѣсками, стоявшей подлѣ высокой постели съ пологомъ, гдѣ лежала консульша. Она и ея мужъ перебрались для удобства въ

квартиру стариковъ, которые заботливо ухаживали теперь за невѣсткой.

Консулъ Будденброкъ былъ до того поглощенъ работой, что ни разу не заглянулъ въ спальню. Выраженіе лица его было серьезное и почти страдальчески-благоговѣйное. Ротъ былъ слегка раскрытъ, и глаза отъ времени до времени затуманивались.

„Сегодня,—писалъ онъ,—14-го апрѣля 1838 г., въ шесть часовъ утра, любезная моя супруга Елизавета, урожденная Крёгеръ, съ Божьей помощью счастливо разрѣшилась дѣвочкой, которая будетъ наречена въ св. крещеніи Кларой. Господь ей помогъ въ трудный часъ, такъ какъ, по заявленію доктора Грабова, роды наступили слишкомъ рано и были очень опасные; Бетси очень страдала, но все кончилось благополучно. Великъ Ты, Господь Саваоѳъ, помогающій во всѣхъ опасностяхъ, и Ты всегда являешь намъ свою волю для того, чтобы мы были въ страхѣ передъ Тобой и слѣдовали твоимъ велѣніямъ! Веди же насъ, Господь, въ теченіе всей нашей жизни на землѣ“...

Консулъ продолжалъ быстро писать; слова благодарности и славословія текли безудержно изъ-подъ его пера; онъ не уставалъ бесѣдовать со своимъ Создателемъ. Онъ приводилъ длинные тексты изъ Писаній, вписалъ въ тетрадь молитвы о благѣ родителей, жены, дѣтей, а также брата Готгольда и, наконецъ, выписавъ еще одну цитату изъ Библіи и написавъ три раза: „аминь“, посыпалъ золотого песку на послѣднюю написанную имъ страницу, облегченно вздохнулъ и откинулся на спинку стула.

Заложивъ ногу на ногу, онъ сталъ медленно перелистывать толстую тетрадь и перечитывать мѣста изъ прежнихъ записей. И снова сердце его преисполнилось благодарностью къ Творцу, который столько разъ предотвращалъ отъ него опасности. Въ дѣтствѣ онъ былъ боленъ оспой, и болѣзнь прошла безслѣдно; потомъ онъ тоже еще мальчикомъ чуть не былъ убитъ упавшей на него крышкой огромнаго чана, въ которомъ варили пиво,— и только милость Господня спасла его отъ гибели. Въ юности, во время путешествія въ Данію, онъ тонулъ на морѣ и спасся лишь какимъ-то чудомъ. Всѣ эти случаи записаны были въ семейной книгѣ, и консулъ умиленно перечитывалъ записи, заканчивавшіяся каждая благодарственной молитвой.

„Я бы многое могъ привести,—прочелъ онъ въ другой изъ своихъ записей, — если бы хотѣлъ исповѣдываться въ своихъ страстяхъ, но...“ Консулъ пропустилъ это мѣсто и началъ просматривать то, что онъ писалъ послѣ свадьбы и когда у него

родился первый ребенокъ. Его женитьбу, говоря правду, нельзя было назвать бракомъ по любви. Отецъ похлопалъ его по плечу и обратилъ его вниманіе на дочь богачей Крёгеровъ, дѣвушку съ большимъ приданымъ, пріобрѣтеніе котораго было очень желательно для ихъ фирмы; онъ охотно послѣдовалъ совѣту отца, и съ тѣхъ поръ неизмѣнно почиталъ свою жену, какъ назначенную ему Богомъ подругу жизни...

Второй бракъ его отца носилъ въ сущности такой же характеръ... Въ толстой тетради съ золотымъ обрѣзомъ было мало записей Іогана Будденброка. Онъ былъ слишкомъ поглощенъ текущими дѣловыми и личными интересами, чтобы пополнять фамильную хронику изложеніемъ своихъ мыслей и чувствъ по поводу разныхъ семейныхъ происшествій. А тѣ его записи, которыя были въ тетради, относились почти исключительно ко времени его перваго брака.

Консулъ сталъ перелистывать эти уже отчасти пожелтѣвшіе листы болѣе толстой и шероховатой бумаги, чѣмъ та, которую онъ вплелъ въ тетрадь для своихъ записей... Да, Іоганъ Будденброкъ вѣроятно очень нѣжно любилъ свою первую жену, дочь бременскаго купца, и годъ, который онъ прожилъ съ ней, былъ, вѣроятно, самымъ счастливымъ въ его жизни. „L'année la plus heureuse de ma vie“ — такъ онъ самъ назвалъ это время въ тетради... Но потомъ явился на свѣтъ Готтольдъ, и его рожденіе стоило жизни матери. Странныя разсужденія по этому поводу занесены были на листы семейной книги. Іоганъ Будденброкъ очевидно возненавидѣлъ здороваго, крѣпкаго ребенка, убившаго мать своимъ рожденіемъ, и не могъ простить ему его безвинное преступленіе... Консулъ не могъ этого понять. Жозефина умерла, исполнивъ священный долгъ всякой женщины, и слѣдовало бы, казалось ему, перенести нѣжную любовь къ ней на оставленное ею маленькое существо... А между тѣмъ отецъ никогда иначе не относился къ своему старшему сыну, какъ къ разрушителю своего счастья. Потомъ онъ женился на Антуаннетѣ Дюшанъ, дѣвушкѣ изъ очень почтенной гамбурской семьи, и относился къ своей второй женѣ съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ... Консулъ продолжалъ перелистывать тетрадь, прочелъ про разныя событія въ своей собственной семьѣ, про болѣзни дѣтей, про свои путешествія съ женой въ Маріенбадъ и въ Швейцарію, и заглянулъ потомъ въ самые старые желтые листы, исписанные рукой его дѣда, стараго Іогана Будденброка. Его записи начинались съ подробной родословной главной линіи Будденброковъ; старѣйшій изъ Будденброковъ жилъ въ XVI вѣкѣ

въ Парижѣ, и сынъ его былъ членомъ городского совѣта въ Грабау... Другой Будденброкъ, мастеръ портняжнаго цеха, женился въ Ростокѣ, имѣлъ хорошее состояніе, и у него было очень много дѣтей... Еще одинъ Будденброкъ былъ купцомъ въ Ростокѣ, и, наконецъ, дѣдъ консула, Іоганъ Будденброкъ, былъ основателемъ фирмы, торгующей хлѣбомъ. Объ этомъ предкѣ были уже извѣстны всѣ подробности его жизни. Въ семейную книгу занесены были даты всѣхъ его болѣзней, всѣ происшествія его жизни. Онъ самъ вписалъ въ книгу много здравыхъ жизненныхъ правилъ для назиданія потомства. Особенно выдѣлялось поученіе, написанное крупными готическими буквами и обведенное тщательно нарисованной перомъ рамкой. Оно гласило: „Сынъ мой, занимайся съ любовью дѣлами днемъ, но предпринимай только такія дѣла, которыя не будутъ мѣшать тебѣ спать ночью“...

Часы, вставленные въ картину надъ бюро—она изображала рыночную площадь въ какомъ-то старомъ городѣ,—пробили десять, когда консулъ закрылъ, наконецъ, тетрадь, заперъ ее въ одинъ изъ ящиковъ бюро и пошелъ въ спальню жены, гдѣ воздухъ былъ пропитанъ запахомъ лекарствъ и о-де-колона.

Старики Будденброки наклонились надъ колыбелью и смотрѣли на спящаго младенца. Консульша лежала въ кружевной кофточкѣ, уже тщательно причесанная, еще блѣдная, но радостно улыбающаяся. Она протянула мужу руку.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь, Бетси?

— Отлично, отлично, мой милый Жанъ!

Задержавъ ея руку въ своей, онъ тоже наклонился надъ колыбелью и почувствовалъ теплое ровное дыханіе ребенка.— Благослови тебя Господь!—прошепталъ онъ, поцѣловавъ въ лобъ ребенка.

— Правда, что она удивительно похожа на Нетту?—спросилъ Іоганъ Будденброкъ, лицо котораго сіяло отъ гордости и счастья.—У нея совсѣмъ черные глаза...

Его жена стала изъ скромности протестовать.

— Можно ли теперь уже говорить о сходствѣ... — сказала она и обратилась къ сыну:—Ты собираешься въ церковь, Жанъ?

— Да, уже пора. Теперь десять часовъ. Я только жду дѣтей.

Въ эту минуту появились дѣти, одѣтыя еще по зимнему, въ теплыхъ шубкахъ,—въ церкви было холодно. Они вошли очень тихо, осторожно ступая, чтобы не потревожить маленькую сестрицу. У нихъ были радостно взволнованныя лица. Сколько блаженства выпало на ихъ долю сегодня! Добрый аистъ при-

несъ имъ, кромѣ новой сестрицы, также множество чудесныхъ подарковъ: великолѣпную школьную сумку для Тома, большую куклу съ настоящими волосами—это было самое замѣчательное въ ней—для Тони, книжку съ картинками для благонравной Клотильды и великолѣпный игрушечный театръ для Христіана...

Дѣти поцѣловали мать и, получивъ на это разрѣшеніе, заглянули еще разъ за зеленую шолковую занавѣску, потомъ вмѣстѣ съ отцомъ чинно направились въ церковь, напутствуемыя пронзительнымъ крикомъ проснувшагося новаго члена семьи.

II.

Лѣтомъ, въ концѣ мая или въ іюнѣ, Тони Будденброкъ переселялась въ пригородную виллу дѣдушки и бабушки Крёгеровъ. Это было для нея счастливое время: ей было очень пріятно жить въ роскошномъ огромномъ домѣ, съ огромнымъ фруктовымъ садомъ, спускавшимся внизъ къ рѣкѣ, съ цвѣтниками, съ разными пристройками, конюшнями, флигелемъ для прислуги. Старики Крёгеры жили на очень широкую ногу, и это производило сильное впечатлѣніе на юную дѣвицу Будденброкъ. Въ зажиточномъ, но строго буржуазномъ домѣ ея родителей ее всячески пріучали къ работѣ по хозяйству: дѣдушка и мать, правда, не придавали этому большого значенія, но бабушка и отецъ заставляли ее обметать пыль и ставили ей въ примѣръ благочестивую и прилежную кузину Клотильду. Здѣсь же она могла сидѣть на качалкѣ и отдавать приказанія лакею или горничной; это нравилось дѣвочкѣ, унаслѣдовавшей аристократическіе инстинкты своей матери. Ей пріятно было спать подъ стеганнымъ атласнымъ одѣяломъ, пить утромъ на террасѣ не кофе и не чай, какъ дома, а шоколадъ съ бріошами, совсѣмъ такой, какъ дома подавали только въ именины членовъ семьи.

Утренній шоколадъ Тони приходилось пить обыкновенно, кромѣ воскресныхъ дней, одной: дѣдушка и бабушка спускались внизъ поздно, уже послѣ начала уроковъ въ школѣ. Кончивъ завтракъ, Тони брала сумку, спускалась въ припрыжку съ террасы и отправлялась черезъ палисадникъ на улицу.

Тони была очень хорошенькая, граціозная дѣвочка. Изъподъ ея соломенной шляпы виднѣлись густые свѣтло-каштановые волнистые отъ природы волосы; слегка выдвигавшаяся впередъ верхняя губа придавала задорное выраженіе ея свѣжему круглому личику съ сѣровато-голубыми глазами; она очень само-

увѣренно и легко ступала изящными ножками въ топкихъ бѣлыхъ чулкахъ.

Выйдя изъ дому, Тони очутилась въ тѣнистой каштановой аллеѣ и остановилась на минуту, поджидая свою сосѣдку, Юлиньку Гагенстремъ, съ которой она всегда вмѣстѣ ходила въ школу. Это была высокая дѣвочка, съ слишкомъ приподнятыми плечами и большими черными глазами; она жила рядомъ съ Крёгерами, въ обросшей виноградомъ виллѣ. Отецъ ея, одинъ изъ собственниковъ экспортнаго дома „Стрункъ и Гагенстремъ“, принималъ живое участіе въ городскихъ дѣлахъ; но люди со строгими принципами, Меллендорфы, Ланггальзы и Будденброки, косились на него послѣ его женитьбы на дѣвицѣ изъ Франкфурта—изъ никому невѣдомой семьи. У жены Гагенстрема были необыкновенно густые черные волосы, и она носила огромные брилліанты въ ушахъ. Въ городскихъ дѣлахъ Гагенстремъ былъ всегда въ оппозиціи съ членами старинныхъ семей; его семья еще сравнительно недавно переселилась въ городъ. Энергично проводя свои мнѣнія въ засѣданіяхъ по поводу разныхъ общественныхъ дѣлъ, онъ какъ будто всегда старался доказать, что приноситъ городу гораздо больше пользы, чѣмъ всѣ другіе. Консулъ Будденброкъ часто разсказывалъ дома о столкновеніяхъ съ нимъ. „Онъ положительно интригуетъ противъ меня...—говорилъ онъ;—вѣчно онъ становится мнѣ поперекъ дороги...“ Разъ отецъ и сынъ пришли къ обѣду очень сердитые...—Что случилось?—спросили ихъ. —Ничего особеннаго... Большая поставка ржи въ Голландію ускользнула изъ ихъ рукъ. Стрункъ и Гагенстремъ отбили ее у нихъ. „Настоящая лисица этотъ Генрихъ Гагенстремъ“.

Наслышавшись подобныхъ рѣчей дома, Тони не особенно дружелюбно относилась къ Юлинькѣ Гагенстремъ. Онѣ вмѣстѣ ходили въ школу, потому что жили по сосѣдству, но почти постоянно старались сердить одна другую.

— Мой отецъ имѣетъ тысячу талеровъ!—сказала Юлинька, увѣренная, что она страшно нахвастала.—Вѣдь у твоего...?

Тони почувствовала себя совсѣмъ уничтоженной и ничего не отвѣтила. Потомъ она сказала спокойно и какъ бы между прочимъ:

— Мой шоколадъ сегодня былъ страшно вкусный... А ты что пьешь по утрамъ, Юлинька?

Иногда вмѣстѣ съ дѣвочками шелъ въ школу и братъ Юлиньки, Германъ, который былъ на два года старше сестры. Другой ея братъ, Морицъ, былъ очень болѣзненный мальчикъ и учился дома. У Германа были свѣтлые волосы и приплюснутый

носъ; онъ постоянно причмокивалъ губами, потому что дышалъ только ртомъ.

— Глупости!—говорилъ онъ, слушая разговоры дѣвочекъ.— У отца гораздо больше, чѣмъ тысяча талеровъ!

Онъ всегда бралъ съ собой въ школу на завтракъ не простой хлѣбъ, а лимонную булку съ ломтиками гусиной грудинки. Для Тони это было нѣчто новое, и когда онъ показалъ ей свой завтракъ, она выразила желаніе отвѣдать кусочекъ. Германъ сказалъ ей разъ по дорогѣ въ школу:

— Я не могу отказать себѣ ни въ чемъ, и не отдамъ тебѣ моей булки. Но завтра я принесу еще одну булку, если ты мнѣ за это дашь что-нибудь.

На слѣдующее утро Тони ждала Юлиньку въ каштановой аллеѣ цѣлыхъ пять минутъ; она все не приходила. Наконецъ явился Германъ—безъ сестры.

— Вотъ видишь,—сказалъ онъ, показывая ей жестянку для завтрака, которую онъ носилъ на ремнѣ черезъ плечо:—я принесъ тебѣ лимонную булку съ гусиной грудинкой; она очень нѣжная, совсѣмъ безъ жира... Что ты мнѣ за это дашь?

— Дать тебѣ шиллингъ?—спросила Тони.

Они стояли по срединѣ аллеи.

— Шиллингъ?..—повторилъ нерѣшительно Германъ, помолчавъ, и твердо сказалъ:—Нѣтъ, мнѣ нужно совсѣмъ не то...

— Что же?—спросила Тони.

Она была готова отдать все что угодно за новое лакомство.

— Я хочу тебя поцѣловать,—сказалъ Германъ и быстро обнялъ дѣвочку, но ему не удалось поцѣловать ее въ лицо: она съ необыкновенной проворностью откинула голову, уперлась лѣвой рукой, державшей сумку, ему въ грудь, а правой ударила его нѣсколько разъ изо всѣхъ силъ по лицу... Онъ отшатнулся; но въ ту же минуту выскочила изъ-за дерева его сестра Юлинька и съ яростью накинулась на Тони, сорвала ей шляпу съ головы и расцарапала ей щеки... Послѣ этого происшествія ихъ дружба почти совсѣмъ кончилась.

Тони отказала въ поцѣлуѣ юному Гагенстрему вовсе не изъ застѣнчивости, а потому что его очень не любила. Она была разбитная дѣвочка, и начальница школы приходила даже къ ея родителямъ жаловаться на ея проказы. Тони ходила одна по улицамъ, всѣхъ знала и со всѣми болтала, забиралась вмѣстѣ съ Томомъ въ хлѣбные амбары, помогала таскать мѣшки и была въ дружбѣ съ рабочими. Но если кто-нибудь возбуждалъ ея нерасположеніе или казался ей смѣшнымъ, то она была неисто-

щима въ придумываніи всевозможныхъ шутокъ и издѣвательствъ надъ своимъ врагомъ. Она чувствовала себя маленькой королевой и пользовалась своимъ правомъ казнить и миловать сообразно со своими капризами...

Что касается братьевъ Тони, Тома и Христіана, то сужденіе, высказанное о нихъ Гофстедомъ въ день празднованія новоселья, было очень вѣрное.

Тома предназначали къ торговой дѣятельности, какъ будущаго собственника фирмы „Будденброкъ". Онъ учился въ реальномъ отдѣленіи старой городской школы, и былъ умный, понятливый и прилежный мальчикъ. Это ему, однако, не мѣшало отъ души хохотать, когда его братъ Христіанъ, ученикъ классическаго отдѣленія, передразнивалъ учителей, въ особенности Маркелла Штенгеля, учителя пѣнія и рисованія. Христіанъ умѣлъ воспроизводить всѣ особенности его рѣчи и подражать его манерамъ. На урокахъ пѣнія любимымъ занятіемъ Штенгеля было разучиваніе хоромъ пѣсни „Зеленый лѣсъ", причемъ нѣсколько учениковъ должны были выходить въ корридоръ, чтобы тамъ повторять, какъ далекое эхо, послѣднія слова хора. Но когда эта роль поручалась Христіану Будденброку, его кузену Юргену Крёгеру или его другу Андрею Гизеке, то они, вмѣсто того, чтобы изображать нѣжное эхо, спускали съ лѣстницы ящикъ съ углями. Въ наказаніе за это учитель приказывалъ имъ являться въ четыре часа дня къ нему на квартиру, гдѣ ихъ, однако, ничего особенно непріятнаго не ожидало. Штенгель сразу забывалъ, что ученики призваны имъ за провинность, угощалъ ихъ кофеемъ и отпускалъ по домамъ.

На Тома Будденброка можно было очевидно возлагать больше надеждъ, чѣмъ на его брата. У него былъ болѣе ровный характеръ: онъ былъ веселъ, но всегда благоразуменъ; Христіанъ, напротивъ того, былъ очень нервенъ, капризенъ, впадалъ иногда въ чрезмѣрную веселость, а иногда пугалъ всю семью самыми неожиданными выходками.

Сидятъ, напримѣръ, всѣ за столомъ и ѣдятъ среди общаго разговора фрукты, поданные къ дессерту. Вдругъ Христіанъ кладетъ на свою тарелку персикъ, отъ котораго откусилъ кусочекъ. Лицо его блѣдно, глаза широко раскрыты.

— Я никогда больше не буду ѣсть персиковъ,—заявляетъ онъ.

— Почему? Что за глупости, Христіанъ... что съ тобой?

— Подумайте, что еслибы я нечаянно... проглотилъ эту большую косточку и она застряла бы у меня въ горлѣ... и я бы сталъ задыхаться... вскочилъ бы... вы бросились бы всѣ ко мнѣ...

О! — восклицаетъ онъ съ невыразимымъ ужасомъ, съ безпокойствомъ ёрзаетъ на стулѣ и дѣлаетъ видъ, что хочетъ убѣжать изъ комнаты.

Консульша и Ида Юнгманъ вскакиваютъ со своихъ мѣстъ.

— Господи помилуй! Христіанъ, неужели ты дѣйствительно проглотилъ косточку отъ персика?—Судя по его лицу, это дѣйствительно можно предположить.

— Нѣтъ, нѣтъ,—говоритъ Христіанъ и постепенно успокоивается,—но вѣдь это могло бы случиться.

Консулъ, тоже поблѣднѣвшій отъ испуга, бранитъ сына, и дѣдушка съ возмущеніемъ ударяетъ кулакомъ по столу и говоритъ, что запрещаетъ такія глупыя шутки... Но Христіанъ дѣйствительно долгое время чувствуетъ отвращеніе къ персикамъ.

III.

Около шести лѣтъ послѣ переѣзда Будденброковъ въ домъ на Mengstrasse, madame Антуаннета Будденброкъ слегла въ постель, въ холодный январьскій день, и уже больше не поднималась. Она была бодра до конца, сопровождала мужа на всѣ главнѣйшіе обѣды и вечера въ сезонѣ, принимала у себя съ обычнымъ достоинствомъ и любезностью. Потомъ вдругъ начались неопредѣленныя желудочныя страданія, не прекращавшіяся отъ обычныхъ лекарствъ доктора Грабова, а напротивъ того все усиливающіяся; наступилъ тревожный упадокъ силъ у больной. Послѣ короткаго серьезнаго разговора доктора Грабова съ консуломъ, въ домѣ появился еще одинъ врачъ, маленькій чернобородый и мрачный человѣкъ. Всѣ стали ходить на цыпочкахъ и говорить шопотомъ. Что-то новое, таинственное вошло въ домъ,—въ обширныхъ покояхъ воцарилось ожиданіе смерти; мысль о ней всѣ читали въ глазахъ другъ у друга.

Работы въ домѣ стало еще больше въ эти тяжелые дни, потому что пріѣхало много гостей. Болѣзнь длилась недѣли двѣ, и уже черезъ недѣлю пріѣхалъ братъ madame Антуаннеты, сенаторъ Дюшанъ съ дочерью изъ Гамбурга, а нѣсколько дней спустя—сестра консула съ мужемъ изъ Франкфурта. Всѣ они поселились въ домѣ на Mengstrasse, и Ида Юнгманъ работала съ утра до вечера, устроивая всѣхъ на ночь и готовя для гостей обильные обѣды и ужины.

Іоганъ Будденброкъ сидѣлъ у постели больной и безмолвно глядѣлъ въ пространство, держа въ рукѣ изможденную руку

своей старой Нэты. Сестра милосердія, вся въ черномъ, готовила у столика питье для больной; отъ времени до времени въ комнату входилъ кто-нибудь изъ членовъ семьи и, постоявъ съ минуту, снова уходилъ.

Старикъ, быть можетъ, вспоминалъ, какъ, сорокъ шесть лѣтъ тому назадъ, онъ въ первый разъ сидѣлъ у постели умирающей жены, и сравнивалъ тогдашнее дикое отчаяніе съ задумчивой грустью, съ которой онъ глядѣлъ теперь въ измѣнившееся и до ужаса равнодушное лицо второй жены; она не принесла ему большого счастья, но никогда не доставляла также горя, а прожила съ нимъ много длинныхъ лѣтъ съ большимъ достоинствомъ, и теперь медленно уходила отъ него...

— Курьёзно все это, курьёзно!—шепталъ онъ.

Когда его жена умерла, когда гробъ ея, покрытый цвѣтами, вынесли изъ дому, Іоганъ Будденброкъ не плакалъ. Онъ только тихо и удивленно качалъ головой, и все повторялъ почти съ улыбкой: „Курьёзно!“ Это стало его любимымъ словомъ... И его жизнь, очевидно, близилась къ концу.

Онъ безучастно сидѣлъ въ домашнемъ кругу, и случалось, что, взявши иногда на колѣни маленькую Клару, чтобы пропѣть ей, какъ бывало, одну изъ своихъ старыхъ веселыхъ пѣсенокъ, онъ вдругъ умолкалъ послѣ первыхъ словъ, задумывался, спускалъ дѣвочку на полъ и, сказавъ: „курьёзно!“, отворачивался... Однажды онъ сказалъ сыну:

— Жанъ... assez, не правда ли?

И послѣ этого по городу разосланы были дѣловые циркуляры съ двумя подписями, въ которыхъ Іоганъ Будденброкъ senior заявлялъ, что, въ виду своего преклоннаго возраста, онъ передаетъ дѣла своему сыну, и проситъ перенести на него довѣріе, которымъ старинная, основанная въ 1768 году, фирма пользовалась до сихъ поръ.

Послѣ этого заявленія старикъ уже не заглядывалъ больше въ контору и становился все болѣе и болѣе безучастнымъ ко всему. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти жены, въ срединѣ марта, онъ слегъ въ постель, вслѣдствіе небольшой простуды. И вскорѣ наступилъ часъ, когда вся семья собралась вокругъ его постели; онъ сказалъ консулу:

— Будь счастливъ, Жанъ. И помни, всегда—du courage.

Тому онъ сказалъ: „Помогай отцу!“; а Христіану: „Сдѣлайся чѣмъ-нибудь порядочнымъ“.

Потомъ онъ замолчалъ, посмотрѣлъ на всѣхъ и, сказавъ еще разъ: „курьезно!“—отвернулся къ стѣнѣ.

О Готгольдѣ онъ не упоминалъ до конца, и его старшій сынъ не явился къ нему попрощаться, несмотря на приглашеніе консула. Но когда, на слѣдующій день послѣ смерти старика, консулъ спускался въ контору, чтобы сдѣлать нужныя распоряженія, онъ очутился на лѣстницѣ лицомъ къ лицу съ Готгольдомъ Будденброкомъ, собственникомъ магазина льняныхъ издѣлій „Сигизмунда Стювинга и Комп.“. Готгольдъ былъ маленькій, толстый человѣкъ сорока-шести лѣтъ съ свѣтлыми, сѣдѣющими бакенбардами, одѣтый въ широкій клѣтчатый костюмъ.

— Ну что, Жанъ,—спросилъ онъ, не подавая руки брату.— Въ какомъ положеніи отецъ?

— Онъ скончался сегодня ночью,—отвѣтилъ взволнованно Жанъ.

Готгольдъ помолчалъ и потомъ спросилъ:

— На что я могу надѣяться теперь? Могу я разсчитывать на справедливость съ твоей стороны?

Консулъ опустилъ глаза и отвѣтилъ тихимъ твердымъ голосомъ:

— Въ тяжелые часы жизни я тебѣ протягивалъ руку какъ братъ, но въ дѣловыхъ вопросахъ я долженъ дѣйствовать только какъ глава фирмы, собственникомъ которой я сегодня сталъ. Не ожидай ничего, что противорѣчило бы этимъ моимъ обязательствамъ,—всѣ мои остальныя чувства должны теперь молчать.

Готгольдъ ушелъ, но—къ большому удовольствію консула—явился на похороны и даже привелъ съ собой свою жену, урожденную Стювингъ, и своихъ трехъ дочерей: Фредерику, Генріетту и Фифи. Двѣ старшія дѣвушки были слишкомъ высоки и тонки, а восемнадцатилѣтняя младшая—слишкомъ толста и мала ростомъ.

Похороны были очень торжественные, со множествомъ депутацій и вѣнковъ отъ служащихъ и рабочихъ; пасторъ Келингъ сказалъ рѣчь, въ присутствіи огромной толпы друзей и знакомыхъ покойнаго. Когда всѣ двинулись въ обратный путь—семьдесятъ или восемьдесятъ наемныхъ каретъ направились съ кладбища обратно въ городъ,—Готгольдъ предложилъ брату поѣхать вмѣстѣ съ нимъ и говорилъ по дорогѣ въ очень примирительномъ тонѣ; сказалъ, что понимаетъ поведеніе консула, и что онъ сохранитъ добрую память объ отцѣ. Онъ прибавилъ, что отказывается отъ всѣхъ своихъ притязаній, тѣмъ болѣе, что рѣшилъ оставить дѣла и будетъ жить на проценты съ своего наслѣдства и того, что онъ успѣлъ отложить до сихъ поръ. Вернувшись въ домъ консула, братья еще выпили вмѣстѣ по рюмкѣ коньяку, чтобы со-

грѣться послѣ долгаго пребыванія на воздухѣ; затѣмъ Готгольдъ сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ невѣсткѣ, приласкалъ дѣтей и ушелъ съ тѣмъ, чтобы появиться на слѣдующемъ „дѣтскомъ собраніи“ въ виллѣ Крёгеровъ. Онъ уже началъ ликвидировать дѣла и могъ возобновить отношенія съ своей родней.

IV.

Консулъ очень жалѣлъ, что отецъ его не дожилъ до вступленія въ дѣло своего старшаго внука, что случилось уже на пасху того же года, т.-е. черезъ мѣсяцъ послѣ смерти старика.

Тому было шестнадцать лѣтъ, когда онъ оставилъ школу. Онъ сильно выросъ въ послѣднее время и послѣ конфирмаціи одѣвался уже какъ взрослый молодой человѣкъ. Онъ все болѣе и болѣе становился похожимъ на дѣдушку. У него были очень ровныя движенія и спокойный смѣхъ, открывавшій неровные, уже начинавшіе портиться зубы. Онъ очень серьезно и ревностно относился къ своей будущей торговой дѣятельности.

Вступленіе его въ дѣло отца было обставлено чрезвычайно торжественно. Отецъ привелъ его утромъ въ контору, представилъ его главному бухгалтеру Маркусу, кассиру Гаверману и остальнымъ служащимъ, хотя Томъ былъ давно въ пріятельскихъ отношеніяхъ со всѣми ними; затѣмъ онъ сѣлъ въ первый разъ на свой вертящійся стулъ передъ конторкой и принялся ревностно копировать бумаги, заносить ихъ въ книги, накладывать штемпеля. Днемъ отецъ повелъ его въ кладовыя у рѣки, и представилъ его и тамъ въ качествѣ своего помощника.

Томъ прилежно взялся за дѣло, слѣдуя примѣру отца, который работалъ теперь особенно энергично и усердно, и часто къ тому же вписывалъ въ семейную книгу молитвы о помощи свыше. Нужно было постараться вернуть „фирмѣ“ капиталы, которые ушли со смертью старика Будденброка... Однажды вечеромъ, сидя съ женой въ ландшафтной комнатѣ, консулъ довольно точно выяснилъ ей положеніе дѣлъ.

Пробила уже половина двѣнадцатаго, и дѣти, а также и Ида Юнгманъ, давно спали. Консульша сидѣла на желтомъ шолковомъ диванѣ и занята была вышиваніемъ, а мужъ ея курилъ сигару, просматривая курсовыя таблицы въ мѣстной газетѣ. Іоганъ Будденброкъ, которому было уже около сорока-пяти лѣтъ, сильно состарился за послѣдніе годы. Его маленькіе, круглые глаза впали еще сильнѣе, крупный носъ и скулы стали рѣзко обри-

совываться, и виски начинали сѣдѣть. Жена его, которой было въ это время уже подъ сорокъ лѣтъ, напротивъ того, очень сохранилась; у нея былъ все тотъ же, отличавшій ее, нѣжный матово-бѣлый цвѣтъ лица, та же стройная, изящная фигура; при вечернемъ освѣщеніи ея рыжеватые, искусно причесанные волосы казались пронизанными свѣтомъ. Она сказала, не поднимая глазъ отъ работы:

— Я вотъ о чемъ хотѣла съ тобой поговорить, милый Жанъ; намъ бы слѣдовало нанять лакея... я пришла къ этому убѣжденію. Когда я думаю о моихъ родителяхъ...

Консулъ выпустилъ изъ рукъ газету, вынулъ сигару изо рта, и на лицѣ его отразилось сосредоточенное вниманіе: дѣло шло о новыхъ денежныхъ расходахъ.

— Что ты, милая Бетси?—сказалъ онъ.—Мы и такъ сохранили послѣ смерти родителей то же количество трехъ дѣвушекъ, не считая Иды Юнгманъ... А вѣдь мы теперь не выѣзжаемъ и не принимаемъ у себя,—такъ что мнѣ кажется...

— Конечно, пріемовъ въ этомъ году нѣтъ, но все-таки у насъ постоянно гости. Какъ часто къ тебѣ пріѣзжаютъ по дѣламъ люди изъ другихъ городовъ, и ты зовешь ихъ къ обѣду и предлагаешь имъ жить у насъ, а не въ гостинницѣ. Затѣмъ, къ намъ пріѣзжаютъ иногда гостить миссіонеры—вотъ уже на будущей недѣлѣ мы ждемъ пастора Маттея изъ Канштадта. Къ тому же жалованье прислугѣ такъ незначительно...

— Да, но это все-таки увеличиваетъ расходы. И такъ у насъ четверо человѣкъ прислуги, и ты забываешь, сколько мы выплачиваемъ жалованья служащимъ въ конторѣ!

— Неужели мы не въ состояніи нанять лакея?—спросила Бетси, улыбаясь.—Когда я подумаю о штатѣ, который содержатъ мои родители...

— Твои родители, милая Бетси, намъ не примѣръ. Ты, кажется, не совсѣмъ ясно представляешь себѣ, каковы наши обстоятельства,—я могу тебѣ это точно сказать. У покойнаго отца, до выхода замужъ моей сестры, было ровно 900.000 марокъ, не считая недвижимаго имущества и стоимости самой фирмы. Но приданое сестры, 100.000 мар., выданныя Готтольду, когда онъ женился, покупка дома—все это уменьшило его капиталъ,—несмотря на крупныя прибыли нашего торговаго дома,—на 200.000 марокъ. По смерти отца капиталъ фирмы заключался въ 795.000 марокъ, а теперь, за вычетомъ 100.000 марокъ на долю Готтольда и другихъ суммъ, завѣщанныхъ отцомъ на благотворительныя дѣла, осталось всего—уже вмѣстѣ со 100.000 ма-

рокъ твоего приданаго—только 520.000 марокъ. Вотъ приблизительно какъ обстоятъ наши дѣла. Мы вовсе не такъ богаты, какъ ты думаешь, Бетси. И при этомъ нужно имѣть въ виду, что хотя дѣлъ теперь нѣсколько меньше, но расходы не уменьшились, потому что нельзя ронять престижъ фирмы... Ты меня поняла, Бетси?

Консульша не совсѣмъ увѣренно кивнула головой и опустила вышиванье на колѣни.

— Конечно, поняла, милый Жанъ, — сказала она, хотя ей совсѣмъ не было ясно, почему эти огромныя суммы должны ей помѣшать нанять лакея.

Консулъ раздулъ свою потухающую сигару, выпустилъ дымъ, откинувъ голову назадъ, и снова заговорилъ:

— Ты, вѣроятно, думаешь о томъ, что со временемъ, когда Господь отзоветъ къ себѣ твоихъ родителей, наше состояніе значительно увеличится наслѣдствомъ отъ нихъ. Это, конечно, вѣрно, —но не слѣдуетъ слишкомъ необдуманно на это разсчитывать. Я знаю, что у отца твоего были крупныя потери—главнымъ образомъ по винѣ Юста, который очень неосторожень въ дѣлахъ; отцу твоему приходилось не разъ выручать его изъ бѣды—очень крупными суммами. И это можетъ повториться—и даже навѣрное повторится, потому что,—прости меня за откровенность, Бетси,—твой братъ слишкомъ легкомысленъ для дѣлового человѣка—и въ дѣлахъ, и въ образѣ жизни. Къ тому же и родители твои живутъ въ свое удовольствіе,—что̀ меня, конечно, очень радуетъ за нихъ; они живутъ по-барски, какъ это... соотвѣтствуетъ ихъ обстоятельствамъ.

Бетси снисходительно улыбнулась; она знала, что мужъ ея порицалъ любовь къ роскоши, отличавшую ея семью.

— Что касается меня, — продолжалъ консулъ, отряхая пепелъ съ сигары,—то я уповаю на то, что Господь дастъ мнѣ достаточно силъ, чтобы я смогъ съ Его помощью поднять состояніе нашей фирмы на прежнюю высоту. Надѣюсь, что ты теперь вполнѣ уяснила себѣ положеніе дѣлъ, дорогая Бетси...

— Вполнѣ, Жанъ, вполнѣ!—поспѣшила отвѣтить консульша, рѣшивъ не возобновлять въ этотъ вечеръ разговора о наймѣ лакея.—Ну, а теперь пора идти спать...

Черезъ нѣсколько дней, однако, когда консулъ вернулся домой изъ конторы въ хорошемъ настроеніи духа, рѣшено было нанять Антона, лакея, ушедшаго отъ Мелендорфовъ.

V.

— Тони мы отдадимъ въ пансіонъ къ фрейлейнъ Вейхбродтъ,— сказалъ консулъ Будденброкъ такъ твердо, что это рѣшеніе уже никѣмъ не оспаривалось.

Въ противоположность Тому, который радовалъ отца своими способностями къ дѣламъ и своимъ усердіемъ, а также кроткой и веселой Кларѣ и Клотильдѣ, аппетитъ которой не могъ не радовать всѣхъ, Христіанъ и Тони доставляли много огорченій родителямъ. Христіану почти каждый день приходилось отправляться пить кофе къ Маркелу Штенгелю; но это еще было ничего; вскорѣ отецъ узналъ о болѣе непростительной выходкѣ четырнадцатилѣтняго гимназиста: увлекшись театромъ, и въ особенности красотой юной пѣвицы, mademoiselle Мейеръ-Лагранжъ, которая исполняла роль пажа въ оперѣ „Вильгельмъ Телль“, Христіанъ побѣжалъ въ одномъ изъ антрактовъ купить цвѣты, пробрался за кулисы, въ уборную пѣвицы, и поднесъ ей букетъ, очень краснорѣчиво выразивъ при этомъ свои восторги. При этой сценѣ въ уборной присутствовалъ консулъ Петръ Дельманъ, сынъ богатаго золотопромышленника, и одинъ изъ „suitiers“ — какъ въ городѣ называли золотую молодежь, ведущую нѣсколько легкомысленный образъ жизни; къ разряду „suitiers“ причисляли и Юста Крёгера. Дельманъ разсказалъ въ тотъ же вечеръ въ клубѣ о выходкѣ Христіана, которая стала такимъ образомъ извѣстной всему городу. О ней узналъ и школьный директоръ; онъ счелъ долгомъ серьезно поговорить о поведеніи своего ученика съ его отцомъ. Консулъ Будденброкъ былъ совершенно уничтоженъ сообщеніемъ директора: въ поведеніи Христіана онъ увидѣлъ проявленіе столь ненавистнаго ему Крёгеровскаго легкомыслія. Выдавать въ его возрастѣ деньги на букеты для „такой особы“! Идти по слѣдамъ Юста Крёгера!—Это казалось ему по истинѣ ужаснымъ.

Много огорченій доставляла консулу также дочь его Тони. Свои прежнія дѣтскія шалости она теперь оставила, но пріобрѣтала все болѣе и болѣе высокомѣрную и дерзкую манеру обращенія съ людьми, а также сильное влеченіе къ роскоши и суетности,—въ особенности когда возвращалась домой послѣ лѣтняго пребыванія у дѣдушки и бабушки.

Разъ консулъ засталъ ее за чтеніемъ „Мимили“ Клорена; онъ взялъ у нея книгу, сталъ ее перелистывать и, прочтя нѣсколько страницъ, отнялъ книгу и заперъ ее въ шкафъ. Вскорѣ

послѣ того одна знакомая дама встрѣтила Тони гуляющею у городскихъ воротъ въ обществѣ гимназиста, товарища ея братьевъ. Объ этомъ она—въ шутливомъ тонѣ, конечно,—разсказала консулу, и прогулки были запрещены. Но потомъ оказалось, что mademoiselle Тони завела тайную корреспонденцію съ тѣмъ же гимназистомъ, причемъ мѣстомъ для полученія и отправки писемъ служило дупло въ одномъ изъ деревьевъ у городскихъ воротъ. Когда это обнаружилось, то родители ея сочли необходимымъ отдать пятнадцатилѣтнюю дѣвочку подъ строгій надзоръ и помѣстили ее въ пансіонъ дѣвицы Терезы Вейхбродтъ.

Тереза Вейхбродтъ была горбата и ростомъ не выше стола. Ей было сорокъ-два года; но такъ какъ она никогда не обращала вниманія на свой внѣшній видъ, то одѣвалась какъ дама лѣтъ семидесяти. Она носила на сѣдыхъ локонахъ чепчикъ съ длинными зелеными лентами и простенькое черное платье безъ всякихъ украшеній; только у ворота красовалась большая брошка съ портретомъ матери Терезы на фарфорѣ.

У Терезы Вейхбродтъ были умные каріе глаза, носъ съ горбинкой и тонкія губы, которыя она иногда сжимала съ большой энергіей. Вся ея маленькая фигурка хотя и была нѣсколько комична, но внушала почтеніе. У нея была очень энергичная манера говорить, выдвигая нижнюю челюсть и убѣдительно кивая головой; она очень отчетливо выговаривала каждую букву и только нѣсколько преувеличенно растягивала гласныя; такъ она называла свою собачку не „Бобби“, а „Ба-абби“, своимъ ученицамъ говорила: „не будьте такъ гло-опы“. Ее въ дѣтствѣ прозвали „Зеземи“, и это имя осталось за ней навсегда; она сама просила своихъ ученицъ тоже называть ее такъ. У Терезы жила ея старшая сестра, Нелли Кетельсенъ, переселившаяся къ ней послѣ смерти мужа,—очень наивная и добродушная женщина, находившаяся въ полномъ подчиненіи у своей младшей, образованной и дѣятельной сестры. Кромѣ нея, въ красномъ загородномъ домикѣ Терезы Вейхбродтъ жила также француженка, m-elle Попинэ, преподававшая французскій языкъ воспитанницамъ Терезы. Пансіонерокъ у Терезы Вейхбродтъ было немного, такъ какъ она принимала только уже почти взрослыхъ дѣвицъ и непремѣнно изъ пользующихся почетомъ семей... Тони Будденброкъ она встрѣтила очень ласково, и за ужиномъ въ честь новой воспитанницы подавали „епископскій пуншъ“, хлодный напитокъ изъ краснаго вина, который Тереза Вейхбродтъ умѣла мастерски готовить.

За ужиномъ Тони сидѣла между двумя другими пансіонер-

ками, Армгардой фонъ-Шиллингъ, свѣтловолосой дочерью мекленбургскаго помѣщика, и Гердой Арнольдсонъ, уроженкой Амстердама, изящной, оригинальной дѣвушкой съ темно-рыжими волозами, карими глазами и блѣднымъ лицомъ. Сидѣвшая противъ нея за столомъ m-elle Попинэ имѣла видъ негритянки и носила большія золотыя серьги. Въ теченіе разговора за ужиномъ выяснилось, что Герда играетъ не на роялѣ, какъ большинство барышенъ, а на скрипкѣ, и что ея отецъ—матери ея уже не было въ живыхъ—обѣщалъ ей купить настоящій Страдиваріусъ. Армгарда фонъ-Шиллингъ разсказывала о коровахъ въ помѣстьи своего отца. Армгарда произвела на Тони сильное впечатлѣніе съ первой же минуты, какъ первая аристократка, съ которой ей довелось познакомиться. Носить фамилію фонъ-Шиллингъ—какое это должно быть счастье! Въ глубинѣ души Тони казалось, что завидное „фонъ“ гораздо болѣе подходило бы ей, чѣмъ Армгардѣ, которая совершенно не умѣла цѣнить своего счастья и никогда не думала о своемъ аристократическомъ происхожденіи.

Вторая соученица Тони, Герда Арнольдсонъ, была дѣвушкой со странностями. Она оригинально причесывала свои рыжіе волосы, несмотря на протесты Зеземи, и обращала на себя общее вниманіе своимъ чужеземнымъ видомъ. Ея игра на скрипкѣ тоже казалась чѣмъ-то непривычнымъ и вызывала скорѣе осужденіе. Три дѣвушки очень скоро подружились, такъ какъ занятія у нихъ были общія, и кромѣ того у нихъ была общая спальня во второмъ этажѣ дома Зеземи. Онѣ очень любили разговаривать, ложась спать послѣ десяти часовъ, причемъ приходилось говорить въ полголоса, такъ какъ въ сосѣдней комнатѣ спала m-elle Попинэ.

Темныя шторы были спущены, низкая лампа подъ краснымъ абажуромъ горѣла на столѣ, въ комнатѣ пріятно пахло фіалками и царила пріятная атмосфера усталости, беззаботности и нѣжныхъ дѣвическихъ грёзъ.

— Боже мой!—сказала Армгарда, садясь, полураздѣтая, на край постели:—какъ плавно и краснорѣчиво говоритъ докторъ Нейманъ! Онъ приходитъ въ классъ, садится къ столу и сейчасъ же начинаетъ говорить о Расинѣ...

— У него красивый, высокій лобъ,—замѣтила Герда, причесывая волосы у зеркала.—Ты вѣдь собственно это хотѣла сказать, Армгарда. Недаромъ ты всегда такъ глядишь на него, точно...

— Ты его любишь?— спросила Тони.— Ахъ, я никакъ не

могу развязать шнурокъ отъ ботинокъ; пожалуйста, помоги мнѣ, Герда... вотъ такъ, спасибо! Ну, такъ скажи, Армгарда, ты его любишь? Выходи, въ такомъ случаѣ, за него замужъ; онъ будетъ учителемъ въ гимназіи...

— Боже, какія вы противныя! Я вовсе его не люблю. Я навѣрное выйду замужъ не за учителя, а за помѣщика...

— За аристократа?—спросила Тони, задумчиво поглядѣвъ въ лицо Армгарды.

— Этого я не знаю. Но во всякомъ случаѣ у него должно быть большое имѣніе... Я буду вставать въ пять часовъ утра и буду хозяйничать... Боже, какъ это будетъ хорошо!—Она натянула на себя одѣяло и мечтательно подняла глаза къ потолку.

— Передъ ея духовнымъ окомъ стоятъ пятьсотъ коровъ,— сказала Герда, поглядѣвъ на подругу въ зеркало.

Тони, въ свою очередь, тоже размечталась; она лежала, подложивъ руки подъ голову, и задумчиво разглядывала потолокъ.

— Я, конечно, выйду замужъ за купца,—сказала она,—и непремѣнно за богатаго, для того, чтобы мы могли жить въ роскоши. Это—мой долгъ передъ моей семьей и нашей фирмой.

Герда кончила причесываться на ночь и стала чистить зубы, держа передъ собой маленькое зеркальце изъ слоновой кости.

— Я, вѣроятно, совсѣмъ не выйду замужъ,—сказала она, кончивъ эту процедуру.—Зачѣмъ? Я вернусь въ Амстердамъ и буду играть съ отцомъ дуэты, потомъ поселюсь у моей замужней сестры...

— Какъ это было бы жалко!—горячо воскликнула Тони.— Нѣтъ, я хотѣла бы, чтобы ты вышла замужъ и осталась здѣсь навсегда... Послушай, почему бы тебѣ не выйти за одного изъ моихъ братьевъ?.. Вы бы чудесно устроились—обойщикъ Жакобсъ сдѣлалъ бы вамъ обстановку—у него очень аристократическій вкусъ. Я бы каждый день приходила къ вамъ въ гости...

Въ эту минуту раздался голосъ m-elle Попинэ:

— Voyons, mesdames! пора спать, s'il vous plait. Вѣдь сегодня вы, все равно, еще не успѣете выйти замужъ.

Воскресные дни и каникулы Тони проводила у родителей или въ виллѣ Крёгеровъ. Очень пріятно было также иногда, лѣтомъ, жить у моря, обѣдать за табль-д'отомъ, купаться и ѣздить верхомъ на ослахъ. Но больше всего Тони любила Рождество, которое праздновалось и дома, и у Крёгеровъ, и у Зеземи. Торжественнѣе всего проходилъ праздникъ въ домѣ консула, свято соблюдавшаго всѣ традиціи. Семья собиралась въ ландшафтной комнатѣ, а прислуга и множество бѣднаго люда наполняли вести-

бюль, потомъ раздавалось пѣніе хора Маріинской церкви, и общее настроеніе становилось очень торжественнымъ и радостнымъ. Консульша читала послѣ того главу изъ старой семейной Библіи, потомъ всѣ пѣли хоромъ и направлялись торжественнымъ шествіемъ въ столовую, гдѣ красовалась огромная зажженная ёлка и стоялъ длинный столъ съ подарками для всѣхъ домашнихъ. Праздникъ заканчивался позднимъ ужиномъ.

Такъ проходили годы, и, въ общемъ, юность Тони была для нея счастливымъ временемъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Около пяти часовъ дня, въ іюнѣ мѣсяцѣ, вся семья сидѣла за кофеемъ въ саду, передъ лѣтнимъ павильономъ; въ самомъ павильонѣ, съ его выштукатуренными стѣнами, было слишкомъ душно, и потому мебель была вынесена на воздухъ.

Консулъ, его жена, Тони, Томъ и Клотильда сидѣли полукругомъ вокругъ круглаго накрытаго стола, на которомъ стояли уже опорожненныя чашки отъ кофе; Христіанъ сидѣлъ нѣсколько поодаль и готовилъ переводъ второй рѣчи Цицерона противъ Катилины; выраженіе лица его было самое несчастное. Клара и Ида Юнгманъ искали фіалокъ на лугу. Тони подперла голову обѣими руками и сидѣла, погруженная въ чтеніе „Serapionsbrüder“ Гофмана. Клотильда, худощавая и старообразная въ своемъ пестромъ ситцевомъ платьѣ, читала разсказъ подъ заглавіемъ: „Глухой, слѣпой и нѣмой, но все-же счастливый человѣкъ“; среди чтенія она сгребала крошки бисквитовъ на скатерти и, ухвативъ собранныя горсточки всѣми пальцами, медленно съѣдала ихъ.

— Знаешь, Томъ,— сказалъ консулъ веселымъ тономъ и вынулъ сигару изо рта:—дѣло о поставкѣ ржи Генкдомомъ и Комп., кажется, состоится.

— Это чудесно!—обрадованно сказалъ Томъ.—Условія ихъ вѣдь отличныя.

Томъ уже хорошо понималъ дѣло и зналъ, что сдѣлка, о которой говорилъ отецъ, дѣйствительно выгодная.

— Тони, ты держишься не comme il faut,—замѣтила консульша, и Тони тотчасъ же, даже не поднимая глазъ съ книги, сняла одинъ локоть со стола.

— Это ничего не значитъ, — сказалъ Томъ.—Какъ бы она ни держалась, все-же она—Тони Будденброкъ.

Тони ничего не отвѣтила на насмѣшливое замѣчаніе Тома, такъ какъ знала, что послѣднее слово всегда будетъ за нимъ. Она только молча пожала плечами. Но когда консульша что-то сказала о предстоящемъ вечерѣ у однихъ знакомыхъ и о томъ, что нужно купить новыя лакированныя туфли, Тони тотчасъ же сняла локти со стола и приняла оживленное участіе въ бесѣдѣ.

— Вотъ вы все разговариваете,—сказалъ жалобнымъ голосомъ Христіанъ,—а я долженъ дѣлать такую трудную работу. Я хотѣлъ бы тоже быть купцомъ!

— Каждый день ты хочешь стать чѣмъ-нибудь другимъ,—сказалъ Томъ.

Въ это время черезъ дворъ прошелъ Антонъ; онъ несъ визитную карточку на подносѣ.

— „Грюнлихъ, торговый агентъ“,—прочелъ консулъ поданную ему карточку.—Онъ милый человѣкъ, котораго мнѣ очень рекомендовали. У меня съ нимъ дѣла... Скажи этому господину, Антонъ,—ты не будешь ничего имѣть противъ этого, Бетси?—что его просятъ пожаловать сюда...

Черезъ садъ прошелъ, держа шляпу и палку въ одной рукѣ, маленькими шагами и вытянувъ голову немного впередъ, человѣкъ лѣтъ тридцати-двухъ, средняго роста, въ желтовато-зеленомъ длинномъ сюртукѣ, въ сѣрыхъ нитяныхъ перчаткахъ. У него были свѣтлые волосы, розовое улыбающееся лицо съ очень замѣтной бородавкой у носа; онъ носилъ, по англійской модѣ, бакенбарды, имѣвшія совершенно золотой цвѣтъ. Онъ уже издали почтительно кланялся, размахивая по воздуху своей большой свѣтло-сѣрой шляпой... Подойдя къ столу, за которымъ сидѣла семья, онъ сдѣлалъ еще разъ общій поклонъ.

— Я боюсь, что я помѣшалъ, войдя неожиданно въ семейный кругъ,—сказалъ онъ очень мягко, пріятнымъ сдержаннымъ голосомъ.—Семья сидитъ за хорошими книгами, мирно бесѣдуетъ... простите меня, молю васъ!

— Мы вамъ очень рады, почтеннѣйшій господинъ Грюнлихъ,—сказалъ консулъ, поднявшись, также какъ и его сыновья, и пожимая руку гостю.—Я очень радъ видѣть васъ у себя дома, въ семейномъ кругу. Позволь тебѣ представить, Бетси: господинъ Грюнлихъ... Моя дочь Антонія... моя племянница Клотильда... Тома вы уже знаете... А это мой второй сынъ, Христіанъ,—гимназистъ.

Грюнлихъ снова кланялся при каждомъ называемомъ ему имени.

— Повторяю,—сказалъ онъ,—что я не хочу мѣшать своимъ присутствіемъ... Мнѣ нужно поговорить по дѣлу съ господиномъ консуломъ, и если вы позволите...

Но консульша прервала его, сказавъ:

— Вы оказали бы намъ большую любезность, еслибы послѣ пошли говорить съ моимъ мужемъ о дѣлахъ, а сначала побесѣдовали бы немного съ нами. Присядьте пожалуйста.

— Тысячу разъ благодарю,—растроганно сказалъ Грюнлихъ, присѣлъ на кончикъ стула, принесеннаго Томомъ, положилъ шляпу и палку себѣ на колѣни, и слегка кашлянулъ, какъ будто бы говоря: „все это предисловіе—ну, а теперь что“?

Консульша начала разговоръ.

— Вы всегда живете въ Гамбургѣ?—спросила она.

— Совершенно вѣрно, сударыня,—отвѣтилъ Грюнлихъ, снова поклонившись.—Мѣсто моего постояннаго жительства дѣйствительно Гамбургъ, но я много разъѣзжаю, моя дѣятельность требуетъ этого... а безостановочная усердная работа стала для меня непремѣннымъ условіемъ жизни...—Онъ снова кашлянулъ, замѣтивъ обращенный на него холодный и наблюдательный—и уже слегка презрительный взглядъ Тони.

— У насъ есть родственники въ Гамбургѣ,—сказала Тони, чтобы поддержать разговоръ.

— Дюшаны, — объяснилъ консулъ:—семья моей покойной матери.

— О, я объ этомъ вполнѣ освѣдомленъ,—поспѣшилъ сказать Грюнлихъ.—Я имѣлъ честь быть имъ представленнымъ. Это очень почтенные люди, очень сердечные и разумные... Да, еслибы во всѣхъ семьяхъ царилъ такой духъ, какъ у нихъ, лучше жилось бы на свѣтѣ. Вотъ гдѣ истинное благочестіе, милосердіе,—истинныя христіанскія чувства, которыя составляютъ мой идеалъ. Кромѣ того, ваши родственники соединяютъ христіанскія добродѣтели съ блескомъ и огромнымъ изяществомъ внѣшней жизни,—а я долженъ сознаться, сударыня,—прибавилъ онъ, обращаясь главнымъ образомъ къ консульшѣ,—что это меня истинно восхищаетъ.

„Откуда онъ такъ хорошо знаетъ моихъ родителей?“—подумала Тони. — Онъ говоритъ каждому изъ нихъ то, что имъ должно нравиться“.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Грюнлихъ похвалилъ прекрасное расположеніе дома Будденброковъ, похвалилъ весь городъ вообще,

похвалилъ также сигару консула и старался найти какое-нибудь любезное слово для каждаго изъ членовъ семьи.

— Осмѣлюсь ли я васъ спросить, mademoiselle Антонія, какую вы читаете книгу?

Тони почему-то сурово сдвинула брови и отвѣтила, не глядя на Грюнлиха:

— „Serapionsbrüder“ Гофмана.

— Вотъ какъ! Этотъ писатель написалъ много замѣчательнаго,—сказалъ онъ:—но, простите... я забылъ имя вашего второго сына, сударыня,—прибавилъ онъ, обращаясь къ консульшѣ.

— Христіанъ.

— Какое прекрасное имя! Мнѣ пріятно, я долженъ сознаться—при этихъ словахъ Грюнлихъ обратился къ хозяину дома—произносить имена, которыя уже сами доказываютъ, что носители ихъ—христіане. Въ вашей семьѣ, насколько мнѣ извѣстно, переходитъ по наслѣдству имя Іогана,... какъ при этомъ не думать о любимомъ ученикѣ Спасителя!.. А вы что читаете, молодой человѣкъ? А, Цицерона? Трудное чтеніе, я знаю... „Qousque tandem, Catilina...“ да, да, я еще не совсѣмъ позабылъ свою латынь!..

Наступила маленькая пауза, и Тони подумала:—„теперь, очевидно, моя очередь“.—И дѣйствительно, Грюнлихъ посмотрѣлъ на нее въ эту минуту, привскочилъ вдругъ на мѣстѣ, сдѣлалъ нѣсколько судорожный, но все-же изящный жестъ рукой, и, обращаясь къ консульшѣ, возбужденно прошепталъ:

— Взгляните пожалуйста, какъ свѣтятся волосы вашей дочери на солнцѣ... я никогда не видалъ болѣе прекрасныхъ волосъ!—На лицѣ Грюнлиха отразился почти благоговѣйный восторгъ.

Консульша одобрительно улыбнулась. Консулъ сказалъ:—Не кружите вы ей голову комплиментами!—а Тони опять молча сдвинула брови.

Черезъ нѣсколько минутъ Грюнлихъ поднялся.

— Я не буду васъ больше безпокоить своимъ присутствіемъ... Вѣдь я пріѣхалъ по дѣлу—но я не могъ устоять противъ искушенія... Теперь нужно вернуться къ работѣ! Если вы позволите, господинъ консулъ...

— Я была бы очень рада,—сказала консульша,—еслибы на время вашего пребыванія въ городѣ вы сдѣлали намъ удовольствіе жить у насъ въ домѣ.

Грюнлихъ на минуту онѣмѣлъ отъ благодарности.

— Я признателенъ вамъ отъ всей души,—сказалъ онъ,—

но боюсь злоупотребить вашей любезностью. Я нанялъ двѣ комнаты въ гостинницѣ „Гамбургъ“...

„Двѣ комнаты!“ —подумала консульша.

Грюнлихъ именно и разсчитывалъ, что она это подумаетъ.

Онъ поцѣловалъ руку консульшѣ, подождалъ съ минуту, надѣясь, что и Тони дастъ ему поцѣловать свою руку, но когда этого не случилось, сдѣлалъ полуоборотъ, отступилъ на шагъ, еще разъ поклонился и, выпрямившись, надѣлъ свою сѣрую шляпу и вышелъ вмѣстѣ съ консуломъ.

— Какой пріятный, обходительный человѣкъ!—сказалъ консулъ, вернувшись черезъ нѣсколько времени къ своей семьѣ и сѣвъ на прежнее мѣсто.

— По моему, онъ дуракъ! —довольно энергично возразила Тони.

— Тони, какъ ты рѣзко выражаешься!—сказала консульша съ негодованіемъ.—Развѣ можно такъ говорить о столь степенномъ, благочестивомъ молодомъ человѣкѣ.

— Онъ очень знающій и хорошо воспитанный человѣкъ,— сказалъ консулъ въ дополненіе къ словамъ жены.—Ты ничего не понимаешь, Тони!

Христіанъ сморщилъ свой большой носъ и сказалъ:

— Съ какой важностью онъ говоритъ!.. „Я, быть можетъ, мѣшаю—я долженъ просить прощенья!.. Я никогда не видѣлъ болѣе прекрасныхъ волосъ!.. Какой у васъ удивительный садъ!.. Какъ нарядны эти махровыя розы!..“

Христіанъ такъ мастерски изобразилъ Грюнлиха, что даже консулъ расхохотался.

— Да, онъ ужасно важничаетъ,—сказала Тони.—Все время онъ говорилъ о себѣ. *Онъ* очень занятъ дѣлами, *онъ* любитъ природу, *онъ* любитъ то или другое имя... Что̀ намъ за дѣло до этого, хотѣла бы я знать!.. Все это онъ говоритъ, чтобы выдвинуть свои достоинства,—продолжала она почти съ яростью.— Онъ говоритъ тебѣ, мама, и тебѣ, папа, только то, что̀ вамъ пріятно слышать,—онъ нарочно льститъ вамъ!

— Въ этомъ нѣтъ ничего дурного, Тони,—сказалъ консулъ строгимъ голосомъ:—онъ хочетъ показать себя съ лучшей стороны, хочетъ понравиться. Это вѣдь ясно.

— По моему, онъ добрый человѣкъ,—медленно и кротко сказала Клотильда, хотя Грюнлихъ и не обратилъ на нее вниманія.

Томъ воздержался отъ всякаго сужденія.

— Довольно,—сказалъ консулъ. — Онъ очень порядочный,

дѣятельный и образованный молодой человѣкъ, обнаруживающій истинно христіанскія чувства, и тебѣ бы, Тони, слѣдовало сдержать свой язычокъ относительно человѣка, который такъ любезно обошелся съ тобой... Идемъ работать, Томъ.

Тони прошептала про себя: — „бакенбарды золотистаго цвѣта!“ — и снова нахмурила брови.

II.

— Я былъ искренно огорченъ тѣмъ, что не засталъ васъ! — сказалъ, нѣсколько дней спустя, Грюнлихъ, встрѣтивъ Тони на улицѣ. — Я позволилъ себѣ зайти засвидѣтельствовать свое почтеніе вашей матушкѣ, и мнѣ было больно, что васъ не было дома... Но какъ я счастливъ, что вижу васъ теперь!

Тони остановилась, когда Грюнлихъ заговорилъ съ ней, но слушала его почтительныя слова съ насмѣшливой, безпощадной улыбкой... Она думала о томъ, какъ бы ей сказать такое слово, которое бы разъ навсегда уничтожило Грюнлиха... Нужно, чтобы это слово было оскорбительно и въ то же время внушительно...

— А я вовсе не рада, что встрѣтила васъ, — сказала она надменнымъ тономъ, и пошла дальше, очень довольная собой. Вернувшись домой, она узнала, что Грюнлихъ дѣйствительно былъ съ визитомъ у консульши, и что его пригласили къ обѣду на воскресенье...

И къ ужасу Тони онъ явился въ воскресенье, одѣтый въ несовсѣмъ новомодный, но изящный черный сюртукъ, придававшій ему очень солидный видъ, съ широкой улыбкой на розовомъ лицѣ, съ тщательно расчесанными бакенбардами. За обѣдомъ онъ хвалилъ каждое блюдо и очень искусно льстилъ хозяйкѣ. Такъ, напримѣръ, держа въ рукѣ дессертную ложку, онъ поднималъ глаза къ потолку и говорилъ какъ бы про себя:

— Да проститъ мнѣ Господь, но я ничего не могу съ собой подѣлать; я съѣлъ порядочный кусокъ, но этотъ пуддингъ слишкомъ ужъ восхитителенъ; я *долженъ* попросить добрую хозяйку дать мнѣ еще кусочекъ.

Сказавъ это, онъ лукаво подмигнулъ консульшѣ. Съ консуломъ онъ говорилъ о дѣлахъ и о политикѣ, обнаруживая очень разумные и трезвые взгляды, съ консульшей бесѣдовалъ о театрѣ и туалетахъ. Для всѣхъ другихъ—для Тома, Христіана, бѣдной Клотильды, даже для Клары и Иды Юнгманъ—у него тоже были въ запасѣ подходящія пріятныя слова... Только Тони

упорно не вступала съ нимъ въ разговоръ, а онъ, съ своей стороны, изрѣдка поглядывалъ на нее грустнымъ и въ то же время ободряющимъ взоромъ.

Послѣ его ухода всѣ сказали въ одинъ голосъ, что онъ очень пріятный и прекрасно воспитанный человѣкъ. Тони молчала и пошла спать нѣсколько разстроенная; она смутно предчувствовала, что не въ послѣдній разъ видитъ этого господина, который такъ быстро завоевалъ симпатіи ея родителей.

Дѣйствительно, вернувшись черезъ нѣсколько дней послѣ того домой отъ одной изъ своихъ подругъ, она застала Грюнлиха, который расположился совсѣмъ по-домашнему въ ландшафтной комнатѣ. Онъ читалъ консульшѣ вслухъ „Waverley“ Вальтеръ Скота; у него былъ отличный англійскій выговоръ, и онъ объяснилъ консульшѣ, что часто бывалъ въ Англіи по дѣламъ. Тони сѣла поодаль съ другой книгой, и Грюнлихъ спросилъ ее мягкимъ голосомъ:

— Вамъ, вѣроятно, не особенно нравится то, что̀ я читаю?

На что̀ она капризно отвѣтила: —Да, не особенно...

Грюнлихъ продолжалъ читать консульшѣ, а потомъ, оставивъ книгу, сталъ говорить о своей жизни, о своемъ покойномъ отцѣ, который былъ пасторомъ, и хотя отличался истинно христіанскимъ благочестіемъ, но въ то же время имѣлъ очень широкіе взгляды на жизнь... Черезъ нѣсколько дней Грюнлихъ уѣхалъ въ Гамбургъ.

— Ида!—радостно объявила Тони Идѣ Юнгманъ, которой она повѣряла всѣ свои тайны.—Этотъ противный человѣкъ уѣхалъ. Какое счастье!

Но Ида отвѣтила:

— Увидишь еще, милая, что̀ будетъ!

Черезъ недѣлю разыгралась слѣдующая сцена за утреннимъ кофе: Тони сошла въ столовую въ девять часовъ и была очень удивлена, заставъ тамъ еще отца, который сидѣлъ за столомъ рядомъ съ консульшей. Она его поцѣловала, сѣла на свое мѣсто и стала ѣсть яйцо.

— А я тебя давно поджидаю,—сказалъ консулъ, закуривая сигару.—Какъ ты поздно встаешь! Тильда уже хозяйничаетъ въ кухнѣ, и я бы тоже уже давно сидѣлъ за работой, если бы мнѣ и твоей матери не нужно было поговорить съ тобой о серьезномъ дѣлѣ.

Тони отложила хлѣбъ съ масломъ, который уже было-поднесла ко рту, и сказала съ любопытствомъ и нѣкоторымъ испугомъ:

— Скажи скорѣе, въ чемъ дѣло, папа!

— Дорогое дитя мое,—отвѣтилъ консулъ, помолчавъ.—Дѣло, по поводу котораго мы хотимъ поговорить съ тобой, изложено въ этомъ письмѣ.—Онъ слегка ударилъ по столу большимъ голубымъ конвертомъ, который держалъ въ рукѣ.—Короче говоря, Бенедиктъ Грюнлихъ, котораго мы всѣ считаемъ очень порядочнымъ и милымъ человѣкомъ, пишетъ мнѣ, что за время своего пребыванія здѣсь онъ глубоко привязался къ нашей дочери и оффиціально проситъ у насъ ея руки. Что скажетъ на это наша дорогая дѣвочка?

Тони сидѣла, опустивъ голову, и медленно вертѣла правой рукой кольцо отъ салфетки. Потомъ она вдругъ подняла глаза, которые совсѣмъ потемнѣли и были полны слезъ.

— Что этому человѣку нужно отъ меня?—проговорила она сдавленнымъ голосомъ.—Что я ему сдѣлала?..—Больше она ничего не могла сказать и разрыдалась.

Консулъ поглядѣлъ на жену и сталъ, нѣсколько смутившись, разсматривать свою порожнюю чашку.

— Дорогая Тони,—мягко сказала консульша,—напрасно ты такъ горячишься. Ты можешь быть увѣрена, что твои родители заботятся только о твоемъ благѣ... Я предполагаю, что у тебя нѣтъ опредѣленныхъ чувствъ къ Грюнлиху... въ твои годы дѣвушки вообще не знаютъ, чего хотятъ... и должны слѣдовать совѣтамъ опытныхъ людей.

— Я вѣдь ничего о немъ не знаю,—сказала Тони съ трогательнымъ отчаяніемъ въ голосѣ:—я знаю только, что у него золотистаго цвѣта бакенбарды и дѣло, требующее частыхъ разъѣздовъ...

Консулъ пододвинулся, въ приливѣ внезапно охватившей его нѣжности, къ дочери и съ улыбкой погладилъ ее по головѣ.

— Дорогая моя дѣвочка, ты и не можешь знать о немъ ничего,—даже если бы онъ пробылъ здѣсь много мѣсяцевъ; ты еще не въ состояніи понимать людей... положись поэтому на насъ... Впрочемъ, все это можно еще спокойно обсудить... Я пока отвѣчу ему уклончиво. Нужно еще многое взвѣсить... Ну, а пока до свиданія, мнѣ пора въ контору. Прощай, Бетси...

— До свиданія, милый Жанъ.

— Выпей кофе и съѣшь что-нибудь, — сказала консульша, оставшись наединѣ съ дочкой.—Прежде всего нужно хорошо питаться,—это самое важное.

Тони уже больше не плакала. Голова у нея шла кругомъ отъ множества мыслей... Боже! какія серьезныя вещи проис-

ходятъ теперь въ ея жизни! Она вѣдь знала, что когда-нибудь выйдетъ замужъ за купца, сдѣлаетъ хорошую и выгодную партію, какъ этого требуетъ честь фирмы... Но вдругъ все это приняло осязательную форму: явился человѣкъ, который дѣйствительно хочетъ жениться на ней! Какъ слѣдуетъ вести себя въ подобномъ случаѣ? Всѣ тѣ важныя, знаменательныя слова, о которыхъ Тони только читала въ книгахъ до сихъ поръ: „отвѣтить согласіемъ“, „просить руки“, „на всю жизнь“...—все это вошло вдругъ въ ея собственную жизнь. Боже, до чего это ново... и интересно!

— А ты, мама, совѣтуешь мнѣ... отвѣтить согласіемъ?— Тони произнесла это слово уже съ достоинствомъ. Бракъ съ Грюнлихомъ казался ей столь же немыслимымъ, какъ и за десять минутъ до того, но ей было пріятно положеніе, въ которомъ она теперь очутилась.

— Я тебѣ вовсе этого не совѣтую, я только не хочу отсовѣтовать, — также какъ и твой отецъ. Партія эта очень хорошая... ты бы жила въ Гамбургѣ очень хорошо, вела бы большой домъ.

Тони сидѣла, не двигаясь. Въ ея воображеніи мелькало нѣчто въ родѣ шолковыхъ портьеръ, такихъ, какъ у стариковъ Крёгеровъ... А будетъ ли она въ качествѣ madame Грюнлихъ пить по утрамъ шоколадъ? Спросить объ этомъ было неловко.

— Ты вѣдь еще можешь подумать, прежде чѣмъ рѣшаться,— сказала консульша.—Но, конечно, имѣй въ виду, что не каждый день представляются такія партіи, какъ эта, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ твоимъ обязанностямъ. Вѣдь ты знаешь, что у тебя есть обязанности въ жизни...

— Да,—отвѣтила Тони задумчиво.—Я это знаю. Она дѣйствительно помнила о своемъ долгѣ передъ своей семьей и передъ фирмой Будденброкъ, и очень гордилась сознаніемъ этого долга. Она знала, что должна поддержать блескъ своей семьи выходомъ замужъ за богатаго и виднаго человѣка... но почему такимъ человѣкомъ долженъ былъ оказаться именно Грюнлихъ... она вспомнила его золотистыя бакенбарды, розовое улыбающееся лицо съ бородавкой у правой ноздри,—ей даже показалось, что она слышитъ его вкрадчивый голосъ.

— Я знала,—сказала консульша, — что ты умѣешь здраво разсуждать... Можетъ быть, ты уже даже рѣшила...

— Боже сохрани!—съ негодованіемъ воскликнула Тони.— Что за безуміе было бы выйти замужъ за Грюнлиха! Я постоянно

надъ нимъ смѣялась, говорила ему колкости... Неужели въ немъ нѣтъ никакой гордости?..

Она презрительно пожала плечами и продолжала свой завтракъ.

III.

Въ этомъ году Будденброки не предприняли лѣтняго путешествія даже во время каникулъ Христіана и Клары. Консулъ былъ слишкомъ занятъ дѣлами, и кромѣ того все еще нерѣшенный вопросъ относительно Антоніи тоже удерживалъ семью на Mengstrasse. Грюнлиху отправлено было весьма дипломатичное письмо, но дальнѣйшее теченіе дѣла тормазилось изъ-за упрямства Тони, проявлявшагося въ совершенно дѣтскихъ протестахъ. —Нѣтъ, мама, я его терпѣть не могу,—говорила она, дѣлая сильное удареніе на словѣ „терпѣть“. Или же она заявляла весьма торжественнымъ тономъ:—Отецъ (обыкновенно она говорила не „отецъ“, а „папа“), я ему никогда не дамъ согласія.

Дѣло бы, вѣроятно, еще долго оставалось въ томъ же положеніи, если бы, дней десять послѣ утренняго разговора Тони съ родителями, не произошла, въ прекрасный іюльскій день, слѣдующая сцена...

Консульши не было дома, и Тони сидѣла одна въ ландшафтной комнатѣ у окна, читая романъ, когда Антонъ подалъ ей визитную карточку. Прежде чѣмъ она успѣла прочесть имя, стоявшее на карточкѣ, въ комнату вошелъ Грюнлихъ, лицо котораго имѣло нѣжное и умоляющее выраженіе. Онъ быстрыми шагами подошелъ къ Тони, протянулъ къ ней руки, склонивъ голову нѣсколько на бокъ, съ покорнымъ, какъ бы готовымъ все снести видомъ, и воскликнулъ:

— Какое счастье! Я вижу васъ, Антонія!—Онъ позволилъ себѣ сказать: „Антонія“.

Тони, вскочившая отъ ужаса съ мѣста, стояла, держа книгу въ правой рукѣ, и, взбѣшенная, проговорила, подчеркивая каждое слово презрительнымъ движеніемъ головы снизу вверхъ:

— Какъ—вы—смѣете!..—Слезы подступили ей къ горлу.

Грюнлихъ былъ слишкомъ возбужденъ, чтобы обратить вниманіе на ея протестъ.

— Развѣ я могъ дольше ждать?—продолжалъ онъ.—Развѣ я могъ не вернуться? Я получилъ, недѣлю тому назадъ, письмо вашего дорогого отца, и оно преисполнило меня надеждой. Я не могъ выдержать этого выжидательнаго состоянія... я поспѣ-

шилъ взять коляску и пріѣхалъ... я нанялъ двѣ комнаты въ гостинницѣ „Гамбургъ“... и явился теперь къ вамъ, Антонія, чтобы услышать изъ вашихъ устъ послѣднее рѣшительное слово, которое сдѣлаетъ меня счастливѣе, чѣмъ я могу вамъ выразить.

Тони была совершенно ошеломлена. Такъ вотъ какое впечатлѣніе произвело письмо отца, который имѣлъ въ виду оттянуть рѣшеніе на неопредѣленное время.

Она пробормотала нѣсколько разъ:

— Вы ошибаетесь. Вы ошибаетесь.

Грюнлихъ пододвинулъ кресло къ ея стулу у окна, сѣлъ самъ и заставилъ ее тоже снова сѣсть, взялъ ея безпомощно опущенную руку въ свою и продолжалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Съ первой минуты, когда я васъ увидѣлъ, mademoiselle Антонія... помните вы этотъ день?.. въ кругу вашей семьи... имя ваше навсегда утвердилось...—Онъ поправилъ себя и сказалъ:—запечатлѣлось—въ моемъ сердцѣ. Съ этого дня я сталъ мечтать только о томъ, чтобы вы отдали мнѣ на всю жизнь вашу прекрасную руку. Письмо вашего дорогого отца дало мнѣ надежду, которую вы, надѣюсь, превратите въ счастливую увѣренность... Вѣдь я могу разсчитывать... быть увѣреннымъ въ взаимности вашихъ чувствъ?—Онъ завладѣлъ при этихъ словахъ ея второй рукой и заглянулъ глубоко въ ея широко раскрытые глаза. Онъ былъ въ этотъ день безъ перчатокъ. Руки у него были длинныя, бѣлыя, съ сильно выступавшими голубыми жилами.

Тони съ ужасомъ глядѣла на его розовое лицо, на бородавку у носа и на его глаза, синіе какъ у гуся.

— Нѣтъ, нѣтъ!—быстро и испуганно воскликнула она:—я не даю вамъ согласія.—Она старалась говорить твердымъ голосомъ, но уже не могла удержать слезъ.

— Чѣмъ я заслужилъ ваши сомнѣнія и колебанія? — проговорилъ онъ упавшимъ голосомъ, въ которомъ слышалъ упрекъ.—Вы окружены заботами вашихъ родныхъ и избалованы ихъ любовью... но клянусь вамъ, какъ честный человѣкъ, что я буду васъ носить на рукахъ, что, ставъ моей женой, вы ни въ чемъ не будете нуждаться, что вы будете вести въ Гамбургѣ достойную васъ жизнь...

Тони вскочила, высвободила руку, и въ полномъ отчаяніи крикнула вся въ слезахъ:

— Нѣтъ... нѣтъ! Я сказала: нѣтъ! Я вамъ отказываю, поймите же вы это, Господи Боже мой!

Тогда Грюнлихъ тоже поднялся. Онъ отступилъ на шагъ, протянулъ руки ладонями впередъ и сказалъ рѣшительно и гордо:

— Знаете ли вы, mademoiselle Будденброкъ, что я не могу допустить подобнаго оскорбленія?

— Да вѣдь я не оскорбляю васъ, господинъ Грюнлихъ!— сказала Тони, уже раскаиваясь въ своей рѣзкости. Боже мой, почему все это должно было случиться именно съ ней! Она вѣдь совсѣмъ иначе представляла себѣ объясненіе въ любви. Она думала, что стоитъ сказать: „ваше предложеніе для меня очень лестно, но я не могу его принять“, чтобы положить всему конецъ.

— Ваше предложеніе для меня очень лестно,—сказала она такъ спокойно, какъ только могла,—но я не могу его принять... Вотъ мой отвѣтъ; а теперь я должна... васъ оставить; простите, мнѣ очень некогда.

Но Грюнлихъ загородилъ ей дорогу.

— Вы мнѣ отказываете?—беззвучно спросилъ онъ.

— Да,—сказала Тони, и изъ осторожности прибавила:—къ сожалѣнію...

Грюнлихъ тяжело вздохнулъ, отступилъ на нѣсколько шаговъ и произнесъ трагическимъ и повелительнымъ голосомъ:

— Антонія!

Такъ они стояли нѣсколько секундъ, онъ—въ искренно разгнѣванной и повелительной позѣ, она—плача и вся дрожа. Наконецъ онъ отвернулся отъ нея, прошелся два раза по комнатѣ, заложивъ руки за спину, и, остановившись у окна, сталъ глядѣть черезъ стекла въ темнѣющую даль.

Тони медленно и осторожно направилась къ стеклянной двери; но она не успѣла еще дойти до средины комнаты, какъ Грюнлихъ снова очутился подлѣ нея.

— Тони!—произнесъ онъ едва слышно, схватилъ ее умоляющимъ жестомъ за руку и медленно опустился передъ нею на колѣни. Его золотистыя бакенбарды покоились на ея рукѣ.— Тони!..—повторилъ онъ:—взгляните, вотъ до чего вы меня довели! Неужели у васъ нѣтъ сердца?.. Передъ вами человѣкъ, который погибнетъ... да, который умретъ отъ горя, если вы отвергнете его любовь! Я стою на колѣняхъ передъ вами... неужели у васъ хватитъ жестокости сказать мнѣ: я васъ ненавижу?

— Нѣтъ, нѣтъ! — воскликнула вдругъ Тони, утѣшая его. Она была тронута и почувствовала глубокую жалость къ Грюнлиху. Боже, до чего онъ долженъ былъ любить ее, чтобы такъ настаивать! До сихъ поръ она читала только въ романахъ опи-

санія подобныхъ сценъ—и вдругъ она видитъ въ дѣйствительной жизни человѣка, который, стоя на колѣняхъ передъ нею, молитъ ее!.. Ей казалось безуміемъ выйти замужъ за Грюнлиха, потому что она считала его смѣшнымъ и глупымъ человѣкомъ. Но въ эту минуту онъ вовсе не казался смѣшнымъ! Въ его голосѣ звучала такая искренняя мольба, на лицѣ отражалось такое неподдѣльное отчаяніе...

— Нѣтъ, нѣтъ!—повторила она, растроганно наклонившись къ нему:—я вовсе не ненавижу васъ; какъ вы это могли подумать?.. Но встаньте, ради Бога... прошу васъ...

— Вы не хотите уничтожить... убить меня?—снова спросилъ онъ, и она отвѣтила успокоивающимъ, почти материнскимъ тономъ:

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Благодарю васъ за это слово!—воскликнулъ Грюнлихъ и быстро вскочилъ на ноги. Но, увидя испуганное движеніе Тони, онъ снова опустился на колѣни и сказалъ умиротворяющимъ тономъ:—Хорошо, хорошо... не говорите теперь больше ничего, Антонія! На этотъ разъ довольно... Мы еще въ другой разъ поговоримъ... Теперь я уйду. До свиданія!.. Я вернусь... До свиданія!

Онъ быстро поднялся, взялъ со стола свою большую сѣрую шляпу, поцѣловалъ руку Тони и быстро ушелъ черезъ стеклянную дверь.

Тони видѣла, какъ онъ быстро схватилъ свою палку и исчезъ въ корридорѣ. Она стояла, растерянная и обезсиленная, среди комнаты, сжимая въ рукѣ мокрый отъ слезъ платокъ.

IV.

Консулъ Будденброкъ сказалъ своей женѣ:

— Еслибы я могъ подумать, что у Тони есть какая-нибудь причина оттягивать согласіе на этотъ бракъ, что ея сердце несвободно! Но вѣдь она просто ребенокъ, Бетси. Она любитъ веселиться, танцовать на балахъ; ей нравится, что за ней ухаживаютъ; никто еще не возбудилъ въ ней серьезнаго чувства. Если она согласится выйти замужъ за Грюнлиха, она остепенится, и навѣрное черезъ нѣсколько дней начнетъ любить его. Грюнлихъ, конечно, нельзя назвать красавцемъ, но онъ—вполнѣ приличная партія. Если она думаетъ ждать, пока явится красавецъ, который будетъ въ то же время и подходящимъ для нея

мужемъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, то, конечно, я не могу имѣть ничего противъ этого. Недостатка въ женихахъ у Тони Будденброкъ не будетъ! Но, съ другой стороны, это все-таки рискъ, и, какъ говорятъ на нашемъ торговомъ языкѣ, каждый день бросаютъ сѣти, но не каждый день попадается крупная рыба! Я вчера серьезно бесѣдовалъ съ Грюнлихомъ; онъ показалъ мнѣ свои книги. Онъ ведетъ ихъ съ поразительной аккуратностью... Дѣло его хотя и недавно заведенное, но оно уже отлично поставлено. Капитала у него теперь около ста-двадцати тысячъ талеровъ, и дѣло будетъ расти съ каждымъ годомъ. Я навелъ также о немъ справки у Дюшановъ; они говорятъ, что обстоятельствъ его они не знаютъ, но что онъ живетъ очень gentleman-like и бываетъ въ лучшемъ обществѣ. Свѣдѣнія, которыя я получилъ отъ другихъ гамбургскихъ людей, какъ, напр., отъ банкира Кессельмайера, тоже меня удовлетворили. Словомъ, партія эта хорошая, и хотя я не хочу принуждать Тони дать свое согласіе, но все-же я не могу рѣшиться отказать Грюнлиху... Я вѣдь уже говорилъ тебѣ, Бетси, и долженъ это теперь повторить еще разъ: наши дѣла не слишкомъ блестящи. Мнѣ приходится быть страшно осторожнымъ и не предпринимать очень крупныхъ дѣлъ; поэтому и прибыли у насъ скромныя. Теперь плохія времена для торговыхъ людей... словомъ, все это малоутѣшительно. Такъ что если нашей дочери представляется такая выгодная и хорошая партія, то нужно, чтобы она на нее согласилась. Я ее сегодня убѣждалъ, какъ только могъ. Поговори и ты съ нею.

Тони очутилась дѣйствительно въ очень затруднительномъ положеніи. Она уже не говорила „нѣтъ“, но никакъ не могла рѣшиться сказать: „да“. Она, въ сущности, сама не понимала, почему ей было такъ тяжело дать согласіе.

Вся семья убѣждала ее дать, наконецъ, рѣшительный отвѣтъ. То отецъ, то мать уединялись съ нею и доказывали ей выгодность представлявшейся ей партіи... Дядю Готгольда и его семью не посвятили въ это дѣло, потому что они вообще относились нѣсколько насмѣшливо ко всему, что происходило въ семьѣ консула. Но даже Зеземи Вейхбродтъ узнала о предложеніи Грюнлиха и совѣтовала Тони не отказываться отъ своего счастья. Ида Юнгманъ тоже говорила ей: „Тони, дитя мое, не безпокойся, ты будешь жить по прежнему въ лучшихъ кругахъ общества“. Даже пасторъ Келлингъ въ своей воскресной проповѣди очень краснорѣчиво комментировалъ слова Писанія о томъ, что жена должна оставить отца и мать, и слѣдовать за мужемъ, и

какъ-то особенно поглядывалъ на Тони, доказывая, что молодыя дѣвушки должны руководствоваться волей родителей въ выборѣ мужа; онъ, очевидно, былъ въ соглашеніи съ родителями Тони. Она была страшно смущена проповѣдью пастора и сидѣла на своей скамьѣ съ раскраснѣвшимся отъ стыда лицомъ. Ей казалось, что взоры всѣхъ присутствующихъ обращены на нее. На слѣдующее воскресенье она отказалась пойти въ церковь.

Тони сдѣлалась грустной, потеряла аппетитъ, ходила молчаливая и блѣдная, и только тяжело вздыхала по временамъ, такъ что на нее было жалко глядѣть. Консулъ все это замѣчалъ и сказалъ наконецъ женѣ:

— Такъ оно не можетъ продолжаться, Бетси,—нельзя изводить дѣвочку. Пусть она куда-нибудь уѣдетъ отдохнуть и одуматься на свободѣ. Я теперь не могу оставить дѣлъ, да и лѣтнія каникулы уже близятся къ концу, но мы можемъ отлично всѣ остаться дома. Я вчера встрѣтилъ старика Шварцкопфа изъ Травемюнде, лоцмана Дидриха Шварцкопфа. Онъ, при первыхъ моихъ словахъ, съ радостью согласился взять Тони къ себѣ. Я ему предложилъ за это небольшое вознагражденіе. Въ семьѣ лоцмана ей будетъ очень хорошо; она подышетъ свѣжимъ воздухомъ и соберется съ мыслями. Томъ ее отвезетъ туда. Они могутъ поѣхать хоть завтра.

Тони съ радостью согласилась уѣхать. Въ городѣ она хотя и не видалась съ Грюнлихомъ, но знала, что онъ ведетъ переговоры съ ея родителями и ждетъ... и онъ каждый день могъ явиться къ ней и снова молить! Въ Травемюнде, въ чужомъ домѣ, она, по крайней мѣрѣ, въ безопасности отъ его посѣщеній. Она быстро уложила вещи, и въ самомъ концѣ іюля сѣла вмѣстѣ съ Томомъ, сопровождавшимъ ее, въ величественный экипажъ Крёгеровъ и выѣхала, облегченно вздохнувъ, изъ городскихъ воротъ.

З. В.

ИЗЪ ФРАНСУА КОППЕ

I.

ПОСТРИЖЕНІЕ.

(„Prise de voile“.)

Въ безлюдной улицѣ, своею тишиною
Извѣстной мнѣ уже не мало лѣтъ,
Передъ монашеской обителью, зимою,
Однажды я засталъ парадный съѣздъ каретъ.
Розетки въ упряжи; галунныя ливреи
У рослыхъ гайдуковъ, напудренныхъ, въ чулкахъ
И башмакахъ; блестящіе лакеи
Высаживали дамъ; у нихъ былъ ледъ въ очахъ
И горностай по бархату въ нарядѣ.
Тутъ были старики сановные въ парадѣ;
Имъ звѣзды и кресты мѣхъ шубъ ихъ прикрывалъ;
Два фіолетовыхъ пріѣхали прелата,
За ними слѣдомъ—римскій кардиналъ.
Во храмъ монастыря входя, аристократы—
Весь этотъ высшій свѣтъ надменный и сухой—
Поклонами мѣнялись межъ собой,
Другъ другу мѣсто чинно уступали
И шляпы набожно съ головъ своихъ снимали.
Когда собравшаяся чопорная знать
Вся скрылася за монастырскими дверями
И экипажи лишь съ фамильными гербами
Остались у воротъ, мнѣ удалось узнать,
Что надъ послушницей свершалось постриженье.

И такъ, твой лучи, о, свѣтлая звѣзда,
Твой ароматъ, цвѣтокъ,—виной соединенья
Въ стѣнахъ монастыря пріѣхавшихъ сюда!
Что встрѣтишь въ нихъ къ себѣ? Наружное участье.
Когда, вручая въ трепетѣ Христу
Души, дѣвической святую чистоту,
Отвергнувъ навсегда дары земного счастья,
Войдешь ты, блѣдная, дрожа, дыша едва,
Какъ подъ вѣнецъ вся въ бѣлое одѣта,
И монастырскаго тяжелаго обѣта
Произнесешь тяжелыя слова—
До гроба бѣдной быть, послушной, дѣвой чистой,
Когда косы твоей волнистой и душистой
Коснется грубо острыхъ ножницъ сталь
И содрогнешься ты отъ ихъ прикосновенья,
Кичливыхъ гордецовъ сердца поймутъ едва-ль
Имъ недоступное души твоей смиренье.
Достигнешь ли чего ты подвигомъ своимъ?
Отсюда, гдѣ сама простилась ты съ земнымъ,
Они вернутся вновь къ страстямъ или порокамъ
И на закатѣ дня, когда, испивъ до дна
Всю чашу, ты безъ силъ, въ конецъ истомлена
Тяжелымъ искусомъ, въ страданіи жестокомъ
Отъ власяныхъ одеждъ, съ колѣнями въ крови,
Опустишь книзу сложенныя руки
И ужаснешься вдругъ, предвидя бремя муки
На подвигѣ смиренья и любви,—
Всѣ тѣ, что твой обрядъ присутствіемъ почтили,
Вновь погруженные въ интриги и развратъ,
О подвигѣ твоемъ въ бесѣдахъ замолчатъ,
Въ монастырѣ тебя забудутъ, какъ въ могилѣ.

Но нѣтъ! Моя душа, въ сомнѣньяхъ, высоты
Твоей души, сестра, достичь не можетъ!
И такъ какъ судъ Небесъ немногихъ здѣсь тревожитъ,
Поблекнутъ за другихъ весны твоей цвѣты.
За все людское зло ты жертвой добровольной
Приносишь на алтарь цвѣтущіе года
И вѣришь—на вѣсы въ день страшнаго суда
Упавшихъ съ четками волосъ твоихъ довольно,
Чтобъ чашу приподнять съ грѣхами у вѣсовъ.
Ты въ пищѣ, въ снѣ себѣ готовишь воздержанье,—

Во всей же строгости исполни обѣщанье:
У міра цѣлаго—обиліе грѣховъ.
Будь, бѣдная сестра, за деспотовъ рабою,
Будь за развратниковъ чиста святой душою,
За злыхъ добра, за наглецовъ скромна,
За всѣхъ кичащихся богатствомъ будь бѣдна;
Страдай—среди людей счастливыхъ очень много;
Молись за тѣхъ, кто отвергаетъ Бога!
Какъ Дѣвѣ изрекли Архангела уста—
„Благословенна будь“! И еслибъ Небесами,
Къ которымъ ты, сестра, съ простертыми руками,
Взываешь жадно такъ,—была лишь пустота;
Когда бъ ты, за чужія преступленья,
Красивою, богатой, знатной, въ двадцать лѣтъ,
Напрасно приняла страданія обѣтъ,—
Благословенна будь въ величьи заблужденья!

II.

ПОКИНУТАЯ КОМНАТА.

(„La chambre abandonnée“.)

Пустая комната покинута давно,
Обои выцвѣли, гардины полиняли.
Когда жильцы поспѣшно выѣзжали,
Забыли ставнемъ защитить окно;
И солнце зимними и лѣтними часами
Глядѣло чрезъ него привѣтливо съ утра
Въ пріютъ унынія сегодня, какъ вчера,
Своими знойными, лучистыми очами.

Пустая комната покинута давно.
Вотъ въ бантахъ пеньюаръ изъ легкой, нѣжной ткани;
Раскинувъ рукава лежитъ онъ на диванѣ,
Какъ въ горѣ человѣкъ; вотъ свѣтлое сукно
Двухъ крошекъ-туфелекъ, оставленныхъ на мѣхѣ
Медвѣжьяго ковра у ножки нарѣзной
Кровати, брошенной неубранною въ спѣхѣ.
Въ шкатулкѣ для браслетовъ съ кольцами пустой,
На томикѣ стиховъ, раскрытомъ посреди̇нѣ,

И на поверхности шлифованной зеркалъ,
Когда-то вторившихъ улыбкамъ, слой лежалъ
Нестертой пыли, будто сѣрый иней.
Пустая комната покинута давно.
Вотъ кресло парное придвинуто къ камину.
Какіе образы и прошлаго картины
Съ потухшимъ очагомъ таитъ теперь оно?
Молчанье строгое! Безмолвіе печали!
Вотъ роза на столѣ въ стаканѣ умерла;
Какъ бремя тяжкое, всѣ лепестки опали;
Могильнымъ холмикомъ на мраморномъ столѣ
Лежатъ теперь они—воспоминанье розы—
И стебелекъ ея, надъ нимъ склоняясь, слезы
Какъ будто льетъ надъ прахомъ дорогимъ.
И тѣ, что, двигаясь, хранили связь съ живымъ,
Еще свободные отъ сна нѣмой печати,
Саксонскіе часы съ вѣнкомъ на циферблатѣ
Остановилися, замолкли и они...
Пустынѣй комнаты, покинутой въ забвеньи,
Ты, ненавистное мнѣ сердце, близки дни—
Прервешь и ты свое упорное біенье!

Н. Б. Хвостовъ.

РЕЛИГІОЗНО-ПСИХИЧЕСКІЯ ЭПИДЕМІИ

Изъ психіатрической экспертизы.

I.

Лѣтъ пять тому назадъ, въ супоневской волости, брянскаго уѣзда, орловской губерніи, началось какое-то религіозное движеніе, довольно неопредѣленнаго характера. Нѣкоторое количество крестьянъ, мужчинъ и женщинъ, стали собираться вокругъ одного изъ мѣстныхъ жителей, Василія Д., уже и прежде извѣстнаго по своей набожности и чистой жизни. Онъ читалъ имъ Евангеліе и толковалъ его, научая ихъ при этомъ не пить водки, не курить табаку, „не ругаться дурными словами, не безобразничать на улицѣ по праздникамъ“,—а село Супонево до того времени было въ этомъ отношеніи особенно мало воздержанно,—„не предаваться блуду и жить честно мужу съ женой и женѣ съ мужемъ, ходить по воскресеньямъ въ мѣстную церковь къ обѣднѣ“, а не въ сосѣдній городъ на базаръ, откуда возвращаются обыкновенно пьяными, и т. д. Какое-то движеніе въ этомъ селѣ возбудило вниманіе администраціи и спеціально станового пристава [1]), но

[1]) Иниціатива полиціи въ дѣлѣ преслѣдованія отступленій отъ православія есть явленіе очень частое въ исторіи русскихъ сектъ и особенно хлыстовства. Еще въ 1732 г. „надъ хлыстовщиной въ Москвѣ въ первый разъ разразилась страшная гроза, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ казнь однихъ хлыстовъ и ссылку другихъ. Виновникомъ этой грозы былъ Семенъ Карауловъ, промышлявшій въ Москвѣ разбоемъ и имѣвшій съ шайкой своей пребываніе подъ каменнымъ мостомъ черезъ Москву-

мѣстный священникъ далъ отзывъ, что онъ ничего предосудительнаго и несогласнаго съ православіемъ не видитъ. Мы не будемъ излагать исторіи всего этого движенія, но скажемъ только, что вслѣдствіе крайне неудачнаго, до послѣдней степени нецѣлесообразнаго вмѣшательства низшей администраціи и другихъ властей, въ Супоневѣ вызвалось сильнѣйшее возбужденіе. Отъ посѣтителей дома Василья Д. было приказано отобрать подписку, что они отъ ученія Василія отказываются и посѣщать его не будутъ. Дать эту подписку они отказались, говоря, что „ничему худому Василій Д. ихъ не учитъ“. Ихъ три раза призывали оффиціально къ священнику на „увѣщеваніе“, но, какъ выше сказано, и самъ священникъ „ничего предосудительнаго“ въ словахъ Василія не видѣлъ, и дѣлалъ увѣщанія по приказанію свыше. Въ виду упорства „сектантовъ“ (ихъ уже такъ и называли) отказаться отъ ученія Василія Д., „сектантамъ“ было публично, coram populo, отказано въ причастіи, что̀ произвело необыкновенно сильное впечатлѣніе, обострило до послѣдней степени положеніе, вызвавъ сильнѣйшее возбужденіе въ „сектантахъ“ и не менѣе сильное озлобленіе „православныхъ“ противъ этихъ уже объявленныхъ оффиціально „сектантовъ“. Возбужденіе, общее всему селу, разразилось тѣмъ, что „православные“ нѣсколько разъ громили дома „сектантовъ“, выбивали окна, разносили мебель, посуду, крыльцо и т. д., а однажды схватили жену главнаго „сектанта“ и рѣшили — сначала — ее зарѣзать, затѣмъ — сбросить съ крутого обрыва въ рѣку, и въ концѣ концовъ избили ее до болѣзни. „Православныхъ“ судили, но, по особой юрисдикціи, *волостнымъ судомъ*, который всѣхъ оправдалъ.

рѣку. Явившись къ графу Салтыкову, повинившись передъ нимъ въ производимыхъ имъ съ товарищами разбояхъ (и поступивъ въ сыщики), Карауловъ сказалъ, что въ Москвѣ имѣются четыре дома, въ которыхъ-де чинятся непотребности...“ (*Кутеповъ*. „Секты хлыстовъ и скопцовъ“. Казань 1882, стр. 63). „Съ 1745 г. надъ хлыстами разразилась новая буря. Виновникомъ послѣдней въ этотъ разъ былъ извѣстный сыщикъ и разбойникъ XVIII столѣтія Ванька Каинъ или Иванъ Осиповъ Каинъ...“ (*ibid.*, 79; тоже проф. *Добротворскій*. „Люди Божіи, русская секта такъ-называемыхъ духовныхъ христіанъ“. Казань 1869, стр. 21). Такъ же было въ Мокшанскѣ, въ Саратовѣ, во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ Екатеринославлѣ „дѣло начато по иниціативѣ полиціи“ („*Екатеринославскія Епархіальныя Вѣдомости*“ 1902 г., № 32, 11 нояб., стр. 803). Василій Д., повидимому читалъ кое-что изъ тайныхъ сектантскихъ листковъ, которые раздаются на югѣ рабочимъ въ отхожихъ промыслахъ, или слышалъ проповѣди, которыми *начинаютъ* привлеченіе неофитовъ. „Развѣ міръ пьянствомъ стоитъ? Развѣ похабными словами держится? Развѣ за игры да гулянья Богомъ хранится?.. Міръ стоитъ воздержаніемъ, трудомъ, терпѣніемъ, молитвою“ (Рѣчь хлыстовки на судѣ въ г. Мамадышахъ, казанской губ.). *Проф. Ивановскій*. „Секта хлыстовъ въ ея исторіи и современномъ состояніи“. Кіевъ 1898, стр. 33.

Между тѣмъ слѣдствіе шло своимъ чередомъ и, къ сожалѣнію, вышло на совершенно ложную дорогу. Единственный человѣкъ, который сдерживалъ движеніе, бывшее вначалѣ только піэтистическимъ, но быстро пошедшее къ хлыстовству, былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ онъ въ одиночномъ заключеніи провелъ слишкомъ два года. Сначала, съ его отъѣздомъ, а потомъ арестомъ его, нѣкоему Осипу Потапкину, крестьянину Супонева, открылась полная свобода дѣйствія, и въ Супоневѣ стала слагаться уже опредѣленная секта. Къ сожалѣнію, слѣдствіе не сдѣлало никакого различія между существенно различными, между тѣмъ, стадіями дѣла, и приняло, какъ достовѣрныя показанія, между прочимъ, свидѣтелей, несомнѣнно или впавшихъ въ слабоуміе, вслѣдствіе старости (Марѳа Голубкова), или вслѣдствіе предшествовавшей тяжелой психической болѣзни (Матрена Морозова), или слабоумныхъ отъ рожденія (Т. Б.); затѣмъ оно приняло за „совращенную“ главную „совратительницу“, о которой будетъ рѣчь ниже. Съ своей стороны, и духовное вѣдомство не знало дѣла; сначала все движеніе было названо молоканскимъ; сложившаяся уже секта была признана экспертомъ, профессоромъ харьковскаго университета Буткевичемъ, за штунду, и только мѣстный экспертъ, миссіонеръ г. Георгіевскій, сразу призналъ секту хлыстовскою, хотя слѣдствіе не открыло еще тогда всѣхъ характерныхъ признаковъ хлыстовства. Дальнѣйшее изслѣдованіе безусловно подтвердило мнѣніе г. Георгіевскаго, которое сначала оспаривалось. Слѣдствіе, въ суммѣ длившееся около четырехъ лѣтъ, было закончено. Здѣсь это дѣло, благодаря, съ одной стороны, канцелярской тайнѣ, съ другой—полному равнодушію общества къ общественнымъ вопросамъ, прошло совершенно незамѣченнымъ. Обвинительный актъ былъ составленъ, и палата утвердила его. Обвиняемые не хотѣли защитниковъ, говоря, что Богъ явится самъ защищать ихъ на судѣ. Все, казалось, слагалось къ ихъ осужденію, но вотъ возникло подозрѣніе, что главный обвиняемый, Осипъ Потапкинъ—душевно-больной; онъ былъ помѣщенъ ко мнѣ въ орловскую психіатрическую больницу, на испытаніе, и дѣло его выдѣлено; дѣло же остальныхъ шло своимъ порядкомъ. Я представилъ о Потапкинѣ свое заключеніе: это несомнѣнно душевно-больной, страдающій параноіей уже въ стадіи перехода въ слабоуміе. Но, ставя этотъ діагнозъ, я замѣтилъ, что мнѣ необходимо видѣть и другихъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, чтобы, съ помощью данныхъ относительно ихъ, выдѣлить роль психической болѣзни и возможнаго въ данномъ случаѣ религіознаго фанатизма. Потапкина въ больницѣ часто по-

сѣщала его жена, которую я имѣлъ, такимъ образомъ, случай наблюдать. Это—больная психически женщина, и именно въ формѣ индуцированнаго помѣшательства (помѣшательства вслѣдствіе зараженія) на почвѣ умственной несостоятельности (debilitas mentis). Затѣмъ, изучая фактическую сторону слѣдственнаго дѣла и сближая данныя ея съ психическимъ разстройствомъ главнаго совратителя и его жены, я пришелъ къ весьма серьезному и обоснованному предположенію, что мы имѣемъ въ Супоневѣ дѣло съ психической эпидеміей, и счелъ своею обязанностью обратить на это вниманіе суда, при чемъ указывалъ и на лицъ, психическое состояніе которыхъ кажется мнѣ особенно подозрительнымъ. Приведенные мною факты и соображенія показались и прокурору суда, и прокурору палаты, настолько заслуживающими вниманія, что хотя обвинительный актъ и былъ уже утвержденъ—рѣшено было сдѣлать дополнительное дознаніе, которое и было поручено товарищу прокурора, г. Ковалеву, при моемъ участіи. Наши отчеты, его—юридическій и мой—психіатрическій, вполнѣ согласовались. Привожу здѣсь мой въ сокращеніи.

...Отчетъ мой я представляю какъ предварительное сообщеніе, такъ какъ такое обширное и важное дѣло, съ десятками лицъ, о которыхъ приходится дать психіатрическое заключеніе, съ общимъ изложеніемъ положенія, не можетъ быть сконцентрировано въ нѣсколько страницъ, и для своей обработки требуетъ значительнаго времени и труда... По счастью, мое медицинское изслѣдованіе (сдѣланное въ присутствіи товарища прокурора) личности и подсудимыхъ, и свидѣтелей, не встрѣтило никакого возраженія со стороны послѣднихъ; свидѣтели, понявъ мою задачу, добровольно и очень охотно подверглись невропатологическому и антропологическому изслѣдованію... Два случая индуцированнаго бреда (психическаго зараженія) притомъ у лицъ, группировавшихся вокругъ несомнѣннаго параноика, и присутствіе психопатическаго элемента въ семьѣ Потапкиныхъ, заставили меня обратить вниманіе на возможность и другихъ психіатрическихъ заболѣваній въ обширномъ супоневскомъ дѣлѣ, охватывающемъ такое большое число лицъ. Къ сожалѣнію, пріемъ изложенія показаній, принятый магистратурой, совершенно обезличивающій эти показанія, лишающій ихъ всякаго психологическаго характера, и замѣняющій характерную рѣчь свидѣтеля или обвиняемаго корректною и литературною рѣчью судебнаго слѣдователя, дѣлаетъ акты предварительнаго слѣдствія совершенно

безплодными для психіатрическаго анализа. Мнѣ приходилось отгадывать психологію взаимныхъ отношеній и воздѣйствій многочисленныхъ лицъ, привлеченныхъ въ качествѣ обвиняемыхъ и свидѣтелей, и этотъ анализъ ощупью привелъ меня къ предположенію, что главнымъ очагомъ психіатрическаго сектантства (помимо Осипа Потапкина)—домъ семьи Г.; что въ семьѣ Д. одинъ, а можетъ быть и два брата представляютъ психическую ненормальность; что многіе изъ участниковъ религіознаго движенія въ Супоневѣ были заражены индуцированною формою психическаго разстройства,—однимъ словомъ, что Супонево представляло въ 1899 году психіатрическую эпидемію, патологическій характеръ которой прошелъ незамѣченнымъ... Но, помимо этихъ индивидуальныхъ фактовъ, у меня были и другія данныя, приводившія меня къ предположенію возможности и вѣроятности психической эпидеміи въ Супоневѣ. Данныя эти я укажу здѣсь вкратцѣ, не имѣя возможности дать имъ должнаго развитія.

Изслѣдуя въ 1893 году орловскую губернію въ психіатрическомъ отношеніи, я началъ съ зарегистрированія существующихъ въ губерніи душевно-больныхъ. Откидывая цифры городовъ, какъ ненужныя и вообще менѣе вѣрныя, и изслѣдуя только данныя для волостей, мы имѣемъ для сельскаго населенія губерніи умалишенныхъ *всѣхъ формъ*:

На тысячу жителей сельскаго населенія приходится психиковъ:

Въ уѣздахъ:		Въ уѣздахъ:	
сѣвскомъ	1,41	малоархангельскомъ	1,53
трубчевскомъ	1,59	ливенскомъ	1,98
брянскомъ	1,68	елецкомъ	1,71
карачевскомъ	2,88	кромскомъ	2,26
орловскомъ	4,38	болховскомъ	3,88
мценскомъ	3,28	дмитровскомъ	3,96

Уже съ перваго взгляда видно, что шесть центральныхъ уѣздовъ рѣзко отличаются отъ трехъ западныхъ и трехъ восточныхъ—значительно бо̀льшимъ числомъ умалишенныхъ. Дѣйствительно, вычисляя число психиковъ на тысячу жителей въ уѣздахъ, взятыхъ по группамъ, для каждой группы въ цѣломъ мы получимъ:

	Число умалиш. на 1000 жит.
I группа, западная:	
(брянскій, трубческій, сѣвскій уѣзды)	1,62
II группа, восточная:	
(малоархангельскій, ливенскій, елецкій уѣзды)	1,78
III группа, центральная:	
(орловскій, мценскій, карачевскій, болховской, кромскій, дмитровскій уѣзды)	3,04

Психіатрическая разница между центральными уѣздами, съ одной стороны, и западными и восточными, съ другой,—огромная... Мы знаемъ, что главный факторъ, опредѣляющій относительное число душевно-больныхъ, есть раса населенія, а различіе расы сказывается, между прочимъ, въ ростѣ. Принимая критеріемъ средній ростъ рекрутовъ (1874—1883) изъ уѣздовъ, составляющихъ орловскую губернію [1]), мы видимъ, что они распадаются на четыре группы [2]), по три уѣзда въ каждой, причемъ дѣленіе это совпадаетъ съ дѣленіемъ на психіатрическія группы.

Можно было бы привести еще нѣсколько другихъ данныхъ въ подтвержденіе, но едва ли это нужно, такъ какъ значеніе расы въ вопросѣ умопомѣшательства не подлежитъ сомнѣнію [3]). Исторія точно также подтверждаетъ этническую индивидуальность центральной группы, составляющей, вмѣстѣ съ прилегающими уѣздами калужской и тульской губерній, страну вятичей. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы знаемъ, что центръ возникновенія и главнаго развитія и распространенія мистическихъ сектъ хлыстовъ и скопцовъ, генетически и психологически составляющихъ одно цѣлое, есть именно вятичскій край орловской, калужской и тульской губерній.

Но не оба пола и не всѣ формы психическаго заболѣванія имѣютъ для насъ существенное значеніе, и въ этомъ отношеніи должно выдѣлить *кликушъ*, религіозно-психіатрическій характеръ которыхъ всѣмъ извѣстенъ, и вообще женщинъ. На сто умалишенныхъ мужчинъ приходится умалишенныхъ женщинъ въ деревенскомъ населеніи:

Въ уѣздахъ:		Въ уѣздахъ:	
сѣвскомъ	78,64%	кромскомъ	185,64%
трубчевскомъ . . .	75,00 „	мценскомъ	107,82 „
брянскомъ	85,35 „	орловскомъ	104,71 „
елецкомъ	65,93 „	болховскомъ. . . .	166,00 „
ливенскомъ	90,80 „	карачевскомъ . . .	187,50 „
малоархангельскомъ.	100,71 „	дмитровскомъ . . .	300,00 „

Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи центральные уѣзды

---

[1]) *Анучинъ.* „О географическомъ распредѣленіи роста мужского населенія Россіи“, 1889, стр. 177—178.

[2]) III-я, центральная, разбивается на двѣ, по три уѣзда въ каждой: 1) болховской, карачевскій, дмитровскій; 2) мценскій, орловскій, кромскій.

[3]) См. *P. Jacoby.* Etudes sur la sélection dans ses rapports avec l'hérédité chez l'homme. Paris 1881. 2-me partie. Le Talent.—*Tarde.* „Revue Philosoph.“ Oct. 1890.—*Fouillée.* „R. des Deux Mondes“ 15 mars 1895.—*Laponge.* Sélections sociales. 1896.

рѣзко выдѣляются изъ остальной губерніи (малоархангельскій уѣздъ составляетъ какъ бы переходъ), и неменѣе рѣзко разлагаются на тѣ же двѣ группы: 1) кромскій, мценскій и орловскій; 2) болховской, карачевскій и дмитровскій.

Цифра кликушъ въ орловской губерніи по истинѣ ужасающая, хотя, страннымъ образомъ, это въ высшей степени важное явленіе до сего времени не было никѣмъ отмѣчено, и только въ кромскомъ уѣздѣ—сравнительно еще менѣе пораженномъ—въ самомъ началѣ земства было обращено вниманіе на кликушъ [1]). По регистраціи 1893 г., я имѣю поименный списокъ *болѣе тысячи* кликушъ. Кликуши распредѣляются въ губерніи очень неравномѣрно. Въ уѣздахъ приходится кликушъ на десять тысячъ жителей:

	Число кликушъ на 10.000 жит.		Число кликушъ на 10.000 жит.
I—сѣвскій	1,30	III—кромскій . . .	6,35
трубчевскій . .	2,44	орловскій . . .	5,30
брянскій . . .	1,64	мценскій . . .	6,69
II—малоархангельскій	3,27	IV—карачевскій . .	10,32
ливенскій . . .	2,08	болховской. . .	16,00
елецкій	2,17	дмитровскій . .	21,21

Такимъ образомъ, мы находимъ и здѣсь, и притомъ въ очень рѣзкой формѣ, дѣленіе губерніи на четыре этнографическо-психіатрическія группы, по три уѣзда въ каждой. I-я группа, почти не имѣющая кликушъ, рѣзко отличается отъ смежной, IV-ой, имѣющей громадное, ужасающее число кликушъ; слѣдующія группы имѣютъ уже гораздо меньшее количество ихъ, и это количество падаетъ быстро съ удаленіемъ отъ группы IV. Вычисляя среднее число кликушъ (на 10.000 жит.) для каждой изъ этихъ группъ, мы получаемъ слѣдующія цифры:

I—сѣвскій, трубчевскій, брянскій	1,79
IV—карачевскій, болховской, дмитровскій.	15,84
III—мценскій, кромскій, орловскій.	6,11
II—малоархангельскій, ливенскій, елецкій	2,51

Но если относительное число душевно-больныхъ зависитъ отъ расы,—и это, какъ уже видно изъ вышеприведенныхъ сопоставленій, должно еще въ болѣе высокой степени сказать о кликушахъ,—то исторія, тѣсно связанная съ кликушествомъ, и само

[1]) Очень интересное изслѣдованіе небольшой эпидеміи кликушества и хорошій общій обзоръ вопроса читатель найдетъ въ работѣ д-ра *Краинскаго*: „Порча, кликуши и бѣсноватые". 1900.

кликушество имѣютъ и другую патогенію. Карты [1]) представляютъ распредѣленіе кликушъ въ абсолютныхъ числахъ по волостямъ... Кликушество держится въ мѣстностяхъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ большихъ путей сообщенія и вдали отъ городскихъ центровъ; одна супоневская волость, составляющая рѣзко обособленную вятичскую колонію среди радимичскаго населенія, хотя она и пересѣкается двумя желѣзнодорожными линіями и лежитъ вокругъ города Брянска, весьма большого промышленнаго центра,—сохраняетъ, однако, большое количество кликушъ, что̀ указываетъ на сильное развитіе въ ней психопатическаго элемента.

Ближайшее знакомство съ супоневской волостью разъясняетъ эту кажущуюся аномалію. Село Супонево, лежащее всего въ 5—7 верстахъ отъ Брянска, *не имѣетъ кликушъ*, которыя распредѣляются между другими селеніями волости. Но если психіатрическая *форма* (кликушество) отсутствуетъ вслѣдствіе близости къ городу,—психологическая и психіатрическая *почва*, психологія населенія, дающая кликушество въ условіяхъ удаленія отъ центровъ, существуетъ и сказывается въ чрезвычайно сильной степени въ Супоневѣ. Но и вообще супоневская волость, несмотря на свою близость къ Брянску, находится въ очень печальныхъ условіяхъ, въ высшей степени способствующихъ къ массовому появленію дегенеративной истеріи и другихъ, преимущественно дегенеративныхъ формъ психическаго разстройства. Дикая, запущенная, безъ дороги (дорога изъ Супонева въ Брянскъ, „большакъ“, есть что-то совершенно невообразимое), безъ народнаго образованія, безъ индустріи мѣстнаго характера, только съ двумя монастырями, объектами паломничества,—она представляетъ превосходную почву для той страшной по ея психическому значенію болѣзни, которую французская школа Шарко и его учениковъ называетъ болѣзнью психическою по преимуществу, и которой въ нѣмецкой психіатріи дали опредѣленіе —Vorstellungskrankheit.

Въ Супоневѣ огромное, подавляющее большинство жителей безграмотны, и—что̀ очень характерно—теперь *женщины*, матери семействъ, стали обучаться грамотѣ подъ вліяніемъ религіозно-интеллектуальнаго движенія... Крестьяне Супонева имѣютъ ничтожный надѣлъ совершенно негодной земли [2]), такъ что село

[1]) Къ полному отчету приложенъ рядъ картограммъ.

[2]) Вотъ выписка изъ пообщинныхъ бланокъ земскаго статистическаго отдѣла относительно села Супонева: *Почва*—суглинокъ на 1—2 четверти. *Подпочва*—глина желтая. *Удобреніе*: На поля навозъ почти не вывозятъ; изъ 477 домохозяевъ (въ 1895 г.) удобряютъ расп. землю человѣкъ 20. *Земледѣльческія орудія*: соха,

не можетъ заниматься земледѣліемъ. Никакого опредѣленнаго промысла не создалось. Прежнее хожденіе съ барками и „берлинами“ прекратилось съ усиленіемъ пароходства, и мужчины, если они не уходятъ на заводы, промышляютъ разными фантастическими и случайными заработками, оставляя женъ вести хозяйство; большинство женщинъ обработываютъ огороды и продаютъ овощи въ городѣ. Такимъ образомъ установилось извращеніе естественныхъ отношеній женщины и мужчины: фактически главой семьи, надежнымъ „добытчикомъ“, является женщина, что̀ создаетъ какъ бы нѣкоторую гинекократію [1]), имѣющую часто разрушающее вліяніе на психику и нравственность населенія; я не могу останавливаться на этомъ, въ высшей степени важномъ, но слишкомъ обширномъ психическомъ факторѣ. Прибавимъ къ этому еще и половое значеніе продолжительнаго отсутствія мужей.

Со времени „великихъ реформъ“ Александра II соціальныя условія жизни русской деревни совершенно измѣнились, и въ народѣ явилось неясное въ формѣ и задачахъ, но очень сильно сознаваемое и чувствуемое стремленіе къ другимъ, болѣе богатымъ и разнообразнымъ психологическимъ условіямъ жизни. Женщина русскаго Сѣвера и Востока уже давно страдаетъ отъ неудовлетворенности нравственной, отъ бѣдности идей, и этотъ „голодъ на впечатлѣнія“, а съ другой стороны слишкомъ ранняя половая жизнь или попытки къ ней создали страшное распространеніе истеріи и кликушества между крестьянками нашихъ сѣверныхъ и восточныхъ провинцій,—фактъ, въ которомъ сказывается раса прежде всего, и затѣмъ условія исторической и соціальной жизни. Мы объ этомъ будемъ говорить ниже.

Супоневская волость есть волость чисто финская, и притомъ восточно-финская; ея рѣки Болва и Велія носятъ специфически финское имя, ея населеніе антропологически чисто финское [2]). Не говоря о томъ, что оно представляетъ финскій index cephalicus (онъ недостаточно специфиченъ, чтобы быть сильнымъ аргу-

---

борона деревянная. *Улучшенныя орудія*—нѣтъ. *Овесъ*—не сѣютъ. *Гречиха*: родится самъ-3. Бываютъ захваты вслѣдствіе тумановъ. *Собрано съ надѣльной земли (со всего надѣла)*: 6, 8 копенъ; умолотъ 2, 2½ мѣры. *Льноводство*: нѣтъ. *Коноплянники*: Конопли сѣютъ очень мало.—*Подесятинная краткосрочная аренда. Озимаго*: Городская земля, въ передачѣ г. брянскаго гор. головы—10 р. У крестьянъ своей общины—1 р. 50 к. *Ярового*: у городск. головы—5 р. У крестьянъ св. общины—25—30 коп. Цѣлый душевой надѣлъ сдается за однѣ подати и т. д.

[1]) См. *Bachofen*, „Mutterrecht“, и его же „Sage von Tanaquil“.

[2]) Историко-антропологическое изслѣдованіе ставитъ внѣ сомнѣнія финскую расу вятичей.

ментомъ), всѣ видѣнныя нами и изслѣдованныя мною лица, прикосновенныя къ дѣлу, представляютъ на рѣдкость характерныя финскія черты, имѣютъ рѣзко финскій обликъ. Замѣчательно, что многія изъ нихъ, и особенно женщины, носительницы этническаго типа, смягчаютъ твердое *л*—въ мягкое; вводятъ гласную или опускаютъ первую согласную въ словахъ, начинающихся двумя согласными, замѣняютъ даже букву *в* буквою *м*, и т. д. Вся волость (и спеціально село Супонево, бывшее крѣпостное свѣнскаго монастыря, находящееся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ бродячимъ населеніемъ этого монастыря [1]), что не представляетъ благопріятнаго психологическаго и психіатрическаго условія), находящаяся въ указанныхъ выше экономическихъ и психологическихъ условіяхъ, тяжело пораженная уже издавна кликушествомъ, представляла изъ себя складъ горючаго матеріала, почву для всевозможныхъ revivals, для всякихъ мистическихъ сектъ. Прибавимъ, что все населеніе представляетъ малокровіе, истощеніе [2]) и эндемическій зобъ.

Какъ мы уже сказали, дѣло началось съ чтенія св. Писанія, къ чему присоединилось вскорѣ его толкованіе,—это и дало поводъ говорить о штундѣ. Василій Д., иниціаторъ религіозно-этическаго возбужденія, истерикъ съ параноическою окраскою, проповѣдовалъ съ страстностью, сильно дѣйствовавшею на слушателей. Свидѣтели, вызываемые въ обвинительномъ актѣ, на дослѣдованіи показывали, что *они не могли, не имѣли силы*, не смѣли противиться властному и страстному слову Василья Д., *должны были* принимать его толкованія, *должны были* приходить на собранія. Ихъ воля была аннулирована и совершенно подчинена слову учителя. Въ сущности это былъ до сего времени довольно обычный истерическій порывъ нравственно-религіозной экзальтаціи, подъ вліяніемъ страстной проповѣди истерика—можетъ быть слегка параноика (мы его видѣли слишкомъ мало, чтобы высказаться опредѣленнѣе)—среди дегенеративно-истеричнаго населенія. Супонево представляло „воспламененный (inflamed) округъ, пожалуй revival, но въ направленіи исключительно этическаго личнаго исправленія, и притомъ исправленія отрицательнаго,—воздержанія отъ алкоголя, отъ табаку, отъ разгула, отъ ссоръ, вражды и т. д. Конечно, въ такихъ случаяхъ можно всегда опасаться, что экзальтація на этомъ не остано-

[1]) Сообщеніе мѣстныхъ властей.

[2]) Это же было отмѣчено какъ предрасполагающій моментъ въ психической эпидеміи 1892 г. въ кіевской губерніи (малёванщина) проф. Сикорскимъ. („Психопат. эпидемія 1892 г.“, Кіевъ 1893, стр. 16).

вится; но если ее нельзя прекратить, то можно, по крайней мѣрѣ, дать ей русло, канализировать, замкнуть въ берега. Будь это, напримѣръ, во Франціи, гдѣ уже выработались извѣстные пріемы, мѣстный священникъ основалъ бы нѣсколько религіозныхъ обществъ и кружковъ, непремѣнно отдѣльныхъ для мужчинъ и женщинъ; устроилъ бы какую-нибудь „adoration du coeur de Jésus", организовалъ бы собранія съ хоровымъ пѣніемъ молитвъ, съ зажженными свѣчами; назначилъ бы „mois de Marie", крестный ходъ съ „reposoir"'ами, балдахинами, большими свѣчами (cierges), гирляндами живыхъ и искусственныхъ цвѣтовъ, фольговыми вѣнцами, со всѣмъ тѣмъ католическимъ „clinquant", который такъ увлекаетъ и удовлетворяетъ истерическую набожность. Во всѣхъ этихъ устройствахъ населеніе приняло бы живѣйшее и дѣятельнѣйшее участіе; украшало бы reposoir'ы, вязало бы гирлянды; кружокъ женщинъ засѣлъ бы за вышивку хоругви, покрывала на престолъ и т. д.,—однимъ словомъ, экзальтированное настроеніе минуты было бы регулировано, и постепенно населеніе вошло бы въ норму. Но такихъ руководителей не встрѣчаютъ русскіе revival'и [1]), а являются руководителями Потапкины въ Супоневѣ, Ковалевы въ Тирасполѣ, Моисеи Тодосенко въ Павловкахъ, Малёванный въ Кіевѣ, умалишенные истерики, параноики и т. п.

Первоначальное, чисто этическое, духовное движеніе, какъ мы видѣли, не встрѣтило со стороны мѣстнаго духовенства никакого порицанія; но не такъ отнеслись къ нему мѣстныя административныя власти, а также нѣкоторыя изъ лицъ, доходамъ которыхъ грозила проповѣдь воздержанія отъ алкоголя,—тогда еще въ орловской губерніи не была введена винная монополія. Начались мелкія преслѣдованія, науськиванія остального, точно также крайне нервнаго, неустойчиваго, дегенеративнаго населенія. Василій Д. ходилъ съ барками на югъ, и предпочелъ перезимовать на югѣ; Осипъ Потапкинъ съ женой поѣхали искать себѣ земли на Кавказѣ, и встрѣтились тамъ съ сосланными хлыстами. У обоихъ, мужа и жены—по ихъ разсказу, въ сущности только у мужа, какъ кажется,—было видѣніе символическаго характера, за которымъ послѣдовали пророческіе сны, и Потапкинъ узналъ, что

[1]) „О. предсѣдатель (3-ьяго всероссійскаго миссіон. съѣзда) прибавилъ съ своей стороны, что внѣшніе признаки хлыстовщины весьма различны, но общее у нихъ—психическая сторона: неудовлетворенность современною церковною жизнью, которая не имѣетъ восторженныхъ выраженій религіознаго чувства. Отсюда для обличенія хлыстовъ необходимо, чтобы пастыри церкви совершали священнослуженіе съ *воодушевленіемъ*"... (Дѣянія 3-го всеросс. мисс. съѣзда. Изданіе второе, стр. 214).

ему данъ даръ пониманія св. Писанія. Не устроившись на Кавказѣ, да и неспособный, вслѣдствіе своего психическаго заболѣванія [1]), онъ вернулся въ Супонево, но уже получивъ наставленія чисто хлыстовскаго характера. Прежде онъ совершенно принималъ ученіе Василія Д. и подчинялся безпрекословно его проповѣди. Теперь онъ порвалъ съ нимъ, сталъ самъ читать и толковать другимъ св. Писаніе (онъ полуграмотный), но—читать нѣчто такое, чего въ св. Писаніи нѣтъ; онъ сталъ проповѣдовать призваніе св. Духа и заманчивую, подкупающую доктрину автоматизма: человѣкъ можетъ призвать въ себя св. Духъ, который входитъ въ него и управляетъ имъ какъ машиною, уничтожая всякую волю; вслѣдствіе этого человѣкъ перестаетъ быть отвѣтственнымъ за свои поступки, да и поступки его, даже самые постыдные или порочные, съ точки зрѣнія мірской нравственности,—святы и безпорочны, какъ совершаемые св. Духомъ. Затѣмъ идетъ обычная проповѣдь чистоты и непорочности, вслѣдствіе которой супружескія отношенія являются „мерзостью“ и „блудомъ“; но люди, познавшіе высшую истину, связываются новыми, духовными узами братства, *любви*, и *любовь* связываетъ братьевъ и сестеръ, которые въ силу этой любви уже могутъ—и должны—совершать половой актъ. Этотъ актъ полового *общенія* („Христова любовь“) *пріобщаетъ* членовъ къ новой истинѣ, и потому онъ есть символическій обрядъ, обязательный... Однимъ словомъ, рядомъ символическихъ звеньевъ цѣпь приводитъ къ безпорядочнымъ и безразборнымъ половымъ актамъ, къ „свальному грѣху“.

Не должно, однако, думать, чтобы у Потапкина эта доктрина сложилась въ стройное цѣлое, въ систему. У него она излагается въ нелѣпыхъ утвержденіяхъ параноика, уже перешедшаго въ слабоуміе; это—безсвязный параноическій бредъ, пересыпанный религіозными текстами и мистическими формулами. Но и этой, совершенно безумной, патологической проповѣди было достаточно, чтобы сильно подѣйствовать на патологически пораженное уже населеніе, жаждущее чего-то духовнаго и совершенно лишенное его, дико невѣжественное и психически крайне неустойчивое. Потапкинъ обратилъ въ хлыстовство свою жену Пелагею, слабоумную съ индуцированнымъ параноическимъ бредомъ, свою сестру Евдокію Г., живущую съ нимъ на одномъ дворѣ, и Матрену Морозову. Эти три женщины имѣютъ важное

---

[1]) Объ его тяжелой наслѣдственности будетъ рѣчь по поводу его сестры.

значеніе въ діагнозѣ патологическаго характера всего супоневскаго движенія.

Евдокія Г. [1]), урожденная Потапкина, происходитъ изъ тяжело пораженной семьи: сестра ея умалишенная, братъ—тоже; дѣдъ ея по отцу былъ параличный; бабка, его жена, была „*испорчена*“, „*больна умомъ*“, и родила въ этомъ состояніи всѣхъ дѣтей; отецъ ея „сильно пилъ и въ хмелю былъ страшенъ, себя не помнилъ, страдалъ головными болями; мать—истеричка, крайне набожная. Евдокія уже въ дѣтствѣ была очень религіозна; въ періодъ половой зрѣлости она стала имѣть видѣнія, сначала только религіозныя, послѣ религіозно-эротическія. Однажды, когда она молилась въ церкви монастыря, передъ ней разверзлись небеса, она увидѣла небесный свѣтъ и услышала голосъ Богоматери. Христосъ являлся ей во снѣ и жаловался, что его распинаютъ грѣшники и маловѣрующіе; сверхъ того, она имѣла и пророческіе сны. Но затѣмъ къ ней явился архангелъ Гавріилъ въ военной одеждѣ („вотъ какъ офицеръ“), раздѣлся до нага и сталъ ее искушать; другой разъ такъ же поступили семь красивыхъ монаховъ [2]). Въ дѣвушкахъ она была очень красива, но избѣгала молодежи и проводила дни въ молитвѣ въ монастырской церкви; она прекратила это послѣ покушенія на нее въ монастырѣ. Проповѣдь Василія Д. очень увлекла ее, и она стала ревностной, страстной приверженницей доктрины нравственнаго улучшенія. Василій Д. очень уважалъ ее за ея видѣнія, за пророческіе сны, „которые тоже были видѣнія, только она этого не знаетъ“, и вообще за ея духовность. Послѣ его отъѣзда она уже не могла жить безъ проповѣди, безъ религіозной экзальтаціи, безъ духовныхъ бесѣдъ. Тутъ она сблизилась со своимъ братомъ Осипомъ Потапкинымъ, стала посѣщать его бесѣды, приняла хлыстовское ученіе и увлекла мужа. Одухотворенная, извѣстная своими видѣніями, очень красивая, Евдокія Г. была драгоцѣннымъ членомъ секты, имѣла огромное вліяніе. Въ одномъ случаѣ она, совершенно безстрастная, не остановилась ни передъ чѣмъ, чтобы привлечь въ хлыстовство одного молодого парня, и мужъ за загородкой присутствовалъ при этомъ „совращеніи“, которое оказалось, однако, безрезультатнымъ.

---

[1]) Спеціальный психіатрическій, невропатологическій и антропологическій анализъ Евдокіи Г. помѣщенъ, вмѣстѣ съ такимъ же анализомъ другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу, въ особомъ приложеніи къ полному отчету. Приложеніе это здѣсь не приводится, какъ слишкомъ техническое и не предназначенное для публики.

[2]) Поразительна параллель съ видѣніями сначала Іоанны д'Аркъ, послѣ—Цециліи, Екатерины Сіеннской и др.

Очень характерно разсказываетъ о проповѣди въ домѣ Г-хъ Егоръ Павловъ, и его простодушный разсказъ даетъ намъ точно картину изъ сеанса брэдизма: „Евдокія Г. была главная, она и вела все дѣло секты въ ихъ домѣ. Тамъ говорили противъ православія, противъ постовъ, указывали на развратную жизнь духовныхъ лицъ. Надо сказать, что когда къ нимъ попадешь, они голову свертятъ; всѣ говорятъ, толкуютъ все такъ, что не сообразишь. У нихъ въ это время всегда темно, маленькая дѣтская лампочка въ пятнадцать копѣекъ горѣла; темно, они обступятъ, начнутъ говорить; Тимоѳей Г. читаетъ, а она, какъ точно не то толкуетъ, какъ-то переворачиваетъ слова, что выходитъ по ихнему".

Тимоѳей Г., мужъ Евдокіи, представляетъ финскій типъ въ самомъ полномъ его выраженіи. Это дегенератъ съ анатомическими стигматами вырожденія и съ физіологическими явленіями страданія нервной системы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ имѣлъ поврежденіе спинного хребта. Въ дѣтствѣ, его дяди, пьяницы, поили его до пьяна водкой. Жена нѣсколько разъ совращала его въ различныхъ направленіяхъ; онъ ругалъ, билъ ее, и все-же слѣдовалъ за нею. Теперь ему тяжело и стыдно вспоминать о періодѣ „угара".

Дочь ихъ, трехъ лѣтъ, имѣетъ рѣзкіе анатомическіе стигматы тяжелой формы дегенераціи.

Матрена Морозова—чистѣйшая финка по чертамъ и краскамъ. Она вдова-солдатка, но жила всегда очень скромно, такъ что имѣла въ деревнѣ репутацію очень скромной и честной женщины, и всѣ были крайне удивлены, узнавъ, что она забеременѣла, хотя уже одно то обстоятельство, что она ходила на чтенія Осипа Потапкина, заставляло ожидать для нея всего худшаго. Она всегда была слаба умомъ (debilitas mentis), а что она истеричная дегенератка—это доказывается рядомъ физическихъ признаковъ и анатомическихъ стигматовъ. Въ настоящее время она представляетъ глубокое слабоуміе послѣ тяжелой психической болѣзни, на почвѣ дегенераціи и умственной недостаточности. У нея лицо слабоумной, безъ мимики, рѣчь безсвязная, но еще вдохновенная, и это дѣлаетъ несчастную больную еще болѣе жалкою. Она не можетъ уже разсказать простѣйшаго событія, не можетъ, послѣ очень кратковременнаго разговора, отвѣчать на простѣйшіе вопросы,—до того ея интеллектъ быстро истощается. Рѣчь ея представляетъ полную спутанность, и состоитъ изъ набора обрывковъ церковныхъ формулъ. Она не могла сказать, какъ зовутъ по отчеству ея отца, не могла перечислить

ближайшихъ родственниковъ. Но она могла разсказать — безъ всякаго стѣсненія, какъ слабоумная — о своихъ сношеніяхъ съ Осипомъ, въ присутствіи его жены, и какъ онѣ лежали съ нимъ, обѣ раздѣтыя, на постели... Мы попросили ее спѣть гимнъ, и она съ готовностью, призвавъ громкимъ шопотомъ благословеніе божіе, запѣла съ вдохновеннымъ видомъ гимнъ на плясовой мотивъ, при чемъ слезы умиленія бѣжали у нея изъ глазъ. „Когда что божественное, всѣ жилы радуются, и ноги сами притоптываютъ“, — говоритъ она. Теперь она поднялась въ духовной іерархіи, и хотя въ „мірѣ“ продолжаетъ быть Матреной Морозовой, но „ее произвели въ Іоанна Крестителя и обратили въ мужчину“.

Повидимому, довольно большое число женщинъ „*приняли плоть и кровь*“ отъ Осипа Потапкина, т.-е. имѣли съ нимъ сношеніе, какъ религіозный актъ.

Аксинья С., свидѣтельница по дѣлу, какъ совращенная и сестра двухъ обвиняемыхъ, Андрея и Кузьмы, не отрицаетъ принятія „плоти и крови“ отъ Потапкина въ присутствіи жены его, которая очень свободно разсказываетъ объ этомъ; но Аксиньѣ непріятно и тяжело возвращаться мыслью къ этому факту. Она разсказываетъ, что „тоже вставала на радѣніяхъ и говорила слова изъ Евангелія“. И она, и оба ея брата, представляютъ типъ тяжелаго вырожденія, физическаго и психическаго, съ несомнѣнными анатомическими и физіологическими стигматами. Ихъ отецъ „долгое время ходилъ старостой, очень сильно пилъ, пьетъ и теперь, когда выдастся случай, и не пьетъ только тогда, когда не на что. Когда онъ былъ старостой и ѣздилъ съ полицейскими чинами, то пилъ безъ просыпа“. Сколько у него было дѣтей, онъ съ точностью вспомнить не можетъ.

Катерина Д. тоже была подъ вліяніемъ Осипа Потапкина, и „приняла отъ него плоть и кровь“; она участвовала въ радѣніяхъ, но отошла отъ этой секты подъ нравственнымъ давленіемъ Василія Д. Она сначала ходила къ Василію Д. и слушала его проповѣдь, а когда онъ былъ въ отсутствіи (уѣхалъ и потомъ былъ взятъ въ тюрьму), Осипъ Потапкинъ, не встрѣчая сопротивленія и препятствія, увлекъ многихъ въ хлыстовщину, и въ томъ числѣ и Катерину. „Мы радовались, что у насъ пророчества, что Духъ Святой находитъ на насъ... Мы вѣрили, что это Св. Духъ [1]). Цѣлованіе было общее, но я плоти не хотѣла пріобщаться... цѣлованіе было съ Осипомъ, въ особен-

[1]) „А когда Василій пріѣхалъ, онъ ужаснулся, сталъ говорить, что это мерзость“.

ности когда стоятъ въ кругу; цѣлуетъ пророчествующій,—Осипъ и пророчествовалъ [1])... Осипъ говорилъ, что надо бросить мірского мужа, не жить съ нимъ, и жить съ духовнымъ мужемъ. *Мы исполняли всѣ его требованія, боялись прогнѣвать его. Это продолжалось четыре недѣли, и кончилось, когда вернулся Василій. Еслибы онъ не вернулся, у насъ всѣхъ дошло бы до блуда. У Осипа была такая сила, что всѣ его слушались, а когда пришелъ другой сильнѣе, то вся его сила пропала...* У Осипа Потапкина домъ разбили за то, что онъ бабъ собираетъ, мужики сердятся... *Всѣ четыре недѣли, что мы были подъ силой Осипа, мы плакали отъ радости...* Когда Василія не было, *у меня четыре недѣли были пророчества, духъ находился*, а какъ Василій вернулся, *мы узнали, что это не духъ, и у меня пророчество пропало. А то, при Осипѣ, станешь ходить, пѣть, тутъ пророчество найдешь, все это отъ Осипа было. Цѣлованіе пойдетъ, духъ сойдетъ, станешь отъ радости плакать. На мужчинъ это не находило*“...

Катерина Д. представляетъ этическій финскій типъ, хотя и смягченный благообразностью, казалось бы, но только въ общемъ впечатлѣніи, черты же лица, краски, выговоръ, строеніе головы, все это—специфически-финское. Въ антропологическомъ и психіатрическомъ отношеніи это истеричка съ тяжелыми анатомическими и функціональными стигматами, какъ истеріи, такъ и дегенераціи; сестра ея, Ольга Ш.—кликуша. Теперь индуцированная форма психическаго страданія, которымъ она была заражена въ домѣ Осипа Потапкина, уже миновала; она была спасена отъ дальнѣйшаго бреда и выздоровѣла, но нѣтъ сомнѣнія, что психическая болѣзнь ея была очень интенсивна, хотя и кратковременна...

Существенную роль если не въ дѣйствительности, то въ предварительномъ слѣдствіи играетъ семья С., при которой двое являются въ качествѣ обвиняемыхъ, а четверо въ качествѣ свидѣтелей.

Матѣй С., отецъ, старикъ за 70 лѣтъ—рѣзко еврейскаго типа, но съ финскими безцвѣтными „свинцовыми“ глазами. Онъ долгое время „ходилъ старостой“; „очень сильно пилъ, пьетъ и теперь, когда выдается случай, и не пьетъ только тогда, когда не на что“. Когда былъ старостой и „ѣздилъ съ полицейскими чинами, то пилъ безъ просыпа“. Отъ перваго брака у него было восемь или девять человѣкъ дѣтей (онъ съ точностью не

[1]) Василій не хотѣлъ цѣлованій,—запретилъ ихъ.

помнитъ), изъ которыхъ осталось въ живыхъ только трое, остальныя умерли въ дѣтствѣ. Отъ второй жены, Пелагеи, онъ имѣлъ четырехъ дѣтей, изъ которыхъ двое—обвиняемые. Пелагея тайно отъ мужа „бѣгала“ на собранія къ Осипу Потапкину, и „сманила туда и дочь Аксинью; обѣ, мать и дочь, вечеромъ укладывались спать, и потомъ, когда старикъ заснетъ, убѣгали и возвращались на утрѣ. Онъ ихъ ругалъ, билъ, надъ ними смѣялись, но ничто не помогало,—*„ихъ тянуло“*, и *„онѣ тосковали, если нельзя было уходить“*. Она же зазвала къ Осипу и своихъ сыновей, Андрея и Кузьму, но ходила она только съ Аксиньей, и обѣимъ было *„тошно дома“* (записано буквально со словъ Матвѣя). Разсказываютъ, что на радѣніяхъ требовали, чтобы Пелагея надѣвала лапти (въ Супоневѣ лаптей не носятъ), чтобы въ темнотѣ отличать старуху (ей было около пятидесяти лѣтъ [1]). Очевидно, она страдала психической болѣзнью въ очень сильной степени, и, сопоставляя это съ другими данными, можно съ большей вѣроятностью утверждать, что она страдала истеріей. Отмѣтимъ еще, что у нея было двое родовъ близнецовъ... Относительно Матвѣя я не имѣю возможности въ краткомъ очеркѣ привести соображенія, заставляющія меня предполагать у него дегенерацію атавистическаго характера, именно возвращеніе къ далекому atavus, тѣмъ болѣе, что многія этнографическія данныя указываютъ въ мѣстности между Карачевомъ, Брянскомъ и рѣкой Нерусой присутствіе въ населеніи того же этническаго элемента.

Замѣчательно, что оба сына Матвѣя, обвиняемые Андрей и Кузьма, представляютъ необычайно типичный финскій обликъ, унаслѣдованный ими отъ матери вѣроятно, но и отъ отцовской линіи, которая, по разсказу, не имѣла семитическаго типа... Кузьма С.—финнъ самой чистой воды, выговаривающій *м* вмѣсто *в* (вотяцкій выговоръ), представляетъ анатомическіе и физіологическіе признаки дегенеративной истеріи, и вообще дегенераціи, и перенесенной въ дѣтствѣ англійской болѣзни (rachitis) въ очень сильной степени; сверхъ того, отмѣтимъ у него зобъ, явленіе очевидно эндемическое въ Супоневѣ, и о которомъ мы будемъ говорить ниже.

Андрей С., очень похожій на брата физически, нравственно представляетъ совершенно другой типъ. Это прасолъ, совершенно поглощенный своими торговыми дѣлами, и весьма мало

[1]) „Обыкновенно старухи-хлыстовки жалуются на то, что ихъ никто не любитъ и не избираетъ“ (въ свальномъ грѣхѣ). *Дѣянія 3-го Всеросс. Миссіон. Съѣзда.* Изданіе второе, стр. 104.

думающій въ настоящее время о вопросахъ нравственности и религіи. Онъ прежде сильно пилъ. Страдаетъ явленіями, указывающими на глубокое пораженіе нервныхъ центровъ [1]). Повидимому, и онъ былъ охваченъ атмосферою психической эпидеміи въ формѣ религіозной экзальтаціи, и подъ вліяніемъ своей матери Пелагеи, сестры Аксиньи, о которой уже была рѣчь выше, жены своей Настасьи, истеричной дегенератки, и Цирцеи—Евдокіи Г. (онъ представлялъ, вслѣдствіе своей нервной болѣзни, очень слабое сопротивленіе психопатическимъ факторамъ), поддался кратковременно общей экзальтаціи, въ формѣ ли простого увлеченія, отъ котораго онъ опомнился, или въ формѣ психическаго индуцированнаго заболѣванія, отъ котораго онъ выздоровѣлъ,—теперь уже сказать нѣтъ возможности. Отмѣтимъ, однако, у него анатомическіе стигматы дегенераціи и крайнюю интолерантность къ алкоголю. Онъ представляетъ очень рѣзкій финскій типъ... Константинъ К. привлекается какъ обвиняемый, а жена его Юліанія и братъ Николай—какъ свидѣтели.

Константинъ К., рыжій, безцвѣтный, съ свинцовыми глазами, съ типичнымъ ртомъ, финнъ, представляетъ анатомическіе стигматы глубокой дегенераціи, съ неправильнымъ, уродливымъ черепомъ, носящимъ слѣдъ очевиднаго болѣзненнаго процесса. Отецъ его былъ *сильный пьяница, „недѣли не могъ прожить безъ водки“*; братъ его, Степанъ, тоже *сильно пьетъ*, хотя и не въ такой степени, какъ отецъ; сестра его, Васса, *необычайно малаго роста* (нанизмъ). Мать его, Пелагея, была такого же *малаго роста*, и ея отецъ, дѣдъ обвиняемаго, Аѳанасій, *сильно пилъ*. Самому Константину тридцать-четыре года, но у него только недавно сошла золотуха съ головы—„коросты“. Жена Константина, *Юліанія*—финка чистѣйшей воды по чертамъ лица, по краскамъ, по говору—представляетъ дегенеративные стигматы и зобъ. Она съ молоду любила „божественное“, была очень набожна... *Николай* представляетъ анатомическіе стигматы дегенераціи и функціональные симптомы неврастеніи въ очень сильной степени. Константинъ, Николай (послѣдній болѣе еще, нежели братъ) и Юліанія, всѣ трое—неврастеники, если не истерики. Они читаютъ св. Писаніе, главнымъ образомъ Евангеліе, и вообще „божественное“, не имѣя, конечно, возможности дѣлать выборъ, и *„когда выйдетъ такая буква, то слезы такъ и текутъ, такъ что и читать нельзя, а на душѣ радость, что на путь Господень нападешь“*.

---

[1]) Медицинскія данныя указаны въ приложеніяхъ къ судебной экспертизѣ.

Васса Д. была нѣкоторое,—впрочемъ, очень короткое—время посѣтительницей дома и собраній Осипа Потапкина; по словамъ многихъ свидѣтелей, „совершила съ Осипомъ блудъ“, „пріобщилась плоти и крови“, а по словамъ Пелагеи Потапкиной, разсказывающей это въ присутствіи Аксиньи С., она имѣла сношеніе съ Осипомъ въ присутствіи другихъ женщинъ секты. Эта женщина представляетъ въ рѣзкой формѣ чисто финскій типъ, но сверхъ того она представляетъ рядъ анатомическихъ и физіологическихъ стигматовъ дегенераціи и истеріи.

Анна Ст. тоже заподозрѣна въ принадлежности къ сектѣ Потапкина, въ „принятіи плоти и крови“, и привлекается какъ обвиняемая. Въ началѣ религіозно-этическаго движенія, возникшаго въ селѣ Супоневѣ подъ вліяніемъ Василія Д., она восприняла этическую сторону его проповѣди, и старалась жить по тѣмъ принципамъ личной нравственной чистоплотности и христіанскаго отношенія къ людямъ, которые Василій Д. преподавалъ своимъ слушателямъ. Когда Василія не стало въ Супоневѣ, кружокъ его остался не только безъ руководителя, но и безъ тѣхъ словъ, можетъ быть и мало понимаемыхъ, но великихъ, которыя будили въ сердцахъ членовъ кружка высокія стремленія и альтруистическія чувства. „Голодъ на нравственное“, постоянно и тяжело чувствуемый—преимущественно женщинами—въ крестьянской средѣ, лишенной всякой духовной пищи, сталъ ощущаться еще сильнѣе послѣ того, когда они услышали наконецъ что-то, говорящее ихъ нравственному чувству, и большинство членовъ кружка хлынуло къ Потапкину, единственному говорившему имъ о Духѣ святомъ, произносившему какія-то великія слова. Анна Ст. была охвачена общимъ настроеніемъ, увлечена общимъ потокомъ, и это тѣмъ болѣе, что она поражена тяжелымъ горемъ: изъ тринадцати человѣкъ дѣтей она потеряла одиннадцать. „Гоненіе“, поднявшееся противъ кружка, еще больше привязало ее къ нравственному ученію Д., а среди безсвязныхъ религіозныхъ формулъ и религіознаго бреда Осипа Потапкина она не могла, конечно, различить еретическаго догмата, тѣмъ болѣе, что свой личный параноическій бредъ Осипъ прикрывалъ, какъ это часто дѣлаютъ параноики, иносказательными выраженіями и символическою рѣчью. Но вотъ, однажды, провожая ее съ чтенія, Потапкинъ схватилъ ее за грудь. Этотъ актъ религіознаго эротика разомъ отрезвилъ ее. Она съ негодованіемъ и омерзѣніемъ отшатнулась отъ Потапкинскаго дома, разсказала этотъ случай Василію Д. по его возвра-

щеніи, и это было первою причиною разрыва и вражды между Василіемъ и Осипомъ Потапкинымъ и его сообщниками.

Нѣсколько женщинъ, какъ мы видѣли, „*приняли плоть и кровь*“ отъ Осипа Потапкина, т.-е. имѣли съ нимъ сношеніе, какъ религіозный актъ, но еще бо̀льшее число, не дойдя до этого, присутствовали на радѣніяхъ, принимали участіе въ нихъ. Радѣнія эти, съ сильными движеніями, подъ тактъ пѣнія, хлопанья въ ладоши и притоптыванія ногами, съ цѣлованіями, призываніями св. Духа, доводили ихъ до страстной экзальтаціи, отъ которой онѣ были не въ силахъ отказаться. Онѣ стремились на эти собранія, имъ „не сидѣлось дома“, ихъ „тянуло“ туда, „имъ было тошно“ безъ этихъ возбужденій орфизма. И вотъ, несмотря на запрещеніе и побои отцовъ, братьевъ, мужей; несмотря на насмѣшки и циническіе попреки постороннихъ, онѣ по ночамъ убѣгали къ Потапкину и оставались тамъ до разсвѣта. „Еслибы не возвращеніе Василія Д., у нихъ у всѣхъ дѣло дошло бы до блуда“,—говорила одна изъ выздоровѣвшихъ; „какъ въ чаду была“,—говоритъ другая; „точно угаръ былъ“, —говоритъ третья. „У Потапкиныхъ на радѣніяхъ женщины вставали и ходили, при этомъ пророчили, цѣловались, пѣли, и снимали съ головы при этомъ платокъ и распускали волосы“ [1]). Почти всѣ „плакали навзрыдъ, радовались“; многія „падали, бились“, представляли и другія истерическія явленія [2]).

Изъ „принявшихъ плоть и кровь“ отъ Потапкина женщинъ нѣкоторыя признаютъ это, бо̀льшая же часть сознаются, что принимали участіе въ радѣніяхъ, пророчествовали, но умалчиваютъ о половыхъ сношеніяхъ. Когда жена Потапкина, слабоумная съ индуцированнымъ помѣшательствомъ женщина, разсказываетъ эротическія сцены, гдѣ онѣ были дѣйствующими лицами, и сношенія ихъ съ Осипомъ въ присутствіи другихъ „сестеръ“, смотрѣвшихъ на это,—онѣ молчатъ, злобно взглядывая на нее, или отвертываясь и видимо тяготясь воспоминаніемъ объ этомъ періодѣ

[1]) Это обстоятельство имѣетъ слѣдующее значеніе: въ виду извѣстнаго мѣста въ Кн. Бытія (гл. VI, 2, 4), явилось такое разсужденіе: съ неба, сверху, сыны неба могли видѣть только волосы земныхъ женщинъ, и потому женщины должны или брить себѣ волосы на головѣ, или ходить въ храмъ съ покрытой головой. Далѣе: если призывать на землю сошествіе небесныхъ духовъ, то вѣрное средство—представить имъ женщинъ съ непокрытой головой и распущенными волосами.

[2]) Такъ, напр., женщины „*надувались*“, т.-е. имѣли истерическій метеоризмъ. Объ этомъ говорятъ многіе свидѣтели, и мы имѣли весьма точныя указанія, хотя первое слѣдствіе не установило этого факта. Трудно, однако, думать, чтобы свидѣтели *придумали* патологическій фактъ, столь особенный, столь необычный, мало извѣстный не только публикѣ, но и врачамъ—не-спеціалистамъ.

ихъ жизни. Это воспоминаніе сдѣлалось для нихъ особенно тяжелымъ съ того времени, какъ Потапкинъ, признанный умалишеннымъ на распорядительномъ засѣданіи суда, былъ возвращенъ къ себѣ въ домъ, слѣдовательно признанъ дѣйствительно неотвѣтственнымъ, какъ „сумасшедшій", безъ всякаго мученическаго вѣнца.

Безполезно продолжать этотъ обзоръ „совращенныхъ"; я привелъ, въ сокращеніи (выпуская чисто медицинскія подробности), первыхъ по порядку изслѣдованныхъ мною свидѣтелей и обвиняемыхъ; остальные представляютъ ту же картину. Но вотъ нѣкоторыя указанія относительно главнаго преступника, великаго совратителя, основателя секты, Осипа Потапкина. Протоколы его допросовъ занимаютъ въ слѣдственномъ дѣлѣ нѣсколько страницъ и представляютъ неясную, правда, но связную и литературно изложенную еретическую доктрину, очевидно почерпнутую слѣдователемъ изъ Добротворскаго, Кутепова и т. д. Но эти протоколы мало соотвѣтствуютъ дѣйствительности, и еслибы слѣдователь попытался записывать болѣе или менѣе буквально рѣчь обвиняемаго, то она ему самому представилась бы тотчасъ же въ совершенно иномъ свѣтѣ, и умопомѣшательство Потапкина не прошло бы незамѣченнымъ въ теченіе четырехъ лѣтъ слѣдствія. Помѣщенный въ психіатрическую больницу на испытаніе, Осипъ Потапкинъ тотчасъ же почти написалъ мнѣ длинное письмо, начало котораго здѣсь приводится [1]):

Заголовокъ: „1-ая Христосъ воскресъ. Я пишу, самъ Святой Духъ, это писаніе, отъ самого живаго Бога присланное, и вотъ скажется, для кого оно, это писаніе, является.

„Это оно для тебя, главный врачъ и начальникъ всему каменному построенному дому и надъ тѣми, кто живетъ и кто кончины ждетъ. Вотъ посадили сюда Іисуса въ семъ каменномъ мѣстѣ; и вотъ онъ тутъ тоже проведетъ сорокъ дней своего поста. А вотъ я, Духъ Святой, теперь говорю тебѣ, главный врачъ (*пропускаются повторенія и безсвязныя вставки частицъ*), чтобы ты не томилъ меня, Духа Святого, въ этомъ каменномъ гробѣ... Теперь я пишу тебѣ Духъ Святой, чтобы ты не держалъ тутъ живаго Бога и Христа (*это онъ самъ*). Почитай въ этомъ святомъ писаніи, кѣмъ оно (*его письмо*) и чьею мудростью

[1]) Потапкинъ—полуграмотный, и пишетъ съ фантастической орѳографіей, дѣлающей чтеніе его нескончаемыхъ писаній очень утомительнымъ; какъ образчикъ, привожу только первыя три строчки его письма: „Ето А но для тебе главной урачь (врачъ) и начальникъ усему етаму каменому пастройнаму дому и надъ теми хто живетъ и хто канчины ждетъ"...

написано, и возьми въ свою голову, кто эту премудрость можетъ сочинить и кому она должна открыться. Вотъ слухай меня Духа Святого, что я тебя для твоей пользы наставлю, и что теперь нужно сдѣлать съ этимъ домомъ..... *(идетъ совершенно безсвязное разсужденіе)*... Вотъ тебѣ приказъ отъ отъ меня Духа Святого"....

Ласковое обращеніе съ Потапкинымъ смягчило его суровое отношеніе ко мнѣ, а долгія бесѣды съ нимъ и съ его женой убѣдили его видѣть во мнѣ не врага и гонителя; это отражается въ слѣдующемъ его, второмъ, письмѣ, уже значительно болѣе безсвязномъ, такъ какъ онъ много писалъ для себя, и, очевидно, интеллектъ его утомился. „Вотъ и еще пишу тебѣ всего жительства; это для тебя, чтобы ты понялъ отъ меня, отъ Духа Святого духовныхъ словъ и живыхъ, которыя сейчасъ для васъ, а вамъ непонятно будетъ когда будетъ читать. А прочитавши поймешь всѣ эти слова; слушай, я буду говорить кто въ этомъ домѣ находится и какъ его имя, и чей онъ сынъ; и это та гора Голгофа, на которой распинали самого Іисуса Христа, и тутъ онъ и крестъ свой духовный несъ, и вѣнецъ его терновый былъ, и по трость ему давали губку и жолчь. Довольно съ васъ и этого, разберете чей это сынъ здѣсь находится, и чѣмъ сына *били*, и какъ его имя *было* [1]). Зачѣмъ же я, Духъ Святой во плоти человѣка, томился черезъ тебя и проливалъ кровь свою невинную; привели меня, Духа Святого въ образѣ человѣческомъ, сняли съ меня одежду и надѣли багряницу, и сталъ меня спрашивать Пилатъ, котораго вы называете твоимъ помощникомъ (*врачъ-ординаторъ*); ему отъ Духа Святого было много словъ въ его покаяніи, а онъ надъ этими словами надсмѣялся, а вотъ какъ увидѣлъ самъ Господь, и сразу стало никому не хорошо, и никто теперь никогда не вылечитъ. Вотъ какъ наказываетъ Господь за Духа Святого".

Изъ записей въ скорбномъ листѣ въ больницѣ мы приведемъ нѣсколько выдержекъ.

17. I. 1902. Долго объяснялъ врачу—и жена подтверждала это,—что больной N., просившій табаку (въ больницѣ не курятъ), очень опасенъ, такъ какъ отъ него исходитъ лучами зло, которое онъ, Потапкинъ, *видитъ*; изъ дальнѣйшаго разъясненія оказывается, что онъ *знаетъ* и *чувствуетъ*, хотя и безъ помощи зрѣнія, лучистость зла, истекающаго изъ больного....

[1]) Аллитераціи постоянно пестрятъ его рѣчь, но ихъ трудно передать въ транскрипціи, такъ какъ онѣ, большею частью, основаны на невѣрномъ произношеніи словъ.

19. І..... Жена больного рецитируетъ мнѣ духовный гимнъ, въ которомъ имѣются такіе стихи:

Вѣримъ, Господи родимый,
Духу твоему здѣсь.
О тебѣ наша надежда,
Живетъ самъ Спаситель,
И вся Троица *Святая*
Въ сердцахъ *обитаетъ* [1]),
Обитаетъ, поставляетъ,
Онъ проводитъ, принимаетъ
Онъ не высылаетъ.
. . . . . .
Ужъ ты, Господь Спаситель,
Отбей злую *волю*,
Выведи меня на *волю*
Въ Духовную *слободу*
На божью *работу*
. . . . . .
Крестъ лэгкое *насилье*
Всѣхъ враговъ *любили*
Ненасытная любовь!
Кто тебя насытитъ? и т. д.

Въ это время больной (Потапкинъ) ходилъ по комнатѣ, дѣлая ногами и плечами ритмическія движенія, вздыхаетъ, улыбается, и говоритъ, что не можетъ сидѣть на мѣстѣ, такую чувствуетъ радость.....

20. І... На вопросъ, хлыстъ ли онъ, Потапкинъ отвѣчаетъ (записано дословно): „если по духовному, то сказано, что плотской духовнаго судить не можетъ. Если вамъ это говорилъ *попъ*, то онъ *попалъ* уже въ нечистаго духа. Вотъ сказано: они будутъ побѣждать всякую *лесть*, а тутъ хотятъ ко мнѣ съ рукой *льзть* (ему „міряниНъ“ подалъ руку). Попъ—*священникъ*, а отъ него *свѣтъ*, а теперь по всему *свѣту* наша вѣра пошла (дальше идетъ какое-то разсужденіе на основаніи аллитерацій, но оно совершенно безсвязно, и фразы въ немъ слѣдуютъ одна за другою по случайнымъ звуковымъ образамъ, такъ что записать рѣчь больного нѣтъ возможности). Затѣмъ, на вопросъ относительно „Христовой любви“, Потапкинъ отвѣчаетъ какимъ-то наборомъ словъ, въ которомъ нѣтъ возможности уловить связи. Рѣчь идетъ объ „Іудеяхъ“ и „Еленахъ“ (очевидно Еллинахъ), но эти Елены являются особами женскаго пола; на собраніяхъ, какъ только

[1]) Курсивомъ означенныя слова составляютъ, на слухъ сектантовъ, риѳму.

запоютъ пѣсни, „тѣло затрусится“ отъ присутствія Господа, и это произошло даже и съ надзирательницей, когда Осипъ запѣлъ ей гимнъ. „Вотъ у Фіоніи *духъ вышелъ, ударился о землю и распухъ*“, разсказываетъ онъ.

Для полноты картины психики села Супонева мы бесѣдовали и я изслѣдовалъ двухъ главныхъ противниковъ супоневскаго религіознаго движенія, „самыхъ злыхъ гонителей“, свидѣтельницу Марѳу Голубкову и Тихона Б., котораго, я сожалѣю, не видѣлъ въ числѣ свидѣтелей.

Марѳа Голубкова [1]): „Входитъ въ комнату со словами:... „съ ними не сообразишь, потому они такіе; вотъ я напр.; гдѣ ужъ тутъ съ ними справиться (хватается за голову). Охъ, голова! Болитъ! Шумъ! Въ головѣ коляски ѣздятъ. Какъ у меня сынъ померъ, такъ прежде голова болѣла, а теперь еще пуще. Такой шумъ! Я отъ шума падаю, даже въ храмѣ падаю. Они что! Они проклятые, они отъ вѣры Христовой отступили, а я три раза въ Кіевъ ѣздила, девять разъ у святыхъ отцовъ (sic!) была. Вотъ и братъ у меня все къ святымъ отцамъ ходитъ“. Я прерываю ея монологъ и этотъ потокъ безсвязныхъ фразъ, произносимыхъ какъ бы про себя, но съ нелѣпыми вскрикиваніями, и задаю вопросъ: гдѣ живетъ этотъ братъ? Она отвѣчаетъ:—Что же, гдѣ не жить, потому что въ Супоневѣ, что въ Кіевѣ... Начинается очень безсвязная рѣчь, изъ которой можно только уловить нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія, что этотъ братъ пьетъ много водки. Ее спрашиваютъ, пьетъ ли и она?... „Пью, батюшка, пью, всегда съ мужемъ пью, мы вмѣстѣ пьемъ. Какъ страшный сонъ увижу, и пью. Такіе страшные сны! Вотъ разъ вижу во снѣ, что я говядины три фунта украла, принесла домой (всхлипываетъ, слезы обильно текутъ изъ глазъ), а у меня ее отобрали. Чѣмъ тутъ жить? въ *ухахъ* (sic!) дуетъ, въ родѣ простуды. Я вотъ какъ закричу! внучку напугала, *взяли ее отъ меня, говорятъ, напугала*“...—Плачетъ, жалуется на головокруженіе, на головную боль, начинаетъ опять какой-то какъ будто разсказъ, записать который нѣтъ никакой возможности по его совершенной безсвязности. На вопросы она не можетъ отвѣтить прямо, и всякій разъ начинаетъ какую-то длинную рѣчь, первая фраза которой какъ будто имѣетъ связь съ вопросомъ, но въ которой общій смыслъ тотчасъ теряется. Она никакъ не можетъ сказать, сколько дѣтей у ея кіевскаго брата, такъ какъ „она далеко жи-

[1]) Я привожу прямо запись изслѣдованія, сдѣланную въ присутствіи г. товарища прокурора и прочтенную ему для провѣрки.

ветъ"; при этомъ тутъ же сообщаетъ, что у него три дочери и одинъ сынъ въ живыхъ, а двое дѣтей умерли, но на повторный вопросъ, сколько же у него дѣтей, отвѣтить не можетъ.....

— Когда сынъ умеръ?

— Да шестой годъ будетъ, а можетъ пять...

— Можетъ быть, три года?

— Можетъ, и три; кто ихъ знаетъ. Двадцатый годокъ сыну былъ (плачетъ), *все на голову жалился, какъ не въ своемъ умѣ былъ*"...

Изъ разспросовъ можно вывести, что она теперь не переноситъ уже алкоголя: „какъ выпьешь, дѣлается головокруженіе, шумъ въ головѣ", и ей дѣлается „худо, ой, какъ худо". *Ея дядъ выгналъ ея отца изъ дому; отецъ былъ пьяница;* дѣти брата „всѣ пьютъ, много пьютъ водку, совсѣмъ въ брата". Она росла сиротой послѣ смерти матери, хотя отецъ ея былъ живъ; разсказъ о замужествѣ и какой-то семейной драмѣ настолько безсвязенъ, что понять его нѣтъ возможности. Говоря о смерти сына, она хотѣла опредѣлить время года, но изъ ея словъ съ большимъ трудомъ можно было вывести, что тогда снѣгъ таялъ. Слово *таять* выпало у нея изъ рѣчи, а замѣнить его другимъ или прибѣгнуть къ (перифразѣ) она уже не въ состояніи... Марѳа Голубкова, свидѣтельница по супоневскому дѣлу и особенно ревностная „гонительница" ереси, страдаетъ *глубокимъ слабоуміемъ вслѣдствіе предшествовавшей психической болѣзни* (dementia secundaria et vesania).

Марѳа Голубкова—платоническая ненавистница ереси; она „вдохновляетъ и возбуждаетъ гонителей", но сама, по дряхлости и физической и умственной несостоятельности, не можетъ нанести имъ никакого вреда непосредственно. Но вотъ Тихонъ Б.— очень убѣжденный, страстный и весьма дѣятельный „гонитель" сектантовъ, патентованный, оффиціально признанный ревнитель православія и защитникъ его отъ ереси, какъ мы увидимъ. Привожу отрывокъ изъ записи дознанія.

„*Тихонъ Б.*—типичный финнъ и чертами лица, и красками. Представляетъ анатомическіе стигматы дегенераціи. Мозговой скелетъ малъ, лобъ очень покатый (fuyant) [1]... Разносилъ домá сектантовъ, разбивалъ домъ Василія Д., *„потому за православную вѣру жизнь готовъ отдать"*. Слышалъ, будто сектанты говорятъ, что православные прикладываются въ Петровскомъ монастырѣ [2]) (sic!) къ образу Прасковіи Пятницы (она оказывается

[1]) Подробное описаніе въ приложеніи къ полному докладу.

[2]) Такого нѣтъ.

тоже и Богородицей) съ большими грудями. Тихонъ Б. говоритъ, что за это ихъ убить надо. Хотѣлъ, по собственнымъ его словамъ, убить одного сектанта, который въ праздникъ плелъ плетень. Самъ онъ, однако, бываетъ въ церквахъ рѣдко и неправильно, но онъ *„выправилъ себѣ патентъ ревнителя православія“*; „я и печать такую получилъ, чтобы наблюдать; я долженъ бить этихъ проклятыхъ отступниковъ“. Разносилъ дома сектантовъ за ихъ богохульство: *принесутъ икону Николы или Свѣнской Божіей Матери, а они хоронятся, не выходятъ*! Мы и приговоръ составили, только неизвѣстно, куда дѣлся этотъ приговоръ. Вотъ теперь они попритихли, *а все-же ходятъ другъ къ другу, ихъ за это убить надо*. Если будутъ ходить другъ къ другу, мы ихъ хаты опять разнесемъ, мы ихъ убьемъ, мы за вѣру христіанскую рады помереть, куда хочешь насъ послѣ дѣвай. Если начальство не смотритъ, мы сами расправимся. *Теперь, когда Осипа нѣтъ, бабы себя хорошо ведутъ. А тогда бабамъ удержу не было: сегодня три побѣгутъ, а завтра, смотришь, и шесть пошли* [1])... Дома разбивали всѣ, тысячи были, пушкой не прошибешь (толпу), гдѣ же тутъ судить! Въ волостномъ судѣ такъ и *оставили безъ послѣдствія* [2]) (sic!)... У нихъ есть божница, а подъ *богами* (sic! Образа—это *боги*) молоко стоитъ, въ святомъ углу на столѣ молоко стоитъ! Какъ мы вошли, все это въ дверь побросали и разбили, чему не подъ святымъ угломъ, а подъ порогомъ мѣсто. Это всякій разъ разбивали, вотъ и тогда, когда Пелагея (Потапкина) *бѣшила* (sic!) сама не знаетъ куда, *а что ее рѣзали, такъ это пустяки все, она сама себя рѣзала*“ (sic! Записано буквально).

Это послѣднее событіе очень характерно: когда стали „разносить“ домъ Потапкиныхъ, Осипъ скрылся у брата, а жена его Пелагея побѣжала въ деревню, надѣясь скрыться въ другомъ семействѣ. Толпа поймала ее и рѣшила сначала сбросить съ горы въ воду, потомъ надумали прирѣзать; принесли ножъ, но согласныхъ исполнить это рѣшеніе не нашлось. Къ толпѣ, между тѣмъ, подошелъ нѣкто изъ власть имѣющихъ, хотѣлъ разгонять толпу, и ударилъ одну женщину ногайкой по спинѣ; та вскрикнула, и тогда тутъ же нѣсколько женщинъ упали въ истерическомъ припадкѣ. Продолжаю выписку:

„Слабоумный и дикій субъектъ. Очень трудно понимать его рѣчь, когда онъ начинаетъ связный разсказъ. Пока онъ говоритъ

---

[1]) Напомнимъ разсказъ Матвѣя С. о своей женѣ Пелагеѣ и дочери Аксиньѣ.

[2]) Разносителей судили въ волостномъ судѣ, но оправдали.

отрывочными фразами, его понимаешь вполнѣ, но въ связномъ разсказѣ, который здѣсь не записанъ, по совершенной невозможности записать его, нѣтъ возможности разобрать, кто совершилъ поступокъ, кто дѣйствующее и кто страдательное лицо, кто кому что̀ сказалъ"... Это, дѣйствительно, слабоумный, дураковатый человѣкъ, съ дикимъ видомъ, безсмысленно уставляющимися глазами, съ прерывистой рѣчью, фанатизированный и полный ненависти и какой-то безсмысленной, животной злобы. Онъ нѣсколько разъ настаивалъ на томъ обстоятельствѣ, что онъ назначенъ „ревнителемъ православія", и что ему поручено „бить отступниковъ отъ вѣры православной", что ему на это и „печать дана". Когда мы полюбопытствовали видѣть эту „печать", онъ сначала отказался показать намъ ее, такъ какъ „ему не велѣно объ этомъ говорить", но въ виду нашего настоянія пошелъ домой и принесъ намъ документъ, изъ котораго было видно, что онъ дѣйствительно избранъ, какъ „ревнитель православія", въ члены „для противодѣйствія сектантамъ и для охраненія дѣтей отъ зараженія сектантствомъ".

Изъ исторіи русскаго сектантства мы знаемъ, что этотъ способъ борьбы противъ него практиковался, но многіе духовные писатели высказались противъ его употребленія, и можно было думать, что онъ уже оставленъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ онъ былъ совершенно непригоденъ. Крайне опасно вооружать, въ періодъ религіознаго возбужденія, доходящаго до насильственныхъ дѣйствій толпы, какими-то непонятными для нихъ правами полудикихъ, фанатизированныхъ дураковатыхъ насильниковъ.

Д-ръ П. Якобій.

ПОСЛѢДНЕЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

НАШИХЪ ФИНАНСОВЪ.

I.

Блестящее состояніе нашихъ финансовъ,—выражавшееся многомилліоннымъ превышеніемъ обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами, вызывавшее столько лестныхъ отзывовъ по адресу нашего финансоваго вѣдомства внутри страны и за границей,—начинаетъ нѣсколько тускнѣть. Обращаютъ вниманіе на то, что превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами уменьшается изъ года въ годъ. Въ этомъ фактѣ не было бы, конечно, ничего тревожнаго, еслибы смѣта государственныхъ доходовъ составлялась исключительно по соображенію съ предстоящими расходами. Остатки отъ заключенныхъ смѣтъ были бы тогда пріятнымъ явленіемъ, свидѣтельствующимъ о неожиданномъ развитіи экономическихъ средствъ страны. Но если смѣту доходовъ составлять въ уменьшенномъ размѣрѣ; если всѣ усилія направлять къ тому, чтобы поступленіе доходовъ было самое большое и на много превысило бы назначенные смѣтою расходы; если для обоснованія такой финансовой политики ссылаться на необходимость для Россіи—не въ примѣръ прочимъ державамъ—копить средства для встрѣчи различныхъ затрудненій,—то сокращеніе избытковъ дохода надъ расходомъ является, дѣйствительно, тревожнымъ признакомъ, свидѣтельствующимъ о приближеніи момента, такъ сказать, налоговаго переутомленія страны. Приближеніе такого момента представляется особено непріятнымъ еще и потому, что въ самой системѣ источниковъ нашихъ государственныхъ доходовъ можетъ обнаружиться брешь, которую нужно будетъ заполнять, т.-е. тратить средства, вмѣсто того, чтобы извлекать ихъ. Такую брешь представляетъ, какъ намъ кажется, государственное желѣзнодорожное хозяйство.

Въ прежнее время, когда желѣзныя дороги находились въ частныхъ рукахъ,—казна, какъ извѣстно, расходовала ежегодно крупныя суммы на оплату капиталовъ, заложенныхъ въ этой промышленной отрасли. Принятыми затѣмъ мѣрами по упорядоченію желѣзнодорожнаго хозяйства и выкупомъ важныхъ доходныхъ линій въ казну было достигнуто сокращеніе, а затѣмъ и полное уничтоженіе этихъ расходовъ, и даже очищеніе по этой статьѣ смѣты обыкновеннаго государственнаго бюджета небольшого чистаго дохода. Но въ послѣдніе годы,—благодаря, главнымъ образомъ, сооруженію новыхъ линій, соображающемуся не съ выяснившимися реальными нуждами промышленности въ паровыхъ путяхъ сообщенія (потребность этой промышленности въ удобныхъ грунтовыхъ дорогахъ, напр., остается вовсе почти безъ удовлетворенія), а съ другими цѣлями, преслѣдуемыми финансовымъ вѣдомствомъ, частью съ цѣлями стратегическими и т. п.,—желѣзнодорожное хозяйство начинаетъ опять приносить казнѣ убытки, достигшіе въ 1901 г.—35 милл. р., а въ 1902 г.—приблизительно 45 милл. р.; въ 1903 г. по этой статьѣ смѣты ожидается убытокъ уже въ 60 милл. р., а въ 1904 г. расходы казны на покрытіе недовыручки по сѣти желѣзныхъ дорогъ достигнутъ (по разсчетамъ министерства финансовъ) 85 милл. р.

Такимъ образомъ, къ необходимымъ и естественнымъ расходамъ государства, непрерывно ростущимъ ради удовлетворенія многообразныхъ назрѣвающихъ народныхъ нуждъ, присоединяется еще крупный расходъ въ той области, которая—по ея принадлежности къ сферѣ промышленной дѣятельности—должна бы приносить доходъ или по крайней мѣрѣ содержать сама себя, а не поглощать суммы, извлекаемыя изъ скуднаго кошелька русскаго плательщика податей, и которая и разрослась-то такъ въ послѣдніе годы по соображенію о финансовыхъ выгодахъ, отъ нея ожидавшихся.

Чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить то вниманіе, какое вызываетъ къ себѣ фактъ ростущихъ дефицитовъ по желѣзнодорожному хозяйству, и понять, почему, несмотря на 120-ти-милліонный остатокъ отъ исполненія росписи въ послѣднемъ отчетномъ (1902) году, признано было необходимымъ рекомендовать вѣдомствамъ возможную осторожность въ расширеніи ихъ смѣтъ,—надлежитъ ознакомиться съ тѣмъ, какими средствами достигались быстрый ростъ нашихъ государственныхъ доходовъ и образованіе крупныхъ остатковъ при исполненіи росписей обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ. Напоминаніе объ этомъ въ данный моментъ умѣстно особенно потому, что завѣдываніе финансами перешло въ новыя руки и справка о ходѣ финансовыхъ дѣлъ въ послѣдніе годы можетъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы

отчетомъ о финансовой политикѣ министра, только-что оставившаго этотъ отвѣтственный постъ [1]).

II.

При обсужденіи нашихъ финансовъ, всѣ останавливаются прежде всего на фактѣ быстраго роста у насъ, въ послѣдніе годы, государственныхъ доходовъ. Въ пятилѣтіе, предшествовавшее поступленію финансовъ въ завѣдываніе И. А. Вышнеградскаго, приращеніе государственныхъ доходовъ не достигало, въ среднемъ, 25 милл. р. въ годъ, а при Вышнеградскомъ составляло 35 милл. р.,—въ послѣднее же десятилѣтіе доходы государства увеличивались уже на 90—95 милл. р. въ годъ.

Приведенныя цифры не даютъ, однако, правильнаго понятія о ростѣ государственныхъ рессурсовъ, имѣющихъ назначеніемъ удовлетвореніе различныхъ нуждъ страны, такъ какъ въ сумму доходовъ включены два источника (желѣзныя дороги и казенная продажа питей) съ крупными валовыми поступленіями и незначительными чистыми остатками, получившіе широкое развитіе въ послѣдніе годы. Ими-то, главнымъ образомъ, и обусловливается столь значительное возростаніе государственныхъ доходовъ въ послѣднее десятилѣтіе.

Замѣняя валовыя поступленія по этимъ двумъ статьямъ чистымъ остаткомъ (положительнымъ или отрицательнымъ) отъ выполненія соотвѣтствующихъ смѣтъ и пополняя счетъ доходовъ 1881 г. цифрою выкупныхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ (помѣщаемыхъ въ общую роспись начиная съ 1885 г.),—мы получимъ числа, ближе выражающія тѣ суммы доходовъ, какія поступаютъ въ распоряженіе государства для удовлетворенія его текущихъ нуждъ.

Произведя указанныя операціи, мы увидимъ, что съ 1881 по 1886 г. обыкновенные государственные доходы поднялись съ 620 до 680 милл. р., что соотвѣтствуетъ ежегодному возростанію на 12 милл. р., или на 2% первоначальной суммы доходовъ. Въ послѣдній годъ управленія финансами Вышнеградскаго поступленіе по смѣтѣ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ достигло 820 милл. р. Разница между этой цифрой и доходомъ момента, предшествующаго поступленію финансовъ въ завѣдываніе названнаго министра (680 милл. р.),

---

[1]) Главными источниками для настоящаго очерка служили слѣдующія изданія: А. Иващенковъ. Краткій обзоръ исполненія государственныхъ росписей въ связи съ прочими оборотами государственнаго казначейства за 1881—1899 г.—Михаилъ Кашкаровъ. Финансовые итоги послѣдняго десятилѣтія. Сборникъ свѣдѣній по исторіи и статистикѣ внѣшней торговли Россіи.

составляетъ 140 милл. р., и среднее ежегодное возростаніе опредѣляется такимъ образомъ въ 23—24 милл. р. Эта сумма превышаетъ вдвое тэмпъ приращенія государственныхъ доходовъ при Бунге и составляетъ уже 3,4% первоначальной суммы доходовъ. Въ 1901 г. сумма обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ достигла 1.230 милл. р.; она превышаетъ поступленіе доходовъ въ послѣдній (1892-ой) годъ завѣдыванія финансами Вышнеградскаго на 410 милл. р. и соотвѣтствуетъ ежегодному приращенію въ 46 милл. р., или въ пять слишкомъ процентовъ первоначальной суммы дохода (820 милл. р.).

Итакъ, что касается абсолютной цифры приращенія обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, то при министрѣ Вышнеградскомъ доходы росли вдвое быстрѣе, нежели при Бунге, а при статсъ-секретарѣ Витте—вдвое быстрѣе, нежели при Вышнеградскомъ. Относительно же, ежегодное приращеніе доходовъ въ пѣрвый изъ разсматриваемыхъ періодовъ составляло 2% первоначальной ихъ суммы, во второй—3,5% и въ третій—5%.

Вмѣстѣ съ этимъ наблюдается и характерное—по крайней мѣрѣ для одного періода—измѣненіе суммы государственныхъ расходовъ. Устраняя изъ разсчета—какъ это было сдѣлано по доходамъ—расходы на желѣзныя дороги и по винной монополіи и суммы, перенесенныя изъ чрезвычайнаго бюджета въ обыкновенный, мы увидимъ, что съ 1881 по 1886 г. обыкновенные расходы возросли съ 655 до 740 милл. р., т.-е. увеличивались, въ среднемъ, на 17 милл. р., или на $2^1/_2$% въ годъ. Въ теченіе 1887—1892 г. государственные расходы возростали только на 4 милл. р. въ годъ, а въ теченіе послѣдняго девятилѣтія они поднялись съ 765 до 990 милл. р., т.-е. увеличивались съ быстротою 25 милл. р., или на 3,3% въ годъ.

Въ этихъ рядахъ цифръ обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что при министрѣ финансовъ Бунге, и относительно, и абсолютно, государственные расходы росли быстрѣе доходовъ; при двухъ слѣдующихъ министрахъ наблюдалось обратное явленіе, причемъ, во время завѣдыванія финансами Вышнеградскаго, ростъ обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ почти прекратился, — не потому, конечно, чтобы въ это время не чувствовалось потребности въ лучшемъ удовлетвореніи различныхъ государственныхъ нуждъ, а потому что—задавшись цѣлью не только уничтожить дефициты въ бюджетѣ, но и накопить возможно бо́льшіе запасы золота для осуществленія предполагавшейся реформы возстановленія металлическаго обращенія — Вышнеградскій стремился къ возможно бо́льшимъ излишкамъ доходовъ и употреблялъ все свое вліяніе для удержанія расходовъ различныхъ вѣдомствъ въ границахъ ихъ прежнихъ смѣтъ. Разнообразные государственные интересы были такимъ образомъ подчинены одной

идеѣ, излюбленной вліятельнымъ министромъ. Какъ мы имѣли случай высказать въ другомъ мѣстѣ, идея эта была выставлена въ качествѣ руководящаго начала финансовой политики не потому, чтобы она была тогда признана всѣми выражающею важнѣйшій государственный интересъ, удовлетвореніе котораго должно предшествовать всѣмъ другимъ улучшеніямъ государственнаго быта, связаннымъ съ расходомъ средствъ. Она такъ энергично преслѣдовалась И. А. Вышнеградскимъ, между прочимъ, потому, что непосредственныя средства ея осуществленія, относясь къ разряду средствъ финансовой техники,— всего болѣе соотвѣтствовали финансовымъ познаніямъ, способностямъ и практическимъ навыкамъ этого министра.

Приведенныя выше цифры, свидѣтельствующія о быстромъ, сравнительно съ предшествующимъ періодомъ, ростѣ при министрѣ Вышнеградскомъ государственныхъ доходовъ и неподвижномъ состояніи смѣты государственныхъ расходовъ, объясняютъ, почему именно при этомъ министрѣ исчезли дефициты изъ нашего бюджета и появились, напротивъ того, крупные остатки отъ выполненія смѣтъ. Предшествующія же семь лѣтъ были періодомъ крупныхъ дефицитовъ, объясняемыхъ прежде всего тою тяжестью, какая осталась на государственномъ бюджетѣ вслѣдствіе увеличенія задолженности по случаю восточной войны. Эта тягота не заставила, однако, финансовое вѣдомство того времени позабыть о другихъ разнообразныхъ нуждахъ страны, и черезъ 2—3 года по окончаніи войны предпринимаются крупныя реформы по отмѣнѣ наиболѣе тягостныхъ налоговъ (соляного и подушнаго). Вслѣдствіе этихъ реформъ, государственное казначейство въ теченіе 1880—1886 гг. потеряло 40—50 милл. р. дохода, и это обстоятельство не могло, въ свою очередь, не оказать вліянія на заключеніе смѣтъ съ болѣе или менѣе крупными дефицитами. На послѣдующемъ состояніи нашихъ финансовъ эта реформа, напротивъ того, отразилась благотворно; сбереженіе на прямыхъ податяхъ крестьянинъ употребилъ, конечно, на пріобрѣтеніе предметовъ потребленія и значительную ихъ долю возвратилъ въ казну въ видѣ акцизовъ и таможенныхъ пошлинъ.

III.

Обращаясь теперь къ вопросу о томъ, какими средствами было достигнуто крупное возростаніе нашихъ государственныхъ доходовъ, мы замѣтимъ прежде всего, что, говоря вообще, возвышеніе доходовъ можетъ быть результатомъ совокупнаго или отдѣльнаго дѣйствія многихъ причинъ. Улучшеніе экономическаго состоянія страны, удачное преобразованіе налоговъ, возвышеніе послѣднихъ, развитіе государ-

ственныхъ доходовъ, не имѣющихъ налоговаго характера,—всѣ эти моменты отражаются положительнымъ образомъ на состояніи государственныхъ финансовъ. Видимое исправленіе русскихъ финансовъ произошло, конечно, подъ вліяніемъ всѣхъ перечисленныхъ обстоятельствъ, но болѣе или менѣе точно учесть ихъ представляется возможнымъ только для нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Преобразованіе податной системы начато было при Н. Хр. Бунге отмѣной налоговъ, имѣвшихъ подушный характеръ. Естественнымъ ея продолженіемъ должно бы быть введеніе подоходнаго прогрессивнаго налога съ высокимъ обложеніемъ промышленныхъ доходовъ, держащихся у насъ на неизвѣстной культурнымъ странамъ высотѣ, поддерживаемой, на счетъ потребителя, казенными заказами, таможенной охраной соотвѣтствующихъ отраслей промышленности и т. п. Высокаго обложенія нашей крупной промышленности естественно было ожидать особенно въ истекшемъ десятилѣтіи, когда вся финансовая политика была какъ бы направлена на то, чтобы обезпечить возможно благопріятныя условія развитію капитализма въ Россіи. На это были употреблены и тѣ избытки государственныхъ доходовъ, которые составлялись тяжелыми для массы населенія взносами налоговъ, пошлинъ, акцизовъ и т. д. Естественно было ожидать, что раздѣлить съ народомъ бремя приведенія страны въ культурное въ экономическомъ отношеніи состояніе по западно-европейскому образцу призваны будутъ и тѣ классы, которые прежде и больше всего выигрывали отъ такого состоянія. Вмѣсто того, мы получили въ 1898 г. нерѣшительную реформу промысловаго обложенія, увеличившую поступленіе государственныхъ налоговъ на какихъ-нибудь 10—15 милл. рублей. Дѣло преобразованія прямыхъ налоговъ, начатое двадцать лѣтъ назадъ, мы должны, поэтому, считать совершенно незаконченнымъ.

Снятая съ населенія, подушная подать составляла 54 милл. руб.; къ ней нужно прибавить 12 милл. руб. пониженія выкупныхъ платежей и уменьшить на 20 милл. руб., возложенныхъ на тѣ же трудящіеся классы преобразованіемъ оброчной подати государственныхъ крестьянъ въ выкупные платежи. Облегченіе податныхъ сословій путемъ означенныхъ преобразованій произведено было, такимъ образомъ, на сумму 46 милл. р., къ коимъ слѣдуетъ еще присоединить 4 милл. р. отмѣненнаго въ 1898 г. паспортнаго сбора. Сумма эта съ избыткомъ была покрыта обложеніемъ болѣе состоятельныхъ классовъ, путемъ введенія въ 1885 г. сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ (давшаго въ 1901 и 1902 г. 17 милл. р.), въ 1894 г.—квартирнаго налога (принесшаго въ 1902 г. 4,4 милл. р.) и возвышеніемъ, въ 1899 г., обложенія промысловъ и торговли (преобразованіе промысловаго налога), увеличившаго поступленіе по этой статьѣ въ 1901 г. (сравни-

тельно съ 1898 г.) на 21 милл. р., а въ 1902 г.—на 18 милл. рублей. Два первыхъ, новыхъ налога и преобразованный третій даютъ въ настоящее время государственному казначейству 90 милл. рублей. Приращеніе поступленія этихъ налоговъ съ начала 80-хъ годовъ не составитъ и 70 милл. р., и, за покрытіемъ сложенныхъ подушныхъ податей, государству остается отъ нихъ менѣе 20 милл. рублей. Возвышеніе прочихъ прямыхъ налоговъ (поземельнаго, съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ) не превосходитъ 7—10 милл. р.; и мы можемъ поэтому заключить, что поступленіе прямыхъ налоговъ принимало самое незначительное участіе въ дѣлѣ исправленія нашего бюджета.

Гораздо лучшіе результаты дала хозяйственная дѣятельность государства. Съ 1886 г. (наканунѣ перехода финансовъ въ завѣдываніе Вышнеградскаго) по 1901 г., поступленіе доходовъ отъ государственныхъ имуществъ и капиталовъ (не считая желѣзныхъ дорогъ) возросло на 75 милл. рублей. 80% этого возрастанія падаетъ на оброчныя статьи и лѣсное хозяйство, т.-е. на тѣ источники, доходы съ которыхъ, въ видѣ арендной платы за землю и суммъ, вырученныхъ за продажу лѣсныхъ матеріаловъ,—возвышаются сами изъ года въ годъ, благодаря естественному размноженію населенія и экономическому развитію страны. Доходы отъ правительственныхъ регалій (кромѣ винной монополіи)—почти исключительно почтовой и телеграфной—увеличили поступленіе на 30 милл. р., а это приращеніе, быть можетъ, всего болѣе зависѣло отъ культурнаго развитія страны, выражающагося облегченіемъ и оживленіемъ почтово-телеграфныхъ сношеній. Чистый доходъ отъ винной монополіи,—которымъ она могла поддерживать благопріятный балансъ нашего бюджета,—не поднимался, въ лучшіе годы, выше 20—25 милл. рублей. Развитіе казеннаго желѣзнодорожнаго хозяйства при министрѣ С. Ю. Витте до послѣднихъ лѣтъ оказывало подобное же вліяніе, уничтоживъ расходы казны по оплатѣ желѣзнодорожныхъ капиталовъ, въ суммѣ 40—50 милл. рублей. Рессурсы казны отъ разсматриваемыхъ категорій государственныхъ доходовъ въ лучшіе годы послѣдняго десятилѣтія оказывались возросшими, сравнительно съ серединою 80-хъ годовъ, на 150—170 милл. р., а съ началомъ 90-хъ годовъ—на 100—120 милл. рублей. Въ самые послѣдніе годы, однако, значеніе поступленій хозяйственнаго характера въ общей суммѣ нашихъ доходовъ умаляется, потому что желѣзнодорожное хозяйство даетъ дефицитъ, который нужно покрывать изъ другихъ источниковъ.

Хотя только-что разсмотрѣнные источники государственныхъ доходовъ по виду не имѣютъ налоговаго характера, тѣмъ не менѣе исчисленное выше возрастаніе поступленія этихъ доходовъ въ значительной его долѣ равносильно для населенія увеличенію прямыхъ и

косвенныхъ налоговъ. Въ самомъ дѣлѣ, введеніе казенной продажи вина сопровождалось возвышеніемъ продажной стоимости послѣдняго; лѣсной доходъ увеличился не только вслѣдствіе расширенія соотвѣтствующихъ операцій, но и отъ возвышенія цѣны на лѣсъ, пріобрѣтаемый народомъ. Увеличеніе доходовъ государства по этимъ статьямъ равносильно, слѣдовательно, возвышенію косвенныхъ налоговъ. А возростаніе доходовъ отъ эксплоатаціи казенныхъ оброчныхъ статей, въ извѣстной части послѣднихъ, снимаемыхъ крестьянами въ дополненіе къ ихъ надѣльнымъ землямъ,—аналогично возвышенію прямыхъ налоговъ.

Еще болѣе и правильнѣе, нежели хозяйственные доходы государства, возростали поступленія косвенныхъ и таможенныхъ налоговъ: въ теченіе интересующихъ насъ 15 лѣтъ приростъ доходовъ отъ косвенныхъ налоговъ составлялъ около 200 милл. р., а таможенныхъ пошлинъ—болѣе 100 милл. рублей.

Послѣ этихъ общихъ свѣдѣній о движеніи крупныхъ категорій нашихъ государственныхъ доходовъ перейдемъ къ болѣе детальному разсмотрѣнію нашего бюджета.

Доходы казны по хозяйственнымъ предпріятіямъ (не считая желѣзныхъ дорогъ) въ 1901 г. возросли, сравнительно съ 1886 г., на 75 милл. р., а сравнительно съ 1892 г.—на 47 милл. рублей. Регаліи дали въ 1901 г. приращеніе дохода въ 32 милл. р., сравнительно съ 1886 г., и 23 милл. р. сравнительно съ 1892 г. Желѣзнодорожное хозяйство принесло въ этомъ году дефицитъ въ 30 слишкомъ милл. рублей. Приблизительно такой же дефицитъ оказался по этой статьѣ въ 1886 и 1892 гг. Винная монополія дала около 20 милл. р. чистаго дохода. Перечисленныя категоріи доходовъ въ совокупности подняли въ 1901 г. государственные доходы почти на 130 милл. р. сравнительно съ 1886 г., и на 90 милл. р. сравнительно съ 1892 г. Среднее ежегодное возростаніе этихъ доходовъ при Вышнеградскомъ превышало 6 милл. р., а при статсъ-секретарѣ Витте составляло 10 милл. рублей.

Общая сумма доходовъ налоговаго характера въ шестилѣтіе завѣдыванія финансами И. А. Вышнеградскаго поднялась на 110 милл. р., что̀ соотвѣтствуетъ ежегодному возростанію на 19 милл. рублей. Въ теченіе девяти лѣтъ управленія финансами его преемника поступленіе налоговъ увеличилось на 290 милл. р., возростая ежегодно въ среднемъ на 32 милл. рублей. Прямые налоги при Вышнеградскомъ,—когда еще заканчивалось начатое при его предшественникѣ преобразованіе и отмѣна подушныхъ податей,—не дали приращенія дохода; поступленіе косвенныхъ налоговъ возростало, въ среднемъ, на 12 милл. руб. въ годъ, таможенные сборы—на 5 милл. р., пошлины—почти на

3 милл. рублей. При его преемникѣ поступленіе прямыхъ налоговъ увеличивалось на 5—6 милл. р. въ годъ, косвенные налоги давали возростаніе дохода почти на 14 милл. р., таможенные сборы—на 10 милл. р., пошлины—около 3 милл. р. въ годъ.

Итакъ, не считая различныхъ случайныхъ поступленій, не представляющихъ ничего характернаго, а ограничиваясь налогами и хозяйственными доходами государства, можно сказать, что при министрѣ финансовъ Вышнеградскомъ поступленіе государственныхъ доходовъ увеличилось, приблизительно, на 150 милл. р., что̀ соотвѣтствуетъ ежегодному возростанію на 25 милл. р., причемъ доходы хозяйственные (вмѣстѣ съ регаліями) увеличивались, въ среднемъ, на 6 милл. р. въ годъ, а поступленія отъ налоговъ—на 19 милл. р., или втрое быстрѣе. При статсъ-секретарѣ Витте доходы разсматриваемыхъ категорій поднялись на 400 милл. р., т.-е. увеличивались на 44 милл. р. въ годъ; въ томъ числѣ поступленія хозяйственнаго характера росли съ быстротой 10 милл. р. въ годъ, а поступленія налоговъ—въ три слишкомъ раза быстрѣе. Росту доходовъ *налоговаго* характера при обоихъ министрахъ и обязано, слѣдовательно, главнымъ образомъ, „блестящее“ состояніе нашего государственнаго бюджета.

Приведенныя выше данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что въ послѣднее десятилѣтіе государственные доходы наши вообще и налоговые въ частности увеличивались быстрѣе, нежели въ предшествующія имъ пять лѣтъ. Причину этого слѣдуетъ искать не въ различіяхъ финансовыхъ мѣропріятій двухъ министровъ, а главнымъ образомъ—въ неурожаяхъ начала 90-хъ годовъ: указанное выше приращеніе между 1886 и 1892 гг. доходовъ на 150 милл. р. падаетъ почти исключительно на время до-голодныхъ лѣтъ. Чтобы судить о томъ, какимъ образомъ этотъ ростъ доходовъ долженъ былъ отразиться на бюджетѣ, замѣтимъ, что въ теченіе пяти лѣтъ (1881—1886 гг.), предшествующихъ разсматриваемому періоду, доходы по тѣмъ же статьямъ (считая и выкупные платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ) увеличились на 55 милл. рублей, что̀ соотвѣтствуетъ ежегодному возростанію на 11 милл. руб. Поступленіе налоговъ увеличивалось въ это время на 7 милл. р. въ годъ,—въ три раза почти медленнѣе, нежели при Вышнеградскомъ, и почти въ пять разъ медленнѣе сравнительно съ послѣднимъ десятилѣтіемъ.

Придя къ заключенію, что исправленіе нашего государственнаго бюджета—въ смыслѣ появленія въ немъ, взамѣнъ дефицитовъ, крупныхъ остатковъ обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами—обязано, главнымъ образомъ, росту поступленій налоговъ,—мы остановимся теперь на вопросѣ о томъ, отъ чего зависѣлъ этотъ ростъ и какую роль играло при этомъ возвышеніе налоговъ.

IV.

Крупные остатки отъ выполненія смѣтъ—послѣ длиннаго ряда дефицитовъ—появились у насъ въ первый разъ вслѣдъ за переходомъ финансовъ въ завѣдываніе Вышнеградскаго, въ 1888 г. И неудивительно! Въ этомъ году государственные доходы разсматриваемыхъ категорій увеличились, сравнительно съ 1886 г., почти на 110 милл. р., тогда какъ расходы вѣдомствъ, по настоянію министра финансовъ, остались неизмѣненнымм. Увеличеніе государственныхъ доходовъ было достигнуто, благодаря слѣдующему ряду мѣръ, принятыхъ въ первый же годъ управленія новаго министра.

Въ половинѣ 1887 г. повышенъ на 25—100% акцизъ съ табачныхъ издѣлій; съ 1888 г. увеличенъ на 25 коп. съ ведра акцизъ на спиртъ; подняты таможенныя пошлины на такіе предметы народнаго потребленія, какъ хлопокъ, желѣзо и издѣлія изъ него, рыба, сельскохозяйственныя орудія и др.; увеличены на 20—50% гербовыя пошлины; на 1½ милліона рублей—раскладочный сборъ съ торговли и промысловъ; увеличенъ государственный поземельный налогъ; введены налоги на нефть и спички. Почти исключительно этому нажиманію податного пресса и обязано возростаніе въ 1888 г. поступленій налоговъ на сто слишкомъ милліоновъ рублей (сравнительно съ 1886 г., когда доходы собирались по старому обложенію).

Табачный доходъ, напр., увеличился съ 20 до 28 милл. руб.; а такъ какъ количество выработанныхъ въ 1888 г. табачныхъ издѣлій (3.514 тыс. пуд.) даже не достигло размѣровъ производства 1886 г. (3.577 тыс. пуд.), то возростаніе на 8 милл. р. табачнаго дохода должно быть всецѣло объяснено возвышеніемъ (на 40%) налоговаго бремени, лежавшаго на потребителѣ. Поступленіе питейнаго дохода поднялось за разсматриваемое время на 28 милл. р.; ⅓ часть этого дохода (судя по увеличенію потребленія вина) падаетъ на расширеніе потребленія, а ⅔—на возвышеніе налога. Таможенные сборы увеличились на 40 милл. р., и принимая во вниманіе, что цѣнность ввезенныхъ въ 1888 г. товаровъ упала на 40 милл. р.,—нужно принять, что это увеличеніе дохода было слѣдствіемъ исключительно возвышенія пошлинъ. Каждый рубль цѣнности иностраннаго товара потребитель въ 1888 г. оплачивалъ пошлиной въ 36 к., тогда какъ ранѣе онъ отдавалъ 24 к. Увеличеніе гербоваго сбора принесло казнѣ 5 милл. р.; раскладочный сборъ, какъ сказано выше, былъ поднятъ на 1,5 милл. р.; два новые налога — нефтяной и спичечный — дали 9 милл. р. Мы перебрали почти всѣ источники приращенія доходовъ въ 1888 г., и можемъ сказать, не боясь ошибиться, что осуществив-

шееся, благодаря этому, исчезновеніе въ этомъ году дефицита въ бюджетѣ и образованіе излишка обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами въ 70 милл. р. почти исключительно обусловлены были не развитіемъ народнаго потребленія, а отягощеніемъ населенія новыми налогами.

Крупное возвышеніе налоговъ въ 1888 г., повидимому, извлекло изъ кармана плательщика все, что въ немъ заключалось, и въ слѣдующіе два года—несмотря на естественное размноженіе населенія—поступленіе государственныхъ доходовъ не увеличивалось, да и въ теченіе остальныхъ лѣтъ управленія того же министра доходы увеличились лишь на 40 милл. р. Разъ появившійся избытокъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ надъ расходами повторялся, однако, въ средней суммѣ 60 милл. р., изъ года въ годъ, потому что смѣта расходовъ, по настоянію министра финансовъ, продолжала составляться съ „крайней осторожностью“ въ назначеніи новыхъ тратъ.

Значеніе бюджетныхъ „избытковъ“ для народной экономіи ярко рисуется (не говоря о голодѣ 1891—1892 гг.) слѣдующими данными о движеніи въ это время потребленія нѣкоторыхъ продуктовъ.

За годъ до поступленія финансовъ въ завѣдываніе Вышнеградскаго, было приготовлено (и оплачено акцизомъ) 3.577 тыс. пуд. табачныхъ издѣлій; въ 1887 г.—почти столько же. Въ слѣдующіе же годы, несмотря на размноженіе населенія, производство табачныхъ издѣлій нѣсколько сократилось (причемъ количество высшихъ сортовъ возросло на 10%), а въ 1892 г. оно составляло лишь 3.328 тыс. пуд. Потребленіе спирта начало падать еще ранѣе. Составляя въ Европейской Россіи 28 милл. ведеръ въ 1881—83 гг., оно упало къ 1887 г. до 25,3 милл. ведеръ, оставалось на этой цифрѣ три года, а въ теченіе 1890 — 92 гг. сократилось до 22,3 милл. ведеръ. Потреблено было чая (насколько о немъ можно судить по привозу этого продукта) въ 1886 г. 2.075 тыс. пуд.; въ слѣдующія пять лѣтъ привозъ этого предмета всеобщаго потребленія сократился и лишь въ 1892 г. поднялся до 2.142 тыс. пуд. Кофе было въ 1886 г. привезено въ количествѣ 458 тыс. пуд., а въ 1892 г.—396 тыс. пуд. Такимъ образомъ, потребленіе четырехъ главныхъ предметовъ въ годы образованія крупныхъ избытковъ государственныхъ доходовъ сократилось у насъ абсолютно, и лишь привозъ чая поднялся въ 1892 г. выше цифры момента, предшествующаго поступленію финансовъ въ завѣдываніе Вышнеградскаго. Но и при этомъ потребленіе даннаго продукта сократилось по разсчету на душу: привозъ чая возросъ на 3%, а населеніе увеличилось на 9—10%.

Грозныя явленія 1891 года заставили, наконецъ, и Вышнеградскаго признать фактъ переобремененія населенія налогами, и въ послѣднемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи государственныхъ до-

ходовъ и расходовъ онъ объяснялъ, что поднять обложеніе было бы въ то время несвоевременнымъ и небезопаснымъ. Въ томъ же самомъ 1892-мъ году постъ министра финансовъ занялъ С. Ю. Витте, и началъ свою дѣятельность съ того, что проектировалъ цѣлый рядъ новыхъ и возвысилъ многіе старые налоги. Министръ предложилъ возстановить налогъ на соль, обложить лицъ, не зачисленныхъ по призыву на дѣйствительную службу въ войска, ввести квартирный налогъ. Два первыя его предложенія были совершенно отвергнуты, третье осуществлено нѣсколько позже; но зато было допущено значительное повышеніе существующихъ налоговъ.

Съ 1893 г. были увеличены сборы съ промысловъ и недвижимыхъ имуществъ, акцизъ со спирта (на 75 к. съ ведра), акцизъ съ пивоваренія, съ освѣтительныхъ нефтяныхъ маслъ (на 20 к. съ пуда) и съ фосфорныхъ спичекъ; введенъ дополнительный акцизъ въ 2 р. съ пуда табаку (кромѣ махорки) и возвышенъ на 50% патентный сборъ съ заведеній, производящихъ табачную торговлю. Наконецъ, съ 1 сентября 1892 г. началъ взиматься дополнительный акцизъ съ рафинада (40 к. съ пуда).

Мѣры эти, однако, не сразу оправдали связанныя съ ними ожиданія. Несмотря на прекрасный урожай 1893 г., населеніе, послѣ перенесенныхъ невзгодъ, не могло сразу отвѣтить на предъявленныя къ нему требованія новыхъ платежей, и увеличенное обложеніе разныхъ продуктовъ потребленія почти не отразилось на поступленіи косвенныхъ налоговъ, которые въ общей суммѣ дали въ этомъ году почти то же, что и въ предшествующихъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря возросшему (на 35 милл. р.) поступленію таможенныхъ сборовъ, успѣшному взысканію выкупныхъ платежей и увеличенію (на 10 милл. р.) поступленія прямыхъ налоговъ, государственные доходы въ 1893 г. значительно превзошли поступленія предшествующаго года, а такъ какъ смѣта расходовъ была составлена съ прежней осторожностью, то избытокъ доходовъ надъ расходами превзошелъ въ этомъ году излишки, получавшіеся при Вышнеградскомъ.

Возвышеніе косвенныхъ налоговъ, произведенное въ 1893 г., принесло ожидаемые отъ него плоды въ слѣдующіе годы, когда—благодаря прекраснымъ урожаямъ нѣсколькихъ лѣтъ и хотя бы вздутому оживленію крупной промышленности вообще, желѣзнодорожнаго строительства въ частности—у русскаго рабочаго человѣка появились нѣкоторые избытки. Избытки эти, впрочемъ, отразились главнымъ образомъ въ расходахъ на такіе продукты, которые еще только входятъ въ потребленіе массы населенія: чай, сахаръ, керосинъ. Душевое потребленіе чая выросло за девять лѣтъ на $^1/_3$ части фунта, сахара—на 4 фунта, керосина—на 3 фунта. Что же касается предметовъ, давно

вошедшихъ во всеобщее потребленіе, каковы спиртъ и табакъ,—прироста народныхъ средствъ оказалось достаточно лишь для того, чтобы удержать потребленіе на невысокомъ уровнѣ 1892 г.: душевое потребленіе спирта составляло въ этомъ году 20,2 градусовъ (1/5 ведра), а въ 1901 г.—19,7 градусовъ; потребленіе табаку съ 1892 по 1900 г. увеличилось съ 1,22 до 1,29 фунтовъ на душу.

V.

Оживленіе промышленности и народнаго потребленія въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ оказалось, однако, недостаточнымъ для того, чтобы держать цифру приращенія государственныхъ доходовъ и цифру избытковъ доходовъ надъ расходами на желательномъ уровнѣ. Министерство финансовъ, какъ извѣстно, стремилось болѣе и болѣе расширить свое вліяніе на ходъ экономическихъ дѣлъ, а для этого ему нужно было обладать свободными денежными средствами; и чтобы добыть таковыя, оно продолжало возвышать налоги и принимало мѣры къ расширенію области хозяйственной дѣятельности государства. Мы говорили уже о многочисленныхъ повышеніяхъ налоговъ въ 1893 г. Въ слѣдующемъ году увеличенъ опять на 35 к. съ пуда акцизъ на сахаръ и введенъ новый, квартирный налогъ; въ 1895 г. приступлено къ осуществленію винной монополіи; въ 1898 г. послѣдовало преобразованіе и возвышеніе промысловыхъ и торговыхъ сборовъ; въ 1900 г., для покрытія расходовъ, вызванныхъ китайской войной, увеличенъ на 1 р. съ ведра акцизъ на спиртъ и на 1 р.—съ водочныхъ издѣлій, на 10 к. съ ведра заторнаго чана на каждый заторъ акцизъ съ пива; удвоена цѣна бандеролей для посуды съ водочными издѣліями; увеличенъ на 2 р. съ пуда дополнительный акцизъ съ табачныхъ издѣлій и на 40 к. съ пуда акцизъ на махорку; подняты (на 10 — 50%) таможенныя пошлины по 100 статьямъ и пунктамъ тарифа, въ томъ числѣ на такіе предметы общаго потребленія, какъ хлопчатая бумага и кофе. Китайская война окончена, но „временные“ налоги не отмѣняются.

Благодаря указаннымъ мѣрамъ, за девять лѣтъ управленія финансами С. Ю. Витте, поступленіе налоговъ и доходовъ отъ регалій и хозяйственныхъ предпріятій (считая чистый доходъ отъ винной монополіи въ 20 милл. р., а отрицательный результатъ желѣзнодорожнаго хозяйства въ 40 милл. р. въ 1892 г. и въ 33 милл. р. въ 1901 г.) поднялось почти на 400 милл. р. Наибольшій приростъ, а именно на 90 милл. р., дали таможенные сборы, затѣмъ хозяйственныя предпріятія (вмѣстѣ съ чистымъ доходомъ отъ винной монополіи и же-

лѣзныхъ дорогъ)—на 73 милл. р. За ними слѣдуютъ прямые налоги, давшіе на 53 милл. р. больше, и два косвенныхъ налога—питейный и сахарный,—принесшіе на 44 милл. р. каждый больше. Доходъ отъ пошлинъ увеличился на 28 милл. р., отъ регалій—на 23 милл. рублей. Послѣднія мѣста въ отношеніи прироста поступленій занимаютъ табачный и нефтяной налоги (увеличившіе доходы на 16 милл. каждый) и, наконецъ, спичечный (приростъ на 3 милл. р.).

Чтобы составить болѣе ясное понятіе о значеніи отдѣльныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ въ дѣлѣ возростанія послѣднихъ, слѣдуетъ сопоставить указанное выше приращеніе въ теченіе 1893—1901 гг. доходовъ съ суммою послѣднихъ въ 1892 г. Сопоставленіе это показываетъ, что наибольшее приращеніе дали сахарный (на 150%) и нефтяной (на 120%) налоги, установленные недавно и взыскиваемые съ предметовъ, еще только входящихъ въ общее потребленіе, причемъ сахаръ употребляется не только какъ приправа къ напиткамъ, но и какъ прибавокъ къ хлѣбу, потребляемому въ сухомятку. За разсматриваемое время потребленіе сахара выросло на 75%, или вдвое меньше, чѣмъ увеличился доходъ съ этого продукта, а потребленіе керосина—на 45%, т.-е. втрое почти меньше сравнительно съ возростаніемъ соотвѣтствующаго налога.

За разсмотрѣнными поступленіями налоговаго характера по быстротѣ возростаній слѣдуютъ таможенные сборы (на 70%), спичечный доходъ (на 60%) и табачный (на 54%). Цѣнность потребляемыхъ привозныхъ издѣлій увеличилась при этомъ на 47% или на $^1/_3$ менѣе, нежели возросъ таможенный доходъ; потребленіе зажигательныхъ спичекъ возросло на 37%, или почти вдвое меньше, нежели спичечный доходъ, и потребленіе табаку (съ 1892 по 1900 г.) поднялось на 28% при увеличеніи въ то же время табачнаго дохода на 38%. Послѣднее мѣсто по степени возростанія поступленія косвенныхъ налоговъ занимаетъ питейный доходъ, увеличившійся съ 1892 г. по 1901 г. на 16%; въ той же пропорціи возросло и потребленіе страною спирта. Прямые налоги показываютъ возростаніе на 38%.

По разсчету на душу населенія прямые налоги составляли въ 1902 г.—77 к., въ 1901 г.—98 к., косвенные въ 1892 г.—396 к., въ 1901 г.—515 к.; пошлины въ 1892 г.—57 к., въ 1902 г.—71 к.; таможенные сборы въ 1892 г.—32 к.; пошлины—167 к.

Благодаря перечисленнымъ мѣрамъ чуть не ежегоднаго нажиманія податного пресса (введеніе казенной продажи питей сопровождалось возвышеніемъ цѣны вина, иначе говоря—увеличенія сбора съ потребителей), министерство финансовъ достигло того, что роспись обык-

новенныхъ доходовъ и расходовъ выполнялась съ крупными остатками. При Вышнеградскомъ превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами составляло, въ среднемъ, 60 милл. р. въ годъ; при С. Ю. Витте оно поднялось до 160 милл. рублей. Этого, однако, оказалось недостаточно. Несмотря на „осторожное", въ общемъ, составленіе смѣты расходовъ разными вѣдомствами (кромѣ развѣ самого министерства финансовъ и министерства внутреннихъ дѣлъ)—половина достигнутаго превышенія доходовъ надъ расходами поглотится, какъ мы видѣли, въ ближайшемъ будущемъ, и притомъ расходами по такой отрасли государственнаго хозяйства (желѣзныя дороги), которая получила необыкновенное развитіе въ послѣднія десять лѣтъ, именно, въ видахъ устраненія дефицитовъ изъ бюджета. Продолженіе прежней политики сооруженія во что бы то ни стало рельсовыхъ путей можетъ повести къ еще большему дефициту въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ. Покрывать же эти дефициты дальнѣйшимъ повышеніемъ налоговъ затруднительно потому, что, по признанію самого бывшаго министра финансовъ, обложеніе населенія прямыми и косвенными налогами достигло крайняго предѣла своей напряженности. Иллюстраціей этого заявленія можетъ служить слѣдующій разсчетъ обложенія, падающаго на крестьянскую семью московской губерніи, расходующей ежегодно 400 р. Разсчетъ основанъ, съ одной стороны, на подробныхъ записяхъ расходовъ; съ другой—на основаніяхъ, приводимыхъ въ изданіяхъ департамента таможенныхъ и неокладныхъ сборовъ.

Расходуя 29 р. на водку, данная семья въ этой суммѣ уплачиваетъ 21 р. налога; на сахарѣ, пріобрѣтаемомъ на 27 р., она вноситъ въ казну 7 р.; изъ 21 р. расхода на чай пошлина поглощаетъ половину; изъ $4^1/_2$-рублевой траты на керосинъ—на акцизъ идетъ $1^1/_2$ р.; $1^2/_3$ расхода на табакъ содержитъ 30 к. акциза, а 65-копѣечный расходъ на спички—21 коп. налога. Всего данная семья уплачиваетъ косвенныхъ налоговъ болѣе 40 р., или 10% своего бюджета; прямые налоги составляютъ не менѣе 20 р., и бремя налоговъ повышается ими до 15% общаго расхода. При этомъ слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что приведенный разсчетъ не охватываетъ расходовъ, обусловленныхъ существованіемъ таможенныхъ пошлинъ на иностранные товары.

Что всѣ эти налоги образуютъ такую ношу, справиться съ которой крестьянинъ не въ состояніи—показываетъ исторія накопленія недоимокъ хотя бы по выкупнымъ платежамъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Къ началу 80-хъ годовъ недоимки эти составляли 26 милл. р., и эта сумма была признана такимъ яркимъ выраженіемъ непосильности для населенія бремени налоговъ, что было рѣшено понизить выкуп-

ные платежи на 20%. Въ то же время началась отмѣна подушной подати и сложены были недоимки по выкупнымъ платежамъ на сумму 16 милл. рублей. Эти облегчительныя мѣры, однако, оказали лишь скоропреходящее вліяніе, такъ какъ по другимъ налогамъ происходило повышеніе обложенія и общее направленіе экономической жизни ослабляло хозяйственную состоятельность крестьянина. Въ концѣ 80-хъ годовъ недоимки по выкупнымъ платежамъ составляли 13—14 милл. р.; въ неурожайный 1891 годъ онѣ сразу поднялись до 22 милл. р., въ слѣдующемъ году—до 29 милл. р.; и хотя вслѣдъ затѣмъ наступили весьма урожайные годы—недоимки увеличивались почти изъ года въ годъ и достигли—въ 1901 г.—40 милл. рублей. Не въ лучшемъ положеніи находится поступленіе выкупныхъ платежей съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, и въ послѣдніе годы серьезно, наконецъ, поднятъ вопросъ о значительномъ пониженіи, если не полной отмѣнѣ этого налога.

Такое предположеніе, которое давно проповѣдуетъ печать, но которое лишь недавно начало проникать въ правительственныя сферы, свидѣтельствуетъ о томъ, что русское крестьянство оффиціально начинаетъ признаваться доведеннымъ до положенія неспособности выносить сколько-нибудь значительные прямые налоги. Выше приведено указаніе на то, что бывшій министръ финансовъ считаетъ и косвенное обложеніе населенія достигшимъ крайняго предѣла напряженности. Признаніе это имѣетъ особенное значеніе въ устахъ министра, неоднократно развивавшаго идею о легкости для населенія въ цѣнѣ покупаемыхъ имъ предметовъ потребленія—покрывать и соотвѣтствующую долю налога. Къ мнѣнію о крайней напряженности платежныхъ силъ населенія, послѣ пятилѣтняго завѣдыванія финансами, пришелъ и министръ Вышнеградскій. Тотчасъ послѣ этого онъ оставилъ свой постъ, а его преемникъ показалъ, что платежную силу населенія можно растянуть еще болѣе. Теперь и этотъ государственный дѣятель убѣдился, какъ и его предшественникъ, что дальнѣйшее натяженіе податной цѣпи несвоевременно, какъ выразился Вишнеградскій, и не безопасно. По странному совпаденію обстоятельствъ—вслѣдъ за такимъ признаніемъ приближенія критическаго момента въ исторіи нашихъ финансовъ, министръ—какъ и его предшественникъ—оставилъ постъ, и справляться съ затруднительнымъ положеніемъ придется его преемнику. Удастся ли новому министру такъ же просто и „блестяще“ еще разъ разрѣшить задачу предотвращенія дефицитовъ, не прибѣгая къ реформамъ, имѣющимъ цѣлью развитіе народныхъ (а не капиталистическихъ) производительныхъ силъ, или дальнѣйшее нажиманіе податного пресса будетъ дѣйствительно пріостановлено—покажетъ недалекое будущее. Что же касается министра, только-что оставившаго постъ, то, нимало

не отрицая ни его талантовъ, ни энергіи, мы не можемъ не замѣтить, что они мало нашли себѣ выраженія въ области финансоваго дѣла. Блестящее состояніе финансовъ—насколько оно зависитъ отъ поступленія государственныхъ доходовъ—достигалось, какъ мы видѣли, самымъ простымъ и первобытнымъ средствомъ возвышенія косвенныхъ налоговъ. Стоявшая же на очереди реформа прямого обложенія проведена была крайне нерѣшительно, и финансовое вѣдомство,—неуклонно повышавшее свои требованія къ скуднымъ достаткамъ простой массы населенія,—совершенно не использовало того источника государственныхъ доходовъ, какой создавался накопленіемъ капиталовъ и возвышеніемъ прибылей фабрикантовъ и заводчиковъ—въ значительной мѣрѣ на счетъ той же простой массы и при косвенномъ и прямомъ содѣйствіи государства. Новую финансовую идею можно было предполагать развѣ въ выкупѣ желѣзныхъ дорогъ и введеніи казенной продажи вина. Этими мѣрами —особенно послѣ того, какъ въ печать проникли свѣдѣнія о предположеніяхъ касательно передачи въ казну эксплоатаціи нефтяныхъ источниковъ и табачной монополіи—финансовое вѣдомство, казалось, хотѣло поставить государственные доходы до нѣкоторой степени внѣ зависимости отъ колеблющагося состоянія достатка бѣднѣющаго населенія. Но желѣзныя дороги сдѣлались, вмѣстѣ съ тѣмъ, средствомъ достиженія иныхъ цѣлей, не имѣющихъ прямого финансоваго значенія, что повело къ разстройству ихъ хозяйства, а винная монополія дала такіе скудные результаты, что вѣра въ финансовые успѣхи казенныхъ промышленныхъ предпріятій, повидимому, пошатнулась. Послѣ того, въ 1900 г., министерство прибѣгло опять къ старому средству возвышенія косвенныхъ налоговъ, а черезъ два года оно должно было признать, что названный источникъ государственныхъ доходовъ исчерпанъ почти до его предѣла. Затруднительность положенія, въ какомъ оказался бы послѣ этого бывшій министръ финансовъ, разрѣшилась для него переходомъ тяжелаго поста въ другія руки.

В. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1903.

С. Ю. Витте, какъ государственный дѣятель.—Главные вопросы реформы мѣстнаго управленія: уѣздный начальникъ, губернское земство, губернаторская власть.—Еще о законѣ 2-го іюня: рабочіе, не подходящіе подъ его дѣйствіе;—временной его характеръ; — профессіональныя болѣзни; — размѣръ вознагражденія; — процессуальныя правила.—Похвала, слишкомъ похожая на панегирикъ.

Впечатлѣніе, вызванное неожиданной перемѣной въ управленіи министерствомъ финансовъ, потеряло теперь свою первоначальную силу. Конечно, не настало еще и не скоро настанетъ время для всесторонней оцѣнки дѣятельности С. Ю. Витте; но можно подвести главные ея итоги, можно намѣтить нѣкоторыя характерныя черты самого дѣятеля. Первое уже сдѣлано у насъ въ особой статьѣ [1]); второму мы хотимъ посвятить нѣсколько словъ, далеко не исчерпывающихъ предмета.

Откинемъ, прежде всего, преувеличенные критеріи, съ которыми иногда подходятъ къ бывшему министру финансовъ. Совершенно праздным, напримѣръ, является вопросъ: „открылъ ли онъ Россію, узналъ ли онъ ея государственныя задачи, вѣрно ли онъ ихъ опредѣлилъ и удалось ли ему ихъ правильно рѣшить“? Открывать Россію незачѣмъ: она открыта по меньшей мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ стало возможно сколько-нибудь свободное ея изученіе. Ея государственныя задачи—не загадка, которую можно разгадать сразу; вѣрное ихъ опредѣленіе и правильное рѣшеніе—дѣло времени и коллективной работы. Только геніальному уму дано освѣтить яркимъ свѣтомъ настоящее и ближайшее будущее страны; отъ искуснаго администратора нельзя ни требовать, ни ожидать ничего подобнаго. Ошибаются, съ другой стороны, и тѣ, которые приписываютъ С. Ю. Витте роль перваго министра. Быть можетъ, онъ доводилъ до крайнихъ предѣловъ вліяніе,

[1]) См. выше: „Послѣднее десятилѣтіе нашихъ финансовъ“, стр. 759.

свойственное министру финансовъ; несомнѣнно, ему случалось выступать за предѣлы своего вѣдомства—но отсюда еще далеко до соединенія въ однѣхъ рукахъ всѣхъ нитей хотя бы одной только внутренней политики. Если бывшій министръ финансовъ способствовалъ окраскѣ русской государственной жизни въ опредѣленный цвѣтъ, то это объясняется, помимо безспорно выдающихся его дарованій, общимъ ходомъ событій, возникшимъ гораздо раньше его появленія на высшихъ ступеняхъ государственной іерархіи.

Прошло уже болѣе двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ началось у насъ, по извѣстному выраженію Каткова, *возвращеніе правительства*—т.-е., говоря проще и точнѣе, постепенное возстановленіе бюрократическаго начала, поколебленнаго великими реформами шестидесятыхъ годовъ. Въ послѣднее десятилѣтіе всего больше содѣйствовалъ поступательному ходу этого процесса—какъ въ области общихъ соображеній, такъ и въ сферѣ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій,—именно министръ финансовъ. Теоретически онъ выступалъ противъ земства, какъ нарушающаго предустановленную гармонію русскихъ государственныхъ учрежденій; практически онъ старался доказать, что для народнаго благосостоянія и благоустройства *управленіе* можетъ сдѣлать отнюдь не меньше, чѣмъ *самоуправленіе*. Ни для кого теперь не тайна, что осуществленію, въ 1899 г., сравнительно широко задуманной земской реформы въ западномъ краѣ помѣшалъ больше всего отзывъ министра финансовъ, направленный не только противъ проекта, но и противъ самыхъ началъ, лежащихъ въ основаніи земскихъ учрежденій. Изъ того же источника шла иниціатива удара, угрожавшаго, въ томъ же году, земской школѣ [1]). Въ непосредственной связи съ тогдашними заявленіями министерства финансовъ стоитъ, съ одной стороны, фиксація земскихъ смѣтъ, съ другой—введеніе въ западномъ краѣ учрежденій, земскихъ только по имени; косвенно связаны съ ними временныя правила о народномъ продовольствіи, ветеринарный законъ 1902-го года (теперь существенно измѣненный) и многое другое. Непомѣрно увеличившееся—какъ въ центральныхъ учрежденіяхъ министерства финансовъ, такъ и на мѣстахъ,—число должностей и должностныхъ лицъ не только усилило, само по себѣ, бюрократическую армію, но послужило аргументомъ въ пользу бюрократическаго принципа. Изъ того, что желѣзныя дороги эксплоатируются казною не хуже или даже лучше, чѣмъ частными обществами, выводилось заключеніе, что не хуже или даже лучше земствъ могли бы вести мѣстное хозяйство агенты администраціи; въ

[1]) См. въ №№ 2 и 4 „Вѣстника Европы“ за 1899 г. статьи: „Земство и толки о земствѣ“ и „Земская школа и толки о земской школѣ“, вызванныя именно тѣмъ, что было тогда извѣстно по слухамъ о походѣ противъ земства и земскаго дѣла.

томъ же смыслѣ толковался и успѣхъ (дѣйствительный или кажущійся — это вопросъ особый) казенной продажи вина. На самомъ дѣлѣ—повторяемъ сказанное нами въ 1899-мъ году,—„аналогіи между сравниваемыми категоріями явленій нѣтъ никакой. Частныя желѣзнодорожныя общества, частные продавцы вина заботились, прежде всего, о своей собственной выгодѣ, регулируя ею и общее направленіе своей дѣятельности, и отдѣльные ея пріемы; казенное управленіе ставитъ или, по меньшей мѣрѣ, можетъ ставить на первый планъ интересы государства, и притомъ не одни только фискальные, но и другіе, неразрывно связанные съ народнымъ благомъ. Между государствомъ и земствомъ нѣтъ, съ этой точки зрѣнія, никакой разницы: послѣднее, какъ и первое, имѣетъ въ виду не выгоды отдѣльныхъ лицъ или корпорацій, а выгоды цѣлаго, т.-е. общую пользу. Съ другой стороны, въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ, какъ и въ казенной продажѣ вина, иниціатива принадлежитъ всецѣло высшему управленію; отъ подчиненныхъ требуется только точное и добросовѣстное исполненіе данныхъ имъ инструкцій и приказаній. Въ земскомъ хозяйствѣ иниціатива, наоборотъ, идетъ снизу; творческую роль играютъ здѣсь мѣстные союзы, нуждающіеся только въ прямо выраженномъ или безмолвномъ согласіи высшей власти. Такую роль нельзя было бы предоставить административнымъ агентамъ, какъ бы они ни были искусны и свѣдущи—а еслибы она и была имъ предоставлена, она пришлась бы имъ не по силамъ. Чтобы взять на себя починъ работы, спеціально разсчитанной на данную мѣстность, недостаточно знанія мѣстныхъ условій—знанія, которымъ, въ лучшемъ случаѣ, могутъ обладать и пришлые чиновники; нужно принимать къ сердцу интересы мѣстнаго населенія, нужно быть къ нему близкимъ и чувствовать себя съ нимъ солидарнымъ. Представимъ себѣ, что тридцать-пять лѣтъ тому назадъ, вмѣсто земской реформы, состоялось бы такое преобразованіе мѣстной администраціи, которое отдало бы завѣдываніе мѣстнымъ хозяйствомъ въ руки хорошо организованныхъ и хорошо дисциплинированныхъ бюрократическихъ учрежденій; каковы были бы, въ лучшемъ случаѣ, результаты ихъ работы? Быть можетъ, на лицо имѣлось бы нѣсколько больше благоустроенныхъ путей сообщенія, нѣсколько полнѣе были бы запасные хлѣбные магазины; но не было бы ни сѣти школъ, положившей конецъ поголовной безграмотности народныхъ массъ, ни арміи врачей, создавшей народную медицину, ни статистики, основанной на личныхъ наблюденіяхъ и проникающей въ глубину народной жизни, ни заботъ о крестьянскомъ хозяйствѣ, положившихъ конецъ его вѣковому застою, ни массы полезныхъ указаній, заключающихся въ земскихъ ходатайствахъ, ни, наконецъ,—last not least,—того подъема общественныхъ

силъ и общественнаго духа, въ которомъ слѣдуетъ видѣть главную заслугу русскаго земства". Эта сторона дѣла систематически упускалась изъ виду, ad majorem gloriam—бюрократіи.

Усилія С. Ю. Витте, направленныя къ ограниченію самоуправленія, чередовались иногда съ мѣрами другого характера—*другого*, но не противоположнаго. Таковъ, напримѣръ, законъ 1-го іюня 1895-го года, создавшій земскіе дорожные капитали, т.-е. обратившій на одну изъ отраслей земскаго хозяйства суммы, шедшія до тѣхъ поръ на содержаніе судебно-административныхъ учрежденій. Увеличивая земскія средства, этотъ законъ связывалъ земство въ способѣ ихъ употребленія, усиливалъ административный контроль надъ земской дѣятельностью... Не безъ содѣйствія министерства финансовъ состоялось предоставленіе городу Петербургу извѣстной доли государственнаго квартирнаго налога, позволившее расширить кругъ городскихъ избирателей, присоединеніемъ къ нимъ извѣстныхъ категорій квартиронанимателей—но это не болѣе какъ полумѣра, и въ финансовомъ, и въ политическомъ смыслѣ: мало поднимая городской доходъ, она недостаточно раздвигаетъ границы избирательнаго права.

Немалой заслугой С. Ю. Витте слѣдуетъ признать извѣстное указаніе его—въ всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1899-й годъ [1]),—на отсутствіе „прочнаго правопорядка", которымъ обезпечивались бы имущественныя и общественныя отношенія крестьянъ. Не отъ министра финансовъ, конечно, зависѣло устраненіе этого недостатка; желательно только, чтобы предсѣдатель особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности (это званіе сохранено за С. Ю. Витте) вспомнилъ сказанное министромъ пять лѣтъ тому назадъ и направилъ работу совѣщанія къ намѣченной тогда цѣли. Сдѣлать это тѣмъ легче, чѣмъ громче и единодушнѣе высказались въ томъ же смыслѣ многіе изъ числа губернскихъ и уѣздныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Кстати объ особомъ совѣщаніи: въ одной изъ статей, вызванныхъ уходомъ С. Ю. Витте, мы читаемъ, что онъ „не придалъ работамъ особаго совѣщанія желательнаго успѣха". Что значитъ этотъ упрекъ, тѣмъ болѣе странный, что работы особаго совѣщанія еще далеко не окончены и нельзя еще, слѣдовательно, судить объ успѣхѣ ихъ или неуспѣхѣ? Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ вину предсѣдателю совѣщанія ставится здѣсь та доля свободы, которая, по его почину, была дана уѣзднымъ и губернскимъ комитетамъ и благодаря которой постановленія комитетовъ, несмотря на множество неблагопріятныхъ условій, отразили въ себѣ хоть отчасти наболѣвшія нужды

[1]) См. „Внутр. Обозрѣніе" въ № 2 „Вѣстн. Европы" за 1899 г.

населенія. Нельзя, конечно, не пожалѣть о рѣшимости совѣщанія не обращаться къ земству; но суррогатомъ земскихъ отзывовъ послужили, до извѣстной степени, мнѣнія комитетовъ. Теперь вопросъ сводится къ тому, какъ воспользуется ими особое совѣщаніе. Потребность въ „прочномъ правопорядкѣ“ растетъ съ каждымъ днемъ, безправное положеніе громаднаго сословія становится все болѣе и болѣе ненормальнымъ. Ясная, для проницательнаго глаза, уже пять лѣтъ тому назадъ, необходимость коренной реформы въ настоящее время стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній.

Вредно отзывающимся на положеніи народной массы С. Ю. Витте, въ томъ же всеподданнѣйшемъ докладѣ, признавалъ, кромѣ отсутствія „прочнаго правопорядка“, слабое развитіе просвѣщенія, но не придавалъ этому условію первостепеннаго значенія, ссылаясь на то, что при такомъ же уровнѣ образованія достигнута была въ западной Европѣ высокая степень благосостоянія земледѣльческаго класса. Этимъ взглядомъ, быть можетъ, объясняется сравнительная скудость средствъ, ассигнованныхъ, въ управленіе С. Ю. Витте, на народное образованіе (за исключеніемъ только церковно-приходскихъ школъ). При томъ превышеніи доходовъ надъ расходами, которое составляло отличительную черту послѣдняго десятилѣтія, нетрудно было приблизиться къ всеобщему начальному обученію, давно уже составляющему завѣтную цѣль земскихъ усилій. Весьма вѣроятно, что помѣшало этому, вмѣстѣ съ недостаточно высокой оцѣнкой результатовъ просвѣщенія, предубѣжденіе министра финансовъ противъ земства. Немаловажны, за то, заслуги С. Ю. Витте въ области средняго и высшаго образованія. Быстро умножившіеся и прекрасно поставленные политехническіе институты и коммерческія училища останутся лучшимъ памятникомъ дѣятельности бывшаго министра финансовъ.

Нельзя сказать, чтобы министерство финансовъ, при С. Ю. Витте, принадлежало къ числу наименѣе доступныхъ для критики; но нельзя сказать также, чтобы оно относилось къ ней столь же безпристрастно и спокойно, какъ то было при М. Х. Рейтернѣ и въ особенности при Н. Х. Бунге. Всего характернѣе, съ этой точки зрѣнія, запрещеніе „Русскаго Труда“, состоявшееся по иниціативѣ и при участіи С. Ю. Витте, хотя газета г. Шарапова ни въ какомъ отношеніи не принадлежала къ числу тѣхъ органовъ печати, подавленіе которыхъ имѣлось въ виду при изданіи „временныхъ“ правилъ 1882-го года... Чаще, быть можетъ, чѣмъ другіе государственные дѣятели нашего времени, С. Ю. Витте обращался къ содѣйствію людей науки. Всегда ли былъ счастливъ его выборъ—покажетъ время. Встрѣчавшіяся при этомъ неудачи реакціонная печать

очень хотѣла бы приписать „невысокому уровню нашей университетской науки"—но надобно думать, что едва ли это ей удастся.

Передъ С. Ю. Витте, соединяющимъ въ своихъ рукахъ предсѣдательство въ комитетѣ министровъ и въ особомъ совѣщаніи о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, открыто теперь новое и важное поприще. Пожелаемъ, чтобы въ одной части этого поприща онъ пошелъ какъ можно дальше, включивъ въ кругъ занятій особаго совѣщанія все намѣченное уѣздными и губернскими сельско-хозяйственными комитетами—а въ другой, наоборотъ, возстановилъ слишкомъ часто нарушавшіяся границы, устранивъ изъ вѣдѣнія комитета министровъ всѣ вопросы законодательнаго свойства.

Въ поставленной на очередь реформѣ мѣстнаго управленія особенное вниманіе печати обращаютъ на себя три вопроса: кому должно принадлежать первое мѣсто въ уѣздѣ—должно ли быть сохранено губернское земство—въ какой степени и въ какомъ направленіи должна быть расширена власть губернатора. Первый вопросъ—единственный, по которому произошло разногласіе между газетными реакціонерами. „Московскія Вѣдомости", устами г. Spectator'а, высказались за учрежденіе особой должности уѣзднаго начальника или „уѣзднаго вице-губернатора", назначаемаго правительствомъ изъ среды мѣстныхъ дѣятелей и управляющаго уѣздомъ на тѣхъ же, приблизительно, основаніяхъ, на какихъ губернаторъ управляетъ губерніей. Этимъ путемъ, по мнѣнію московской газеты, будетъ достигнуто съ одной стороны устраненіе господствующаго теперь *двоевластія* (т.-е. одновременнаго существованія власти правительственной и власти земской), въ уѣздахъ, собственно говоря, обращающагося въ земское единовластіе (?!), съ другой—усиленіе отвѣтственности управляющихъ и возможно бо̀льшая децентрализація управленія. Соединеніе функцій уѣзднаго начальника съ должностью уѣзднаго предводителя дворянства г. Spectator признаетъ нежелательнымъ, какъ въ виду *безотвѣтственности* предводителя, такъ и въ виду множества обязанностей, упадающихъ на первое лицо въ уѣздѣ. Для безвозмезднаго отправленія этихъ обязанностей все труднѣе и труднѣе находить людей, а полученіе жалованья было бы несовмѣстно съ традиціоннымъ характеромъ предводительскаго званія. Иного мнѣнія, на этотъ разъ, держится „Гражданинъ": онъ не видитъ надобности въ „фабрикаціи новаго чиновника-командира уѣзда" и считаетъ неудобнымъ колебать положеніе, издавна принадлежащее уѣздному предводителю. Въ другомъ газетномъ лагерѣ защитникомъ предводителя выступилъ К. Ѳ. Головинъ. Лучше всего, по его мнѣнію, „признать и закрѣпить то, что̀ сложилось само

собою: открыто ввѣрить предводителю руководящую власть въ уѣздѣ и прямо подчинить ему органы мѣстной полиціи", объединивъ состоящія подъ его предсѣдательствомъ учрежденія и предоставивъ ему обращаться къ прочимъ должностнымъ лицамъ, какъ къ подчиненнымъ.

Что положеніе дѣлъ, при которомъ, въ уѣздномъ управленіи, принадлежитъ первая роль лицу, избираемому *однимъ* сословіемъ, не можетъ быть названо вполнѣ нормальнымъ—это безспорно: но до тѣхъ поръ, пока коренная перемѣна къ лучшему составляетъ лишь предметъ мечтаній, наиболѣе правильнымъ рѣшеніемъ этого вопроса представляется, въ нашихъ глазахъ, простое сохраненіе statu quo, не только безъ коренной ломки, проектируемой „Московскими Вѣдомостями", но и безъ „поправокъ", предлагаемыхъ г. Головинымъ. Рядомъ съ всевластнымъ „уѣзднымъ вице-губернаторомъ" не осталось бы мѣста для сколько-нибудь самостоятельнаго уѣзднаго предводителя дворянства, хотя бы послѣдній и считался равнымъ первому. Ушли бы, можетъ быть—согласно съ предсказаніемъ „Гражданина"—и многіе изъ числа земскихъ начальниковъ, такъ какъ подчиненіе губернатору и губернскому присутствію, уже вслѣдствіе ихъ отдаленности, все-же легче, чѣмъ руководящій надзоръ „командующаго уѣздомъ". А что сталось бы съ уѣзднымъ земствомъ, поставленнымъ подъ властную руку уѣзднаго начальника? Обратясь въ канцелярію его по хозяйственной части, уѣздная земская управа сдѣлалась бы чѣмъ-то въ родѣ маленькаго губернскаго правленія и перестала бы привлекать къ себѣ всѣхъ тѣхъ, кто цѣнитъ теперь въ земской службѣ именно ея сравнительную независимость. Уѣздное земское собраніе, лишенное, de facto, своего исполнительнаго органа, играло бы роль совѣщательной коллегіи, „мнѣнія" которой ни для кого не обязательны и мало кому интересны. Гласные отъ крестьянъ—при сохраненіи нынѣшнихъ избирательныхъ порядковъ—оказались бы ставленниками уѣзднаго начальника, во всемъ послушными его волѣ. Исчезла бы вся разница между земскими врачами и большинствомъ ихъ служащихъ собратій. Ничего не выиграли бы отъ полновластія одного лица и остальныя отрасли уѣзднаго управленія. Уровень полицейской службы не поднялся бы отъ того, что уѣзднаго исправника замѣнилъ бы или подчинилъ бы себѣ уѣздный начальникъ. Въ первомъ случаѣ неизбѣжно ослабѣлъ бы надзоръ надъ низшими полицейскими чинами, изъ главной, почти единственной обязанности превратясь въ одну изъ многихъ; во второмъ случаѣ явилась бы новая, вполнѣ излишняя и дорого стоющая инстанція между губернаторомъ и начальникомъ уѣздной полиціи. Совершенно очевидны, наконецъ, неудобства подчиненія уѣздному начальнику должностныхъ лицъ другихъ вѣдомствъ—подат-

ныхъ инспекторовъ, уѣздныхъ казначеевъ, акцизныхъ надзирателей, лѣсничихъ, инспекторовъ народныхъ училищъ и др. Во все вмѣшиваясь, уѣздный начальникъ вызывалъ бы коллизіи между вѣдомствами, не уравновѣшиваемыя серьезной пользой для дѣла... До извѣстной степени все сказанное выше примѣнимо и къ проекту г. Головина, насколько онъ клонится къ усиленію *власти* уѣзднаго предводителя дворянства. Особенно опаснымъ такое усиленіе было бы въ земской сферѣ. *Руководя* уѣздной управой или хотя бы только *вліяя* на ея рѣшенія, уѣздный предводитель не могъ бы быть безпристрастнымъ предсѣдателемъ уѣзднаго земскаго собранія [1]).

Единодушіе реакціонныхъ газетъ, нарушенное споромъ объ уѣздномъ управленіи, возстановляется вполнѣ, какъ только заходитъ рѣчь о губернскомъ земствѣ. И „Московскія Вѣдомости“, и „Гражданинъ“ съ одинаковымъ усердіемъ изрекаютъ ему смертный приговоръ. На страницахъ московской газеты этотъ приговоръ подписанъ, впрочемъ, еще въ 1895 г., когда земству грозила рѣшительная опала, и его враги старались воспользоваться удобнымъ случаемъ, подкапываясь, per fas et nefas, подъ самыя основы земскаго самоуправленія. Теперь опять раздается знакомый крикъ: delenda Carthago! Роли нападающихъ распредѣляются согласно ихъ способностямъ и вкусамъ: одни берутъ на себя дѣловую, другіе — политическую сторону задачи. Спеціалистъ по части благонамѣренности, г. Spectator открываетъ аттаку, представляя губернскія земскія собранія ареной „политическаго спорта“ и „игры въ оппозицію“, „школой дурного политическаго тона“ и даже „политическаго разврата“ (!). Затѣмъ идетъ рядъ передовыхъ статей, подробно мотивирующихъ возможность обойтись безъ столь опаснаго элемента. „Двойственная“ земская организація—т.-е. существованіе, рядомъ съ уѣздными, губернскихъ земствъ—ненужна и вредна: *ненужна*, потому что все дѣлаемое губернскимъ земствомъ можетъ быть лучше сдѣлано уѣздными, каждымъ въ отдѣльности или нѣсколькими вмѣстѣ; *вредна*, потому что она влечетъ за собою насильственное вмѣшательство губернскаго земства въ дѣла уѣздовъ... Все это—повтореніе давно извѣстныхъ доводовъ, слегка видоизмѣненныхъ. Прежде предполагалось замѣнить губернское земское собраніе „съѣздомъ представителей уѣздовъ“, губернскую земскую управу—„уполномоченнымъ, съ небольшимъ при немъ бухгалтерскимъ бюро“ [2]); теперь не проектируется ничего подобнаго, губернское зем-

[1]) Говоря, въ апрѣльскомъ „Внутреннемъ Обозрѣніи“, о первыхъ статьяхъ К. Ѳ. Головина, мы выразили недоумѣніе, остается ли въ его проектѣ мѣсто для земскихъ управъ, уѣздной и губернской. Изъ послѣдующихъ статей его видно, что этотъ вопросъ разрѣшается имъ утвердительно.

[2]) См. „Внутреннее Обозрѣніе“ въ № 7 „Вѣстника Европы“ за 1895 г.

ство упраздняется (въ редакціонномъ кабинетѣ) purement et simplement, безъ всякаго, хотя бы маленькаго эквивалента. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что страхованіе выгодно и безопасно только въ обширной средѣ, допускающей уравновѣшеніе риска; не даромъ же заходитъ, въ послѣднее время, рѣчь о междугубернскихъ страховыхъ союзахъ. Thut nichts, der Jude wird verbrannt: страховой единицей, въ преобразованномъ земствѣ, пускай будетъ уѣздъ. До сихъ поръ считалось аксіомой, что психіатрическія больницы, организованныя согласно съ требованіями науки, возможны только въ крупныхъ центрахъ; thut nichts, пускай каждый уѣздъ заводитъ у себя маленькую психіатрическую лечебницу—или пускай завѣдуетъ лечебницей тотъ уѣздъ, гдѣ она открыта, а другіе пусть участвуютъ въ ея содержаніи *въ той или другой формѣ* (въ какой? и можно ли будетъ обойтись при этомъ безъ „съѣзда представителей уѣздовъ"?). Губернское земство помогаетъ теперь уѣзднымъ въ принятіи мѣръ противъ эпидемій, посылаетъ на мѣста, въ случаѣ надобности, врачей, фельдшеровъ или цѣлые медицинскіе отряды, созываетъ съѣзды врачей, устраиваетъ аптекарскіе склады; всего этого не хочетъ знать московская газета, утверждая, что въ врачебной области губернское земство ограничивается *надзоромъ* за уѣздными (чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ вовсе). Губернское земство издавна содержитъ на свой счетъ такъ называемыя губернскія земскія дороги, т.-е. тѣ пути сообщенія, которые, не имѣя обще-государственнаго значенія, особенно важны для губерніи или для нѣсколькихъ ея уѣздовъ; со времени учрежденія дорожнаго капитала оно усиливаетъ техническій надзоръ, что̀ отдѣльнымъ уѣздамъ было бы не по силамъ; во многихъ губерніяхъ оно принимаетъ въ свое завѣдываніе, по соглашенію съ правительствомъ, казенныя шоссе, которыя немыслимо было бы раздробить между уѣздами. Во что̀ обращается, въ виду этихъ безспорныхъ фактовъ, увѣреніе „Московскихъ Вѣдомостей", что съ дорожнымъ дѣломъ легко справились бы и уѣздныя земства?.. Совершенно игнорируются, далѣе, всѣ тѣ многочисленныя общегубернскія предпріятія, которыя устроивались и устроиваются до сихъ поръ именно и только губернскими земствами: фельдшерскія и учительскія школы, курсы огородничества и плодоводства, кустарные банки и музеи, основное, по общему плану, статистическое описаніе губерніи, оглашеніе, въ той или другой формѣ, фактовъ, обусловливающихъ направленіе или содержаніе земской дѣятельности... Въ какой степени законно и полезно такъ называемое вмѣшательство губернскаго земства въ дѣла уѣздныхъ земствъ—объ этомъ мы говорили много разъ, возражая, въ особенности, противъ аргументаціи Б. Н. Чичерина. Напомнимъ только, что поддержка губернскаго земства обыкновенно *испрашивается* уѣздными земствами или, по меньшей мѣрѣ,

оказывается *съ ихъ согласія*, бо́льшею частью въ видѣ содѣйствія тому, что̀ предпринято самимъ уѣздомъ, и съ оставленіемъ за нимъ непосредственнаго распоряженія всѣмъ существующимъ въ его предѣлахъ. Когда̀ органы самоуправленія расположены въ извѣстной постепенности, тѣ изъ нихъ, районъ вѣдомства которыхъ больше, средства—значительнѣе, кругозоръ—шире, являются естественными помощниками, а иногда и руководителями другихъ; послѣдніе, въ свою очередь, помогаютъ первымъ во всемъ томъ, что̀ требуетъ бо́льшей близости къ населенію—и такой взаимный обмѣнъ услугъ вполнѣ согласенъ съ общимъ характеромъ самоуправленія.

„Откуда идетъ“,—спрашивали мы восемь лѣтъ тому назадъ,—„ожесточенная вражда нѣкоторыхъ о̀рганова печати противъ губернскаго земства“? Отвѣтъ, данный нами тогда на этотъ вопросъ, вполнѣ примѣнимъ и къ настоящему времени. „Въ огромномъ большинствѣ нашихъ уѣздныхъ городовъ пульсъ общественной жизни бьется едва замѣтно; столичныя газеты, въ лицѣ своихъ корреспондентовъ, заглядываютъ туда рѣдко и лишь мимоходомъ; мѣстная печать существуетъ далеко не вездѣ и связана по рукамъ и по ногамъ административной цензурой. Въ этомъ затишьѣ, въ этой полу-темнотѣ, уѣздныя земскія собранія проходятъ почти незамѣченными; они дѣлаютъ свое дѣло, дѣлаютъ его иногда очень хорошо, раскрываютъ и освѣщаютъ многое, заслуживающее вниманія — но сказанное и сдѣланное ими, за рѣдкими исключеніями, остается похороненнымъ въ докладахъ и отчетахъ земскихъ управъ, въ журналахъ земскихъ собраній, мало доступныхъ уже вслѣдствіе крайней своей объемистости и многочисленности: печатныхъ листовъ, издаваемыхъ тремя-стами шестьюдесятью уѣздными земствами, насчитывается ежегодно никакъ не меньше четырехъ тысячъ. Нѣсколько лучше, съ этой точки зрѣнія, положеніе тѣхъ уѣздныхъ земскихъ собраній, которыя засѣдаютъ въ столицахъ и въ губернскихъ городахъ; о нихъ мы узнаемъ сравнительно немало —но этимъ не восполняется недостатокъ свѣдѣній о всѣхъ остальныхъ. Скажемъ болѣе: какъ ни важны, для каждаго уѣзда, труды его уѣзднаго земскаго собранія, показателемъ положенія и настроенія страны дѣятельность уѣздныхъ земствъ можетъ служить только въ весьма ограниченной степени. Это зависитъ какъ отъ свойства вопросовъ, разрѣшаемыхъ уѣздными земскими собраніями—вопросовъ по преимуществу частныхъ, пріуроченныхъ къ условіямъ данной мѣстности,—такъ и отъ состава уѣздныхъ гласныхъ, значительная часть которыхъ не привыкла къ обобщеніямъ, къ болѣе широкимъ взглядамъ. Пренія въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ имѣютъ обыкновенно характеръ чисто-практическій; рѣчь идетъ не столько о томъ, *почему и для чего* должно быть сдѣлано то или другое, сколько о томъ, *какъ*

оно должно быть сдѣлано. Гласные-крестьяне, лучше всѣхъ другихъ знакомые съ нуждами массы, далеко не всегда *умѣютъ* и еще рѣже *смѣютъ* нарисовать вѣрную ихъ картину. Совершенно инымъ представляется положеніе губернскихъ земскихъ собраній. Ихъ сравнительно мало, слѣдить за дѣятельностью ихъ сравнительно легко; они засѣдаютъ въ губернскихъ городахъ, гдѣ гораздо больше людей интересующихся ихъ занятіями, гораздо больше орудій гласности; имъ гораздо чаще приходится встрѣчаться съ вопросами общегосударственной или общенародной важности; въ ихъ составѣ всегда находится хоть нѣсколько лицъ, способныхъ отнестись къ этимъ вопросамъ не съ точки зрѣнія „интересовъ колокольни“. Не будь губернскихъ земскихъ собраній, не было бы такихъ страницъ въ исторіи нашего земства, какъ отвѣты 1871 г. на вопросъ объ отмѣнѣ подушной подати, какъ отвѣты 1881—82 г. на вопросъ о реформѣ мѣстнаго управленія, какъ длинный рядъ ходатайствъ, намѣтившихъ — и во многихъ случаяхъ не безплодно — цѣлую программу преобразованій. Представимъ себѣ теперь, что губернскія земскія учрежденія прекратили свое существованіе или уступили мѣсто какому-то эфемерному „съѣзду уѣздныхъ представителей“. Земская дѣятельность тотчасъ же стушевывается, теряется изъ виду, погружается почти всецѣло въ полнѣйшую безгласность. До всеобщаго свѣдѣнія доходятъ, отъ времени до времени, только безсвязные ея отрывки, въ большинствѣ случаевъ, притомъ, обезцвѣченные и приспособленные—ad usum delphini. Никто не говоритъ правительству, отъ имени населенія, о назрѣвшихъ и наболѣвшихъ вопросахъ народной жизни. Земство перестаетъ быть однимъ изъ двигателей развитія, однимъ изъ показателей пути, по которому должно идти государство. Этого именно и хотятъ наши газетные реакціонеры. Они ненавидятъ земство именно какъ одну изъ немногихъ сколько-нибудь самостоятельныхъ силъ, возвышающихъ голосъ среди всеобщаго молчанія, какъ одно изъ немногихъ общественныхъ учрежденій, „смѣющихъ имѣть свое сужденіе“. Имъ нужно запрятать его въ медвѣжьи углы, запереть его въ узкій кругъ мелкихъ хозяйственныхъ вопросовъ. Для этого нужно покончить, прежде всего, съ губернскимъ земствомъ“... И вотъ, къ этой именно цѣли направлены, по-прежнему, стремленія всѣхъ тѣхъ, чья программа исчерпывается словами: *не разсуждать, повиноваться* [1]). Что усиліямъ

[1]) До какой степени распространена въ извѣстныхъ сферахъ антипатія къ широкому проявленію самостоятельной земской мысли—это видно изъ предложенія „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 126) привлекать къ уголовной отвѣтственности не только предсѣдателя земскаго собранія, допустившаго обсужденіе *государственнаго* вопроса, но и гласныхъ, въ немъ участвовавшихъ—и притомъ не въ обыкновенномъ судебномъ порядкѣ, а въ административномъ! Это — очень характерный симптомъ болѣзни, которую можно назвать политическою свѣтобоязнью.

ихъ, въ данномъ случаѣ, не суждена побѣда—на это указываютъ недавнія постановленія особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, проектирующія устройство не только уѣздныхъ, но и *губернскихъ* земскихъ кассъ, и передачу земствамъ такихъ казенныхъ дорогъ (напр. шоссейныхъ), завѣдываніе которыми по силамъ только губернскому земству.

Не случайно, конечно, противники губернскаго земства являются усерднѣйшими сторонниками губернаторскаго полновластія. Безъ губернскаго земскаго собранія, состоящаго изъ выборныхъ представителей населенія, съ губернской управой, земской только по имени, фактически низведенной на степень обыкновеннаго присутственнаго мѣста, легче сосредоточить въ однѣхъ рукахъ всѣ нити губернскаго управленія. Желательно ли, однако, такое сосредоточеніе, можетъ ли оно привести къ ожидаемымъ отъ него результатамъ? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, посмотримъ, какъ понимаютъ газетные реакціонеры усиленіе и расширеніе губернаторской власти. Исходная точка ихъ разсужденій — недостаточность правъ, принадлежащихъ губернатору, въ особенности по отношенію къ новымъ или преобразованнымъ учрежденіямъ (судебнымъ, контрольнымъ, земскимъ, городскимъ); конечная ихъ цѣль—возвращеніе къ до-реформенному времени, когда начальникъ губерніи, „имѣя обширныя полномочія рѣшительно по всѣмъ отраслямъ государственнаго правленія, стоя во главѣ земскаго хозяйства, принимая даже участіе въ отправленіи правосудія, былъ именно представителемъ высшей государственной власти на мѣстѣ“. Какъ пользовался своими полномочіями тогдашній губернаторъ—это слишкомъ хорошо извѣстно: земское хозяйство существовало только по имени, о благоустройствѣ, кромѣ показного, внѣшняго (да и то лишь на главныхъ улицахъ губернскаго города и на главныхъ проѣзжихъ трактахъ—путяхъ слѣдованія высоко поставленныхъ особъ), никто и не думалъ, суды были притономъ взяточничества и волокиты, полиція угнетала слабыхъ и угождала сильнымъ. Могутъ замѣтить, что тогда было одно время, теперь—другое; власть, тогда дремавшая или служившая орудіемъ злоупотребленій, теперь, подъ опасеніемъ серьезной отвѣтственности, будетъ умѣло и энергично дѣйствовать на общую пользу. Но развѣ губернаторы, въ первой половинѣ XIX-го вѣка, не были отвѣтственными? Развѣ рѣдки были случаи ихъ увольненія или даже удаленія? Развѣ ихъ не угналъ постоянный страхъ передъ грозною центральною властью?.. Что касается до умѣнья и энергіи, то они не безпредѣльны и не безконечны. Въ сравнительно узкой сферѣ легче достигнуть мастерства;

раздробленность дѣятельности неизбѣжно уменьшаетъ ея интенсивность. Неужели правосудіе стало бы болѣе обезпеченнымъ, еслибы его приговоры подлежали, какъ прежде, утвержденію губернатора (или губернаторской канцеляріи)? Во что̀ обратился бы судъ, еслибы его рѣшенія писались подъ диктовку администраціи? Къ чему могло бы привести участіе не-спеціалиста въ отправленіи функцій, требующихъ спеціальныхъ навыковъ и знаній? Мыслима ли, наконецъ, какая бы то ни было зависимость контрольнаго вѣдомства отъ того, дѣйствія котораго оно повѣряетъ?...

Остановимся нѣсколько дольше на отношеніяхъ губернатора къ прокуратурѣ. Здѣсь защитникамъ губернаторскаго полновластія нельзя даже ссылаться на „обычай доброй старины“: губернаторъ, по закону, никогда не былъ начальникомъ губернскаго прокурора, такъ какъ зависимость послѣдняго отъ мѣстной власти была бы несовмѣстна съ самымъ назначеніемъ его должности. Это не мѣшаетъ, однако, „Московскимъ Вѣдомостямъ“ стоять за *прямое подчиненіе* прокуратуры губернатору. Прокуратура, по мнѣнію газеты — органъ *общеадминистративный:* обвиняя *отъ имени государства*, обнаруживая нарушенія законнаго порядка, охраняя передъ судомъ интересы казны, малолѣтнихъ и другихъ лицъ, нуждающихся въ опекѣ государственной власти, она исполняетъ задачи скорѣе административныя, чѣмъ судебныя. Да, конечно, прокуроръ—не судья; но столь же мало онъ и администраторъ. Его обязанности имѣютъ специфическій характеръ, вездѣ выдѣляющій его изъ среды органовъ управленія: можно ли, напримѣръ, представить себѣ французскаго прокурора зависимымъ отъ префекта? До извѣстнаго момента и въ извѣстныхъ предѣлахъ для прокурора обязательны предписанія, идущія съ высшихъ ступеней іерархической лѣстницы — отъ прокурора судебной палаты, отъ министра юстиціи; но есть сфера, въ которой онъ пользуется полною самостоятельностью — никто не можетъ потребовать отъ него, чтобы онъ обвинялъ вопреки убѣжденію. Этого одного достаточно, чтобы изъять его изъ-подъ власти мѣстной администраціи. Еще больше такое изъятіе необходимо въ виду того, что прокурору принадлежитъ иниціатива въ раскрытіи и преслѣдованіи должностныхъ преступленій. Съ какими препятствіями ему приходится здѣсь встрѣчаться и бороться—это показалъ еще недавно процессъ кронштадтскаго полиціймейстера; каково же было бы положеніе прокурора, наравнѣ съ изобличаемыми имъ должностными лицами подчиненнаго губернатору?.. Указываютъ на то, что при производствѣ дознаній въ распоряженіи прокурора состоятъ полицейскіе чины, которыхъ онъ можетъ подвергать предостереженіямъ и привлекать къ уголовной отвѣтственности— а этимъ создается ненормальное положеніе для полиціи, зависимой въ

одно и то же время и отъ губернатора, и отъ неподчиненнаго губернатору прокурора. Что такое положеніе не совсѣмъ удобно, этого отрицать нельзя; но, по справедливому замѣчанію писателя, хорошо знакомаго съ судебно-административными отношеніями—И. Г. Щегловитова [1]),—единственнымъ выходомъ изъ него представляется учрежденіе судебной полиціи, исключительно подвѣдомственной прокурорскому надзору. Пока ея нѣтъ, подчиненіе прокуратурѣ полицейскихъ чиновъ, производящихъ дознанія, совершенно неизбѣжно, какъ необходимое условіе цѣлесообразнаго и правильнаго направленія предварительныхъ розыскныхъ дѣйствій.

Находя, что земскія и городскія учрежденія все еще недостаточно зависимы отъ губернатора, московская газета утверждаетъ, что „*всѣ* силы губернской администраціи поглощаются не государственно-культурною работою на пользу населенія, а *исключительно* на надзоръ за земскими учрежденіями и на борьбу съ ихъ постоянными попытками нарушить предѣлы своего вѣдѣнія; это самая трудная часть, которая поглощаетъ *все* время и *все* вниманіе губернаторовъ". До такихъ чудовищныхъ преувеличеній рѣдко доходитъ даже наша реакціонная печать. Во многихъ губерніяхъ о *борьбѣ* между губернаторомъ и земствомъ нѣтъ и помину; мнимые враги уживаются между собою какъ нельзя лучше; губернаторы, открывая губернское земское собраніе, отдаютъ полную справедливость земской дѣятельности; протесты приносятся рѣдко и по вопросамъ второстепеннымъ. Есть, правда, губерніи, въ которыхъ происходитъ нѣчто похожее на борьбу: рѣчи губернатора наполняются упреками, земскія предпріятія возбуждаютъ недовѣріе, земскіе выборы не утверждаются, земскія смѣты подвергаются усиленнымъ сокращеніямъ, губернскія присутствія загромождаются пререканіями, доводимыми, затѣмъ, до высшихъ инстанцій. Отъ кого идетъ, обыкновенно, иниціатива борьбы, — объ этомъ едва ли возможны два различныя мнѣнія. Даже тамъ, гдѣ борьба разгорается всего сильнѣе и продолжается всего дольше, она не можетъ поглотить собой *всю* энергію, занять *все* время губернатора. Полемъ битвы служитъ обыкновенно губернское земское собраніе, засѣдающее, бо́льшею частью, только одинъ разъ въ году, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль [2]). Протесты на постановленія со-

[1]) Въ статьѣ И. Г. Щегловитова („Право", № 36) съ полною ясностью выставлена на видъ ошибочность главныхъ аргументовъ, приводимыхъ въ пользу подчиненія прокуратуры губернатору. Само собою разумѣется, что оно сдѣлалось бы еще болѣе немыслимымъ, еслибы на прокуратуру—какъ предлагаетъ г. Щегловитовъ—были возложены, въ томъ или другомъ видѣ, функціи прежняго губернскаго прокурора. Къ этой мысли мы еще возвратимся.

[2]) Что уѣздныя земскія собранія почти никогда не бываютъ для губернатора источникомъ безпокойства и тревоги—этого не оспариваетъ и реакціонная печать.

бранія приносятся вслѣдъ за его окончаніемъ и разрѣшаются губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ, засѣданія котораго назначаются губернаторомъ и въ большинствѣ котораго онъ почти всегда находитъ поддержку. Весьма быстро, такимъ образомъ, все служившее предметомъ спора можетъ исчезнуть со сцены. Если положить мѣсяцъ на подготовку къ собранію (т.-е. просмотръ докладовъ, составляемыхъ управой), мѣсяцъ на самое собраніе и мѣсяцъ на сведеніе его итоговъ, то остается еще девять мѣсяцевъ спокойствія, рѣдко и слабо нарушаемаго кажущимся своеволіемъ или мнимою строптивостью губернской земской управы. Какъ бы ревниво послѣдняя ни отстаивала свою самостоятельность, поводовъ къ столкновеніямъ ежедневный, будничный ходъ земско-хозяйственнаго дѣла даетъ немного. Ничто не мѣшаетъ губернатору дѣлиться съ земствомъ мыслями о желательныхъ улучшеніяхъ и новшествахъ—а если необходимость земскаго согласія и содѣйствія удерживаетъ администрацію отъ поспѣшнаго исполненія только-что составленныхъ ею плановъ, то это, безъ сомнѣнія, должно быть признано не недостаткомъ, а достоинствомъ существующаго порядка.

Если дальнѣйшее расширеніе губернаторской власти по отношенію къ земству и городамъ было бы равносильно совершенному подавленію всякой общественной самодѣятельности, а подчиненіе губернатору прокуратуры, суда и контрольныхъ учрежденій уничтожило бы всѣ мѣстныя ограниченія произвола, столь важныя для поддержанія законности и истиннаго порядка, то невольно возникаетъ вопросъ, въ какую же сторону могутъ быть раздвинуты и расширены полномочія губернатора? Указываютъ на смуты, все чаще и чаще повторяющіяся, въ послѣднее время, въ городахъ и сельскихъ мѣстностяхъ. Но вѣдь губернаторъ и теперь вооруженъ правомъ издавать обязательныя постановленія, направленныя къ охраненію спокойствія и тишины; онъ и теперь располагаетъ полицейскими силами—для предупрежденія и пресѣченія безпорядковъ, военными силами—для подавленія болѣе серьезныхъ волненій. Къ какимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ начальники губерній или замѣняющія ихъ лица прибѣгаютъ, сплошь и рядомъ, *послѣ* возстановленія порядка—это извѣстно. Что же еще можно прибавить къ такой огромной, почти безграничной власти? Мы думаемъ, что это затруднились бы опредѣлить даже самые крайніе приверженцы административнаго всемогущества. О дальнѣйшемъ движеніи по дорогѣ, въ сущности пройденной уже до самаго конца, они твердятъ отчасти по привычкѣ, отчасти потому, что всего проще и всего легче рекомендовать обращеніе къ силѣ: это и благонамѣренно (въ условномъ смыслѣ слова), и не требуетъ умственной работы...

Вообразимъ себѣ, теперь, губернатора, который во все входитъ, о всемъ и о всѣхъ говоритъ рѣшающее слово, губернатора, передъ которымъ все склоняется, все трепещетъ, который выслушиваетъ, когда и на сколько хочетъ, только совѣты, робко нашептываемые ему на ухо. Намъ говорятъ, что онъ будетъ стоять внѣ и выше вѣдомствъ, представляя собою исключительно верховную власть—и въ подтвержденіе того, что это возможно, ссылаются на генералъ-губернаторовъ. Такая ссылка ничего не доказываетъ. Генералъ-губернаторовъ у насъ менѣе *десяти*, а губернаторовъ—безъ малаго *сто*; изъ того, что первые могутъ быть лично извѣстны верховной власти и являться непосредственными ея избранниками, еще не слѣдуетъ, что таково можетъ быть и положеніе губернаторовъ. Съ другой стороны, генералъ-губернаторъ не входитъ въ подробности управленія, предоставляя ихъ губернаторамъ и значительно уменьшая для себя, этимъ самымъ, шансы конфликтовъ съ чинами другихъ вѣдомствъ. Губернаторъ, вознесенный надъ всѣми вѣдомствами, будетъ стоять съ ними лицомъ къ лицу, чувствуя себя, при этомъ, особенно тѣсно связаннымъ съ однимъ изъ нихъ—именно съ тѣмъ, которому будетъ принадлежать, de facto, главная роль при его назначеніи (и награжденіи, и повышеніи, и увольненіи). Такимъ вѣдомствомъ неизбѣжно будетъ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ сосредоточены всѣ важнѣйшія, всѣ *политическія* отрасли управленія. Итакъ, первый аттрибутъ безмѣрно распространенной губернаторской власти оказывается осуществимымъ только на бумагѣ. Второй аттрибутъ ея—такая подготовка, которая обусловливала бы возможность разумнаго, плодотворнаго вмѣшательства во *всѣ* области управленія. Гдѣ можно пріобрѣсти такую подготовку? Нигдѣ: каждый родъ службы даетъ основательное знакомство только съ извѣстнымъ родомъ дѣлъ. Какой бы стажъ ни требовался отъ губернатора, ввести его во всѣ извилины разнообразнѣйшихъ административныхъ и судебно-административныхъ функцій онъ не можетъ. Едва ли, впрочемъ, осуществимъ, на практикѣ, и самый стажъ для такой должности, какъ губернаторская. Вѣковой опытъ удостовѣряетъ, что губернаторами назначаются люди весьма различныхъ профессій, въ томъ числѣ и такихъ, которыя имѣютъ очень мало общаго съ задачами губернской администраціи (напр. военная или морская служба). Трудно предположить, чтобы новый порядокъ положилъ конецъ этой практикѣ; гораздо вѣроятнѣе, что при немъ больше чѣмъ когда-либо выдвинется вопросъ не о прежней дѣятельности, а о личности кандидата на губернаторскую должность. Третьимъ аттрибутомъ проектируемаго губернатора должна быть цезаревская или наполеоновская способность вести нѣсколько дѣлъ заразъ, никогда и ничѣмъ не утомляться, на все смотрѣть собственными глазами. Кто лишенъ этой

способности—а лишены ея всѣ обыкновенные смертные, не исключая даже весьма талантливыхъ и очень дѣятельныхъ,—тотъ по необходимости многое станетъ ввѣрять своимъ помощникамъ, оффиціальнымъ или неоффиціальнымъ, и единство власти, установленное закономъ, будетъ постоянно нарушаться на самомъ дѣлѣ... Болѣе скромнымъ, но гораздо болѣе надежнымъ средствомъ возвысить губернаторскую власть было бы съ одной стороны предоставленіе губернатору рѣшать окончательно многія изъ числа дѣлъ, которыя теперь восходятъ на разсмотрѣніе министра или министровъ, съ другой—такое расширеніе общественной самодѣятельности, соотвѣтственно которому расширялась бы и роль, наиболѣе свойственная губернатору: роль *наблюдателя* за правильнымъ и законнымъ теченіемъ мѣстной жизни. Громаднымъ шагомъ впередъ, съ этой точки зрѣнія, было бы возвращеніе къ болѣе нормальному судебному устройству, съ освобожденіемъ губернатора отъ совершенно чуждыхъ ему кассаціонныхъ функцій.

Возвращаемся къ закону 2-го іюня о вознагражденіи рабочихъ, потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Кругъ дѣйствій закона ограниченъ тѣми предпріятіями фабричнозаводской, горной и горнозаводской промышленности, владѣльцами которыхъ состоятъ частныя лица или общества, города и земства. Не примѣняется онъ, слѣдовательно: 1) къ предпріятіямъ казеннымъ; 2) къ мастерскимъ и инымъ промышленнымъ заведеніямъ частныхъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій; 3) къ предпріятіямъ сельскохозяйственной промышленности; 4) къ строительнымъ работамъ, и 5) къ ремесленнымъ заведеніямъ. О распространеніи его на предпріятія первыхъ двухъ категорій подлежащіе министры и главноуправляющіе должны войти съ представленіями въ государственный совѣтъ въ теченіе года со времени введенія въ дѣйствіе закона. Относительно предпріятій трехъ послѣднихъ категорій такой оговорки не сдѣлано, изъ чего слѣдуетъ заключить, что они, по крайней мѣрѣ на время, останутся внѣ дѣйствія вновь установленныхъ правилъ. Подчиненіе этимъ правиламъ *всѣхъ* ремесленныхъ заведеній несомнѣнно представлялось бы неудобнымъ, въ виду незначительности, въ большинствѣ случаевъ, профессіональнаго риска, которому подвергаются ремесленники; но при извѣстныхъ условіяхъ и ремесленная работа можетъ грозить серьезною опасностью, и министерству финансовъ могло бы быть предоставлено право опредѣлять, какія именно ремесленныя заведенія должны быть уравнены, въ отношеніи къ отвѣтственности владѣльцевъ, съ заводами и фабриками. Съ еще большимъ основаніемъ можно сказать то же самое о строительныхъ работахъ, часто соединенныхъ съ высокою степенью профессіональ-

наго риска. Между предпріятіями сельскохозяйственной промышленности безспорно есть такія, которыя, широко пользуясь механическими двигателями, ничѣмъ существенно не отличаются отъ обыкновенныхъ фабрикъ и заводовъ. Покровительство сельскохозяйственной промышленности не должно идти въ ущербъ правамъ и интересамъ ея рабочихъ.

Законъ 2-го іюня 1903-го года имѣетъ значеніе временной мѣры, подготовляя собою переходъ къ обязательному страхованію утратившихъ трудоспособность рабочихъ и служащихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Министру финансовъ поручено войти въ государственный совѣтъ съ представленіемъ по этому предмету въ теченіе пяти лѣтъ со времени введенія въ дѣйствіе настоящаго закона. Немедленное осуществленіе обязательнаго страхованія признано невозможнымъ въ особенности потому, что въ его основѣ должна лежать болѣе или менѣе продолжительная регистрація несчастныхъ случаевъ въ каждомъ производствѣ; профессіональный рискъ въ предпріятіяхъ различнаго рода далеко не одинаковъ, вслѣдствіе чего не можетъ быть одинаковъ и размѣръ страховыхъ премій. Авторъ комментарія къ закону 2-го іюня, упомянутаго въ нашемъ предъидущемъ обозрѣніи (бар. А. М. Нолькенъ), сомнѣвается даже въ достаточности пятилѣтняго срока, назначеннаго государственнымъ совѣтомъ [1]); онъ думаетъ, что сложная, отвѣтственная и важная работа, на которой должно быть построено обязательное страхованіе, не можетъ быть исполнена въ сравнительно короткое время. Намъ кажется, наоборотъ, что опасно было бы назначеніе другого, болѣе продолжительнаго срока: оно могло бы замедлить приступъ къ собиранію необходимыхъ свѣдѣній и сдѣлать менѣе энергичной всю подготовку новаго порядка, гораздо болѣе справедливаго и цѣлесообразнаго, чѣмъ установленный, на время, закономъ 2-го іюня. Большую службу въ разработкѣ данныхъ, имѣющихъ быть собранными путемъ правильной регистраціи несчастныхъ случаевъ, можетъ сослужить примѣръ иностранныхъ государствъ. При всемъ различіи мѣстныхъ условій, одни промыслы вездѣ оказываются болѣе, другіе—менѣе опасными, и чужой опытъ едва ли долженъ здѣсь пройти для насъ безслѣдно.

Отвѣтственными, по закону 2-го іюня, передъ рабочими и служащими владѣльцы промышленныхъ предпріятій являются лишь при утратѣ трудоспособности отъ тѣлеснаго поврежденія, причиненнаго работами по производству предпріятія или происшедшаго вслѣдствіе такихъ работъ. Отсюда, какъ и изъ самаго наименованія закона („о вознагражденіи потерпѣвшихъ вслѣдствіе *несчастныхъ случаевъ*"), не-

[1]) См. „Право" № 27, стр. 1745.

сомнѣнно явствуетъ, что подъ дѣйствіе новаго закона не подходитъ утрата трудоспособности вслѣдствіе профессіональной болѣзни—т.-е. вслѣдствіе разстройства здоровья, наступающаго не вдругъ, а постепенно, не случайно, а въ силу медленнаго вліянія неблагопріятныхъ условій. И это вполнѣ понятно. Профессіональная болѣзнь, достигшая полнаго развитія и обнаружившаяся со всею ясностью въ бытность рабочаго на данной фабрикѣ, могла начаться и прогрессировать на другихъ фабрикахъ; возлагать отвѣтственность за нее единственно и всецѣло на послѣдняго работодателя было бы несправедливо, распредѣлить отвѣтственность между всѣми работодателями — затруднительно или даже невозможно [1]). Здѣсь радикально можетъ помочь только обязательное страхованіе, обнимающее собою, помимо несчастныхъ случаевъ, всѣ другіе виды утраты трудоспособности (такъ называемое обезпеченіе на случай старости и инвалидности). Можно надѣяться, что именно на эту дорогу вступитъ законопроектъ, составленіе котораго, какъ мы уже видѣли, государственный совѣтъ поручилъ министру финансовъ. Въ соотвѣтствующемъ (XVIII-мъ) пунктѣ мнѣнія государственнаго совѣта говорится о введеніи обязательнаго страхованія „утратившихъ трудоспособность рабочихъ и служащихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ“, безъ всякой оговорки о *способѣ* или *причинахъ* утраты трудоспособности. Образцомъ нашего будущаго законодательства о страхованіи рабочихъ послужитъ, очевидно, наиболѣе совершенное изъ всѣхъ существующихъ въ настоящее время—германское.

Мы говорили уже о скудости вознагражденія, назначаемаго потерпѣвшему закономъ 2-го іюня: половина заработка, двѣ трети годового содержанія—не такія величины, которыя могли бы служить матеріальнымъ эквивалентомъ причиненнаго вреда. Уменьшаются онѣ еще больше способомъ опредѣленія годового содержанія, установленнымъ въ законѣ: за силою ст. 16-й, сумма дѣйствительно заработанная потерпѣвшимъ въ теченіе года до несчастнаго случая дѣлится на число дней, проведенныхъ имъ на работѣ, и полученная такимъ образомъ цифра помножается на 260. Первоначально проектировался другой, болѣе крупный множитель—280; основаніемъ къ его пониженію послужило, съ одной стороны, предположеніе, что цифра 260 ближе подходитъ къ дѣйствительному числу рабочихъ дней въ году, съ другой стороны—убѣжденіе, что пенсія, назначаемая на всю жизнь, не можетъ и не должна быть исчисляема сообразно съ числомъ рабо-

[1]) Само собою разумѣется, что рабочій, заболѣвшій профессіональною болѣзнью вслѣдствіе несоблюденія на данной фабрикѣ необходимыхъ и возможныхъ санитарныхъ условій, имѣетъ и теперь право иска къ фабриканту, на основаніи гражданскихъ законовъ.

чихъ дней вполнѣ трудоспособнаго человѣка. Намъ кажется, что обиліемъ праздниковъ отличается въ Россіи только сельско-хозяйственный, но отнюдь не фабричный годъ. Немало, по всей вѣроятности, найдется фабрикъ, гдѣ рабочихъ дней даже болѣе, чѣмъ 280; вѣдь эта послѣдняя цифра предполагаетъ существованіе въ году, кромѣ воскресеній, еще тридцати-трехъ праздничныхъ, нерабочихъ дней— а чтобы получилась цифра 260, ихъ должно быть *пятьдесятъ три*! Что пенсія не можетъ не быть меньше дѣйствительнаго заработка— это безспорно; но вѣдь высшій ея размѣръ—*двѣ трети* годового содержанія, и, слѣдовательно, въ дальнѣйшемъ, искусственномъ ея пониженіи (путемъ уменьшенія числа принимаемыхъ въ разсчетъ рабочихъ дней) нѣтъ никакой надобности. Правда, нѣкоторымъ коррективомъ ст. 16-й служитъ слѣдующая, 17-я статья: „если будетъ доказано, что обыкновенный годовой заработокъ потерпѣвшаго превышаетъ исчисленное (вышеупомянутымъ способомъ) годовое содержаніе его, то послѣднее должно быть увеличено до размѣра обыкновеннаго заработка". Не часто, однако, потерпѣвшему (или его наслѣдникамъ) удастся доказать, какъ великъ былъ его обыкновенный заработокъ. Для этого могутъ понадобиться справки, получаемыя нескоро, нелегко и цѣною издержекъ, сплошь и рядомъ непосильныхъ для рабочаго. Въ законѣ, притомъ, не опредѣлено съ точностью, что̀ такое *обыкновенный* заработокъ, т.-е. сколько лѣтъ должны обнимать данныя, его удостовѣряющія. Скажемъ болѣе: не совсѣмъ простой задачей будетъ иногда даже установленіе дѣйствительнаго заработка, полученнаго потерпѣвшимъ въ теченіе года до несчастнаго случая (если, напримѣръ, онъ провелъ это время на различныхъ фабрикахъ, не близко отстоящихъ одна отъ другой). Суду, какъ намъ кажется, слѣдовало бы предоставить право исчислять годовое содержаніе потерпѣвшаго примѣнительно къ получаемому, на той же фабрикѣ, другими рабочими той же категоріи или того же разряда. Это значительно ускорило бы ходъ дѣлъ и облегчило бы положеніе потерпѣвшихъ и ихъ семействъ, освободивъ ихъ отъ трудной подготовительной процедуры и перенеся на отвѣтчика обязанность доказать, что годовое содержаніе потерпѣвшаго было меньше обычнаго... Очень симпатично, зато, распространеніе права на пенсію не только на родственниковъ потерпѣвшаго въ прямой восходящей линіи, не только на его малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ (если тѣ и другіе находились на иждивеніи умершаго), но и на его воспитанниковъ, пріемышей и внѣбрачныхъ дѣтей (на послѣднихъ—съ вышеприведенной оговоркой).

Процессуальныя постановленія новаго закона направлены къ возможно быстрому движенію предусматриваемыхъ имъ дѣлъ и къ

уменьшенію для истцовъ издержекъ судебнаго производства. Въ мировыхъ и судебно-административныхъ учрежденіяхъ истцы освобождаются отъ пошлинъ и сборовъ безъ особаго удостовѣренія въ несостоятельности къ ихъ уплатѣ. Въ общихъ судебныхъ установленіяхъ они во всякомъ случаѣ пользуются правомъ бѣдности, съ которымъ, какъ извѣстно, сопряжено право на безплатное веденіе дѣла назначеннымъ для того присяжнымъ повѣреннымъ. Дѣла о вознагражденіи потерпѣвшихъ рабочихъ производятся сокращеннымъ порядкомъ; состоявшіяся по нимъ рѣшенія первой инстанціи (все равно—общей, мировой или судебно-административной) подлежатъ, по просьбѣ истца, предварительному исполненію. При распредѣленіи взысканныхъ денегъ между нѣсколькими истцами претензіи потерпѣвшихъ рабочихъ удовлетворяются преимущественно передъ другими, а при несостоятельности отвѣтчика—причисляются къ первому разряду. Бумаги по дѣламъ, основаннымъ на правилахъ о вознагражденіи потерпѣвшихъ рабочихъ, освобождаются отъ гербоваго сбора. Заботится законъ 2-го іюня и о томъ, чтобы интересы потерпѣвшихъ были ограждены какъ при прекращеніи предпріятія, такъ и при переходѣ его (не по наслѣдству) въ другія руки. Возможно, однако, что суммы, вырученныя при ликвидаціи предпріятія, окажутся недостаточными для исполненія обязательствъ, лежащихъ на владѣльцѣ по отношенію къ потерпѣвшимъ рабочимъ или ихъ семействамъ. Обезпеченія потерпѣвшихъ предполагается, въ такихъ случаяхъ, достигнуть мѣрами правительства, о чемъ, въ теченіе года, должно быть внесено министромъ финансовъ представленіе въ государственный совѣтъ. Весьма вѣроятно, что при этомъ будетъ принятъ во вниманіе порядокъ, установленный во Франціи закономъ 1898-го г., въ силу котораго отвѣтственность предпринимателя, въ части претензій, не получившихъ удовлетворенія изъ конкурсной массы, переходитъ на правительство и покрывается изъ особаго капитала (fond de garantie), образуемаго изъ дополненій къ патентному (промысловому) налогу [1]).

Слишкомъ часто, къ сожалѣнію, разборъ новыхъ законовъ и другихъ правительственныхъ актовъ обращается у насъ въ никому ненужный и ни къ чему негодный панегирикъ. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатанъ недавно „Очеркъ законодательной охраны труда“, изображающій постепенное развитіе нашего фабричнаго законодательства. Передавъ, въ главныхъ чертахъ, содержаніе этого очерка, „Московскія Вѣдомости“ даютъ полную волю своимъ „хва-

[1]) См. статью бар. Нолькена въ № 33 „Права“, стр. 965.

лительскимъ“ привычкамъ. „Наша власть“ — восклицаетъ газета — „проявила чуткость и заботу о народныхъ интересахъ такъ быстро и такъ внимательно, *какъ ни въ одной странѣ земного шара.* Можно сказать, что вредныя послѣдствія крупнаго производства у насъ еще еле обозначились и не успѣли еще создать ничего непосредственно опаснаго, какъ уже наша власть устремляетъ вниманіе на созданіе правильныхъ отношеній въ бытѣ хозяевъ и рабочихъ фабрично-заводской промышленности. Вездѣ въ Европѣ правительства начинали думать объ этомъ только тогда, когда зло становилось угрожающимъ. У насъ же эта мысль является въ самый первый моментъ, ясно показывая, что устроительное попеченіе проистекаетъ изъ искренней заботливости о всеобщемъ благѣ. И все это достигается даже при столь неблагопріятномъ условіи, какъ ненормальное развитіе общественнаго критиканства, вслѣдствіе незрѣлости современнаго образованнаго класса... Еслибы наши болѣе культурные слои и всѣ болѣе благоразумные элементы успѣли, наконецъ, избавить Россію отъ вреднаго, все путающаго вмѣшательства незрѣлаго критиканства и политиканства, мы не замедлили бы увидѣть блестящее, всестороннее развитіе русскихъ силъ“. Ну, какъ не вспомнить, при чтеніи этихъ строкъ, извѣстныя изреченія объ „избыткѣ усердія“ и о „знаніи мѣры“? Еслибы и можно было допустить, что фабричное законодательство—въ той его части, которая касается *охраны труда*,—развивалось у насъ съ бо́льшею быстротою, чѣмъ гдѣ бы то ни было, то нельзя же было бы не принять въ соображеніе, что оно имѣло передъ собою готовые иностранные образцы, какъ нельзя болѣе облегчавшіе работу. Во всякомъ дѣлѣ всего труднѣе первые шаги, требующіе, съ одной стороны, борьбы съ предразсудками, съ рутиной, иногда съ псевдонаучными положеніями, съ другой—самостоятельнаго творчества, намѣчающаго цѣли, открывающаго пути и способы исполненія. Съ этой точки зрѣнія особенно велика заслуга Англіи, раньше всѣхъ другихъ странъ приступившей къ созданію фабричнаго законодательства. И не слѣдуетъ думать, чтобы она была вынуждена къ тому опасеніемъ смутъ и безпорядковъ. Правда, волненія въ средѣ рабочихъ происходили въ Англіи уже въ началѣ XIX-го вѣка, но поводомъ къ нимъ служило тогда, бо́льшею частью, введеніе машинъ и обусловленное имъ сокращеніе спроса на трудъ, а вовсе не злоупотребленіе дѣтской работой. Между тѣмъ, именно противъ такого злоупотребленія были направлены первые парламентскіе акты (1802, 1819, 1825, 1833 гг.), положившіе основаніе фабричному законодательству. Своего рода Колумбовымъ яйцомъ была мысль объ учрежденіи фабричной инспекціи, какъ необходимаго условія для осуществленія новыхъ предписаній и запрещеній—и эта мысль впервые была проведена въ жизнь опять-

таки Англіей, въ 1833 г. Заслуга англійскихъ государственныхъ людей, добившихся реформы, была тѣмъ болѣе велика, что за неприкосновенность прежнихъ порядковъ ратовали не только могущественные классовые интересы, но и господствовавшіе тогда теоретическіе взгляды, отвергавшіе государственное вмѣшательство въ промышленную область. Это были препятствія посильнѣе и посерьезнѣе „критиканства“ и „политиканства“—но они не остановили побѣдоноснаго хода преобразовательной работы, изъ Англіи перешедшей на материкъ Европы и коснувшейся, наконецъ, и Россіи. То, что̀ „Московскія Вѣдомости“ называютъ „критиканствомъ“, не могло и не можетъ служить помѣхой развитію русскаго фабричнаго законодательства. Каждый шагъ въ этомъ направленіи былъ привѣтствуемъ и въ печати, и въ обществѣ; исключеній было сравнительно немного. Въ этой области, какъ и во всѣхъ другихъ, критика, съ точки зрѣнія сервилизма кажущаяся „критиканствомъ“, можетъ быть только полезной; отдавая справедливость сдѣланному, она напоминаетъ о томъ, что̀ еще остается сдѣлать.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1903.

Посѣщеніе Государемъ Императоромъ австрійскаго императора въ Шенбруннѣ.—„Замѣтка“ славянскаго благотворительнаго общества въ Болгаріи о македонскомъ вопросѣ.—Дипломатія великихъ державъ и правительственное сообщеніе.—Печальная роль кабинетовъ относительно Македоніи и Турціи.—Внутренній кризисъ въ Сербіи.—Австрійскія дѣла.—Правительственныя перемѣны въ Англіи.

17 (30) сего сентября, Его Величество Государь Императоръ изволилъ прибыть въ Шенбруннскій дворецъ, близъ Вѣны. На парадномъ завтракѣ австрійскій императоръ Францъ-Іосифъ произнесъ слѣдующій тостъ („Правит. Вѣстникъ“, № 209):

„Il m'est particulièrement agréable d'exprimer à Votre Majesté tout le plaisir que j'éprouve aujourd'hui de Lui souhaiter la bienvenue. En répondant à l'invitation aux chasses de Styrie que j'ai été heureux de Lui adresser, Votre Majesté m'a fourni une nouvelle preuve de Son amitié que j'apprécie hautement et qui trouve toujours chez moi un écho aussi vif que sincère. La cordialité qui en résulte dans nos rapports a exercé maintes fois déjà son bienfaisant effet sur les relations politiques de nos états et je me flatte de l'espoir qu'en ce moment encore la parfaite concordance de vues et d'appréciations qui nous unit en présence des regrettables événements dont la presqu'île des Balkans est actuellement le théâtre contribuera puissamment à assurer le succès à l'action que nous y poursuivons d'un commun accord dans l'intérêt de la paix de l'Europe. Pénétré de ces sentiments je bois à la santé de mon cher et fidèle ami Sa Majesté l'Empereur Nicolas“.

Государь Императоръ соизволилъ отвѣтить слѣдующими словами:

„Les paroles de bienvenue que Votre Majesté vient de M'adresser Me touchent vivement et Je l'en remercie de plein cœur. C'est avec un plaisir tout particulier que J'ai accueilli l'amicale invitation de Votre Majesté, heureux de pouvoir Lui renouveler personnellement l'expression des sentiments qui M'animent. Notre cordiale entente et l'harmonie parfaite qui en résulte dans l'action de Nos gouvernements sont, comme Votre Majesté le dit, un gage précieux pour le succès de la grande œuvre pacificatrice que Nous avons entreprise de commun accord. Le but humanitaire que Nous poursuivons exclut toute partialité

et doit être atteint avec fermeté et persévérance par les moyens le mieux appropriés à un apaisement réel et durable. Nos efforts contribueront en même temps, Je l'espère, à la consolidation de la paix générale. Je bois à la santé de Mon cher et vénéré ami Sa Majesté l'Empereur et Roi François-Joseph".

Обмѣнъ привѣтствій Монарховъ не останется, конечно, безъ вліянія на исходъ печальныхъ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ—и даже болѣе того,—какъ благоугодно было выразиться Государю Императору, — окажетъ содѣйствіе къ укрѣпленію общаго мира — въ самой Европѣ.

„Славянское благотворительное дружество въ Болгаріи" обратилось съ воззваніемъ къ членамъ другихъ славянскихъ обществъ, особенно въ Россіи, съ просьбою обратить вниманіе на новое положеніе дѣлъ въ Македоніи — въ этой „многострадальной и мученической странѣ, опустошаемой нынѣ турецкими башибузуками подъ надзоромъ туркофильской европейской дипломатіи"... Злосчастные жители этого края съ давнихъ поръ привыкли терпѣливо переносить всевозможныя беззаконія и насилія; иногда они жестоко мстили отдѣльнымъ виновникамъ своихъ бѣдствій, но вообще мирились съ турецкимъ владычествомъ, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, отъ котораго никакъ не могли избавиться собственными средствами. Македонцы надѣялись на неопредѣленное будущее и твердо вѣрили въ улучшеніе своей участи при помощи могущественныхъ иностранныхъ державъ. „Двадцатипятилѣтіе освободительной войны съ его празднествами на Шипкѣ отозвалось въ глубокихъ массахъ народа. Многіе встрепенулись. Нашлись горячіе люди, которые устроили четы, и началось осеннее движеніе. Населеніе не примкнуло къ нимъ, въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Однако,—говорится въ упомянутомъ воззваніи,—случились событія, которыя должны были ускорить вспышку всенароднаго возмущенія. Незначительное число четъ вызвало поголовное вооруженіе турокъ. Вдоль и поперекъ всей Македоніи передвигались шайки арнаутовъ, башибузуковъ, и производили неописуемыя безчинства. Сами турецкія власти измѣнили свои отношенія къ мирнымъ обывателямъ,—стали массами арестовывать безъ разбора виновныхъ и невинныхъ, стали ихъ высылать или убивать безъ всякаго суда. Началось систематическое истребленіе славянскаго элемента; подготовлялись какъ будто условія для будущей статистики, въ которой мѣстные болгаре и вообще славяне оказались бы въ ничтожномъ меньшинствѣ. Ужасъ передъ этой перспективой начавшагося истребленія охватилъ македонцевъ и заставилъ ихъ готовиться ко

всеобщему возстанію. Оно было задержано тогда провозглашеніемъ весеннихъ реформъ, которыя возбудили въ народѣ какія-то надежды; между тѣмъ сами турки не придавали этимъ проектамъ серьезнаго значенія, и преобразовательныя усилія генералъ-инспектора Хильми-паши только ожесточали фанатиковъ. Извѣстна экскурсія по Македоніи русскаго и австрійскаго консуловъ. Послѣ ихъ возвращенія, всѣ мирные жители, которые представлялись и жаловались консуламъ, были арестованы и подвергнуты истязаніямъ. Отчаяніе среди населенія было полное. Это отчаяніе—непосредственная причина послѣдняго поголовнаго возстанія, возникшаго съ 20-го іюля въ Македоніи и Адріанопольскомъ вилайетѣ". Вмѣсто обѣщанныхъ улучшеній, христіане видѣли разныя новыя бѣдствія—массовые аресты, конфискацію имуществъ для раздачи ихъ турецкимъ и албанскимъ колонистамъ, которыми заселялись болгарскія деревни; систематическіе поджоги, выселенія изъ родныхъ мѣстечекъ, находящихся въ какихъ-нибудь стратегическихъ пунктахъ—на перевалѣ или около рѣкъ; закрытіе церквей и училищъ, изгнаніе и аресты священниковъ, причемъ дѣлалось невозможнымъ церковное погребеніе умершихъ и совершеніе какихъ-либо христіанскихъ требъ; уничтоженіе монастырскихъ построекъ подъ предлогомъ, что въ нихъ скрывались повстанцы; наконецъ, убійства и поголовныя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ экзекуціи. „Каждый, кто ознакомится съ ужаснымъ положеніемъ македонцевъ, если не оправдаетъ, то извинитъ ихъ отчаянное возстаніе. Македонія и адріанопольскій вилайетъ охвачены со всѣхъ сторонъ пламенемъ разрушенія и истребленія. Двухсотъ-тысячная турецкая армія и безчисленное множество турецкихъ шаекъ, башибузуковъ и албанцевъ, хозяйничаютъ на протяженіи всей Македоніи и адріанопольскаго округа, стараясь всѣми силами не только потушить возстаніе, но и уничтожить сочувствующихъ ему жителей, всѣхъ христіанъ-славянъ. Нѣтъ такихъ насилій, истязаній, злодѣяній, къ которымъ не прибѣгали бы турки для достиженія указанной цѣли. Очевидно, иноземные инструкторы и совѣтники убѣдили турокъ въ той истинѣ, что статистика разныхъ элементовъ населенія будетъ играть весьма важную роль въ будущемъ разрѣшеніи македонскаго вопроса. Уже въ оффиціальныхъ турецкихъ изданіяхъ печатается статистика о перевѣсѣ албанскаго населенія надъ сербскимъ въ Призренскомъ санджакѣ". Въ виду этой опасности истребленія милліоновъ турецкихъ христіанъ, славянское благотворительное „дружество" въ Болгаріи рѣшительно отрекается отъ какихъ-либо своекорыстныхъ и честолюбивыхъ политическихъ плановъ относительно Македоніи: „Въ этотъ критическій моментъ преступно спорить о національности македонскихъ славянъ и о томъ, кому достанется въ удѣлъ этотъ лакомый

кусокъ Балканскаго полуострова—болгарамъ или сербамъ; и не думаемъ мы доказывать право болгаръ или сербовъ, не думаемъ заботиться о политической судьбѣ македонскихъ братьевъ. Это теперь не наше дѣло, какъ и не наше дѣло думать о какомъ-то равновѣсіи, которое нарушилось бы, если Македонія присоединится къ Болгаріи или сдѣлается автономною областью. Зачѣмъ идти такъ далеко, почему не ограничиться только существеннымъ, жизненнымъ и настоятельнымъ вопросомъ: какъ прекратить истребленіе славянскаго племени въ Македоніи, какъ дать ему условія лучшей жизни?"

Трудно сказать что-нибудь противъ такой постановки вопроса; въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія человѣчности и простого здраваго смысла, необходимо было бы тотчасъ же положить конецъ кровопролитію и избавить населеніе Македоніи отъ ужасовъ турецкой расправы, отбросивъ въ сторону всякіе посторонніе разсчеты и мотивы. Но можно ли обращаться съ подобными пожеланіями къ дипломатамъ, вся дѣятельность которыхъ заключается именно въ ревностной охранѣ этихъ посторонніхъ интересовъ національнаго соперничества и честолюбія? Для иностранныхъ кабинетовъ судьба турецкихъ христіанъ имѣетъ значеніе не потому, что жалко этихъ безвинно истребляемыхъ людей, а потому, что гибель или спасеніе этихъ людей увеличиваетъ или уменьшаетъ сферу политическаго вліянія той или другой державы въ предѣлахъ Балканскаго полуострова. Каждая культурная нація въ отдѣльности чувствуетъ и признаетъ нравственную невозможность оправданія и сохраненія турецкаго режима, и тѣ же культурныя націи, дѣйствуя совмѣстно черезъ посредство дипломатіи, считаютъ своимъ долгомъ старательно поддерживать Турцію въ ея жестокой борьбѣ съ подвластными народностями. Германія откровенно стоитъ за безпощадное подавленіе недовольныхъ христіанскихъ подданныхъ султана, такъ какъ турецкая дружба позволяетъ нѣмцамъ все болѣе распространять и упрочивать свои промышленные и политическіе интересы на ближнемъ Востокѣ,— и то самое общественное мнѣніе, которое такъ горячо высказывалось въ пользу независимости буровъ отъ высоко-культурной Англіи, находитъ вполнѣ нормальнымъ и законнымъ владычество башибузуковъ надъ славянами и греками. Англія въ принципѣ осуждаетъ турецкую систему управленія и сочувствуетъ ея жертвамъ, но воздерживается отъ активнаго заступничества за балканскія племена, привыкшія возлагать свои надежды на помощь и покровительство Россіи. Австро-Венгрія по прежнему смотритъ на неприкосновенность Турціи какъ на условіе политическаго равновѣсія и внѣшняго мира, причемъ волненія избиваемыхъ христіанъ приравниваетъ къ бунту противъ законной государственной власти. Австрійскій взглядъ на современный восточный кризисъ сводится къ тому, что главными виновниками

производимыхъ турками избіеній слѣдуетъ считать самихъ македонцевъ и сочувствующихъ имъ болгаръ, которые своими революціонными комитетами и отрядами помѣшали башибузукамъ сразу успокоить страну и осуществить предположенныя реформы; такимъ образомъ существенная обязанность дипломатіи заключается вовсе не въ противодѣйствіи истребленію славянскаго элемента въ Македоніи, а въ обузданіи болгарскихъ комитетовъ и солидарныхъ съ ними болгарскихъ патріотовъ, принимающихъ слишкомъ близко къ сердцу непомѣрныя бѣдствія и страданія соплеменниковъ. Старанія и усилія вѣнскаго кабинета направлены прежде всего противъ тѣхъ, которые стремятся помочь возставшимъ христіанамъ; съ своей же стороны австрійская дипломатія предлагаетъ послѣднимъ довольствоваться нѣкоторыми второстепенными преобразованіями въ турецкой администраціи, способными будто бы измѣнить къ лучшему положеніе населенія. Крайне скромная программа реформъ, принятая Турціею по предложенію Австріи и Россіи, представлялась въ самомъ началѣ совершенно недостаточною и вызывала въ этомъ смыслѣ возраженія свѣдущихъ лицъ не только въ балканскихъ государствахъ, но и въ Англіи и во Франціи; тѣмъ не менѣе, великія державы не пошли дальше этой скромной программы и продолжаютъ до сихъ поръ ссылаться на нее въ доказательство той мысли, что желанному умиротворенію Македоніи препятствуютъ только славянскіе и болгарскіе комитеты, отвергающіе довѣріе къ турецкимъ реформамъ. Эта австрійская теорія признается въ настоящее время обязательною и для другихъ дипломатическихъ вѣдомствъ и кладется ими въ основу миролюбивой политики на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, отъ 11-го сентября, появилось слѣдующее оффиціальное сообщеніе:

„Въ предшествующихъ правительственныхъ сообщеніяхъ по македонскому вопросу подробно изложена политическая программа, которая по Высочайшей волѣ принята Императорскимъ правительствомъ въ видахъ прекращенія возникшей на Балканскомъ полуостровѣ смуты.

„Какъ извѣстно, въ силу состоявшагося между Россіей и Австро-Венгріей соглашенія, правительства обѣихъ дружественныхъ монархій въ февралѣ текущаго года предъявили султану выработанный ихъ послами въ Константинополѣ проектъ наиболѣе существенныхъ преобразованій, направленныхъ къ улучшенію быта христіанскаго населенія трехъ турецкихъ провинцій. Одновременно россійскіе и австро-венгерскіе агенты въ Болгаріи и Сербіи получили предписаніе сдѣлать правительствамъ этихъ государствъ соотвѣтственныя представленія.

„Предпринятые Россіею и Австріею шаги, встрѣтивъ сочувствіе и поддержку со стороны всѣхъ прочихъ державъ, подписавшихъ бер-

линскій договоръ, на первыхъ порахъ увѣнчались успѣхомъ: оттоманскимъ правительствомъ даны были мѣстнымъ турецкимъ органамъ категорическія приказанія немедленно приступить къ выполненію намѣченныхъ реформъ; въ Софіи и Бѣлградѣ были приняты мѣры къ возможной охранѣ спокойствія и прекращенію политической агитаціи.

„Однако, таковые результаты не могли удовлетворить образовавшіеся въ славянскихъ государствахъ „македонскіе комитеты": очевидная вѣроятность успокоенія христіанскаго населенія подъ вліяніемъ начатыхъ преобразованій, которыя по мѣрѣ ихъ примѣненія должны были въ ближайшемъ будущемъ получить болѣе широкое развитіе,— отнимала у комитетовъ благодарную, съ ихъ точки зрѣнія, почву для осуществленія задуманныхъ ими революціонныхъ плановъ. Выставляя знаменемъ своимъ защиту единовѣрцевъ отъ турецкаго гнета, комитеты эти, въ сущности, добиваются измѣненія, въ своекорыстныхъ видахъ, административнаго строя провинціи, въ смыслѣ образованія изъ нея „Болгарской Македоніи" въ ущербъ правамъ и преимуществамъ другихъ христіанскихъ народностей, интересы коихъ одинаково дороги православной Россіи. Не находя поддержки своимъ политическимъ планамъ въ средѣ не-болгарскихъ элементовъ Македоніи, вожаки движенія, путемъ жестокостей, насилій и террора, старались вызвать поголовное возстаніе въ странѣ, чтобы воспрепятствовать введенію проектированныхъ реформъ.

„Къ сожалѣнію, несмотря на первоначально принятыя софійскимъ правительствомъ мѣры предосторожности, македонская агитація затѣмъ получила большое распространеніе въ самомъ княжествѣ Болгарскомъ, встрѣчая поддержку со стороны дѣятелей, поддавшихся ложнымъ разсчетамъ на то, что возгорѣвшееся возстаніе вынудитъ Россію измѣнить свою программу и выступить активно въ защиту несбыточныхъ плановъ руководителей революціоннаго движенія.

„Пагубныя заблужденія эти, отъ которыхъ Императорское правительство неустанно предостерегало софійскій кабинетъ, навлекли тяжкія бѣдствія на христіанское населеніе турецкихъ вилайетовъ, положить предѣлъ которымъ возможно прежде всего путемъ воспрепятствованія какъ переходу новыхъ бандъ изъ княжества въ предѣлы Турціи, такъ и прекращенія революціонной дѣятельности комитетовъ. Лишь тогда явится возможность настоять на немедленномъ примѣненіи реформъ въ соотвѣтствіи съ насущными потребностями населенія, которое, въ виду усилившейся смуты, крайне трудно предохранить отъ чинимыхъ турками жестокостей, несмотря на самыя энергическія старанія, нынѣ направленныя къ обузданію мусульманскаго фанатизма.

„Въ изложенномъ смыслѣ Императорскимъ, а также австро-венгерскимъ правительствами сдѣланы вновь категорическія представленія какъ въ Софіи, такъ и въ Константинополѣ.

„Помимо сего, дабы устранить въ этомъ отношеніи всякій поводъ къ неосновательнымъ разсчетамъ и опаснымъ увлеченіямъ, по предложенію Россіи и Австро-Венгріи, правительства великихъ державъ, подписавшихъ берлинскій договоръ, поручили своимъ представителямъ при Оттоманской Портѣ и въ княжествѣ подтвердить полное единомысліе ихъ съ обѣими монархіями въ дѣлѣ умиротворенія Балканскаго

полуострова и сдѣлать правительствамъ Турціи и Болгаріи заявленіе въ нижеслѣдующемъ смыслѣ:

„Нынѣшнее положеніе дѣлъ въ турецкихъ вилайетахъ, созданное преступными замыслами комитетовъ и революціонныхъ бандъ, ни въ чемъ не измѣняетъ взгляда державъ на программу дѣйствій, выработанную въ началѣ текущаго года двумя наиболѣе заинтересованными правительствами, а посему ни Турція, ни Болгарія не могутъ разсчитывать на поддержку какой-либо державы въ случаѣ открытаго или тайнаго сопротивленія осуществленію этой программы.

„Императорское правительство надѣется, что эти новыя предостереженія убѣдятъ какъ Турцію, такъ и Болгарію въ безплодности всякаго уклоненія отъ исполненія предъявленныхъ имъ требованій и заставятъ принять всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ подавленію на Балканскомъ полуостровѣ смуты, которая можетъ имѣть для Оттоманской имперіи и княжества Болгарскаго лишь самыя тяжелыя послѣдствія".

Очевидно, и наша дипломатія мало еще облегчаетъ задачи мира настойчивымъ обвиненіемъ Болгаріи въ преступныхъ планахъ, тѣмъ болѣе, что самое обвиненіе является отчасти запоздалымъ, да и освободительные планы, о которыхъ идетъ рѣчь, едва ли могутъ быть названы вполнѣ преступными. Какова бы ни была отвѣтственность болгарскихъ дѣятелей и комитетовъ за кровавыя волненія въ Македоніи, но въ данномъ случаѣ предстоитъ не разбирать судебное дѣло и отыскивать виновныхъ. Существенный вопросъ состоитъ только въ томъ, можно ли предоставить туркамъ вырѣзывать македонцевъ съ женами и дѣтьми на томъ основаніи, что въ возникшей смутѣ виноваты болгары? Справедливо ли будетъ приписывать внѣшнимъ подстрекательствамъ такое движеніе, которымъ люди спасаются отъ злобныхъ безчинствъ вооруженныхъ фанатиковъ? Въ семидесятыхъ годахъ, когда происходили турецкія звѣрства въ Болгаріи, австрійскіе и британскіе дипломаты упорно доказывали, что эти печальныя событія вызваны русскими интригами, пропагандою русскихъ славянскихъ комитетовъ и національными русскими симпатіями къ непокорнымъ христіанскимъ подданнымъ султана,—а теперь, четверть вѣка спустя, и у насъ повторяютъ эти рутинныя австрійскія обвиненія и примѣняютъ ихъ къ освобожденной нами Болгаріи, которая въ свою очередь, подобно намъ, не можетъ относиться равнодушно къ судьбѣ своихъ ближайшихъ соплеменниковъ. Миролюбіе обязательно для Россіи, но оно вовсе не требуетъ отъ нея отреченія отъ сознательной національной политики и не можетъ заставить насъ играть роль, не соотвѣтствующую русскимъ интересамъ и традиціямъ. Внѣшнія политическія обстоятельства сложились для насъ настолько благопріятно, что мы не имѣемъ ни малѣйшей надобности пассивно слѣдовать за Австріею въ балканскихъ дѣлахъ. Всякое наше серьезное и твердое предложеніе обезпечить

безопасность христіанскихъ земель Турціи могло бы разсчитывать на практическій успѣхъ въ Европѣ: мы не только нигдѣ не встрѣтили бы враждебнаго отпора, а напротивъ, заслужили бы сочувствіе и одобреніе даже старинной защитницы турокъ, Англіи; безусловно на нашей сторонѣ были бы Франція и Италія, и по существу не стали бы возражать и Германія, и Австро-Венгрія,—и еслибы даже проектъ потерпѣлъ неудачу, то самая попытка поставить вопросъ на разумную почву была бы уже заслугой. Прибѣгая къ обычнымъ дипломатическимъ обходамъ для избѣжанія трудностей предстоящей задачи, можно еще больше увеличить эти трудности, ибо косвенное какъ бы поощреніе турокъ къ повальнымъ убійствамъ можетъ поставить и насъ лицомъ къ лицу съ фактами, съ которыми нельзя будетъ примириться даже при самомъ холодномъ дипломатическомъ доктринерствѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мы не станемъ воевать съ Турціею или ссориться съ другими державами изъ-за македонцевъ и болгаръ; но безъ войны обошлось устройство судьбы Крита, и точно такъ же можно было бы сдѣлать что-нибудь существенное для Македоніи, нисколько не рискуя войною и совершенно оставивъ въ сторонѣ честолюбивыя стремленія Болгаріи. Къ сожалѣнію, современная дипломатія не находится на высотѣ положенія и прилагаетъ слишкомъ мелочную формальную мѣрку къ крупному политическому кризису, волнующему народы Балканскаго полуострова; особенно опасно было бы подчиняться въ этомъ случаѣ вліянію вѣнскаго кабинета, который самъ по себѣ отличается отсутствіемъ идей и ничтожествомъ своихъ руководителей. Графъ Голуховскій, при всѣхъ своихъ качествахъ осторожнаго и опытнаго дипломата, не можетъ быть сравниваемъ съ графомъ Юліемъ Андраши, и современное состояніе Австро-Венгріи также далеко не столь блестяще, какъ передъ послѣднею русско-турецкою войною.

Представители европейскихъ державъ сами настаиваютъ передъ Портою на скорѣйшемъ подавленіи возстанія, а потомъ робко протестуютъ, когда это подавленіе производится обычными турецкими способами, безъ оказанія пощады женщинамъ и дѣтямъ; въ то же время они убѣждаютъ македонцевъ и ихъ защитниковъ спокойно переносить рѣзню, полагаясь на обѣщанныя реформы, а потомъ опять-таки жалуются Портѣ на безплодность ея обѣщаній. Этотъ однообразно повторяющійся круговоротъ событій характеризуетъ всю политику могущественныхъ европейскихъ кабинетовъ по македонскому вопросу. Если взять фактическія извѣстія о балканскихъ дѣлахъ, появившіяся только за послѣднія двѣ недѣли въ такомъ безпристрастномъ и далеко не расположенномъ къ болгарамъ органѣ, какъ лондонскій „Times“, то получится крайне грустная картина, не оставляющая и тѣни со-

мнѣнія въ безнадежности нынѣшняго кризиса. Корреспондентъ „Times“ пишетъ, что во внутреннихъ округахъ Македоніи христіанское населеніе почти исчезло, жилища разрушены или покинуты; въ одномъ селѣ найдены живыми только шесть раненыхъ дѣтей, съ нѣсколькими стариками и старухами. Жители села принадлежали почти исключительно къ греческой національности; нигдѣ въ окрестностяхъ не было никакихъ повстанцевъ; тѣмъ не менѣе въ село вступили башибузуки и начали стрѣлять въ народъ; затѣмъ явились турецкіе солдаты, которымъ поселяне добровольно открыли свои дома подъ вліяніемъ всегдашнихъ благонамѣренныхъ увѣщаній греческаго духовенства, и всеобщій грабежъ окончился сожженіемъ всего села и истребленіемъ жителей. Въ Монастирѣ и въ сосѣднихъ мѣстечкахъ были вывѣшены оффиціальныя объявленія, предлагавшія безнаказанность и защиту всѣмъ возставшимъ, которые сами положатъ оружіе; въ силу этихъ обѣщаній пришли съ горъ около Невески шестьдесятъ человѣкъ и выдали свои ружья турецкимъ начальникамъ, послѣ чего были тотчасъ же схвачены и перебиты войсками. Такая измѣнническая расправа повторялась во многихъ мѣстахъ, и случаи добровольной сдачи стали теперь очень рѣдкими. Турецкимъ солдатамъ предоставлено убивать и грабить, вмѣстѣ съ башибузуками, на всемъ пространствѣ Македоніи, кромѣ тѣхъ пунктовъ, гдѣ находятся иностранные консулы; отдѣльные военные отряды систематически очищаютъ страну отъ христіанскаго населенія, и повсюду приняты мѣры къ тому, чтобы не было бѣглецовъ, которые распространяли бы свѣдѣнія объ этихъ ужасахъ. Недавно удалось добраться до болгарской части города Монастиря значительной толпѣ бѣглецовъ; многіе изъ нихъ были совершенно голы, нѣкоторые въ крови, и всѣ — полумертвые отъ страха; ихъ родное многолюдное село, Смильево, было окружено, разграблено и сожжено войсками и башибузуками; спасшіеся отъ гибели поселяне укрывались въ теченіе десяти дней въ сосѣднемъ лѣсу, и изъ нихъ часть рѣшилась дойти до Монастиря, чтобы не умереть съ голода. Около шестидесяти женщинъ досталось туркамъ, и о судьбѣ ихъ корреспондентъ не считаетъ возможнымъ говорить въ печати, хотя нѣкоторыя изъ пострадавшихъ успѣли бѣжать и разсказывали потомъ свою исторію. Село Арменско, населенное греками, а не болгарами, также внезапно подверглось полному разгрому и сожженію; никто изъ жителей не могъ спастись, и многіе сгорѣли заживо. При этомъ подвигѣ турецкихъ войскъ случайно присутствовалъ одинъ иностранный офицеръ, свидѣтельство котораго заслуживаетъ безусловнаго довѣрія. Пять дней спустя, нѣкоторыя сестры милосердія посѣтили разоренное село; онѣ нашли около тридцати раненыхъ еще съ признаками жизни, бо́льшею частью женщинъ и дѣтей; трупы не были погребены, и

многія тѣла носили на себѣ слѣды позорныхъ насилій и издѣвательствъ. Трупъ одной маленькой дѣвочки имѣлъ восемь ранъ въ различныхъ частяхъ тѣла; раны нанесены, повидимому, шпагою или штыкомъ, а шпаги въ турецкой арміи имѣются только у офицеровъ. Никакіе корреспонденты не допускаются внутрь Македоніи, и мѣстныя власти тщательно оберегаютъ страну отъ иноземныхъ наблюдателей; однако, англичане и ихъ агенты смѣло проникаютъ въ запретныя мѣста и безцеремонно разглашаютъ то, что̀ предназначено къ сохраненію въ тайнѣ. Одинъ американскій журналистъ отправился безъ оффиціальнаго разрѣшенія въ мѣстечко Крушево, уничтоженное турками; онъ убѣдился на мѣстѣ, что ужасы, описанные въ газетахъ, нисколько не были преувеличены, и что все дѣло было устроено по распоряженію изъ Монастиря и вѣроятно съ вѣдома самого султана. Три недѣли прошло со времени катастрофы, и въ Крушевѣ еще не были убраны трупы; многіе раненые оставались безъ помощи, а мѣстные врачи были умерщвлены съ самаго начала; сестры милосердія обращались къ главному начальнику края, Хильми-пашѣ, съ просьбою о допущеніи ихъ въ Крушево, но получили категорическій отказъ. Тогда онѣ просили разрѣшенія послать туда необходимыя медицинскія средства; но Хильми-паша отказалъ и въ этомъ. „Кому суждено умереть, тотъ умретъ, а кто долженъ оставаться въ живыхъ, тотъ будетъ живъ; лекарства же не нужны“,—отвѣтилъ паша. Изъ спасшихся жителей Крушева никто не можетъ покинуть городъ, пока не уплатитъ налоговъ за годъ впередъ и не внесетъ соотвѣтственнаго „бакшиша“ полицейскому начальству; а такъ какъ сохранившіе свою жизнь обыватели лишились всего своего имущества, то фактически имъ закрытъ выходъ изъ города, чтобы ограничить распространеніе неудобныхъ свѣдѣній о разгромѣ Крушева. Притомъ нужно имѣть въ виду, что населеніе Крушева состояло изъ грековъ и куцо-валаховъ, и ни въ какомъ случаѣ не могло считаться причастнымъ къ дѣятельности болгарскихъ революціонныхъ комитетовъ. Множество македонскихъ селъ имѣло такую же печальную участь; ихъ насчитываютъ больше сотни въ одномъ монастирскомъ вилайетѣ. Турецкія войска и башибузуки дѣйствуютъ по опредѣленному плану, и потому никакъ нельзя отрицать отвѣтственность Хильми-паши и самого султана за совершаемыя избіенія. Корреспонденту не было дозволено путешествовать даже въ той части страны, гдѣ по оффиціальному отчету „возстановлено полное спокойствіе“, и причины этого запрещенія вполнѣ понятны. Паша заявилъ, что черезъ двѣ недѣли возстаніе окончится и что оно никогда больше не повторится; и дѣйствительно, некому будетъ возставать послѣ истребленія наиболѣе энергической части населенія. „Дѣло зашло слишкомъ далеко для того, чтобы активное

вмѣшательство могло произвести замѣтное дѣйствіе въ этой отдаленной области Турціи,—замѣчаетъ корреспондентъ „Times“,—но можно надѣяться, что наконецъ, будутъ употреблены нѣкоторыя усилія для ограниченія дальнѣйшихъ кровопролитій и для избавленія другихъ вилайетовъ отъ подобной же судьбы“. Эти скромныя ожиданія британскаго журналиста были, однако, напрасны: великія державы обращаются съ грозными требованіями не къ башибузукамъ и ихъ повелителямъ, а къ болгарамъ, пытающимся сопротивляться и противодѣйствовать турецкимъ избіеніямъ. Оттого кровавыя вакханаліи не прекращаются въ Македоніи, и излишества ихъ начинаютъ смущать даже завзятыхъ туркофиловъ. Корреспондентъ вѣнскаго журнала „Zeit“, посѣтившій округъ Киркъ-Килисса, описываетъ неслыханныя звѣрства, о которыхъ собраны имъ точныя свѣдѣнія; населеніе многихъ селъ вырѣзано цѣликомъ, дома разграблены и сожжены, а женщины и дѣвочки изнасилованы. „Положеніе дѣлъ въ этомъ округѣ, — по словамъ корреспондента,—составляетъ позоръ для Европы“. Сообщенія о томъ, что дѣлается турками въ разныхъ мѣстахъ несчастнаго края, только урывками и случайно доходятъ до иностранной печати; такъ, изъ болгарскихъ источниковъ стало извѣстно, что разрушенъ городъ Касторія съ десяткомъ тысячъ жителей и что турки избивали тамъ всѣхъ безъ различія, болгаръ и грековъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Когда Болгарія, взволнованная этими ужасами, не препятствуетъ образованію военныхъ отрядовъ и переходу ихъ черезъ турецкую границу для освободительной борьбы, то правителямъ княжества даютъ понять, что Турція располагаетъ достаточными военными силами для оккупаціи болгарскихъ пограничныхъ пунктовъ. Въ Софіи, какъ мы узнаемъ изъ телеграммы „Times“, было получено отъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ предупрежденіе, что по отзыву германскаго канцлера, графа Бюлова, Порта, какъ сюзеренная держава, имѣетъ право занять вассальное княжество своими войсками съ цѣлью удержанія болгаръ отъ доставленія помощи македонцамъ. Въ то же время графъ Голуховскій выражаетъ мнѣніе, что убійство какихъ-нибудь двухъ тысячъ македонскихъ поселянъ не оправдываетъ еще жалобы на истребленіе болгарскаго племени въ Македоніи; а мнѣнія графа Бюлова и графа Голуховскаго опредѣляютъ будто бы взгляды русской дипломатіи по данному предмету. Австрійскій представитель въ Болгаріи, убѣждая княжеское правительство сохранить спокойствіе, прямо заявилъ, что, въ случаѣ неспособности самихъ болгаръ помѣшать переходу отрядовъ въ турецкіе предѣлы, Австрія и Россія примутъ во вниманіе эту неспособность и побудятъ Турцію воспользоваться своими правами для защиты ея территоріи отъ внѣшнихъ вторженій и для возстановленія внутренняго порядка. Необыкновенная самоувѣрен-

ность турецкихъ оффиціальныхъ сферъ по отношенію къ македонскому вопросу объясняется именно сознаніемъ, что на этотъ разъ туркамъ обезпечена полная свобода дѣйствій противъ христіанъ; одна только Англія признала неудобнымъ заранѣе высказываться противъ Болгаріи и оставлять ее беззащитною при возникновеніи войны между болгарскимъ княжествомъ и Турціею. Англія не раздѣляетъ также того страннаго предположенія, что турки могутъ сами себя реформировать и обѣщать, что они добровольно откажутся отъ своихъ неизмѣнныхъ традицій относительно безправныхъ иновѣрцевъ, и что исполнителемъ какихъ-либо полезныхъ преобразованій явится турецкій паша, осуществляющій теперь программу постепенныхъ избіеній христіанъ. Англичане справедливо находятъ, что положеніе Македоніи можетъ измѣниться къ лучшему только въ томъ случаѣ, если ею перестанутъ управлять турецкіе начальники, и если губернаторъ, назначенный или одобренный державами, будетъ подчиненъ европейскому контролю, при участіи мѣстныхъ выборныхъ представителей въ дѣлахъ управленія; эти идеи все чаще проводятся и въ оффиціальныхъ заявленіяхъ лондонскаго кабинета, и въ томъ же смыслѣ готовы дѣйствовать и дипломаты Франціи и Италіи. Отчасти подъ вліяніемъ этихъ западноевропейскихъ толковъ о македонской автономіи Турція рѣшилась сдѣлать нѣкоторыя уступки христіанскимъ народностямъ и начала миролюбивые переговоры съ Болгаріею для достиженія какого-либо компромисса. Переговоры эти могли бы привести къ серьезнымъ и прочнымъ результатамъ только при руководящемъ въ нихъ участіи Россіи, а для того, чтобы вообще возстановить нашу законную роль и вліяніе въ балканскихъ дѣлахъ, мы должны, быть можетъ, менѣе слѣдовать за Австріею и болѣе пользоваться содѣйствіемъ Франціи и Англіи съ цѣлью прекращенія или ограниченія турецкихъ безчинствъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ Сербіи происходитъ внутреннее политическое броженіе совершенно иного рода, чѣмъ въ Болгаріи. Тогда какъ болгары волнуются почти исключительно изъ-за македонскихъ событій и переживаютъ опасный кризисъ только вслѣдствіе своего горячаго увлеченія широкими національными задачами, сербы, напротивъ, относятся довольно равнодушно къ судьбѣ пограничныхъ сербско-турецкихъ земель и увлекаются только внутренними чисто-партійными распрями и счетами, мотивы которыхъ не всегда понятны для иностранцевъ. Новый король, насколько можно судить по разнообразнымъ внѣшнимъ фактамъ и признакамъ, встрѣтилъ на первыхъ порахъ восторженное сочувствіе въ народѣ, и перемѣна династіи признавалась безусловно радостнымъ событіемъ для страны,—если оставить въ сторонѣ траги-

ческія подробности совершившагося переворота. Въ Сербіи замѣчалось какъ будто непониманіе тѣхъ естественныхъ чувствъ, которыя заставляли другіе народы возмущаться и негодовать по поводу кровавой ночи 29 мая; сербскіе дѣятели и патріоты слишкомъ легко отнеслись къ фактамъ, сопровождавшимъ паденіе Обреновичей, и не нашли ничего ненормальнаго въ томъ, что убійцы короля и королевы, ихъ министровъ и приближенныхъ, публично заявлявшіе о своихъ подвигахъ, были откровенно награждены видными мѣстами въ арміи и въ администраціи. Народная скупштина оправдала или, вѣрнѣе, одобрила виновниковъ дворцоваго избіенія; отъ новаго короля нельзя было требовать суда надъ людьми, которымъ онъ обязанъ былъ своимъ воцареніемъ, но можно было ожидать, что эти люди по крайней мѣрѣ останутся скромно въ тѣни и не будутъ слишкомъ явно выдвигаться на первый планъ. Случилось, однако, нѣчто другое: руководители и участники удавшагося заговора считали себя призванными играть исключительную роль при новомъ правительствѣ, и офицеры, прикосновенные къ перевороту, образовали особую привилегированную группу, рѣзко выдѣлявшуюся изъ общаго состава сербскаго войска. Король Петръ не имѣлъ настолько твердости и энергіи, чтобы въ самомъ началѣ противостоять этимъ страннымъ притязаніямъ; въ результатѣ получилось нѣчто крайне нежелательное — возбужденіе внутренняго разлада между вліятельными элементами сербской арміи, внесеніе въ нее партійной вражды и борьбы, съ полнымъ забвеніемъ истиннаго національнаго призванія и характера „вооруженнаго народа“. Сербское офицерство ставило себя въ совершенно неправильныя отношенія къ правительству, странѣ и народу; оно меньше думало о своихъ прямыхъ военныхъ обязанностяхъ, чѣмъ о мнимыхъ политическихъ и партійныхъ интересахъ, связанныхъ съ вопросами личной карьеры. Въ арміи возникло движеніе протеста противъ группы заговорщиковъ и убійцъ; составились петиціи къ королю объ устраненіи отъ военной службы всѣхъ, замѣшанныхъ въ кровавомъ дѣлѣ, и множество офицеровъ давало этимъ ходатайствамъ свои подписи. Печальнѣе всего то, что эта агитація развилась и выросла не на почвѣ нравственныхъ побужденій: никто не протестовалъ своевременно, когда участники переворота были торжественно объявлены заслуженными патріотами и героями; первые мѣсяцы прошли безъ всякаго общественнаго или спеціально-офицерскаго протеста, и оппозиція появилась только послѣ того, какъ выяснилось господствующее положеніе, занятое счастливыми заговорщиками. Оппозиціонная агитація была направлена въ сущности не противъ преступленій и кровавыхъ излишествъ, допущенныхъ въ ночь 29 мая, а противъ неумѣренныхъ служебно-политическихъ преимуществъ и притязаній офицеровъ, участвовавшихъ въ низ-

верженіи династіи; это была борьба на почвѣ личныхъ интересовъ, а не изъ-за идей или принциповъ. Офицерскія петиціи такого рода и содержанія, конечно, не могли считаться законными; но невозможно было прилагать къ нимъ мѣрку строгой законности при тѣхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, которыми сопровождалась перемѣна династіи. Недавніе заговорщики, оставленные безъ преслѣдованія за полное ниспроверженіе военной дисциплины и за убійство своихъ начальниковъ, должны были первые возстать противъ суда надъ офицерами, позволившими себѣ слабый протестъ противъ этой безнаказанности; и если „протестанты“ коллективно высказали пожеланіе, безусловно справедливое по существу и не грозящее противникамъ никакими карами, то король Петръ могъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы проявить свое безпристрастіе и избавиться отъ упрека въ чрезмѣрной солидарности съ лицами, замаравшими себя кровью женщины. Военный судъ надъ составителями петиціи противъ заговорщиковъ, которые сами никакому суду не подвергались,—былъ не только явною несправедливостью, но и крупною политическою ошибкою.

Очевидно, въ сербской арміи господствуютъ еще традиціи, утвердившіяся въ печальную эпоху короля Милана, — традиціи мелочного честолюбія, фаворитизма и политиканства, и важнѣйшей задачей новаго сербскаго правительства слѣдуетъ считать возстановленіе естественной роли національныхъ войскъ, путемъ надлежащаго преобразованія и очищенія офицерства. Эта важная задача могла бы быть исполнена съ успѣхомъ только такимъ авторитетнымъ и популярнымъ военно-политическимъ дѣятелемъ, какъ генералъ Савва Груичъ, имя котораго въ послѣднее время все чаще связывается съ ожиданіями новаго, разумнаго режима въ Сербіи. Послѣдніе выборы въ народную скупштину дали огромное большинство соединеннымъ группамъ радикальной или народной партіи, и если эти группы съумѣютъ отбросить прежнее рутинное политиканство для пользы всей страны, то Сербія получитъ наконецъ возможность спокойнаго внутренняго развитія, послѣ многихъ лѣтъ безплодныхъ волненій и тревогъ.

Въ Австро-Венгріи одинъ тяжелый кризисъ смѣняется другимъ, и тѣмъ не менѣе внѣшній авторитетъ ея, какъ великой державы, нисколько не слабѣетъ и даже какъ будто усиливается, вопреки природѣ вещей. Національная распря между чехами и нѣмцами въ австрійской половинѣ имперіи временно затихла, и министерство фонъ-Кербера продолжаетъ управлять дѣлами, хотя не успѣло ничего сдѣлать для достиженія желаннаго компромисса; зато въ Венгріи съ неожи-

данной силою разыгрался конфликтъ между парламентомъ и правительствомъ,—конфликтъ, который, благодаря усердію нѣкоторыхъ совѣтниковъ короля-императора, едва не разросся въ прямое столкновеніе между мадьярскою націею и короною. Венгрія давно уже недовольна прежними основами своего государственнаго существованія и стремится къ большему обезпеченію своей экономической самостоятельности и своей военно-политической автономіи; венгерскіе министры должны были до сихъ поръ лавировать между различными національными партіями съ одной стороны и придворными вліяніями и требованіями—съ другой, а въ области промышленныхъ интересовъ они встрѣчали упорное противодѣйствіе въ австрійскомъ парламентѣ и правительствѣ, вслѣдствіе чего не могло состояться возобновленіе торговаго трактата между обѣими частями имперіи. Къ старымъ политическимъ и промышленнымъ разногласіямъ прибавились теперь новыя, касающіяся національнаго характера венгерской арміи, и достигнуть соглашенія на этой скользкой почвѣ не удалось и предпріимчивому графу Кюну-Гедервари, пріобрѣвшему извѣстность своею административною энергіею и настойчивостью въ должности бана Хорватіи. Постъ венгерскаго министра-президента опять остается вакантнымъ, и при обострившемся національномъ настроеніи мадьяръ императоръ Францъ-Іосифъ имѣетъ предъ собою крайне трудную дилемму:—или допустить хроническій разладъ съ Венгріею, или сдѣлать уступку, которую раньше публично призналъ для себя невозможною.

Въ самый разгаръ этого политическаго кризиса вѣнскому кабинету приходится вновь провѣрить свое традиціонное вліяніе на судьбы Балканскаго полуострова,—вліяніе, пріобрѣтающее иногда рѣшающую силу, благодаря дружественной предупредительности сосѣднихъ великихъ державъ. Свиданіе двухъ могущественныхъ монарховъ и ихъ министровъ въ Вѣнѣ приведетъ, быть можетъ, къ нѣкоторому расширенію австро-русской программы турецкихъ реформъ, соотвѣтственно измѣнившимся обстоятельствамъ,—хотя на успѣшные результаты такого расширенія надѣяться трудно.

Неожиданныя перемѣны въ составѣ британскаго правительства имѣютъ только косвенную связь съ общимъ ходомъ политической жизни въ Англіи и съ современнымъ положеніемъ ея главныхъ парламентскихъ партій. Наиболѣе вліятельный и популярный изъ англійскихъ министровъ, справедливо считавшійся душою кабинета, во главѣ котораго номинально стоитъ Бальфуръ,—Чемберленъ вышелъ въ отставку не потому, что потерпѣлъ какую-нибудь неудачу, или что противъ него высказалось общественное мнѣніе; напротивъ, онъ сильнѣе

чѣмъ когда-либо поддерживается печатью и господствующими политическими группами въ Великобританіи;—онъ отказался отъ министерскаго поста только потому, что не могъ примѣнить къ дѣлу свои новые взгляды на задачи промышленной политики вслѣдствіе принципіальныхъ разногласій съ нѣкоторыми товарищами по кабинету. Чемберленъ отрекся отъ старой англійской системы свободной торговли и сдѣлался протекціонистомъ, чтобы на этой почвѣ подготовить таможенный союзъ Англіи со всѣми ея обширными колоніями и способствовать созданію и укрѣпленію внѣшняго единства государствъ англосаксонской расы въ разныхъ частяхъ свѣта. Глава кабинета, Бальфуръ, раздѣляетъ основныя идеи Чемберлена и признаетъ ихъ патріотическое величіе, что̀ и выразилъ въ напечатанной недавно брошюрѣ; но нѣкоторые изъ остальныхъ министровъ, въ качествѣ приверженцевъ свободы торговли, вышли въ отставку одновременно съ Чемберленомъ, который съ своей стороны желалъ пріобрѣсть бо̀льшую свободу дѣйствій для широкой общественной пропаганды своей имперіалистской программы. Личное положеніе Чемберлена только усилилось съ выходомъ его изъ кабинета, и общественное мнѣніе уже серьезно видитъ въ немъ будущаго перваго министра Англіи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1903.

I.

— Къ семидесятипятилѣтію графа Л. Н. Толстого. 1828 — 28-го августа—1903. Графъ Л. Н. Толстой, какъ писатель всемірный и распространеніе его произведеній въ Россіи и за границей и т. д. Составилъ П. Д. Драгановъ, помощникъ библіотекаря Имп. Публ. Б-ки. Спб. 1903.

Въ заглавіи обозначено также, что настоящая книжка представляетъ статистическо-библіографическія данныя, извлеченныя изъ другого труда автора: „Хронологическое обозрѣніе *сорока-пяти* разноязычныхъ переводовъ“ (Tolstojana Polyglotta), труда еще неизданнаго.

Нечего говорить, что задача—собрать библіографическія свѣдѣнія о переводахъ произведеній гр. Толстого на иностранные языки—чрезвычайно интересна; къ сожалѣнію, какъ можно заключить изъ предисловія, авторъ не могъ найти издателя для своего труда, и въ настоящей книжкѣ онъ даетъ только общіе статистическіе выводы относительно литературы иностранныхъ переводовъ гр. Толстого.

Выводы въ самомъ дѣлѣ интересны. Авторъ прежде всего высчиталъ, въ какомъ хронологическомъ порядкѣ являлись первые переводы изъ сочиненій гр. Толстого. Оказалось, что въ періодъ времени 1870—1898 г. переводы выходили въ такой очереди: греческіе (1870), словацкіе (1876), сербскіе (1877), французскіе (1877), англійскіе (1878), венгерскіе (1878), датскіе (1879), чешскіе (1881), нѣмецкіе (1882), болгарскіе (1884), малороссійскіе (1884), шведскіе (1885), финскіе (1885), армянскіе (1885), червоно-русскіе (1886), англо-американскіе (1886), голландскіе (1887), итальянскіе (1887), хорватскіе (1887), карельскіе, въ Россіи (1887), грузинскіе (1887), сартскіе, въ Туркестанѣ (1887), норвежскіе (1887), испанскіе (1889), эстонскіе (1889), латышскіе (1890), литовскіе, въ Россіи и Пруссіи (1891), польскіе въ Россіи и Австріи (1891), португальскіе (1892), турецкіе (1894), румын-

скіе (1894), арабскіе (1894), хорутанскіе или словинскіе (1895), лужицкіе (1895), китайскіе (1895), на языкѣ эсперанто (1895), татарскіе, по кавказскому нарѣчію (1896), японскіе (1896), еврейскіе (1897), черемисскіе (1897) и татарскіе, по казанскому нарѣчію (1899).

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что авторъ напрасно переименовалъ словаковъ въ „словяковъ", а словинцевъ—въ „словянцевъ": оба послѣдніе термина произвольны и неправильны. Тутъ же авторъ ставитъ вопросительный знакъ къ замѣчанію, сдѣланному нѣкогда нами въ „Вѣстникѣ Европы", что такая слава и популярность, какими пользуется во всемъ свѣтѣ гр. Л. Н. Толстой, „*впервые* выпадаютъ на долю русскаго писателя". Что вызвало въ этихъ словахъ недоумѣніе автора, не понимаемъ: вся его собственная книжка наполнена указаніями „всемірной" извѣстности и славы гр. Л. Н. Толстого,—и въ приведенныхъ словахъ только и было сказано, что такой всемірной славы не достигалъ до гр. Толстого ни одинъ изъ русскихъ писателей, и она *впервые* досталась ему. Какой же другой русскій писатель былъ переводимъ въ такомъ обиліи, и какой другой русскій писатель пріобрѣталъ такую широкую славу?

Далѣе, авторъ разсуждаетъ такъ:

„...Вышеуказанный списокъ можетъ служить намъ показателемъ лишь *первоначальнаго рвенія* множества языковъ и народовъ міра къ заключенію знакомствъ (?) съ Л. Толстымъ или путемъ перевода, или критики его произведеній на родномъ языкѣ; и далеко не всегда на основаніи того списка можно судить о степени *дѣйствительной* популярности Л. Н. Толстого у того или другого народа, въ той или другой иноязычной литературѣ. Если же теперь мы посмотримъ на дѣло съ иной точки зрѣнія, т.-е. разберемъ его по методу (?) *количественному*, то тѣ же самые сорокъ народовъ-языковъ на поприщѣ международнаго *состязанія* въ переводахъ Толстого на свой домашній языкъ, приходится совершенно перетасовать и составить *новую таблицу старшинства*, уже не по времени, а на основаніи количества представленныхъ переводовъ. Послѣ этой перетасовки мы получаемъ иныя, часто совершенно неожиданныя цифры, представляющія интересныя данныя для сужденія, употребляя выраженіе Лацаруса и Штейнталя, о *народной психологіи* въ частности, о характерѣ каждаго народа или, лучше сказать, представленныхъ имъ за себя, какъ бы въ роли уполномоченныхъ (?) различныхъ переводчиковъ и критиковъ Л. Н. Толстого. Одни изъ этихъ народовъ очень рано устремились, прямо рванулись (?) къ Толстому, когда онъ стоялъ на кульминаціонной высотѣ своей неувядаемой славы, какъ замѣчательнѣйшій художникъ русской дѣйствительности; другіе лишь порывались къ нему...; третьи отставали...; четвертые спѣшили заднимъ числомъ наверстать

дѣло...; шестые болѣе или менѣе охладѣли къ своему кумиру...; седьмые же, возненавидѣвъ, чуть не бросили его совсѣмъ, и т. д. Такимъ образомъ, получилась картина интересная и даже нѣсколько забавная, ибо первые стали чуть ли не послѣдними,. а многіе изъ послѣднихъ заняли первыя мѣста"...

Все это можно было объяснить и сказать проще, не придумывая особыхъ „методовъ", „перетасовки" и т. п. Самая простая библіографическая запись потребовала бы указанія годовъ отдѣльныхъ книгъ и числа книгъ, изданныхъ на томъ или другомъ языкѣ: такимъ образомъ, опять при самомъ простомъ подсчетѣ оказались бы два ряда цифръ—одинъ рядъ показалъ бы хронологическую послѣдовательность разноязычныхъ изданій, а другой—количество книгъ, переведенныхъ на тотъ или другой языкъ (послѣднее можно было бы сосчитать и въ общей суммѣ, и въ послѣдовательности годовъ). Само собою понятно, что первый рядъ (въ какой очереди появлялись на разныхъ языкахъ *первые* переводы) представлялъ бы нѣчто, чрезвычайно случайное, что̀ могло бы имѣть развѣ только интересъ анекдотическій—и больше никакого. Въ самомъ дѣлѣ, какое другое значеніе можетъ имѣть тотъ фактъ, что въ этомъ хронологическомъ рядѣ первое мѣсто занимаетъ переводъ греческій? Что появленіе греческаго перевода было простой случайностью, видно, напримѣръ, изъ того, что на греческомъ языкѣ въ теченіе тридцати лѣтъ появилось только три книги или книжки, переведенныхъ изъ Л. Н. Толстого, а въ нѣмецкой литературѣ (хотя первые переводы явились гораздо позднѣе, чѣмъ на греческомъ) въ тотъ же періодъ времени издано было до 200 книгъ; эта послѣдняя цифра указывала, конечно, уже не случайность. Далѣе, сравнивая цифры переводовъ Толстого въ разныхъ литературахъ, едвали возможно говорить о „состязаніи" (развѣ только въ качествѣ реторической фразы). Никакого состязанія здѣсь не было, и сличеніе разныхъ литературъ по отношенію къ Л. Н. Толстому было бы чрезвычайно интересно совсѣмъ въ другомъ смыслѣ—не по числу переведенныхъ книжекъ, а по тому, какъ относилась та или другая критика къ Л. Н. Толстому—въ его произведеніяхъ художественныхъ, и въ его теоріяхъ и проповѣдяхъ религіозно-нравственныхъ и общественныхъ.

Внѣшнее распространеніе сочиненій гр. Толстого въ иностранныхъ литературахъ авторъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ:

„Первое мѣсто по усердію къ переводамъ и изученію гр. Л. Н. Толстого въ международной литературѣ занимаютъ, какъ и слѣдовало ожидать, нѣмцы, которые кромѣ изученій и критическихъ статей о Толстомъ до сихъ поръ успѣли представить 201 переводъ его сочиненій"... Далѣе идутъ французы, представившіе 156 такихъ переводовъ; затѣмъ словаки—80, англичане—73, болгары—48, чехи—45, испанцы—

38, сербы—36, шведы — 34, датчане—27, финны—25, американцы (англ.)—12, поляки—10, хорваты—9, итальянцы—7, турки—7, и, наконецъ, разные другіе европейскіе и восточные народы — отъ 6 до 1 перевода.

Сосчитавъ (приблизительно) русскія, въ предѣлахъ Россіи, и иноязычныя изданія сочиненій гр. Толстого, авторъ получилъ цифры 238 и 523 и заключилъ, что хотя до 1870 г. о гр. Толстомъ не слыхали за границей, тамъ гр. Толстой „чуть ли не въ три раза распространеннѣе, популярнѣе, народнѣе, чѣмъ въ самой Россіи, и это лишь за послѣднія 27 лѣтъ непосредственнаго знакомства съ Толстымъ... Конечно, такое большое преимущество сорока иноязычныхъ переводовъ по сравненію съ подлинными изданіями на русскомъ языкѣ объясняется лишь однимъ *внѣшнимъ* обстоятельствомъ, внѣшнею стороною дѣла,—тѣмъ, что за границей безвозбранно печатаются *всѣ* произведенія Толстого, какъ запретныя и авторизованныя, такъ и не авторизованныя (?) и даже поддѣльныя.

Послѣднее обстоятельство,—хотя и смутно указанное авторомъ,—составляетъ серьезную и прискорбную черту въ положеніи писательской дѣятельности гр. Толстого (многія сочиненія гр. Толстого не имѣютъ у насъ свободнаго обращенія); но разсчетъ степени популярности гр. Толстого (за границей—больше „чуть ли не въ три раза“) достоинъ былъ бы занять мѣсто въ задачникѣ Евтушевскаго по своей мудрености. Приведенныя цифры: 238 и 523, авторъ беретъ *гуртомъ*, но первая цифра относится къ *одному* народу, а вторая—къ *сорока* народамъ: какъ же сосчитать степень популярности? Въ самомъ дѣлѣ, изъ самаго списка, приводимаго авторомъ, видно, что многіе имѣютъ изъ Толстого только *два-три*, или даже только *одинъ* переводъ которой-нибудь книжки; какая же здѣсь степень популярности?

Въ началѣ книжки авторъ разсказываетъ съ великимъ негодованіемъ, какъ одно время рукопись его сочиненія затерялась въ редакціи газеты „Россія“ у г. Амфитеатрова, и разсказываетъ очень длинно. Этотъ эпизодъ можетъ показаться весьма неумѣстнымъ: читатель на первое время не разберетъ, что главное въ книжкѣ—г. Амфитеатровъ или гр. Л. Н. Толстой; вниманіе читателя во всякомъ случаѣ развлечено. Если уже автору необходимо было излить свои чувства къ г. Амфитеатрову, лучше было бы (чтобы не ослаблять интереса къ гр. Л. Н. Толстому) сдѣлать это отдѣльно, въ газетной статьѣ или особой книжкѣ.

И въ другомъ случаѣ обличительныя стремленія автора были едвали умѣстны. Этотъ другой случай относится къ г. Михайловскому. Вѣроятно, и самъ г. Михайловскій отвѣтитъ на обличенія автора, но вопросъ можетъ быть и общелитературнымъ. Авторъ обвиняетъ г. Ми-

хайловскаго ни много, ни мало какъ въ лицемѣріи—по слѣдующему случаю: г. Михайловскій далъ „злой отзывъ“ (?) о гр. Толстомъ въ „Р. Богатствѣ“ въ началѣ 1898 года, но „тотъ же Михайловскій лицемѣрно принималъ участіе въ литературномъ вечерѣ, посвященномъ чествованію юбилея гр. Л. Н. Толстого 4 октября 1898 г. въ Петербургѣ“. Не помнимъ этого злого отзыва, но во всякомъ случаѣ г. Михайловскій дѣлалъ такой отзывъ не огуломъ о *всей* дѣятельности гр. Л. Н. Толстого, и осуждая одно, могъ быть наилучшаго мнѣнія о другомъ (напр. осуждать философію гр. Толстого и высоко цѣнить его художественныя произведенія), и, по своему сочувствію къ одной долѣ твореній гр. Толстого, могъ принять участіе въ литературномъ вечерѣ безъ всякаго „лицемѣрія“. Могло быть и другое. Между „злымъ отзывомъ“ и „литературнымъ вечеромъ“ прошло цѣлыхъ полгода: было ли извѣстно автору, что̀ за это время происходило въ душѣ г. Михайловскаго? Можетъ быть, онъ раскаялся въ „зломъ отзывѣ“ и, можетъ быть, оплакивалъ свое заблужденіе, отправляясь на „литературный вечеръ“? — Авторъ этого не знаетъ, и обвиненіе было преждевременно: автору слѣдовало удостовѣриться сначала въ поведеніи г. Михайловскаго. Въ томъ и другомъ случаѣ обвиненіе не соотвѣтствуетъ литературнымъ приличіямъ.

Гораздо болѣе этихъ полемическихъ отступленій былъ бы интересенъ самый библіографическій трудъ о гр. Л. Н. Толстомъ. Между прочимъ, извѣстно ли автору, что обширная библіографія сочиненій гр. Толстого существуетъ уже, какъ сообщалъ намъ С. А. Венгеровъ, въ каталогѣ Британскаго музея въ Лондонѣ? — А. П.

II.

— Графъ Л. Н. Толстой. Великій писатель русской земли. Его жизнь. Семья. Друзья. Критики и толкователи. Въ портретахъ, гравюрахъ, медаляхъ, живописи, скульптурѣ, каррикатурѣ и т. д. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Выпускъ I. Спб. 1903.

Задолго до выхода настоящаго изданія, въ газетахъ можно было встрѣтить рекламы о появленіи альбома, въ которомъ читающая публика могла разсчитывать найти небывалую полноту матеріала въ соединеніи съ изяществомъ исполненія; но—увы!—первый выпускъ обманулъ самыя снисходительныя ожиданія. Представьте себѣ тоненькую тетрадь большого формата весьма посредственной бумаги, наполненную весьма посредственнымъ текстомъ и плохими снимками портретовъ, факсимиле, видами и проч. Предисловіе начинается заявленіемъ о томъ, что „выпускаемый нами (т.-е. издателями) альбомъ

гр. Л. Н. Толстого—явленіе еще совершенно новое для Россіи". Не говоря уже объ извѣстной книгѣ г. Сергѣенка („Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой"), заключающей въ себѣ большое количество аналогичнаго матеріала и совершенно не упомянутой въ предисловіи, существуютъ прекрасные и въ большинствѣ случаевъ недорогіе альбомы, связанные съ именами Пушкина, Бѣлинскаго, Гоголя. Хотя нѣкоторые изъ нихъ появились уже давно, а иные успѣли уже выйти изъ продажи, издатели, заявлявшіе о новизнѣ своего альбома, оговариваются, тѣмъ не менѣе, наивной фразой о томъ, что, молъ, теперь начинаютъ собирать „остатки отъ другихъ нашихъ великихъ людей"—„и тоже издаютъ въ видѣ альбома"... Оговариваясь, что текстъ является лишь поясненіемъ къ рисункамъ и не можетъ претендовать на связность, издатели предупредительно просятъ читателей указывать имъ на пропуски, обѣщая воспользоваться этими указаніями въ дополненіяхъ и новыхъ изданіяхъ...

Альбомъ открывается совершенно нелѣпымъ рисункомъ, изображающимъ Л. Н. Толстого въ видѣ льва, съ звѣринымъ выраженіемъ лица, лежащаго на вертикально поставленной книгѣ; внизу—громадные вѣнки, перевязанные лентами. Что̀ обозначаетъ этотъ символъ,—сказать трудно, но онъ весьма мало подходитъ къ Л. Н. Толстому, проповѣднику незлобія и любви. Въ выборѣ матеріала оказалось явное неумѣнье: о жизни и литературной дѣятельности Толстого сказано мало, между тѣмъ какъ о предкахъ знаменитаго писателя приведены сравнительно подробныя свѣдѣнія, причемъ помѣщенъ мало интересный фамильный гербъ гр. Толстыхъ и видъ семибашеннаго замка въ Константинополѣ, въ которомъ, какъ извѣстно, былъ заключенъ родоначальникъ Толстыхъ, гр. Петръ Андреевичъ. Среди современниковъ Толстого, имѣвшихъ къ нему то или иное отношеніе, находимъ портреты М. Н. Каткова, С. С. Дудышкина, М. В. Авдѣева, Виктора Острогорскаго, М. И. Драгомирова, но не находимъ отдѣльныхъ портретовъ Некрасова, Тургенева, Гончарова, Фета и мн. др., изображенія которыхъ были бы гораздо умѣстнѣе, чѣмъ, къ примѣру будь сказано, портретъ Михаила Никифоровича Каткова... Не находимъ въ изданіи и снимковъ съ извѣстнѣйшихъ портретовъ Толстого (напр., работы Рѣпина). Можетъ быть, все это войдетъ въ слѣдующіе выпуски, но въ предисловіи не указано ни количества этихъ выпусковъ, ни общаго плана изданія.

Правда, цѣна не особенно дорога—всего 60 коп.,—но мы увѣрены, что каждый охотно заплатилъ бы лишній двугривенный, чтобы имѣть нѣсколько изящный альбомъ, а не лубочное изданіе, мало рекомендующее такую солидную фирму.

III.

— Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова. Т. I-VI. Спб. 1903.
— Сочиненія и письма А. С. Пушкина. Критически провѣренное и дополненное по рукописямъ изданіе, съ біографическимъ очеркомъ, вступительными статьями, объяснительными примѣчаніями и художественными приложеніями, подъ редакціей П. О. Морозова. Спб. 1903. Т. I—II.

Оба изданія сочиненій величайшаго русскаго поэта отвѣчаютъ каждое въ своемъ родѣ назрѣвшимъ потребностямъ. Послѣднее десятилѣтіе, въ особенности же годы послѣ памятной Пушкинской годовщины, значительно подвинуло впередъ вопросъ о всестороннемъ изученіи творчества и жизни Пушкина. Появились и продолжаютъ появляться все новые и новые матеріалы, заключающіе въ себѣ данныя для исторіи его произведеній или біографіи. Разъясняется эпоха, въ которую онъ жилъ, выступаютъ изъ мрака забвенія его современники, съ которыми онъ былъ въ литературныхъ или житейскихъ отношеніяхъ, и нравственная физіономія его обрисовывается въ истинномъ свѣтѣ, какъ и творческій геній поэта, встрѣчавшій при жизни столько препятствій для своего свободнаго проявленія. Среди различныхъ сторонъ этого изученія творчества и личности Пушкина, установленіе подлиннаго текста его произведеній слѣдуетъ считать едва ли не самымъ существеннымъ вопросомъ. Еще Пушкинъ при жизни жаловался на искаженіе текста его сочиненій; первыя посмертныя изданія заключали въ себѣ много неточностей и ошибокъ, доходившихъ до курьеза; приходилось считаться и съ невѣжественной и придирчивой цензурой. Долгое время бумаги Пушкина не могли появиться на свѣтъ, и только много лѣтъ спустя, когда настало время для историческаго изслѣдованія Пушкинскаго текста и стало возможнымъ пользоваться бумагами Пушкина, стали осуществимы въ строгомъ смыслѣ научныя изданія въ родѣ академическаго (первый томъ появился въ 1899 г.) или тѣхъ, о которыхъ мы собираемси говорить. Изъ нихъ первое редактировано извѣстнымъ знатокомъ и давнишнимъ издателемъ Пушкина П. А. Ефремовымъ, а второе—П. О. Морозовымъ, редактировавшимъ имѣвшее заслуженный успѣхъ изданіе Литературнаго фонда.

Въ настоящемъ своемъ изданіи сочиненій Пушкина г. Ефремовъ старался, по его словамъ, собрать все, что появилось до сихъ поръ въ печати съ именемъ поэта, какъ достовѣрно ему принадлежащее, и все это провѣрить, исправить и дополнить на основаніи сохранившихся рукописей поэта или же списковъ, о которыхъ было достовѣрно извѣстно, что они сдѣланы прямо съ подлинниковъ. Въ этомъ

отношеніи имѣетъ особое значеніе тотъ фактъ, что въ распоряженіи г. Ефремова была тетрадь П. В. Анненкова, въ которую Анненковъ первоначально списывалъ съ рукописей, хранящихся нынѣ въ Румянцовскомъ музеѣ. „При этомъ оказалось,—замѣчаетъ г. Ефремовъ,—что многіе отрывки и черновые наброски прочитаны Анненковымъ удовлетворительнѣе чтенія послѣдующихъ изслѣдователей, и что списаны нѣкоторыя черновыя письма поэта и такія произведенія, которыхъ теперь уже не оказывается между музейскими рукописями. По-видимому, всѣ они были оставлены Анненковымъ въ свою собственность, ибо у насъ имѣется цѣлый десятокъ такихъ „извлеченныхъ“ листковъ, которые мы получили отъ знакомыхъ Анненкова, получившихъ ихъ въ свою очередь въ подарокъ отъ него; другой десятокъ такихъ же подлинниковъ былъ выметенъ при очисткѣ сарая въ проданномъ Анненковскомъ имѣніи и болѣе сотни ихъ найдено было въ петербургской квартирѣ его брата, гдѣ онъ жилъ, пріѣзжая изъ имѣнія; а Л. Н. Майковъ говорилъ намъ, что „много такихъ листковъ получилъ отъ вдовы Анненкова для академическаго изданія и вмѣстѣ съ ними писарскую копію съ указанной выше тетради, изъ которой, впрочемъ, вырвано нѣсколько страницъ“.

Въ вышедшихъ томахъ матеріалъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ первомъ томѣ—Лирическія стихотворенія (1812—1824); во второмъ томѣ—Лирическія стихотворенія (1825—1836);—Поэмы (1820—1822); въ третьемъ томѣ—Поэмы;—Драматическія произведенія;—Сказки (1823—1834); въ четвертомъ томѣ—„Евгеній Онѣгинъ“ (1822—1831);—Романы и повѣсти (1827—1833); въ пятомъ томѣ—Повѣсти, сцены, анекдоты (1834—1835);—Отрывки повѣстей 1819—1835);—„Арзрумъ“ (1829—1835);—„Радищевъ“ (1833—1836);—Записки; Историческія и критическія замѣтки (1815—1835); въ шестомъ томѣ—статьи изъ „Современника“ (1836—1837);—„Исторія Пугачевскаго бунта“ (1833—1834);—„Камчатка“;—„Петръ Великій“ (1832—1837).—Примѣчанія будутъ выдѣлены особо.

Являясь результатомъ глубоко продуманной и обширной редакторской работы, изданіе г. Ефремова заключаетъ въ себѣ качества, какихъ не было въ прежнихъ изданіяхъ: полноту и свѣжесть матеріала, новое и болѣе удобное распредѣленіе и текстъ, провѣренный по первоизданіямъ, т.-е. въ томъ видѣ, въ какомъ его желалъ видѣть самъ Пушкинъ. Впечатлѣніе полноты получается отъ того, что г. Ефремовъ внесъ въ основной текстъ въ послѣдовательномъ хронологическомъ порядкѣ тѣ стихотворенія и отрывки, которые были и въ рукописяхъ, и въ предъидущихъ изданіяхъ среди писемъ, въ отдѣлѣ прозы и черновыхъ наброскахъ. Въ распредѣленіи лицейскихъ стихотвореній редакторъ слѣдовалъ порядку, установленному Л. Н. Майковымъ, во

второмъ академическомъ изданіи, но самый текстъ этихъ стихотвореній потребовалъ провѣрки по рукописямъ или достовѣрнымъ спискамъ. Сообщая объ этомъ въ предисловіи, авторъ дѣлаетъ попутно рядъ важныхъ указаній и исправленій, касающихся академическаго изданія; замѣчанія эти всѣ фактическаго свойства и несомнѣнно будутъ приняты къ свѣдѣнію.

Возстановляя Пушкинскую орѳографію, г. Ефремовъ вернулся и къ Пушкинской разстановкѣ знаковъ препинанія. Обстоятельство это, на первый взглядъ маловажное, можетъ имѣть, однако, большое значеніе, какъ видно на слѣдующемъ примѣрѣ. Рѣчь идетъ о томъ же академическомъ изданіи. „Въ разстановкѣ знаковъ препинанія Майковъ тоже придерживался первоначальнаго печатанія, производившагося, можетъ быть, подъ глазами полуграмотныхъ корректоровъ. Напримѣръ, въ стихотвореніи: *Блаженство*, напечатано было, что „Пѣлъ влюбленный пастушокъ“, а сатиръ „*слушалъ пѣсенки* ночной, въ ладъ качая головой“. Когда въ печати замѣтили неправильность этого стиха, то во второмъ изданіи Майковъ сдѣлалъ замѣчаніе, что это старинный оборотъ рѣчи: согласованіе глагола: слушать, съ родительнымъ падежомъ, и что у Державина въ одной пьескѣ встрѣчается: „Приди моей *сей пѣсни слушать*“. Сколько, вѣроятно, было потрачено труда на такое разысканіе, а стоило только запятую перенести изъ конца стиха къ первому слову, и оказалось бы, что сатиръ слушалъ пѣніе пастуха, качая головой *въ ладъ ночной пѣсенки*“. Другой примѣръ еще характернѣе. „Въ *Пирующихъ студентахъ* по снимку съ автографа, помѣщенному при одномъ изданіи Лицея, видно, что Пушкинъ, подшучивая надъ Кюхельбекеромъ, называетъ его „писателемъ за свои грѣхи“, а по пунктуаціи Майкова Пушкинъ замѣчаетъ, что Кюхельбекеръ—„за свои грѣхи съ виду всѣхъ трезвѣе“. Не одно и то же: „Писатель за свои грѣхи! ты съ виду всѣхъ трезвѣе!“ и „Писатель! За свои грѣхи ты съ виду всѣхъ трезвѣе!“

Къ изданію приложены два портрета Пушкина въ офортахъ, сдѣланныхъ съ оригиналовъ Тропинина и Кипренскаго художникомъ Рундальцовымъ.

Благопріятное впечатлѣніе производитъ и изданіе, выходящее подъ редакціей П. О. Морозова. Пока вышло два тома, но характеръ изданія вполнѣ опредѣлился. Онъ представляетъ собою переработку вышедшаго въ 1887 г. изданія Литературнаго фонда и имѣетъ цѣлью, по мысли редактора, дать читателямъ, во-первыхъ, по возможности полный и тщательно провѣренный текстъ произведеній Пушкина, а во-вторыхъ—пособіе для занимающихся изученіемъ поэта и его эпохи.

Соотвѣтственно этой цѣли, какъ сообщаетъ редакторъ въ предисловіи, имъ вновь пересмотрѣны, исправлены и дополнены по по-

длиннымъ рукописямъ Пушкина произведенія и письма поэта; текстъ произведеній, напечатанныхъ при жизни Пушкина, свѣренъ съ печатными изданіями. При этомъ, по примѣру академическаго изданія, г. Морозовъ принялъ въ большинствѣ случаевъ за правило основной текстъ печатать въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ передъ глазами поэта въ послѣдній разъ—въ печати или въ рукописи, а первоначальныя чтенія и варіанты указывать въ примѣчаніяхъ. Считая невозможнымъ возстановить подлинное Пушкинское правописаніе, г. Морозовъ въ текстѣ настоящаго изданія соблюдаетъ общепринятое правописаніе, „тѣмъ болѣе, что и самъ Пушкинъ никогда не держался послѣдовательно какой-либо опредѣленной орѳографической системы". Распредѣленіе сочиненій Пушкина въ настоящемъ изданіи является въ слѣдующемъ видѣ: томъ I—Мелкія стихотворенія 1812—1824 гг.; томъ II—Мелкія стихотворенія 1825—1836 гг.; Пѣсни западныхъ славянъ; сказки; народныя пѣсни, записанныя и переведенныя Пушкинымъ; томъ III—Поэмы и драматическія произведенія въ стихахъ; томъ IV—„Евгеній Онѣгинъ"; томъ V—Романы, повѣсти и драматическія произведенія въ прозѣ; томъ VI—Журнальныя статьи и замѣтки; дневникъ; записки; черновыя критическія статьи; путешествіе въ Арзрумъ; томъ VII—Исторія пугачевскаго бунта и историческіе матеріалы; томъ VIII—Письма 1815—1836.

Отдѣлу стихотвореній и крупныхъ произведеній Пушкина редакторъ предпосылаетъ небольшія историко-литературныя введенія, въ которыхъ излагаетъ исторію созданія и литературную судьбу произведенія; мелкія подробности біографическія, библіографическія и историко-литературныя относятся вмѣстѣ съ варіантами въ примѣчанія. Первый томъ снабженъ біографическимъ очеркомъ и алфавитнымъ указателемъ.

Спеціальная критика уже указала на нѣкоторые недочеты и мелкіе пропуски въ обоихъ изданіяхъ; они настолько незначительны, что не помѣшаютъ признать оба изданія явленіями крайне желательными въ русской литературѣ.

IV.

— Діонео. Очерки современной Англіи. Изд. редакціи журнала „Русское Богатство". Спб. 1903.

Наше общество нельзя упрекнуть въ отсутствіи интереса къ англійской исторіи и литературѣ. Послѣдняя оказала могучее и плодотворное вліяніе на русскую литературу какъ разъ въ тотъ періодъ ея историческаго развитія, который былъ ознаменованъ переходомъ

къ реальному изображенію умственныхъ теченій и національныхъ формъ быта. Англійская исторія издавна интересовала насъ преимущественно своими государственными учрежденіями и страстной высоко-поучительной борьбой за идеалы народной и общественной свободы. Въ нашемъ общественномъ воспитаніи, или, лучше сказать, самовоспитаніи, знакомство съ тѣмъ, какъ вырабатывались въ Англіи государственныя учрежденія и политическіе принципы, издавна открывало наблюдательному уму богатую сокровищницу культурно-историческихъ опытовъ, назидательныхъ параллелей и обобщеній, создавая въ то же время почву для соотвѣтственныхъ выводовъ и заключеній.

Но за послѣднее время общественная и политическая жизнь всего міра настолько стала объединяющимъ фокусомъ умственныхъ стремленій образованныхъ классовъ, что сдѣлалось невозможнымъ не только изучать, но даже понимать какія-либо отрасли культурной или государственной жизни, развитіе которыхъ неразрывно связано съ коренными общечеловѣческими принципами справедливости, права и свободы, въ ихъ національной исключительности, внѣ связи съ общимъ ходомъ мірового прогресса. Передовыя страны, преимущественно передъ прочими вырабатывающія идеи этого прогресса и указывающія пути ихъ проведенія въ жизнь, естественно привлекаютъ къ себѣ пристальное вниманіе цивилизованнаго міра; послѣдній зорко слѣдитъ не только за отвлеченнымъ ходомъ историческихъ смѣнъ и теченій въ передовыхъ странахъ, но и за современными ему конкретными формами быта.

Для русскаго читателя это имѣетъ особенное значеніе. Знакомство съ англійской жизнью, самой по себѣ чрезвычайно разносторонней, богато и своеобразно культурной, становится тѣмъ необходимѣе, что въ ней въ настоящее время ведется горячая борьба вокругъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ въ широкомъ смыслѣ слова, имѣющихъ существенное значеніе для каждой изъ европейскихъ странъ и прежде всего для нашей родины.

Въ этомъ отношеніи талантливые очерки г. Діонео являются чрезвычайно кстати. Они образовались изъ статей, печатавшихся въ „Русскомъ Богатствѣ“; начиная съ 1897 г., и представляютъ собою попытку набросать въ общихъ чертахъ картину Англіи въ переживаемый ею переходный фазисъ имперіализма. Считаясь съ мрачными фактами англійской общественности, неизбѣжными въ пестрыхъ переливахъ сложной политической жизни каждаго народа, авторъ вынесъ изъ своихъ наблюденій англо-саксонскаго міра глубокое уваженіе къ сильной, настойчивой и талантливой расѣ, для которой широкая гражданская свобода не осталась только отвлеченнымъ принципомъ,

но вся сполна осуществилась въ дѣйствительной жизни. Возможно, что, подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго развитія биржевого капитала и перехода лучшихъ силъ націи въ колоніи, общественныя условія англійской жизни сильно видоизмѣнятся, но имъ предстоитъ развиться въ тѣхъ же смѣлыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ практичныхъ общественныхъ формахъ въ англійскихъ колоніяхъ, разсѣянныхъ по всему міру. Авторъ примыкаетъ къ тому довольно распространенному мнѣнію, что британская имперія превращается въ мощный федеративный союзъ независимыхъ демократическихъ республикъ, причемъ возможно, что центръ тяжести этого міра будетъ находиться не въ Англіи.

Не закрывая глазъ на мрачныя стороны англійской современности, авторъ высказываетъ такое мнѣніе по поводу англо-бурской войны: „Наблюдатель, научившійся цѣнить даровитую, энергичную, свободолюбивую, высоко ставящую принципъ законности англо-саксонскую расу, съ сердечной болью видитъ теперь, какъ эта безумная война вынесла на первое мѣсто наиболѣе грубые, дикіе и ограниченные элементы, которые до того времени прятались, стыдясь своей культурной неумытости. Если мы станемъ судить по тону почти всей прессы, по театральнымъ пьесамъ да по представленіямъ въ кафе-шантанахъ и на основаніи этого заключимъ, что вся Англія теперь опьянена джингоизмомъ въ наиболѣе грубой и непривлекательной формѣ его, то нашъ выводъ будетъ ошибоченъ. Воинственный духъ уличной прессы и театровъ обозначаетъ лишь, что наиболѣе крикливыя и наименѣе симпатичныя части англійскаго общества заняли теперь на время всю передовую линію. Положеніе дѣлъ сильно напоминаетъ одну извѣстную игрушку: полушаръ, наполненный совершенно прозрачною и чистою водою, такъ что тонкій осадокъ на днѣ почти незамѣтенъ; но стоитъ встряхнуть полушаръ, и вся вода замутится. Въ ней закрутятся черные хлопья, змѣйки, головастики и т. п. Толчокъ прекратится,—и змѣйки и лягушки вновь упадутъ на дно и покроются пескомъ. Не одна Англія подвержена подобнымъ толчкамъ. Во многихъ другихъ странахъ черные хлопья, змѣи и жабы кружатся и въ обычное время, даже безъ толчка. Тамъ гадамъ незачѣмъ прикрывать свои хищныя стремленія принципами свободы. Совсѣмъ наоборотъ: неприкрашенные „щучьи“ идеалы возводятся во многихъ мѣстахъ на континентѣ въ принципъ. Наблюдателю *обидно* переживать въ Англіи такіе моменты, какъ теперь. Въ другое время наглая глупость никакъ не смѣла бы выползти здѣсь въ такомъ неприкрытомъ видѣ на свѣтъ Божій, какъ теперь. Мы, жители континента, къ гадамъ привыкли, и видъ ихъ не повергаетъ насъ въ такое уныніе, какъ англичанъ, полагающихъ, что гаду предписано „въ травѣ пресмы-

каться", а не выползать на первое мѣсто. Этимъ объясняется слишкомъ тревожное настроеніе лучшихъ элементовъ англійскаго общества".

Въ первой главѣ, озаглавленной „Смѣна теченій", г. Діонео приводитъ краснорѣчивую справку о тѣхъ гигантскихъ шагахъ по пути прогресса, которые сдѣлала Англія въ теченіе семи-восьми десятилѣтій прошлаго вѣка. „Такъ, въ 1837 г., въ Англіи 43% не могли за безграмотностью подписать брачный контрактъ. Въ 1894 г. неграмотныхъ было 3%. Количество періодическихъ изданій, этихъ учителей демократіи, по выраженію Луи Блана, увеличилось теперь въ 60 разъ. Еще важнѣе то, что среди этихъ изданій много такихъ, которыя основаны самимъ народомъ и въ которыхъ онъ высказалъ свои идеалы. Основались немыслимые прежде народные университеты и аудиторіи. Первая народная библіотека была открыта 30 лѣтъ тому назадъ. Теперь нѣтъ мѣстечка, гдѣ бы ея не было. Такъ называемыя, *передвижныя* библіотеки доставляютъ книги фермерамъ, живущимъ въ самыхъ глухихъ углахъ Англіи. Не менѣе интересны цифры, показывающія количество вкладовъ въ сберегательныхъ кассахъ. Это—одинъ изъ хорошихъ показателей, по которому можно судить о благосостояніи массъ. Въ 1850 г. въ сберегательныхъ кассахъ хранилось 30.100.000 ф. ст. Въ 1895 г.—143.200.000. Въ 1850 г. на 1.000 чел. населенія приходилось 39 вкладчиковъ, въ 1895 г.—203 чел. Другими словами, почти каждая семья имѣетъ книжку сберегательной кассы. Увеличеніе благосостоянія отразилось на уменьшеніи смертности. Уменьшилось количество слѣпыхъ и глухонѣмыхъ, этихъ печальныхъ жертвъ нищеты. Въ 1851 г. на милліонъ населенія было 1.014 слѣпыхъ, въ 1891—809. Въ 1831 г. на то же число населенія приходилось 545 глухонѣмыхъ, въ 1891 г.—489. Упалъ значительно процентъ нищихъ (4,8—въ 1850 г.; 2,6—въ 1896 г.)".

Очень интересна глава объ „имперіализмѣ". Характеристика его далеко не полна, но авторъ весьма обстоятельно останавливается на томъ изъ его теченій, которое сливаетъ имперіализмъ и торговлю въ одно понятіе. По увѣреніямъ экономистовъ имперіализма, послѣдній значитъ не что иное, какъ новые рынки. Новые же рынки значатъ расширеніе промышленности и поднятіе заработной платы. Такимъ утвержденіемъ экономисты, съ легкой руки Чемберлэна, полагали привлечь на свою сторону работниковъ—и не ошиблись въ разсчетѣ.

„Массы были вовлечены тѣмъ,—говоритъ по этому поводу авторъ,—что имъ толковали, что имперіализмъ значитъ расширеніе рынковъ, т.-е. увеличеніе промышленности, а вмѣстѣ съ ней—повышеніе заработной платы. Кромѣ этого, имперіализмъ выставилъ для массъ такъ называемую соціальную программу. „Мы имѣемъ возможность, которой лишены наши противники, обратить самое серьезное вниманіе

на важные соціальные вопросы; разрѣшеніемъ ихъ обусловливается счастье и благосостояніе трудящихся массъ". (Рѣчь Чемберлэна въ сѣверномъ Ламбетѣ, 6-го іюля 1895, передъ общими выборами). „Я хочу вамъ предложить прежде всего одинъ вопросъ: господа, желаете ли вы имѣть у власти правительство, занятое соціальнымъ законодательствомъ? Желаете ли вы реформъ въ этомъ смыслѣ, или вамъ дороги измѣненія въ конституціи, отъ которыхъ вы не получите ничего?" Это опять слова Чемберлэна. „Соціальная" программа была изложена въ манифестѣ, выпущенномъ въ іюлѣ 1895 г. въ Бирмингэмѣ. „Соціальныя реформы. Программа мистера Чемберлэна,—читаемъ мы въ этомъ документѣ. 1) Улучшеніе жилищъ рабочихъ классовъ. Проведеніе закона, дающаго возможность работникамъ, уплатой ренты, пріобрѣтать въ собственность дома. Законъ будетъ аналогиченъ тому, который облегчаетъ ирландскому фермеру покупку земельнаго участка. 2) Законъ, преграждающій эмигрантамъ доступъ въ Англію. Такимъ образомъ, англійскіе работники будутъ ограждены отъ конкуррентовъ, могущихъ сбить заработную плату. 3) Пенсіонъ для всѣхъ престарѣлыхъ. 4) Сокращеніе законодательнымъ путемъ рабочаго дня приказчиковъ въ лавкахъ. 5) Отвѣтственность предпринимателей за жизнь и здоровье работниковъ—безразлично—произошло ли несчастье по винѣ предпринимателей, или же по неосторожности рабочихъ. 6) Восьмичасовой рабочій день. 7) Реформы, касающіяся продажи крѣпкихъ напитковъ. 8) Третейскій судъ для разрѣшенія недоразумѣній между предпринимателями и работниками". Почти ни одно обѣщаніе не было выполнено. Зато министерство щедро было на подарки тѣмъ классамъ, въ поддержкѣ которыхъ имперіализмъ нуждается. Въ 1896 г. проведена была ежегодная взятка въ размѣрѣ 1.613.000 ф. ст. англійскимъ и шотландскимъ лэндлордамъ. Въ 1897 г. священники получили 800.000 ф. ст. въ годъ на конфессіональныя школы. Священники постарались отблагодарить министерство. Они теперь наиболѣе крайніе пропагандисты джингоизма. Священники выступили съ проектомъ новыхъ школъ, въ которыхъ они бы насаждали пламенный патріотизмъ"...

Авторъ указываетъ на страшную опасность, которую несетъ въ себѣ имперіализмъ для англійскаго пролетаріата. Эта опасность выясняется, какъ кажется автору, по мѣрѣ того, какъ проходитъ первый кровавый хмель. „Имперіализмъ значитъ въ концѣ концовъ рабство, т.-е. повтореніе почти тѣхъ деталей строя, на которыхъ держались Греція и Римъ". Авторъ разъясняетъ „этотъ пунктъ" классическими и неклассическими примѣрами. Объясненія его не полны, но вразумительны. Не задерживая вниманія читателя на этихъ примѣрахъ, отмѣтимъ, со словъ автора, положеніе вопроса объ арміи, играющей роль

виднаго фактора въ развитіи всякаго рода имперіализма. „Джингопоэты давно уже доказали необходимость громадной арміи, такой арміи, предъ которой трепетали бы всѣ. Вѣроятно, ни въ одной странѣ никто такъ не восторгается арміей, какъ коллективнымъ цѣлымъ, какъ джинго. И въ то же время ни въ одной странѣ солдатъ, какъ единица, такъ глубоко не презирается, какъ въ Англіи. Это—презрѣніе независимаго человѣка къ „наемнику", продавшему за столько-то шиллинговъ свою свободу, включительно до правъ пороть себя. До войны англійская армія вербовалась изъ подонковъ, изъ людей, которымъ лишь два выхода: либо тюрьма, либо казарма. И очень часто въ казарму попадали тѣ, которые испробовали уже первый выходъ. Противорѣчіе это странно; но, между тѣмъ, нигдѣ, ни въ одной странѣ „Томи Аткинсъ" не фигурируетъ такъ часто героемъ на сценахъ кафе-шантановъ; нигдѣ такъ не воспѣваются его дѣянія (армія имѣетъ теперь Гомеровъ: поэта-лавреата и Киплинга) и нигдѣ такъ не отворачиваются отъ него въ приватной жизни".

Чрезвычайно интересны также главы: „Политическая жизнь и общественные дѣятели", съ весьма мѣткой характеристикой министерства лорда Сольсбери, „Литература и печать" и „Народъ". Въ послѣдней главѣ любопытны свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о сектахъ, проповѣдующихъ, что англичане—избранный Богомъ народъ.

Сочувствуя успѣху интересной книги г. Діонео въ русскомъ обществѣ, не можемъ не выразить пожеланія, чтобы авторъ не скупился на поясненія конкретныхъ фактовъ англійской жизни соображеніями общаго свойства и, имѣя въ виду широкій кругъ читателей, стремился къ возможно бо̀льшей ясности и простотѣ изложенія.

V.

— Евг. Марковъ. Путешествіе по Греціи. Путевые очерки. Спб., 1903.

Книга г. Маркова не только занимательна, но и весьма полезна. Она написана съ тѣми отличающими покойнаго писателя достоинствами, которыя ставятъ его путевые очерки наряду съ лучшими описательными произведеніями корифеевъ нашей литературы. Вдумчивая наблюдательность человѣка много видѣвшаго соединилась въ этой книгѣ съ тонкимъ изяществомъ изложенія. Своими живописными очерками авторъ вызываетъ въ воображеніи читателя яркія картины дивнаго уголка земного шара, взлелѣявшаго лучшія мечты поэзіи и искусства. Картины эти положительно способны примирить съ тѣми жалкими и узкими представленіями объ античномъ мірѣ, которыя съ

такой неохотой и чуть не отвращеніемъ выносятся современнымъ юношей изъ нашей якобы классической школы. Въ самомъ дѣлѣ, выясненіе вопроса о томъ, насколько специфически-наша классическая система содѣйствовала недостаточному интересу русскаго общества къ античному міру въ его прошломъ и настоящемъ, могло бы составить любопытную задачу, ьъ рѣшеніе которой книга г. Маркова внесла бы существенное облегченіе. Сама по себѣ, она можетъ возбудить серьезное желаніе не только воочію увидѣть славную историческими воспоминаніями и живописную страну, но и познакомиться съ ея искусствомъ, археологіею и бытомъ; для ѣдущихъ въ Грецію она—превосходная иллюстрація личныхъ впечатлѣній, а иногда—и опытный и безпристрастный руководитель.

Разсказъ объ островѣ Корфу живо переноситъ читателя на родину Алкиноя и Навзикаи, съ пышными лѣсами и горами „тѣнистой земли феакіянъ“, съ чѣмъ, впрочемъ, не соглашается авторъ, указывая, что Схерія у Гомера изображается глухимъ уголкомъ („отъ народовъ другихъ въ сторонѣ, на послѣднихъ предѣлахъ шумнаго моря“), едва ли совпадавшей съ Корфу, расположеннымъ на перепутьи между Италіей и Греціей. Цитируя то мѣсто поэмы, гдѣ Алкиной, восхваляя быстроту феакійскихъ кораблей, говоритъ, между прочимъ, Одиссею:

И сколь ни далекъ былъ
Путь по глубокому морю, его безъ труда совершили
Въ сутки они, до Эвбеи доплывъ и назадъ возвратившись,—

авторъ замѣчаетъ: „ясно, стало быть, что островъ Схерію было бы вѣрнѣе искать гдѣ-нибудь въ водахъ Эгейскаго, а не Іоническаго моря, въ его наиболѣе глухомъ углу, можетъ быть въ томъ самомъ, не очень далекомъ отъ Эвбеи островѣ, который и до сихъ поръ называется если не Схеріею, то Скиросомъ“.

Въ „очеркахъ современнаго Пелопоннеса“, отъ которыхъ читатель, конечно, не вправѣ требовать ни глубокаго изученія бытовыхъ формъ жизни, ни полной этнографической характеристики, авторъ отмѣчаетъ „демократическій складъ греческой жизни, которая во всемъ ставитъ на первый планъ интересы народной толпы, т.-е. большинства“.

Авторъ, кстати и не утомляя читателей излишними подробностями, иллюстрируетъ свое изложеніе историческими параллелями изъ далекаго прошлаго Эллады, цитируетъ древнихъ и новыхъ поэтовъ, особенно Гомера. Такъ, говоря о своемъ посѣщеніи Олимпіи, онъ останавливается на олимпійскихъ играхъ и ихъ значеніи; въ главѣ о монастырѣ Буркано и развалинахъ древней Мессены приводится историческая справка о мессенскихъ войнахъ и т. д. Попутно сообщаются свѣдѣнія по исторіи греческой скульптуры и архитектуры, любопытны

замѣчанія о греческитъ церквахъ и ихъ живописи. Другія впечатлѣнія выноситъ туристъ изъ путешествія по пустыннымъ уголкамъ Греціи. „Есть особенная поэзія,—говоритъ онъ,—въ медленномъ странствованіи по лѣсамъ и горамъ, въ сообществѣ простодушныхъ горцевъ, сидя на свѣжемъ воздухѣ среди величественнаго пейзажа заоблачныхъ пустынь. Это чувство наполняетъ и мое сердце всякій разъ, какъ окончится слишкомъ уже невыносимый подъемъ или спускъ, и начинается возможный путь. Въ эти минуты оживаютъ почему-то воспоминанія далекаго дѣтства, еще крѣпостной эпохи, когда приходилось ѣздить по нѣскольку сотъ верстъ „на долгихъ“, терпѣливо вынося толчки и тряску рогожной кибитки, не выходя подолгу изъ отрезвляющихъ волнъ народной и природной жизни. Павелъ-апостолъ тоже, должно быть, пѣшкомъ проходилъ съ своими немногочисленными учениками эти глухія дебри Греціи, насаждая въ нихъ первыя сѣмена религіи любви,—и уже, навѣрное, не жаловался, какъ мы, на тернистость своего пути“. Съ большимъ и вполнѣ понятнымъ одушевленіемъ подробно разсказываетъ авторъ о своемъ пребываніи въ Аѳинахъ, съ восторгомъ говоритъ о такихъ памятникахъ, какъ Пропилеи и Парѳенонъ, нѣкогда свѣтлый храмъ свѣтлой богини, нынѣ — умирающій инвалидъ. Авторъ весь отдался обаянію истинно-классическихъ воспоминаній древностей и выразилъ это въ поэтическомъ диѳирамбѣ той эпохѣ, которую онъ назвалъ „прекраснымъ расцвѣтомъ человѣческаго духа“, расцвѣтомъ, который навсегда остался драгоцѣннымъ, идеальнымъ воспоминаніемъ человѣчества.

Писатель такъ характеризуетъ этотъ „прекрасный расцвѣтъ“: „Какъ будто первый разъ во всей длинной исторіи міра, человѣкъ взглянулъ наконецъ свѣтло, довѣрчиво и радостно на небо и землю, на себя и на окружавшую его природу. Словно улыбка счастья вдругъ озарила дотолѣ мрачный міръ. Словно послѣ безконечно долгой темной ночи, душившей человѣчество кошмарами страха и слѣпоты, оно вдругъ пробудилось подъ живительными лучами наступившаго яснаго утра, ощутило внутри себя страстно запылавшую жажду свѣта, простора и жизни“...

Другая важная сторона книги—ея внутренняя опрятность: ее съ самыми лучшими цѣлями можно пустить и въ семью, и въ школу. И тутъ и тамъ она сослужитъ хорошую службу.

VI.

— А. А. Семеновъ. Этнографическіе очерки Заряфшанскихъ горъ, Каратегина и Дарваза. Фототипіи и цинкографіи—работы Павлова, съ фотографій Н. В. Богоявленскаго и набросковъ и калекъ автора. [Москва]. 1903.

Эта книга является, какъ сказано въ предисловіи, однимъ изъ результатовъ поѣздки автора, совмѣстно съ другими лицами, по горамъ Заряфшана, Каратегина и Дарваза въ 1898 г. Авторъ задался цѣлью дать, на основаніи личныхъ наблюденій и попутно собранныхъ свѣдѣній, очеркъ этнографическихъ особенностей населенія указанной мѣстности, причемъ пользовался при своей работѣ программой для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, составленной при этнографическомъ отдѣленіи Московскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи.

Въ литературѣ нашей, въ общемъ небогатой этнографическими сочиненіями, трудъ г. Семенова, не претендуя на особую полноту и спеціальность, можетъ имѣть тѣмъ не менѣе извѣстное значеніе. Онъ заключаетъ въ себѣ рядъ фактически обоснованныхъ очерковъ о мѣстности, гдѣ живутъ таджики, ихъ жилищахъ, бытовыхъ условіяхъ, занятіяхъ и промыслахъ, вѣрованіяхъ, нравахъ и наконецъ поэзіи. Наиболѣе интересными являются тѣ главы, въ которыхъ говорится о бытовыхъ условіяхъ, занятіяхъ, промыслахъ, т.-е. гдѣ фактическая сторона находится въ непосредственной зависимости отъ личной наблюдательности автора. Но главы о религіозныхъ вѣрованіяхъ и поэзіи производятъ блѣдное впечатлѣніе и, очевидно, нуждаются въ историческомъ и литературномъ освѣщеніи. Авторъ отмѣчаетъ несложность религіозныхъ воззрѣній горныхъ таджиковъ. По его словамъ, тысячелѣтняя давность ислама среди таджиковъ Нагорной Азіи, повидимому, не оставила глубокихъ и прочныхъ слѣдовъ въ ихъ вѣрованіяхъ. Горцы довольно равнодушно относятся къ своей религіи—мусульманству—и свято чтутъ свои старые вѣрованія и обычаи, которые почти исчезли у ихъ сородичей, таджиковъ равнинныхъ. Въ основѣ вѣрованій горцевъ—верховное существо всемогущее и вѣчное, и затѣмъ—обычный дуализмъ въ борьбѣ добрыхъ и злыхъ началъ. Въ отдѣлѣ памятниковъ народнаго творчества находимъ нѣсколько басенъ и сказокъ горцевъ-таджиковъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ Кухистона. „Вѣроятно,—замѣчаетъ по поводу ихъ авторъ,—большинству читателей нижепомѣщаемыя сказки и басни отзовутся чѣмъ-то роднымъ, знакомымъ съ дѣтства, хотя и слышаннымъ или читаннымъ въ ту пору совсѣмъ въ другомъ видѣ, въ другой формѣ, чѣмъ онѣ предлагаются здѣсь. Это обстоятельство лишній разъ доказываетъ

общность идей и образовъ человѣчества, хотя бы тѣ или другіе представители послѣдняго стояли на различныхъ ступеняхъ культуры".

Многочисленныя фототипіи и цинкографіи значительно содѣйствуютъ наглядности и внѣшнему изяществу книги. Рядъ фототипій изображаетъ образцы рѣзныхъ орнаментовъ, хлопчатобумажныхъ тканей и разнаго рода издѣлій изъ желѣза и дерева. Съ технической стороны фототипіи удачны, чего никакъ нельзя сказать о цинкографіяхъ. Къ книгѣ приложена карта части Самаркандской и Ферганской областей и юго-восточной нагорной части Бухары.

БѢЛЕВСКОЙ ... ЧНОЙ ... БИБЛІОТЕКИ

VII.

— Вѣщій Олегъ. Болгарія и Македонія. Съ иллюстраціями по фотографіямъ, снятымъ на мѣстѣ, и съ картой Западной Македоніи. Спб. 1903.

Эта книга даетъ посильный отвѣтъ на сложный рядъ вопросовъ, вызываемыхъ современными событіями на Балканскомъ полуостровѣ. Важность переживаемаго момента не только для славянскаго юга, но и для славянства вообще, заставляетъ живо интересоваться всѣмъ, что касается современнаго положенія Македоніи и политическихъ условій ея существованія. Тѣмъ не менѣе, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, мы, русскіе, не даемъ себѣ достаточно труда познакомиться болѣе серьезно, т.-е. научнымъ образомъ, съ тѣми областями, къ которымъ въ настоящее время приковано вниманіе всего цивилизованнаго міра, и въ печати, и въ обществѣ ощущается замѣтная неосвѣдомленность по части вопросовъ этнографическихъ, экономическихъ, церковныхъ, историческихъ и иныхъ, которыми живетъ югославянскій міръ. Попутно авторъ даетъ любопытное объясненіе той политической незрѣлости, которою отличается наше общество. „Нашъ народъ „богоносецъ" (какъ его назвалъ Достоевскій) обладаетъ дѣйствительной склонностью страстнаго исканія правды лишь въ области религіи, въ законахъ бытія; онъ отличается исканіемъ того, какъ устроиться „по-Божески", то же до нѣкоторой степени въ области вопросовъ экономическихъ и соціальныхъ. Но политическаго мыслителя должна поразить мертвенность русскаго коллективнаго сознанія и исканія правды въ области чисто политическаго международнаго творчества. Вы чувствуете, что въ этой области русская душа до васъ не доѣхала". Фактъ дѣйствительно любопытный, но объясненіе ему слѣдуетъ искать, конечно, не въ расовой особенности и не въ славянофильскихъ теоріяхъ объ отдѣльныхъ „зиждителяхъ", въ родѣ Хомякова, Аксаковыхъ, Данилевскаго, собирающихъ въ себѣ, какъ въ

фокусѣ, политическую мудрость націи, и истолкователяхъ ея судебъ съ точки зрѣнія Божественныхъ предначертаній, а въ томъ простомъ обстоятельствѣ, что русское общество никогда не призывалось къ политической самодѣятельности и, не имѣя опыта, не могло развить въ себѣ политическаго смысла.

Удѣляя преимущественное вниманіе Болгаріи и болгаро-македонскимъ отношеніямъ, авторъ смотритъ на печальный антагонизмъ между сербами и болгарами, какъ на искусственно созданный австрійской дипломатіей въ 1885 г. Онъ отмѣчаетъ однородность населенія Болгаріи и Македоніи и въ сербскихъ притязаніяхъ видитъ турецкую интригу, созданную въ цѣляхъ ослабленія болгарскаго элемента. „При всей подавленности христіанскаго населенія въ Македоніи,—говоритъ авторъ,—оно все-таки чувствуетъ свою кровную связь съ освобожденными болгарами княжества, и въ этомъ несомнѣнно кроется одинъ изъ самыхъ серьезныхъ аргументовъ въ пользу того факта, что Македонія заселена болгарами, такъ что вся исторія и жизнь свободной части болгарскаго народа служитъ могучимъ толчкомъ къ освобожденію самой Македоніи. Турція это ясно сознаетъ и ждетъ ближайшей опасности именно со стороны княжества болгарскаго. Очевиднымъ средствомъ для задержанія этого естественнаго стремленія болгаръ Македоніи къ освобожденію является сербская пропаганда въ Македоніи, которую Турція въ данное время не можетъ не считать полезнымъ для себя факторомъ“!

На македонскомъ вопросѣ особенно замѣтна дѣятельность австро-германской дипломатіи. Она дѣйствуетъ за спиною турокъ, которые въ значительномъ количествѣ случаевъ являются ея орудіемъ. „При видѣ общей картины того, что творится въ Македоніи, получается такое впечатлѣніе, что турки дѣлаютъ только непосредственное зло, пуская въ ходъ ятаганы. Но дѣйствительное, болѣе систематическое, вполнѣ обдуманное дѣйствіе, клонящееся къ разрушенію славянской стихіи, исходитъ не изъ Константинополя. Если искать центръ, откуда направляется эта сложная дѣятельность, то взоры наши уже не должны останавливаться ни на Буда-Пештѣ, ни на Вѣнѣ. Вопросы значительно осложнились и созрѣли со времени растерзанія славнаго санъ-стефанскаго договора. Дальнѣйшее разрушеніе духа, продиктовавшаго когда-то этотъ договоръ, вы теперь уже ищите въ Берлинѣ: „Sic volo, sic jubeo“!

Desiderata автора относительно политическаго положенія Македоніи сводятся къ автономіи ея, которая желательна, по мнѣнію автора, съ точки зрѣнія общаго мира и осуществима безъ особенныхъ трудностей. Авторъ набрасываетъ планъ такой европейской оккупаціи, при которой не нарушается политическое равновѣсіе державъ. Европа

могла бы поступить съ Македоніей такъ же, какъ она поступила недавно съ критскимъ вопросомъ. Верховная власть принадлежитъ автономному правительству, но у султана остаются нѣкоторыя почетныя прерогативы. Государственными языками для автономной и соединенной провинціи Македоніи и Старой Сербіи должны быть признаны языки болгарскій, сербскій и турецкій. Авторъ указываетъ далѣе возможныя формы организаціи судопроизводства, административнаго и финансоваго управленія.

Полезнымъ подспорьемъ при чтеніи книги служитъ схематическая карта Западной Македоніи. Снимки различныхъ мѣстностей Македоніи вышли въ большинствѣ случаевъ неудачны; не лучше ихъ и стихи, разсѣянные тамъ и сямъ въ книгѣ. Но фактическая сторона книги интересна и несомнѣнно обратитъ на себя вниманіе читателей.

VIII.

— С. Васюковъ. „Край гордой красоты". Кавказское побережье Чернаго моря. Природа, характеръ и будущность русской культуры. Съ 37 страничными рисунками и въ текстѣ. Спб. (1903?).

Въ русскомъ обществѣ мало распространено свѣдѣній объ этомъ побережьи, и книга г. Васюкова восполняетъ въ этомъ отношеніи весьма существенный недостатокъ. Она заключаетъ въ себѣ обстоятельный разсказъ объ общемъ характерѣ природы нашей черноморской губерніи и отдѣльныхъ мѣстностяхъ ея, наиболѣе замѣчательныхъ въ томъ или иномъ отношеніи. Авторъ такъ опредѣляетъ этотъ „край гордой красоты" въ предисловіи: „Почти незаселенный, неизслѣдованный край, край будущаго, роскошный и суровый край!

„Безпокойное море, зеленыя горы, угрюмыя скалы, руины и памятники временъ римской имперіи и генуэзцевъ, преданія горныхъ племенъ, русскіе поселенія и города — первые шаги русской культуры—все полно живого интереса въ странѣ гордой красоты, интереса, который растетъ и крѣпнетъ при близкомъ знакомствѣ съ побережьемъ.

„Это не Крымъ, не Италія и не Швейцарія — сходства нѣтъ... Это красота своеобразная, красота силы и суроваго могущества!"

Восторгаясь красотой и богатствами природы побережья, авторъ сообщаетъ въ то же время практическія свѣдѣнія объ условіяхъ быта и исторіи колонизаціи края. Свѣдѣнія эти большей частью не въ пользу нашего владычества въ краѣ: почти ничего не сдѣлано для правильнаго благоустройства, вовсе не организовано систематическое заселеніе побережья, въ которомъ оно такъ нуждается, и пока краемъ

заправляютъ только чиновники (вѣроятно, мало заинтересованные въ распространеніи свѣдѣній объ истинномъ положеніи вопроса) да разнаго рода спекуляторы, играющіе на земли въ зависимости отъ правительственныхъ мѣропріятій, въ родѣ проведенія черноморской желѣзной дороги въ томъ или иномъ направленіи. А переселенцамъ изъ Россіи живется плохо, и, повидимому, о нихъ мало заботятся. „Встрѣтилъ я русскихъ переселенцевъ,—разсказываетъ авторъ:

— Откуда?..

— Могилевскіе будемъ...

— Какъ же вы сюда забрели?..

— Земель ожидаемъ... А пока что, прирабатываемъ!..

Лица унылыя, блѣдныя, совсѣмъ не вяжутся съ яркой жизненной обстановкой.

— Вѣрно, лихорадкой болѣли?—спрашиваю я земляковъ.

— Шибко трепала, окаянная,—отвѣчала женщина. — Мальченка мой померъ... недавно-сь похоронили!..

— Нравится вамъ здѣсь?..

— Нѣтъ... Въ Россіи лучше... думаемъ обратно домой... Чего тутъ ждать!?..“

Въ другомъ мѣстѣ авторъ разсказываетъ со словъ одного изъ крестьянъ, что переселенцевъ, больныхъ лихорадкой, въ больницы „не пускаютъ“. Сообщенія эти едва ли удивятъ русскаго читателя: они такъ сходятся со всѣмъ, что приходится читать и слышать о положеніи переселенцевъ и въ другихъ областяхъ нашего обширнаго отечества.

Основной выводъ г. Васюкова такъ формулируется въ заключительныхъ словахъ: „Богатый, но еще не заселенный край, край, нуждающійся въ рабочемъ, крѣпкомъ элементѣ.

„Необходимъ просторъ для сельско-хозяйственнаго труда во всѣхъ его отрасляхъ... Все: и хлѣбопашество, и скотоводство, и плодоводство, и виноградарство, шелководство, пчеловодство, даже чайное дѣло—все имѣетъ на побережьѣ свою почву и основаніе...

„Дайте просторъ и возможность развитія этому сильному краю, и тогда посмотрите на ближайшіе результаты.

„Спорить нечего, когда здѣсь вѣками была культура и греческая, и римская, и черкесская...

„Сѣдыя вершины горъ, да гордое море помнятъ и знаютъ золотые годы побережья.

„Но русскіе еще не приступали къ правильному, систематичному заселенію и организаціи побережья... Еще въ сущности ничего не сдѣлано для края, кромѣ отрицательнаго...“

Къ книгѣ приложена карта кавказскаго побережья и образецъ

контракта на отводъ частнымъ лицамъ участковъ казенной земли черноморской губерніи. Книга напечатана изящно и снабжена хорошими рисунками.

IX.

— А. К. Бороздинъ.—Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Т. I. Съ 8 портретами. Спб. 1903.

Научная разработка русской литературы, развившаяся въ особенности во второй половинѣ XIX вѣка, къ настоящему времени насчитываетъ огромное количество книгъ и статей, посвященныхъ различнымъ, преимущественно частнымъ вопросамъ историческаго и критическаго изслѣдованія. Если многіе отдѣлы исторіи нашей литературы, особенно средневѣковой, не могутъ считаться разработанными, то нѣкоторые вопросы, болѣе близкіе къ нашему времени и особенно связанные съ исторіей нашей общественности, получаютъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ столь обстоятельное рѣшеніе и всестороннее освѣщеніе, что пріобрѣтаютъ значеніе безспорныхъ истинъ, ложащихся краеугольными камнями въ научное построеніе исторіи нашей литературы. И въ то время, когда неразработанныя и спорныя области привлекаютъ къ себѣ вниманіе ученаго изслѣдователя, труды котораго становятся извѣстны обыкновенно въ ограниченномъ кружкѣ спеціалистовъ, рядомъ съ этимъ возникаетъ потребность передавать добытые наукой результаты болѣе широкимъ слоямъ публики, содѣйствовать не только популяризаціи научныхъ истинъ, но и развитію общества, потому что исторія литературы по преимуществу служитъ выраженіемъ прогрессивныхъ элементовъ общественной мысли. Сумѣть сдѣлать доступной большинству научную истину, сообщить ему скрытое въ ней зерно гуманности или вызвать на умственную работу составляетъ немалую заслугу, и сама по себѣ эта задача является далеко не легкою.

Въ этомъ отношеніи книга г. Бороздина желательна и полезна. Она состоитъ изъ ряда очерковъ строго продуманныхъ и отчетливо изложенныхъ, изъ которыхъ одни посвящены общимъ обзорамъ различныхъ періодовъ русской литературы, а другіе останавливаются на творческой дѣятельности и общественныхъ взглядахъ такихъ писателей, какъ Карамзинъ, Жуковскій, Крыловъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Рылѣевъ, Лермонтовъ, Гоголь и др. Вступительная статья посвящена обзору главныхъ направленій русской литературы начала XIX столѣтія; заканчивается же книга разборомъ извѣстнаго труда В. И. Семевскаго о крестьянскомъ вопросѣ, завершеніе котораго явилось, по

выраженію автора, „важнѣйшимъ дѣломъ, завѣщаннымъ новому времени идеалистами тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ“.

Читатели легко усмотрятъ внутреннюю, идейную связь между отдѣльными очерками, но авторъ не подчеркиваетъ этой связи и справедливо считаетъ невозможнымъ построеніе въ настоящее время обстоятельной, строго научной исторіи нашей литературы XIX вѣка: для такой работы изслѣдователь не обладаетъ еще достаточнымъ количествомъ матеріала, значительная часть котораго составляетъ еще достояніе государственныхъ и отдѣльныхъ архивовъ. Затѣмъ чувствуется недостатокъ отдѣльныхъ подготовительныхъ работъ; притомъ же трудно, почти невозможно, требовать отъ историка литературы вполнѣ объективнаго отношенія къ ея явленіямъ послѣднихъ десятилѣтій. „Но нѣкоторое приближеніе къ идеалу объективнаго возсозданія прежней жизни—необходимо“, и авторъ ставитъ эту объективность однимъ изъ существенныхъ условій своей работы.

„Отвергая такимъ образомъ возможность составленія въ настоящее время полной исторіи русской литературы XIX в., смѣю думать, — говоритъ г. Бороздинъ, — что выпускаемое теперь въ свѣтъ собраніе моихъ историко-литературныхъ очерковъ не будетъ совершенно излишнимъ. Можетъ быть, въ этой книгѣ найдетъ для себя кое-что и спеціалистъ, для читателя же не-спеціалиста мои „характеристики“, можетъ быть, послужатъ пособіемъ къ тому, чтобы разобраться въ нѣкоторыхъ существенныхъ вопросахъ нашего литературнаго развитія. Составилась эта книга частью изъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ, частью изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ мною въ послѣдніе годы, частью изъ моихъ университетскихъ курсовъ; многія же характеристики написаны вновь для настоящаго изданія“.

Съ этимъ опредѣленіемъ роли и значенія очерковъ согласится всякій, кто познакомится съ книгой г. Бороздина. — Евг. Л.

X.

— Великія реформы 60-хъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Подъ ред. І. В. Гесена и пр.-доц. А. И. Каминки. Т. І: К. К. Арсеньевъ. Законодательство о печати. Спб. 1903.

Судьба великихъ реформъ—такова тема серіи книгъ,—изъ первыхъ лежитъ предъ нами. Это изданіе должно въ рядѣ выпусковъ охватить реформы крестьянскую, судебную, земскую, университетскую, городскую, цензурную, отмѣну тѣлесныхъ наказаній и т. д.

Необходимость изданія редакторы мотивируютъ слѣдующимъ образомъ: „Великія реформы 60-хъ годовъ кореннымъ образомъ измѣнили весь строй нашей общественной жизни и, пріобщивъ Россію къ западноевропейской культурѣ, властно и навсегда опредѣлили путь гражданственности, по которому должно совершаться ея дальнѣйшее развитіе. До сихъ поръ, эти реформы являются для однихъ предметомъ восторженнаго поклоненія, для другихъ—объектомъ самыхъ рѣзкихъ нападокъ. Это обстоятельство существенно мѣшало заняться анализомъ общественныхъ условій, среди которыхъ реформы созидались и осуществлялись, выяснить, насколько онѣ соотвѣтствовали общественному сознанію и ожиданіямъ, и чѣмъ вызывались существенныя измѣненія, которымъ всѣ эти реформы подвергались впослѣдствіи". Сдѣлать такую работу особенно необходимо, по мнѣнію редакторовъ, въ настоящій моментъ, когда ожидается обновленіе различныхъ сторонъ нашей государственной жизни. Нужно дать себѣ „отчетъ въ томъ, что̀ осталось намъ отъ прогрессивной эпохи, собрать уцѣлѣвшіе обломки и опредѣлить, какіе изъ нихъ должны быть положены въ фундаментъ предстоящей постройки". Въ этихъ словахъ совершенно правильно опредѣлено значеніе, какое можетъ пріобрѣсти задуманное изданіе. Въ самомъ дѣлѣ, теперь мы переживаемъ моментъ, когда требуется не одна защита наслѣдія 60-хъ годовъ,—когда необходимо выяснить реальное содержаніе этого наслѣдія, когда необходимо возстановить въ памяти общества всю общественную программу этого періода, которая, по нашему убѣжденію, остается и программой современности. Все наше развитіе за послѣднія сорокъ лѣтъ подтвердило, что безъ осуществленія *всѣхъ* пунктовъ программы, выставленныхъ въ освободительную эпоху, немыслимо приспособленіе государственныхъ формъ и порядковъ къ новымъ общественнымъ силамъ и отношеніямъ. Всякаго, кто изучаетъ публицистическую литературу 60-хъ годовъ, поражаетъ одно обстоятельство: все, что̀ служитъ предметомъ горячихъ споровъ и проповѣди въ наши дни, уже содержится въ этой литературѣ. Возьмите, напримѣръ, мнѣнія тверского комитета, адресъ московскаго дворянства; вы найдете въ этихъ документахъ ясную и опредѣленную мотивировку того требованія, которое нужно признать стоящимъ во главѣ угла современныхъ программъ всѣхъ передовыхъ общественныхъ группъ. Съ перваго взгляда кажется, будто общественная мысль въ теченіе почти полустолѣтія толклась на одномъ мѣстѣ, и невольный скептицизмъ закрадывается въ душу при этомъ открытіи. Но намъ думается, что изученіе той общественной обстановки, при которой великія реформы возникли и развивались, и анализъ тѣхъ общественныхъ силъ, которыя выдвигали передовую программу тогда и выдвигаютъ ее теперь,—должны разсѣять этотъ скеп-

тицизмъ. Исходнымъ пунктомъ реформъ 60-хъ годовъ является признаніе правительствомъ факта негодности цѣлаго ряда публично-правовыхъ институтовъ и стремленіе приспособить свой механизмъ къ новымъ жизненнымъ явленіямъ, не посягая, однако, на самую структуру этого механизма. Передовыя общественныя группы, представлявшія ко времени эмансипаціи гораздо болѣе идейную, чѣмъ реальную силу, дали правительству полную программу реформъ, логическимъ заключеніемъ которыхъ была выставлена тогда коренная перестройка государственнаго механизма. Подъ давленіемъ всеобщаго недовольства, имѣвшаго весьма разнообразныя причины, правительство приняло эту программу почти цѣликомъ; но уже вскорѣ выступили передъ нимъ два очевидныхъ факта: первый, состоящій въ томъ, что логическое развитіе освободительныхъ реформъ невозможно сочетать съ прежней формой государства, которая покоилась на принципѣ полицейско-крѣпостного взгляда на населеніе; второй, явившійся въ видѣ открытія того, что новое общественное разслоеніе не выдвинуло пока сильныхъ, сплоченныхъ группъ, которыя могли бы стать въ защиту выраженныхъ требованій. Этими двумя моментами и опредѣляется судьба великихъ реформъ отъ 60-хъ годовъ до нашего времени. Урѣзки ихъ, стремленіе съузить проявленія общественной самодѣятельности были вполнѣ естественнымъ послѣдствіемъ сознанія правительствомъ этихъ двухъ моментовъ.

Слишкомъ много мѣста отводится у насъ личному элементу при объясненіи реакцій, непрерывно повторяющихся на протяженіи всѣхъ сорока лѣтъ. Реакціи были неизбѣжны, какъ проявленія борьбы обветшалаго общаго строя, стремившагося къ самосохраненію, съ тѣми новыми институтами, которые *органически* не могли уложиться въ его рамки.

Если первый моментъ (несоотвѣтствіе принциповъ реформъ общему строю) проявляетъ и теперь свое дѣйствіе, можетъ быть, даже въ болѣе обостренной формѣ, чѣмъ прежде, то при учетѣ второго (комбинаціи общественныхъ силъ) приходится считаться съ крупнѣйшими измѣненіями, вызванными общимъ развитіемъ нашей страны за послѣднее время. Россія въ моментъ раскрѣпощенія наиболѣе многочисленнаго класса своего населенія представляла собою соединеніе неопредѣленныхъ элементовъ, на поверхности котораго плавала бессословная интеллигенція; послѣдняя вполнѣ правильно понимала, что̀ нужно для нормальнаго развитія всѣхъ этихъ элементовъ, и отсюда—*идейная* сила ея программы.

Теперь же болѣе или менѣе начинаютъ выдѣляться сознательныя, классовыя группы, для которыхъ основныя требованія правового государства являются необходимыми условіями ихъ матеріальнаго суще-

ствованія. Какъ бы разнообразны ни были интересы этихъ группъ, съ какихъ бы точекъ зрѣнія онѣ ни подходили къ осуществленію своихъ цѣлей—онѣ неизбѣжно наталкиваются на необходимость проведенія тѣхъ основъ правопорядка, которыя были провозвѣщены въ 60-ые годы. Сознаніе того, что первые шаги всѣхъ передовыхъ группъ идутъ по одному и тому же пути, котораго никакъ нельзя миновать, все болѣе и болѣе проникаетъ въ широкіе слои общества; и это явленіе мы считаемъ наиболѣе характернымъ для переживаемаго момента. Отсюда ясно, какими неразрывными нитями связаны мы съ освободительной эпохой, какъ важно возстановить преемственность между ея трудами и современными стремленіями для созданія традицій, безъ которыхъ нѣтъ прочности и устойвости въ общественной работѣ. Поэтому мы находимъ весьма плодотворной и своевременной идею ознакомить общество съ возникновеніемъ и судьбою великихъ реформъ.

По мысли редакторовъ, поставленная изданію задача выходитъ далеко за предѣлы историческаго интереса: оно должно отвѣтить и на вопіющія нужды современности, а съ точки зрѣнія послѣднихъ совершенно обоснованнымъ и неслучайнымъ является то, что *первый* же выпускъ серіи посвященъ *первой* потребности нашего общества—свободѣ слова. „Свобода печати, свобода совѣсти, личная неприкосновенность,—читаемъ мы въ заключеніи разбираемаго выпуска,—вотъ три блага, потребность въ которыхъ чувствуется все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ растетъ въ ширь и глубь съ одной стороны уваженіе къ человѣку, къ его достоинству, къ его праву на самостоятельную мысль, съ другой—сознаніе солидарности между гражданами. Тотъ видъ свободы, которому посвящена настоящая книга, играетъ такую же роль въ общественной жизни, какъ свѣтъ—въ жизни органическаго міра. Нарушая обманчивую тишину, приподнимая завѣсу, отдѣляя правду отъ лжи, реальное отъ кажущагося, проникая во всѣ концы страны и во всѣ сферы дѣятельности, свобода печати является незамѣнимымъ двигателемъ прогресса, неоцѣнимой охраной всякаго права, всякой другой свободы. До сихъ поръ мы видѣли только случайные мимолетные, неполные ея проблески; хочется вѣрить, что приближается пора ея расцвѣта“.

Воззрѣнія, проводимыя въ книгѣ, тождественны съ тѣми, которымъ посильно въ продолженіе всего своего существованія служитъ „Вѣстникъ Европы“. Самый матеріалъ книги въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ болѣе или менѣе извѣстенъ нашимъ читателямъ. Обширная статья автора, посвященная русскимъ законамъ о печати, появилась въ нашемъ журналѣ уже въ 1869 году. Къ разнымъ сторонамъ этой темы К. К. Арсеньевъ возвращался во внутреннихъ обозрѣніяхъ и обще-

ственныхъ хроникахъ, которыя онъ ведетъ въ нашемъ журналѣ съ марта 1880 года. Въ этой книгѣ всѣ журнальныя статьи сведены въ одно цѣлое, дополнены новыми фактами и заключительными выводами.

Судьба русской печати прослѣжена отъ 1855 года до нашихъ дней. Первый періодъ этой эпохи, разсматриваемый въ первой главѣ книги, заканчивается появленіемъ закона 6-го апрѣля 1865 года, который былъ мотивированъ „желаніемъ дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства". Какъ извѣстно, законъ этотъ являлся временной мѣрой и, при всѣхъ своихъ достоинствахъ сравнительно съ прежними цензурными правилами, уже тогда вызвалъ замѣчаніе министра Д. А. Милютина, что онъ не удовлетворяетъ требованіямъ, заявляемымъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе литературой и публикой. На законъ 6-го апрѣля смотрѣли какъ на переходъ къ свободѣ печати; но этимъ ожиданіямъ не суждено было оправдаться. Уже первый періодъ дѣйствія его (онъ разсмотрѣнъ во второй главѣ) принесъ для печати не новыя облегченія, а рядъ ограниченій, выразившихся какъ въ созданіи новыхъ нормъ, такъ и въ административной практикѣ. Въ 1868 году, черезъ комитетъ министровъ было проведено право запрещенія министромъ внутреннихъ дѣлъ розничной продажи газетъ. Кажется, до сихъ поръ не была опубликована исторія этой первой временной мѣры, такъ часто примѣняемой теперь. Никто не сомнѣвается, что въ настоящее время она является однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ въ матеріальномъ отношеніи взысканій и носитъ исключительно карательный характеръ. Между тѣмъ, необходимость этой мѣры была, при испрошеніи соотвѣтствующихъ полномочій, мотивирована министромъ внутреннихъ дѣлъ исключительно полицейскими соображеніями; а именно, администрація считала нужнымъ имѣть средство пресѣкать безпорядки, которые будто бы могли возникать при розничной продажѣ нѣкоторыхъ органовъ. Способъ проведенія этого закона черезъ комитетъ министровъ образовалъ прецедентъ, согласно которому всѣ ухудшенія положенія печати шли мимо государственнаго совѣта. Мысль о необходимости органическаго устава о печати тогда еще не исчезла изъ обихода, и въ 1869 году была назначена особая коммиссія для пересмотра дѣйствующихъ положеній и для приведенія ихъ въ надлежащую систему, ясность и полноту. (Работы ея разсмотрѣны въ III-й главѣ очерка). Интересно, что эта коммиссія уже мало говорила о льготахъ и удобствахъ для печати. Наступила полоса реакціи, которая отразилась и на ея трудахъ. Любопытно здѣсь отмѣтить для характеристики быстроты проведенія у насъ законодательныхъ предположеній, что именно этою коммиссіею была признана необходимость установить давность для предостереже-

ній. Эта скромная мѣра была осуществлена спустя тридцать лѣтъ, въ 1901 году. За время отъ 1871 до 1880 года реакція была особенно сильна. Въ 1872 году министру внутреннихъ дѣлъ было предоставлено право задерживать книги и повременныя изданія, освобожденныя отъ предварительной цензуры. Комитетъ министровъ получилъ по этому же закону право окончательно воспрещать выпускъ такихъ сочиненій. Въ 1873 году состоялся дѣйствующій до сихъ поръ законъ, которымъ цензура можетъ запрещать безцензурнымъ повременнымъ изданіямъ оглашеніе и обсужденіе вопросовъ государственной важности. Извѣстно, какое широкое примѣненіе получила эта мѣра. Этотъ періодъ застоя подробно охарактеризованъ въ четвертой главѣ книги.

Кратковременное оживленіе прогрессивныхъ тенденцій въ 1880 году въ правительствѣ вызвало одновременно съ фактическимъ облегченіемъ участи печати назначеніе особой коммиссіи для выработки новаго устава о цензурѣ. „Въ засѣданія коммиссіи были приглашены и давали объясненія редакторы десяти петербургскихъ и московскихъ газетъ и журналовъ. Представители печати высказались единодушно въ пользу подчиненія ея исключительно закону и суду: закону всероссійскому, т.-е. обнимающему собою одинаково и столичную, и провинціальную печать, суду независимому и публичному. Затѣмъ они выразили желаніе, чтобы проектъ закона, когда онъ будетъ составленъ, былъ сообщенъ на предварительное обсужденіе печати".

Мимолетныя надежды на свободу печати рухнули съ начала 80-хъ годовъ. Въ 1882 году были изданы извѣстныя временныя правила о порядкѣ пересмотра повременныхъ изданій, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры, и о правѣ особаго совѣщанія министровъ окончательно закрывать газеты и журналы навсегда. Судьба печати въ 80-ые и 90-ые годы составляетъ предметъ, которому посвящены пятая и шестая главы книги. Слѣдя за эволюціей юридическаго положенія печати, авторъ все время останавливается на анализѣ правового и политическаго значенія соотвѣтствующихъ законоположеній, приводитъ многочисленные факты, иллюстрирующіе каждую эпоху, и старается установить связь между отношеніемъ правительства къ печати и развитіемъ ея въ данный періодъ. Въ краткой замѣткѣ мы не имѣемъ возможности ознакомить читателей съ богатымъ фактическимъ матеріаломъ, содержащимся въ изслѣдованіи К. К. Арсеньева. Отмѣтимъ здѣсь только нѣсколько любопытныхъ данныхъ, которыя не проникали раньше въ широкіе круги читателей.

Истинный мартирологъ русской литературы представляетъ списокъ книгъ, которыя были „совсѣмъ готовы, но пропали". Такъ мы узнаемъ, что для публики по распоряженію комитета министровъ исчезли самыя разнообразныя произведенія человѣческаго слова. До 1880 года были

уничтожены, между прочимъ, слѣдующія книги: „Политическая исторія новаго времени“ (1816—68), В. Мюллера; „Исторія февральской революціи“, Луи Блана; „Соціальная Статика“, Герберта Спенсера; „Откуда мы, кто мы“, Бюхнера; „Естественная исторія міротворенія“, Геккеля; „Исторія возникновенія и вліянія раціонализма въ Европѣ“, Лекки; „Исторія нравственности въ Европѣ отъ Августа до Карла Великаго“, его же; романы и повѣсти Дидро; второй томъ сочиненій Карреля; „Біографія и дѣятельность Р. Оуэна“, Буша; второй томъ „Исторіи Сѣв. Амер. Соед. Штатовъ“, Неймана; „Исторія соціальнаго движенія Франціи съ 1789 г.“, Лоренца Штейна; „Исторія всеобщей литературы XVIII в.“ (т. III, кн. 2), Геттнера; „Новый Духъ“, Кине; „Исторія Византіи и греческой имперіи съ 716 по 1453 г.“, Финлея; „Исторія племенного развитія организмовъ“, Геккеля. Изъ оригинальныхъ произведеній за это время подверглись той же участи: „Франція въ 1871 г.“, Е. И. Утина (перепечатка статей, безпрепятственно появившихся въ „Вѣстникѣ Европы“); „Артели на Руси“, Скалона; сочиненія Радищева; второе изданіе нѣкоторыхъ томовъ сочиненій Писарева; „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“, Флеровскаго; „Лишеніе свободы, какъ наказаніе исправительное“, Прянишникова; „Очеркъ развитія прогрессивныхъ идей въ нашемъ обществѣ“ А. М. Скабичевскаго; „Женское дѣло въ Европѣ и Америкѣ“, Алферьева; „Славянскія драмы“, Д. Л. Мордовцева; „Вятская незабудка“ (памятная книжка вятской губерніи на 1878-ой годъ).

Дѣятельность комитета министровъ въ этомъ направленіи не прекратилась и до настоящаго времени. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ уничтоженъ рядъ книгъ строго научнаго характера. Въ числѣ ихъ находимъ, между прочимъ, слѣдующія произведенія: „Динамическая соціологія“, Лестера Уорда; „Введеніе въ философію“, Паульсена; „Очерки соціальной юриспруденціи“, Офнера и Зингера; „Выбранныя мѣста изъ сочиненій Родбертуса“; „Нищета философіи“, Карла Маркса; „Исторія французской революціи“, Луи Блана.

Не избѣгли участи даже учебники, такъ уничтоженъ „Учебникъ новой исторіи“, А. Трачевскаго. Въ этомъ же спискѣ находимъ и „Исторію Спб. комитета грамотности“, Протопопова; „Три западника сороковыхъ годовъ“, Богучарскаго, и др.

Въ своихъ заключительныхъ выводахъ авторъ доказываетъ нецѣлесообразность съ точки зрѣнія нормальнаго государственнаго строя тѣхъ принциповъ, которые лежатъ въ основѣ дѣйствующаго русскаго законодательства о печати, и устанавливаетъ положенія, какія необходимо осуществить для предоставленія печати законной свободы. При какихъ условіяхъ такое измѣненіе положенія печати можетъ наступить? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы можемъ найти въ словахъ самого

автора, писанныхъ еще въ 1881 году: „Отношеніе правительства къ печати всегда бываетъ у насъ вѣрнымъ выраженіемъ господствующей въ данный моментъ или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе близкой къ господству правительственной системы“. Слѣдовательно, вся сущность вопроса заключается въ этой послѣдней... Выпуская въ свѣтъ свою книгу, авторъ пишетъ въ предисловіи: „Въ старости трудно быть оптимистомъ; но я все-таки не теряю надежды, что мнѣ удастся увидѣть возобновленіе дѣла, начатаго въ лучшіе годы русской общественной жизни и съ тѣхъ поръ не только остановившагося, но двинувшагося далеко назадъ“. Къ пожеланію осуществленія этой надежды безъ сомнѣнія горячо присоединятся всѣ, кому дороги истинные интересы Россіи.

XI.

— Г. М. Тумановъ. Разбои и реформа суда на Кавказѣ. Спб. 1903.

Окраинные вопросы имѣютъ у насъ въ повременной печати своеобразныхъ спеціалистовъ, находящихъ себѣ пріютъ на страницахъ „Новаго Времени“, „Московскихъ Вѣдомостей“ и т. п. органовъ. Для трактованія этихъ вопросовъ у нихъ выработаны даже особые трафареты: „сепаратизмъ“, „инородческая интрига“, „союзъ съ внѣшними врагами“,—таковы жупелы, пущенные въ ходъ еще покойнымъ Катковымъ. Мирному культурному развитію окраинъ газетная травля принесла и приноситъ не мало вреда. Отчасти подъ вліяніемъ ея въ административныхъ сферахъ „особыя условія“ пріобрѣтаютъ какое-то грозное значеніе, и цѣлый рядъ культурныхъ учрежденій (судъ присяжныхъ, земскія учрежденія), которыми пользуется центръ, оказываются недоступными благами для окраинъ. Создается особая атмосфера подозрительности, при которой во всякой культурной работѣ усматривается чуть ли не политическая опасность. Всякое отрицательное явленіе на окраинѣ чрезмѣрно раздувается; противъ него обыкновенно выдвигаются—въ качествѣ единственнаго дѣйствительнаго средства борьбы—мѣры суровой репрессіи. Все сказанное особенно справедливо по отношенію къ Кавказу. Ходячія сужденія о немъ, съ пѣною у рта повторяемыя нашими охранителями, поражаютъ прежде всего своимъ невѣжествомъ относительно мѣстныхъ дѣлъ. Книжка г. Туманова и заслуживаетъ вниманія, какъ авторитетный голосъ знатока своего края, разрушающій вздорныя мнѣнія въ родѣ тѣхъ, которыя такъ усердно распространялъ г. Величко въ своемъ оффиціозѣ. Въ первой своей статьѣ о разбояхъ на Кавказѣ г. Тумановъ прежде всего констатируетъ несомнѣнныя преувеличенія въ толкахъ объ этомъ

явленіи. Подъ именемъ разбоевъ, фигурируютъ зачастую аграрныя преступленія, причиной которыхъ является неудовлетворительность поземельнаго устройства крестьянъ. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа помѣщикъ имѣетъ право замѣнять одинъ крестьянскій участокъ, отведенный въ надѣлъ другимъ. При освобожденіи крестьянъ эта мѣра была предоставлена помѣщикамъ въ видѣ временной льготы. Но она сдѣлалась постоянной и вызываетъ рядъ столкновеній, кончающихся часто и убійствами. Разсматривая способы борьбы съ разбоями, авторъ подвергаетъ основательной критикѣ тѣ исключительныя мѣры, которыя считаются на Кавказѣ спасительными. Административная высылка, практикуемая даже низшими полицейскими чинами, особыя экзекуціи, военный судъ,—все это, оказывается, не приноситъ тѣхъ результатовъ, какіе ожидались. Новая стража, составленная изъ лицъ, мало знакомыхъ съ краемъ, тоже, по мнѣнію автора, не будетъ содѣйствовать уменьшенію разбоевъ. Какъ на единственно цѣлесообразное направленіе въ борьбѣ съ этимъ зломъ, г. Тумановъ указываетъ на принципъ привлеченія населенія къ дѣлу управленія и суда. Только тогда, когда администрація оставитъ свое недовѣріе къ мѣстной общественной самодѣятельности, возможно будетъ искоренить разбойничество, какъ бытовое явленіе.

Во второмъ очеркѣ авторъ занимается задачами уголовнаго суда на Кавказѣ и прежде всего останавливается на тѣхъ обстоятельствахъ, которыя воспрепятствовали введенію въ краѣ суда присяжныхъ и выборныхъ мировыхъ судей. Тѣ „особенности“, которыя выставлялись администраторами и изслѣдователями, какъ причина этого, сводятся къ мнимой неспособности туземцевъ пользоваться благами европейской цивилизаціи. Лжесвидѣтельство, напримѣръ, распространенное болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, на Кавказѣ, объясняется дикостью горцевъ. для которыхъ, будто бы, непонятна самая идея суда и присяги. Г. Тумановъ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, которые доказываютъ ошибочность этого взгляда. По его мнѣнію, основная причина лжесвидѣтельства, это та мѣстная особенность, которая выражается въ полной разобщенности мѣстнаго чиновничества отъ мира туземцевъ. Между судомъ и тяжущимися устанавливается взаимное непониманіе, доходящее до крайней степени. Первые кавказскіе администраторы, судьи, были весьма беззаботны по части изученія обычаевъ, языка и характера населенія, среди котораго они были призваны творить судъ и расправу. Безграмотные переводчики играли и играютъ въ кавказскомъ судопроизводствѣ важную роль. Стороны и участвующія въ дѣлѣ лица постоянно чувствуютъ непониманіе судомъ тѣхъ отношеній, которыя подлежатъ его вѣдѣнію. Слѣдствіемъ этого является недостаточное уваженіе къ суду, а отсюда до лжесвидѣтельства уже

одинъ шагъ. Единственными средствами для искорененія этого явленія г. Тумановъ считаетъ введеніе выборнаго общественнаго элемента въ судъ въ видѣ присяжныхъ засѣдателей и мировыхъ судей изъ мѣстныхъ жителей, знакомыхъ съ туземными нарѣчіями и обычаями. Подробно анализируетъ авторъ всѣ тѣ возраженія, которыя приводились противъ распространенія на Кавказъ судебныхъ уставовъ въ полномъ объемѣ. Тотъ суррогатъ суда присяжныхъ, который проектируется для Кавказа новой редакціей учрежденія суд. устан., представляется автору неудовлетворительнымъ. Присяжные засѣдатели особаго состава могутъ явиться лишь декоративнымъ украшеніемъ, не вносящимъ того начала житейской и бытовой правды и народной совѣсти, носителемъ котораго является общій институтъ присяжныхъ. Къ работѣ г. Туманова приложена весьма интересная записка кутаисскаго дворянства, касающаяся разбираемыхъ въ книгѣ вопросовъ. Въ ней, между прочимъ, констатируется, что лжесвидѣтельство не замѣчается въ тѣхъ мѣстностяхъ Кавказа, гдѣ дѣйствуютъ, хотя и крайне несовершенные, но „народные суды“ изъ мѣстныхъ жителей. По словамъ записки, тамъ „лжесвидѣтельство совершенно неизвѣстно и, кромѣ того, процентъ преступленій несравненно ниже, чѣмъ въ тѣхъ частяхъ края, гдѣ существуютъ коронные суды. Слѣдовательно, причина зла лежитъ не въ субъективныхъ свойствахъ населенія, а въ самой организаціи суда коронnаго“... Причина всѣхъ нестроеній судебнаго дѣла на Кавказѣ лежитъ въ томъ, что „начала, выработанныя наукой, признанныя ею высшей формой и введенныя въ судебные уставы императора Александра II, были урѣзаны, измѣнены и въ искаженномъ видѣ примѣнены къ намъ“. Записка въ заключеніе цитируетъ журналъ государственнаго совѣта о преобразованіи судебной части въ Россіи, въ которомъ приводится взглядъ, вполнѣ примѣнимый и къ окраинамъ. „Неразвитость нашего народа не только не подтверждаетъ мнѣнія о преждевременности введенія у насъ суда съ присяжными засѣдателями, но напротивъ, представляетъ основаніе къ противоположному заключенію, потому что такой именно народъ и нуждается въ судьяхъ, которые бы вполнѣ его понимали и были къ нему сколь возможно ближе“.

XII.

— Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1901 годъ, Спб. 1901.

Послѣ долгаго перерыва, фабричная инспекція вновь нашла возможнымъ предавать гласности результаты своей дѣятельности. Первый опытъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ въ прошломъ году,

когда министерство финансовъ выпустило отчетъ за вторую половину 1900 года. Главный интересъ настоящаго изданія сосредоточивается на таблицахъ, въ которыхъ подвергаются цифровому учету явленія, связанныя съ дѣятельностью фабричной инспекціи. Вступительная статья, содержащая въ себѣ объясненіе таблицъ и выписки изъ отчетовъ мѣстныхъ фабричныхъ инспекторовъ, поражаетъ своею скудостью и неполнотою сравнительно съ тѣмъ богатымъ статистическимъ матеріаломъ, который сведенъ въ 26 таблицахъ этого оффиціальнаго труда. Мы здѣсь не беремся выяснять, почему составители отчета были такъ скупы на текстъ, безъ котораго громадный трудъ, затраченный на изданіе, теряетъ значительную часть своей цѣнности. Но и въ томъ видѣ, въ какомъ мы его имѣемъ, онъ представляетъ немалый интересъ и заслуживаетъ вниманія всѣхъ изучающихъ экономическое положеніе современной Россіи. Уже первыя таблицы даютъ цифры о численности промышленныхъ заведеній, состоявшихъ подъ надзоромъ фабричной инспекціи, о количествѣ рабочихъ въ нихъ и о распредѣленіи послѣднихъ по полу и возрасту. Общее число рабочихъ къ началу 1902 года въ Европейской Россіи и въ бакинской губерніи равнялось 1.710.735 ч. Малолѣтніе составляли 2%, подростки—9%, женщины—26,8%, Сильнѣе всего женскій трудъ былъ представленъ въ московскомъ и варшавскомъ округахъ. По отчетамъ фабричныхъ инспекторовъ можно заключить, что вообще примѣненіе женскаго труда за послѣднее время видимо возростаетъ. Въ хлопкообработывающемъ и бумаготкацкомъ производствахъ замѣчается стремленіе замѣнять мужской трудъ женскимъ. Владимірскій фабричный инспекторъ объясняетъ это явленіе бо́льшей уступчивостью и мѣньшей требовательностью относительно платы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ кіевскомъ фабричномъ округѣ, женскій трудъ оплачивается поразительно низко; такъ, по удостовѣренію мѣстнаго инспектора, заработокъ папиросницъ въ этомъ районѣ колеблется между 2 и 9 рублями въ мѣсяцъ. Изъ другихъ таблицъ весьма интересны таблицы VIII—XVI, рисующія отношенія предпринимателей къ рабочимъ и тѣ средства, къ которымъ послѣдніе обращаются для улучшенія своего положенія. Онѣ содержатъ въ себѣ данныя о жалобахъ рабочихъ, единоличныхъ и коллективныхъ, о поводахъ къ нимъ и о ихъ результатахъ. Съ жалобами къ инспекціи обращалось за отчетный годъ около 48.000 рабочихъ, причемъ главными причинами жалобъ были невыдача или задержаніе заработка, неправильное пониженіе его, неправильное наложеніе штрафовъ и принужденіе работать сверхурочно. По отчету 64,3% жалобъ оказывались основательными. XIV-ая таблица содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о забастовкахъ. За отчетный годъ фабричная инспекція имѣла дѣло съ 121-й забастовкой на 132 промышленныхъ

заведеніяхъ; участіе въ этихъ забастовкахъ приняло около 30.000 человѣкъ, изъ которыхъ 18.431 приходится на петербургскій округъ, гдѣ было 24 случая забастовокъ. На второмъ мѣстѣ стоитъ московскій округъ (19 стачекъ съ 5.000 ч. бастовавшихъ), причемъ около половины послѣднихъ приходится на владимірскую губернію. Большое количество мелкихъ стачекъ имѣло мѣсто въ варшавскомъ округѣ: въ виленской губерніи, входящей въ составъ этого округа, отчетъ насчитываетъ 30 стачекъ съ 1.174 участниками. Въ этой же таблицѣ приведены данныя и о продолжительности забастовокъ. Большинство ихъ (70%) длилось не долѣе трехъ дней, но 34 забастовки продолжались болѣе недѣли и до 21 дня. Наиболѣе стойкими оказались бастовавшіе рабочіе въ виленской губерніи и притомъ въ мелкихъ промышленныхъ заведеніяхъ. Въ таблицахъ отсутствуетъ статистическій матеріалъ, изъ котораго можно было бы заключить о вызывавшихъ забастовки причинахъ. Нѣкоторыя данныя о нихъ мы находимъ въ текстѣ: 39 забастовокъ съ 10.334 участниками были вызваны требованіями рабочихъ о сокращеніи рабочаго времени; 26—съ 2.307 участниками—желаніемъ повысить заработную плату, и 21 забастовка (982 ч.)—недовольствомъ различными условіями, вліявшими на уменьшеніе заработка. Кромѣ того, по отчету, фабричной инспекціей было миролюбиво улажено 83 случая, гдѣ 11.610 рабочихъ грозили прекращеніемъ работы.

Нарушенія законовъ со стороны предпринимателей выразились главнымъ образомъ въ неправильномъ увольненіи рабочихъ, въ незаконномъ пониженіи имъ платы, въ неисполненіи правилъ объ охранѣ жизни и здоровья рабочихъ. Изъ общаго числа всѣхъ нарушеній (31.438) только по 1.667 случаямъ были составлены протоколы, судебное же преслѣдованіе противъ виновныхъ было возбуждено только въ 370 случаяхъ. Свѣдѣнія о несчастныхъ случаяхъ въ отчетѣ неполны, такъ какъ регистрація ихъ фабричной инспекціей начата только съ 1901 года, и сообщаемыя данныя, по заявленію составителей, имѣютъ значеніе только предварительнаго подсчета. Число всѣхъ заявленныхъ инспекціи несчастныхъ случаевъ превышаетъ 27.000, причемъ, изъ 5.294 изслѣдованныхъ ею случаевъ, болѣе чѣмъ въ 1.000 было констатировано какъ результатъ несчастія смерть или тяжелыя увѣчья рабочихъ. Пользованіе отчетомъ въ значительной степени затрудняется вслѣдствіе отсутствія данныхъ за прошлые года, что̀ не допускаетъ сравнительнаго разсмотрѣнія ихъ. Нисколько не умаляя цѣнности предпринятаго министерствомъ изданія (хотя оно далеко не соотвѣтствуетъ типу, установленному для подобныхъ изслѣдованій въ западной Европѣ), мы думаемъ, однако, что сводный отчетъ для всей Россіи не можетъ замѣнить опубликованія подробныхъ отче-

товъ по районамъ, которые одни только могутъ дать истинную картину фабричнаго быта въ Россіи. А блестящіе образцы подобнаго рода изслѣдованій мы уже имѣли въ отчетахъ фабричныхъ инспекторовъ перваго призыва. Характеръ ихъ работъ, такъ быстро прерванныхъ независящими обстоятельствами, слѣдовало бы усвоить и нынѣшнимъ работникамъ въ этой области.

XIII.

— Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ CXV. Спб. 1903.

Появившійся недавно новый томъ трудовъ „Имп. Ист. Общ." посвященъ матеріаламъ Екатерининской законодательной коммиссіи. Общество уже ознакомило публику съ наказами отъ дворянъ и городскихъ обывателей; теперь оно приступило къ печатанію наказовъ отъ разныхъ видовъ свободныхъ сельскихъ обывателей и опубликовало въ настоящемъ томѣ наказы губерній московской, кіевской, казанской и астраханской. Инструкція для выборовъ, составленная императрицей Екатериной, имѣла въ виду представить въ коммиссіи, путемъ депутатовъ, слѣдующія группы населенія: однодворцевъ, пахотныхъ солдатъ, служилыхъ людей, содержащихъ ландмилицію, черносошныхъ и ясашныхъ крестьянъ, инородцевъ и казаковъ. Но наказы были получены въ коммиссію и отъ другихъ категорій сельскихъ обывателей, инструкціей не предусмотрѣнныхъ, а именно, отъ отставныхъ солдатъ, мурзъ, раскольниковъ и др. За единицу, которой предоставлено было писать наказъ, былъ принятъ погостъ, но это территоріальное дѣленіе оказалось неизвѣстнымъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи, и потому наказы писались деревнями и селами, а часто и еще болѣе мелкими общественными единицами. Такъ въ матеріалахъ коммиссіи содержится наказъ о нуждахъ группы въ четыре крестьянина, выбравшихъ изъ своей среды повѣреннаго. Благодаря этому, значеніе разныхъ наказовъ, въ смыслѣ отраженія интересовъ сельскаго населенія, далеко не одинаково, и вообще, по мнѣнію профессора Сергѣевича, издавшаго этотъ томъ трудовъ коммиссіи, ихъ нельзя считать отголоскомъ всего крестьянства. Но тѣмъ не менѣе они даютъ яркую картину народнаго быта того времени. Въ наказахъ мы находимъ свѣдѣнія о тяжеломъ экономическомъ положеніи и свободнаго крестьянства. Особенно страдали крестьяне, приписанные къ заводамъ, которые за установленную плату обязаны были производить разную работу для заводовъ. Слѣдствіемъ этой обязанности явилось то, что крестьяне не

могли даже заниматься хлѣбопашествомъ, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ заводы находились отъ приписанныхъ къ нимъ деревень на разстояніи десятковъ и даже сотенъ верстъ. „За таковыми дальнопроходными временами, а особливо неспособными работами, не точію что имѣть себѣ во время пашенной земли къ насѣянію хлѣба и прочей страдной работы къ прокормленію, но и совсѣмъ хлѣбопашества лишились, и живемъ всегда при заводской работѣ безотлучно“,—читаемъ мы въ одномъ изъ наказовъ.

Состояніе правосудія того времени ложилось тяжелымъ бременемъ на сельское населеніе. Дворяне помѣщики отбирали у свободныхъ крестьянъ земли, а суды только потакали насильникамъ. „А когда помѣщики станутъ отъ насъ землю отнимать“,—жалуются крестьяне,—„и то мы не станемъ допускать, то они на насъ просятъ у судей, якобы его то крѣпостная дача. И тѣ судьи изъ нашихъ жительствъ забираютъ много людей, человѣкъ по десяти, и по двадцати, и по тридцати, и сажаютъ насъ въ приказъ и въ тюрьму, и бьютъ немилостиво, и морятъ насъ бѣдныхъ мѣсяца по два, и по три, и по году, и приневоливаютъ безвинно мириться. И мы, бѣдные безгласные, чтобы государственныхъ податей остановки не было, принуждены и безвинно мириться“.

Масса жалобъ раздается на тѣ порядки, которые установились при взиманіи подушной подати, непрерывно повторяются просьбы объ уменьшеніи, о сложеніи ея съ лицъ, для которыхъ она была или непосильна, или которые были неправильно ею обложены. Въ наказахъ казанской губерніи мы находимъ цѣлый рядъ любопытныхъ данныхъ, характеризующихъ отношеніе правительства къ инородцамъ. Благодаря стремленію распространить православіе и снабдить новокрещеновъ разными льготами, возникали столкновенія между ними и тѣми, кто оставался въ старой вѣрѣ. Въ депутатскихъ наказахъ астраханской губерніи содержится не мало матеріала для исторіи нашихъ казачьихъ войскъ. Особенно любопытенъ наказъ волжскаго войска какъ по своему тону, такъ и по содержанію. Въ немъ содержится настоящая программа казачьихъ требованій. „Судъ имѣть намъ“,—читаемъ мы здѣсь,—„войску волскому, между собою, по донскому казачьему обыкновенію, а о криминалныхъ государственной военной коллегіи... А царицинскимъ комендантамъ, яко не знающимъ нашихъ казачьихъ обыкновеній, не вступаться“.

Вообще, какъ бытовая, такъ и публично-правовая стороны русской жизни XVIII вѣка выступаютъ въ наказахъ, нынѣ опубликованныхъ, съ новыми чертами и деталями, которыя имѣютъ несомнѣнную цѣнность для историка внутренней культуры.—Г—анъ.

Въ теченіе сентября, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Аріамакова, Серафима. — Панна Іоанна и Донъ-Жуанъ. Психологическій этюдъ. Спб. 903. Ц. 60 к.

Арсталь, А. — Семья и ея задачи. Книга для родителей и воспитателей, составленная друзьями дѣтей. Съ норвежск. А. и П. Ганзенъ. Спб. 903. Цѣна 2 р. 25 к.

Бахтіаровъ, А. — Очерки съ натуры. Отпѣтые люди. Очерки изъ жизни погибшихъ людей. Спб. 903. Ц. 1 р.

Бернадскій, д-ръ, Э.—Медицина, врачи и публика. Перев. съ польск. д-ра Лешкевича. М. 903. Ц. 80 к.

Божеряновъ, И. Н., и *Карповъ*, Н. Н. — Иллюстрированная исторія русскаго театра XIX-го вѣка. Т. I, вып. 1. Спб. 903. Ц. 1 р. Подп. ц. за 8 вып. (2 тома)=12 р., съ дост. въ Спб. 13 р., и съ перес. 16 руб.

——— Невскій проспектъ. 1703—1903. Культурно-историческій очеркъ жизни С.-Петербурга за два вѣка—XVIII и XIX: Юбилейное изданіе А. П. Вильборга. Т. II, вып. 4 и 5. Спб. 903. Цѣна за 2 т. въ 5 вып.—22 р., въ перепл. 24 р.

Бѣлгородскій, А. В.—Заграничная экскурсія воспитанниковъ Кіево-Печерской гимназіи, подъ руковод. В. И. Петра. Письмо съ пути. Рев. 903. Ц. 35 к.

В—въ, І. А.—О томъ, какъ защищать себя на судѣ, не имѣя повѣреннаго защитника. Защита въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ. Вятка. 903. Ц. 15 к.

Виноградовъ, А.—Ариѳметика. Систематическій курсъ для учебныхъ заведеній и для самообразованія. 2-е изд. Владим. 903. Ц. 75 к.

Вольный, Вл.—Разсказы. Спб. 903. Ц. 80 к.

Гензель, П., и *Цытовичъ*, Э.—Введеніе въ алгебру. Четыре основныя дѣйствія надъ цѣлыми алгебраическими выраженіями. Курсъ 3-го класса гимназій. Спб. 904. Ц. 40 к.

Джемсъ, Уильямъ.—Зависимость вѣры отъ воли и другіе опыты популярной философіи. Съ англ. С. И. Церетели. Спб. 904. Ц. 1 р. 75 к.

Добровольскій, В. И. — Бракъ и разводъ. Очеркъ по дѣйствующему брачному праву и по проекту новаго гражданскаго уложенія. Спб. 903. Ц. 1 р.

Долгоруковъ, В. А.—Путеводитель по всей Сибири и Азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Съ 142 фото-типогравюрами и картой Имперіи. Томскъ. 1903—1904. Стр. 466+80. Ц. 2 р.

Доляренко, А.—Сахарная свекла въ крестьянскомъ хозяйствѣ. М. 903.

Евзлинъ, З. — Конторская практика. Руководство къ теоретическому и практическому изученію коммерч. документовъ, въ связи съ существ. узаконеніями. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Езерскій, Н. — Императоръ Александръ II и его дѣянія. Разрѣшено для народныхъ чтеній, въ Пензенской губ. Пенза. 904. Ц. 3 коп.

Загурскій, Л. Н.—О разводѣ. Харьк., 903.

Зола, Эм. — Неизданные разсказы. Перев. п. р. С. Брильянта. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Зомбартъ, Вернеръ. — Современный капитализмъ. Т. I, вып. 1: Генезисъ капитализма. Съ нѣм., п. р. С. Эверлинга, съ предисл. проф. А. Мануилова. М. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Ибсенъ, Генрикъ. — Полное собраніе сочиненій. Перев. съ датск. А. и П.

Ганзенъ. Т. V: Столовая общества—Кукольный домъ—Привидѣнія—Врагъ народа. М. 903. Ц. 1 р. 20 к.—По подпискѣ за 8 том.=6 руб. безъ пер.

Иностранцевъ, А. А. — Геологія. Общій курсъ. Лекціи, читанныя студентамъ Спб. университета. Т. II: Историческая геологія, съ 653 политипажами въ текстѣ: 3-е изд., значит. дополненное. Спб. 903. Ц. 4 р. 50 к.

Карѣевъ, Н. — Исторія Западной Европы въ Новое время. Т. V: Среднія десятилѣтія XIX-го вѣка (1830—1870 гг.). 2-е изд. Спб. 903. Ц. 5 р.

——— Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историч. картами. Изд. 3-е. Спб. 903. Ц. 1 р. 10 к.

Козьма Прутковъ.—Полное собраніе сочиненій, съ портретомъ, fac-simile и біографическими свѣдѣніями. 9-е изд. Спб. 903. Ц. 2 р.

Коптяевъ, А. — Музыка и культура. Сборникъ музыкально-критическихъ статей. М. 903. Ц. 2 р.

Коробка, Н. И. — Личность въ русскомъ обществѣ и литературѣ начала XIX вѣка. Пушкинъ—Лермонтовъ. Спб. 903. Ц. 60 к.

Костомаровъ, Н. И. — Собраніе сочиненій: Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга первая: т.т. I, II и III. Біографическій очеркъ съ портретомъ автора. Изданіе „Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“ („Литературнаго Фонда“). Спб. 903. Стр. 731. Ц. 3 р. 50 к. Всего=8 книгъ, по подпискѣ 20 р. безъ пересылки.

Коцюбинькый, М.—Оповиданя. Т. I. Кыивъ, 903. Ц. 1 р. 50 к.

Лабзина, Анна Евдокимовна. — Воспоминанія (род. 1758, ум. 1828 г.). Съ предисловіемъ и примѣч. Б. Л. Модзалевскаго. Съ портретами А. Ѳ. и А. Н. Лабзиныхъ. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Ласкаревъ, В.—Фауна Бугловскихъ слоевъ Волыни. Съ 5 табл. и картой. Спб. 903.

Лейкинъ, Н. А. —По сѣверу дикому. Путешествіе изъ Петербурга въ Архангельскъ и обратно. Поѣздка на водопадъ Кивачъ. Изд. 1-е. Спб. 903. Ц. 75 к.

Марковъ, Евгеній.—Путешествіе по Сербіи и Черногоріи. Путевые очерки. Спб. 903. Ц. 2 р.

Массальскій, В. И.— О положеніи и нуждахъ наемнаго труда въ сельскохозяйственной промышленности. М. 903. Ц. 50 к.

Метенъ, Альб. — Аграрный и рабочій вопросъ въ Австраліи и Новой Зеландіи. Перев. Л. Никифорова. М. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Михайловскій, Г.—Средиземно-морскія отложенія томаковки и положеніе ихъ въ ряду средне-міоценовыхъ образованій Россіи и Кавказа. Спб. 903.

Николаевъ, Д. — Геологическія изслѣдованія въ Кыштымской дачѣ Кыштымскаго горнаго округа. Съ 4-мя таблицами. Спб. 902. Ц. 2 р.

Озеровъ, Н. А.—М. Е. Салтыковъ въ Вяткѣ. Вят. 903.

Орженецкій, Р.—Ученіе объ экономическомъ явленіи. Введеніе въ теорію цѣнности. Од. 903. Ц. 2 р.

Орловъ, В. Н., д-ръ мед. — Курсъ общей терапіи женскихъ болѣзней. Съ 83 рис. Спб. 903. Ц. 1 р. 40 к.

Петрушевскій, А.—Разсказы про Суворова. Съ портретомъ и 2 рис. Изд. 6-е. Спб. 903.

Печковскій, Ив.—Откуда нѣтъ возврата. Драматич. этюдъ въ 2 картинахъ. Новочерк., 903. Ц. 30 к.

Плетневъ, Алексѣй. — Максимъ Горькій. Критическій очеркъ. Спб. 903. 2-е изд. Ц. 20 к.

——— Еще о газетахъ. Очеркъ современной прессы. Спб. 903. Ц. 20 к.

——— Газеты и публика. Очеркъ современной прессы. Спб. 903. Ц. 20 к.

Покровскій, Н.—Культурное болото. Повѣсть—Трилогія. Спб. 904. Ц. 1 р.

Покровская, М. И., ж.-врачъ.—Какъ я была городскимъ врачемъ для бѣдныхъ. Изъ воспоминаній. Спб. 903. Ц. 40 к.

Пономаревъ, С. И.—Александръ II, Царь Освободитель. Изд. гр. Милорадовичъ. Спб. 903. Ц. 25 к.

Риманъ, Г. — Музыкальный Словарь, съ 5-го нѣм. изд. перев. Б. Юргенсона, и. р. Ю. Энгеля, дополненный русскимъ отдѣломъ. Вып. XIII (I-XIII—отъ А. до П.). По подп. 6 р., а по выходѣ—8 р.

Рожковъ, Н. — Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Ч. I: Кіевская Русь, съ VI до конца XII вѣка. Спб. 903. Ц. 80 к.

Россіевъ, П. А.—Безъ героевъ. Разсказы (11). М. 903. Ц. 70 к.

Симонова, А. — Для юныхъ читателей. „Какъ я устроила акваріумъ“. Новг. 903. Ц. 10 к.

Спенсеръ, Гербертъ. — Факты и мысли (Facts and Comments). Съ англ. перев. Г. Оршанскій. Харьк. 903. Ц. 1 р.

——— Факты и комментаріи. Съ англ. перев. В. Ранцовъ. Спб. Ц. 1 р. 25 коп.

Стетсонъ, Шарлотта. — Экономическое положеніе женщины (Women and Economics). Изслѣдованіе экономическихъ взаимоотношеній мужчинъ и женщинъ, какъ фактора въ соціальной эволюціи. Съ англ. перев. Мамуровскій. М. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Толмачевъ, М. О. — Крестьянскій вопросъ по взглядамъ земства и мѣстныхъ людей. М. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Тумановъ, кн. Г. М.—Разбои и реформа суда на Кавказѣ. Спб. 903.

Фишеръ-Дюкельманъ, Анна, д-ръ мед.—Женщина-домашній врачъ. Настольная книга для женщинъ. Значительно дополненный переводъ съ нѣм., п. р. д-ра мед. І. Литинскаго. Съ 463 рис. въ текстѣ, 96 рис. на отд. таблицахъ и съ портретомъ автора. Спб. 903. Стр. 1077. Ц. 5 р. съ пер. 5 р. 50 к. Изд. А. Ф. Маркса.

Фюстель-де-Куланжъ. — Древняя гражданская община (La Cité antique). Изслѣдованіе о культѣ, правѣ и учрежденіяхъ Греціи и Рима. Изд. 2-е, исправл., съ прилож. указателя. Перев. Н. Н. Спиридонова. М. 903. Ц. 1 р. 75 к.

Чернышевъ, В.—Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Тверского, Клинскаго и Московскаго уѣздовъ. Спб. 903.

Чивонибаръ, А.—Каторга—Тюрьма—Голодъ. Очерки и разсказы. Од. 903. Ц. 50 к.

Шерръ, І.—Всеобщая исторія литературы. Вып. II: Эллада и Римъ. Вып. III: Франція и Италія. Вып. IV: Италія, Испанія и Португалія. 2-е дополн. изд., п. р. П. И. Вейнберга. М. 903. Ц. по подпискѣ 5 р., въ 2 том. (10 выпусковъ).

Янзимірова, М. К. (Марекъ). — Причины нравственной физіономіи женщины. Историческій очеркъ. Спб. 901. Ц. 2 р.

Энциклопедическій Словарь. Т.т. XXXVIII и XXXVIII, А (75 и 76): Цензурный комитетъ—Чугуевскій полкъ. Спб. 903. Ц. по 3 р.

Эрдманнъ, Э. Э.—Пролегомена къ общей теоріи „понятій“ на эмпиріо-критическомъ основаніи. Варш. 903.

Posner, Dr., Carl, und *Blumenthal*, Dr. Phil. M.—Die klinische Ausbildung der Aertzte in Russland. Iena. 903.

Wyleżinski, Thaddée.—Memoires. Épisode de la révolution de Pologne de 1830—31, avec une préface de M. Constantin Woënsky. St.-Pét. 903.

— Внѣ-земледѣльческіе промыслы Вологодской губерніи. П. р. А. Масленникова. Вол. 903.

— Графъ Л. Н. Толстой, великій писатель русской земли, его жизнь, семья, друзья, критики и толкователи, въ портретахъ, гравюрахъ, медаляхъ, живописи, скульптурѣ, каррикатурахъ и т. д. Изд. Товарищества М. О. Вольфъ. Вып. 1. Спб. 903. Ц. 60 к.

— Живая старина. Періодическое изданіе Отдѣленія Этнографіи Имп. Русск. Историч. Общ., п. ред. предсѣдательствующаго въ Отд. Этногр. В. И. Ламанскаго. Вып. 1 и 2. Г. XIII. Спб. 903.

— Исторія Удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія. 1797—1897. Т. I: Управленіе удѣлами и удѣльное хозяйство. Т. II: Крестьяне дворцовые, государевы и удѣльные. Т. III: Приложенія. Спб. 902.

— Краткій обзоръ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній. 32-й обзоръ. Спб. 903. Ц. 25 к.

— Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. VI: Купля-продажа земель въ Европейской Россіи въ 1896 г. Спб. 903.

— Научно-образовательная библіотека: 1) Постъ, Альб., Зачатки государственныхъ и правовыхъ отношеній, перев. Н. Теплова, съ предисл. М. М. Ковалевскаго, ц. 60 к. 2) Роско, Химія, перев. п. р. С. Крапивина, ц. 25 к. 3) Гёксли, Введеніе въ науку, перев. Д. Кашкарова, п. р. Н. Кольцова. Цѣна 25 к. М. 903.

— Руководство къ устройству и веденію публичныхъ чтеній. Изд. 2-е. Харьк., 903. Ц. 25 к.

— Сборникъ-календарь Тамбовской губерніи за 1903 г. Изд. Тамб. Губ. Стат. Комитета. Тамб. 903. Ц. 2 р. 25 к.

— Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1901 годъ. Спб. 903.

— Статистика по казенной продажѣ питей. 1901 г. Спб. 903.

— Статистическій ежегодникъ С.-Петербурга за 1900 годъ. Годъ XX. Спб. 903.

— Типы народовъ. По картинамъ Лемана. Вып. I: Эскимосы. Вып. II: Малайцы. Вып. III: Австралійцы. Вып. IV: Китайцы. Изданіе Вятскаго Губернскаго Земства. Вятка. 1903.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

— Francesco Invrea. Il comune e la sua funzione sociale. Roma.

Вопросы городской жизни, городского хозяйства и, неразрывно связаннаго съ послѣднимъ, городского самоуправленія, привлекаютъ, особенно въ послѣднее время, все болѣе и болѣе вниманіе общественнаго мнѣнія какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ. Повсюду появляются журналы, посвященные главнымъ образомъ муниципальному вопросу: „Kommunale Praxis“—въ Германіи, „Bulletins communaux“—въ Бельгіи, „Nuova Italia“ и „Germinal“—въ Италіи, „Municipal Journal“—въ Англіи, „Revue Municipale“—въ Парижѣ, „Municipal Affairs“—въ Нью-Іоркѣ и т. д., не говоря уже о массѣ статей, разбросанныхъ по разнымъ соціально-экономическимъ журналамъ, изъ которыхъ многіе, напр. „Sociale Praxis“, „Neue Zeit“, „La Riforma Sociale“, завели постоянные обзоры муниципальной жизни. Въ 1897—98 гг. профессоръ Матеи открылъ въ Вѣнѣ курсъ по вопросамъ коммунальной политики. Въ 1901 г. городской голова гор. Скарбека, г. Кеннисъ, читалъ аналогичный курсъ въ народномъ университетѣ этого города.

Въ связи съ общимъ общественно-экономическимъ пробужденіемъ, которое теперь переживаетъ Италія, муниципальные вопросы, такъ тѣсно связанные съ интересами массы населенія, стекающагося въ города, начинаютъ интересовать здѣсь представителей самыхъ различныхъ партій. Подъ вліяніемъ этого фактора здѣсь появились, какъ мы уже указали, и спеціальныя періодическія изданія „Nuova Italia“ (католическій журналъ) и „Germinal“ (соціалистическій), а также и довольно богатая спеціальная литература, гдѣ заняла видное мѣсто очень интересная, недавно вышедшая книжка Инвреа, католика и горячаго сторонника средневѣкового органическаго строенія общества, которое онъ противополагаетъ современному индивидуалистически-атомистическому порядку вещей.

Особенное значеніе придаетъ авторъ „практической реакціи“ противъ „соціальнаго централизма и атомизма“, которая, по его мнѣнію, наблюдается повсюду въ двоякой формѣ: въ формѣ корпоративнаго движенія и въ формѣ стремленія къ автономіи отдѣльныхъ общественныхъ единицъ—общинъ, городовъ, провинцій. Для города это стремле-

ніе особенно неизбѣжно. Громадный ростъ населенія и образованіе обширныхъ городскихъ агломерацій,—явленія, свойственныя нашему вѣку,—создали массу соціальныхъ, экономическихъ и гигіеническихъ проблемъ, открывающихъ передъ городской администраціей новую область работы. Отсюда неизбѣжно вытекаетъ необходимость расширить рамки городской дѣятельности. Органы городского самоуправленія чувствуютъ все больше и больше потребность въ разумной свободѣ дѣйствій; такимъ образомъ, расширеніе проблемъ городской жизни является могучимъ коэффиціентомъ стремленія къ самостоятельности. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ культурный ростъ все болѣе широкихъ слоевъ населенія, предъявляющихъ извѣстныя требованія къ городскимъ самоуправленіямъ въ области городскихъ финансовъ и въ соціально-экономической. Всѣ эти условія современной жизни дѣлаютъ болѣе интенсивной жизнь города и вызываютъ необходимость лучшей организаціи городской общины.

Трудъ Инвреа распадается на двѣ части; въ первой авторъ пытается намѣтить общія условія лучшей организаціи городской администраціи, во второй—характеризуетъ задачи и предѣлы соціальной дѣятельности городской общины. Особенно интересна первая часть книжки.

Здѣсь авторъ является горячимъ сторонникомъ „общественной теоріи“ самоуправленія,—для Европы теперь уже устарѣлой, но формулируемой авторомъ замѣчательно ясно и краснорѣчиво, очевидно подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ неурядицъ итальянской общественной жизни. „Если община,—говоритъ онъ,—имѣетъ свою собственную личность, существующую независимо отъ государства; если она имѣетъ свои собственныя функціи и потребности, отличныя отъ таковыхъ же государства, то очевидно, что хотя она подчинена государству, но имѣетъ свои собственныя права, которыя, конечно, должны быть координированы съ общими интересами націи, но не должны ни поглощаться, ни нарушаться ими. Отсюда вытекаетъ основная идея мѣстнаго самоуправленія, выражающаяся въ свободѣ общины дѣйствовать для собственныхъ цѣлей и предполагающая возможность для нея создавать „законы“ въ ея предѣлахъ, въ границахъ ея компетенціи и при посредствѣ законно установленнаго органа власти. Эта автономія не должна имѣть другихъ внѣшнихъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя обусловливаются необходимой гармоніей съ конечными цѣлями государства и обязанностью для послѣдняго не допускать злоупотребленій. Эти границы неодинаковы, конечно, въ разное время и въ разныхъ государствахъ, но онѣ должны всегда оставлять мѣсто свободѣ мѣстнаго самоуправленія“.

Но если перейти отъ разсмотрѣнія доктринъ о самомъ принципѣ

мѣстной автономіи къ дѣйствительному положенію вещей въ Италіи, то увидимъ, что государство совершенно не принимаетъ этихъ принциповъ во вниманіе. Не довольствуясь законодательнымъ ограниченіемъ дѣятельности органовъ мѣстнаго самоуправленія, администрація старается сдѣлать ихъ положеніе еще болѣе тяжелымъ, еще болѣе зависимымъ. Инвреа приводитъ слѣдующій примѣръ: декретомъ отъ 1-го февраля 1896 г. государственный совѣтъ призналъ незаконнымъ постановленіе городского совѣта Кремоны о представленіи парламенту петиціи о введеніи коммунальнаго референдума. Въ этомъ декретѣ государственный совѣтъ дѣлаетъ неправильное ограниченіе 58-ой ст. основныхъ законовъ, признавая за городами и провинціальными совѣтами право подачи петицій не въ вопросахъ общезаконодательнаго характера, а только въ вопросахъ, касающихся ихъ частной компетенціи: „когда реформы, о которыхъ возбуждаютъ ходатайство органы мѣстнаго самоуправленія,—только мѣстныя и не выходятъ за предѣлы компетенціи мѣстной администраціи".

Но, къ счастью, противъ этого теченія — съузить значеніе мѣстнаго самоуправленія въ Италіи—поднимается сильное общественное движеніе. „Идея свободнаго развитія мѣстнаго самоуправленія въ Италіи, такъ недавно, казалось, бывшая достояніемъ нѣсколькихъ одинокихъ ученыхъ, быстро завоевываетъ общественное мнѣніе".

Какъ примѣръ такого движенія въ научной области, Инвреа указываетъ на католическій (консервативный) конгрессъ, имѣвшій мѣсто въ Падуѣ въ 1896 г. и сдѣлавшій постановленіе въ пользу мѣстной автономіи. Дѣятели-практики, безъ различія партій, тоже не разъ высказывались въ томъ же смыслѣ. Уже лѣтомъ 1899 г., городской совѣтъ Мантуи попытался создать движеніе въ пользу обезпеченія и развитія административной автономіи, но онъ не имѣлъ послѣдователей. Гораздо бо́льшимъ успѣхомъ увѣнчалась аналогичная попытка городского совѣта Пармы, сдѣлавшаго единогласно постановленіе въ этомъ смыслѣ зимой 1900 г.: „Городской совѣтъ Пармы, принимая во вниманіе, что дѣйствующее законодательство, отягощая общины налогами въ пользу государства, связываетъ въ нихъ всякую дѣятельность слишкомъ мелочнымъ контролемъ и открываетъ слишкомъ большой просторъ административному вмѣшательству; полагая, что городъ не можетъ преуспѣвать въ своихъ дѣлахъ безъ свободы самоуправленія и полнаго освобожденія отъ расходовъ общенаціональнаго характера,—постановляетъ образовать союзъ между общинами королевства съ цѣлью, путемъ петицій, добиться отъ законодательной власти финансовой и административной автономіи, необходимой для нормальной экономической и соціальной жизни современной общины".

Общественное значеніе этого постановленія особенно усилилось

послѣ поддержки, оказанной начинавшемуся движенію Миланомъ, моральнымъ центромъ королевства. Миланская дума почти единогласно вотировала такое постановленіе:

„Городской совѣтъ Милана, принимая во вниманіе, что постоянное вмѣшательство государства въ дѣла мѣстнаго самоуправленія, парализуя его иниціативу, поглощая большую часть его доходовъ и возлагая на него тѣ расходы, которые должны представлять собой расходы самого государства, не даетъ ему возможности развить гражданскую, экономическую и общественную дѣятельность; что для измѣненія этого печальнаго положенія вещей необходимо ввести реформы въ законоположеніе о городахъ и провинціяхъ въ смыслѣ возвращенія общинѣ отнятыхъ у нея правъ и возстановленія ея автономіи,—постановляетъ принять участіе въ движеніи, способствовать организаціи союза между итальянскими общинами, съ цѣлью добиться упомянутой реформы, и приглашаетъ управу привести въ исполненіе сказанное постановленіе".

Для приведенія его въ исполненіе, управа разослала всѣмъ общиннымъ представительствамъ Италіи циркуляры, приглашая ихъ присоединиться къ проектируемому союзу. Число присоединившихся городскихъ общинъ достигаетъ уже тысячи; такое число кажется огромнымъ (несмотря на то, что всѣхъ общинъ въ Италіи насчитывается болѣе восьми тысячъ), если принять во вниманіе, какъ велика еще апатія и робость большинства итальянскихъ органовъ городского и общиннаго самоуправленія.

Если этотъ союзъ общинъ съумѣетъ, какъ можно надѣяться, дѣятельно работать и дать практическое, конкретное направленіе своимъ работамъ, держась вдали отъ партійныхъ интересовъ, то онъ, конечно, будетъ очень полезенъ дѣлу автономіи общинъ. Онъ можетъ, въ своей дѣятельности, вдохновиться примѣромъ аналогичнаго союза англійскихъ муниципалитетовъ (Association of municipal corporations), созданнаго въ Лондонѣ въ 1873 г. [1]). Такъ же, какъ онъ, долженъ дѣйствовать союзъ между итальянскими общинами. Онъ долженъ, съ одной стороны, посредствомъ періодическихъ съѣздовъ и особенно посредствомъ оффиціаль-

[1]) Задача этого союза, по словамъ 2-го § устава, „покровительствовать интересамъ, правамъ и привилегіямъ муниципальныхъ корпорацій въ тѣхъ случаяхъ, когда они могутъ быть нарушены общественными и частными биллями, и, кромѣ того, дѣйствовать и въ другихъ дѣлахъ, въ которыхъ муниципалитеты могутъ быть заинтересованы". „Association of municipal corporations" проявляетъ свою дѣятельность двоякимъ образомъ: во-первыхъ, она старается изучать конкретно различныя задачи, представляющіяся муниципалитету, и въ этомъ случаѣ различные муниципалитеты могутъ довольно хорошо освѣдомлять другъ друга о результатахъ ихъ опыта. Во-вторыхъ, союзъ стремится добиться отъ парламента всѣхъ тѣхъ реформъ, которыя могутъ интересовать жизнь общины и защищать свободу дѣйствій муниципалитета.

ныхъ сообщеній развивать *практическое* изученіе всѣхъ вопросовъ, касающихся общины, и спеціально тѣхъ, которые въ наше время являются наиболѣе жизненными (напр. муниципализація промышленныхъ предпріятій, попеченіе о рабочихъ), и съ другой—посредствомъ представленія петицій парламенту и посредствомъ публикацій и прямого голосованія,—вліять на общественное мнѣніе, чтобы добиться, постепенной реформой законодательства, дѣйствительной автономіи общинъ и точнаго примѣненія всѣхъ законоположеній, которыя могутъ облегчить общинамъ исполненіе ихъ общественныхъ функцій.

По Инвреа, понятіе правильно развитого мѣстнаго самоуправленія опредѣляется тремя элементами: 1) предоставленіемъ общинѣ ея нормальныхъ функцій; 2) свободнымъ выборомъ ея органовъ, и 3) свободой дѣйствій.

„Но, — замѣчаетъ онъ, — какъ можно говорить о нормальныхъ функціяхъ городского самоуправленія, какъ будто существуютъ во всѣ времена и повсюду неизмѣнныя функціи городского самоуправленія, въ которыя государство не должно вмѣшиваться даже въ случаѣ очевиднаго злоупотребленія?“ Инвреа нормальную границу дѣятельности общинъ опредѣляетъ характеромъ мѣстныхъ нуждъ, которыя могутъ быть въ достаточной степени удовлетворены органами мѣстнаго самоуправленія. Но въ Италіи необходимость децентрализаціи признается только теоретически видными дѣятелями всѣхъ направленій,—фактически же господствуетъ противоположная тенденція. Такъ, напримѣръ, въ парламентѣ, на основаніи права парламентской иниціативы, нѣсколько разъ представлялся проектъ закона, имѣющій въ виду изъять начальную школу изъ вѣдѣнія мѣстнаго самоуправленія. „Между тѣмъ, если есть поле дѣятельности, гдѣ государство не можетъ замѣнить собою мѣстное самоуправленіе, такъ это именно въ школьномъ дѣлѣ, ибо право воспитанія и обученія дѣтей, по природѣ своей, принадлежитъ семьѣ, которая ищетъ въ школѣ помощницу въ дѣлѣ образованія новаго поколѣнія. Въ этомъ родителямъ, получившимъ отъ Бога такую высокую миссію, должна быть предоставлена какъ можно бо̀льшая свобода, и общественная власть должна вмѣшиваться только тогда, когда ихъ усилій было бы недостаточно. Но очевидно, что въ такомъ случаѣ только *община*, а не *государство* можетъ помочь дѣлу семьи, и не только потому, что это—дѣло чисто мѣстнаго характера, но и потому, что община представляетъ собой единеніе семей и въ узкихъ рамкахъ жизни общины родители могутъ оказывать бо̀льшее вліяніе, прямымъ или косвеннымъ образомъ, на дѣло школьнаго образованія. Кромѣ того, въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, какъ элементарная школа,—могущественное орудіе воспитанія,

тяжелая, связывающая, педантическая и бюрократическая дѣятельность государства не можетъ имѣть успѣха".

Однимъ изъ главныхъ элементовъ самоуправленія считалось во всѣ времена право городскихъ общинъ выбирать должностныхъ лицъ. Съ объединеніемъ Италіи прекратилось вмѣшательство государства въ выборы гласныхъ и управы,—только назначеніе головы (синдика) было предоставлено королю. Но въ 1889 г. главные города получили право выбора и головы, а въ іюлѣ 1896 г. это право было распространено на всѣ общины королевства. Впрочемъ, благодаря праву распущенія совѣта (декретъ о распущеніи долженъ быть мотивированъ, публикованъ въ „Gazetta Ufficiale" и доведенъ до свѣдѣнія парламента) [1]) и отозванія синдика, государство сохраняетъ сильное, почти ничѣмъ не ограничиваемое и никѣмъ не контролируемое вліяніе на ходъ дѣлъ въ органахъ городского самоуправленія.

Единственный способъ ввести законность и правильность въ отношенія между органами мѣстнаго и центральнаго правленія Инвреа видитъ въ точномъ опредѣленіи случаевъ, въ которыхъ распущеніе можетъ имѣть мѣсто. Случаи эти должны быть немногочисленны, потому что отмѣна незаконныхъ постановленій и принадлежащее государству право принудить общину къ исполненію возложенныхъ на нее обязанностей совершенно достаточны для нормальнаго хода дѣла. Затѣмъ необходимо, чтобы право распущенія совѣта принадлежало особому учрежденію, судебному или административному, но поставленному независимо отъ исполнительныхъ бюрократическихъ органовъ. Тѣ же соображенія примѣнимы къ смѣщенію синдика.

Опека современнаго государства надъ общиной можетъ выражаться въ двойной формѣ: или косвенно, путемъ опредѣленія, въ законодательномъ порядкѣ, поля дѣятельности общины, или непосредственно путемъ контроля и воздѣйствія со стороны политической власти и ея административныхъ органовъ. Въ принципѣ, говоритъ авторъ, разумѣется, необходимо признать цѣлесообразность и неизбѣжность государственаго вмѣшательства для опредѣленія границъ дѣятельности органовъ самоуправленія. Но дѣйствующее итальянское законодательство, кропотливо опредѣляя все, что они должны дѣлать, и, вдобавокъ,

[1]) „Первая формальность меньше, чѣмъ ничего, — говоритъ Инвреа; — что же касается контроля парламента, то, по причинамъ такого же рода, онъ не можетъ быть дѣйствительнымъ. Несомнѣнно, парламентъ не можетъ придавать слишкомъ большого значенія дѣламъ, имѣющимъ мѣстный интересъ, не говоря уже о томъ, что у него нѣтъ другой санкціи противъ государственнаго произвола, кромѣ выраженія недовѣрія, но онъ, конечно, не пользуется такимъ серьезнымъ средствомъ для подавленія этого рода произвола. Кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ, произвольныя распущенія совѣта дѣлаются по партійнымъ соображеніямъ, и, слѣдовательно, они не могутъ встрѣтить осужденія со стороны парламентскаго большинства".

принуждая—въ финансовой области—къ страшно узкой и—что̀ еще хуже—несправедливой и абсурдной налоговой системѣ, стремится педантически связать мѣстное самоуправленіе въ его дѣятельности.

Духъ, господствующій въ высшихъ административныхъ сферахъ, приводитъ къ такимъ ограниченіямъ законоположеній, о которыхъ законъ никогда и не думалъ.

Таково, напримѣръ, постановленіе государственнаго совѣта, воспретившаго общинамъ, декретомъ отъ 12-го ноября 1896 г., давать субсидіи „камерамъ труда“, признавая послѣднія „учрежденіями, не направленными къ общей пользѣ всѣхъ гражданъ города“.

Затѣмъ, къ законамъ присоединилась цѣлая масса регламентовъ, выработанныхъ исполнительной властью, которые не довольствуются опредѣленіемъ способовъ примѣненія законовъ, но произвольно и антиконституціонно измѣняютъ и ухудшаютъ законы. Таковъ, напримѣръ, регламентъ относительно примѣненія городового и провинціальнаго положенія, одобренный королевскимъ декретомъ 19 сентября 1899 г. Регламентъ этотъ до такой степени усилилъ опеку государства надъ общиной, что вызвалъ протестъ со стороны всѣхъ партій, даже со стороны тѣхъ, которые меньше всего интересуются свободой самоуправленія. Въ этомъ отношеніи интересна записка муниципальнаго совѣта въ Туринѣ (состоящаго изъ консервативныхъ элементовъ), доказывающая, что большинство постановленій новаго регламента находится въ открытомъ противорѣчіи съ закономъ и, конечно, въ духѣ бо̀льшаго подчиненія о̀рганов̀ъ мѣстнаго самоуправленія.

Другая форма опеки надъ общиной, опека въ прямомъ смыслѣ слова, это—опека *административная*, которая распадается на опеку *юридическую* и *экономическую*. По итальянскому закону, право юридической опеки принадлежитъ префекту, который можетъ отмѣнить всякое постановленіе, противное законамъ, оставляя за общиной право аппеллировать къ королевскому правительству. Напротивъ, право экономической опеки принадлежитъ административному провинціальному совѣту, который можетъ дать или не дать свое одобреніе постановленіямъ общиннаго совѣта, принимая во вниманіе не только соблюденіе ими законности, но и то, насколько они соотвѣтствуютъ общей пользѣ и нуждамъ населенія.

„Конечно,—говоритъ Инвреа,—справедливо отмѣнять постановленія общины, противорѣчащія законамъ, но мы не можемъ не сожалѣть, что право признанія ихъ незаконными возлагается на префекта и другихъ чиновниковъ. Почему бы не предоставить судить объ этомъ судебной власти, по требованію гражданъ, а въ случаѣ отсутствія такого требованія—по представленію самого префекта? Или, наконецъ, почему бы не создать особый о̀рганъ административной юстиціи, въ

которомъ, изъ уваженія къ принципу автономіи, не должны принимать участія бюрократическіе чиновники правительства? Дума Кремоны возбудила въ 1898 г. соотвѣтствующее ходатайство (признанное префектомъ незаконнымъ) о передачѣ этой формы опеки судебной власти, которая могла бы признавать ничтожными постановленія думы только послѣ приложенія къ разбору такого рода дѣлъ принциповъ состязательнаго процесса.

Что касается до опеки экономической, въ которой попечительная власть не ограничивается разсмотрѣніемъ законности или незаконности постановленія, но еще и его своевременностью, то опытъ, конечно, не доказалъ ея цѣлесообразности, такъ какъ мы видимъ, что, несмотря на всѣ возможныя опеки, итальянскія общины, большія и мелкія, тонутъ въ долгахъ и мало-по-малу лишаются большей части своихъ недвижимыхъ имуществъ. Если желательно положить предѣлъ подобнымъ злоупотребленіямъ, то надо прибѣгнуть къ средству болѣе дѣйствительному, чѣмъ „экономическая“ опека, и въ то же время болѣе достойному. Инвреа рекомендуетъ институтъ коммунальнаго референдума, который, развивая въ обществѣ интересъ къ мѣстнымъ дѣламъ, неизбѣжно оказалъ бы благотворное вліяніе на дѣйствія представителей мѣстнаго самоуправленія.

Указывая, что государство въ Италіи погасило всякую мѣстную свободу и всякую иниціативу, Инвреа вовсе не утверждаетъ, что государство не должно создавать никакихъ юридическихъ границъ дѣятельности общины. Но самая система, выражающаяся въ стремленіи точнымъ и категорическимъ образомъ опредѣлить, въ законодательномъ порядкѣ, поле дѣятельности общины, заслуживаетъ осужденія, ибо постоянное развитіе новыхъ потребностей дѣлаетъ необходимыми постоянныя добавленія и частичныя и общія исправленія „списка“ дѣлъ, которыя состоятъ въ вѣдѣніи мѣстнаго самоуправленія. Отсюда возникаетъ необходимость признать за общиной право свободы дѣйствій во всемъ, что̀ касается ея интересовъ. Такъ въ финансовой области, вмѣсто того, чтобы перечислять предоставленные общинѣ налоги, нужно удовольствоваться опредѣленіемъ общихъ принциповъ налоговой системы, оставляя ей широкое поле для выбора. Такимъ образомъ исчезла бы опасность обложенія города косвенными налогами (что̀ мы видимъ теперь въ Италіи), въ общественномъ и экономическомъ смыслѣ противорѣчащимъ требованіямъ справедливости и потребностямъ времени. Разумѣется, въ общихъ интересахъ государство можетъ возложить на городъ извѣстные обязательные расходы, но и здѣсь оно не должно переходить границъ, что̀ тоже наблюдается сейчасъ въ Италіи, гдѣ обязательныя издержки тяжелымъ и несправедливымъ бременемъ ложатся на мѣстные бюджеты.

Государство не можетъ удовольствоваться только законодательнымъ опредѣленіемъ границъ дѣятельности городского самоуправленія; необходимы еще другія формы контроля и наблюденія. Контроль надъ дѣятельностью органовъ городского самоуправленія можетъ, прежде всего, быть достигнутъ путемъ широкой публичности всѣхъ засѣданій и всѣхъ дѣйствій органовъ коммунальной власти. Но особенно дѣйствительное значеніе въ этой области могутъ имѣть непосредственно избираемые населеніемъ ревизоры, роль которыхъ можно сравнить съ ролью наблюдательнаго комитета въ акціонерномъ обществѣ. Такой внутренній контроль не исключаетъ, разумѣется, возможности контроля внѣшняго. Поэтому вполнѣ естественно, что всѣ постановленія общины, всѣ обсужденія ея бюджетовъ должны быть доведены до свѣдѣнія высшей власти. Кромѣ того, по мнѣнію автора, было бы хорошо и нисколько не противорѣчило бы правильному пониманію мѣстной автономіи, если бы высшая власть могла посылать инспекторовъ, которые de visu констатировали бы ходъ дѣятельности общины и, спеціально, ея финансовое хозяйство. Такова система, примѣняемая въ Англіи и дающая самые лучшіе результаты. На примѣрѣ федераціи итальянскихъ сельскихъ кассъ и кооперативовъ, дѣйствующихъ ко всеобщему удовлетворенію, можно убѣдиться въ хорошихъ сторонахъ этой системы.

По дѣйствующему итальянскому законодательству право признанія недѣйствительными постановленій общинъ, нарушающихъ право третьихъ лицъ, принадлежитъ судебной власти. Но это законодательство допускаетъ обжалованіе въ судебномъ порядкѣ только въ случаѣ нарушеній индивидуальнаго права, но не въ случаѣ произвольныхъ дѣйствій, не нарушающихъ правъ третьихъ лицъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, право объявить ничтожными постановленія думы принадлежитъ префекту, что̀ представляетъ по крайней мѣрѣ два крупныхъ неудобства. Во-первыхъ,—полная зависимость префекта отъ центральной власти и, во-вторыхъ, недостатокъ процессуальныхъ гарантій. Послѣднія могли бы быть даны въ формѣ состязательнаго процесса, аналогичнаго судебному состязательному процессу (гораздо болѣе быстрому и дешевому). И если заинтересованныя лица и представители общины, по апатіи или по незнанію, не прибѣгнутъ къ этому способу, то префектъ или его замѣстители, въ качествѣ представителей общественной власти, могутъ возбудить вопросъ передъ контролирующей инстанціей о признаніи ничтожными незаконныхъ постановленій думы.

Эту функцію административной юстиціи лучше всего могъ бы выполнить провинціальный административный совѣтъ, преобразованный въ томъ смыслѣ, чтобы всѣ его члены были выборными. Конгрессъ представителей провинціальныхъ собраній, собравшійся въ октябрѣ

1898 г., въ эпоху наибольшаго расцвѣта реакціи въ Италіи, и состоявшій въ значительной степени изъ наиболѣе консервативныхъ элементовъ страны, сдѣлалъ уже постановленіе о выборномъ характерѣ этой контролирующей инстанціи. „Контроль надъ общинами и административная юстиція должны находиться въ вѣдѣніи совѣта, въ цѣломъ составѣ выбраннаго провинціальнымъ собраніемъ изъ его членовъ по принципу пропорціональнаго представительства. Совѣтъ же выбираетъ и своего президента. Въ составъ совѣта входитъ префектъ, въ качествѣ представителя королевской власти; ему должно быть предоставлено право обжалованія постановленій совѣта въ государственный совѣтъ".

Четвертое отдѣленіе государственнаго совѣта, представляющаго теперь въ Италіи высшій органъ административной юстиціи, должно быть тоже реформировано въ смыслѣ усиленія его самостоятельности и расширенія его власти.

Наконецъ, и еще одна реформа является необходимой въ наше время. Она, конечно, отличается отъ предъидущей, но не менѣе ея важна и касается дѣйствительнаго *установленія отвѣтственности представителей администраціи общинъ*. Но итальянское законодательство, далекое отъ того, чтобы установить эту отвѣтственность, приходитъ даже къ тому, чтобы создать въ пользу синдика (головы), также какъ и префектовъ, пресловутую *„административную гарантію"*, благодаря которой синдики, префекты, вице-префекты и т. д. отдаютъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только *высшей административной власти* и не могутъ быть смѣщены безъ разрѣшенія короля.

Эта *административная гарантія*, которая въ политическомъ отношеніи (особенно тамъ, гдѣ она касается префектовъ), можетъ дать мѣсто самому грубому произволу, въ административномъ—уменьшаетъ ту отвѣтственность администраторовъ, которая и такъ уже является иллюзорной. Никакіе теоретическіе доводы не могутъ ее оправдать. Въ самой Франціи, родинѣ этого института, она была уничтожена въ 1870 г. Нѣтъ больше ни одной культурной страны, гдѣ она еще существовала бы, и только одна Италія сохранила эту печальную привилегію. Въ Италіи политическіе дѣятели уже съ давнихъ поръ были убѣждены въ необходимости ея отмѣны: министры и парламентскія коммиссіи не разъ предлагали уничтоженіе ея, но „гарантія" уцѣлѣла и появилась даже въ послѣднемъ коммунальномъ и провинціальномъ „Положеніи", въ которомъ остается еще и до сихъ поръ.

Необходимо, слѣдовательно, по мнѣнію автора, настоятельно добиваться уничтоженія этого страннаго и гибельнаго института и замѣны его опредѣленнымъ закономъ, дѣлающимъ возможною, въ спе-

ціальныхъ случаяхъ, отвѣтственность администраторовъ во всѣхъ актахъ и во всѣхъ сдѣланныхъ по небрежности упущеніяхъ, могущихъ причинить ущербъ общинѣ. Въ видѣ дополненія къ этой реформѣ, необходимо также, чтобы право обжалованія всякимъ частнымъ лицомъ (azione popolare) дѣйствій органовъ коммунальнаго самоуправленія, введенное въ послѣднее коммунальное „Положеніе“ (§ 129 дѣйствующаго текста отъ 4 мая 1898 г.), было сдѣлано дѣйствительнымъ, благодаря отмѣнѣ предварительнаго разрѣшенія провинціальнаго административнаго совѣта.

Этимъ замѣчаніемъ заканчиваетъ нашъ авторъ свою характеристику современнаго положенія итальянскаго самоуправленія.

Для русскихъ читателей принципіальная сторона разбираемыхъ Инвреа вопросовъ не является новостью, но, все-таки, крайне любопытно, что выводы, къ которымъ пришли практики и теоретики мѣстнаго самоуправленія въ Италіи, такъ близко совпадаютъ съ желаніями и стремленіями значительной части русскаго общества и большинства русской печати.—М. З—ковъ.

II.

— *Paul Adam.* La Ruse. Roman. Стр. 468. Paris (Librairie Paul Ollendorf).

Поль Аданъ принадлежитъ къ плеядѣ современныхъ писателей, обозначаемыхъ во Франціи общимъ названіемъ „les Jeunes“, хотя для молодого автора число написанныхъ имъ произведеній чрезвычайно велико. Въ недавно вышедшей біографіи Поля Адана („Paul Adam“ par Marcel Batillat, въ серіи „Les célébrités d'aujourd'hui“) приведены въ библіографическомъ спискѣ его произведеній заглавія двадцати большихъ романовъ, затѣмъ еще нѣсколькихъ сборниковъ повѣстей и короткихъ разсказовъ, драмъ, критическихъ этюдовъ;—въ этотъ списокъ къ тому же не вошли многочисленныя статьи, хроники и публицистическія замѣтки Поля Адана въ разныхъ французскихъ газетахъ и журналахъ. Полю Адану въ настоящее время сорокъ-одинъ годъ (онъ родился въ 1862 г.); въ литературѣ онъ выступилъ въ 1884 г. небольшими журнальными работами, такъ что по своей продуктивности за двадцать лѣтъ литературной дѣятельности онъ не уступаетъ такимъ неутомимымъ писателямъ, какими были Зола или даже Бальзакъ. Къ „молодымъ“ Поля Адана причисляютъ такимъ образомъ вовсе не потому, что онъ еще сравнительный новичокъ въ литературѣ,—его многочисленныя произведенія давно уже создали ему очень почтенное имя,—а за его солидарность съ представителями новѣй-

шихъ теченій въ французской литературѣ. Онъ принималъ ближайшее участіе во всѣхъ „кампаніяхъ“ символической школы, т.-е. былъ или основателемъ, или ближайшимъ сотрудникомъ цѣлаго ряда журналовъ, въ которыхъ проповѣдывались принципы символической поэзіи и искусства. Вмѣстѣ съ Маллармэ, съ Визевой и другими онъ участвовалъ въ серединѣ 80-хъ годовъ въ „Revue Indépendante“, одномъ изъ первыхъ органовъ символической школы, затѣмъ основалъ вмѣстѣ съ Густавомъ Каномъ и Жаномъ Мореасомъ журналъ „Le Symboliste“, смѣнившійся вскорѣ другимъ—„La Vogue“, а черезъ нѣкоторое время—второй серіей „Revue Indépendante“. Кромѣ того, онъ написалъ—въ соотрудничествѣ съ поэтомъ-символистомъ Мореасомъ—фантастическую повѣсть: „Le thé chez Miranda“, на очень смѣлую эротическую тэму, со свойственнымъ ему и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ испытующимъ отношеніемъ ко всякимъ проявленіямъ страстей; вмѣстѣ съ Мореасомъ написанъ также романъ „Les demoiselles Goubert“. И во время всей своей дальнѣйшей дѣятельности Поль Аданъ оставался и остается до сихъ поръ единомышленникомъ и другомъ писателей, группирующихся вокругъ „Mercure de France“, „Revue Blanche“ и другихъ такъ-называемыхъ „jeunes revues“.

Но связь Поля Адана съ символистами и представителями другихъ новѣйшихъ литературныхъ группъ основана скорѣе на личныхъ отношеніяхъ и общности вкусовъ, чѣмъ на одинаковыхъ литературныхъ цѣляхъ. Въ своемъ творчествѣ Поль Аданъ не примыкаетъ ни къ символистамъ, ни къ эстетамъ, замѣняющимъ принципы морали культомъ красоты. Съ эстетами его сближаетъ только одна черта, его „curiosités passionnelles“, пристрастіе къ анализу своеобразныхъ эротическихъ ощущеній; эта черта особенно сильно сказывается въ раннихъ романахъ и повѣстяхъ Поля Адана, и постепенно сглаживается и даже совершенно исчезаетъ въ произведеніяхъ новѣйшаго времени. Къ символистамъ же его нельзя было причислить ни въ какой періодъ его литературной дѣятельности, такъ какъ онъ всегда предпочиталъ реалистическую яркость и выпуклость образовъ полу-тонамъ и нюансамъ, характернымъ для манеры символистовъ. Сюжеты его романовъ и повѣстей чрезвычайно разнообразны: воображеніе переноситъ его то въ отдаленныя историческія эпохи, въ пышную Византію съ ея мрачными дворцовыми драмами и сложными династическими интригами (романъ „Bazile et Sophia“), то въ романтическую феодальную жизнь XIV вѣка, съ ея вѣрой въ волшебницъ и въ магическія чары („Etre“), то изображаетъ современность съ ея сложными идейными задачами, острой умственной и эмоціональной жизнью, съ встрѣчающимися въ ней людьми со странной болѣзненно-утонченной психологіей. Или же—въ послѣдніе годы—онъ снова возвращается къ исто-

рическому прошлому, уже не столь далекому, и рисуетъ въ колоритныхъ романахъ, обнаруживающихъ полное документальное знаніе эпохи, время Наполеоновскихъ войнъ и реставраціи Бурбоновъ. Во всѣхъ этихъ романахъ Поль Аданъ очень самобытенъ, и въ сущности не примыкаетъ вполнѣ ни къ одной изъ опредѣленныхъ литературныхъ формулъ. По строго выдержанной фактической правдѣ въ своихъ историческихъ романахъ, по точности и богатству бытовыхъ подробностей, по своему стремленію и умѣнью возсоздавать „рамки жизни“ въ различныя эпохи, онъ принадлежитъ къ самымъ выдающимся реалистамъ среди представителей современнаго французскаго романа. Но на ряду съ реалистическимъ возсозданіемъ правды жизненной—и правды исторической—въ романахъ Поля Адана проявляются черты, не свойственныя обыкновенно реалистамъ: одно изъ самыхъ характерныхъ свойствъ его—лиризмъ, страстная возбужденность тона въ описаніяхъ психологіи его героевъ въ драматическіе моменты жизни и еще болѣе въ описаніяхъ толпы, охваченной общимъ настроеніемъ. Массовые эффекты, картины сраженій изобилуютъ въ его романахъ; онъ съ большимъ мастерствомъ возсоздаетъ настроенія парижской толпы въ дни крупныхъ политическихъ событій; арміи, охваченной ликованіемъ близкой побѣды или смятеніемъ разгрома. По своимъ философскимъ взглядамъ Поль Аданъ—детерминистъ, вѣрящій въ „силу вещей“, и не придаетъ большого значенія личности; въ его романахъ поэтому индивидуальная психологія всегда подчинена вліяніямъ обстоятельствъ общественныхъ условій и наслѣдственныхъ традицій. Яркіе характеры и типы Поль Аданъ не умѣетъ создавать; его сила—въ возсозданіи духовной атмосферы описываемой эпохи, стихійныхъ массовыхъ движеній, въ драматическомъ изображеніи власти законовъ жизни надъ стремленіями проявить личную инициативу.

Въ раннихъ своихъ произведеніяхъ Поль Аданъ задавался психологическими цѣлями, изучая по преимуществу исключительно страстныя натуры, занятыя экспериментами надъ собой, жаждущія изысканныхъ ощущеній. Въ этихъ романахъ Поль Аданъ, выступившій подъ знаменемъ натурализма, доходилъ до крайней смѣлости и откровенности въ описаніяхъ страстей; первая его книга, романъ „Chair molle“ подверглась судебному преслѣдованію, и авторъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію (отъ котораго его, однако, освободили) и къ крупному денежному штрафу. Наиболѣе интересный изъ раннихъ романовъ Поля Адана—„Etre“, гдѣ описана жизнь средневѣковой кудесницы Маго-де-Горъ, дочери алхимика, посвятившаго ее въ тайны чернокнижія; на ея гербѣ вырѣзанъ девизъ: „Estre“, откуда и заглавіе романа. Колоритность феодальнаго быта и напря-

женность страстей и чувствъ въ средніе вѣка возсозданы въ романѣ съ большой яркостью. Очень интересна сама Маго; увѣренная въ своемъ могуществѣ, она становится воплощеніемъ какой-то таинственной силы, покоряющей людей, не смиряющейся и передъ смертью. Маго обольщаетъ своими чарами знатнаго барона, который женится на ней, потомъ отражаетъ враговъ, обступившихъ замокъ. Но ее судятъ церковнымъ судомъ за „сношенія съ черной силой“ и приговариваютъ къ сожженію на кострѣ. „Величественная, вся въ бѣломъ, она спокойно идетъ на муку; въ глубокихъ глазахъ ея сіяетъ торжество; она уже вознеслась надъ жизнью, которую должна покинуть, она кажется большей, чѣмъ ея уже близкая къ разрушенію женская оболочка, болѣе сіяющею, чѣмъ день“. Пафосъ вѣры въ воплощенное въ ней высшее начало дѣлаетъ образъ Маго величественнымъ и покоряющимъ, а описанія ея чаръ, шабаша вѣдьмъ и всей картинности средневѣковой вѣры въ волшебницъ и чудеса сдѣланы съ характерной для автора силой фантазіи и художественностью.

Къ тому же періоду относятся два другіе романа Поля Адана, „Soi“, психологическій этюдъ женщины, которая изъ гордости и самообожанія сторонится отъ любви, и „La Glèbe“, натуралистическій романъ, рисующій грубость и нравственное паденіе французскихъ крестьянъ, которыхъ губитъ ихъ жадность, исключительныя заботы о землѣ—и пьянство.

Въ 1889 году, въ эпоху буланжизма, Поль Аданъ увлекся политикой, выступилъ даже кандидатомъ (партіи соціалистовъ-ревизіонистовъ) во время выборовъ въ парламентъ, но потерпѣлъ пораженіе—и снова вернулся къ литературѣ. Это было началомъ второго періода литературной дѣятельности Поля Адана, когда онъ окончательно отошелъ отъ натурализма и занялся изученіемъ сильныхъ героическихъ натуръ, возсоздаваемыхъ имъ съ ослѣпительнымъ богатствомъ фантазіи и страстнымъ лиризмомъ. Тогда написанъ былъ романъ „Essence du Soleil“, который составляетъ вмѣстѣ съ „Etre“ и „En décor“ трилогію подъ общимъ заглавіемъ: „Volontés merveilleuses“. Основная тэма „Essence du Soleil“—попытка достигнуть всепобѣдной власти силой золота. Богатство возводится въ этомъ символическомъ по замыслу романѣ въ стихійную силу, отъ чего, конечно, страдаетъ психологическая правда характеровъ; но блескъ обобщеній, яркость и богатство красокъ и художественность изложенія, сильный, богатый тонкими оттѣнками, страстный стиль искупаютъ этотъ недостатокъ.

Слѣдующая серія романовъ Поля Адана озаглавлена „L'Epoque“ и посвящена психологіи и нравамъ современной Франціи; „Robes Rouges“—сатира на современный французскій судъ; въ „Vice Filial“ описана патологическая страсть странной молодой дѣвушки, некраси-

вой, но увлекательной своей оригинальностью и своей сложной, тревожной и страстной душевной жизнью. Этотъ романъ считается нѣкоторыми критиками самымъ талантливымъ и сильнымъ произведеніемъ Поля Адана, и дѣйствительно болѣзненная психологія дѣвушки, переживающей мучительную душевную драму, возсоздана съ глубокимъ проникновеніемъ въ неизъяснимыя тайны чувствъ. „Модернизмъ“ Поля Адана сказывается въ „Vice Filial“ очень сильно: онъ умѣетъ сливать границы отталкивающаго и обаятельнаго и показывать красоту въ томъ, что вызываетъ ужасъ. Къ той же серіи относится романъ „Coeurs Utiles“, въ центрѣ котораго изображена дѣвушка съ необыкновенно сильной душой и утонченнымъ умомъ. Въ другомъ романѣ того времени, „Images Sentimentales“, много автобіографическихъ чертъ и интересныхъ философскихъ мыслей. Въ дальнѣйшихъ романахъ Поль Аданъ разработываетъ соціальныя темы, обнаруживая рѣзко выраженныя анархическія симпатіи. Наиболѣе выдающіеся романы въ этомъ родѣ: „Le mystère des Foules“ и „La Force du Mal“.

Въ послѣдніе годы Поль Аданъ предпринялъ новую, очень интересную серію романовъ, знаменующихъ собой третій періодъ его разносторонняго творчества. Общее заглавіе серіи—„Le Temps et la Vie“, и въ нее входятъ романы, повѣствующіе о Наполеоновской эпопеѣ, и затѣмъ о нравахъ французской буржуазіи во времена реставраціи и монархіи 1830-го года. Этотъ сюжетъ занималъ Поля Адана съ юности, тѣмъ болѣе что онъ самъ связанъ съ Наполеоновскимъ временемъ семейными традиціями. Онъ родомъ изъ аристократической военной семьи и многіе изъ его родственниковъ участвовали въ кампаніяхъ Наполеона; объ одномъ изъ нихъ, капитанѣ Аданѣ, погибшемъ въ ваграмскомъ сраженіи, ему много разсказывалъ отецъ, наполняя фантазію сына героическими образами. Знаніе Наполеоновской эпохи онъ пріобрѣлъ еще съ дѣтства, именно благодаря воспоминаніямъ, сохранившимся въ семьѣ, и всевозможнымъ „реликвіямъ“, существовавшимъ въ домѣ его родителей со временъ имперіи и іюльской монархіи. Къ этому непосредственному знакомству съ интересовавшимъ его временемъ присоединилось потомъ усердное изученіе историческаго матеріала, такъ что главное достоинство серіи исторически-бытовыхъ романовъ—полное документальное воспроизведеніе историческаго фона, пониманіе внутреннихъ причинъ, управлявшихъ событіями, яркое возсозданіе и историческихъ фигуръ, и духа времени.

Въ составъ серіи „Le Temps et la Vie“ входятъ романы: „La Force“, „L'Enfant d'Austerlitz“, „La Ruse“ и „Le Soleil de Juillet“. Два послѣднихъ вышли оба нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Во всѣхъ этихъ романахъ массовые эффекты преобладаютъ надъ отдѣльными характеристиками, и главный интересъ сосредоточенъ на драматизмѣ

стихійныхъ силъ и неумолимыхъ законовъ исторіи и жизни надъ волей и стремленіями отдѣльной личности.

„La Ruse"—третій изъ романовъ этой серіи—рисуетъ слабаго потомка героической расы, сына полковника Эрикура, отличавшагося въ Наполеоновскихъ кампаніяхъ (онъ выведенъ въ предъидущихъ романахъ). Омеръ Эрикуръ чувствуетъ на себѣ нравственный долгъ продолжать геройскій подвигъ отца, но онъ выросъ въ эпоху реакціи (дѣйствіе происходитъ въ 1828—29 г.) и слабъ духомъ. Онъ увлеченъ свѣтской жизнью, своимъ успѣхомъ у женщинъ, и не въ силахъ оторваться отъ суетныхъ наслажденій, хотя въ то же время не можетъ вполнѣ имъ отдаться, мучимый угрызеніями совѣсти. Жизнь его становится мучительной дилеммой вслѣдствіе дѣйствующихъ на него противорѣчивыхъ вліяній извнѣ. Мать его—благочестивая католичка, находящаяся во власти духовенства; ей хотѣлось бы, чтобы сынъ ея сталъ членомъ церкви, но когда эта мечта ея рушится—Омеръ Эрикуръ сдѣлался адвокатомъ, обращающимъ на себя общее вниманіе своими ораторскими талантами,—она требуетъ, чтобы онъ по крайней мѣрѣ посвятилъ себя защитѣ интересовъ церкви, сталъ адвокатомъ конгрегацій. Омеръ любитъ мать и не хотѣлъ бы разрушать ея надежды, но къ нему пріѣзжаетъ дядя, бывшій Наполеоновскій солдатъ, знаменитый своими геройскими подвигами, и, заклиная его памятью героя отца, увлекаетъ его на служеніе оппозиціи, на борьбу съ реакціоннымъ правительствомъ, на подвиги во имя политической свободы. Омеръ въ глубинѣ души равнодушенъ къ свободѣ, и геройство не въ его натурѣ; напротивъ того, основная черта его характера—трусость, боязнь смерти и физическихъ страданій. Онъ ясно даетъ себѣ въ этомъ отчетъ, также какъ и въ своемъ эгоистическомъ влеченіи къ радостямъ жизни; но изъ тщеславія, изъ стыда передъ дядей, онъ не даетъ волю своимъ инстинктамъ, и ведетъ двойную игру, надѣясь побѣдить хитростью (отсюда названіе романа—„La Ruse"). Не разрывая съ клерикалами и со свѣтскимъ обществомъ, стоящимъ на сторонѣ короля, онъ выступаетъ защитникомъ друзей свободы—и, завоевавъ ихъ симпатіи, вступаетъ—какъ-то даже помимо своей воли, уступая ходу обстоятельствъ—въ тайное общество карбонаріевъ. Описаніе заговора карбонаріевъ, тайныхъ собраній, масонскаго ритуала, занимаетъ много мѣста въ романѣ и сдѣлано очень увлекательно. Для Омера близкое соприкосновеніе съ хитростью, возведенной въ политическую систему, т.-е. съ внутренней жизнью тайныхъ организацій, служитъ отрезвляющимъ опытомъ. Онъ вовлеченъ въ заговоръ, переживаетъ тяжелые дни смертельнаго страха, и когда наконецъ ему удается выпутаться невредимымъ, онъ съ облегченіемъ рѣшаетъ вернуться къ спокойной, безхитростной буржуазной жизни, отказавшись

отъ непосильной ему роли героя. Въ личной жизни ему тоже приходится рѣшить трудную дилемму: его привлекаютъ почти съ одинаковой силой двѣ дѣвушки: страстная испанка Долоресъ, любовь которой сулитъ ему и безумныя радости—и опасность всевозможныхъ жизненныхъ осложненій и разочарованій, и ангельски-чистая, строгая Эльвира, предназначаемая ему въ жены его матерью; Эльвира создана быть „хранительницей домашняго очага", и жизнь съ нею представляется Омеру идеаломъ спокойствія и мирнаго благополучія. Разочарованный въ возможности восторжествовать посредствомъ „хитрости", испуганный опасностями, окружившими его въ лагерѣ заговорщиковъ, Омеръ спѣшитъ къ Эльвирѣ, изгнавъ изъ своего воображенія соблазнительный образъ пламенной испанки. „Чистый ангелъ" спасетъ его отъ опасностей,—энергія Эльвиры удержитъ его на прямомъ пути, удалитъ отъ него соблазны „хитрости".

Таково содержаніе романа, интереснаго главнымъ образомъ яркостью и обиліемъ бытовыхъ картинъ, изображеніемъ парижской толпы въ дни радости и смятеній, любопытныхъ фигуръ разныхъ политическихъ партій и общественной жизни въ эпоху Карла X.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 октября 1903.

Слухи о централизаціи учебнаго дѣла. — Министерство финансовъ и школа. — Параллель между двумя министрами. — „Гражданинъ“ и „Литературный фондъ“. — Инцидентъ на ярославскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ. — Разъясненіе одного спорнаго понятія. — Гомельскіе безпорядки. — Юбилей „Русскихъ Вѣдомостей“.

Какъ ни различны мнѣнія о дѣятельности бывшаго министра финансовъ, въ одномъ они сходятся почти всѣ: въ сочувственномъ отношеніи ко всему или многому сдѣланному имъ въ области высшаго и средняго образованія. Трудно объяснить, поэтому, возникшіе вслѣдъ за уходомъ С. Ю. Витте слухи о предстоящемъ, будто бы, сосредоточеніи всѣхъ учебныхъ заведеній, не исключая спеціальныхъ, въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія. Внѣшнее единообразіе, осуществляемое путемъ единовластія—вовсе не залогъ правильнаго развитія; гораздо большаго можно достигнуть усиліями, связанными общностью конечной цѣли, но допускающими различіе средствъ и пріемовъ. Есть школы, органически сросшіяся съ своимъ вѣдомствомъ, необходимыя для него и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ него получающія часть своей жизненной силы. Что можетъ быть естественнѣе, напримѣръ, принадлежности сельско-хозяйственнаго, горнаго, лѣсного институтовъ, сельско-хозяйственныхъ и горныхъ школъ—къ министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ, а института путей сообщенія и желѣзнодорожныхъ училищъ—къ министерству путей сообщенія? Принимая къ себѣ на службу громадное большинство учившихся въ спеціальныхъ школахъ, спеціальное министерство лучше всего можетъ видѣть ихъ слабыя и сильныя стороны, принимать мѣры къ устраненію однѣхъ, дальнѣйшему развитію другихъ, а учащимся доставлять возможность практическихъ занятій, готовящихъ къ будущей профессіональной работѣ. Наглядным доказательствомъ тому, въ какихъ разнообразныхъ, жизненныхъ формахъ выражается спеціализація школьнаго дѣла, можетъ служить, между прочимъ, послѣдняя, по времени, мѣра этого рода, состоявшаяся при бывшемъ министрѣ финансовъ. 26-го минувшаго мая Высочайше утверждено положеніе о технической школѣ при экспедиціи заготовленія государственныхъ кредитныхъ бумагъ, назначеніе которой—подготовлять образованныхъ и практически свѣдущихъ руководителей рабочихъ въ мастерскихъ экспедиціи и въ соотвѣтствующихъ имъ частныхъ промышленныхъ пред-

пріятіяхъ. Тѣсно соединенная съ экспедиціей, содержимая на счетъ ея операціонныхъ средствъ, предназначенная *преимущественно* для дѣтей служащихъ въ экспедиціи, приспособленная, главнымъ образомъ, къ ея потребностямъ, школа можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказать существенныя услуги цѣлымъ отраслямъ промышленности, близкимъ къ работамъ, которыя производятся въ экспедиціи [1]). Между тѣмъ, своимъ существованіемъ она обязана всецѣло министерству финансовъ: можно сказать, не рискуя впасть въ ошибку, что при сосредоточеніи всего техническаго образованія въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, объ устройствѣ подобной школы не было бы и рѣчи. Доля гармоніи, совмѣстимая съ свободой дѣйствій, обезпечивается тѣмъ правиломъ устава школы, по которому министръ финансовъ по вопросамъ, касающимся преподаванія общеобразовательныхъ предметовъ въ подготовительно-профессіональныхъ классахъ школы, входитъ предварительно въ соглашеніе съ министромъ народнаго просвѣщенія.

Помимо выгодъ, сопряженныхъ съ спеціализаціей, раздѣленіе школъ между различными вѣдомствами имѣетъ еще одно достоинство, особенно важное у насъ въ Россіи: оно сглаживаетъ односторонность, противодѣйствуетъ застою и рутинѣ, поддерживаетъ соревнованіе, благопріятствуетъ нововведеніямъ и усовершенствованіямъ. Главное теченіе, если можно такъ выразиться, дополняется боковыми. Многимъ памятно то время, когда военныя гимназіи, при гр. Д. А. Милютинѣ, служили убѣжищемъ для родителей, не желавшихъ подчинять своихъ дѣтей мертвящему вліянію новоявленнаго ультра-классицизма. Еще недавно мы были свидѣтелями тому, какъ студенческіе безпорядки всего позже и всего слабѣе отражались въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, не подчиненныхъ министерству народнаго просвѣщенія (институты горный и путей сообщенія, военно-медицинская академія). Благодаря министерству финансовъ, у насъ создался, въ видѣ экономическаго отдѣленія с.-петербургскаго политехникума, новый типъ высшей школы, которому суждена, быть можетъ, блестящая

[1]) Школа состоитъ изъ шести подготовительно-профессіональныхъ и трехъ спеціальныхъ классовъ. Спеціальные классы раздѣляются на три отдѣленія: *бумагодѣлательное, печатное* и *фото-техническое*. Въ спеціальныхъ классахъ преподаются предметы общіе для всѣхъ трехъ отдѣленій и особые для каждаго. Перечислимъ, въ видѣ примѣра, особые предметы, изучаемые въ печатномъ отдѣленіи: прикладная механика, краткій курсъ технологіи бумаги, металловъ и дерева, исторія графическихъ искусствъ, словолитное дѣло, печатное дѣло, иностранные алфавиты, гальванопластика и изготовленіе клише, печатное дѣло, технологія матеріаловъ печатнаго дѣла, ученіе о стилѣ и гармоніи цвѣтовъ, черченіе механизмовъ производства. Въ подготовительно-профессіональные классы школы принимаются и дѣвочки.

будущность; благодаря тому же министерству, съ небывалой быстротой и съ незначительными пособіями отъ казны увеличилось число коммерческихъ училищъ. Не министерству народнаго просвѣщенія, а вѣдомству учрежденій императрицы Маріи принадлежала инціатива устройства женскихъ гимназій. Въ томъ же вѣдомствѣ состоитъ теперь императорскій Александровскій лицей, въ *программахъ* котораго —именно потому, что онѣ вырабатывались и вырабатываются не по общепринятому шаблону,—было и продолжаетъ быть немало заслуживающаго вниманія. Въ учебныхъ заведеніяхъ, пользующихся особыми правами, нерѣдко продолжали и продолжаютъ свою преподавательскую дѣятельность профессора, внезапно и безъ достаточной причины удаленные изъ университета. Уничтожая возможность подобныхъ явленій, централизація учебнаго дѣла неизбѣжно оказалась бы, однако, непослѣдовательной и неполной. Не распространилась бы она, безъ сомнѣнія, ни на духовно-учебныя, ни на военно-учебныя заведенія, ни на женскіе институты, хотя именно въ этихъ сферахъ съ наименьшими неудобствами и затрудненіями могло бы быть расширено вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія (ничто не мѣшало бы подчинить ему, напримѣръ, духовныя училища и младшіе классы духовныхъ семинарій и кадетскихъ корпусовъ). Утрачены были бы, такимъ образомъ, хорошіе результаты отступленія отъ системы— а система все-таки осталась бы недовершенной... Есть еще одно соображеніе, въ силу котораго намъ кажется опасной всякая мысль о централизаціи въ учебномъ дѣлѣ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что вмѣстѣ съ нею вновь выдвинулся бы на очередь нѣсколько разъ уже возникавшій вопросъ объ объединеніи начальныхъ школъ—и объединеніи ихъ не въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія, а въ рукахъ духовнаго вѣдомства. Для народнаго образованія это было бы невознаградимой потерей, особенно теперь, когда земству и городамъ удалось во многихъ мѣстахъ осуществить или подготовить всеобщее обученіе.

Страсть къ панегирикамъ, больше чѣмъ когда-либо владѣющая нѣкоторыми органами нашей печати, имѣетъ, между прочимъ, ту дурную сторону, что для превознесенія однихъ имъ приходится, сплошь и рядомъ, унижать другихъ, въ особенности если они сошли со сцены и не состоятъ больше подъ властной охраной. Восхваленіе бывшаго министра финансовъ обращается, такимъ образомъ, въ порицаніе одного изъ его предшественниковъ, имѣющаго съ нимъ всего меньше общаго. Этотъ предшественникъ—Н. Х. Бунге, котораго „Гражданинъ“ называетъ „послѣднимъ представителемъ научно-рутинной финансовой политики, оповѣстившимъ на весь міръ, что рессурсы Россіи ис-

тощены". „Какой чудный человѣкъ былъ Бунге",—восклицаетъ кн. Мещерскій, примѣшивая ложку меду къ бочкѣ дегтя,—„какая чистая и честная личность, какое знаніе и умъ финансиста; но онъ ничего не могъ сдѣлать на посту министра финансовъ. Почему? Потому только, что принялся за работу *несмѣло, неувѣренно*... Онъ представлялъ себѣ Россію *почтенною, но неизлечимо больною старушкою*; Витте вступилъ въ управленіе финансами Россіи, влюбленный въ мощь молодой Россіи... Уходилъ Бунге съ своего поста министра финансовъ, объявивши, что *всѣ рессурсы Россіи истощены*. Нашли ли у него хоть одного врага? Ни единаго, нигдѣ. Уходитъ Витте послѣ одиннадцати лѣтъ работы, основанной на вѣрѣ въ мощь Россіи—и враговъ у него столько, что можно подумать, что онъ одиннадцать лѣтъ ничего не дѣлалъ кромѣ зла Россіи"... Мы не знаемъ, много ли у С. Ю. Витте частныхъ, личныхъ враговъ—но вполнѣ увѣрены, что между его принципіальными противниками нѣтъ ни одного, который, по непримиримости и ожесточенію, могъ бы сравняться съ главнымъ врагомъ Бунге, Катковымъ. Не было, въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, важной финансовой мѣры, которую „Московскія Вѣдомости" не встрѣчали бы яростными нападеніями, не отступавшими ни передъ извращеніемъ фактовъ, ни передъ заподозриваніемъ намѣреній министра. Не обезоружилъ вражды и уходъ Н. Х. Бунге изъ министерства финансовъ: въ ретроспективномъ обзорѣ его дѣятельности были повторены наиболѣе злобныя изъ прежнихъ обвиненій [1])... Умыселъ „Гражданина" ясенъ: отсутствіе враговъ у Бунге, противопоставленное многочисленности ихъ у С. Ю. Витте, должно было доказать все ничтожество перваго сравнительно съ послѣднимъ. Большая посылка построеннаго такимъ образомъ силлогизма совершенно вѣрна: не имѣетъ враговъ только тотъ государственный человѣкъ, который ничего не дѣлаетъ или ни на что не накладываетъ печати своей личности. Никуда не годится, зато, малая посылка: Н. Х. Бунге оставилъ министерство финансовъ не среди общаго благодушія, а при громкихъ возгласахъ торжествующей непріязни. Совершенно несостоятельны и другія антитезы, все съ тою же цѣлью нагромождаемыя „Гражданиномъ". Н. Х. Бунге никогда не терялъ вѣру въ Россію, никогда не провозглашалъ ее исчерпавшею всѣ свои рессурсы. Въ томъ самомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ (послѣднемъ по времени), на который такъ безцеремонно ссылается сотрудникъ кн. Мещерскаго, мы находимъ слѣдующія слова, прямо опровергающія тенденціозную выдумку: „поспѣшное установленіе новыхъ крупныхъ налоговъ или возвышеніе прежнихъ не только представляется несвоевременнымъ, вслѣдствіе продолжаю-

[1]) См. „Внутр. Обозр." въ № 2 „Вѣстника Европы" за 1887 г., стр. 820—822.

щагося кризиса, но можетъ оказаться даже излишнимъ, потому что, *при наступленіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ и нѣкоторомъ ослабленіи сельско-хозяйственнаго кризиса, наступитъ снова естественный ростъ государственныхъ доходовъ*". Итакъ, „неизлечимо больная старушка признается способною возстановить свои силы, возстановить ихъ безъ всякаго леченья, путемъ естественнаго процесса, свойственнаго только молодости и зрѣлому возрасту... Нѣтъ, дальше, ни малѣйшаго основанія упрекать Н. Х. Бунге въ недостаткѣ увѣренности и смѣлости (очевидно—съ цѣлью подчеркнуть наличность этихъ качествъ у его преемника). Министръ, вскорѣ послѣ тяжелой войны и при непрекратившейся еще внутренней смутѣ рѣшившійся сразу положить конецъ подушной подати, министръ, не задумавшійся возстановить противъ себя вліятельные общественные классы (введеніемъ налоговъ на наслѣдства и на капиталы и первымъ приступомъ къ фабричному законодательству), министръ, учрежденіемъ крестьянскаго поземельнаго банка признавшій существованіе крестьянскаго малоземелья—такой министръ умѣлъ *дерзать*, умѣлъ идти впередъ, не стѣснялсь „научно-рутинной финансовой политикой". Не слѣдуетъ забывать притомъ, что Н. Х. Бунге былъ министромъ финансовъ всего $5^1/_2$ лѣтъ (ровно вдвое меньше, чѣмъ С.-Ю. Витте) и что важнѣйшій изъ задуманныхъ имъ плановъ (введеніе подоходнаго налога) остается неисполненнымъ до настоящаго времени. Не слѣдуетъ забывать и того, что въ моментъ его ухода положеніе народной массы было лучше, чѣмъ въ моментъ вступленія его въ должность,—чего нельзя сказать ни объ одномъ изъ его преемниковъ.

Кто много лѣтъ сряду просматриваетъ, ex officio, листы нашихъ реакціонныхъ газетъ, тому слѣдовало бы привыкнуть къ свойственному имъ способу обращенія съ истиной. И все-таки отступленія отъ нея поражаютъ иногда неожиданностью размѣровъ, избыткомъ безцеремонности. Таковъ, напримѣръ, недавній отзывъ „Гражданина" о литературномъ фондѣ. Что учрежденіе, которымъ смѣло можетъ гордиться русское общество, не нравится газетѣ, возбуждающей въ громадномъ его большинствѣ совсѣмъ другое чувство—это понятно; но вѣдь и о самомъ лютомъ врагѣ не годится *сознательно* говорить неправду. Не въ первый разъ уже кн. Мещерскій увѣряетъ, что литературный фондъ „никому не отдаетъ отчета въ своихъ распоряженіяхъ деньгами, ничьему контролю не подлежитъ, никакихъ обязанностей ни передъ кѣмъ не имѣетъ". Давно уже на эти увѣренія былъ данъ отвѣтъ, подтвержденный ссылкою на всѣмъ доступный документъ—уставъ фонда; давно уже было указано, что комитетъ фонда еже-

годно представляетъ подробный отчетъ министерству народнаго просвѣщенія, по разсмотрѣніи котораго и выдается фонду, изъ года въ годъ, субсидія министерства [1]). Отговариваться невѣдѣніемъ, ошибкой кн. Мещерскій, слѣдовательно, не въ правѣ; повторяя опровергнутое обвиненіе, онъ нарушаетъ самую элементарную обязанность писателя. Это еще не все. „На вопросъ каждаго"—читаемъ мы дальше въ „Дневникѣ" 24-го августа,—„куда же дѣваются деньги литературнаго фонда и цѣлы ли онѣ, фондъ отвѣчаетъ болѣе сорока лѣтъ презрительнымъ: не ваше дѣло! Отъ васъ зависитъ думать, что въ литературномъ фондѣ деньги неприкосновенны, *отъ васъ же зависитъ предполагать, что онѣ давно расхищены*: никому отвѣта за пожертвованныя ему сотни тысячъ рублей литературный фондъ не даетъ". Хорошо было бы положеніе учрежденія, еслибы оно было обязано отвѣчать на каждый праздный вопросъ, опровергать каждый вздорный вымыселъ, открывать свое дѣлопроизводство и счетоводство передъ каждымъ любопытнымъ, явившимся съ улицы! Ничего подобнаго нѣтъ ни въ одномъ правильно организованномъ предпріятіи. Какъ и всѣ другія общества, литературный фондъ обязанъ отчетомъ и отвѣтомъ въ порядкѣ, опредѣленномъ его уставомъ. Ежегодно избирается ревизіонная коммисія, для которой въ дѣлахъ фонда нѣтъ никакихъ тайнъ: она повѣряетъ книги и счеты, удостовѣряется въ наличности капиталовъ, разсматриваетъ и обсуждаетъ всѣ постановленія комитета. Результатъ ея дѣйствій, вмѣстѣ съ отчетомъ комитета, сообщается общему собранію, но безъ наименованія лицъ, обращавшихся къ комитету съ просьбою о помощи; по весьма понятнымъ соображеніямъ, эти имена должны оставаться неизвѣстными для всѣхъ, кромѣ ревизіонной коммиссіи и министерства народнаго просвѣщенія. Если литературный фондъ, начавъ свою дѣятельность съ самыми ничтожными средствами, обладаетъ теперь капиталомъ въ полмилліона рублей, это объясняется именно довѣріемъ, пріобрѣтеннымъ имъ съ самаго начала и въ теченіе сорока-четырехъ лѣтъ не нарушавшимся ни разу. Поступили ли въ кассу литературнаго фонда деньги, завѣщанныя ему „какимъ-то чудакомъ" (sic!) на устройство колоніи для старыхъ и больныхъ писателей—мы не знаемъ; но ручательствомъ въ томъ, что воля жертвователя будетъ исполнена со всею точностью, служитъ все прошлое фонда. Нападенія въ родѣ тѣхъ, которыми его удостоиваетъ кн. Мещерскій, для него безвредны; внушить опасенія за его будущее могла бы скорѣе похвала „Гражданина"...

---

[1]) За все время существованія фонда эта субсидія не была выдана, кажется, одинъ только разъ, въ семидесятыхъ годахъ.

Столь же охотно, какъ и къ извращенію фактовъ, реакціонная печать прибѣгаетъ къ ихъ перетолкованію. Образцомъ послѣдняго можетъ служить ярославская корреспонденція „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 236), озаглавленная: „Сельскохозяйственный съѣздъ и наши доморощенные культуртрегеры“. Въ Ярославлѣ происходилъ недавно съѣздъ сельскихъ хозяевъ сѣверныхъ губерній. Мѣстный губернаторъ не нашелъ возможнымъ допустить чтеніе и обсужденіе на съѣздѣ одного изъ приготовленныхъ для него докладовъ („Что сдѣлали сельскохозяйственные союзы на Западѣ и что они могутъ сдѣлать у насъ“). По предложенію кн. Д. И. Шаховского, рѣшено было обжаловать распоряженіе губернатора, телеграммой, министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Управлявшій министерствомъ отвѣчалъ по телеграфу, что „снятіе съ обсужденія одного доклада не можетъ помѣшать съѣзду продолжать свои занятія“. Находя, что стѣсненіе свободы съѣзда лишаетъ его возможности правильно исполнить возложенное на него дѣло, кн. Шаховской и еще шестьдесятъ членовъ съѣзда перестали принимать участіе въ его занятіяхъ и вышли изъ его состава. Судить объ этомъ образѣ дѣйствій можно различно, въ зависимости отъ того, какого кто держится взгляда на значеніе общественной дѣятельности и достоинство общественныхъ дѣятелей; но нѣтъ, очевидно, ни повода, ни даже предлога раздувать, простой, въ сущности, фактъ въ нѣчто похожее на политическое преступленіе. Именно такъ, однако, поступаетъ корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Протестовавшіе члены съѣзда причисляются имъ къ тѣмъ элементамъ, которые „не останавливаются ни передъ чѣмъ ради осуществленія своихъ излюбленныхъ плановъ и способовъ испортить все хорошее, доброе, когда убѣждаются, что здравый смыслъ и дѣйствительное служеніе мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ берутъ перевѣсъ надъ ихъ *мечтаніями на соціалъ-демократической подкладкѣ*“. „Рыцари темныхъ силъ“—читаемъ мы дальше—„ватагою удалились въ свое логовище, чтобы обдумать новыя каверзы“... Когда рушились ихъ надежды, „весь дешевый лоскъ хваленой западной культуры сразу слинялъ, обнаруживъ ложь и гниль самозванныхъ просвѣтителей, для которыхъ цѣль оправдываетъ средство. Но извѣстно, что и самыя хитропридуманныя средства оказываются никуда негодными и дѣтски-жалкими при столкновеніи съ правдой. Такъ оказалось и тутъ. Клика, сплоченная кн. Шаховскимъ вокругъ своего печатнаго органа „Сѣвернаго Края“, и ратующая за принципъ широкаго самоуправленія, просвѣщеніе и терпимость къ чужимъ мнѣніямъ, разоблачила самое себя, осрамившись вполнѣ со своимъ принципаломъ. Пьедесталъ, на который онъ взгромоздился, отнынѣ рухнулъ навсегда. По истинѣ, quos vult perdere Jupiter dementat“!.. Поразителенъ озлобленный тонъ

этой тирады, такъ мало оправдываемый ея предметомъ. Чего хотѣли кн. Шаховской и его товарищи? Гласнаго обсужденія доклада, написаннаго на спеціальную тему и несомнѣнно входившаго въ программу занятій съѣзда. Какое средство они пустили въ ходъ, чтобы достигнуть цѣли? Самое законное: жалобу въ высшую административную инстанцію. Нарушили ли они своимъ выходомъ изъ состава съѣзда „терпимость къ чужимъ мнѣніямъ"? Нисколько: ничто не мѣшало остальнымъ членамъ съѣзда продолжать свои занятія. Въ текстѣ заявленія, поданнаго удалившимися членами, нѣтъ ни одного слова, оскорбительнаго для оставшихся. Говоря о „логовищѣ", о „каверзахъ", о „лжи и гнили самозванныхъ просвѣтителей", о „рыцаряхъ темныхъ силъ", о „кликѣ, которая разоблачила сама себя", о „рухнувшемъ пьедесталѣ", корреспондентъ московской газеты доказалъ только одно: что онъ за что-то крѣпко сердитъ на кн. Шаховского и на „Сѣверный Край". Послѣ инцидента на ярославскомъ съѣздѣ кн. Шаховской остается тѣмъ, чѣмъ былъ до него—однимъ изъ самыхъ выдающихся и наиболѣе уважаемыхъ земскихъ дѣятелей, энергично работающимъ на пользу того дѣла, которое всячески старается затормазить и заподозрить реакціонная печать. Ничего не потерялъ и „Сѣверный Край", съ честью занимающій свое мѣсто въ рядахъ провинціальной печати. Отравленныя стрѣлы, пущенныя корреспондентомъ (припомнимъ ничѣмъ не вызванный намекъ на „соціалъ-демократическую подкладку"), упадаютъ всецѣло на газету, допускающую у себя такіе „выстрѣлы изъ-за угла".

Мы остановились на корреспонденціи о ярославскомъ съѣздѣ, между прочимъ, потому, что она даетъ намъ случай возвратиться къ вопросу, недавно затронутому нами мимоходомъ. „Русскій Вѣстникъ", приписавъ намъ чуждую намъ мысль, приравнялъ ее къ словамъ корреспондента газеты „Times", „благополучно высланнаго изъ Россіи". Мы назвали это *поступкомъ*, для котораго не трудно пріискать надлежащую квалификацію [1]). Отвѣтъ, данный намъ „Русскимъ Вѣстникомъ" (№ 8, стр. 718—719), какъ нельзя болѣе характеренъ. „Обвиненіе въ *политическомъ доносѣ*"—говоритъ органъ гг. Комарова и Величко—„конечный аргументъ полемики нашихъ россійскихъ либераловъ. Это слово всѣхъ пугаетъ: и либераловъ, и консерваторовъ. Надо же когда-нибудь разобраться въ этомъ вопросѣ и разъ навсегда его рѣшить. Разница въ мнѣніяхъ людей печати неизбѣжна. При разногласіи, обличая противника, журналистъ заявляетъ, какія изъ его мнѣній онъ считаетъ неосновательными, вредными, превратными и т. п. Всякій воленъ въ этой области высказать свою мысль до

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 7 „Вѣстника Европы" за текущій годъ.

конца... Всякій? Нѣтъ! Это только такъ кажется. Когда „консерваторъ", „націоналистъ" обличается „либераломъ", то послѣдній считаетъ себя вправѣ говорить по адресу противника все, что угодно, но если наоборотъ, то по всему либеральному фронту начинаютъ кричать: „Караулъ! Сикофанты! Политическій доносъ!" И объясненіе готовы дать гг. либералы. „Вы, молъ, консерваторы, защищаете идеи, почитаемыя благонамѣренными, и сколько васъ ни брани, вамъ отъ этого, со стороны, вреда быть не можетъ. А когда вы начинаете насъ, либераловъ, обличать и открывать наши карты, то мы можемъ, вслѣдствіе вашихъ разоблаченій, подвергнуться тѣмъ или инымъ непріятностямъ. Поэтому мы можемъ васъ громить, и это есть полемика, а вы насъ громить не смѣете, ибо это будетъ политическій доносъ". Да кому же мы доносимъ? Общественному мнѣнію, которое читало, напримѣръ, „Вѣстникъ Европы" и прочтетъ и „Русскій Вѣстникъ". А вдругъ „кто-нибудь" обратитъ вниманіе? Да намъ-то какое дѣло? А потомъ, для того, кто ничего предосудительнаго не писалъ, вовсе не страшно обращеніе на себя любого вниманія. Или тотъ же „Вѣстникъ Европы" считаетъ, что на него не обратятъ и не обращаютъ вниманія, пока „тема не будетъ намѣчена"? Не высокаго же онъ мнѣнія о тѣхъ, кому поручено вѣдать печать. Но допустимъ, что безъ насъ не обратили бы вниманія на „Вѣстникъ Европы",— намъ-то что до этого? Почему это мы должны оберегать „Вѣстникъ Европы" и отъ чего-то охранять его? Почему мы должны его щадить и молчать о его ложномъ и вредномъ, по нашему мнѣнію, направленіи?.. Страшными словами о доносѣ насъ ни запугать, ни свести съ нашего пути нельзя"... Достоинство этихъ словъ заключается въ томъ, что вопросъ поставленъ прямо и опредѣленно; такою же опредѣленностью будетъ отличаться и нашъ отвѣтъ.

Политическій доносъ, въ настоящемъ, техническомъ смыслѣ слова, предполагаетъ наличность трехъ условій: 1) указанія на политическое преступленіе, т.-е. на дѣяніе политическаго характера, запрещенное подъ страхомъ уголовнаго наказанія; 2) тайны, окружающей это дѣяніе и нарушаемой именно доносителемъ, и 3) обращенія къ лицу или мѣсту, отъ котораго зависитъ возбужденіе преслѣдованія. Понятно, что совокупность этихъ условій въ печатной полемикѣ встрѣчается крайне рѣдко. Предметомъ полемики служатъ обыкновенно мнѣнія, высказанныя *гласно* и, слѣдовательно, съ самаго начала извѣстныя тѣмъ, кому ихъ вѣдать надлежитъ; обращается полемика непосредственно къ публикѣ, а не къ полицейской или иной власти. О *доносѣ* одного органа печати на другой почти никогда, такимъ образомъ, не можетъ быть и рѣчи, и не въ немъ мы обвиняли „Русскій Вѣстникъ". Весьма часто, зато, встрѣчается нѣчто другое: *подчер-*

киванье у противника мнѣній, оффиціально лишенныхъ права гражданства, признаваемыхъ недопустимыми въ печати—и, что̀ еще хуже, *выискиванье* и *выслѣживанье* такихъ мнѣній, чтеніе между строками, сплошь и рядомъ произвольное, невѣрное, иногда очень похожее на „чтеніе въ сердцѣ“. Фактически и то, и другое легко переходитъ въ *сообщеніе*, если и не снабженное точнымъ адресомъ, то все-таки доходящее или могущее дойти по адресу. Произносится или подразумѣвается формула: caveant consules; на ту или другую статью, на тотъ или другой журналъ или газету, на то или другое лицо *обращается вниманіе*—вниманіе, конечно, не благосклонное. Такой именно характеръ имѣло нападеніе, направленное противъ насъ „Русскимъ Вѣстникомъ“. Говоря о кишиневскомъ погромѣ, мы выразили сожалѣніе, что не было своевременно принято мѣръ къ предупрежденію опасности, заранѣе извѣстной—т.-е. была допущена неосмотрительность, небрежность,—а „Русскій Вѣстникъ“ усмотрѣлъ въ этомъ намекъ на то, что правительство *желало погрома*, и любезно напомнилъ, при семъ удобномъ случаѣ, участь корреспондента, высказавшаго такое предположеніе въ иностранной газетѣ. Политическаго *доноса*, повторяемъ, здѣсь не было, но несомнѣнно было *сообщеніе*, характеризованное нами выше. Съ полемикой, съ столкновеніемъ противоположныхъ взглядовъ оно не имѣетъ ничего общаго, именно потому, что вводитъ или рискуетъ ввести въ споръ третью силу, не однородную съ двумя другими. Органы печатнаго слова, для которыхъ дорого его достоинство, дорога его свобода, никогда не должны забывать о существованіи этой силы. Кто апеллируетъ къ ней, косвенно или прямо, тотъ нарушаетъ равноправность—это главное условіе честной борьбы. Обстоятельства, у насъ въ Россіи, безъ того уже не благопріятствуютъ равновѣсію между спорящими сторонами: одной изъ нихъ часто грозитъ бѣда, отъ которой застрахована другая. Не слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, обострять опасность, накликая ее на противника; не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, *создавать* ее, стараясь угадать невысказанное или перетолковать сказанное. Русская печать подчинена не суду, въ глазахъ котораго предположеніе никогда не можетъ замѣнить собою доказательство: она подчинена администраціи, для которой не обязательно даже выслушаніе объясненій обвиняемаго. При такомъ положеніи дѣлъ нельзя утверждать, что „для того, кто ничего *предосудительнаго* не писалъ, вовсе не страшно обращеніе на себя любого вниманія: слишкомъ еще у насъ широко и эластично понятіе о „предосудительномъ“... Мы вовсе не требуемъ отъ консервативныхъ или реакціонныхъ публицистовъ, чтобы они *щадили* своихъ либеральныхъ оппонентовъ. Пускай они какъ угодно и сколько угодно опровергаютъ дѣйствительно высказанныя мнѣнія, пускай они доказываютъ не

только ошибочность, но и опасность „либеральныхъ“ взглядовъ: это ихъ безспорное право. Демаркаціонная черта, установляемая литературною порядочностью, нарушается только тогда, когда полемика становится навѣтомъ, возраженіе—сыскомъ, когда по поводу разногласія на съѣздѣ поднимается вопросъ о „соціалъ-демократическихъ мечтаніяхъ“, по поводу критики административныхъ распоряженій—вопросъ объ оклеветаніи правительства... Намъ говорятъ, что слово: *доносъ*, понимаемое въ широкомъ смыслѣ, т.-е. обнимающее собою и то, что̀ мы назвали *сообщеніемъ*,—внушаетъ страхъ даже консерваторамъ. Такой страхъ, если онъ дѣйствительно существуетъ, по истинѣ спасителенъ: онъ охраняетъ добрые литературные нравы предупреждаетъ вторженіе въ печать чуждыхъ и враждебныхъ ей элементовъ. Отъ проповѣдуемаго „Русскимъ Вѣстникомъ“ равнодушія къ карамъ, постигающимъ „несогласно мыслящую“ часть печати, одинъ лишь шагъ до прямого къ нимъ призыва. На практикѣ этотъ шагъ былъ уже сдѣланъ неоднократно; теперь, повидимому, предпринимается теоретическое его оправданіе...

Въ гор. Гомелѣ (могилевской губерніи) 29-го августа и 1-го сентября произошли безпорядки. По словамъ „Правительственнаго Вѣстника“, начались они „съ ссоры между крестьяниномъ и торговкою-еврейкою, скоро перешедшей въ ожесточенную драку евреевъ съ русскими. При возстановленіи порядка, изъ толпы евреевъ были брошены въ полицейскій нарядъ камни и произведенъ выстрѣлъ изъ револьвера, на который полицейскіе чины отвѣчали выстрѣлами па воздухъ. Во время свалки, одинъ русскій былъ смертельно раненъ евреемъ ножемъ въ шею, одинъ еврей получилъ легкую пулевую рану, а 7 человѣкъ ушиблены камнями. 1-го сентября въ полдень безпорядки возобновились. Русскіе рабочіе, мстя за нанесенныя имъ 29-го августа обиды, произвели буйство и стали разбивать еврейскія квартиры и лавки; при столкновеніяхъ съ евреями оказались раненые съ обѣихъ сторонъ. Для возстановленія порядка, на мѣсто были вызваны войска. Мѣстные жители евреи, вооруженные ножами, кинжалами, кистенями и револьверами, оказывали сопротивленіе недопускавшимъ ихъ до свалки съ христіанами войскамъ, причемъ стрѣляли въ нижнихъ чиновъ изъ домовъ и изъ-за заборовъ. Фельдфебель 6-й роты Абхазскаго пѣхотнаго полка раненъ ножемъ въ шею евреемъ въ то время, когда хотѣлъ задержать стрѣлявшую въ него въ упоръ еврейку, успѣвшую скрыться. Всего во время свалки, а равно при подавленіи безпорядковъ войсками, убито 4 христіанина и 4 еврея, ранено 7 христіанъ и 8 евреевъ, изъ коихъ одинъ умеръ. По настоящее время число

приведенныхъ въ извѣстность разгромленныхъ домовъ и лавокъ достигаетъ 200. Арестовано 68 лицъ, принимавшихъ участіе въ буйствѣ. Случаевъ грабежа имущества не было. По отзывамъ войсковыхъ начальниковъ и лицъ судебнаго вѣдомства, дѣйствія полиціи при подавленіи безпорядковъ представлялись безупречными, и только благодаря распорядительности полицеймейстера безпорядки ограничились сравнительно незначительнымъ райономъ и не распространились на весь городъ. Причина безпорядковъ, по общему убѣжденію благонамѣренной части населенія — крайне враждебное и вызывающее отношеніе къ христіанамъ со стороны мѣстныхъ евреевъ".

Таковы оффиціальныя свѣдѣнія. Не касаясь частныхъ сообщеній, не во всемъ согласныхъ съ ними и между собою, можно считать несомнѣннымъ, что гомельскіе безпорядки существенно отличались отъ кишиневскихъ. Это видно уже изъ числа жертвъ: въ Кишиневѣ было убито 45 евреевъ, тяжело ранено 74, сравнительно легко—около 350, а между христіанами убитые и раненые насчитывались немногими единицами; въ Гомелѣ число пострадавшихъ христіанъ и евреевъ невелико и почти одинаково (11 и 12). Замѣтимъ, притомъ, что въ Кишиневѣ не была употреблена въ дѣло вооруженная сила: всѣ убитые и раненые пострадали во время самыхъ безпорядковъ, а не при ихъ усмиреніи. Никакихъ обратныхъ заключеній отъ гомельскихъ событій къ кишиневскимъ, очевидно, дѣлать нельзя: слишкомъ различенъ былъ ходъ тѣхъ и другихъ, слишкомъ различны ихъ результаты. Не таковъ, однако, взглядъ юдофобской печати. Подчеркивая тотъ фактъ, что гомельскіе безпорядки сразу получили истинное освѣщеніе въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" (какъ будто бы кишиневскіе безпорядки не были, точно также, предметомъ оффиціальныхъ сообщеній), „Новое Время" (№ 9880) восклицаетъ: „теперь всѣмъ и каждому должно быть ясно, что именно евреи являются главными виновниками и главной причиной такъ называемыхъ еврейскихъ безпорядковъ, что не кто иной, какъ сами евреи выступаютъ зачинщиками этихъ безпорядковъ, что именно съ ихъ стороны вносится раздражительность и задорная озлобленность въ отношеніяхъ съ христіанскимъ населеніемъ, вызывающія послѣднее на отпоръ, безспорно въ формахъ грубыхъ и часто преступныхъ, но съ цѣлью прежде всего самообороны. Не подлежитъ сомнѣнію, что и въ кишиневскихъ, и во всѣхъ другихъ раньше бывшихъ еврейскихъ безпорядкахъ дѣйствовали тѣ же внутреннія пружины, тѣ же своеобразныя особенности еврейскаго населенія, обладающаго исключительной способностью выводить изъ терпѣнія окружающее не-еврейское населеніе". Если и допустить, что „зачинщиками" гомельскихъ безпорядковъ были евреи (хотя изъ оффиціальныхъ свѣдѣній и видно, что 1-го сентября, когда произошло главное столк-

новеніе, иниціатива его принадлежала не евреямъ), то какимъ же образомъ можно распространить этотъ выводъ на кишиневскій погромъ, всей своей тяжестью обрушившійся на евреевъ?.. Допустимъ, далѣе, что въ Гомелѣ евреи относились къ христіанамъ „крайне вызывающе и враждебно“; это еще не значитъ, что таково было и отношеніе ихъ къ христіанамъ въ Кишиневѣ [1]). Ничего подобнаго, сколько намъ помнится, не утверждали тогда даже газеты, наиболѣе враждебныя евреямъ (за исключеніемъ развѣ „Бессарабца“); въ печати встрѣчались даже указанія на то, что незадолго до погрома между обѣими сторонами господствовало полное миролюбіе... Возможно, что отдаленныя причины безпорядковъ въ Гомелѣ и въ Кишиневѣ кое въ чемъ сходны между собою; но отсюда еще далеко до рискованныхъ обобщеній, съ которыми спѣшатъ выступить газетные антисемиты.

Въ началѣ минувшаго мѣсяца исполнилось сорокъ лѣтъ со времени основанія „Русскихъ Вѣдомостей“. Съ бо̀льшимъ еще правомъ, чѣмъ прежде, мы можемъ повторить сказанное нами пятнадцать лѣтъ тому назадъ, по поводу двадцатипятилѣтнаго юбилея глубоко уважаемой нами газеты. „Русскія Вѣдомости“—говорили мы тогда—„часто называли и называютъ *профессорскою* газетой, въ видѣ насмѣшки или упрека; мы думаемъ, наоборотъ, что это — почетный титулъ. Онъ знаменуетъ собою серьезное, многостороннее образованіе, глубокое уваженіе къ наукѣ, вѣрность идеаламъ, стремленіе къ свѣту и свободѣ. Всѣ эти качества не имѣютъ, быть можетъ, большой рыночной цѣны, не способствуютъ, быть можетъ, широкой популярности и блестящему успѣху, но они высоко поднимаютъ газету надъ общимъ уровнемъ періодической печати. Они помогаютъ ей плыть противъ теченія, не увлекаясь ни модными вѣяніями, ни господствующими взглядами. Они предохраняютъ ее отъ служенія и нашимъ, и вашимъ, отъ рѣзкихъ переходовъ съ одной стороны на другую, отъ неразборчивости въ выборѣ средствъ, отъ угожденія низменнымъ или испорченнымъ вкусамъ, отъ погони за сенсаціоннымъ матеріаломъ, отъ полемики, переходящей въ личную перебранку... „Русскія Вѣдомости“ оставались вѣрными самимъ себѣ въ хорошія и дурныя времена, при попутномъ и противномъ вѣтрѣ. Чуждая народничанья и національ-ничанья, газета предана дѣйствительнымъ интересамъ русскаго народа; она изучаетъ ихъ во всѣхъ сферахъ жизни, выдвигаетъ ихъ на первый планъ, постоянно работаетъ надъ ихъ охраной“. Мы ошиблись

---

[1]) Необходимо имѣть въ виду, что въ Гомелѣ евреи составляютъ безъ малаго половину населенія, въ Кишиневѣ—около одной пятой.

тогда только въ одномъ, и горячо радуемся нашей ошибкѣ: оцѣнены по достоинству „Русскія Вѣдомости“ въ весьма обширномъ кругѣ читателей. „Серьезность“ газеты не помѣшала ей пріобрѣсти „блестящій успѣхъ и широкую популярность“. Не повредили „Русскимъ Вѣдомостямъ“ и перенесенныя ими невзгоды, которыхъ было немало: лишь незадолго до ихъ юбилея было снято запрещеніе розничной продажи, тяготѣвшее надъ ними цѣлыхъ полгода. Отъ всей души желаемъ имъ благополучно дожить до того момента, когда перестанутъ быть возможными подобныя случайности и начнется, наконецъ, новый періодъ въ исторіи нашей печати.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЯТАГО ТОМА

Сентябрь. — Октябрь. 1903.

Книга девятая.—Сентябрь.

стр.

Шербекскіе выборы.—Разсказъ изъ фламандскихъ нравовъ. — Часть первая.—XVI-XXIV.—Часть вторая.—I-XI.—Н. СѢВЕРОВА 5

Въ центральной Англіи.—Замѣтки и наблюденія.—I. Бирмингемъ.—II. На заводѣ. — III. Старая Англія. — IV. Утопія двадцатаго столѣтія.—С. И. РАПОПОРТА 57

Солнечные дни.—Романъ. — Окончаніе.—XXII-XXXII.—АЛ. Н. БУДИЩЕВА . 90

Воспоминанія стараго земца.—П. А. Т. 144

Стихотворенія.—Лѣто.—Л. КОЛОГРИВОВОЙ 207

Эмиль Зола.—Критико-біографическій очеркъ. — I-V.—ЗИН. ВЕНГЕРОВОЙ . 211

Тщетное усиліе. — Романъ. „L'inutile effort", par Ed. Rod. — Окончаніе. — IX-XIII.—Съ франц. З. В. 242

Лирика Н. П. Огарева.—Очеркъ.—I-IV.—М. ГЕРШЕНЗОНА. 292

Новѣйшіе идеалисты.—Л. З. СЛОНИМСКАГО 313

Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе.—Именной Высочайшій указъ 30-го іюля.—Законъ 10-го іюня о фабричныхъ старостахъ. — Мнѣніе о немъ рабочаго. — Законъ 2-го іюня о вознагражденіи фабричныхъ рабочихъ, пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ. — Причины, устраняющія отвѣтственность предпринимателя.—Мѣры къ огражденію рабочихъ отъ невыгодныхъ сдѣлокъ.—Учрежденіе уѣздной полицейской стражи.—Отмѣна тягчайшихъ видовъ тѣлеснаго наказанія. — Пересмотръ ветеринарнаго закона.—Вопросъ о земскихъ ходатайствахъ.—Post-scriptum. . . . . 326.

Одно изъ мѣстныхъ „недоразумѣній".—Письмо въ Редакцію.—КН. ДМ. ДРУЦКОГО-СОКОЛЬНИНСКАГО 351

Иностранное Обозрѣніе.—Убійство русскаго консула въ Битоліи и обостреніе турецкаго кризиса. — Оффиціальныя телеграммы и сообщенія. — Отзывы иностранныхъ газетъ о русскихъ консулахъ и дѣйствительное положеніе нашихъ представителей въ Турціи. — Неудачныя мысли „Гражданина". —Политика на дальнемъ и ближнемъ Востокѣ.—Новый римскій папа.—Смерть лорда Сольсбери 364

Литературное Обозрѣніе.—I. Толковый Словарь живого великорусскаго языка. В. Даля. Третье изд., п. р. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. I. —А. II.—II. Н. А. Огарева-Тучкова. Воспоминанія. 1848-1870.—III. Девятнадцатый вѣкъ. Истор. сборн., издав. почетн. чл. археол. инст. кн. Ѳ. А. Куракинымъ, п. р. В. Н. Смольянинова. Т. I. — IV. Помощь. 2-е изданіе. — V. Б. Гегидзе. Въ университетѣ. Наброски студенческой жизни.—VI. Сѣверные цвѣты. Третій альманахъ книгоизд. „Скорпіонъ". —VII. Мих. Гербановскій. Лепестки.—Евг. Л.—VIII. Н. В. Муравьевъ. Послѣднія рѣчи. IX. Л. Шестовъ. Достоевскій и Нитше.—X. Еврейская Библіотека. Истор.-лит. сборн., т. X. — XI. Риль. Джіордано Бруно. — XII. Н. Линдъ. Мелкая земская единица.—М. Г-анъ. — Новыя книги и брошюры 376

Новости Иностранной Литературы.—Edmond Rostand. Discours de réception à l'Académie Française, le 4 juin 1903; Vicomte de Vogüé,—Réponse au discours de E. Rostand.—З. В. 420

Изъ Общественной Хроники.—Новыя проявленія стариннаго недуга.—Преобразованіе столичнаго общественнаго управленія передъ судомъ ретроградной прессы. — Инструкція о порядкѣ производства въ С.-Петербургѣ городскихъ выборовъ. — Интересная рѣчь. — Вопросъ о „чести мундира".—Дѣло Золотовой.—А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ †. 428

Извѣщенія.—Отъ Совѣта Имп. Женскаго Патріотическаго Общества 447

Библіографическій Листокъ.

Объявленія.—I-IV; I-XII стр.

Книга десятая. — Октябрь.

стр.

Фамильная старина.—Ѳ. Ѳ. ВОРОПОНОВА 449

Шербекскіе выборы. — Разсказъ изъ фламандскихъ нравовъ. — XII-XXVII. — Окончаніе.—Н. СѢВЕРОВА 496

„Мотивъ разлуки".—Овидій—Шекспиръ—Пушкинъ.—I-VII.—Ѳ. ЗѢЛИНСКАГО. 542

Стихотворенія.—I. Подходитъ вечеръ. — II. Тѣ ослѣпительные дни. — А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА. 563

Замокъ счастья.—Романъ.—I-X.—ВАЛЕР. СВѢТЛОВА. 565

Воспоминанія стараго земца.—VI-IX.—П. А. Т. 619

Стихотворенія.—I. Пѣсня.—II. Вечерняя заря.—ВЛАД. МАРКОВА 679

Семейство Будденброковъ.—Эскизъ, по роману: „Buddenbrooks. Verfall einer Familie", Rom. v. Thom. Mann. — З. В. 682

Изъ Франсуа Коппе.—I. Постриженіе.—II. Покинутая комната.—Перев. Н. Б. ХВОСТОВЪ 728

Религіозно-психическія эпидеміи. — Изъ психіатрической экспертизы. — Д-ра П. ЯКОБІЯ. 732

Хроника.—Послѣднее десятилѣтіе нашихъ финансовъ.—В. В. 759

Внутреннее Обозрѣніе.—С. Ю. Витте, какъ государственный дѣятель. — Главные вопросы реформы мѣстнаго управленія: уѣздный начальникъ, губернское земство, губернаторская власть.—Еще о законѣ 2-го іюня: рабочіе, не подходящіе подъ его дѣйствіе;—временной его характеръ;—профессіональныя болѣзни; — размѣръ вознагражденія; — процессуальныя правила.—Похвала, слишкомъ похожая на панегирикъ 776

Иностранное Обозрѣніе. — Посѣщеніе Государемъ Императоромъ австрійскаго императора въ Шенбруннѣ.—„Замѣтка" славянскаго благотворительнаго общества въ Болгаріи о македонскомъ вопросѣ.—Дипломатія великихъ державъ и правительственное сообщеніе. — Печальная роль кабинетовъ относительно Македоніи и Турціи. — Внутренній кризисъ въ Сербіи.—Австрійскія дѣла.—Правительственныя перемѣны въ Англіи. 799

Литературное Обозрѣніе.—I. Къ 75-лѣтію гр. Л. Н. Толстого, П. Драганова.—**А. П.**—II. Гр. Л. Н. Толстой, его жизнь, семья и пр., въ портретахъ, гравюр., и т. д.—III. Сочиненія А. С. Пушкина, редакція П. Ефремова и П. Морозова. — IV. Очерки современной Англіи, Діонео.—V. Путешествіе по Греціи, Евг. Маркова.—VI. Этнографическіе очерки Заряфшанскихъ горъ, А. Семенова.—VII. Вѣщій Олегъ, Болгарія и Македонія.—VIII. Кавказское побережье Чернаго моря, С. Васюкова.—IX. Литературныя характеристики, А. Бороздина. — **Евг. Л.** — X. Законодательство о печати, К. К. Арсеньева. — XI. Г. Тумановъ, Разбои и реформа суда на Кавказѣ.—XII. Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1901 годъ.—XIII. Сборникъ Имп. Русскаго Общества, т. CXV. —**М. Г-анъ.**—Новыя книги и брошюры. 815

Новости Иностранной Литературы.—I. Francesco Invrea, Il comune et la sua funzione sociale. — **М. З—ковъ.** — II. Paul Adam, La Ruse, roman.— **З. В.** 856

Изъ Общественной Хроники. — Слухи о централизаціи учебнаго дѣла.—Министерство финансовъ и школа. — Параллель между двумя министрами.— „Гражданинъ" и „Литературный фондъ".—Инцидентъ на ярославскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ.—Разъясненіе одного спорнаго понятія.—Гомельскіе безпорядки.—Юбилей „Русскихъ Вѣдомостей" 873

Библіографическій Листокъ. — Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, книга 1-я, въ 3-хъ томахъ.—Иллюстрированная исторія русскаго театра, И. Н. Божерянова и Н. Н. Карпова, т. I, вып. 1.—Женщина-домашній врачъ, д-ра мед. Анны Фишеръ-Дюкельманъ.—Семья и ея задачи, съ норвежск. перев. А. и П. Ганзенъ.

Объявленія. — I-IV; I-XII стр.

Журнальный фонд
Тамбовской обл. библиотеки

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга первая: т.т. I, II, III. Изд. Общества для пособія нуждающимся литератор. и ученымъ. Спб. 903. Стр. 731. Ц. 3 р. 50 к., безъ перес.

Н. И. Костомаровъ, занимавшій видное мѣсто въ отечественной исторіографіи послѣдняго вѣка, оставилъ послѣ себя богатое научное наслѣдство; ему, однако, недоставало до сихъ поръ общедоступности: такъ, одинъ историческія монографіи и изслѣдованія покойнаго историка составляли свыше 20 томовъ, цѣною до 60 рублей. Литературный фондъ, по соглашенію съ собственницею литературнаго наслѣдства, весьма кстати потому предпринялъ нынѣ компактное изданіе всѣхъ монографій и изслѣдованій, въ восьми книгахъ, подраздѣленныхъ на томы: такъ, нынѣ вышедшая первая книга содержитъ въ себѣ три тома прежнихъ изданій, а потому и подраздѣляется на три части. Въ составъ этой первой книги вошло около 20 отдѣльныхъ историческихъ изслѣдованій, относящихся къ различнымъ вопросамъ изъ различныхъ эпохъ русской исторіи, какъ, наприм.: „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси“; „О значеніи Великаго Новгорода“; „Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI-мъ вѣкѣ“; „Иванъ Сусанинъ“; „Бунтъ Стеньки Разина“; „По поводу мыслей свѣтскаго человѣка о книгѣ: —Сельское духовенство“; „Куликовская битва“; „Южная Русь въ концѣ XVI-го вѣка“, и пр. Къ первому тому приложены біографическій очеркъ и портретъ автора съ его факсимиле.

Иллюстрированная исторія русскаго театра XIX-го вѣка. И. Н. Божерянова и Н. Н. Карповъ. Т. I, вып. 1. Спб. 1903.

Издатели поставили себѣ главною цѣлью—восполнить недостатокъ у насъ популярной исторіи русскаго театра. Появившійся нынѣ первый выпускъ тома перваго (все изданіе будетъ составлять два тома) состоитъ изъ предпосланнаго обзора постепеннаго развитія и первыхъ успѣховъ театральнаго дѣла у насъ, начиная съ первой половины XVII-го и до конца XVIII-го вѣка; за симъ слѣдуетъ исторія театра въ XIX вѣкѣ, въ трехъ отдѣлахъ: 1) Взглядъ на ходъ и развитіе русскаго театра въ XIX-мъ вѣкѣ; 2) Театральный альбомъ портретовъ сценическихъ дѣятелей; и 3) Біографіи извѣстныхъ артистовъ драмы и оперы. Всѣхъ портретовъ будетъ 350, и въ число ихъ войдутъ и современные артисты здѣшнихъ, московскихъ и провинціальныхъ театровъ. Судя по первому выпуску, изданіе можно назвать вполнѣ роскошнымъ, и по матеріалу, и по выполненію иллюстрацій, которыми весьма богато снабженъ первый выпускъ.

Женщина-домашній врачъ. Настольная книга для женщинъ. Составила д-ръ медиц. Анна Фишеръ-Дюкельманъ. Съ нѣм. перев. д-ръ мед. І. Литинскій. Спб. 903. Стр. 1035, съ 463 рис. въ текстѣ и 96 отдѣльныхъ, съ портрет. автора. Ц. 5 р. Изд. А. Ф. Маркса.

Настоящее изданіе вполнѣ оправдываетъ названіе „настольной книги для женщинъ“; это, можно сказать, женская энциклопедія на всѣ случаи, которые касаются спеціально женской жизни, не только личной, физической, но и семейной, гдѣ женщина является центромъ, какъ супруга и мать. Первая часть заключаетъ въ себѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія объ уходѣ за здоровьемъ, для чего указано строеніе и прослѣжена жизнь человѣческаго организма, съ богатыми иллюстраціями; научно разсмотрѣна половая жизнь человѣка, отъ правильности которой зависитъ долговѣчность или преждевременная старость и смерть. Вторая часть знакомитъ съ главнѣйшими болѣзнями и ея средствами для борьбы съ ними. Третья часть озаглавлена: „Мать и дитя“, и соотвѣтственно тому заключаетъ всѣ необходимѣйшія свѣдѣнія, относящіяся къ главнѣйшему періоду жизни замужней женщины въ эпоху беременности, рожденія ребенка и ухода за новорожденными. Помимо дополненій къ переводу, сдѣланныхъ редакторомъ его и обусловливаемыхъ нѣкоторыми особенностями нашего быта, къ книгѣ присоединены статьи о нашихъ курортахъ, климатическихъ станціяхъ, водахъ, санаторіяхъ, кумысѣ. Самое изданіе выполнено чрезвычайно роскошно, а многочисленные рисунки дополняютъ и поясняютъ текстъ; но, къ сожалѣнію, это послѣднее обстоятельство удорожаетъ самое изданіе и дѣлаетъ его не столь доступнымъ для большинства, какъ то слѣдовало бы желать въ виду чрезвычайной пользы, какую могла бы принести подобная книга.

Семья и ея задачи. Книга для родителей и воспитателей, составленная друзьями дѣтей, п. р. Акселя Арсталя. Перевели съ норвеж. А. и П. Ганзенъ. Спб. 903. Стр. 461. Ц. 2 р. Изд. А. Ф. Маркса.

Настоящую книгу собственно можно назвать, по ея предмету, продолженіемъ предъидущей: это также энциклопедія, въ которой прослѣжена жизнь ребенка, начиная съ момента пробужденія въ немъ сознанія до начала самостоятельнаго вступленія въ жизнь, по выходѣ изъ семьи и по прохожденіи имъ школы, по всѣмъ ея ступенямъ. Редакторъ этого сборника, Аксель Арсталь, справедливо говоритъ, что „нашъ XX-ый вѣкъ уже окрещенъ „вѣкомъ дѣтей“. Несомнѣнно, что заботы о благѣ дѣтей никогда не проявлялись съ такой силой и не были распространены, какъ въ нашъ вѣкъ. И въ то же время всѣ заинтересованные воспитаніемъ дѣтей сознаютъ, что положеніе ихъ, какъ воспитателей, становится все труднѣе и труднѣе... „Вотъ потому,—говоритъ составитель книги,—цѣль нашего труда—освѣтить вопросы, которые семья ставятъ всѣмъ серьезнымъ, разумнымъ родителямъ и воспитателямъ... и помочь имъ развить въ дѣтяхъ способность съ успѣхомъ бороться съ предстоящими имъ въ жизни затрудненіями“. Переводчикъ дополнилъ, разработалъ и приспособилъ для нашихъ читателей эту, во всякомъ случаѣ, весьма полезную и у насъ книгу, представляющую цѣлый рядъ опытовъ и наблюденій изъ жизни подростающихъ поколѣній.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1904 г.
(Тридцать-девятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою . . . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе“ Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.